

Михаиль Аѳанасьевичъ Булгаковъ

Мастеръ и Маргарита

Текстъ изданія переложень на
русскую дореформенную орѳографію

Санктъ-Петербургъ

2024

Дорогіє друзя, братья и сестры!

Представляемъ вамъ романъ Михаила Аванасьевича Булгакова «Мастеръ и Маргарита», исходный текстъ котораго переложень на русскую дореформенную орфографію.

Работа надъ романомъ началась въ декабрь 1928 года и продолжалась вплоть до смерти писателя въ мартъ 1940 года. Произведение относится къ незавершеннымъ работамъ; редактирование и сведение воедино черновыхъ записей осуществляла послѣ смерти мужа вдова писателя. Первая версія романа, имѣвшая названія «Копыто инженера», «Черный магъ» и другіе, была уничтожена Булгаковымъ въ 1930 году. Окончательное названіе — «Мастеръ и Маргарита» — появилось въ 1937 году.

Авторъ рассказываетъ въ романѣ о вѣрности и предательствѣ, святости и грѣхахъ и о многомъ другомъ. По поводу содержанія романа имѣется множество мнѣній. Напримѣръ, кто-то считаетъ главными его героями человѣка по прозвищу «мастеръ» съ его возлюбленной — Маргаритой, а кто-то Воланда, въ лицѣ котораго намъ предстаётъ никто иной, какъ сатана. Въ связи съ этимъ одни критики говорятъ о явно антихристіанской направленности произведенія, а другіе, напротивъ, считаютъ, что по прочтеніи читатель логически неизбежно обязанъ передъ своей совѣстью встать на путь поиска Бога, на путь богопознанія.

Трудно опредѣлить, какъ бы отнесся Михайль Аванасьевичъ къ нашей работѣ по переложенію текста его романа на дореформенную орфографію. Но будемъ надѣяться, что положительно, исходя изъ слѣдующаго. Въ своемъ дневникѣ отъ 11-го іюля (28-го іюня) 1923 года онъ критикуетъ посланіе патріарха Тихона, въ которомъ тотъ «отрекается отъ своего заблужденія по отношенію къ

Сов[ѣтской] власти, объявляетъ, что онъ больше не врагъ ей и т.д... Смысль: совѣтской власти онъ другъ, бѣлогвардейцевъ осуждаетъ, но живую церковь также осуждаетъ. Никакихъ реформъ въ церкви, за исключеніемъ новой орѳографіи и стиля. Невѣроятная склока теперь въ Церкви. Живая церковь бѣснуется...»

Въ качествѣ исходнаго текста романа приняты сходные другъ съ другомъ варианты, опубликованные въ Интернетѣ на различныхъ ресурсахъ, а въ качествѣ иллюстрацій – рисунки, также находящіеся въ свободномъ доступѣ.

Ввиду того, что наше изданіе выполнено не на профессиональномъ, а на любительскомъ уровнѣ, въ связи съ чѣмъ въ текстѣ могутъ быть замѣчены ошибки переложенія, привѣтствуются замѣчанія на контактныя данныя, указанные въ концѣ изданія.

Что касается возможныхъ претензій со стороны правообладателей романа М.А. Булгакова «Мастеръ и Маргарита», то настоящимъ заявляемъ, что данное переизданіе не преслѣдуетъ никакой матеріальной выгоды и распространяется безвозмездно въ электронномъ видѣ. Также не устанавливается никакого авторскаго права на текстъ переложенія произведенія на русскую дореформенную орѳографію.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

Михаилъ Булгаковъ
Мастеръ и Маргарита
Москва 1984

Текстъ печатается въ послѣдней прижизненной редакціи (рукописи хранятся въ рукописномъ отдѣлѣ Государственной библіотеки СССР имени В. И. Ленина), а также съ исправленіями и дополненіями, сдѣланными подъ диктовку писателя его женой, Е. С. Булгаковой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Такъ кто жъ ты, наконецъ?
— Я — часть той силы,
что вѣчно хочетъ
зла и вѣчно совершаетъ благо.
Гете. «Фаустъ»

Глава 1

Никогда не разговаривайте съ неизвѣстными

Однажды весною, въ часъ небывало жаркаго заката, въ Москвѣ, на Патріаршихъ прудахъ, появились два гражданина. Первый изъ нихъ, одѣтый въ лѣтнюю серенькую пару, былъ маленькаго роста, упитанъ, лысъ, свою приличную шляпу пирожкомъ несъ въ рукѣ, а на хорошо выбритомъ лицѣ его помѣщались сверхъестественныхъ размѣровъ очки въ черной роговой оправѣ. Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человѣкъ въ заломленной на затылокъ клѣтчатою кепкѣ — былъ въ ковбойкѣ, жеваныхъ бѣлыхъ брюкахъ и въ черныхъ тапочкахъ.

Первый былъ не кто иной, какъ Михаилъ Александровичъ Берліозъ, предсѣдатель правленія одной изъ крупнѣйшихъ московскихъ литературныхъ ассоціацій, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редакторъ толстаго художественнаго журнала, а молодой спутникъ его — поэтъ Иванъ Николаевичъ Поныревъ, пишущій подъ псевдонимомъ Бездомный.

Попавъ въ тѣнь чуть зеленѣющихъ липъ, писатели первымъ долгомъ бросились къ пестро раскрашенной будочкѣ съ надписью «Пиво и воды».

Да, слѣдуетъ отмѣтить первую странность этого

страшнаго майскаго вечера. Не только у будочки, но и во всей аллеѣ, параллельной Малой Бронной улицѣ, не оказалось ни одного человѣка. Въ тотъ часъ, когда ужъ, кажется, и силъ не было дышать, когда солнце, раскаливъ Москву, въ сухомъ туманѣ валилось куда-то за Садовое кольцо, — никто не пришелъ подъ липы, никто не сѣлъ на скамейку, пуста была аллея.

— Дайте нарзану, — попросилъ Берліозъ.

— Нарзану нѣту, — отвѣтила женщина въ будочкѣ и почему-то обидѣлась.

— Пиво есть? — сильнымъ голосомъ освѣдомился Бездомный.

— Пиво привезутъ къ вечеру, — отвѣтила женщина.

— А что есть? — спросилъ Берліозъ.

— Абрикосовая, только теплая, — сказала женщина.

— Ну, давайте, давайте, давайте!..

Абрикосовая дала обильную желтую пѣну, и въ воздухѣ запахло парикмахерской. Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и усѣлись на скамейкѣ лицомъ къ пруду и спиной къ Бронной.

Тутъ приключилась вторая странность, касающаяся одного Берліоза. Онъ внезапно пересталъ икать, сердце его стукнуло и на мгновеньѣ куда-то провалилось, потомъ вернулось, но съ тупой иглой, засѣвшей въ немъ. Кромѣ того, Берліоза охватилъ необоснованный, но столь сильный страхъ, что ему захотѣлось тотчасъ же бѣжать съ Патріаршихъ безъ оглядки. Берліозъ тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Онъ поблѣднѣлъ, вытеръ лобъ платкомъ, подумалъ: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалить... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все къ черту и въ Кисловодскъ...»

И тутъ знойный воздухъ сгустился передъ нимъ, и соткался изъ этого воздуха прозрачный гражданинъ престраннаго вида. На маленькой головкѣ жокейскій картузикъ, клѣтчатый кургузый воздушный же пиджачокъ... Гражданинъ ростомъ въ сажень, но въ плечахъ узокъ, худъ неимоверно, и физиономія, прощу замѣтить, глумливая.

Жизнь Берліоза складывалась такъ, что къ необыкновеннымъ явленіямъ онъ не привыкъ. Еще болѣе поблѣднѣвъ, онъ вытаращилъ глаза и въ смятеніи подумалъ: «Этого не можетъ быть!..»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь котораго видно, гражданинъ, не касаясь земли, качался передъ нимъ и влѣво и вправо.

Тутъ ужасъ до того овладѣлъ Берліозомъ, что онъ закрылъ глаза. А когда онъ ихъ открылъ, увидѣлъ, что все кончилось, марево растворилось, клѣтчатый исчезъ, а заодно и тупая игла выскочила изъ сердца.

— Фу ты чертъ! — воскликнулъ редакторъ, — ты знаешь, Иванъ, у меня сейчасъ едва ударъ отъ жары не сдѣлался! Даже что-то вродѣ галлюцинаціи было, — онъ попытался усмѣхнуться, но въ глазахъ его еще прыгала тревога, и руки дрожали.

Однако постепенно онъ успокоился, обмахнулся платкомъ и, произнеся довольно бодро: «Ну-съ, итакъ...» — повелъ рѣчь, прерванную питьемъ абрикосовой.

Рѣчь эта, какъ впоследствии узнали, шла объ Иисусѣ Христѣ. Дѣло въ томъ, что редакторъ заказалъ поэту для очередной книжки журнала большую антирелигіозную поэму. Эту поэму Иванъ Николаевичъ сочинилъ, и въ очень короткій срокъ, но, къ сожалѣнію, ею редактора нисколько не удовлетворилъ. Очертилъ Бездомный главное дѣйствующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тѣмъ не менѣе всю поэму приходилось, по мнѣнію редактора, писать

заново. И вотъ теперь редакторъ читаль поэту нѣчто вроде лекціи объ Иисусѣ, съ тѣмъ чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство съ вопросомъ, по которому онъ собирался писать, — но Иисусъ въ его изображеніи получился ну совершенно какъ живой, хотя и не привлекающій къ себѣ персонажъ. Берліозъ же хотѣлъ доказать поэту, что главное не въ томъ, каковъ былъ Иисусъ, плохъ ли, хорошъ ли, а въ томъ, что Иисуса-то этого, какъ личности, вовсе не существовало на свѣтѣ и что всѣ рассказы о немъ — простыя выдумки, самый обыкновенный миѳъ.

Надо замѣтить, что редакторъ былъ человѣкомъ начитаннымъ и очень умѣло указывалъ въ своей рѣчи на древнихъ историковъ, напримѣръ, на знаменитаго Филона Александрійскаго, на блестяще образованнаго Иосифа Флавія, никогда ни словомъ не упоминавшихъ о существованіи Иисуса. Обнаруживая солидную эрудицію, Михаилъ Александровичъ сообщилъ поэту, между прочимъ, и о томъ, что то мѣсто въ 15-й книгѣ, въ главѣ 44-й знаменитыхъ Тацитовыхъ «Анналовъ», гдѣ говорится о казни Иисуса, — есть не что иное, какъ позднѣйшая поддѣльная вставка.

Поэтъ, для котораго все, сообщаемое редакторомъ, являлось новостью, внимательно слушалъ Михаила Александровича, уставивъ на него свои бойкіе зеленые глаза, и лишь изрѣдка икалъ, шепотомъ ругая абрикосовую воду.

— Нѣтъ ни одной восточной религіи, — говорилъ Берліозъ, — въ которой, какъ правило непорочная дѣва не произвела бы на свѣтъ Бога. И христіане, не выдумавъ ничего новаго, точно такъ же создали своего Иисуса, котораго на самомъ дѣлѣ никогда

не было въ живыхъ. Вотъ на это-то и нужно сдѣлать главный упоръ...

Высокій теноръ Берліоза разносился въ пустынной аллеѣ, и по мѣрѣ того, какъ Михайль Александровичъ забирался въ дебри, въ которыя можетъ забираться, не рискуя свернуть себѣ шею, лишь очень образованный человѣкъ, — поэтъ узнавалъ все больше и больше интереснаго и полезнаго и про египетскаго Озириса, благостнаго бога и сына Неба и Земли, и про финикійскаго бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менѣе извѣстнаго грознаго бога Вицлипуцли, котораго весьма почитали нѣкогда ацтеки въ Мексикѣ.

И вотъ какъ разъ въ то время, когда Михайль Александровичъ рассказывалъ поэту о томъ, какъ ацтеки лѣпили изъ тѣста фигурку Вицлипуцли, въ аллеѣ показался первый человѣкъ.

Впослѣдствіи, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разныя учрежденія представили свои сводки съ описаніемъ этого человѣка. Сличеніе ихъ не можетъ не вызвать изумленія. Такъ, въ первой изъ нихъ сказано, что человѣкъ этотъ былъ маленькаго роста, зубы имѣлъ золотые и хромалъ на правую ногу. Во второй — что человѣкъ былъ росту громаднаго, коронки имѣлъ платиновыя, хромалъ на лѣвую ногу. Третья лаконически сообщаетъ, что особыхъ приметъ у человѣка не было.

Приходится признать, что ни одна изъ этихъ сводокъ никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромалъ, и росту былъ не маленькаго и не громаднаго, а просто высокаго. Что касается зубовъ, то съ лѣвой стороны у него были платиновыя коронки, а съ правой — золотыя. Онъ былъ въ дорогомъ сѣромъ костюмѣ, въ заграничныхъ, въ цвѣтъ костюма, туфляхъ. Сѣрый беретъ онъ лихо заломилъ на ухо, подъ мышкой несъ

трость съ чернымъ набалдашникомъ въ видѣ головы пуделя. По виду — лѣтъ сорока съ лишнимъ. Ротъ какой-то кривой. Выбрить гладко. Брюнетъ. Правый глазъ черный, лѣвый почему-то зеленый. Брови черныя, но одна выше другой. Словомъ — иностранецъ.

Пройдя мимо скамьи, на которой помѣщались редакторъ и поэтъ, иностранецъ покосился на нихъ, остановился и вдругъ усѣлся на сосѣдней скамейкѣ, въ двухъ шагахъ отъ пріятелей.

«Нѣмецъ», — подумалъ Берліозъ.

«Англичанинъ, — подумалъ Бездомный, — ишь, и не жарко ему въ перчаткахъ».

А иностранецъ окинулъ взглядомъ высокіе дома, квадратомъ окаймлявшіе прудъ, причемъ замѣтно стало, что видитъ это мѣсто онъ впервые и что оно его заинтересовало.

Онъ остановилъ свой взоръ на верхнихъ этажахъ, ослѣпительно отражающихъ въ стеклахъ изломанное и навсегда уходящее отъ Михаила Александровича солнце, затѣмъ перевелъ его внизъ, гдѣ стекла начали предвечерне темнѣть, чему-то снисходительно усмѣхнулся, прищурился, руки положилъ на набалдашникъ, а подбородокъ на руки.

— Ты, Иванъ, — говорилъ Берліозъ, — очень хорошо и сатирически изобразилъ, напримѣръ, рожденіе Иисуса, сына Божія, но соль-то въ томъ, что еще до Иисуса родился еще рядъ сыновъ Божіихъ, какъ, скажемъ, фригійскій Аттисъ, коротко же говоря, ни одинъ изъ нихъ не рождался и никого не было, въ томъ числѣ и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вмѣсто рожденія и, скажемъ, прихода волхвовъ, описалъ нелепые слухи объ этомъ рожденіи... А то выходитъ по твоему разсказу, что онъ дѣйствительно родился!..

Тутъ Бездомный сдѣлалъ попытку прекратить замучившую его икоту, задержавъ дыханіе, отчего

икнулъ мучительнѣе и громче, и въ этотъ же моментъ Берліозъ прервалъ свою рѣчь, потому что иностранецъ вдругъ поднялся и направился къ писателямъ.

Тѣ поглядѣли на него удивленно.

— Извините меня, пожалуйста, — заговорилъ подошедшій съ иностраннымъ акцентомъ, но не коверкая словъ, — что я, не будучи знакомъ, позволяю себѣ... но предметъ вашей ученой бесѣды настолько интересенъ, что...

Тутъ онъ вѣжливо снялъ беретъ, и друзьямъ ничего не оставалось, какъ приподняться и раскланяться.

«Нѣтъ, скорѣе французъ...» — подумалъ Берліозъ.

«Полякъ?..» — подумалъ Бездомный.

Необходимо добавить, что на поэта иностранецъ съ первыхъ же словъ произвелъ отвратительное впечатлѣніе, а Берліозу скорѣе понравился, то есть не то чтобы понравился, а... какъ бы выразиться... заинтересовалъ, что ли.

— Разрѣшите мнѣ присѣсть? — вѣжливо попросилъ иностранецъ, и пріатели какъ-то невольно раздвинулись; иностранецъ ловко усѣлся между ними и тотчасъ вступилъ въ разговоръ.

— Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свѣтѣ? — спросилъ иностранецъ, обращая къ Берліозу свой лѣвый зеленый глазъ.

— Нѣтъ, вы не ослышались, — учтиво отвѣтилъ Берліозъ, — именно это я и говорилъ.

— Ахъ, какъ интересно! — воскликнулъ иностранецъ.

«А какого черта ему надо?» — подумалъ Бездомный и нахмурился.

— А вы соглашались съ вашимъ собесѣдникомъ?
— освѣдомился неизвѣстный, повернувшись вправо къ Бездомному.

— На всѣ сто! — подтвердилъ тотъ, любя выражаться вычурно и фигурально.

— Изумительно! — воскликнулъ непрошенный собесѣдникъ и, почему-то воровски оглянувшись и приглушивъ свой низкій голосъ, сказалъ: — Простите мою навязчивость, но я такъ понялъ, что вы, помимо всего прочаго, еще и не вѣрите въ Бога? — онъ сдѣлалъ испуганные глаза и прибавилъ: — Клянусь, я никому не скажу.

— Да, мы не вѣримъ въ Бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, отвѣтилъ Берліозъ. — Но объ этомъ можно говорить совершенно свободно.

Иностранецъ откинулся на спинку скамейки и спросилъ, даже привизгнувъ отъ любопытства:

— Вы — атеисты?!

— Да, мы — атеисты, — улыбаясь, отвѣтилъ Берліозъ, а Бездомный подумалъ, разсердившись: «Вотъ прицѣпился, заграничный гусь!»

— Охъ, какая прелесть! — вскричалъ удивительный иностранецъ и завертѣлъ головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

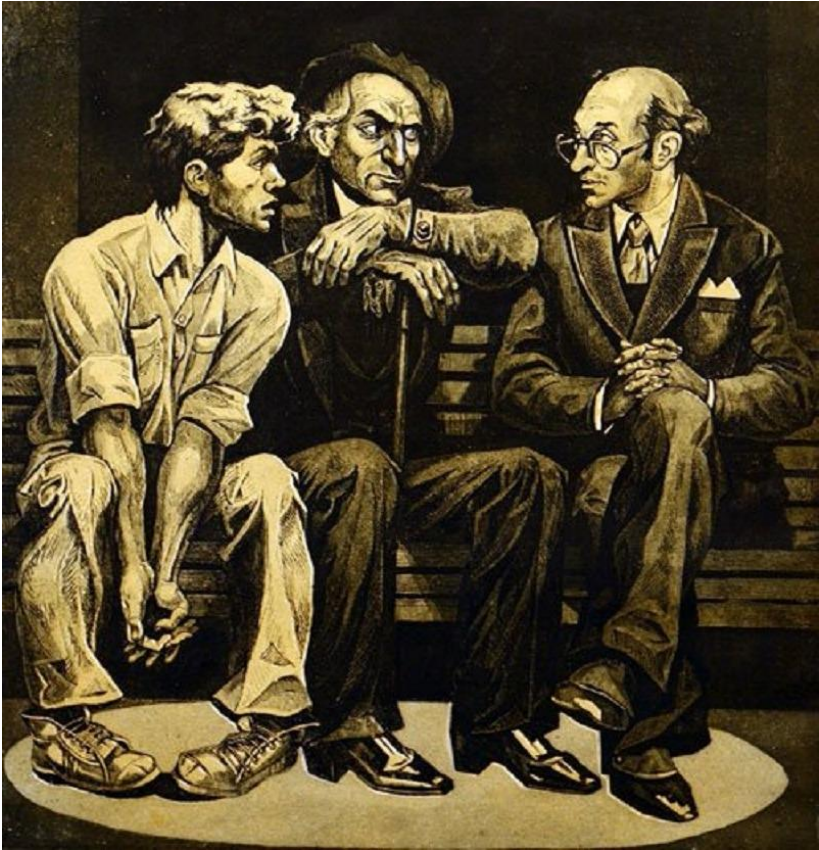
— Въ нашей странѣ атеизмъ никого не удивляетъ, — дипломатически вѣжливо сказалъ Берліозъ, — большинство нашего населенія сознательно и давно перестало вѣрить сказкамъ о Богѣ.

Тутъ иностранецъ откололъ такую штуку: всталъ и пожалъ изумленному редактору руку, произнеся при этомъ слова:

— Позвольте васъ поблагодарить отъ всей души!

— За что это вы его благодарите? — заморгавъ, освѣдомился Бездомный.

— За очень важное свѣдѣніе, которое мнѣ, какъ

Ефименко В. Никогда не разговаривайте съ неизвѣстными

путешественнику, чрезвычайно интересно, — многозначительно поднявъ палець, пояснилъ заграничный чудакъ.

Важное свѣдѣніе, по-видимому, дѣйствительно произвело на путешественника сильное впечатлѣніе, потому что онъ испуганно обвелъ глазами дома, какъ бы опасаясь въ каждомъ окнѣ увидѣть по атеисту.

«Нѣтъ, онъ не англичанинъ...» — подумалъ Берлюозъ, а Бездомный подумалъ: «Гдѣ это онъ такъ

наловчился говорить по-русски, вотъ что интересно!» — и опять нахмурился.

— Но, позвольте васъ спросить, — послѣ тревожнаго раздумья спросилъ заграничный гость, — какъ же быть съ доказательствами бытія Божія, коихъ, какъ извѣстно, существуетъ ровно пять?

— Увы! — съ сожалѣніемъ отвѣтилъ Берліозъ, — ни одно изъ этихъ доказательствъ ничего не стоитъ, и человѣчество давно сдало ихъ въ архивъ. Вѣдь согласитесь, что въ области разума никакого доказательства существованія Бога быть не можетъ.

— Bravo! — вскричалъ иностранецъ, — bravo! Вы полностью повторили мысль безпокойнаго старика Иммануила по этому поводу. Но вотъ курьезъ: онъ начисто разрушилъ всѣ пять доказательствъ, а затѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ самимъ собою, соорудилъ собственное шестое доказательство!

— Доказательство Канта, — тонко улыбнувшись, возразилъ образованный редакторъ, — также неубѣдительно. И недаромъ Шиллеръ говорилъ, что кантовскія разсужденія по этому вопросу могутъ удовлетворить только рабовъ, а Штраусъ просто смѣялся надъ этимъ доказательствомъ.

Берліозъ говорилъ, а самъ въ это время думалъ: «Но, все-таки, кто же онъ такой? И почему такъ хорошо говорить по-русски?»

— Взять бы этого Канта, да за такіе доказательства года на три въ Соловки! — совершенно неожиданно бухнулъ Иванъ Николаевичъ.

— Иванъ! — сконфузившись, шепнулъ Берліозъ.

Но предложеніе отправить Канта въ Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело въ восторгъ.

— Именно, именно, — закричалъ онъ, и лѣвый зеленый глазъ его, обращенный къ Берліозу, засверкалъ,

— ему тамъ самое мѣсто! Вѣдь говорилъ я ему тогда за завтракомъ: «Вы, профессоръ, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, можетъ, и умно, но больно непонятно. Надъ вами потѣшаться будутъ».

Берліозъ выпучилъ глаза. «За завтракомъ... Канту?.. Что это онъ плететь?» — подумалъ онъ.

— Но, — продолжалъ иноземець, не смущаясь изумленіемъ Берліоза и обращаясь къ поэту, — отправить его въ Соловки невозможно по той причинѣ, что онъ уже съ лишкомъ сто лѣтъ пребываетъ въ мѣстахъ значительно болѣе отдаленныхъ, чѣмъ Соловки, и извлечь его оттуда никоимъ образомъ нельзя, увѣрю васъ!

— А жаль! — отозвался задира-поэтъ.

— И мнѣ жаль! — подтвердилъ неизвѣстный, сверкая глазомъ, и продолжалъ: — Но вотъ какой вопросъ меня беспокоитъ: ежели Бога нѣтъ, то, спрашивается, кто же управляетъ жизнью человѣческой и всѣмъ вообще порядкомъ на землѣ?

— Самъ человѣкъ и управляетъ, — поспѣшилъ сердито отвѣтить Бездомный на этотъ, признаться, не очень ясный вопросъ.

— Виноватъ, — мягко отозвался неизвѣстный, — для того, чтобы управлять, нужно, какъ-никакъ, имѣть точный планъ на нѣкоторый, хоть сколько-нибудь приличный срокъ. Позвольте же васъ спросить, какъ же можетъ управлять человѣкъ, если онъ не только лишенъ возможности составить какой-нибудь планъ хотя бы на смѣхотворно короткій срокъ, ну, лѣтъ, скажемъ, въ тысячу, но не можетъ ручаться даже за свой собственный завтрашній день? И, въ самомъ дѣлѣ, — тутъ неизвѣстный повернулся къ Берліозу, — вообразите, что вы, напримѣръ, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, такъ сказать, входитъ во вкусъ, и вдругъ у васъ... кхе... кхе... саркома

легкаго... — тутъ иностранецъ сладко усмѣхнулся, какъ будто мысль о саркомѣ легкаго доставила ему удовольствіе, — да, саркома, — жмурясь, какъ котъ, повторилъ онъ звучное слово, — и вотъ ваше управленіе закончилось! Ничья судьба, кромѣ своей собственной, васъ болѣе не интересуеть. Родные вамъ начинаютъ лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь къ ученымъ врачамъ, затѣмъ къ шарлатанамъ, а бываетъ, и къ гадалкамъ. Какъ первое и второе, такъ и третье — совершенно безсмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тотъ, кто еще недавно полагалъ, что онъ чѣмъ-то управляетъ, оказывается вдругъ лежащимъ неподвижно въ деревянномъ ящикѣ, и окружающіе, понимая, что толку отъ лежащаго нѣтъ болѣе никакого, сжигаютъ его въ печи. А бываетъ и еще хуже: только что человѣкъ соберется съѣздить въ Кисловодскъ, — тутъ иностранецъ прищурился на Берліоза, — пустяковое, казалось бы, дѣло, но и этого совершить не можетъ, потому что неизвѣстно почему вдругъ возьметъ — поскользнется и попадетъ подъ трамвай! Неужели вы скажете, что это онъ самъ собою управилъ такъ? Не правильнѣе ли думать, что управился съ нимъ кто-то совсѣмъ другой? — и здѣсь незнакомецъ разсмѣялся страннымъ смѣшкомъ.

Берліозъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ непріятный разговоръ про саркому и трамвай, и какіе-то тревожныя мысли начали мучить его. «Онъ не иностранецъ! Онъ не иностранецъ! — думалъ онъ, — онъ престранный субъектъ... Но позвольте, кто же онъ такой?»

— Вы хотите курить, какъ я вижу? — неожиданно обратился къ Бездомному неизвѣстный, — вы какіе предпочитаете?

— А у васъ разныя, что ли, есть? — мрачно спросилъ поэтъ, у котораго папиросы кончились.

— Какіе предпочитаете? — повторилъ неизвѣстный.

— Ну, «Нашу марку», — злобно отвѣтилъ Бездомный.

Незнакомецъ немедленно вытащилъ изъ кармана портсигаръ и предложилъ его Бездомному:

— «Наша марка».

И редактора и поэта не столько поразило то, что нашлась въ портсигарѣ именно «Наша марка», сколько самъ портсигаръ. Онъ былъ громаднхъ размѣровъ, червоннаго золота, и на крышкѣ его при открываніи сверкнулъ синимъ и бѣлымъ огнемъ брилліантовый треугольникъ.

Тутъ литераторы подумали разное. Берліозъ: «Нѣтъ, иностранецъ!», а Бездомный: «Вотъ чертъ его возьми! А?»

Поэтъ и владѣлецъ портсигара закурили, а некурящій Берліозъ отказался.

«Надо будетъ ему возразить такъ, — рѣшилъ Берліозъ, — да, человѣкъ смертенъ, никто противъ этого и не спорить. А дѣло въ томъ, что...»

Однако онъ не успѣлъ выговорить этихъ словъ, какъ заговорилъ иностранецъ:

— Да, человѣкъ смертенъ, но это было бы еще полбѣды. Плохо то, что онъ иногда внезапно смертенъ, вотъ въ чемъ фокусъ! И вообще не можетъ сказать, что онъ будетъ дѣлать въ сегодняшній вечеръ.

«Какая-то нелепая постановка вопроса...» — помыслилъ Берліозъ и возразилъ:

— Ну, здѣсь ужъ есть преувеличеніе. Сегодняшній вечеръ мнѣ извѣстенъ болѣе или менѣе точно. Само собой разумѣется, что, если на Бронной мнѣ свалится на голову кирпичъ...

— Кирпичъ ни съ того ни съ сего, — внушительно перебилъ неизвѣстный, — никому и

никогда на голову не свалится. Въ частности же, увѣрю васъ, вамъ онъ ни въ коемъ случаѣ не угрожаетъ. Вы умрете другой смертью.

— Можетъ быть, вы знаете, какой именно? — съ совершенно естественной ироніей освѣдомился Берліозъ, вовлекаясь въ какой-то дѣйствительно нелѣпый разговоръ, — и скажете мнѣ?

— Охотно, — отозвался незнакомецъ. Онъ смѣрилъ Берліоза взглядомъ, какъ будто собирался сшить ему костюмъ, сквозь зубы пробормоталъ что-то вродѣ: «Разъ, два... Меркурій во второмъ домѣ... луна ушла... шесть — несчастье... вечеръ — семь...» — и громко и радостно объявилъ: — Вамъ отрѣжутъ голову!

Бездомный дико и злобно вытаращилъ глаза на развязнаго неизвѣстнаго, а Берліозъ спросилъ, криво усмѣхнувшись:

— А кто именно? Враги? Интервенты?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ собесѣдникъ, — русская женщина, комсомолка.

— Гмъ... — промычалъ раздраженный шуточкой неизвѣстнаго Берліозъ, — ну, это, извините, маловѣроятно.

— Прошу и меня извинить, — отвѣтилъ иностранецъ, — но это такъ. Да, мнѣ хотѣлось бы спросить васъ, что вы будете дѣлать сегодня вечеромъ, если это не секретъ?

— Секрета нѣтъ. Сейчасъ я зайду къ себѣ на Садовую, а потомъ въ десять часовъ вечера въ МАССОЛИТЪ состоится засѣданіе, и я буду на немъ предсѣдательствовать.

— Нѣтъ, этого быть никакъ не можетъ, — твердо возразилъ иностранецъ.

— Это почему?

— Потому, — отвѣтилъ иностранецъ и прищуренными глазами поглядѣлъ въ небо, гдѣ,

предчувствуя вечернюю прохладу, безшумно чертили черныя птицы, — что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Такъ что засѣданіе не состоится.

Тутъ, какъ вполнѣ понятно, подъ липами наступило молчаніе.

— Простите, — послѣ паузы заговорилъ Берліозъ, поглядывая на мелющаго чепуху иностранца, — при чемъ здѣсь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

— Подсолнечное масло здѣсь вотъ при чемъ, — вдругъ заговорилъ Бездомный, очевидно, рѣшивъ объявить незванному собесѣднику войну, — вамъ не приходилось, гражданинъ, бывать когда-нибудь въ лѣчебницѣ для душевнобольныхъ?

— Иванъ!.. — тихо воскликнулъ Михаилъ Александровичъ.

Но иностранецъ ничуть не обидѣлся и превесело разсмѣялся.

— Бывалъ, бывалъ и не разъ! — вскричалъ онъ, смѣясь, но не сводя несмѣющагося глаза съ поэта, — гдѣ я только не бывалъ! Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофренія. Такъ что вы ужъ сами узнайте это у него, Иванъ Николаевичъ!

— Откуда вы знаете, какъ меня зовутъ?

— Помилуйте, Иванъ Николаевичъ, кто же васъ не знаетъ? — здѣсь иностранецъ вытащилъ изъ кармана вчерашній номеръ «Литературной газеты», и Иванъ Николаевичъ увидѣлъ на первой же страницѣ свое изображеніе, а подъ нимъ свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этотъ разъ ничуть не обрадовало поэта.

— Я извиняюсь, — сказалъ онъ, и лицо его потемнѣло, — вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару словъ сказать.

— О, съ удовольствіемъ! — воскликнулъ неизвѣстный, — здѣсь такъ хорошо подъ липами, а я, кстати, никуда и не спѣшу.

— Вотъ что, Миша, — зашепталъ поэтъ, оттащивъ Берліоза въ сторону, — онъ никакой не интуристъ, а шпионъ. Это русскій эмигрантъ, перебравшійся къ намъ. Спрашивай у него документы, а то уйдетъ...

— Ты думаешь? — встревоженно шепнулъ Берліозъ, а самъ подумалъ: «А вѣдь онъ правъ!»

— Ужъ ты мнѣ вѣрь, — засипѣлъ ему въ ухо поэтъ, — онъ дурачкомъ прикидывается, чтобы выспросить кое-что. Ты слышишь, какъ онъ по-русски говорить, — поэтъ говорилъ и косился, слѣдя, чтобы неизвѣстный не удралъ, — идемъ, задержимъ его, а то уйдетъ...

И поэтъ за руку потянулъ Берліоза къ скамейкѣ.

Незнакомецъ не сидѣлъ, а стоялъ возлѣ нея, держа въ рукахъ какую-то книжечку въ темно-сѣромъ переплетѣ, плотный конвертъ хорошей бумаги и визитную карточку.

— Извините меня, что я въ пылу нашего спора забылъ представить себя вамъ. Вотъ моя карточка, паспортъ и приглашеніе пріѣхать въ Москву для консультаціи, — вѣско проговорилъ неизвѣстный, проницательно глядя на обоихъ литераторовъ.

Тѣ сконфузились. «Чертъ, все слышалъ,» — подумалъ Берліозъ и вѣжливымъ жестомъ показалъ, что въ предъявленіи документовъ нѣтъ надобности. Пока иностранецъ совалъ ихъ редактору, поэтъ успѣлъ разглядѣть на карточкѣ напечатанное иностранными буквами слово «профессоръ» и начальную букву фамиліи — двойное «В».

— Очень приятно, — тѣмъ временемъ смущенно бормоталъ редакторъ, и иностранецъ спряталъ документы въ карманъ.

Отношенія такимъ образомъ были возстановлены, и всѣ трое снова сѣли на скамью.

— Вы въ качествѣ консультанта приглашены къ намъ, профессоръ? — спросилъ Берліозъ.

— Да, консультантомъ.

— Вы — нѣмецъ? — освѣдомился Бездомный.

— Я-то?.. — Переспросилъ профессоръ и вдругъ задумался. — Да, пожалуй, нѣмецъ... — сказалъ онъ.

— Вы по-русски здорово говорите, — замѣтилъ Бездомный.

— О, я вообще полиглотъ и знаю очень большое количество языковъ, — отвѣтилъ профессоръ.

— А у васъ какая спеціальность? — освѣдомился Берліозъ.

— Я — спеціалистъ по черной магіи.

«На тебѣ!» — стукнуло въ головѣ у Михаила Александровича.

— И... и васъ по этой спеціальности пригласили къ намъ? — заикнувшись спросилъ онъ.

— Да, по этой пригласили, — подтвердилъ профессоръ и пояснилъ: — Тутъ въ государственной библіотекѣ обнаружены подлинныя рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого вѣка, такъ вотъ требуется, чтобы я ихъ разобралъ. Я единственный въ мірѣ спеціалистъ.

— А-а! Вы историкъ? — съ большимъ облегченіемъ и уваженіемъ спросилъ Берліозъ.

— Я — историкъ, — подтвердилъ ученый и добавилъ ни къ селу ни къ городу: — Сегодня вечеромъ на Патріаршихъ прудахъ будетъ интересная исторія!

И опять крайне удивились и редакторъ и поэтъ, а профессоръ поманилъ обоихъ къ себѣ и, когда они наклонились къ нему, прошепталъ:

— Имѣйте въ виду, что Иисусъ существовалъ.

— Видите ли, профессоръ, — принужденно улыбнувшись, отозвался Берліозъ, — мы уважаемъ ваши большія знанія, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрѣнія.

— А не надо никакихъ точекъ зрѣнія! — отвѣтилъ странный профессоръ, — просто онъ существовалъ, и больше ничего.

— Но требуется же какое-нибудь доказательство... — началъ Берліозъ.

— И доказательствъ никакихъ не требуется, — отвѣтилъ профессоръ и заговорилъ негромко, причемъ его акцентъ почему-то пропалъ: — Все просто: въ бѣломъ плащѣ...

Глава 2

Понтій Пилать

Въ бѣломъ плащѣ съ кровавымъ подбоемъ, шаркающей кавалерійской походкой, раннимъ утромъ четырнадцатаго числа весенняго мѣсяца нисана въ крытую колоннаду между двумя крыльями дворца ирода великаго вышелъ прокураторъ Іудеи Понтій Пилать.

Болѣе всего на свѣтѣ прокураторъ ненавидѣлъ запахъ розоваго масла, и все теперь предвѣщало нехорошій день, такъ какъ запахъ этотъ началъ преслѣдовать прокуратора съ разсвѣта. Прокуратору казалось, что розовый запахъ источаютъ кипарисы и пальмы въ саду, что къ запаху кожи и конвоя примѣшивается проклятая розовая струя. Отъ флигелей въ тылу дворца, гдѣ расположилась пришедшая съ прокураторомъ въ Ершалаимъ первая когорта двѣнадцатаго молніеноснаго легіона, заносило дымкомъ въ колоннаду черезъ верхнюю площадку сада, и къ горьковатому дыму, свидѣтельствовавшему о томъ, что кашевары въ кентуріяхъ начали готовить обѣдъ, примѣшивался все тотъ же жирный розовый духъ. О боги, боги, за что вы наказываете меня?

«Да, нѣтъ сомнѣній! Это она, опять она, непобѣдимая, ужасная болѣзнь гемикранія, при которой болить полголовы. Отъ нея нѣтъ средствъ, нѣтъ никакого спасенія. Попробую не двигать головой».

На мозаичномъ полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокураторъ, не глядя ни на кого, сѣлъ въ него и протянулъ руку въ сторону.

Секретарь почтительно вложилъ въ эту руку кусокъ пергамента. Не удержавшись отъ болѣзненной гримасы, прокураторъ искоса, бѣгло проглядѣлъ

написанное, вернулъ пергаментъ секретарю и съ трудомъ проговорилъ:

— Подслѣдственный изъ Галилеи? Къ тетрарху дѣло посылали?

— Да, прокураторъ, — отвѣтилъ секретарь.

— Что же онъ?

— Онъ отказался дать заключеніе по дѣлу и смертный приговоръ Синедріона направилъ на ваше утвержденіе, — объяснилъ секретарь.

Прокураторъ дернулъ щекой и сказалъ тихо:

— Приведите обвиняемаго.

И сейчасъ же съ площадки сада подъ колонны на балконъ двое легіонеровъ ввели и поставили передъ кресломъ прокуратора человѣка лѣтъ двадцати семи. Тотъ человѣкъ былъ одѣтъ въ старенькій и разорванный голубой хитонъ. Голова его была прикрыта бѣлой повязкой съ ремешкомъ вокругъ лба, а руки связаны за спиной. Подъ лѣвымъ глазомъ у человѣка былъ большой синякъ, въ углу рта — ссадина съ запекшейся кровью. Приведенный съ тревожнымъ любопытствомъ глядѣлъ на прокуратора.

Тотъ помолчалъ, потомъ тихо спросилъ по-арамейски:

— Такъ это ты подговаривалъ народъ разрушить Ершалаимскій храмъ?

Прокураторъ при этомъ сидѣлъ какъ каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесеніи словъ. Прокураторъ былъ какъ каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой.

Человѣкъ со связанными руками нѣсколько подался впередъ и началъ говорить:

— Добрый человѣкъ! Повѣрь мнѣ...

Но прокураторъ, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тутъ же перебилъ его:

— Это меня ты называешь добрымъ человѣкомъ? Ты ошибаешься. Въ Ершалаимѣ всѣ шепчуть про меня, что я свирѣпое чудовище, и это совершенно вѣрно, — и такъ же монотонно прибавилъ: — Кентуріона Крысобоя ко мнѣ.

Всѣмъ показалось, что на балконѣ потемнѣло, когда кентуріонъ, командующій особой кентуріей, Маркъ, прозванный Крысобоемъ, предсталъ передъ прокураторомъ.

Крысобой былъ на голову выше самого высокаго изъ солдатъ легіона и настолько широкъ въ плечахъ, что совершенно заслонилъ еще невысокое солнце.

Прокураторъ обратился къ кентуріону полатыни:

— Преступникъ называетъ меня «добрый человѣкъ». Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, какъ надо разговаривать со мной. Но не калѣчить.

И всѣ, кромѣ неподвижнаго прокуратора, проводили взглядомъ Марка Крысобоя, который махнулъ рукою арестованному, показывая, что тотъ долженъ слѣдовать за нимъ.

Крысобоя вообще всѣ провожали взглядами, гдѣ бы онъ ни появлялся, изъ-за его роста, а тѣ, кто видѣлъ его впервые, изъ-за того еще, что лицо кентуріона было изуродовано: носъ его нѣкогда былъ разбитъ ударомъ германской палицы.

Простучали тяжелые сапоги Марка по мозаикѣ, связанный пошелъ за нимъ безшумно, полное молчаніе настало въ колоннадѣ, и слышно было, какъ ворковали голуби на площадкѣ сада у балкона, да еще вода пѣла замысловатую пріятную пѣсню въ фонтанѣ.

Прокуратору захотѣлось подняться, подставить високъ подъ струю и такъ замереть. Но онъ зналъ, что и это ему не поможетъ.

Выведа арестованнаго изъ-подъ колоннъ въ

садъ. Крысобою вынулъ изъ рукъ у легионера, стоявшаго у подножія бронзовой статуи, бичъ и, несильно размахнувшись, ударилъ арестованнаго по плечамъ. Движеніе кентуріона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнулъ наземь, какъ будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухомъ, краска сбѣжала съ его лица и глаза обезсмыслились. Маркъ одною лѣвою рукой, легко, какъ пустой мѣшокъ, вздернулъ на воздухъ упавшаго, поставилъ его на ноги и заговорилъ гнусаво, плохо выговаривая арамейскія слова:

— Римскаго прокуратора называть — игемонъ. Другихъ словъ не говорить. Смирно стоять. Ты понялъ меня или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся, но совладалъ съ собою, краска вернулась, онъ перевелъ дыханіе и отвѣтилъ хрипло:

— Я понялъ тебя. Не бей меня.

Черезъ минуту онъ вновь стоялъ передъ прокураторомъ.

Прозвучалъ тусклый больной голосъ:

— Имя?

— Мое? — торопливо отозвался арестованный, всѣмъ существомъ выражая готовность отвѣчать толково, не вызывать болѣе гнѣва.

Прокураторъ сказалъ негромко:

— Мое — мнѣ извѣстно. Не притворяйся болѣе глупымъ, чѣмъ ты есть. Твое.

— Иешуа, — поспѣшно отвѣтилъ арестантъ.

— Прозвище есть?

— Га-Ноцри.

— Откуда ты родомъ?

— Изъ города Гамалы, — отвѣтилъ арестантъ, головой показывая, что тамъ, гдѣ-то далеко, направо отъ него, на сѣверѣ, есть городъ Гамала.

— Кто ты по крови?

— Я точно не знаю, — живо отвѣтилъ арестованный, — я не помню моихъ родителей. Мнѣ говорили, что мой отецъ былъ сириецъ...

— Гдѣ ты живешь постоянно?

— У меня нѣтъ постоянного жилища, — застѣнчиво отвѣтилъ арестантъ, — я путешествую изъ города въ городъ.

— Это можно выразить короче, однимъ словомъ — бродяга, — сказалъ прокураторъ и спросилъ: — Родные есть?

— Нѣтъ никого. Я одинъ въ мірѣ.

— Знаешь ли грамоту?

— Да.

— Знаешь ли какой-либо языкъ, кромѣ арамейскаго?

— Знаю. Греческій.

Вспухшее веко приподнялось, подернутый дымкой страданія глазъ уставился на арестованнаго. Другой глазъ остался закрытымъ.

Пилать заговорилъ по-гречески:

— Такъ ты собирался разрушить зданіе храма и призывалъ къ этому народъ?

Тутъ арестантъ опять оживился, глаза его перестали выражать испугъ, и онъ заговорилъ по-гречески:

— Я, доб... — тутъ ужасъ мелькнулъ въ глазахъ арестанта оттого, что онъ едва не оговорился, — я, игемонъ, никогда въ жизни не собирался разрушать зданіе храма и никого не подговаривалъ на это безсмысленное дѣйствіе.

Удивленіе выразилось на лицѣ секретаря, сгорбившагося надъ низенькимъ столомъ и записывающаго показанія. Онъ поднялъ голову, но тотчасъ же опять склонилъ ее къ пергаменту.

— Множество разныхъ людей стекается въ этотъ

городъ къ празднику. Бываютъ среди нихъ маги, астрологи, предсказатели и убійцы, — говорилъ монотонно прокураторъ, — а попадаются и лгуны. Ты, напримѣръ, лгунъ. Записано ясно: подговариваль разрушить храмъ. Такъ свидѣлствуютъ люди.

— Эти добрые люди, — заговорилъ арестантъ и, торопливо прибавивъ: — игемонъ, — продолжалъ: — ничему не учились и все перепутали, что я говорилъ. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будетъ продолжаться очень долгое время. И все изъ-за того, что онъ невѣрно записываетъ за мной.

Наступило молчаніе. Теперь уже оба больныхъ глаза тяжело глядѣли на арестанта.

— Повторяю тебѣ, но въ послѣдній разъ: перестань притворяться сумасшедшимъ, разбойникъ, — произнесъ Пилать мягко и монотонно, — за тобою записано немного, но записаннаго достаточно, чтобы тебя повѣсить.

— Нѣтъ, нѣтъ, игемонъ, — вѣсь напрягаясь въ желаніи убѣдить, заговорилъ арестованный, — ходитъ, ходитъ одинъ съ козлинымъ пергаментомъ и непрерывно пишетъ. Но я однажды заглянулъ въ этотъ пергаментъ и ужаснулся. Рѣшительно ничего изъ того, что тамъ написано, я не говорилъ. Я его умолялъ: сожги ты Бога ради свой пергаментъ! Но онъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и убѣжалъ.

— Кто такой? — брезгливо спросилъ Пилать и тронулъ високъ рукой.

— Левій Матвѣй, — охотно объяснилъ арестантъ, — онъ былъ сборщикомъ податей, и я съ нимъ встрѣтился впервые на дорогѣ въ Виѳагій, тамъ, гдѣ угломъ выходитъ фиговый садъ, и разговорился съ нимъ. Первоначально онъ отнесся ко мнѣ непріязненно и даже оскорблялъ меня, то есть думалъ, что оскорбляетъ, называя меня собакой, — тутъ арестантъ усмѣхнулся, —

я лично не вижу ничего дурного въ этомъ звѣрѣ, чтобы обижаться на это слово...

Секретарь пересталъ записывать и исподтишка бросилъ удивленный взглядъ, но не на арестованнаго, а на прокуратора.

— ...однако, послушавъ меня, онъ сталъ смягчаться, — продолжалъ Іешуа, — наконецъ бросилъ деньги на дорогу и сказалъ, что пойдетъ со мной путешествовать...

Пилать усмѣхнулся одною щекой, оскаливъ желтые зубы, и промолвилъ, повернувшись всѣмъ туловищемъ къ секретарю:

— О, городъ Ершалаимъ! Чего только не услышишь въ немъ. Сборщикъ податей, вы слышите, бросилъ деньги на дорогу!

Не зная, какъ отвѣтить на это, секретарь счелъ нужнымъ повторить улыбку Пилата.

— А онъ сказалъ, что деньги ему отнынѣ стали ненавистны, — объяснилъ Іешуа странныя дѣйствія Левія Матвѣя и добавилъ: — И съ тѣхъ поръ онъ сталъ моимъ спутникомъ.

Все еще скалясь, прокураторъ поглядѣлъ на арестованнаго, затѣмъ на солнцѣ, неуклонно подымающееся вверхъ надъ конными статуями гипподрома, лежащаго далеко внизу направо, и вдругъ въ какой-то тошной мукѣ подумалъ о томъ, что проще всего было бы изгнать съ балкона этого страннаго разбойника, произнеся только два слова: «Повѣсите его». Изгнать и конвой, уйти изъ колоннады внутрь дворца, велѣть затемнить комнату, повалиться на ложѣ, потребовать холодной воды, жалобнымъ голосомъ позвать собаку Банга, пожаловаться ей на гемикранію. И мысль объ ядѣ вдругъ соблазнительно мелькнула въ больной головѣ прокуратора.

Онъ смотрѣлъ мутными глазами на

арестованнаго и нѣкоторое время молчалъ, мучительно вспоминая, зачѣмъ на утреннемъ безжалостномъ Ершалаимскомъ солнцепекѣ стоитъ передъ нимъ арестантъ съ обезображеннымъ побоями лицомъ, и какіе еще никому не нужные вопросы ему придется задавать.

— Левій Матвѣй? — хриплымъ голосомъ спросилъ больной и закрылъ глаза.

— Да, Левій Матвѣй, — донесся до него высокій, мучающій его голосъ.

— А вотъ что ты все-таки говорилъ про храмъ толпѣ на базарѣ?

Голосъ отвѣчавшаго, казалось, кололъ Пилату въ високъ, былъ невыразимо мучителенъ, и этотъ голосъ говорилъ:

— Я, игемонъ, говорилъ о томъ, что рухнетъ храмъ старой вѣры и создастся новый храмъ истины. Сказалъ такъ, чтобы было понятнѣе.

— Зачѣмъ же ты, бродяга, на базарѣ смущалъ народъ, рассказывая про истину, о которой ты не имѣешь представленія? Что такое истина?

И тутъ прокураторъ подумалъ: «О, боги мои! Я спрашиваю его о чемъ-то ненужномъ на судѣ... Мой умъ не служитъ мнѣ больше...» И опять померещилась ему чаша съ темною жидкостью. «Яду мнѣ, яду!»

И вновь онъ услышалъ голосъ:

— Истина прежде всего въ томъ, что у тебя болитъ голова, и болитъ такъ сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не въ силахъ говорить со мной, но тебѣ трудно даже глядѣть на меня. И сейчасъ я невольно являюсь твоимъ палачомъ, что меня огорчаетъ. Ты не можешь даже и думать о чемъ-нибудь и мечтаешь только о томъ, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, къ которому ты привязанъ. Но мученія твои сейчасъ кончатся, голова пройдетъ.

Секретарь вытаращилъ глаза на арестанта и не дописалъ слова.

Пилать поднялъ мученическіе глаза на арестанта и увидѣлъ, что солнце уже довольно высоко стоитъ надъ гипподромомъ, что лучъ пробрался въ колоннаду и подползаетъ къ стоптаннымъ сандаліямъ Іешуа, что тотъ сторонится отъ солнца.

Тутъ прокураторъ поднялся съ кресла, сжалъ голову руками, и на желтоватомъ его бритомъ лицѣ выразился ужасъ. Но онъ тотчасъ же подавилъ его своею волею и вновь опустился въ кресло.

Арестантъ же тѣмъ временемъ продолжалъ свою рѣчь, но секретарь ничего болѣе не записывалъ, а только, вытянувъ шею, какъ гусь, старался не проронить ни одного слова.

— Ну вотъ, все и кончилось, — говорилъ арестованный, благожелательно поглядывая на Пилата, — и я чрезвычайно этому радъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ, игемонъ, оставить на время дворець и погулять пѣшкомъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, ну хотя бы въ садахъ на Елеонской горѣ. Гроза начнется, — арестантъ повернулся, прищурился на солнцѣ, — позже, къ вечеру. Прогулка принесла бы тебѣ большую пользу, а я съ удовольствіемъ сопровождалъ бы тебя. Мнѣ пришли въ голову кое-какіе новыя мысли, которыя могли бы, полагаю, показаться тебѣ интересными, и я охотно подѣлился бы ими съ тобой, тѣмъ болѣе что ты производишь впечатлѣніе очень умнаго человѣка.

Секретарь смертельно поблѣднѣлъ и уронилъ свитокъ на полъ.

— Бѣда въ томъ, — продолжалъ никѣмъ не останавливаемый связанный, — что ты слишкомъ замкнутъ и окончательно потерялъ вѣру въ людей. Вѣдь нельзя же, согласишься, помѣстить всю свою привязанность

въ собаку. Твоя жизнь скудна, игемонъ, — и тутъ говорящій позволилъ себѣ улыбнуться.

Секретарь думалъ теперь только объ одномъ, вѣрить ли ему ушамъ своимъ или не вѣрить. Приходилось вѣрить. Тогда онъ постарался представить себѣ, въ какую именно причудливую форму выльется гнѣвъ вспылчиваго прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованнаго. И этого секретарь представить себѣ не могъ, хотя и хорошо зналъ прокуратора.

Тогда раздался сорванный, хриловатый голосъ прокуратора, по-латыни сказавшаго:

— Развяжите ему руки.

Одинъ изъ конвойныхъ легионеровъ стукнулъ копьемъ, передалъ его другому, подошелъ и снялъ веревки съ арестанта. Секретарь поднялъ свитокъ, рѣшилъ пока что ничего не записывать и ничему не удивляться.

— Сознайся, — тихо по-гречески спросилъ Пилатъ, — ты великій врачъ?

— Нѣтъ, прокураторъ, я не врачъ, — отвѣтилъ арестантъ, съ наслажденіемъ потирая измятую и опухшую багровую кисть руки.

Круто, исподлобья Пилатъ буравилъ глазами арестанта, и въ этихъ глазахъ уже не было мути, въ нихъ появились всѣмъ знакомыя искры.

— Я не спросилъ тебя, — сказалъ Пилатъ, — ты, можетъ быть, знаешь и латинскій языкъ?

— Да, знаю, — отвѣтилъ арестантъ.

Краска выступила на желтоватыхъ щекахъ Пилата, и онъ спросилъ по-латыни:

— Какъ ты узналъ, что я хотѣлъ позвать собаку?

— Это очень просто, — отвѣтилъ арестантъ по-латыни, — ты водилъ рукой по воздуху, — арестантъ

повторилъ жестъ Пилата, — какъ будто хотѣлъ погладить, и губы...

— Да, — сказалъ Пилатъ.

Помолчали, потомъ Пилатъ задалъ вопросъ по-гречески:

— Итакъ, ты врачъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — живо отвѣтилъ арестантъ, — повѣрь мнѣ, я не врачъ.

— Ну, хорошо. Если хочешь это держать въ тайнѣ, держи. Къ дѣлу это прямого отношенія не имѣетъ. Такъ ты утверждаешь, что не призывалъ разрушить... или поджечь, или какимъ-либо инымъ способомъ уничтожить храмъ?

— Я, игемонъ, никого не призывалъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, повторяю. Развѣ я похожъ на слабоумнаго?

— О да, ты не похожъ на слабоумнаго, — тихо отвѣтилъ прокураторъ и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, — такъ поклянись, что этого не было.

— Чѣмъ хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросилъ, очень оживившись, развязанный.

— Ну, хотя бы жизнью твоею, — отвѣтилъ прокураторъ, — ея клясться самое время, такъ какъ она виситъ на волоскѣ, знай это!

— Не думаешь ли ты, что ты ее подвѣсилъ, игемонъ? — спросилъ арестантъ, — если это такъ, ты очень ошибаешься.

Пилатъ вздрогнулъ и отвѣтилъ сквозь зубы:

— Я могу перерѣзать этотъ волосокъ.

— И въ этомъ ты ошибаешься, — свѣтло улыбаясь и заслоняясь рукой отъ солнца, возразилъ арестантъ, — согласишься, что перерѣзать волосокъ ужъ навѣрно можетъ лишь тотъ, кто подвѣсилъ?

— Такъ, такъ, — улыбнувшись, сказалъ Пилатъ, — теперь я не сомнѣваюсь въ томъ, что праздные зѣваки

въ Ершалаимѣ ходили за тобою по пятамъ. Не знаю, кто подвѣсилъ твой языкъ, но подвѣшенъ онъ хорошо. Кстати, скажи: вѣрно ли, что ты явился въ Ершалаимѣ черезъ Сузскіе ворота верхомъ на ослѣ, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебѣ привѣтствія какъ бы нѣкому пророку? — тутъ прокураторъ указаль на свитокъ пергамента.

Арестантъ недоумѣнно поглядѣль на прокуратора.

— У меня и осла-то никакого нѣтъ, игемонъ, — сказалъ онъ. — Пришелъ я въ Ершалаимѣ точно черезъ Сузскіе ворота, но пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного Левія Матвѣя, и никто мнѣ ничего не кричалъ, такъ какъ никто меня тогда въ Ершалаимѣ не зналъ.

— Не знаешь ли ты такихъ, — продолжалъ Пилать, не сводя глазъ съ арестанта, — нѣкоего Дисмаса, другого — Гестаса и третьяго — Варъ-раввана?

— Этихъ добрыхъ людей я не знаю, — отвѣтилъ арестантъ.

— Правда?

— Правда.

— А теперь скажи мнѣ, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всѣхъ, что ли, такъ называешь?

— Всѣхъ, — отвѣтилъ арестантъ, — злыхъ людей нѣтъ на свѣтѣ.

— Впервые слышу объ этомъ, — сказалъ Пилать, усмѣхнувшись, — но, можетъ быть, я мало знаю жизнь! Можете дальнѣйшее не записывать, — обратился онъ къ секретарю, хотя тотъ и такъ ничего не записываль, и продолжалъ говорить арестанту: — Въ какой-нибудь изъ греческихъ книгъ ты прочелъ объ этомъ?

— Нѣтъ, я своимъ умомъ дошелъ до этого.

— И ты проповѣдуешь это?

— Да.

— А вотъ, напримѣръ, кентуріонъ Маркъ, его прозвали Крысобоемъ, — онъ — добрый?

— Да, — отвѣтилъ арестантъ, — онъ, правда, несчастливый человѣкъ. Съ тѣхъ поръ какъ добрые люди изуродовали его, онъ сталъ жестокъ и черствъ. Интересно бы знать, кто его искалѣчилъ.

— Охотно могу сообщить это, — отозвался Пилать, — ибо я былъ свидѣтелемъ этого. Добрые люди бросались на него, какъ собаки на медвѣдя. Германцы вцѣпились ему въ шею, въ руки, въ ноги. Пѣхотный манипуль попалъ въ мѣшокъ, и если бы не врубилась съ фланга кавалерійская турма, а командоваль ею я, — тебѣ, философъ, не пришлось бы разговаривать съ Крысобоемъ. Это было въ бою при Идиставизо, въ долину Дѣвъ.

— Если бы съ нимъ поговорить, — вдругъ мечтательно сказалъ арестантъ, — я увѣренъ, что онъ рѣзко измѣнился бы.

— Я полагаю, — отозвался Пилать, — что мало радости ты доставилъ бы легату легіона, если бы вздумалъ разговаривать съ кѣмъ-нибудь изъ его офицеровъ или солдатъ. Впрочемъ, этого и не случится, къ общему счастью, и первый, кто объ этомъ позаботится, буду я.

Въ это время въ колоннаду стремительно влетѣла ласточка, сдѣлала подъ золотымъ потолкомъ кругъ, снизилась, чуть не задѣла острымъ крыломъ лица мѣдной статуи въ нишѣ и скрылась за капителю колонны. Быть можетъ, ей пришла мысль, вить тамъ гнѣздо.

Въ теченіе ея полета въ свѣтлой теперъ и легкой головѣ прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемонъ разобралъ дѣло бродячаго философа

Иешуа по кличкѣ Га-Ноцри, и состава преступленія въ немъ не нашель. Въ частности, не нашель ни малѣйшей связи между дѣйствіями Иешуа и беспорядками, происшедшими въ Ершалаимѣ недавно. Бродячій философъ оказался душевнобольнымъ. Вслѣдствіе этого смертный приговоръ Га-Ноцри, вынесенный Малымъ Синедріономъ, прокураторъ не утверждаетъ. Но ввиду того, что безумныя, утопическія рѣчи Га-Ноцри могутъ быть причиною волненій въ Ершалаимѣ, прокураторъ удаляетъ Иешуа изъ Ершалаима и подвергаетъ его заключенію въ Кесаріи Стратоновой на Средиземномъ морѣ, то есть именно тамъ, гдѣ резиденція прокуратора.

Оставалось это продиктовать секретарю.

Крылья ласточки фыркнули надъ самой головой игемона, птица метнулась къ чашѣ фонтана и вылетѣла на волю. Прокураторъ поднялъ глаза на арестанта и увидѣлъ, что возлѣ того столбомъ загорѣлась пыль.

— Все о немъ? — спросилъ Пилать у секретаря.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, — неожиданно отвѣтилъ секретарь и подаль Пилату другой кусокъ пергамента.

— Что еще тамъ? — спросилъ Пилать и нахмурился.

Прочитавъ поданное, онъ еще болѣе измѣнился въ лицѣ. Темная ли кровь прилила къ шеѣ и лицу или случилось что-либо другое, но только кожа его утратила желтизну, побурѣла, а глаза какъ будто провалились.

Опять-таки виновата была, вѣроятно, кровь, прилившая къ вискамъ и застучавшая въ нихъ, только у прокуратора что-то случилось со зрѣніемъ. Такъ, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вмѣсто нея появилась другая. На этой плѣшивой головѣ сидѣлъ рѣдкозубый золотой вѣнецъ; на лбу была круглая язва, разѣдающая кожу и смазанная мазью; запавшій беззубый ротъ съ отвисшей нижней капризною губой. Пилату показалось, что исчезли розовыя колонны

балкона и кровли Ершалаима вдали, внизу за садомъ, и все утонуло вокругъ въ густѣйшей зелени Капрейскихъ садовъ. И со слухомъ совершилось что-то странное, какъ будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голосъ, надменно тянущій слова: «Законъ объ оскорбленіи величества...»

Мысли понеслись короткіе, безсвязныя и необыкновенныя: «Погибъ!», потомъ: «Погибли!..» И какая-то совсѣмъ нелѣпая среди нихъ о какомъ-то долженствующемъ непремѣнно быть — и съ кѣмъ?! — безсмертіи, причемъ безсмертіе почему-то вызывало нестерпимую тоску.

Пилать напрягся, изгнавъ видѣніе, вернулся взоромъ на балконъ, и опять передъ нимъ оказались глаза арестанта.

— Слушай, Га-Ноцри, — заговорилъ прокураторъ, глядя на Іешуа какъ-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, — ты когда-либо говорилъ что-нибудь о великомъ кесарѣ? Отвѣчай! Говорилъ?.. Или... не... говорилъ? — Пилать протянулъ слово «не» нѣсколько больше, чѣмъ это полагается на судѣ, и послалъ Іешуа въ своемъ взглядѣ какую-то мысль, которую какъ бы хотѣлъ внушить арестанту.

— Правду говорить легко и пріятно, — замѣтилъ арестантъ.

— Мнѣ не нужно знать, — придушеннымъ, злымъ голосомъ отозвался Пилать, — пріятно или непріятно тебѣ говорить правду. Но тебѣ придется ее говорить. Но, говоря, взвѣшивай каждое слово, если не хочешь не только неизбѣжной, но и мучительной смерти.

Никто не знаетъ, что случилось съ прокураторомъ Іудеи, но онъ позволилъ себѣ поднять руку, какъ бы заслоняясь отъ солнечнаго луча, и за этой

рукой, какъ за щитомъ, послать арестанту какой-то намекающій взоръ.

— Итакъ, — говорилъ онъ, — отвѣчай, знаешь ли ты нѣкоего Іуду изъ Кириафа, и что именно ты говорилъ ему, если говорилъ, о кесарѣ?

— Дѣло было такъ, — охотно началъ рассказывать арестантъ, — позавчера вечеромъ я познакомился возлѣ храма съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который назвалъ себя Іудой изъ города Кириафа. Онъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ въ Нижнемъ Городѣ и угостилъ...

— Добрый человѣкъ? — спросилъ Пилатъ, и дьявольскій огонь сверкнулъ въ его глазахъ.

— Очень добрый и любознательный человѣкъ, — подтвердилъ арестантъ, — онъ высказалъ величайшій интересъ къ моимъ мыслямъ, принялъ меня весьма радушно...

— Свѣтильники зажегъ... — сквозь зубы въ тонъ арестанту проговорилъ Пилатъ, и глаза его при этомъ мерцали.

— Да, — немного удивившись освѣдомленности прокуратора, продолжалъ Іешуа, — попросилъ меня высказать свой взглядъ на государственную власть. Его этотъ вопросъ чрезвычайно интересовалъ.

— И что же ты сказалъ? — спросилъ Пилатъ, — или ты отвѣтишь, что ты забылъ, что говорилъ? — но въ тонѣ Пилата была уже безнадежность.

— Въ числѣ прочаго я говорилъ, — рассказывалъ арестантъ, — что всякая власть является насиліемъ надъ людьми и что настанетъ время, когда не будетъ власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человѣкъ перейдетъ въ царство истины и справедливости, гдѣ вообще не будетъ надобна никакая власть.

— Далѣе!

— Далѣе ничего не было, — сказалъ арестантъ, — тутъ вбѣжали люди, стали меня вязать и повели въ тюрьму.

Секретарь, стараясь не проронить ни слова, быстро чертилъ на пергаментѣ слова.

— На свѣтѣ не было, нѣтъ и не будетъ никогда болѣе великой и прекрасной для людей власти, чѣмъ власть императора Тиверія! — сорванный и больной голосъ Пилата разросся.

Прокураторъ съ ненавистью почему-то глядѣлъ на секретаря и конвой.

— И не тебѣ, безумный преступникъ, разсуждать о ней! — тутъ Пилатъ вскричалъ: — Вывести конвой съ балкона! — и, повернувшись къ секретарю, добавилъ: — Оставьте меня съ преступникомъ наединѣ, здѣсь государственное дѣло.

Конвой поднялъ копыя и, мѣрно стуча подкованными калигами, вышелъ съ балкона въ садъ, а за конвоемъ вышелъ и секретарь.

Молчаніе на балконѣ нѣкоторое время нарушала только пѣсня воды въ фонтанѣ. Пилатъ видѣлъ, какъ вздувалась надъ трубочкой водяная тарелка, какъ отламывались ея края, какъ падали струйками.

Первымъ заговорилъ арестантъ:

— Я вижу, что совершается какая-то бѣда изъ-за того, что я говорилъ съ этимъ юношей изъ Кириафа. У меня, игемонъ, есть предчувствіе, что съ нимъ случится несчастье, и мнѣ его очень жаль.

— Я думаю, — странно усмѣхнувшись, отвѣтилъ прокураторъ, — что есть еще кое-кто на свѣтѣ, кого тебѣ слѣдовало бы пожалѣть болѣе, чѣмъ Іуду изъ Кириафа, и кому придется гораздо хуже, чѣмъ Іудѣ! Итакъ, Маркъ Крысобой, холодный и убѣжденный палачъ, люди, которые, какъ я вижу, — прокураторъ указалъ на изуродованное лицо Іешуа, — тебя били за

твои проповѣди, разбойники Дисмасъ и Гестасъ, убившіе со своими присными четырехъ солдатъ, и, наконецъ, грязный предатель Иуда — всѣ они добрые люди?

— Да, — отвѣтилъ арестантъ.

— И настанетъ царство истины?

— Настанетъ, игемонъ, — убѣжденно отвѣтилъ Иешуа.

— Оно никогда не настанетъ! — вдругъ закричалъ Пилатъ такимъ страшнымъ голосомъ, что Иешуа отшатнулся. Такъ много лѣтъ тому назадъ въ долинѣ дѣвѣ кричалъ Пилатъ своимъ всадникамъ слова: «Руби ихъ! Руби ихъ! Великанъ Крысобою попался!» Онъ еще повысилъ сорванный командами голосъ, выкликая слова такъ, чтобы ихъ слышали въ саду: — Преступникъ! Преступникъ! Преступникъ!

А затѣмъ, понизивъ голосъ, онъ спросилъ:

— Иешуа Га-Ноцри, вѣришь ли ты въ какихъ-нибудь боговъ?

— Богъ одинъ, — отвѣтилъ Иешуа, — въ него я вѣрю.

— Такъ помолись ему! Покрѣпче помолись! Впрочемъ, — тутъ голосъ Пилата сѣлъ, — это не поможетъ. Жены нѣтъ? — почему-то тоскливо спросилъ Пилатъ, не понимая, что съ нимъ происходитъ.

— Нѣтъ, я одинъ.

— Ненавистный городъ, — вдругъ почему-то пробормоталъ прокураторъ и передернулъ плечами, какъ будто озябъ, а руки потеръ, какъ бы обмывая ихъ, — если бы тебя зарѣзали передъ твоимъ свиданіемъ съ Иудею изъ Кириафа, право, это было бы лучше.

— А ты бы меня отпустилъ, игемонъ, — неожиданно попросилъ арестантъ, и голосъ его сталъ тревоженъ, — я вижу, что меня хотятъ убить.

Лицо Пилата исказилось судорогой, онъ обратилъ къ Іешуа воспаленные, въ красныхъ жилкахъ бѣлки глазъ и сказалъ:

— Ты полагаешь, несчастный, что римскій прокураторъ отпустить челоувѣка, говорившаго то, что говорилъ ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готовъ занять твое мѣсто? Я твоихъ мыслей не раздѣляю! И слушай меня: если съ этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь съ кѣмъ-нибудь, берегись меня! Повторяю тебѣ: берегись.

— Игемонъ...

— Молчать! — вскричалъ Пилатъ и бѣшенымъ взоромъ проводилъ ласточку, опять впорхнувшую на балконъ. — Ко мнѣ! — крикнулъ Пилатъ.

И когда секретарь и конвой вернулись на свои мѣста, Пилатъ объявилъ, что утверждаетъ смертный приговоръ, вынесенный въ собраніи Малаго Синедріона преступнику Іешуа Га-Ноцри, и секретарь записалъ сказанное Пилатомъ.

Черезъ минуту передъ прокураторомъ стоялъ Маркъ Крысобою. Ему прокураторъ приказалъ сдать преступника начальнику тайной службы и при этомъ передать ему распоряженіе прокуратора о томъ, чтобы Іешуа Га-Ноцри былъ отдѣленъ отъ другихъ осужденныхъ, а также о томъ, чтобы командѣ тайной службы было подъ страхомъ тяжелой кары запрещено о чемъ бы то ни было разговаривать съ Іешуа или отвѣчать на какіе-либо его вопросы.

По знаку Марка вокругъ Іешуа сомкнулся конвой и вывелъ его съ балкона.

Затѣмъ передъ прокураторомъ предсталъ стройный, свѣтлобородый красавецъ со сверкающими на груди львиными мордами, съ орлиными перьями на гребнѣ шлема, съ золотыми бляшками на портупелѣ меча, въ зашнурованной до колѣнъ обуви на тройной подошвѣ,

въ наброшенномъ на лѣвое плечо багряномъ плащѣ. Это былъ командующій легиономъ легатъ. Его прокураторъ спросилъ о томъ, гдѣ сейчасъ находится себастійская когорта. Легатъ сообщилъ, что себастійцы держатъ оцѣпленіе на площади передъ гипподромомъ, гдѣ будетъ объявленъ народу приговоръ надъ преступниками.

Тогда прокураторъ распорядился, чтобы легатъ выдѣлилъ изъ римской когорты двѣ кентуріи. Одна изъ нихъ, подъ командою Крысобоя, должна будетъ конвоировать преступниковъ, повозки съ приспособленіями для казни и палачей при отправленіи на Лысую Гору, а при прибытіи на нее войти въ верхнее оцѣпленіе. Другая же должна быть сейчасъ же отправлена на Лысую Гору и начинать оцѣпленіе немедленно. Для этой же цѣли, то есть для охраны Горы, прокураторъ попросилъ легата отправить вспомогательный кавалерійскій полкъ — сирійскую алу.

Когда легатъ покинулъ балконъ, прокураторъ приказалъ секретарю пригласить президента Синедріона, двухъ членовъ его и начальника храмовой стражи Ершалаима во дворецъ, но при этомъ добавилъ, что просить устроить такъ, чтобы до совѣщанія со всѣми этими людьми онъ могъ говорить съ президентомъ раньше и наединѣ.

Приказанія прокуратора были исполнены быстро и точно, и солнце, съ какой-то необыкновенною яростью сжигавшее въ эти дни Ершалаимъ, не успѣло еще приблизиться къ своей наивысшей точкѣ, когда на верхней террасѣ сада у двухъ мраморныхъ бѣлыхъ львовъ, сторожившихъ лѣстницу, встрѣтились прокураторъ и исполняющій обязанности президента Синедріона первосвященникъ іудейскій Іосифъ Каифа.

Въ саду было тихо. Но, выйдя изъ-подъ колоннады на заливаемую солнцемъ верхнюю площадь сада съ пальмами на чудовищныхъ слоновыхъ ногахъ,

площадь, съ которой передъ прокураторомъ развернулся вѣсь ненавистный ему Ершалаимъ съ висячими мостами, крѣпостями и — самое главное — съ не поддающейся никакому описанію глыбой мрамора съ золотою драконовою чешуею вмѣсто крыши — храмомъ Ершалаимскимъ, — острымъ слухомъ уловилъ прокураторъ далеко и внизу, тамъ, гдѣ каменная стѣна отдѣляла нижніе террасы дворцоваго сада отъ городской площади, низкое ворчаніе, надъ которымъ взмывали по временамъ слабенькіе, тонкіе не то стоны, не то крики.

Прокураторъ понялъ, что тамъ на площади уже собралась несмѣтная толпа взволнованныхъ послѣдними беспорядками жителей Ершалаима, что эта толпа въ нетерпѣннѣи ожидаетъ вынесенія приговора и что въ ней кричатъ безпокойные продавцы воды.

Прокураторъ началъ съ того, что пригласилъ первосвященника на балконъ, съ тѣмъ чтобы укрыться отъ безжалостнаго зноя, но Каифа вѣжливо извинился и объяснилъ, что сдѣлать этого не можетъ. Пилать накинулъ капюшонъ на свою чуть лысѣющую голову и началъ разговоръ. Разговоръ этотъ шелъ по-гречески.

Пилать сказалъ, что онъ разобралъ дѣло Іешуа Га-Ноцри и утвердилъ смертный приговоръ.

Такимъ образомъ, къ смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойниковъ: Дисмасъ, Гестасъ, Варъ-равванъ и, кромѣ того, этотъ Іешуа Га-Ноцри. Первые двое, вздумавшіе подбивать народъ на бунтъ противъ кесаря, взяты съ боемъ римскою властью, числятся за прокураторомъ, и, слѣдовательно, о нихъ здѣсь рѣчь идти не будетъ. Послѣдніе же, Варъ-равванъ и Га-Ноцри, схвачены мѣстной властью и осуждены Синедріономъ. Согласно закону, согласно обычаю, одного изъ этихъ двухъ преступниковъ нужно будетъ отпустить на свободу въ честь наступающаго сегодня великаго праздника пасхи.

Итакъ, прокураторъ желаетъ знать, кого изъ двухъ преступниковъ намѣренъ освободить Синедрионъ: Варъ-раввана или Га-Ноцри? Каифа склонилъ голову въ знакъ того, что вопросъ ему ясенъ, и отвѣтилъ:

— Синедрионъ просить отпустить Варъ-раввана.

Прокураторъ хорошо зналъ, что именно такъ ему отвѣтитъ первосвященникъ, но задача его заключалась въ томъ, чтобы показать, что такой отвѣтъ вызываетъ его изумленіе.

Пилать это и сдѣлалъ съ большимъ искусствомъ. Брови на надменномъ лицѣ поднялись, прокураторъ прямо въ глаза поглядѣлъ первосвященнику съ изумленіемъ.

— Признаюсь, этотъ отвѣтъ меня удивилъ, — мягко заговорилъ прокураторъ, — боюсь, нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія.

Пилать объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной мѣстной власти, первосвященнику это хорошо извѣстно, но въ данномъ случаѣ налицо явная ошибка. И въ исправленіи этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.

Въ самомъ дѣлѣ: преступленія Варъ-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедшій человѣкъ, повиненъ въ произнесеніи нелѣпыхъ рѣчей, смущавшихъ народъ въ Ершалаимѣ и другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то первый отягощенъ гораздо значительнѣе. Мало того, что онъ позволилъ себѣ прямые призывы къ мятежу, но онъ еще убилъ стража при попыткахъ брать его. Варъ-равванъ гораздо опаснѣе, нежели Га-Ноцри.

Въ силу всего изложеннаго прокураторъ просить первосвященника пересмотрѣть рѣшеніе и оставить на свободѣ того изъ двухъ осужденныхъ, кто менѣе вреденъ, а такимъ, безъ сомнѣнія, является Га-Ноцри. Итакъ?

Каифа прямо въ глаза посмотрѣлъ Пилату и сказалъ тихимъ, но твердымъ голосомъ, что Синедрионъ внимательно ознакомился съ дѣломъ и вторично сообщаетъ, что намѣренъ освободить Варъ-раввана.

— Какъ? Даже послѣ моего ходатайства? Ходатайства того, въ лицѣ котораго говоритъ римская власть? Первосвященникъ, повтори въ третій разъ.

— И въ третій разъ мы сообщаемъ, что освобождаемъ Варъ-раввана, — тихо сказалъ Каифа.

Все было кончено, и говорить болѣе было не о чѣмъ. Га-Ноцри уходилъ навсегда, и страшныя, злыя боли прокуратора некому излѣчить; отъ нихъ нѣтъ средства, кромѣ смерти. Но не эта мысль поразила сейчасъ Пилата. Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконѣ, пронизала все его существо. Онъ тотчасъ постарался ее объяснить, и объясненіе было странное: показалось смутно прокуратору, что онъ чего-то не договорилъ съ осужденнымъ, а можетъ быть, чего-то не дослушалъ.

Пилатъ прогналъ эту мысль, и она улетѣла въ одно мгновеніе, какъ и прилетѣла. Она улетѣла, а тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить мелькнувшая какъ молнія и тутъ же погасшая какая-то короткая другая мысль: «Безсмертіе... пришло безсмертіе...» Чье безсмертіе пришло? Этого не понялъ прокураторъ, но мысль объ этомъ загадочномъ безсмертіи заставила его похолодѣть на солнцепекѣ.

— Хорошо, — сказалъ Пилатъ, — да будетъ такъ.

Тутъ онъ оглянулся, окинулъ взоромъ видимый ему міръ и удивился происшедшей перемѣнѣ. Пропалъ отягощенный розами кустъ, пропали кипарисы, окаймляющіе верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и бѣлая статуя въ зелени, да и сама зелень. Поплыла вмѣсто этого всего какая-то багровая гуща, въ ней

закачались водоросли и двинулись куда-то, а вмѣстѣ съ ними двинулся и самъ Пилатъ. Теперь его уносилъ, удушая и обжигая, самый страшный гнѣвъ, гнѣвъ безсилія.

— Тѣсно мнѣ, — вымолвилъ Пилатъ, — тѣсно мнѣ!

Онъ холодною влажною рукою рванулъ пряжку съ ворота плаща, и та упала на песокъ.

— Сегодня душно, гдѣ-то идетъ гроза, — отозвался Каифа, не сводя глазъ съ покраснѣвшаго лица прокуратора и предвидя всѣ муки, которыя еще предстоятъ. «О, какой страшный мѣсяцъ нисанъ въ этомъ году!»

— Нѣтъ, — сказала Пилатъ, — это не оттого, что душно, а тѣсно мнѣ стало съ тобой, Каифа, — и, сузивъ глаза, Пилатъ улыбнулся и добавилъ: — Побереги себя, первосвященникъ.

Темные глаза первосвященника блеснули, и, не хуже, чѣмъ ранѣе прокураторъ, онъ выразилъ на своемъ лицѣ удивленіе.

— Что слышу я, прокураторъ? — гордо и спокойно отвѣтилъ Каифа, — ты угрожаешь мнѣ послѣ вынесеннаго приговора, утвержденнаго тобою самимъ? Можетъ ли это быть? Мы привыкли къ тому, что римскій прокураторъ выбираетъ слова, прежде чѣмъ что-нибудь сказать. Не услышалъ бы насъ кто-нибудь, игемонъ?

Пилатъ мертвыми глазами посмотрѣлъ на первосвященника и, оскалившись, изобразилъ улыбку.

— Что ты, первосвященникъ! Кто же можетъ услышать насъ сейчасъ здѣсь? Развѣ я похожъ на юнаго бродячаго юродиваго, котораго сегодня казнятъ? Мальчикъ ли я, Каифа? Знаю, что говорю и гдѣ говорю. Оцѣпленъ садъ, оцѣпленъ дворецъ, такъ что и мышь не проникнетъ ни въ какую щель! Да не только мышь, не проникнетъ даже этотъ, какъ его... изъ города Кириафа.

Кстати, ты знаешь такого, первосвященникъ? Да... если бы такой проникъ сюда, онъ горько пожалѣлъ бы себя, въ этомъ ты мнѣ, конечно, повѣришь? Такъ знай же, что не будетъ тебѣ, первосвященникъ, отнынѣ покоя! Ни тебѣ, ни народу твоему, — и Пилать указалъ вдаль направо, туда, гдѣ въ высотѣ пылалъ храмъ, — это я тебѣ говорю — Пилать Понтійскій, всадникъ Золотое Копье!

— Знаю, знаю! — безстрашно отвѣтилъ чернобородый Каифа, и глаза его сверкнули. Онъ вознесъ руку къ небу и продолжалъ: — Знаетъ народъ іудейскій, что ты ненавидишь его лютой ненавистью и много мученій ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь! Защититъ его Богъ! Услышитъ насъ, услышитъ всемогущій кесарь, укроетъ насъ отъ губителя Пилата!

— О нѣтъ! — воскликнулъ Пилать, и съ каждымъ словомъ ему становилось все легче и легче: не нужно было больше притворяться. Не нужно было подбирать слова. — Слишкомъ много ты жаловался кесарю на меня, и насталь теперь мой часъ, Каифа! Теперь полетитъ вѣсть отъ меня, да не намѣстнику въ Антиохію и не въ Римъ, а прямо на Капрею, самому императору, вѣсть о томъ, какъ вы завѣдомыхъ мятежниковъ въ Ершалаимѣ прячете отъ смерти. И не водою изъ Соломонова пруда, какъ хотѣлъ я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаимъ! Нѣтъ, не водою! Вспомни, какъ мнѣ пришлось изъ-за васъ снимать со стѣнъ щиты съ вензелями императора, перемѣщать войска, пришлось, видишь, самому пріѣхать, глядѣть, что у васъ тутъ творится! Вспомни мое слово, первосвященникъ. Увидишь ты не одну когорту въ Ершалаимѣ, нѣтъ! Придетъ подъ стѣны города полностью легіонъ Фульмината, подойдетъ арабская конница, тогда услышишь ты горькій плачь и стenanія.

Вспомнишь ты тогда спасеннаго Варъ-раввана и пожалѣешь, что послалъ на смерть философа съ его мирною проповѣдью!

Лицо первосвященника покрылось пятнами, глаза горѣли. Онъ, подобно прокуратору, улыбнулся, скалясь, и отвѣтилъ:

— Вѣришь ли ты, прокураторъ, самъ тому, что сейчасъ говоришь? Нѣтъ, не вѣришь! Не миръ, не миръ принесъ намъ обольститель народа въ Ершалаимъ, и ты, всадникъ, это прекрасно понимаешь. Ты хотѣлъ его выпустить затѣмъ, чтобы онъ смутилъ народъ, надъ вѣрою надругался и подвелъ народъ подъ римскіе мечи! Но я, первосвященникъ іудейскій, покуда живъ, не дамъ на поруганіе вѣру и защищу народъ! Ты слышишь, Пилать? — И тутъ Каифа грозно поднялъ руку: — Прислушайся, прокураторъ!

Каифа смолкъ, и прокураторъ услыхалъ опять какъ бы шумъ моря, подкатывающаго къ самымъ стѣнамъ сада Ирода великаго. Этотъ шумъ поднимался снизу къ ногамъ и въ лицо прокуратору. А за спиной у него, тамъ, за крыльями дворца, слышались тревожные трубные сигналы, тяжкій хрустъ сотенъ ногъ, желѣзное бряцаніе, — тутъ прокураторъ понялъ, что римская пѣхота уже выходитъ, согласно его приказу, стремясь на страшный для бунтовщиковъ и разбойниковъ предсмертный парадъ.

— Ты слышишь, прокураторъ? — тихо повторилъ первосвященникъ, — неужели ты скажешь мнѣ, что все это, — тутъ первосвященникъ поднялъ обѣ руки, и темный капюшонъ свалился съ головы Каифы, — вызвалъ жалкій разбойникъ Варъ-равванъ?

Прокураторъ тыльной стороной кисти руки вытеръ мокрый, холодный лобъ, поглядѣлъ на землю, потомъ, прищурившись, въ небо, увидѣлъ, что раскаленный шаръ почти надъ самой его головою, а тѣнь

Каифы совсѣмъ съежилась у львиного хвоста, и сказала тихо и равнодушно:

— Дѣло идетъ къ полудню. Мы увлеклись бесѣдою, а между тѣмъ надо продолжать.

Въ изысканныхъ выраженіяхъ извинившись передъ первосвященникомъ, онъ попросилъ его присѣсть на скамью въ тѣни магноліи и обождать, пока онъ вызоветъ остальныхъ лицъ, нужныхъ для послѣдняго краткаго совѣщанія, и отдастъ еще одно распоряженіе, связанное съ казнью.

Каифа вѣжливо поклонился, приложивъ руку къ сердцу, и остался въ саду, а Пилатъ вернулся на балконъ. Тамъ ожидавшему его секретарю онъ велѣлъ пригласить въ садъ легата легіона, трибуна когорты, а также двухъ членовъ Синедріона и начальника храмовой стражи, ожидавшихъ вызова на слѣдующей нижней террасѣ сада въ круглой бесѣдкѣ съ фонтаномъ. Къ этому Пилатъ добавилъ, что онъ тотчасъ выйдетъ и самъ, и удалился внутрь дворца.

Пока секретарь собиралъ совѣщаніе, прокураторъ въ затѣненной отъ солнца темными шторами комнатѣ имѣлъ свиданіе съ какимъ-то человѣкомъ, лицо котораго было наполовину прикрыто капюшономъ, хотя въ комнатѣ лучи солнца и не могли его беспокоить. Свиданіе это было чрезвычайно кратко. Прокураторъ тихо сказалъ человѣку нѣсколько словъ, послѣ чего тотъ удалился, а Пилатъ черезъ колоннаду прошелъ въ садъ.

Тамъ въ присутствіи всѣхъ, кого онъ желалъ видѣть, прокураторъ торжественно и сухо подтвердилъ, что онъ утверждаетъ смертный приговоръ Іешуа Га-Ноцри, и официально освѣдомился у членовъ Синедріона о томъ, кого изъ преступниковъ угодно оставить въ живыхъ. Получивъ отвѣтъ, что это — Варъ-равванъ, прокураторъ сказалъ:

— Очень хорошо, — и велѣлъ секретарю тутъ же занести это въ протоколъ, сжалъ въ рукѣ поднятую секретаремъ съ песка пряжку и торжественно сказалъ: — Пора!

Тутъ всѣ присутствующіе тронулись внизъ по широкой мраморной лѣстницѣ межъ стѣнъ розъ, источавшихъ одуряющій ароматъ, спускаясь все ниже и ниже къ дворцовой стѣнѣ, къ воротамъ, выходящимъ на большую, гладко вымощенную площадь, въ концѣ которой виднѣлись колонны и статуи Ершалаимскаго ристалища.

Лишь только группа, выйдя изъ сада на площадь, поднялась на обширный царящій надъ площадью каменный помостъ, Пилать, оглядываясь сквозь прищуренныя веки, разобрался въ обстановкѣ. То пространство, которое онъ только что прошелъ, то есть пространство отъ дворцовой стѣны до помоста, было пусто, но зато впереди себя Пилать площади уже не увидѣлъ — ее съѣла толпа. Она залила бы и самый помостъ, и то очищенное пространство, если бы тройной рядъ себастійскихъ солдатъ по лѣвую руку Пилата и солдатъ итурейской вспомогательной когорты по правую — не держалъ ее.

Итакъ, Пилать поднялся на помостъ, сжимая машинально въ кулакѣ ненужную пряжку и щурясь. Щурился прокураторъ не оттого, что солнце жгло ему глаза, нѣтъ! Онъ не хотѣлъ почему-то видѣть группу осужденныхъ, которыхъ, какъ онъ это прекрасно зналъ, сейчасъ вслѣдъ за нимъ возводятъ на помостъ.

Лишь только бѣлый плащъ съ багряной подбивкой возникъ въ высотѣ на каменномъ утесѣ надъ краемъ человѣческаго моря, незрячему Пилату въ уши ударила звуковая волна: «Га-а-а...» Она началась негромко, зародившись гдѣ-то вдали у гипподрома, потомъ стала громоподобной и, продержавшись

нѣсколько секундъ, начала спадать. «Увидѣли меня», — подумалъ прокураторъ. Волна не дошла до низшей точки и неожиданно стала опять вырастать и, качаясь, поднялась выше первой, и на второй волнѣ, какъ на морскомъ валу вскипаетъ пѣна, вскипѣлъ свистъ и отдѣльные, сквозь громъ различимые, женскіе стоны. «Это ихъ ввели на помость... — подумалъ Пилать, — а стоны оттого, что задавили нѣсколькихъ женщинъ, когда толпа подалась впередъ».

Онъ выждалъ нѣкоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнетъ все, что накопилось у нея внутри, и не смолкнетъ сама.

И когда этотъ моментъ наступилъ, прокураторъ выбросилъ вверхъ правую руку, и послѣдній шумъ сдуло съ толпы.

Тогда Пилать набралъ, сколько могъ, горячаго воздуха въ грудь и закричалъ, и сорванный его голосъ понесло надъ тысячами головъ:

— Именемъ кесаря императора!

Тутъ въ уши ему ударилъ нѣсколько разъ желѣзный рубленый крикъ — въ когортахъ, взбросивъ вверхъ копя и значки, страшно прокричали солдаты:

— Да здравствуетъ кесарь!

Пилать задралъ голову и уткнулъ ее прямо въ солнцѣ. Подъ веками у него вспыхнулъ зеленый огонь, отъ него загорѣлся мозгъ, и надъ толпою полетѣли хриплыя арамейскія слова:

— Четверо преступниковъ, арестованныхъ въ Ершалаимѣ за убійства, подстрекательства къ мятежу и оскорбленіе законовъ и вѣры, приговорены къ позорной казни — повѣшенію на столбахъ! И эта казнь сейчасъ совершится на Лысой Горѣ! Имена преступниковъ — Дисмасъ, Гестасъ, Варъ-равванъ и Га-Ноцри. Вотъ они передъ вами!

Пилать указаль вправо рукой, не видя никакихъ преступниковъ, но зная, что они тамъ, на мѣстѣ, гдѣ имъ нужно быть.

Толпа отвѣтила длиннымъ гуломъ какъ бы удивленія или облегченія. Когда же онъ потухъ, Пилать продолжалъ:

— Но казнены изъ нихъ будутъ только трое, ибо, согласно закону и обычаю, въ честь праздника пасхи одному изъ осужденныхъ, по выбору Малаго Синедріона и по утверженію римской власти, великодушный кесарь императоръ возвращаетъ его презрѣнную жизнь!

Пилать выкрикивалъ слова и въ то же время слушалъ, какъ на смѣну гулу идетъ великая тишина. Теперь ни вздоха, ни шороха не доносилось до его ушей, и даже настало мгновеніе, когда Пилату показалось, что все кругомъ вообще исчезло. Ненавидимый имъ городъ умеръ, и только онъ одинъ стоитъ, сжигаемый отвѣсными лучами, упершись лицомъ въ небо. Пилать еще придержалъ тишину, а потомъ началъ выкрикивать:

— Имя того, кого сейчасъ при васъ отпустить на свободу...

Онъ сдѣлалъ еще одну паузу, задерживая имя, провѣряя, все ли сказалъ, потому что зналъ, что мертвый городъ воскреснетъ послѣ произнесенія имени счастливецъ и никакіе дальнѣйшія слова слышны быть не могутъ.

«Все? — беззвучно шепнулъ себѣ Пилать, — все. Имя!»

И, раскативъ букву «р» надъ молчащимъ городомъ, онъ прокричалъ:

— Варъ-равванъ!

Тутъ ему показалось, что солнце, зазвенѣвъ, лопнуло надъ нимъ и залило ему огнемъ уши. Въ этомъ огнѣ бушевали ревъ, визги, стоны, хохотъ и свистъ.

Пилать повернулся и пошелъ по мосту назадъ къ ступенямъ, не глядя ни на что, кромѣ разноцвѣтныхъ шашекъ настила подъ ногами, чтобы не оступиться. Онъ зналъ, что теперь у него за спиною на помость градомъ летятъ бронзовыя монеты, финики, что въ воющей толпѣ люди, давя другъ друга, лѣзутъ на плечи, чтобы увидѣть своими глазами чудо — какъ человѣкъ, который уже былъ въ рукахъ смерти, вырвался изъ этихъ рукъ! Какъ легіонеры снимаютъ съ него веревки, невольно причиняя ему жгучую боль въ вывихнутыхъ на допросѣ рукахъ, какъ онъ, морщась и охая, все же улыбается безсмысленной сумасшедшей улыбкой.

Онъ зналъ, что въ это же время конвой ведетъ къ боковымъ ступенямъ троихъ со связанными руками, чтобы выводить ихъ на дорогу, ведущую на западъ, за городъ, къ Лысой Горѣ. Лишь оказавшись за помостомъ, въ тылу его, Пилать открылъ глаза, зная, что онъ теперь въ безопасности — осужденныхъ онъ видѣть уже не могъ.

Къ стону начинавшей утихать толпы примѣшивались теперь и были различимы пронзительные выкрики глашатаевъ, повторявшихъ одни на арамейскомъ, другіе на греческомъ языкахъ все то, что прокричалъ съ помоста прокураторъ. Кромѣ того, до слуха долетѣлъ дробный, стрекочущій и приближающійся конскій топотъ и труба, что-то коротко и весело прокричавшая. Этимъ звукамъ отвѣтилъ сверлящій свистъ мальчишекъ съ кровель домовъ улицы, выводящей съ базара на гипподромскую площадь, и крики «берегись!».

Солдатъ, одиноко стоявшій въ очищенномъ пространствѣ площади со значкомъ въ рукѣ, тревожно взмахнулъ имъ, и тогда прокураторъ, легать легіона, секретарь и конвой остановились.

Кавалерійская ала, забирая все шире рыси,

вылетѣла на площадь, чтобы пересѣчь ее въ сторонкѣ, минуя скопище народа, и по переулку подѣ каменной стѣной, по которой стлался виноградъ, кратчайшей дорогой проскакать къ Лысой Горѣ.

Летящій рысью маленькій, какъ мальчикъ, темный, какъ мулатъ, командиръ алы — сиріецъ, равняясь съ Пилатомъ, что-то тонко выкрикнулъ и выхватилъ изъ ноженъ мечъ. Злая вороная взмокшая лошадь шархнула, поднялась на дыбы. Вбросивъ мечъ въ ножны, командиръ ударилъ плетью лошадь по шеѣ, выровнялъ ее и поскакалъ въ переулокъ, переходя въ галопъ. За нимъ по три въ рядъ полетѣли всадники въ тучѣ пыли, запрыгали кончики легкихъ бамбуковыхъ пикъ, мимо прокуратора понеслись казавшіеся особо смуглыми подѣ бѣлыми тюрбанами лица съ весело оскаленными, сверкающими зубами.

Поднимая до неба пыль, ала ворвалась въ переулокъ, и мимо Пилата послѣднимъ проскакалъ солдатъ съ пылающей на солнцѣ трубою за спиной.

Закрываясь отъ пыли рукой и недовольно морща лицо, Пилатъ двинулся дальше, устремляясь къ воротамъ дворцоваго сада, а за нимъ двинулся легатъ, секретарь и конвой.

Было около десяти часовъ утра.

Глава 3

Седьмое доказательство

— Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иванъ Николаевичъ, — сказалъ профессоръ.

Поэтъ провелъ рукою по лицу, какъ человѣкъ, только что очнувшійся, и увидѣлъ, что на Патріаршихъ вечеръ.

Вода въ прудѣ почернѣла, и легкая лодочка уже скользила по ней, и слышался плескъ весла и смѣшки какой-то гражданки въ лодочкѣ. Въ аллеяхъ на скамейкахъ появилась публика, но опять-таки на всѣхъ трехъ сторонахъ квадрата, кромѣ той, гдѣ были наши собесѣдники.

Небо надъ Москвой какъ бы выцвѣло, и совершенно отчетливо была видна въ высотѣ полная луна, но еще не золотая, а бѣлая. Дышать стало гораздо легче, и голоса подъ липами звучали мягче, по-вечернему.

«Какъ же это я не замѣтилъ, что онъ успѣлъ сплести цѣлый разговоръ?.. — подумалъ Бездомный въ изумленіи, — вѣдь вотъ уже и вечеръ! А можетъ, это и не онъ рассказывалъ, а просто я заснулъ и все это мнѣ приснилось?»

Но надо полагать, что все-таки рассказывалъ профессоръ, иначе придется допустить, что то же самое приснилось и Берліозу, потому что тотъ сказалъ, внимательно всматриваясь въ лицо иностранца:

— Вашъ разговоръ чрезвычайно интересенъ, профессоръ, хотя онъ и совершенно не совпадаетъ съ евангельскими разговорами.

— Помилуйте, — снисходительно усмѣхнувшись,

отозвался профессоръ, — ужъ кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего изъ того, что написано въ евангеліяхъ, не происходило на самомъ дѣлѣ никогда, и если мы начнемъ ссылаться на евангелія какъ на историческій источникъ... — онъ еще разъ усмѣхнулся, и Берліозъ осѣкся, потому что буквально то же самое онъ говорилъ Бездомному, идя съ тѣмъ по Бронной къ Патріаршимъ прудамъ.

— Это такъ, — замѣтилъ Берліозъ, — но боюсь, что никто не можетъ подтвердить, что и то, что вы намъ рассказывали, происходило на самомъ дѣлѣ.

— О нѣтъ! Это можетъ кто подтвердить! — начиная говорить ломанымъ языкомъ, чрезвычайно увѣренно отвѣтилъ профессоръ и неожиданно таинственно поманилъ обоихъ пріятелей къ себѣ поближе.

Тѣ наклонились къ нему съ обѣихъ сторонъ, и онъ сказалъ, но уже безъ всякаго акцента, который у него, чертъ знаетъ почему, то пропадалъ, то появлялся:

— Дѣло въ томъ... — тутъ профессоръ пугливо оглянулся и заговорилъ шепотомъ, — что я лично присутствовалъ при всемъ этомъ. И на балконѣ былъ у Понтія Пилата, и въ саду, когда онъ съ Каифой разговаривалъ, и на помостѣ, но только тайно, инкогнито, такъ сказать, такъ что прошу васъ — никому ни слова и полный секретъ!.. Тссъ!

Наступило молчаніе, и Берліозъ поблѣднѣлъ.

— Вы... вы сколько времени въ Москвѣ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— А я только что сію минуту пріѣхалъ въ Москву, — растерянно отвѣтилъ профессоръ, и тутъ только пріятели догадались заглянуть ему какъ слѣдуетъ въ глаза и убѣдились въ томъ, что лѣвый, зеленый, у него совершенно безумень, а правый — пусть, черень и мертвъ.

«Вотъ тебѣ все и объяснилось! — подумалъ Берліозъ въ смятеніи, — пріѣхалъ сумасшедшій нѣмецъ или только что спятилъ на Патріаршихъ. Вотъ такъ исторія!»

Да, дѣйствительно, объяснилось все: и страннѣйшій завтракъ у покойнаго философа Канта, и дурацкія рѣчи про подсолнечное масло и Аннушку, и предсказанія о томъ, что голова будетъ отрублена, и все прочее — профессоръ былъ сумасшедшій.

Берліозъ тотчасъ сообразилъ, что слѣдуетъ дѣлать. Откинувшись на спинку скамьи, онъ за спиною профессора замигалъ Бездомному, — не противорѣчь, моль, ему, — но растерявшійся поэтъ этихъ сигналовъ не понялъ.

— Да, да, да, — возбужденно говорилъ Берліозъ, — впрочемъ, все это возможно! Даже очень возможно, и Понтій Пилать, и балконъ, и тому подобное... А вы одни пріѣхали или съ супругой?

— Одинъ, одинъ, я всегда одинъ, — горько отвѣтилъ профессоръ.

— А гдѣ же ваши вещи, профессоръ? — вкрадчиво спрашивалъ Берліозъ, — въ «Метрополъ»? Вы гдѣ остановились?

— Я? Нигдѣ, — отвѣтилъ полоумный нѣмецъ, тоскливо и дико блуждая зеленымъ глазомъ по Патріаршимъ прудамъ.

— Какъ? А... гдѣ же вы будете жить?

— Въ вашей квартирѣ, — вдругъ развязно отвѣтилъ сумасшедшій и подмигнулъ.

— Я... я очень радъ, — забормоталъ Берліозъ, — но, право, у меня вамъ будетъ неудобно... А въ «Метрополъ» чудесные номера, это первоклассная гостиница...

— А дьявола тоже нѣтъ? — вдругъ весело освѣдомился больной у Ивана Николаевича.

— И дьявола...

— Не противорѣчь! — одними губами шепнулъ Берліозъ, обрушиваясь за спину профессора и гримасничая.

— Нѣту никакого дьявола! — растерявшись отъ всей этой муры, вскричалъ Иванъ Николаевичъ не то, что нужно, — вотъ наказаніе! Перестаньте вы психовать.

Тутъ безумный расхохотался такъ, что изъ липы надъ головами сидящихъ выпорхнулъ воробей.

— Ну, ужъ это положительно интересно, — трясясь отъ хохота проговорилъ профессоръ, — что же это у васъ, чего ни хватишься, ничего нѣтъ! — онъ пересталъ хохотать внезапно и, что вполне понятно при душевной болѣзни, послѣ хохота впалъ въ другую крайность — раздражился и крикнулъ сурово: — Такъ, стало быть, такъ-таки и нѣту?

— Успокойтесь, успокойтесь, успокойтесь, профессоръ, — бормоталъ Берліозъ, опасаясь волновать больного, — вы посидите минуточку здѣсь съ товарищемъ Бездомнымъ, а я только сбѣгаю на уголь, звякну по телефону, а потомъ мы васъ проводимъ, куда вы хотите. Вѣдь вы не знаете города...

Планъ Берліоза слѣдуетъ признать правильнымъ: нужно было добѣжать до ближайшаго телефона-автомата и сообщить въ бюро иностранцевъ о томъ, что вотъ, молъ, пріѣзжіи изъ-за границы консультантъ сидитъ на Патріаршихъ прудахъ въ состояніи явно ненормальномъ. Такъ вотъ, необходимо принять мѣры, а то получается какая-то непріятная чепуха.

— Позвонить? Ну что же, позвоните, — печально согласился больной и вдругъ страстно попросилъ: — Но умоляю васъ на прощанье, повѣрьте хоть въ то, что дьяволъ существуетъ! О большемъ я ужъ

васъ и не прошу. Имѣйте въ виду, что на это существуетъ седьмое доказательство, и ужъ самое надежное! И вамъ оно сейчасъ будетъ предъявлено.

— Хорошо, хорошо, — фальшиво-ласково говорилъ Берліозъ и, подмигнувъ разстроенному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшаго нѣмца, устремился къ тому выходу съ Патріаршихъ, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.

А профессоръ тотчасъ же какъ будто выздоровѣлъ и посвѣтлѣлъ.

— Михаилъ Александровичъ! — крикнулъ онъ вдогонку Берліозу.

Тотъ вздрогнулъ, обернулся, но успокоилъ себя мыслью, что его имя и отчество извѣстны профессору также изъ какихъ-нибудь газетъ. А профессоръ прокричалъ, сложивъ руки рупоромъ:

— Не прикажете ли, я велю сейчасъ дать телеграмму вашему дядѣ въ Кіевъ?

И опять передернуло Берліоза. Откуда же сумасшедшій знаетъ о существованіи Кіевского дяди? Вѣдь объ этомъ ни въ какихъ газетахъ, ужъ навѣрно, ничего не сказано. Эге-ге, ужъ не правъ ли Бездомный? А ну какъ документы эти липовые? Ахъ, до чего странный субъектъ. Звонить, звонить! Сейчасъ же звонить! Его быстро разъяснить!

И, ничего не слушая болѣе, Берліозъ побѣжалъ дальше.

Тутъ у самого выхода на Бронную со скамейки навстрѣчу редактору поднялся въ точности тотъ самый гражданинъ, что тогда при свѣтѣ солнца вылепился изъ жирнаго зноя. Только сейчасъ онъ былъ уже не воздушный, а обыкновенный, плотскій, и въ начинающихся сумеркахъ Берліозъ отчетливо разглядѣлъ, что усишки у него, какъ куриныя перья,

глазки маленькіе, ироническіе и полупьяные, а брючки клѣтчатыя, подтянутыя настолько, что видны грязные бѣлые носки.

Михаиль Александровичъ такъ и попятился, но утѣшилъ себя тѣмъ соображеніемъ, что это глупое совпаденіе и что вообще сейчасъ объ этомъ некогда размышлять.

— Турникетъ ищите, гражданинъ? — треснувшимъ теноромъ освѣдомился клѣтчатый типъ, — сюда пожалуйста! Прямо, и выйдете куда надо. Съ васъ бы за указаніе на четверть литра... поправиться... бывшему регенту! — кривляясь, субъектъ наотмашъ снялъ жокейскій свой картузикъ.

Берліозъ не сталъ слушать попрошайку и ломаку регента, подбѣжалъ къ турникету и взялся за него рукой. Повернувъ его, онъ уже собирался шагнуть на рельсы, какъ въ лицо ему брызнулъ красный и бѣлый свѣтъ: загорѣлась въ стеклянномъ ящикѣ надпись «Берегись трамвая!».

Тотчасъ и подлетѣлъ этотъ трамвай, поворачивающій по новопроложенной линіи съ Ермолаевского на Бронную. Повернувъ и выйдя на прямую, онъ внезапно освѣтился изнутри электричествомъ, взвылъ и надалъ.

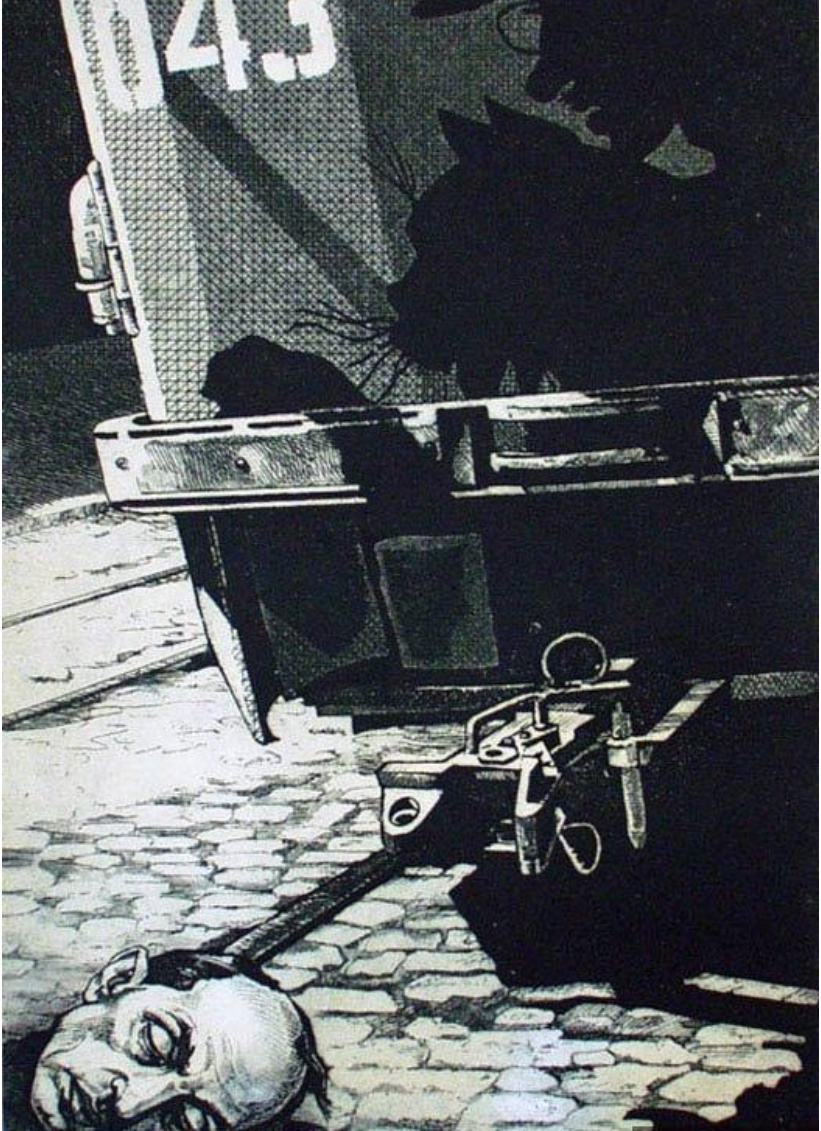
Осторожный Берліозъ, хоть и стоялъ безопасно, рѣшилъ вернуться за рогатку, переложилъ руку на вертушкѣ, сдѣлалъ шагъ назадъ. И тотчасъ рука его скользнула и сорвалась, нога неудержимо, какъ по льду, поѣхала по булыжнику, откосомъ сходящему къ рельсамъ, другую ногу подбросило, и Берліоза выбросило на рельсы.

Стараясь за что-нибудь ухватиться, Берліозъ упалъ навзничъ, несильно ударившись затылкомъ о булыжникъ, и успѣлъ увидѣть въ высотѣ, но справа или слѣва — онъ уже не сообразилъ, — позлащенную луну.

Онъ успѣлъ повернуться на бокъ, бѣшенымъ движеніемъ въ тотъ же мигъ подтянувъ ноги къ животу, и, повернувшись, разглядѣлъ несущееся на него съ неустойчивой силой совершенно бѣлое отъ ужаса лицо женщины-вагоновожатой и ее алую повязку. Берліозъ не вскрикнулъ, но вокругъ него отчаянными женскими голосами завизжала вся улица. Вожатая рванула электрической тормозъ, вагонъ сѣлъ носомъ въ землю, послѣ этого мгновенно подпрыгнулъ, и съ грохотомъ и звономъ изъ оконъ полетѣли стекла. Тутъ въ мозгу Берліоза кто-то отчаянно крикнулъ — «Неужели?..» Еще разъ, и въ послѣдній разъ, мелькнула луна, но уже разваливаясь на куски, и затѣмъ стало темно.

Трамвай накрылъ Берліоза, и подъ рѣшетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откосъ круглый темный предметъ. Скатившись съ этого откоса, онъ запрыгалъ по булыжникамъ Бронной.

Это была отрѣзанная голова Берліоза.

Ефименко В. Голова Берліоза (Изъ диптиха «Седьмое доказательство бытія Божія»)

Глава 4

Погоня

Утихли истерическіе женскіе крики, отсверлили свистки милиціи, двѣ санитарныя машины увезли: одна — обезглавленное тѣло и отрѣзанную голову въ моргъ, другая — раненную осколками стекла красавицу вожатую, дворники въ бѣлыхъ фартукахъ убрали осколки стеколъ и засыпали пескомъ кровавыя лужи, а Иванъ Николаевичъ какъ упалъ на скамейку, не добѣжавъ до турникета, такъ и остался на ней.

Нѣсколько разъ онъ пытался подняться, но ноги его не слушались — съ Бездомнымъ приключилось что-то вроде паралича.

Поэтъ бросился бѣжать къ турникету, какъ только услышалъ первый вопль, и видѣлъ, какъ голова подсакивала на мостовой. Отъ этого онъ до того обезумѣлъ, что, упавши на скамью, укусилъ себя за руку до крови. Про сумасшедшаго нѣмца онъ, конечно, забылъ и старался понять только одно, какъ это можетъ быть, что вотъ только что онъ говорилъ съ Берліозомъ, а черезъ минуту — голова...

Взволнованные люди пробѣгали мимо поэта по аллеѣ, что-то восклицая, но Иванъ Николаевичъ ихъ словъ не воспринималъ.

Однако неожиданно возлѣ него столкнулись двѣ женщины, и одна изъ нихъ, востроносая и простоволосая, закричала надъ самымъ ухомъ поэта другой женщинѣ такъ:

— Аннушка, наша Аннушка! Съ садовой! Это ея работа! Взяла она въ бакалеѣ подсолнечнаго масла, да литровку-то о вертушку и разбей! Всю юбку изгадила...

Ужъ она ругалась, ругалась! А онъ-то, бѣдный, стало быть, поскользнулся да и поѣхалъ на рельсы...

Изъ всего выкрикнутаго женщиной въ разстроенный мозгъ Ивана Николаевича вцѣпилось одно слово: «Аннушка»...

— Аннушка... Аннушка?.. — забормоталъ поэтъ, тревожно озираясь, — позвольте, позвольте...

Къ слову «Аннушка» привязались слова «подсолнечное масло», а затѣмъ почему-то «Понтій Пилатъ». Пилата поэтъ отринулъ и сталъ вязать цѣпочку, начиная со слова «Аннушка». И цѣпочка эта связалась очень быстро и тотчасъ привела къ сумасшедшему профессору.

Виноватъ! Да вѣдь онъ же сказалъ, что засѣданіе не состоится, потому что Аннушка разлила масло. И, будьте любезны, оно не состоится! Этого мало: онъ прямо сказалъ, что Берліозу отрѣжетъ голову женщина?! Да, да, да! Вѣдь вожатая была женщина?! Что же это такое? А?

Не оставалось даже зерна сомнѣнія въ томъ, что таинственный консультантъ точно зналъ заранѣе всю картину ужасной смерти Берліоза. Тутъ двѣ мысли пронизали мозгъ поэта. Первая: «Онъ отнюдь не сумасшедшій! Все это глупости!», и вторая: «Ужъ не подстроилъ ли онъ это самъ?!»

Но, позвольте спросить, какимъ образомъ?!

— Э, нѣтъ! Это мы узнаемъ!

Сдѣлавъ надъ собой великое усиліе, Иванъ Николаевичъ поднялся со скамьи и бросился назадъ, туда, гдѣ разговаривалъ съ профессоромъ. И оказалось, что тотъ, къ счастью, еще не ушелъ.

На Бронной уже зажглись фонари, а надъ Патріаршими свѣтила золотая луна, и въ лунномъ, всегда обманчивомъ, свѣтѣ Ивану Николаевичу

показалось, что тотъ стоитъ, держа подъ мышкою не трость, а шпагу.

Отставной втируша-регентъ сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ еще недавно самъ Иванъ Николаевичъ. Теперь регентъ нацѣпилъ себѣ на носъ явно не нужное пенсне, въ которомъ одного стекла вовсе не было, а другое треснуло. Отъ этого клѣтчатый гражданинъ сталъ еще гаже, чѣмъ былъ тогда, когда указывалъ Берлюзу путь на рельсы.

Съ холодѣющимъ сердцемъ Иванъ приблизился къ профессору и, взглянувъ ему въ лицо, убѣдился въ томъ, что никакихъ признаковъ сумасшествія нѣтъ и не было.

— Сознавайтесь, кто вы такой? — глухо спросилъ Иванъ.

Иностранецъ насупился, глянулъ такъ, какъ будто впервые видитъ поэта, и отвѣтилъ неприязненно:

— Не понимай... русскій говорить...

— Они не понимаютъ! — ввязался со скамейки регентъ, хотя его никто и не просилъ объяснять слова иностранца.

— Не притворяйтесь! — грозно сказалъ Иванъ и почувствовалъ холодъ подъ ложечкой, — вы только что прекрасно говорили по-русски. Вы не нѣмецъ и не профессоръ! Вы — убійца и шпіонъ! Документы! — яростно крикнулъ Иванъ.

Загадочный профессоръ брезгливо скривилъ и безъ того кривой ротъ и пожалъ плечами.

— Гражданинъ! — опять встрялъ мерзкій регентъ, — вы что же это волнуете интуриста? За это съ васъ строжайше спросится! — а подозрительный профессоръ сдѣлалъ надменное лицо, повернулся и пошелъ отъ Ивана прочь.

Иванъ почувствовалъ, что теряется. Задыхаясь, онъ обратился къ регенту:

— Эй, гражданинъ, помогите задержать преступника! Вы обязаны это сдѣлать!

Регентъ чрезвычайно оживился, вскочилъ и заораль:

— Гдѣ твой преступникъ? Гдѣ онъ? Иностраннй преступникъ? — глаза регента радостно заиграли, — этотъ? Ежели онъ преступникъ, то первымъ долгомъ слѣдуетъ кричать: «Карауль!» А то онъ уйдетъ. А ну, давайте вмѣстѣ! Разомъ! — и тутъ регентъ разинулъ пасть.

Растерявшійся Иванъ послушался шуткаря-регента и крикнулъ «карауль!», а регентъ его надулъ, ничего не крикнулъ.

Одинокій, хриплый крикъ Ивана хорошихъ результатовъ не принесъ. Двѣ какихъ-то дѣвицы шарахнулись отъ него въ сторону, и онъ услышалъ слово «пьяный».

— А, такъ ты съ нимъ заодно? — впадая въ гнѣвъ, прокричалъ Иванъ, — ты что же это, глумишься надо мной? Пусти!

Иванъ кинулся вправо, и регентъ — тоже вправо! Иванъ — влѣво, и тотъ мерзавецъ туда же.

— Ты нарочно подъ ногами путаешься? — звѣрѣя, закричалъ Иванъ, — я тебя самого предамъ въ руки милиціи!

Иванъ сдѣлалъ попытку ухватить негодяя за рукавъ, но промахнулся и ровно ничего не поймалъ. Регентъ какъ сквозь землю провалился.

Иванъ ахнулъ, глянулъ вдаль и увидѣлъ ненавистнаго неизвѣстнаго. Тотъ былъ уже у выхода въ Патріаршій переулокъ, и притомъ не одинъ. Болѣе чѣмъ сомнительный регентъ успѣлъ присоединиться къ нему. Но это еще не всѣ: третьимъ въ этой компаніи оказался неизвѣстно откуда взявшійся котъ, громадный, какъ боровъ, черный, какъ сажа или грачь, и съ отчаянными

кавалерійскими усами. Тройка двинулась въ Патріаршій, приче́мъ котъ тронулся на заднихъ лапахъ.

Иванъ устремился за злодѣями вслѣдъ и тотчасъ убѣдился, что догнать ихъ будетъ очень трудно.

Тройка мигомъ проскочила по переулку и оказалась на Спиридоновкѣ. Сколько Иванъ не прибавлялъ шагу, разстояніе между преслѣдуемыми и имъ ничуть не сокращалось. И не успѣлъ поэтъ опомниться, какъ послѣ тихой Спиридоновки очутился у Никитскихъ воротъ, гдѣ положеніе его ухудшилось. Тутъ ужъ была толчея, Иванъ налетѣлъ на кой-кого изъ прохожихъ, былъ обруганъ. Злодѣйская же шайка къ тому же здѣсь рѣшила примѣнить излюбленный бандитскій пріемъ — уходить вразсыпную.

Регентъ съ великой ловкостью на ходу ввинтился въ автобусъ, летящій къ Арбатской площади, и ускользнулъ. Потерявъ одного изъ преслѣдуемыхъ, Иванъ сосредоточилъ свое вниманіе на котѣ и видѣлъ, какъ этотъ странный котъ подошелъ къ подножкѣ моторнаго вагона «А», стоящаго на остановкѣ, нагло отсадилъ взвизгнувшую женщину, уцѣпился за поручень и даже сдѣлалъ попытку всучить кондукторшѣ гривенникъ черезъ открытое по случаю духоты окно.

Поведеніе кота настолько поразило Ивана, что онъ въ неподвижности застылъ у бакалейнаго магазина на углу и тутъ вторично, но гораздо сильнѣе, былъ пораженъ поведеніемъ кондукторши. Та, лишь только увидѣла кота, лѣзущаго въ трамвай, со злобой, отъ которой даже тряслась, закричала:

— Котамъ нельзя! Съ котами нельзя! Брысь! Слѣзай, а то милицію позову!

Ни кондукторшу, ни пассажировъ не поразила самая суть дѣла: не то, что котъ лѣзетъ въ трамвай, въ чемъ было бы еще полбѣды, а то, что онъ собирается платить!

Коть оказался не только платежеспособнымъ, но и дисциплинированнымъ звѣремъ. При первомъ же окрикѣ кондукторши онъ прекратилъ наступленіе, снялся съ подножки и сѣлъ на остановкѣ, потирая гривенникомъ усы. Но лишь кондукторша рванула веревку и трамвай тронулся, котъ поступилъ какъ всякій, кого изгоняють изъ трамвая, но которому все-таки ѣхать-то надо. Пропустивъ мимо себя всѣ три вагона, котъ вскочилъ на заднюю дугу послѣдняго, лапой вцѣпилъ въ какую-то кишку, выходящую изъ стѣнки, и укатилъ, сэкономивъ, такимъ образомъ, гривенникъ.

Занявшись паскуднымъ котомъ, Иванъ едва не потерялъ самага главнаго изъ трехъ — профессора. Но, по счастью, тотъ не успѣлъ улизнуть. Иванъ увидѣлъ сѣрый беретъ въ гущѣ въ началѣ Большой Никитской, или Герцена. Въ мгновеніе ока Иванъ и самъ оказался тамъ. Однако удачи не было. Поэтъ и шагу прибавлялъ, и рысцой начиналъ бѣжать, толкая прохожихъ, и ни на сантиметръ не приблизился къ профессору.

Какъ ни былъ разстроены Иванъ, все же его поражала та сверхъестественная скорость, съ которой происходила погоня. И двадцати секундъ не прошло, какъ послѣ Никитскихъ воротъ Иванъ Николаевичъ былъ уже ослѣпленъ огнями на Арбатской площади. Еще нѣсколько секундъ, и вотъ какой-то темный переулокъ съ покосившимися тротуарами, гдѣ Иванъ Николаевичъ грохнулся и разбилъ колѣно. Опять освѣщенная магистраль — улица Кропоткина, потомъ переулокъ, потомъ Остоженка и еще переулокъ, унылый, гадкій и скупо освѣщенный. И вотъ здѣсь-то Иванъ Николаевичъ окончательно потерялъ того, кто былъ ему такъ нуженъ. Профессоръ исчезъ.

Иванъ Николаевичъ смутился, но ненадолго, потому что вдругъ сообразилъ, что профессоръ

непрерменно долженъ оказаться въ домѣ № 13 и обязательно въ квартирѣ 47.

Ворвавшись въ подъѣздъ, Иванъ Николаевичъ взлетѣлъ на второй этажъ, немедленно нашель эту квартиру и позвонилъ нетерпѣливо. Ждать пришлось недолго: открыла Ивану дверь какая-то дѣвочка лѣтъ пяти и, ни о чемъ не справляясь у пришедшаго, немедленно ушла куда-то.

Въ громадной, до крайности запущенной передней, слабо освѣщенной малюсенькой угольной лампочкой подь высокимъ, чернымъ отъ грязи потолкомъ, на стѣнѣ висѣлъ велосипедъ безъ шинъ, стоялъ громадный ларь, обитый желѣзомъ, а на полкѣ надъ вѣшалкой лежала зимняя шапка, и длинныя ея уши свѣшивались внизъ. За одной изъ дверей гулкій мужской голосъ въ радіоаппаратѣ сердито кричалъ что-то стихами.

Иванъ Николаевичъ ничуть не растерялся въ незнакомой обстановкѣ и прямо устремился въ коридоръ, разсуждая такъ: «Онъ, конечно, спрятался въ ванной». Въ коридорѣ было темно. Потыкавшись въ стѣны, Иванъ увидѣлъ слабенькую полоску свѣта внизу подь дверью, нашарилъ ручку и несильно рванулъ ее. Крючокъ отскочилъ, и Иванъ оказался именно въ ванной и подумалъ о томъ, что ему повезло.

Однако повезло не такъ ужъ, какъ бы нужно было! На Ивана пахнуло влажнымъ, тепломъ и, при свѣтѣ углей, тлѣющихъ въ колонкѣ, онъ разглядѣлъ большія корыта, висящія на стѣнѣ, и ванну, всю въ черныхъ страшныхъ пятнахъ отъ сбитой эмали. Такъ вотъ, въ этой ваннѣ стояла голая гражданка, вся въ мылѣ и съ мочалкой въ рукахъ. Она близоручко прищурилась на ворвавшегося Ивана и, очевидно, обознавшись въ адскомъ освѣщеніи, сказала тихо и весело:

— Кирюшка! Бросьте трепаться! Что вы, съ ума сошли?.. Федоръ Иванычъ сейчасъ вернется. Вонъ отсюда сейчасъ же! — и махнула на Ивана мочалкой.

Недоразумѣніе было налицо, и повиненъ въ немъ былъ, конечно, Иванъ Николаевичъ. Но признаться въ этомъ онъ не пожелалъ и, воскликнувъ укоризненно: «Ахъ, развратница!..» — тутъ же зачѣмъ-то очутился на кухнѣ. Въ ней никого не оказалось, и на плитѣ въ полумракѣ стояло безмолвно около десятка потухшихъ примусовъ. Одинъ лунный лучъ, просочившись сквозь пыльное, годами не вытираемое окно, скупо освѣщаль тотъ уголь, гдѣ въ пыли и паутинѣ висѣла забытая икона, изъ-за кіота которой высывались концы двухъ вѣнчальныхъ свѣчей. Подъ большой иконой висѣла пришипленная маленькая — бумажная.

Никому не извѣстно, какая тутъ мысль овладѣла Иваномъ, но только, прежде чѣмъ выбѣжать на черный ходъ, онъ присвоилъ одну изъ этихъ свѣчей, а также и бумажную иконку. вмѣстѣ съ этими предметами онъ покинулъ неизвѣстную квартиру, что-то бормоча, конфузясь при мысли о томъ, что онъ только что пережилъ въ ванной, невольно стараясь угадать, кто бы былъ этотъ наглый Кирюшка и не ему ли принадлежитъ противная шапка съ ушами.

Въ пустынномъ безотрадномъ переулкѣ поэтъ оглянулся, ища бѣглеца, но того нигдѣ не было. Тогда Иванъ твердо сказалъ самому себѣ:

— Ну конечно, онъ на Москвѣ-рѣкѣ! Впередь!

Слѣдовало бы, пожалуй, спросить Ивана Николаевича, почему онъ полагаетъ, что профессоръ именно на Москвѣ-рѣкѣ, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Да горе въ томъ, что спросить-то было некому. Омерзительный переулочекъ былъ совершенно пустъ.

Черезъ самое короткое время можно было увидѣть Ивана Николаевича на гранитныхъ ступеняхъ амфитеатра Москвы-рѣки.

Снявъ съ себя одежду, Иванъ поручилъ ее какому-то пріятному бородачу, курящему самокрутку возлѣ рваной бѣлой толстовки и расшнурованныхъ стоптанныхъ ботинокъ. Помахавъ руками, чтобы остыть, Иванъ ласточкой кинулся въ воду. Духъ перехватило у него, до того была холодна вода, и мелькнула даже мысль, что не удастся, пожалуй, выскочить на поверхность. Однако выскочить удалось, и, отдуваясь и фыркая, съ круглыми отъ ужаса глазами, Иванъ Николаевичъ началъ плавать въ пахнущей нефтью черной водѣ межъ изломанныхъ зигзаговъ береговыхъ фонарей.

Когда мокрый Иванъ приплясалъ по ступенямъ къ тому мѣсту, гдѣ осталось подъ охраной бородача его платьѣ, выяснилось, что похищено не только второе, но и первый, то есть самъ бородачъ. Точно на томъ мѣстѣ, гдѣ была груда платьѣ, остались полосатыя кальсоны, рваная толстовка, свѣча, иконка и коробка спичекъ. Погрозивъ въ безсильной злобѣ кому-то вдаль кулакомъ, Иванъ облачился въ то, что было оставлено.

Тутъ его стали беспокоить два соображенія: первое, это то, что исчезло удостовѣреніе МАССОЛИТа, съ которымъ онъ никогда не разставался, и, второе, удастся ли ему въ такомъ видѣ безпрепятственно пройти по Москвѣ? Все-таки въ кальсонахъ... Правда, кому какое дѣло, а все же не случилось бы какой-нибудь придирки или задержки.

Иванъ оборвалъ пуговицы съ кальсонъ тамъ, гдѣ тѣ застегивались у щиколотки, въ расчетъ на то, что, можетъ быть, въ такомъ видѣ онъ сойдутъ за лѣтніе брюки, забралъ иконку, свѣчу и спички и тронулся, сказавъ самому себѣ:

— Къ Грибоѣдову! Въ всякихъ сомнѣній, онъ тамъ.

Городъ уже жилъ вечерней жизнью. Въ пыли пролетали, бряца цѣпями, грузовики, на платформахъ коихъ, на мѣшкахъ, раскинувшись животами кверху, лежали какіе-то мужчины. Всѣ окна были открыты. Въ каждомъ изъ этихъ оконъ горѣлъ огонь подъ оранжевымъ абажуромъ, и изъ всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ дверей, изъ всѣхъ подворотенъ, съ крышъ и чердаковъ, изъ подваловъ и дворовъ вырывался хриплый ревъ полонеза изъ оперы «Евгеній Онѣгинъ».

Опасенія Ивана Николаевича полностью оправдались: прохожіе обращали на него вниманіе и оборачивались. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ покинуть большія улицы и пробираться переулочками, гдѣ не такъ назойливы люди, гдѣ меньше шансовъ, что пристанутъ къ босому человѣку, изводя его разспросами о кальсонахъ, которыя упорно не пожелали стать похожими на брюки.

Иванъ такъ и сдѣлалъ и углубился въ таинственную сѣть Арбатскихъ переулковъ и началъ пробираться подъ стѣнками, пугливо косясь, ежеминутно оглядываясь, по временамъ прячась въ подѣздахъ и избѣгая перекрестковъ со свѣтофорами, шикарныхъ дверей посольскихъ особняковъ.

И на всемъ его трудномъ пути невыразимо почему-то мучилъ вездѣсущій оркестръ, подъ аккомпанементъ котораго тяжелый басъ пѣлъ о своей любви къ Татьянѣ.

Было дѣло въ Грибоѣдовѣ

Старинный двухъэтажный домъ кремоваго цвѣта помѣщался на бульварномъ кольцѣ въ глубинѣ чахлаго сада, отдѣленнаго отъ тротуара кольца рѣзною чугуною рѣшеткой. Небольшая площадка передъ домомъ была заасфальтирована, и въ зимнее время на ней возвышался сугробъ съ лопатой, а въ лѣтнее время она превращалась въ великолѣпнѣйшее отдѣленіе лѣтняго ресторана подъ парусиновымъ тентомъ.

Домъ назывался «домомъ Грибоѣдова» на томъ основаніи, что будто бы нѣкогда имъ владѣла тетка писателя — Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Ну владѣла или не владѣла — мы того не знаемъ. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладѣлицы у Грибоѣдова не было... Однако домъ такъ называли. Болѣе того, одинъ московскій врунъ рассказывалъ, что якобы вотъ во второмъ этажѣ, въ кругломъ залѣ съ колоннами, знаменитый писатель читалъ отрывки изъ «Горя отъ ума» этой самой теткѣ, раскинувшейся на софѣ, а впрочемъ, чертъ его знаетъ, можетъ быть, и читалъ, не важно это!

А важно то, что въ настоящее время владѣлъ этимъ домомъ тотъ самый МАССОЛИТ, во главѣ котораго стоялъ несчастный Михаилъ Александровичъ Берліозъ до своего появленія на Патріаршихъ прудахъ.

Съ легкой руки членовъ МАССОЛИТа никто не называлъ домъ «домомъ Грибоѣдова», а всѣ говорили просто — «Грибоѣдовъ»: «Я вчера два часа протолкался у Грибоѣдова», — «Ну и какъ?» — «Въ Ялту на мѣсяць добился». — «Молодецъ!». Или: «Пойди къ Берліозу, онъ

сегодня отъ четырехъ до пяти принимаетъ въ Грибоѣдовѣ...» И такъ далѣе.

МАССОЛИТ размѣстился въ Грибоѣдовѣ такъ, что лучше и уютнѣе не придумать. Всякій, входящій въ Грибоѣдова, прежде всего знакомился невольно съ извѣщеніями разныхъ спортивныхъ кружковъ и съ групповыми, а также индивидуальными фотографіями членовъ МАССОЛИТа, которыми (фотографіями) были увѣшаны стѣны лѣстницы, ведущей во второй этажъ.

На дверяхъ первой же комнаты въ этомъ верхнемъ этажѣ виднѣлась крупная надпись «Рыбно-дачная секція», и тутъ же былъ изображенъ карась, попавшійся на уду.

На дверяхъ комнаты № 2 было написано что-то не совсѣмъ понятное: «Однодневная творческая путевка. Обращаться къ М. В. Подложной».

Слѣдующая дверь несла на себѣ краткую, но уже вовсе непонятную надпись: «Перелыгино». Потомъ у случайнаго посѣтителя Грибоѣдова начинали разбѣгаться глаза отъ надписей, пестрѣвшихъ на орѣховыхъ теткиныхъ дверяхъ: «Запись въ очередь на бумагу у Поклевкиной», «Касса», «Личные расчеты скетчистовъ»...

Прорѣзавъ длиннѣйшую очередь, начинавшуюся уже внизу въ швейцарской, можно было видѣть надпись на двери, въ которую ежесекундно ломился народъ: «Квартирный вопросъ».

За квартирнымъ вопросомъ открывался роскошный плакатъ, на которомъ изображена была скала, а по гребню ея ѣхалъ всадникъ въ буркѣ и съ винтовкой за плечами. Пониже — пальмы и балконъ, на балконѣ — сидящій молодой человекъ съ хохолкомъ, глядящій куда-то ввысь очень-очень бойкими глазами и держащій въ рукѣ самопишущее перо. Подпись: «Полнообъемные творческіе отпуска отъ двухъ недѣль

(разсказъ-новелла) до одного года (романъ, трилогія). Ялта, Суукъ-Су, Боровое, Цихидзири, Махинджаури, Ленинградъ (Зимній дворець)». У этой двери также была очередь, но не чрезмѣрная, человѣкъ въ полтора года.

Далѣе слѣдовали, повинуюсь прихотливымъ изгибамъ, поднимаю и спускаю Грибоѣдовскаго дома, — «Правленіе МАССОЛИТа», «Кассы № 2, 3, 4, 5», «Редакціонная коллегія», «Предсѣдатель МАССОЛИТа», «Бильярдная», различныя подсобныя учрежденія, наконецъ, тотъ самый залъ съ колоннадой, гдѣ тетка наслаждалась комедіей геніальнаго племянника.

Всякій посѣтитель, если онъ, конечно, былъ не вовсе тупицей, попавъ въ Грибоѣдова, сразу же соображалъ, насколько хорошо живетъ счастливцамъ — членамъ МАССОЛИТа, и черная зависть начинала немедленно терзать его. И немедленно же онъ обращалъ къ небу горькіе укоризны за то, что оно не наградило его при рожденіи литературнымъ талантомъ, безъ чего, естественно, нечего было и мечтать овладѣть членскимъ МАССОЛИТскимъ билетомъ, коричневымъ, пахнущимъ дорогой кожей, съ золотой широкой каймой, — извѣстнымъ всей Москвѣ билетомъ.

Кто скажетъ что-нибудь въ защиту зависти? Это чувство дрянной категоріи, но все же надо войти и въ положеніе посѣтителя. Вѣдь то, что онъ видѣлъ въ верхнемъ этажѣ, было не все и далеко еще не все. Въсь нижній этажъ теткинаго дома былъ занятъ рестораномъ, и какимъ рестораномъ! По справедливости онъ считался самымъ лучшимъ въ Москвѣ. И не только потому, что размѣщался онъ въ двухъ большихъ залахъ со сводчатыми потолками, расписанными лиловыми лошадьми съ ассирійскими гривами, не только потому, что на каждомъ столикѣ помѣщалась лампа, накрытая

шалю, не только потому, что туда не могъ проникнуть первый попавшійся человѣкъ съ улицы, а еще и потому, что качествомъ своей провизіи Грибоѣдовъ билъ любой ресторанъ въ Москвѣ, какъ хотѣлъ, и что эту провизію отпускали по самой сходной, отнюдь не обременительной цѣнѣ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ хотя бы разговорѣ, который однажды слышалъ авторъ этихъ правдивѣйшихъ строкъ у чугунной рѣшетки Грибоѣдова:

— Ты гдѣ сегодня ужинаешь, Амвросій?

— Что за вопросъ, конечно, здѣсь, дорогой Фока! Арчибальдъ Арчибальдовичъ шепнулъ мнѣ сегодня, что будутъ порціонные судачки а натюрель. Виртуозная штука!

— Умѣешь ты жить, Амвросій! — со вздохомъ отвѣчалъ тощій, запущенный, съ карбункуломъ на шеѣ Фока румяногубому гиганту, золотистоволосому, пышнощекому Амвросію-поэту.

— Никакого умѣнья особеннаго у меня нѣту, — возражалъ Амвросій, — а обыкновенное желаніе жить по-человѣчески. Ты хочешь сказать, Фока, что судачки можно встрѣтить и въ «Колизеѣ». Но въ «Колизеѣ» порція судачковъ стоитъ тринадцать рублей пятнадцать копеекъ, а у насъ — пять пятьдесятъ! Кромѣ того, въ «Колизеѣ» судачки третьедневочные, и, кромѣ того, еще у тебя нѣтъ гарантіи, что ты не получишь въ «Колизеѣ» виноградной кистью по мордѣ отъ перваго попавшаго молодого человѣка, ворвавшагося съ театральнаго проѣзда. Нѣтъ, я категорически противъ «Колизея», — гремѣлъ на вѣсь бульваръ гастрономъ Амвросій. — Не уговаривай меня, Фока!

— Я не уговариваю тебя, Амвросій, — пищалъ Фока. — Дома можно поужинать.

— Слуга покорный, — трубилъ Амвросій, —

представляю себѣ твою жену, пытающуюся соорудить въ кастрюлькѣ въ общей кухнѣ дома порціонные судачки а натюрель! Ги-ги-ги!.. Оревуарь, Фока! — и, напѣвая, Амвросій устремлялся къ верандѣ подъ тентомъ.

Эхъ-хо-хо... Да, было, было!.. Помнятъ московскіе старожилы знаменитаго Грибоѣдова! Что отварные порціонные судачки! Дешевка это, милый Амвросій! А стерлядь, стерлядь въ серебристой кастрюлькѣ, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свѣжей икрой? А яйца-кокоттъ съ шампиньоновымъ пюре въ чашечкахъ? А филейчики изъ дроздовъ вамъ не нравились? Съ трюфелями? Перепела по-генуэзски? Десять съ полтиной! Да джазь, да вѣжливая услуга! А въ іюлѣ, когда вся семья на дачѣ, а васъ неотложныя литературныя дѣла держатъ въ городѣ, — на верандѣ, въ тѣни вьющегося винограда, въ золотомъ пятнѣ на чистѣйшей скатерти тарелочка супа-прентаньеръ? Помните, Амвросій? Ну что же спрашивать! По губамъ вашимъ вижу, что помните. Что ваши сижки, судачки! А дупеля, гаршнепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики? Шипящій въ горлѣ нарзанъ?! Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!..

Въ половинѣ одиннадцатаго часа того вечера, когда Берліозъ погибъ на Патріаршихъ, въ Грибоѣдовѣ наверху была освѣщена только одна комната, и въ ней томились двѣнадцать литераторовъ, собравшихся на засѣданіе и ожидавшихъ Михаила Александровича.

Сидящіе на стульяхъ, и на столахъ, и даже на двухъ подоконникахъ въ комнатѣ правленія МАССОЛИТа серьезно страдали отъ духоты. Ни одна свѣжая струя не проникала въ открытыя окна. Москва отдавала накопленный за день въ асфальтѣ жаръ, и ясно было, что ночь не принесетъ облегченія. Пахло лукомъ изъ подвала теткинаго дома, гдѣ работала ресторанныя

кухня, и всѣмъ хотѣлось пить, всѣ нервничали и сердились.

Беллетристъ Безкудниковъ — тихій, прилично одѣтый человѣкъ съ внимательными и въ то же время неуловимыми глазами — вынулъ часы. Стрѣлка ползла къ одиннадцати. Безкудниковъ стукнулъ пальцемъ по циферблату, показалъ его сосѣду, поэту Двубратскому, сидящему на столѣ и отъ тоски болтающему ногами, обутыми въ желтыя туфли на резиновомъ ходу.

— Однако, — проворчалъ Двубратскій.

— Хлопецъ, навѣрно, на Клязьмѣ застрялъ, — густымъ голосомъ отозвалась Настасья Лукинишна Непременова, московская купеческая сирота, ставшая писательницей и сочиняющая батальные морскіе рассказы подъ псевдонимомъ «Штурманъ Жоржъ».

— Позвольте! — смѣло заговорилъ авторъ популярныхъ скетчей Загривовъ. — Я и самъ бы сейчасъ съ удовольствіемъ на балкончикъ чайку попилъ, вмѣсто того чтобы здѣсь вариться. Вѣдь засѣданіе-то назначено въ десять?

— А сейчасъ хорошо на Клязьмѣ, — подзудила присутствующихъ Штурманъ Жоржъ, зная, что дачный литераторскій поселокъ Перелыгино на Клязьмѣ — общее больное мѣсто. — Теперь ужъ соловьи, навѣрно, поютъ. Мнѣ всегда какъ-то лучше работается за городомъ, въ особенности весной.

— Третій годъ вношу денежки, чтобы больную базедовой болѣзнью жену отправить въ этотъ рай, да что-то ничего въ волнахъ не видно, — ядовито и горько сказалъ новеллистъ Іеронимъ Поприхинъ.

— Это ужъ какъ кому повезетъ, — прогудѣлъ съ подоконника критикъ Абабковъ.

Радость загорѣлась въ маленькихъ глазкахъ Штурманъ Жоржа, и она сказала, смягчая свое контральто:

— Не надо, товарищи, завидовать. Дачь всего двадцать двѣ, и строится еще только семь, а насъ въ МАССОЛИТѢ три тысячи.

— Три тысячи сто одиннадцать человѣкъ, — вставилъ кто-то изъ угла.

— Ну вотъ видите, — проговорила Штурманъ, — что же дѣлать? Естественно, что дачи получили наиболѣе талантливые изъ насъ...

— Генералы! — напрямикъ врѣзался въ склоку Глухаревъ-сценаристъ.

Безкудниковъ, искусственно зѣвнувъ, вышелъ изъ комнаты.

— Одни въ пяти комнатахъ въ Перелыгинѣ, — вслѣдъ ему сказалъ Глухаревъ.

— Лавровичъ одинъ въ шести, — вскричалъ Денискинъ, — и столовая дубомъ обшита!

— Э, сейчасъ не въ этомъ дѣло, — прогудѣлъ Абабковъ, — а въ томъ, что половина двѣнадцатаго.

Начался шумъ, назрѣвало что-то вродѣ бунта. Стали звонить въ ненавистное Перелыгино, попали не въ ту дачу, къ Лавровичу, узнали, что Лавровичъ ушелъ на рѣку, и совершенно отъ этого разстроились. Наобумъ позвонили въ комиссію изящной словесности по добавочному № 930 и, конечно, никого тамъ не нашли.

— Онъ могъ бы и позвонить! — кричали Денискинъ, Глухаревъ и Квантъ.

Ахъ, кричали они напрасно: не могъ Михаилъ Александровичъ позвонить никуда. Далекое, далеко отъ Грибоѣдова, въ громадномъ залѣ, освѣщенномъ тысячесвѣчовыми лампами, на трехъ цинковыхъ столахъ лежало то, что еще недавно было Михаиломъ Александровичемъ.

На первомъ — обнаженное, въ засохшей крови, тѣло съ перебитой рукой и раздавленной грудной клѣткой, на другомъ — голова съ выбитыми передними

зубами, съ помутнѣвшими открытыми глазами, которые не пугаль рѣзчайшій свѣтъ, а на третьемъ — груда заскорузлыхъ тряпокъ.

Возлѣ обезглавленнаго стояли: профессоръ судебной медицины, патологоанатомъ и его прозекторъ, представители слѣдствія и вызванный по телефону отъ больной жены замѣститель Михаила Александровича Берліоза по МАССОЛИТу — литераторъ Желдыбинъ.

Машина заѣхала за Желдыбинымъ и, первымъ долгомъ, вмѣстѣ со слѣдствіемъ, отвезла его (около полуночи это было) на квартиру убитаго, гдѣ было произведено опечатаніе его бумагъ, а затѣмъ ужъ всѣ поѣхали въ моргъ.

Вотъ теперь стоящіе у останковъ покойнаго совѣщались, какъ лучше сдѣлать: пришить ли отрѣзанную голову къ шеѣ или выставить тѣло въ Грибоѣдовскомъ залѣ, просто закрывъ погибшаго наглухо до подбородка чернымъ платкомъ?

Да, Михаилъ Александровичъ никуда не могъ позвонить, и совершенно напрасно возмущались и кричали Денискинъ, Глухаревъ и Квантъ съ Безкудниковымъ. Ровно въ полночь всѣ двѣнадцать литераторовъ покинули верхній этажъ и спустились въ ресторанъ. Тутъ опять про себя недобрымъ словомъ помянули Михаила Александровича: всѣ столики на верандѣ, натурально, оказались уже занятыми, и пришлось оставаться ужинать въ этихъ красивыхъ, но душныхъ залахъ.

И ровно въ полночь въ первомъ изъ нихъ что-то грохнуло, зазвенѣло, посыпалось, запрыгало. И тотчасъ тоненькій мужской голосъ отчаянно закричалъ подъ музыку: «Аллилуйя!!» это ударилъ знаменитый Грибоѣдовскій джазъ. Покрытыя испариной лица какъ будто засвѣтились, показалось, что ожили на потолкѣ нарисованныя лошади, въ лампахъ какъ будто

прибавили свѣту, и вдругъ, какъ бы сорвавшись съ цѣпи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда.

Заплясалъ Глухаревъ съ поэтессой Тамарой Полумѣсяцъ, заплясалъ Квантъ, заплясалъ Жуковъ-романистъ съ какой-то киноактрисой въ желтомъ платьѣ. Плясали: Драгунскій, Чердакчи, маленькій Денискинъ съ гигантской Штурманъ Джоржемъ, плясала красавица архитекторъ Семейкина-Галль, крѣпко схваченная неизвѣстнымъ въ бѣлыхъ рогожныхъ брюкахъ. Плясали свои и приглашенные гости, московскіе и пріѣзжіе, писатель Іоганнъ изъ Кронштадта, какой-то Витя Куфтикъ изъ Ростова, кажется, режиссеръ, съ лиловымъ лишаемъ во всю щеку, плясали виднѣйшіе представители поэтическаго подраздѣла МАССОЛИТа, то есть Павіановъ, Богохульскій, Сладкій, Шпичкинъ и Адельфина Буздякъ, плясали неизвѣстной профессіи молодые люди въ стрижкѣ боксомъ, съ подбитыми ватой плечами, плясалъ какой-то очень пожилой съ бородой, въ которой застряло перышко зеленого лука, плясала съ нимъ пожилая, доѣдаемая малокровіемъ дѣвушка въ оранжевомъ шелковомъ измятомъ платьицѣ.

Оплывая потомъ, официанты несли надъ головами запотѣвшія кружки съ пивомъ, хрипло и съ ненавистью кричали: «Виновать, гражданинъ!» Гдѣ-то въ рупорѣ голосъ командовалъ: «Карскій разъ! Зубрикъ два! Фляки господарскіе!!» Тонкій голосъ уже не пѣлъ, а завывалъ: «Аллилуйя!». Грохотъ золотыхъ тарелокъ въ джазѣ иногда покрывалъ грохотъ посуды, которую судомойки по наклонной плоскости спускали въ кухню. Словомъ, адъ.

И было въ полночь видѣніе въ аду. Вышелъ на веранду черноглазый красавецъ съ кинжальной бородой, во фракѣ и царственнымъ взоромъ окинулъ свои владѣнія. Говорили, говорили мистики, что было время,

когда красавецъ не носилъ фрака, а былъ опоясанъ широкимъ кожанымъ поясомъ, изъ-за котораго торчали рукояти пистолетовъ, а его волосы воронова крыла были повязаны алымъ шелкомъ, и плылъ въ Караибскомъ морѣ подъ его командой бригъ подъ чернымъ гробовымъ флагомъ съ адамовой головой.

Но нѣтъ, нѣтъ! Лгутъ обольстители-мистики, никакихъ Караибскихъ морей нѣтъ на свѣтѣ, и не плывутъ въ нихъ отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними корветъ, не стелется надъ волною пушечный дымъ. Нѣтъ ничего, и ничего и не было! Вонъ чахлая липа есть, есть чугунная рѣшетка и за ней бульваръ... И плавится ледъ въ вазочкѣ, и видны за сосѣднимъ столикомъ налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, яду мнѣ, яду!..

И вдругъ за столикомъ вспорхнуло слово: «Берліозъ!!» Вдругъ джазъ развалился и затихъ, какъ будто кто-то хлопнулъ по нему кулакомъ. «Что, что, что, что?!!» — «Берліозъ!!!». И пошли вскакивать, пошли вскакивать.

Да, взметнулась волна горя при страшномъ извѣстїи о Михаилѣ Александровичѣ. Кто-то суетился, кричалъ, что необходимо сейчасъ же, тутъ же, не сходя съ мѣста, составить какую-то коллективную телеграмму и немедленно послать ее.

Но какую телеграмму, спросимъ мы, и куда? И зачѣмъ ее посылать? Въ самомъ дѣлѣ, куда? И на что нужна какая бы то ни было телеграмма тому, чей расплющенный затылокъ сдавленъ сейчасъ въ резиновыхъ рукахъ прозектора, чью шею сейчасъ колетъ кривыми иглами профессоръ? Погибъ онъ, и не нужна ему никакая телеграмма. Все кончено, не будемъ больше загружать телеграфъ.

Да, погибъ, погибъ... Но мы то вѣдь живы!

Да, взметнулась волна горя, но подержалась,

подержалась и стала спадать, и кой-кто уже вернулся къ своему столику и — сперва украдкой, а потомъ и въ открытую — выпилъ водочки и закусилъ. Въ самомъ дѣлѣ, не пропадать же куринымъ котлетамъ де-волей? Чѣмъ мы поможемъ Михаилу Александровичу? Тѣмъ, что голодными останемся? Да вѣдь мы-то живы!

Натурально, рояль закрыли на ключъ, джазъ разошелся, нѣсколько журналистовъ уѣхали въ свои редакціи писать некрологи. Стало извѣстно, что пріѣхалъ изъ морга Желдыбинъ. Онъ помѣстился въ кабинетъ покойнаго наверху, и тутъ же прокатился слухъ, что онъ и будетъ замѣщать Берліоза. Желдыбинъ вызвалъ къ себѣ изъ ресторана всѣхъ двѣнадцать членовъ правленія, и въ срочномъ начавшемся въ кабинетѣ Берліоза засѣданіи приступили къ обсужденію неотложныхъ вопросовъ объ убранствѣ колоннаго Грибоедовскаго зала, о перевозѣ тѣла изъ морга въ этотъ залъ, объ открытіи доступа въ него и о прочемъ, связанномъ съ прискорбнымъ событіемъ.

А ресторанъ зажилъ своей обычной ночной жизнью и жилъ бы ею до закрытія, то есть до четырехъ часовъ утра, если бы не произошло нѣчто, уже совершенно изъ ряду вонъ выходящее и поразившее ресторанныхъ гостей гораздо больше, чѣмъ извѣстіе о гибели Берліоза.

Первыми заволновались лихачи, дежурившіе у воротъ Грибоедовскаго дома. Слышно было, какъ одинъ изъ нихъ, приподнявшись на козлахъ прокричалъ:

— Тю! Вы только поглядите!

Вслѣдъ за тѣмъ, откуда ни возьмись, у чугунной рѣшетки вспыхнулъ огонечекъ и сталъ приближаться къ верандѣ. Сидящіе за столиками стали приподниматься и всматриваться и увидѣли, что вмѣстѣ съ огонечкомъ шествуетъ къ ресторану бѣлое привидѣніе. Когда оно приблизилось къ самому трельяжу, всѣ какъ закостенѣли

за столиками съ кусками стерлядки на вилкахъ и вытаращивъ глаза. Швейцаръ, вышедшій въ этотъ моментъ изъ дверей ресторанной вѣшалки во дворъ, чтобы покурить, затопталъ папиросу и двинулся было къ привидѣнію съ явной цѣлью преградить ему доступъ въ ресторанъ, но почему-то не сдѣлалъ этого и остановился, глуповато улыбаясь.

И привидѣніе, пройдя въ отверстіе трельяжа, безпрепятственно вступило на веранду. Тутъ всѣ увидѣли, что это — никакое не привидѣніе, а Иванъ Николаевичъ Бездомный — извѣстнѣйшій поэтъ.

Онъ былъ босъ, въ разодранной бѣловатой толстовкѣ, къ коей на груди англійской булавкой была приколота бумажная иконка со стершимся изображеніемъ неизвѣстнаго святого, и въ полосатыхъ бѣлыхъ кальсонахъ. Въ рукѣ Иванъ Николаевичъ несъ зажженную вѣнчальную свѣчу. Правая щека Ивана Николаевича была свѣже изодрана. Трудно даже измѣрить глубину молчанія, воцарившегося на верандѣ. Видно было, какъ у одного изъ официантовъ пиво течетъ изъ покосившейся набокъ кружки на полъ.

Поэтъ поднялъ свѣчу надъ головой и громко сказалъ:

— Здорово, други! — послѣ чего заглянулъ подъ ближайшій столикъ и воскликнулъ тоскливо: — Нѣтъ, его здѣсь нѣтъ!

Послышались два голоса. Басъ сказалъ безжалостно:

— Готово дѣло. Бѣлая горячка.

А второй, женскій, испуганный, произнесъ слова:

— Какъ же милиція-то пропустила его по улицамъ въ такомъ видѣ?

Это Иванъ Николаевичъ услышалъ и отозвался:

— Дважды хотѣли задержать, въ скатертномъ и

здѣсь, на Бронной, да я махнулъ черезъ заборъ и, видите, щеку изорвалъ! — тутъ Иванъ Николаевичъ поднялъ свѣчу и вскричалъ: — Братья по литературѣ! (Осипшій голосъ его окрѣпъ и сталъ горячѣй.) Слушайте меня всѣ! Онъ появился! Ловите же его немедленно, иначе онъ натворитъ неописуемыхъ бѣдъ!

— Что? Что? Что онъ сказалъ? Кто появился? — понеслись голоса со всѣхъ сторонъ.

— Консультантъ! — отвѣтили Иванъ, — и этотъ консультантъ сейчасъ убилъ на Патріаршихъ Мишу Берліоза.

Здѣсь изъ внутренняго зала повалилъ на веранду народъ, вокругъ Иванова огня сдвинулась толпа.

— Виноватъ, виноватъ, скажите точнѣе, — слышался надъ ухомъ Ивана тихій и вѣжливый голосъ, — скажите, какъ это убилъ? Кто убилъ?

— Иностраннй консультантъ, профессоръ и шпіонъ! — озираясь, отозвался Иванъ.

— А какъ его фамилія? — тихо спросили на ухо.

— То-то фамилія! — въ тоскѣ крикнулъ Иванъ, — кабы я зналъ фамилію! Не разглядѣлъ я фамилію на визитной карточкѣ... Помню только первую букву «Ве», на «Ве» фамилія! Какая же это фамилія на «Ве»? — схватившись рукою за лобъ, самъ у себя спросилъ Иванъ и вдругъ забормоталъ: — Ве, ве, ве! Ва... Во... Вашнеръ? Вагнеръ? Вайнеръ? Вегнеръ? Винтеръ? — волосы на головѣ Ивана стали ѣздить отъ напряженія.

— Вульфъ? — жалостно выкрикнула какая-то женщина.

Иванъ разсердился.

— Дура! — прокричалъ онъ, ища глазами крикнувшую. — Причемъ здѣсь Вульфъ? Вульфъ ни въ чемъ не виноватъ! Во, во... Нѣтъ! Такъ не вспомню! Ну вотъ что, граждане: звоните сейчасъ въ милицію, чтобы

выслали пять мотоциклетовъ съ пулеметами, профессора ловить. Да не забудьте сказать, что съ нимъ еще двое: какой-то длинный, клѣтчатый... пенсне треснуло... и котъ черный, жирный. А я пока что общу Грибоѣдова... Я чую, что онъ здѣсь!

Иванъ впаль въ безпокойство, растолкаль окружающихъ, началъ размахивать свѣчой, заливая себя воскомъ, и заглядывать подъ столы. Тутъ послышалось слово: «Доктора!» — и чье-то ласковое мясистое лицо, бритое и упитанное, въ роговыхъ очкахъ, появилось передъ Иваномъ.

— Товарищъ Бездомный, — заговорило это лицо юбилейнымъ голосомъ, — успокойтесь! Вы разстроены смертью всѣми нами любимаго Михаила Александровича... нѣтъ, просто Миши Берліоза. Мы все это прекрасно понимаемъ. Вамъ нуженъ покой. Сейчасъ товарищи проводятъ васъ въ постель, и вы забудетесь...

— Ты, — оскалившись, перебилъ Иванъ, — понимаешь ли, что надо поймать профессора? А ты лѣзешь ко мнѣ со своими глупостями! Кретинъ!

— Товарищъ Бездомный, помилуйте, — отвѣтило лицо, краснѣя, пятясь и уже раскаиваясь, что ввязалось въ это дѣло.

— Нѣтъ, ужъ кого-кого, а тебя я не помилую, — съ тихой ненавистью сказалъ Иванъ Николаевичъ.

Судорога исказила его лицо, онъ быстро переложилъ свѣчу изъ правой руки въ лѣвую, широко размахнулся и ударилъ участливое лицо по уху.

Тутъ догадались броситься на Ивана — и бросились. Свѣча погасла, и очки, соскочившія съ лица, были мгновенно растоптаны. Иванъ испустилъ страшный боевой вопль, слышный къ общему соблазну даже на бульварѣ, и началъ защищаться. Зазвенѣла падающая со столовъ посуда, закричали женщины.

Пока офиціанты вязали поэта полотенцами, въ

раздѣвалкѣ шель разговоръ между командиромъ брига и швейцаромъ.

— Ты видѣлъ, что онъ въ подштанникахъ? — холодно спрашивалъ пиратъ.

— Да вѣдь, Арчибальдъ Арчибальдовичъ, — труся, отвѣчалъ швейцаръ, — какъ же я могу ихъ не допустить, если они — членъ МАССОЛИТа?

— Ты видѣлъ, что онъ въ подштанникахъ? — повторялъ пиратъ.

— Помилуйте, Арчибальдъ Арчибальдовичъ, — багровѣя, говорилъ швейцаръ, — что же я могу подѣлать? Я самъ понимаю, на верандѣ дамы сидятъ.

— Дамы здѣсь ни при чемъ, дамамъ это все равно, — отвѣчалъ пиратъ, буквально сжигая швейцара глазами, — а это милиціи не все равно! Человѣкъ въ бѣлье можетъ слѣдовать по улицамъ Москвы только въ одномъ случаѣ, если онъ идетъ въ сопровожденіи милиціи, и только въ одно мѣсто — въ отдѣленіе милиціи! А ты, если швейцаръ, долженъ знать, что, увидѣвъ такого человѣка, ты долженъ, не медля ни секунды, начинать свистѣть. Ты слышишь?

Ополоумѣвшій швейцаръ услыхалъ съ веранды уханье, бой посуды и женскіе крики.

— Ну что съ тобой сдѣлать за это? — спросилъ флибустьеръ.

Кожа на лицѣ швейцара приняла тифозный оттѣнокъ, а глаза помертвѣли. Ему померещилось, что черные волосы, теперь причесанные на проборъ, покрылись огненнымъ шелкомъ. Исчезли пластронъ и фракъ, и за ременнымъ поясомъ возникла ручка пистолета. Швейцаръ представилъ себя повѣшеннымъ на форъ-марса-реѣ. Своими глазами увидѣлъ онъ свой собственный высунутый языкъ и безжизненную голову, упавшую на плечо, и даже услыхалъ плескъ волны за бортомъ. Колѣни швейцара подогнулись. Но тутъ

флибустьеръ сжалился надъ нимъ и погасилъ свой острый взоръ.

— Смотри, Николай! Это въ послѣдній разъ. Намъ такихъ швейцаровъ въ ресторанѣ и даромъ не надо. Ты въ церковь сторожемъ поступи. — Проговоривъ это, командиръ скомандовалъ точно, ясно, быстро: — Пантелея изъ буфетной. Милиціонера. Протоколь. Машину. Въ психіатрическую. — И добавилъ: — Свисти!

Черезъ четверть часа чрезвычайно пораженная публика не только въ ресторанѣ, но и на самомъ бульварѣ и въ окнахъ домовъ, выходящихъ въ садъ ресторана, видѣла, какъ изъ воротъ Грибоѣдова Пантелей, швейцаръ, милиціонеръ, официантъ и поэтъ Рюхинъ выносили спеленатаго, какъ куклу, молодого человѣка, который, заливаясь слезами, плевался, норовя попасть именно въ Рюхина, давился слезами и кричалъ:

— Сволочь!

Шоферъ грузовой машины со злымъ лицомъ заводилъ моторъ. Рядомъ лихачъ горячилъ лошадь, билъ ее по крупу сиреневыми вожжами, кричалъ:

— А вотъ на бѣговой! Я возилъ въ психическую!

Кругомъ гудѣла толпа, обсуждая невиданное происшествіе; словомъ, былъ гадкій, гнусный, соблазнительный, свинскій скандалъ, который кончился лишь тогда, когда грузовикъ унесъ на себѣ отъ воротъ Грибоѣдова несчастнаго Ивана Николаевича, милиціонера, Пантелея и Рюхина.

Шизофренія, какъ и было сказано

Когда въ приемную знаменитой психиатрической клиники, недавно отстроенной подъ Москвой на берегу рѣки, вошелъ человѣкъ съ острой бородкой и облаченный въ бѣлый халатъ, была половина второго ночи. Трое санитаровъ не спускали глазъ съ Ивана Николаевича, сидящаго на диванѣ. Тутъ же находился и крайне взволнованный поэтъ Рюхинъ. Полотенца, которыми былъ связанъ Иванъ Николаевичъ, лежали грудой на томъ же диванѣ. Руки и ноги Ивана Николаевича были свободны.

Увидѣвъ вошедшаго, Рюхинъ поблѣднѣлъ, кашлянулъ и робко сказалъ:

— Здравствуйте, докторъ.

Докторъ поклонился Рюхину, но, кланяясь, смотрѣлъ не на него, а на Ивана Николаевича.

Тотъ сидѣлъ совершенно неподвижно, со злымъ лицомъ, сдвинувъ брови, и даже не шевельнулся при входѣ врача.

— Вотъ, докторъ, — почему-то таинственнымъ шепотомъ заговорилъ Рюхинъ, пугливо оглядываясь на Ивана Николаевича, — извѣстный поэтъ Иванъ Бездомный... вотъ, видите ли... мы опасаемся, не бѣлая ли горячка...

— Сильно пилъ? — сквозь зубы спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, выпивалъ, но не такъ, чтобы ужъ...

— Таракановъ, крысъ, чертиковъ или шмыгающихъ собакъ не ловилъ?

— Нѣтъ, — вздрогнувъ, отвѣтилъ Рюхинъ, — я его вчера видѣлъ и сегодня утромъ. Онъ былъ совершенно здоровъ...

— А почему въ кальсонахъ? Съ постели взяли?

— Онъ, докторъ, въ ресторанъ пришелъ въ такомъ видѣ...

— Ага, ага, — очень удовлетворенно сказалъ докторъ, — а почему ссадины? Дрался съ кѣмъ-нибудь?

— Онъ съ забора упалъ, а потомъ въ ресторанѣ ударилъ одного... И еще кое-кого...

— Такъ, такъ, такъ, — сказалъ докторъ и, повернувшись къ Ивану, добавилъ: — Здравствуйте!

— Здорово, вредитель! — злобно и громко отвѣтилъ Иванъ.

Рюхинъ сконфузился до того, что не посмѣлъ поднять глаза на вѣжливаго доктора. Но тотъ ничуть не обидѣлся, а привычнымъ, ловкимъ жестомъ снялъ очки, приподнявъ полу халата, спряталъ ихъ въ задній карманъ брюкъ, а затѣмъ спросилъ у Ивана:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Подите вы всѣ отъ меня къ чертямъ, въ самомъ дѣлѣ! — грубо закричалъ Иванъ и отвернулся.

— Почему же вы сердитесь? Развѣ я сказалъ вамъ что-нибудь непріятное?

— Мнѣ двадцать три года, — возбужденно заговорилъ Иванъ, — и я подамъ жалобу на васъ всѣхъ. А на тебя въ особенности, гнида! — отнесся онъ отдѣльно къ Рюхину.

— А на что же вы хотите пожаловаться?

— На то, что меня, здороваго человѣка, схватили и силой приволокли въ сумасшедшій домъ! — въ гнѣвѣ отвѣтилъ Иванъ.

Здѣсь Рюхинъ всмотрѣлся въ Ивана и похолодѣлъ: рѣшительно никакого безумія не было у

того въ глазахъ. Изъ мутныхъ, какъ они были въ Грибоѣдовѣ, они превратились въ прежніе, ясные.

«Батюшки! — испуганно подумалъ Рюхинъ, — да онъ и впрямь нормалень? Вотъ чепуха какая! Зачѣмъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, сюда-то его притащили? Нормалень, нормалень, только рожа расцарапана...»

— Вы находитесь, — спокойно заговорилъ врачъ, присаживаясь на бѣлый табуретъ на блестящей ногѣ, — не въ сумасшедшемъ домѣ, а въ клиникѣ, гдѣ васъ никто не станетъ задерживать, если въ этомъ нѣтъ надобности.

Иванъ Николаевичъ покосился недовѣрчиво, но все же пробурчалъ:

— Слава тѣ Господи! Нашелся наконецъ хоть одинъ нормальный среди идиотовъ, изъ которыхъ первый — балбесъ и бездарность Сашка!

— Кто этотъ Сашка-бездарность? — освѣдомился врачъ.

— А вотъ онъ, Рюхинъ! — отвѣтилъ Иванъ и ткнулъ грязнымъ пальцемъ въ направленіи Рюхина.

Тотъ вспыхнулъ отъ негодованія.

«Это онъ мнѣ вмѣсто спасибо! — горько подумалъ онъ, — за то, что я принялъ въ немъ участіе! Вотъ ужъ, дѣйствительно, дрянь!»

— Типичный кулачокъ по своей психологіи, — заговорилъ Иванъ Николаевичъ, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, — и притомъ кулачокъ, тщательно маскирующійся подъ пролетарія. Посмотрите на его постную фізіономію и сличите съ тѣми звучными стихами, который онъ сочинилъ къ первому числу! Хе-хе-хе... «Взвейтесь!» да «развѣйтесь!»... А вы загляните къ нему внутрь — что онъ тамъ думаетъ... вы ахнете! — и Иванъ Николаевичъ зловѣще разсмѣялся.

Рюхинъ тяжело дышалъ, былъ красенъ и думалъ только объ одномъ, что онъ отогрѣлъ у себя на груди

змѣю, что онъ принялъ участіе въ томъ, кто оказался на повѣрку злымъ врагомъ. И главное, и подѣлать ничего нельзя было: не ругаться же съ душевнобольнымъ?!

— А почему васъ, собственно, доставили къ намъ? — спросилъ врачъ, внимательно выслушавъ обличенія Бездомнаго.

— Да чертъ ихъ возьми, олуховъ! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли въ грузовикъ!

— Позвольте васъ спросить, вы почему въ ресторанъ пришли въ одномъ бѣлье?

— Ничего тутъ нѣту удивительнаго, — отвѣтилъ Иванъ, — пошелъ я купаться на Москва-рѣку, ну и попятели мою одежду, а эту дрянъ оставили! Не голымъ же мнѣ по Москвѣ идти? Надѣлъ что было, потому что спѣшилъ въ ресторанъ къ Грибоѣдову.

Врачъ вопросительно посмотрѣлъ на Рюхина, и тотъ хмуро пробормоталъ:

— Ресторанъ такъ называется.

— Ага, — сказалъ врачъ, — а почему такъ спѣшили? Какое-нибудь дѣловое свиданіе?

— Консультанта я ловлю, — отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ и тревожно оглянулся.

— Какого консультанта?

— Вы Берліоза знаете? — спросилъ Иванъ многозначительно.

— Это... композиторъ?

Иванъ разстроился.

— Какой тамъ композиторъ? Ахъ да, да нѣтъ! Композиторъ — это однофамилецъ Миши Берліоза!

Рюхину не хотѣлось ничего говорить, но пришлось объяснить.

— Секретаря МАССОЛИТа Берліоза сегодня вечеромъ задавило трамваемъ на Патріаршихъ.

— Не ври ты, чего не знаешь! — разсердился на

Рюхина Иванъ, — я, а не ты былъ при этомъ! Онъ его нарочно подъ трамвай пристроилъ!

— Толкнулъ?

— Да при чемъ здѣсь «толкнулъ»? — сердясь на общую безтолковость, воскликнулъ Иванъ, — такому и толкать не надо! Онъ такіе штуки можетъ выдѣлывать, что только держись! Онъ заранѣе зналъ, что Берліозъ попадетъ подъ трамвай!

— А кто-нибудь, кромѣ васъ, видѣлъ этого консультанта?

— То-то и бѣда, что только я и Берліозъ.

— Такъ. Какіе же мѣры вы приняли, чтобы поймать этого убійцу? — тутъ врачъ повернулся и бросилъ взглядъ женщинѣ въ бѣломъ халатѣ, сидящей за столомъ въ сторонкѣ. Та вынула листъ и стала заполнять пустыя мѣста въ его графахъ.

— Мѣры вотъ какіе. Взялъ я на кухнѣ свѣчку...

— Вотъ эту? — спросилъ врачъ, указывая на изломанную свѣчку, лежащую на столѣ рядомъ съ иконкой передъ женщиной.

— Эту самую, и...

— А иконка зачѣмъ?

— Ну да, иконка... — Иванъ покраснѣлъ, — иконка-то больше всего и испугала, — онъ опять ткнулъ пальцемъ въ сторону Рюхина, — но дѣло въ томъ, что онъ, консультантъ, онъ, будемъ говорить прямо... съ нечистой силой знается... и такъ его не поймаешь.

Санитары почему-то вытянули руки по швамъ и глазъ не сводили съ Ивана.

— Да-съ, — продолжалъ Иванъ, — знается! Тутъ фактъ безповоротный. Онъ лично съ Понтиемъ Пилатомъ разговаривалъ. Да нечего на меня такъ смотрѣть! Вѣрно говорю! Все видѣлъ — и балконъ и

пальмы. Былъ, словомъ, у Понтія Пилата, за это я ручаюсь.

— Ну-тѣ, ну-тѣ...

— Ну вотъ, стало быть, я иконку на грудь пришилили и побѣжалъ...

Вдругъ часы ударили два раза.

— Эге-ге! — воскликнулъ Иванъ и поднялся съ дивана, — два часа, а я съ вами время теряю! Я извиняюсь, гдѣ телефонъ?

— Пропустите къ телефону, — приказаль врачъ санитарамъ.

Иванъ ухватился за трубку, а женщина въ это время тихо спросила у Рюхина:

— Женатъ онъ?

— Холостъ, — испуганно отвѣтилъ Рюхинъ.

— Членъ профсоюза?

— Да.

— Милиція? — закричалъ Иванъ въ трубку, — милиція? Товарищъ дежурный, распорядитесь сейчасъ же, чтобы выслали пять мотоциклетовъ съ пулеметами для поимки иностраннаго консультанта. Что? Заѣзжайте за мною, я самъ съ вами поѣду... Говорить поэтъ Бездомный изъ сумасшедшаго дома... Какъ вашъ адресъ? — шепотомъ спросилъ Бездомный у доктора, прикрывая трубку ладонью, — а потомъ опять закричалъ въ трубку: — Вы слушаете? Алло!.. Безобразіе! — вдругъ завопилъ Иванъ и швырнулъ трубку въ стѣну. Затѣмъ онъ повернулся къ врачу, протянулъ ему руку, сухо сказалъ «до свиданія» и собрался уходить.

— Помилуйте, куда же вы хотите идти? — заговорилъ врачъ, вглядываясь въ глаза Ивана, — глубокой ночью, въ бѣлье... Вы плохо чувствуете себя, останьтесь у насъ!

— Пропустите-ка, — сказалъ Иванъ санитарамъ, сомкнувшимъ у дверей. — Пустите вы или нѣтъ? — страшнымъ голосомъ крикнулъ поэтъ.

Рюхинъ задрожалъ, а женщина нажала кнопку въ столикѣ, и на его стеклянную поверхность выскочила блестящая коробочка и запаянная ампула.

— Ахъ такъ?! — дико и затравленно озираясь, произнесъ Иванъ, — ну ладно же! Прощайте... — и головою впередъ онъ бросился въ штору окна. Раздался ударъ, но небьющіяся стекла за шторою выдержали его, и черезъ мгновение Иванъ забился въ рукахъ у санитаровъ. Онъ хрипѣлъ, пытался кусаться, кричалъ:

— Такъ вотъ вы какіе стеклышки у себя завели!.. Пусти! Пусти, говорю!

Шприцъ блеснулъ въ рукахъ у врача, женщина однимъ взмахомъ распорола ветхій рукавъ толстовки и вцѣпилась въ руку съ неженской силой. Запахло эфиромъ. Иванъ ослабѣлъ въ рукахъ четырехъ человѣкъ, и ловкій врачъ воспользовался этимъ моментомъ и вкололъ иглу въ руку Ивану. Ивана подержали еще нѣсколько секундъ, и потомъ опустили на диванъ.

— Бандиты! — прокричалъ Иванъ и вскочилъ съ дивана, но былъ водворенъ на него опять. Лишь только его отпустили, онъ опять было вскочилъ, но обратно уже сѣлъ самъ. Онъ помолчалъ, диковато озираясь, потомъ неожиданно зѣвнулъ, потомъ улыбнулся со злобой.

— Заточили все-таки, — сказалъ онъ, зѣвнулъ еще разъ, неожиданно прилегъ, голову положилъ на подушку, кулакъ по-дѣтски подъ щеку, забормоталъ уже соннымъ голосомъ, безъ злобы: — Ну и очень хорошо... Сами же за все и поплатитесь. Я предупредилъ, а тамъ какъ хотите! Меня же сейчасъ болѣе всего интересуесть Понтій Пилать... Пилать... — тутъ онъ закрылъ глаза.

— Ванна, сто семнадцатую отдѣльную и постъ къ нему, — распорядился врачъ, надѣвая очки. Тутъ

Рюхинъ опять вздрогнулъ: безшумно открылись бѣлыя двери, за ними сталъ виденъ коридоръ, освѣщенный синими ночными лампами. Изъ коридора выѣхала на резиновыхъ колесикахъ кушетка, на нее переложили затихшаго Ивана, и онъ уѣхалъ въ коридоръ, и двери за нимъ замкнулись.

— Докторъ, — шепотомъ спросилъ потрясенный Рюхинъ, — онъ, значить, дѣйствительно боленъ?

— О да, — отвѣтилъ врачъ.

— А что же это такое съ нимъ? — робко спросилъ Рюхинъ.

Усталый врачъ поглядѣлъ на Рюхина и вяло отвѣтилъ:

— Двигательное и рѣчевое возбужденіе... Бредовыя интерпретаціи... Случай, по-видимому, сложный... Шизофренія, надо полагать. А тутъ еще алкоголизмъ...

Рюхинъ ничего не понялъ изъ словъ доктора, кромѣ того, что дѣла Ивана Николаевича, видно, плоховаты, вздохнулъ и спросилъ:

— А что это онъ все про какого-то консультанта говоритъ?

— Видѣлъ, навѣрно, кого-то, кто поразилъ его разстроенное воображеніе. А можетъ быть, галлюцинировалъ...

Черезъ нѣсколько минутъ грузовикъ уносилъ Рюхина въ Москву. Свѣтало, и свѣтъ еще не погашенныхъ на шоссе фонарей былъ уже не нуженъ и непріятенъ. Шоферъ злился на то, что пропала ночь, гналъ машину что есть силъ, и ее заносило на поворотахъ.

Вотъ и лѣсъ отвалился, остался гдѣ-то сзади, и рѣка ушла куда-то въ сторону, навстрѣчу грузовику сыпалась разная разность: какіе-то заборы съ караульными будками и штабеля дровъ, высоченные

столбы и какіе-то мачты, а на мачтахъ нанизанныя катушки, груды щебня, земля, исполосованная каналами, — словомъ, чувствовалось, что вотъ-вотъ она, Москва, тутъ же, вонъ за поворотомъ, и сейчасъ навалится и охватить.

Рюхина трясло и швыряло, какой-то обрубокъ, на которомъ онъ помѣстился, то и дѣло пытался выскользнуть изъ-подъ него. Ресторанныя полотенца, подброшенныя уѣхавшими ранѣе въ троллейбусѣ милиціонеромъ и Пантелеемъ, ѣздили по всей платформѣ. Рюхинъ пытался было ихъ собрать, но, прошипѣвъ почему-то со злобой: «Да ну ихъ къ черту! Что я, въ самомъ дѣлѣ, какъ дуракъ верчусь?..» — отшвырнулъ ихъ ногой и пересталъ на нихъ глядѣть.

Настроеніе духа у ѣдущаго было ужасно. Становилось яснымъ, что посѣщеніе дома скорби оставило въ немъ тяжелѣйшій слѣдъ. Рюхинъ старался понять, что его терзаетъ. Коридоръ съ синими лампами, прилипшій къ памяти? Мысль о томъ, что худшаго несчастья, чѣмъ лишеніе разума, нѣтъ на свѣтѣ? Да, да, конечно, и это. Но это — такъ вѣдь, общая мысль. А вотъ есть что-то еще. Что же это? Обида, вотъ что. Да, да, обидныя слова, брошенныя Бездомнымъ прямо въ лицо. И горе не въ томъ, что онъ обидныя, а въ томъ, что въ нихъ заключается правда.

Поэтъ не глядѣлъ уже по сторонамъ, а, уставившись въ грязный трясушійся полъ, сталъ что-то бормотать, нить, глодая самого себя.

Да, стихи... Ему — тридцать два года! Въ самомъ дѣлѣ, что же дальше? — И дальше онъ будетъ сочинять по нѣскольку стихотвореній въ годъ. — До старости? — Да, до старости. — Что же принесутъ ему эти стихотворенія? Славу? «Какой вздоръ! Не обманывай-то хоть самъ себя. Никогда слава не придетъ къ тому, кто сочиняетъ дурные стихи. Отчего они

дурные? Правду, правду сказали! — безжалостно обращался къ самому себѣ Рюхинъ, — не вѣрю я ни во что изъ того, что пишу!..»

Отравленный взрывомъ неврастеніи, поэтъ покачнулся, полъ подъ нимъ пересталъ трястись. Рюхинъ поднялъ голову и увидѣлъ, что они уже въ Москвѣ и, болѣе того, что надъ Москвой разсвѣтъ, что облако подсвѣчено золотомъ, что грузовикъ его стоитъ, застрявши въ колоннѣ другихъ машинъ у поворота на бульваръ, и что близехонько отъ него стоитъ на постаментѣ металлическій человѣкъ, чуть наклонивъ голову, и безразлично смотритъ на бульваръ.

Какіе-то странныя мысли хлынули въ голову заболѣвшему поэту. «Вотъ примѣръ настоящей удачливости... — тутъ Рюхинъ всталъ во вѣсь ростъ на платформѣ грузовика и руку поднялъ, нападая зачѣмъ-то на никого не трогающаго чугуннаго человѣка, — какой бы шагъ онъ ни сдѣлалъ въ жизни, что бы ни случилось съ нимъ, все шло ему на пользу, все обращалось къ его славѣ! Но что онъ сдѣлалъ? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть въ этихъ словахъ: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдругъ ядовито заключилъ Рюхинъ и почувствовалъ, что грузовикъ подъ нимъ шевельнулся, — стрѣлялъ, стрѣлялъ въ него этотъ бѣлогвардеецъ и раздробилъ бедро и обезпечилъ безсмертіе...»

Колонна тронулась. Совершенно больной и даже постарѣвшій поэтъ не болѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты входилъ на веранду Грибоѣдова. Она уже опустѣла. Въ углу допивала какая-то компанія, и въ центрѣ ея суетился знакомый конферансье въ тубетейкѣ и съ бокаломъ «Абрау» въ рукѣ.

Рюхинъ, обремененный полотенцами, былъ встрѣченъ Арчибальдомъ Арчибальдовичемъ очень привѣтливо и тотчасъ избавленъ отъ проклятыхъ

тряпокъ. Не будь Рюхинъ такъ истерзанъ въ клиникѣ и на грузовикѣ, онъ, навѣрно, получилъ бы удовольствіе, рассказывая о томъ, какъ все было въ лѣчебницѣ, и украшая этотъ рассказъ выдуманными подробностями. Но сейчасъ ему было не до того, а кромѣ того, какъ ни мало былъ наблюдателенъ Рюхинъ, — теперь, послѣ пытки въ грузовикѣ, онъ впервые остро вглядѣлся въ лицо пирата и понялъ, что тотъ хоть и задаетъ вопросы о Бездомномъ и даже восклицаетъ «Ай-яй-яй!», но, по сути дѣла, совершенно равнодушенъ къ судьбѣ Бездомнаго и ничуть его не жалѣетъ. «И молодецъ! И правильно!» — съ цинической, самоуничтожающей злобой подумалъ Рюхинъ и, оборвавъ рассказъ о шизофреніи, попросилъ:

— Арчибальдъ Арчибальдовичъ, водочки бы мнѣ...

Пиратъ сдѣлалъ сочувствующее лицо, шепнулъ:

— Понимаю... сію минуту... — и махнулъ официанту.

Черезъ четверть часа Рюхинъ, въ полномъ одиночествѣ, сидѣлъ, скорчившись надъ рыбцомъ, пилъ рюмку за рюмкой, понимая и признавая, что исправить въ его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть.

Поэтъ истратилъ свою ночь, пока другіе пировали, и теперь понималъ, что вернуть ее нельзя. Стоило только поднять голову отъ лампы вверхъ къ небу, чтобы понять, что ночь пропала безвозвратно. Официанты, торопясь, срывали скатерти со столовъ. У котовъ, шнырявшихъ возлѣ веранды, былъ утренній видъ. На поэта неудержимо наваливался день.

Нехорошая квартирка

Если бы въ слѣдующее утро Степа Лиходѣву сказали бы такъ: «Степа! Тебя разстрѣляютъ, если ты сію минуту не встанешь!» — Степа отвѣтилъ бы томнымъ, чуть слышнымъ голосомъ: «Разстрѣливайте, дѣлайте со мною, что хотите, но я не встану».

Не то что встать, — ему казалось, что онъ не можетъ открыть глазъ, потому что, если онъ только это сдѣлаетъ, сверкнетъ молнія и голову его тутъ же разнесетъ на куски. Въ этой головѣ гудѣлъ тяжелый колоколь, между глазами яблоками и закрытыми веками проплывали коричневые пятна съ огненно-зеленымъ ободкомъ, и въ довершеніе всего тошнило, причемъ казалось, что тошнота эта связана со звуками какого-то назойливаго патефона.

Степа старался что-то припомнить, но припоминалось только одно — что, кажется, вчера и неизвѣстно гдѣ онъ стоялъ съ салфеткой въ рукѣ и пытался поцѣловать какую-то даму, причемъ обѣщаль ей, что на другой день, и ровно въ полдень, придетъ къ ней въ гости. Дама отъ этого отказывалась, говоря: «Нѣтъ, нѣтъ, меня не будетъ дома!» — а Степа упорно настаивалъ на своемъ: «А я вотъ возьму да и приду!»

Ни какая это была дама, ни который сейчасъ часъ, ни какое число, ни какого мѣсяца — Степа рѣшительно не зналъ и, что хуже всего, не могъ понять, гдѣ онъ находится. Онъ постарался выяснитъ хотя бы послѣднее и для этого разлѣпилъ слипшіеся веки лѣваго глаза. Въ полутьмѣ что-то тускло отсвѣчивало. Степа наконецъ узналъ трюмо и понялъ, что онъ лежитъ навзничъ у себя на кровати, то есть на бывшей

ювелиршиной кровати, въ спальнѣ. Тутъ ему такъ ударило въ голову, что онъ закрылъ глазъ и застоналъ.

Объяснимся: Степа Лиходѣевъ, директоръ театра Варьете, очнулся утромъ у себя въ той самой квартирѣ, которую онъ занималъ пополамъ съ покойнымъ Берліозомъ, въ большомъ шестиэтажномъ домѣ, покоемъ расположенномъ на садовой улицѣ.

Надо сказать, что квартира эта — № 50 — давно уже пользовалась если не плохой, то, во всякомъ случаѣ, странной репутаціей. Еще два года тому назадъ владѣлицей ея была вдова ювелира де Фужерѣ. Анна Францевна де Фужерѣ, пятидесятилѣтняя почтенная и очень дѣловая дама, три комнаты изъ пяти сдавала жильцамъ: одному, фамилія котораго была, кажется, Бѣломутъ, и другому — съ утраченной фамиліей.

И вотъ два года тому назадъ начались въ квартирѣ необъяснимыя происшествія: изъ этой квартиры люди начали безслѣдно исчезать.

Однажды въ выходной день явился въ квартиру милиціонеръ, вызвалъ въ переднюю второго жильца (фамилія котораго утратилась) и сказалъ, что того просятъ на минутку зайти въ отдѣленіе милиціи въ чемъ-то расписаться. Жилецъ приказалъ Анфисѣ, преданной и давней домашней работницѣ Анны Францевны, сказать, въ случаѣ если ему будутъ звонить, что онъ вернется черезъ десять минутъ, и ушелъ вмѣстѣ съ корректнымъ милиціонеромъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Но не вернулся онъ не только черезъ десять минутъ, а вообще никогда не вернулся. Удивительнѣе всего то, что, очевидно, съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и милиціонеръ.

Набожная, а откровеннѣе сказать — суевѣрная, Анфиса такъ напрямикъ и заявила очень разстроенной Аннѣ Францевнѣ, что это колдовство и что она прекрасно знаетъ, кто утащилъ и жильца и милиціонера, только къ ночи не хочетъ говорить. Ну, а колдовству,

какъ извѣстно, стоитъ только начаться, а тамъ ужъ его ничѣмъ не остановишь. Второй жилецъ исчезъ, помнится, въ понедѣльникъ, а въ среду какъ сквозь землю провалился Бѣломуть, но, правда, при другихъ обстоятельствахъ. Утромъ за нимъ заѣхала, какъ обычно, машина, чтобы отвезти его на службу, и отвезла, но назадъ никого не привезла и сама больше не вернулась.

Горе и ужасъ мадамъ Бѣломуть не поддаются описанію. Но, увы, и то и другое было непродолжительно. Въ ту же ночь, вернувшись съ Анфисой съ дачи, на которую Анна Францевна почему-то спѣшно поѣхала, она не застала уже гражданки Бѣломуть въ квартирѣ. Но этого мало: двери обѣихъ комнатъ, которыя занимали супруги Бѣломуть, оказались запечатанными.

Два дня прошли кое-какъ. На третій же день страдавшая все это время безсонницей Анна Францевна опять-таки спѣшно уѣхала на дачу... Нужно ли говорить, что она не вернулась!

Оставшаяся одна Анфиса, наплакавшись вволю, легла спать во второмъ часу ночи. Что съ ней было дальше, неизвѣстно, но рассказывали жильцы другихъ квартиръ, что будто бы въ № 50-мъ всю ночь слышались какіе-то стуки и будто бы до утра въ окнахъ горѣлъ электрической свѣтъ. Утромъ выяснилось, что и Анфисы нѣтъ!

Объ исчезнувшихъ и о проклятой квартирѣ долго въ домѣ рассказывали всякіе легенды, вродѣ того, на примѣръ, что эта сухая и набожная Анфиса будто бы носила на своей изсохшей груди въ замшевомъ мѣшочкѣ двадцать пять крупныхъ брилліантовъ, принадлежащихъ Аннѣ Францевнѣ. Что будто бы въ дровяномъ сараѣ на той самой дачѣ, куда спѣшно ѣздила Анна Францевна, обнаружили сами собой какіе-то несмѣтныя сокровища

въ видѣ тѣхъ же брилліантовъ, а также золотыхъ денегъ царской чеканки... И прочее въ этомъ же родѣ. Ну, чего не знаемъ, за то не ручаемся.

Какъ бы то ни было, квартира простояла пустой и запечатанной только недѣлю, а затѣмъ въ нее вселились — покойный Берліозъ съ супругой и этотъ самый Степа тоже съ супругой. Совершенно естественно, что, какъ только они попали въ окаянную квартиру, и у нихъ началось чертъ знаетъ что. Именно, въ теченіе одного мѣсяца пропали обѣ супруги. Но этѣ не безслѣдно. Про супругу Берліоза рассказывали, что будто бы её видѣли въ Харьковѣ съ какимъ-то балетмейстеромъ, а супруга Степы якобы обнаружилась на Божедомкѣ, гдѣ, какъ болтали, директоръ Варьете, используя свои безчисленныя знакомства, ухитрился добыть ей комнату, но съ однимъ условіемъ, чтобы духу ея не было на Садовой улицѣ...

Итакъ, Степа застоналъ. Онъ хотѣлъ позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону, но все-таки сумѣлъ сообразить, что это глупости... Что никакого пирамидону у Груни, конечно, нѣту. Попытался позвать на помощь Берліоза, дважды простоналъ: «Миша... Миша...», но, какъ сами понимаете, отвѣта не получилъ. Въ квартирѣ стояла полнѣйшая тишина.

Пошевеливъ пальцами ногъ, Степа догадался, что лежитъ въ носкахъ, трясущейся рукою провелъ по бедру, чтобы опредѣлить, въ брюкахъ онъ или нѣтъ, и не опредѣлилъ.

Наконецъ, видя, что онъ брошень и одинокъ, что некому ему помочь, рѣшилъ подняться, какихъ бы нечеловѣческихъ усилій это ни стоило.

Степа разлѣпилъ склеенныя веки и увидѣлъ, что отражается въ трюмо въ видѣ чловѣка съ торчащими въ разныя стороны волосами, съ опухшей, покрытою черной щетиною фізіономіей, съ заплывшими глазами, въ

грязной сорочкѣ съ воротникомъ и галстукомъ, въ кальсонахъ и въ носкахъ.

Такимъ онъ увидѣлъ себя въ трюмо, а рядомъ съ зеркаломъ увидѣлъ неизвѣстнаго человѣка, одѣтаго въ черное и въ черномъ беретѣ.

Степа сѣлъ на кровать и сколько могъ вытаращилъ налитые кровью глаза на неизвѣстнаго.

Молчаніе нарушилъ этотъ неизвѣстный, произнеся низкимъ, тяжелымъ голосомъ и съ иностраннымъ акцентомъ слѣдующія слова:

— Добрый день, симпатичнѣйшій Степанъ Богдановичъ!

Произошла пауза, послѣ которой, сдѣлавъ надъ собой страшнѣйшее усиліе, Степа выговорилъ:

— Что вамъ угодно? — и самъ поразился, не узнавъ своего голоса. Слово «что» онъ произнесъ дискантомъ, «вамъ» — басомъ, а «угодно» у него совсѣмъ не вышло.

Незнакомецъ дружелюбно усмѣхнулся, вынулъ большія золотыя часы съ алмазнымъ треугольникомъ на крышкѣ, позвонилъ одиннадцать разъ и сказалъ:

— Одиннадцать! И ровно часъ, какъ я ожидаю вашего пробужденія, ибо вы назначили мнѣ быть у васъ въ десять. Вотъ и я!

Степа нащупалъ на стулѣ рядомъ съ кроватью брюки, шепнулъ:

— Извините... — надѣлъ ихъ и хрипло спросилъ: — Скажите, пожалуйста, вашу фамилію?

Говорить ему было трудно. При каждомъ словѣ кто-то втыкалъ ему иголку въ мозгъ, причиняя адскую боль.

— Какъ? Вы и фамилію мою забыли? — тутъ неизвѣстный улыбнулся.

— Простите... — прохрипѣлъ Степа, чувствуя, что похмелье даритъ его новымъ симптомомъ: ему

показалось, что полъ возлѣ кровати ушелъ куда-то и что сію минуту онъ головой внизъ полетитъ къ чертовой матери въ преисподнюю.

— Дорогой Степанъ Богдановичъ, — заговорилъ посѣтитель, проникательно улыбаясь, — никакой пирамидонъ вамъ не поможетъ. Слѣдуйте старому мудрому правилу, — лѣчить подобное подобнымъ. Единственно, что вернетъ васъ къ жизни, это двѣ стопки водки съ острой и горячей закуской.

Степа былъ хитрымъ человѣкомъ и, какъ ни былъ боленъ, сообразилъ, что разъ ужъ его застали въ такомъ видѣ, нужно признаваться во всемъ.

— Откровенно сказать... — началъ онъ, еле ворочая языкомъ, — вчера я немножко...

— Ни слова больше! — отвѣтилъ визитеръ и отъѣхалъ съ кресломъ въ сторону.

Степа, тараща глаза, увидѣлъ, что на маленькомъ столикѣ сервированъ подносъ, на коемъ имѣется нарѣзанный бѣлый хлѣбъ, паюсная икра въ вазочкѣ, бѣлые маринованные грибы на тарелочкѣ, что-то въ кастрюлкѣ и, наконецъ, водка въ объемистомъ ювелиршиномъ графинчикѣ. Особенно поразило Степу то, что графинъ запотѣлъ отъ холода. Впрочемъ, это было понятно — онъ помѣщался въ полоскательницѣ, набитой льдомъ. Накрыто, словомъ, было чисто, умѣло.

Незнакомецъ не далъ Степину изумленію развиваться до степени болѣзненной и ловко налилъ ему полстопки водки.

— А вы? — пискнулъ Степа.

— Съ удовольствіемъ!

Прыгающей рукой поднесъ Степа стопку къ устамъ, а незнакомецъ однимъ духомъ проглотилъ содержимое своей стопки. Прожевывая кусокъ икры, Степа выдавилъ изъ себя слова:

— А вы что же... закусить?

— Благодарствуйте, я не закусываю никогда, — отвѣтилъ незнакомецъ и налилъ по второй. Открыли кастрюлю — въ ней оказались сосиски въ томатѣ.

И вотъ проклятая зелень передъ глазами растаяла, стали выговариваться слова, и, главное, Степа кое-что припомнилъ. Именно, что дѣло вчера было на Сходнѣ, на дачѣ у автора скетчей Хустова, куда этотъ Хустовъ и возилъ Степу въ таксомоторѣ. Припомнилось даже, какъ нанимали этотъ таксомоторъ у «Метрополя», былъ еще при этомъ какой-то актеръ не актеръ... съ патефономъ въ чемоданчикѣ. Да, да, да, это было на дачѣ! Еще, помнится, выли собаки отъ этого патефона. Вотъ только дама, которую Степа хотѣлъ поцѣловать, осталась неразъясненной... чертъ ее знаетъ, кто она... кажется, въ радіо служить, а можетъ быть, и нѣтъ.

Вчерашній день, такимъ образомъ, помаленьку высвѣтлялся, но Степу сейчасъ гораздо болѣе интересовалъ день сегодняшній и, въ частности, появленіе въ спальнѣ неизвѣстнаго, да еще съ закуской и водкой. Вотъ что недурно было бы разъяснить!

— Ну, что же, теперь, я надѣюсь, вы вспомнили мою фамилію?

Но Степа только стыдливо улыбнулся и развелъ руками.

— Однако! Я чувствую, что послѣ водки вы пили портвейнъ! Помилуйте, да развѣ это можно дѣлать!

— Я хочу васъ попросить, чтобъ это осталось между нами, — заискивающе сказалъ Степа.

— О, конечно, конечно! Но за Хустова я, само собой разумѣется, не ручаюсь.

— А вы развѣ знаете Хустова?

— Вчера въ кабинетѣ у васъ видѣлъ этого индивидуума мелькомъ, но достаточно одного бѣглаго взгляда на его лицо, чтобы понять, что онъ — сволочь, склочникъ, приспособленецъ и подхалимъ.

«Совершенно вѣрно!» — подумалъ Степа, пораженный такимъ вѣрнымъ, точнымъ и краткимъ опредѣленіемъ Хустова.

Да, вчерашній день лѣпился изъ кусочковъ, но все-таки тревога не покидала директора Варьете. Дѣло въ томъ, что въ этомъ вчерашнемъ днѣ зіяла преогромная черная дыра. Вотъ этого самого незнакомца въ беретѣ, воля ваша, Степа въ своемъ кабинетѣ вчера никакъ не видалъ.

— Профессоръ черной магіи Воландъ, — вѣско сказалъ визитеръ, видя Степины затрудненія, и рассказалъ все по порядку.

Вчера днемъ онъ пріѣхалъ изъ-за границы въ Москву, немедленно явился къ Степѣ и предложилъ свои гастролы въ Варьетѣ. Степа позвонилъ въ московскую областную зрѣлищную комиссію и вопросъ этотъ согласовалъ (Степа поблѣднѣлъ и заморгалъ глазами), подписалъ съ профессоромъ Воландомъ контрактъ на семь выступленій (Степа открылъ ротъ), условился, что Воландъ придетъ къ нему для уточненія деталей въ десять часовъ утра сегодня... Вотъ Воландъ и пришелъ!

Придя, былъ встрѣченъ домработницей Груней, которая объяснила, что сама она только что пришла, что она приходящая, что Берліоза дома нѣтъ, а что если визитеръ желаетъ видѣть Степана Богдановича, то пусть идетъ къ нему въ спальню самъ. Степанъ Богдановичъ такъ крѣпко спитъ, что разбудить его она не беретъ. Увидѣвъ, въ какомъ состояніи Степанъ Богдановичъ, артистъ послалъ Груню въ ближайшій гастрономъ за водкой и закуской, въ аптеку за льдомъ и...

— Позвольте съ вами расчитаться, — проскулилъ убитый Степа и сталъ искать бумажникъ.

— О, какой вздоръ! — воскликнулъ гастролеръ и слушать ничего больше не захотѣлъ.

Итакъ, водка и закуска стали понятны, и все же на Степу было жалко взглянуть: онъ рѣшительно не помнилъ ничего о контрактѣ и, хоть убейте, не видѣлъ вчера этого Воланда. Да, Хустовъ былъ, а Воланда не было.

— Разрѣшите взглянуть на контрактъ, — тихо попросилъ Степа.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Степа взглянулъ на бумагу и закоренѣлъ. Все было на мѣстѣ. Во-первыхъ, собственноручная Степина заливчатская подпись! Косая надпись сбоку рукою финдиректора Римскаго съ разрѣшеніемъ выдать артисту Воланду въ счетъ слѣдующихъ ему за семь выступленій тридцати пяти тысячъ рублей десять тысячъ рублей. Болѣе того: тутъ же расписка Воланда въ томъ, что онъ эти десять тысячъ уже получилъ!

«Что же это такое?!» — подумалъ несчастный Степа, и голова у него закружилась. Начинаются зловѣщіе провалы въ памяти?! Но, само собою, послѣ того, какъ контрактъ былъ предъявленъ, дальнѣйшія выраженія удивленія были бы просто неприличны. Степа попросилъ у гостя разрѣшенія на минуту отлучиться и, какъ былъ въ носкахъ, побѣжалъ въ переднюю къ телефону. По дорогѣ онъ крикнулъ въ направленіи кухни:

— Груня!

Но никто не отозвался. Тутъ онъ взглянулъ на дверь въ кабинетъ Берліоза, бывшую рядомъ съ передней, и тутъ, какъ говорится, остолбенѣлъ. На ручкѣ двери онъ разглядѣлъ огромнѣйшую сургучную печать на веревкѣ. «Здравствуйте! — рывкнулъ кто-то въ головѣ у Степы. — Этого еще недоставало!» И тутъ Степины мысли побѣжали уже по двойному рельсовому пути, но, какъ всегда бываетъ во время катастрофы, въ одну сторону и вообще чертъ знаетъ куда. Головную

Степину кашу трудно даже передать. Тутъ и чертовщина съ чернымъ беретомъ, холодной водкой и невѣроятнымъ контрактомъ, — а тутъ еще ко всему этому, не угодно ли, и печать на двери! То есть кому хотите сказать, что Берліозъ что-то натворилъ, — не повѣрять, ей-ей, не повѣрять! Однако печать, вотъ она! Да-с...

И тутъ закопошились въ мозгу у Степы какіе-то непріятнѣйшія мыслишки о статьѣ, которую, какъ назло, недавно онъ всучилъ Михаилу Александровичу для напечатанія въ журналѣ. И статья, между нами говоря, дурацкая! И никчемная, и деньги-то маленькія...

Немедленно вслѣдъ за воспоминаніемъ о статьѣ прилетѣло воспоминаніе о какомъ-то сомнительномъ разговорѣ, происходившемъ, какъ помнится, двадцать четвертаго апрѣля вечеромъ тутъ же, въ столовой, когда Степа ужиналъ съ Михаиломъ Александровичемъ. То есть, конечно, въ полномъ смыслѣ слова разговоръ этотъ сомнительнымъ назвать нельзя (не пошелъ бы Степа на такой разговоръ), но это былъ разговоръ на какую-то ненужную тему. Совершенно свободно можно было бы, граждане, его и не затѣвать. До печати, нѣтъ сомнѣній, разговоръ этотъ могъ считаться совершеннѣйшимъ пустякомъ, но вотъ послѣ печати...

«Ахъ, Берліозъ, Берліозъ! — вскипало въ головѣ у Степы. — Вѣдь это въ голову не лѣзетъ!»

Но горевать долго не приходилось, и Степа набралъ номеръ въ кабинетѣ финдиректора Варьете Римскаго. Положеніе Степы было щекотливое: во-первыхъ, иностранецъ могъ обидѣться на то, что Степа провѣряетъ его послѣ того, какъ былъ показанъ контрактъ, да и съ финдиректоромъ говорить было чрезвычайно трудно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не спросишь его такъ: «Скажите, заключалъ ли я вчера съ

профессоромъ черной магіи контрактъ на тридцать пять тысячъ рублей?» Такъ спрашивать не годится!

— Да! — слышался въ трубкѣ рѣзкій, непріятный голосъ Римскаго.

— Здравствуйте, Григорій Даниловичъ, — тихо заговорилъ Степа, — это Лиходѣевъ. Вотъ какое дѣло... гмъ... гмъ... у меня сидитъ этотъ... э... артистъ Воландъ... Такъ вотъ... я хотѣлъ спросить, какъ насчетъ сегодняшняго вечера?..

— Ахъ, черный магъ? — отозвался въ трубкѣ Римскій, — афиши сейчасъ будутъ.

— Ага, — слабымъ голосомъ сказалъ Степа, — ну, пока...

— А вы скоро придете? — спросилъ Римскій.

— Черезъ полчаса, — отвѣтилъ Степа и, повѣсивъ трубку, сжалъ горячую голову руками. Ахъ, какая выходила скверная штука! Что же это съ памятью, граждане? А?

Однако дольше задерживаться въ передней было неудобно, и Степа тутъ же составилъ планъ: всѣми мѣрами скрыть свою невѣроятную забывчивость, а сейчасъ первымъ долгомъ хитро выпросить у иностранца, что онъ, собственно, намѣренъ сегодня показывать во ввѣренномъ Степѣ Варьетѣ?

Тутъ Степа повернулся отъ аппарата и въ зеркалѣ, помѣщавшемся въ передней, давно не вытираемомъ лѣнливой Груней, отчетливо увидѣлъ какого-то страннаго субъекта — длиннаго, какъ жердь, и въ пенснѣ (ахъ, если бы здѣсь былъ Иванъ Николаевичъ! Онъ узналъ бы этого субъекта сразу!). А тотъ отразился и тотчасъ пропалъ. Степа въ тревогѣ поглубже заглянулъ въ переднюю, и вторично его качнуло, ибо въ зеркалѣ прошелъ здоровеннѣйшій черный котъ и также пропалъ.

У Степы оборвалось сердце, онъ пошатнулся.

«Что же это такое? — подумалъ онъ, — ужъ не схожу ли я съ ума? Откуда жъ эти отраженія?!» — онъ заглянулъ въ переднюю и испуганно закричалъ:

— Груня! Какой тутъ котъ у насъ шляется? Откуда онъ? И кто-то еще съ нимъ??

— Не безпокойтесь, Степанъ Богдановичъ, — отозвался голосъ, но не Грунинъ, а гостя изъ спальни, — котъ этотъ мой. Не нервничайте. А Груни нѣтъ, я усласть ее въ Воронежъ, на родину, такъ какъ она жаловалась, что вы давно уже не даете ей отпуска.

Слова эти были настолько неожиданными и нелѣпыми, что Степа рѣшилъ, что ослышался. Въ полномъ смятеніи онъ рысцой побѣжалъ въ спальню и застылъ на порогѣ. Волосы его шевельнулись, и на лбу появилась розсыпь мелкаго пота.

Гость пребывалъ въ спальнѣ уже не одинъ, а въ компаніи. Во второмъ креслѣ сидѣлъ тотъ самый типъ, что померещился въ передней. Теперь онъ былъ ясно виденъ: усы-перышки, стеклышко пенсне поблескиваетъ, а другого стеклышка нѣтъ. Но оказались въ спальнѣ вещи и похуже: на ювелиршиномъ пуфѣ въ развязной позѣ развалился нѣкто третій, именно — жуткихъ размѣровъ черный котъ со стопкой водки въ одной лапѣ и вилкой, на которую онъ успѣлъ поддѣть маринованный грибъ, въ другой.

Свѣтъ, и такъ слабый въ спальнѣ, и вовсе началъ меркнуть въ глазахъ Степы. «Вотъ какъ, оказывается, сходятъ съ ума!» — подумалъ онъ и ухватился за притолоку.

— Я вижу, вы немного удивлены, дражайшій Степанъ Богдановичъ? — освѣдомился Воландъ у лязгающаго зубами Степы, — а между тѣмъ удивляться нечему. Это моя свита.

Тутъ котъ выпилъ водки, и Степина рука поползла по притолокѣ внизъ.

— И свита эта требуетъ мѣста, — продолжалъ Воландъ, — такъ что кое-кто изъ насъ здѣсь лишній въ квартирѣ. И мнѣ кажется, что этотъ лишній — именно вы!

— Они, они! — козлинымъ голосомъ запѣлъ длинный клѣтчатый, во множественномъ числѣ говоря о Степѣ, — вообще они въ послѣднее время жутко свинячатъ. Пьянствуютъ, вступають въ связи съ женщинами, используя свое положеніе, ни черта не дѣлають, да и дѣлать ничего не могутъ, потому что ничего не смыслятъ въ томъ, что имъ поручено. Начальству втирають очки!

— Машину зря гоняетъ казенную! — наябедничаль и котъ, жуя грибъ.

И тутъ случилось четвертое, и послѣднее, явленіе въ квартирѣ, когда Степа, совсѣмъ уже сползшій на полъ, ослабѣвшей рукой царапаль притолоку.

Прямо изъ зеркала трюмо вышелъ маленькій, но необыкновенно широкоплечій, въ котелкѣ на головѣ и съ торчащимъ изо рта клыкомъ, безобразящимъ и безъ того невиданно мерзкую фізіономію. И при этомъ еще огненно-рыжій.

— Я, — вступилъ въ разговоръ этотъ новый, — вообще не понимаю, какъ онъ попалъ въ директора, — рыжій гнусавилъ все больше и больше, — онъ такой же директоръ, какъ я архіерей!

— Ты не похожъ на архіерея, Азazelло, — замѣтилъ котъ, накладывая себѣ сосисекъ на тарелку.

— Я это и говорю, — прогнусилъ рыжій и, повернувшись къ Воланду, добавилъ почтительно: — Разрѣшите, мессиръ, его выкинуть ко всѣмъ чертямъ изъ Москвы?

— Брысь!! — вдругъ рявкнулъ котъ, вздыбивъ шерсть.

И тогда спальня завертѣлась вокругъ Степы, и

онъ ударился о прилоку головой и, теряя сознание, подумалъ: «Я умираю...»

Но онъ не умеръ. Открывъ слегка глаза, онъ увидѣлъ себя сидящимъ на чемъ-то каменномъ. Вокругъ него что-то шумѣло. Когда онъ открылъ, какъ слѣдуетъ, глаза, онъ увидѣлъ, что шумитъ море, и что даже больше того, — волна покачивается у самыхъ его ногъ, и что, короче говоря, онъ сидитъ на самомъ концѣ мола, и что подъ нимъ голубое сверкающее море, а сзади — красивый городъ на горахъ.

Не зная, какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ, Степа поднялся на трясушіеся ноги и пошелъ по молу къ берегу.

На молу стоялъ какой-то человѣкъ, курилъ, плевалъ въ морѣ. На Степу онъ поглядѣлъ дикими глазами и пересталъ плевать. Тогда Степа откололъ такую штуку: сталъ на колѣни передъ неизвѣстнымъ курильщикомъ и произнесъ:

— Умоляю, скажите, какой это городъ?

— Однако! — сказалъ бездушный курильщикъ.

— Я не пьянъ, — хрипло отвѣтилъ Степа, — я боленъ, со мной что-то случилось, я боленъ... Гдѣ я? Какой это городъ?..

— Ну, Ялта...

Степа тихо вздохнулъ, повалился на бокъ, головою стукнулся о нагрѣтый камень мола.

Поединокъ между профессоромъ и поэтомъ

Какъ разъ въ то время, когда сознание покинуло Степу въ Ялтѣ, то есть около половины двѣнадцатаго дня, оно вернулось къ Ивану Николаевичу Бездомному, проснувшемуся послѣ глубокаго и продолжительнаго сна. Нѣкоторое время онъ соображалъ, какимъ это образомъ онъ попалъ въ неизвѣстную комнату съ бѣлыми стѣнами, съ удивительнымъ ночнымъ столикомъ изъ какого-то свѣтлаго металла и съ бѣлой шторой, за которой чувствовалось солнце.

Иванъ тряхнулъ головой, убѣдился въ томъ, что она не болитъ, и вспомнилъ, что онъ находится въ лѣчебницѣ. Эта мысль потянула за собою воспоминаніе о гибели Берліоза, но сегодня оно не вызвало у Ивана сильнаго потрясенія. Выспавшись, Иванъ Николаевичъ сталъ поспокойнѣе и соображать началъ яснѣе. Полежавъ нѣкоторое время неподвижно въ чистѣйшей, мягкой и удобной пружинной кровати, Иванъ увидѣлъ кнопку звонка рядомъ съ собою. По привычкѣ трогать предметы безъ надобности, Иванъ нажалъ ее. Онъ ожидалъ какого-то звона или явленія вслѣдъ за нажатіемъ кнопки, но произошло совсѣмъ другое. Въ ногахъ Ивановой постели загорѣлся матовый цилиндръ, на которомъ было написано: «Пить». Постоявъ нѣкоторое время, цилиндръ началъ вращаться до тѣхъ поръ, пока не выскочила надпись: «Няня». Само собою разумѣется, что хитроумный цилиндръ поразилъ Ивана. Надпись «Няня» смѣнилась надписью «Вызовите доктора».

— Гмъ... — молвилъ Иванъ, не зная, что дѣлать съ этимъ цилиндромъ дальше. Но тутъ повезло случайно:

Иванъ нажалъ кнопку второй разъ на словѣ «Фельдшерица». Цилиндръ тихо прозвенѣлъ въ отвѣтъ, остановился, потухъ, и въ комнату вошла полная симпатичная женщина въ бѣломъ чистомъ халатѣ и сказала Ивану:

— Доброе утро!

Иванъ не отвѣтилъ, такъ какъ счелъ это привѣтствіе въ данныхъ условіяхъ неумѣстнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, засадили здороваго человѣка въ лѣчебницу, да еще дѣлаютъ видъ, что это такъ и нужно!

Женщина же тѣмъ временемъ, не теряя благодушнаго выраженія лица, при помощи одного нажима кнопки, увела штору вверхъ, и въ комнату черезъ широкопетлистую и легкую рѣшетку, доходящую до самого пола, хлынуло солнце. За рѣшеткой открылся балконъ, за нимъ берегъ извивающейся рѣки и на другомъ ея берегу — веселый сосновый боръ.

— Пожалуйста ванну братъ, — пригласила женщина, и подъ руками ея раздвинулась внутренняя стѣна, за которой оказалось ванное отдѣленіе и прекрасно оборудованная уборная.

Иванъ, хоть и рѣшилъ съ женщиной не разговаривать, не удержался и, видя, какъ вода хлещетъ въ ванну широкой струей изъ сіяющаго крана, сказалъ съ ироніей:

— Ишь ты! Какъ въ «Метрополѣ»!

— О нѣтъ, — съ гордостью отвѣтила женщина, — гораздо лучше. Такого оборудованія нѣтъ нигдѣ и за границей. Ученые и врачи спеціально пріѣзжаютъ осматривать нашу клинику. У насъ каждый день интуристы бываютъ.

При словѣ «интуристъ» Ивану тотчасъ же вспомнился вчерашній консультантъ. Иванъ затуманился, поглядѣлъ исподлобья и сказалъ:

— Интуристы... До чего же вы всѣ интуристовъ

обожаюте! А среди нихъ, между прочимъ, разные попадаются. Я, напримѣръ, вчера съ такимъ познакомился, что любо-дорого!

И чуть было не началъ рассказывать про Понтія Пилата, но сдержался, понимая, что женщинѣ эти рассказы ни къ чему, что все равно помочь она ему не можетъ.

Вымытому Ивану Николаевичу тутъ же было выдано рѣшительно все, что необходимо мужчинѣ послѣ ванны: выглаженная рубашка, кальсоны, носки. Но этого мало: отворивъ дверь шкафика, женщина указала внутрь его и спросила:

— Что желаете надѣть — халатикъ или пижамку?

Прикрѣпленный къ новому жилищу насильственно, Иванъ едва руками не всплеснулъ отъ развязности женщины и молча ткнулъ пальцемъ въ пижаму изъ пуцовой байки.

Послѣ этого Ивана Николаевича повели по пустому и беззвучному коридору и привели въ громаднѣйшихъ размѣровъ кабинетъ. Иванъ, рѣшивъ относиться ко всему, что есть въ этомъ на диво оборудованномъ зданіи, съ ироніей, тутъ же мысленно окрестилъ кабинетъ «фабрикой-кухней».

И было за что. Здѣсь стояли шкафы и стеклянные шкафики съ блестящими никелированными инструментами. Были кресла необыкновенно сложнаго устройства, какіе-то пузатые лампы съ сіяющими колпаками, множество склянокъ, и газовыя горѣлки, и электрическіе провода, и совершенно никому не извѣстные приборы.

Въ кабинетѣ за Ивана принялись трое — двѣ женщины и одинъ мужчина, всѣ въ бѣломъ. Первымъ долгомъ Ивана отвели въ уголокъ, за столикъ, съ явною цѣлью кое-что у него повыспросить. Иванъ сталъ

обдумывать положеніе. Передъ нимъ было три пути. Чрезвычайно соблазнялъ первый: кинуться на эти лампы и замысловатыя вещицы, и всѣхъ ихъ къ чертовой бабушкѣ перебить и такимъ образомъ выразить свой протестъ за то, что онъ задержанъ зря. Но сегодняшній Иванъ уже значительно отличался отъ Ивана вчерашняго, и первый путь показался ему сомнительнымъ: чего добраго, они укоренятся въ мысли, что онъ буйный сумасшедшій. Поэтому первый путь Иванъ отринулъ. Былъ второй: немедленно начать повѣствованіе о консультантѣ и Понтіи Пилатѣ. Однако вчерашній опытъ показалъ, что этому разсказу не вѣрятъ или понимаютъ его какъ-то извращенно. Поэтому Иванъ и отъ этого пути отказался, рѣшивъ избрать третій: замкнуться въ гордомъ молчаніи.

Полностью этого осуществить не удалось и, волей-неволей, пришлось отвѣчать, хоть и скупо и хмуру, на цѣлый рядъ вопросовъ.

И у Ивана выпросили рѣшительно все насчетъ его прошлой жизни, вплоть до того, когда и какъ онъ болѣлъ скарлатиною, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Исписавъ за Иваномъ цѣлую страницу, перевернули ее, и женщина въ бѣломъ перешла къ разпросамъ о родственникахъ Ивана. Началась какая-то канитель: кто умеръ, когда да отчего, не пилъ ли, не болѣлъ ли венерическими болѣзнями, и все въ такомъ же родѣ. Въ заключеніе попросили разсказать о вчерашнемъ происшествіи на Патріаршихъ прудахъ, но очень не приставали, сообщенію о Понтіи Пилатѣ не удивлялись.

Тутъ женщина уступила Ивана мужчинѣ, и тотъ взялся за него по-иному и ни о чемъ уже не спрашивалъ. Онъ измѣрилъ температуру Иванова тѣла, посчиталъ пульсъ, посмотрѣлъ Ивану въ глаза, свѣтя въ нихъ какою-то лампой. Затѣмъ на помощь мужчинѣ пришла другая женщина, и Ивана кололи, но

не больно, чѣмъ-то въ спину, рисовали у него ручкой молоточка какіе-то знаки на кожѣ груди, стучали молоточками по колѣнямъ, отчего ноги Ивана подпрыгивали, кололи палець и брали изъ него кровь, кололи въ локтевомъ сгибѣ, надѣвали на руки какіе-то резиновые браслеты...

Иванъ только горько усмѣхался про себя и размышлялъ о томъ, какъ все это глупо и странно получилось. Подумать только! Хотѣлъ предупредить всѣхъ объ опасности, грозящей отъ неизвѣстнаго консультанта, собирался его изловить, а добился только того, что попалъ въ какой-то таинственный кабинетъ затѣмъ, чтобы рассказывать всякую чушь про дядю Ѳедора, пившаго въ Вологдѣ запоемъ. Нестерпимо глупо!

Наконецъ Ивана отпустили. Онъ былъ препровожденъ обратно въ свою комнату, гдѣ получилъ чашку кофе, два яйца въ смятку и бѣлый хлѣбъ съ масломъ.

Съѣвъ и выпивъ все предложенное, Иванъ рѣшилъ дожидаться кого-то главнаго въ этомъ учрежденіи и ужъ у этого главнаго добиться и вниманія къ себѣ, и справедливости.

И онъ дождался его, и очень скоро послѣ своего завтрака. Неожиданно открылась дверь въ комнату Ивана, и въ нее вошло множество народа въ бѣлыхъ халатахъ. Впереди всѣхъ шелъ тщательно, по-актерски обритый человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ пріятными, но очень пронзительными глазами и вѣжливыми манерами. Вся свита оказывала ему знаки вниманія и уваженія, и входъ его получился поэтому очень торжественнымъ. «Какъ Понтій Пилать!» — подумалось Ивану.

Да, это былъ, несомнѣнно, главный. Онъ сѣлъ на табуретъ, а всѣ остались стоять.

— Доктор Стравинскій, — представился усѣвшійся Ивану и поглядѣлъ на него дружелюбно.

— Вотъ, Александръ Николаевичъ, — негромко сказалъ кто-то въ опрятной бородкѣ и подалъ главному кругомъ исписанный Ивановъ листь.

«Цѣлое дѣло сшили!» — подумалъ Иванъ. А главный привычными глазами пробѣжалъ листь, пробормоталъ: «Угу, угу...» И обмѣнялся съ окружающими нѣсколькими фразами на малоизвѣстномъ языкѣ.

«И по-латыни, какъ Пилать, говоритъ...» — печально подумалъ Иванъ. Тутъ одно слово заставило его вздрогнуть, и это было слово «шизофренія» — увы, уже вчера произнесенное проклятымъ иностранцемъ на Патріаршихъ прудахъ, а сегодня повторенное здѣсь профессоромъ Стравинскимъ.

«И вѣдь это зналъ!» — тревожно подумалъ Иванъ.

Главный, по-видимому, поставилъ себѣ за правило соглашаться со всѣмъ и радоваться всему, что бы ни говорили ему окружающіе, и выражать это словами «Славно, славно...».

— Славно! — сказалъ Стравинскій, возвращая кому-то листь, и обратился къ Ивану: — Вы — поэтъ?

— Поэтъ, — мрачно отвѣтилъ Иванъ и впервые вдругъ почувствовалъ какое-то необъяснимое отвращеніе къ поэзіи, и вспомнившіеся ему тутъ же собственные его стихи показались почему-то непріятными.

Морща лицо, онъ, въ свою очередь, спросилъ у Стравинского:

— Вы — профессоръ?

На это Стравинскій предупредительно-вѣжливо наклонилъ голову.

— И вы — здѣсь главный? — продолжалъ Иванъ.

Стравинскій и на это поклонился.

— Мнѣ съ вами нужно поговорить, — многозначительно сказалъ Иванъ Николаевичъ.

— Я для этого и пришелъ, — отозвался Стравинскій.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — началъ Иванъ, чувствуя, что насталь его часъ, — меня въ сумасшедшіе вырядили, никто не желаетъ меня слушать!..

— О нѣтъ, мы выслушаемъ васъ очень внимательно, — серьезно и успокоительно сказалъ Стравинскій, — и въ сумасшедшіе васъ рядить ни въ коемъ случаѣ не позволимъ.

— Такъ слушайте же: вчера вечеромъ я на Патріаршихъ прудахъ встрѣтился съ таинственною личностью, иностранцемъ не иностранцемъ, который заранѣе зналъ о смерти Берліоза и лично видѣлъ Понтія Пилата.

Свита безмолвно и не шевелясь слушала поэта.

— Пилата? Пилатъ, это — который жилъ при Иисусѣ Христѣ? — щурясь на Ивана, спросилъ Стравинскій.

— Тотъ самый.

— Ага, — сказалъ Стравинскій, — а этотъ Берліозъ погибъ подъ трамваемъ?

— Вотъ же именно его вчера при мнѣ и зарѣзало трамваемъ на Патріаршихъ, причемъ этотъ самый загадочный гражданинъ...

— Знакомый Понтія Пилата? — спросилъ Стравинскій, очевидно, отличавшійся большой понятливостью.

— Именно онъ, — подтвердилъ Иванъ, изучая Стравинскаго, — такъ вотъ онъ сказалъ заранѣе, что Аннушка разлила подсолнечное масло... А онъ и

поскользнулся какъ разъ на этомъ мѣстѣ! Какъ вамъ это понравится? — многозначительно освѣдомился Иванъ, надѣясь произвести большой эффектъ своими словами.

Но эффекта не послѣдовало, и Стравинскій очень просто задалъ слѣдующій вопросъ:

— А кто же эта Аннушка?

Этотъ вопросъ немного разстроилъ Ивана, лицо его передернуло.

— Аннушка здѣсь совершенно не важна, — проговорилъ онъ, нервничая, — чертъ ее знаетъ, кто она такая. Просто дура какая-то съ Садовой. А важно то, что онъ заранѣе, понимаете ли, заранѣе зналъ о подсолнечномъ маслѣ! Вы меня понимаете?

— Отлично понимаю, — серьезно отвѣтилъ Стравинскій и, коснувшись колѣна поэта, добавилъ: — Не волнуйтесь и продолжайте.

— Продолжаю, — сказалъ Иванъ, стараясь попасть въ тонъ Стравинскому и зная уже по горькому опыту, что лишь спокойствіе поможетъ ему, — такъ вотъ, этотъ страшный типъ, а онъ вретъ, что онъ консультантъ, обладаетъ какою-то необыкновенной силой... Напримѣръ, за нимъ погонишься, а догнать его нѣтъ возможности. А съ нимъ еще парочка, и тоже хороша, но въ своемъ родѣ: какой-то длинный въ битыхъ стеклахъ и, кромѣ того, невѣроятныхъ размѣровъ котъ, самостоятельно ѣздящій въ трамваѣ. Кромѣ того, — никѣмъ не перебиваемый Иванъ говорилъ все съ большимъ жаромъ и убѣдительностью, — онъ лично былъ на балконѣ у Понтія Пилата, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вѣдь это что же такое? А? Его надо немедленно арестовать, иначе онъ натворитъ неописуемыхъ бѣдъ.

— Такъ вотъ вы и добиваетесь, чтобы его арестовали? Правильно я васъ понялъ? — спросилъ Стравинскій.

«Онъ уменъ, — подумалъ Иванъ, — надо признаться, что среди интеллигентовъ тоже попадаются на рѣдкость умные. Этого отрицать нельзя!» — и отвѣтилъ:

— Совершенно правильно! И какъ же не добиваться, вы подумайте сами! А между тѣмъ меня силою задержали здѣсь, тычуть въ глаза лампой, въ ваннѣ купаютъ, про дядю Ѳеодю чего-то спрашиваютъ!.. А его ужъ давно на свѣтѣ нѣтъ! Я требую, чтобы меня немедленно выпустили.

— Ну что же, славно, славно! — отозвался Стравинскій, — вотъ все и выяснилось. Дѣйствительно, какой же смыслъ задерживать въ лѣчебницѣ человѣка здороваго? Хорошо-съ. Я васъ немедленно же выпишу отсюда, если вы мнѣ скажете, что вы нормальны. Не докажете, а только скажете. И такъ, вы нормальны?

Тутъ наступила полная тишина, и толстая женщина, утромъ ухаживавшая за Иваномъ, благоговѣнно поглядѣла на профессора, а Иванъ еще разъ подумалъ: «Положительно уменъ».

Предложеніе профессора ему очень понравилось, однако прежде чѣмъ отвѣтить, онъ очень и очень подумалъ, морща лобъ, и, наконецъ, сказалъ твердо:

— Я — нормаленъ.

— Ну вотъ и славно, — облегченно воскликнулъ Стравинскій, — а если такъ, то давайте рассуждать логически. Возьмемъ вашъ вчерашній день, — тутъ онъ повернулся, и ему немедленно подали Ивановъ листъ. — Въ поискахъ неизвѣстнаго человѣка, который отрекомендовался вамъ какъ знакомый Понтія Пилата, вы вчера произвели слѣдующія дѣйствія, — тутъ Стравинскій сталъ загибать длинные пальцы, поглядывая то въ листъ, то на Ивана, — повѣсили на грудь иконку. Было?

— Было, — хмуро согласился Иванъ.

— Сорвались съ забора, повредили лицо? Такъ? Явились въ ресторанъ съ зажженной свѣчой въ рукѣ, въ одномъ бѣлье и въ ресторанѣ побили кого-то. Привезли васъ сюда связаннымъ. Попавъ сюда, вы звонили въ милицію и просили прислать пулеметы. Затѣмъ сдѣлали попытку выброситься изъ окна. Такъ? Спрашивается: возможно ли, дѣйствуя такимъ образомъ, кого-либо поймать или арестовать? И если вы человѣкъ нормальный, то вы сами отвѣтите: никоимъ образомъ. Вы желаете уйти отсюда? Извольте-съ. Но позвольте васъ спросить, куда вы направитесь отсюда?

— Конечно, въ милицію, — отвѣтилъ Иванъ уже не такъ твердо и немного теряясь подъ взглядомъ профессора.

— Непосредственно отсюда?

— Угу.

— А на квартиру къ себѣ не заѣдете? — быстро спросилъ Стравинскій.

— Да некогда тутъ заѣзжать! Пока я по квартирамъ буду разѣзжать, онъ улизнетъ!

— Такъ. А что же вы скажете въ милиціи въ первую очередь?

— Про Понтія Пилата, — отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ, и глаза его подернулись сумрачной дымкой.

— Ну, вотъ и славно! — воскликнулъ покоренный Стравинскій и, обратившись къ тому, что былъ съ бородкой, приказалъ: — Ѳедоръ Васильевичъ, выпишите, пожалуйста, гражданина Бездомнаго въ городъ. Но эту комнату не занимать, постельное бѣлье можно не мѣнять. Черезъ два часа гражданинъ Бездомный опять будетъ здѣсь. Ну что же, — обратился онъ къ поэту, — успѣха я вамъ желать не буду, потому что въ успѣхъ этотъ ни на йоту не вѣрю. До скорого свиданія! — и онъ всталъ, а свита его шевельнулась.

— На какомъ основаніи я опять буду здѣсь? — тревожно спросилъ Иванъ.

Стравинскій какъ будто ждалъ этого вопроса, немедленно усѣлся опять и заговорилъ:

— На томъ основаніи, что, какъ только вы явитесь въ кальсонахъ въ милицію и скажете, что видѣлись съ человѣкомъ, лично знавшимъ Понтія Пилата, — какъ моментально васъ привезутъ сюда, и вы снова окажетесь въ этой же самой комнатѣ.

— При чемъ здѣсь кальсоны? — растерянно оглядываясь, спросилъ Иванъ.

— Главнымъ образомъ Понтій Пилатъ. Но и кальсоны также. Вѣдь казенное же бѣлье мы съ васъ снимемъ и выдадимъ вамъ ваше одѣяніе. А доставлены вы были къ намъ въ кальсонахъ. А между тѣмъ на квартиру къ себѣ вы заѣхать отнюдь не собирались, хоть я и намекнулъ вамъ на это. Далѣе послѣдуетъ Пилатъ... И дѣло готово!

Тутъ что-то странное случилось съ Иваномъ Николаевичемъ. Его воля какъ будто раскололась, и онъ почувствовалъ, что слабъ, что нуждается въ совѣтѣ.

— Такъ что же дѣлать? — спросилъ онъ на этотъ разъ уже робко.

— Ну вотъ и славно! — отозвался Стравинскій, — это резоннѣйшій вопросъ. Теперь я скажу вамъ, что, собственно, съ вами произошло. Вчера кто-то васъ сильно напугалъ и разстроилъ разговоромъ про Понтія Пилата и прочими вещами. И вотъ вы, разнервничавшійся, издерганный человѣкъ, пошли по городу, рассказывая про Понтія Пилата. Совершенно естественно, что васъ принимаютъ за сумасшедшаго. Ваше спасеніе сейчасъ только въ одномъ — въ полномъ покоѣ. И вамъ непремѣнно нужно остаться здѣсь.

— Но его необходимо поймать! — уже моляще воскликнулъ Иванъ.

— Хорошо-съ, но самому-то зачѣмъ же бѣгать? Изложите на бумагѣ всѣ ваши подозрѣнія и обвиненія противъ этого человѣка. Ничего нѣтъ проще, какъ переслать ваше заявленіе куда слѣдуетъ, и если, какъ вы полагаете, мы имѣемъ дѣло съ преступникомъ, все это выяснится очень скоро. Но только одно условіе: не напрягайте головы и старайтесь поменьше думать о Понтіи Пилатѣ. Мало ли чего можно рассказать! Не всему надо вѣрить.

— Понялъ! — рѣшительно заявилъ Иванъ, — прошу выдать мнѣ бумагу и перо.

— Выдайте бумагу и коротенькій карандашъ, — приказалъ Стравинскій толстой женщинѣ, а Ивану сказалъ такъ: — Но сегодня совѣтую не писать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сегодня же, непременно сегодня, — встревоженно вскричалъ Иванъ.

— Ну хорошо. Только не напрягайте мозгъ. Не выйдетъ сегодня, выйдетъ завтра.

— Онъ уйдетъ!

— О нѣтъ, — увѣренно возразилъ Стравинскій, — онъ никуда не уйдетъ, ручаюсь вамъ. И помните, что здѣсь у насъ вамъ всемѣрно помогутъ, а безъ этого у васъ ничего не выйдетъ. Вы меня слышите? — вдругъ многозначительно спросилъ Стравинскій и завладѣлъ обѣими руками Ивана Николаевича. Взявъ ихъ въ свои, онъ долго, въ упоръ глядя въ глаза Ивану, повторялъ: — Вамъ здѣсь помогутъ... Вы слышите меня?.. Вамъ здѣсь помогутъ... вамъ здѣсь помогутъ... Вы получите облегченіе. Здѣсь тихо, все спокойно. Вамъ здѣсь помогутъ...

Иванъ Николаевичъ неожиданно зѣвнулъ, выраженіе лица его смягчилось.

— Да, да, — тихо сказалъ онъ.

— Ну вотъ и славно! — по своему обыкновенію заключилъ бесѣду Стравинскій и поднялся, — до

свиданья! — онъ пожалъ руку Ивану и, уже выходя, повернулся къ тому, что былъ съ бородкой, и сказалъ: — Да, а кислородъ попробуйте... и ванны.

Черезъ нѣсколько мгновений передъ Иваномъ не было ни Стравинскаго, ни свиты. За сѣткой въ окнѣ, въ полуденномъ солнцѣ, красовался радостный и весенній боръ на другомъ берегу рѣки, а поближе сверкала рѣка.

Коровьевскія штуки

Никаноръ Ивановичъ Босой, предсѣдатель жилищнаго товарищества дома № 302-бисъ по садовой улицѣ въ Москвѣ, гдѣ проживалъ покойный Берліозъ, находился въ страшнѣйшихъ хлопотахъ, начиная съ предыдущей ночи со среды на четвергъ.

Въ полночь, какъ мы уже знаемъ, приѣхала въ домъ комиссія, въ которой участвовалъ Желдыбинъ, вызвала Никанора Ивановича, сообщила ему о гибели Берліоза и вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ квартиру № 50.

Тамъ было произведено опечатаніе рукописей и вещей покойнаго. Ни Груни, приходящей домработницы, ни легкомысленнаго Степана Богдановича въ это время въ квартирѣ не было. Комиссія объявила Никанору Ивановичу, что рукописи покойнаго ею будутъ взяты для разборки, что жилплощадь покойнаго, то ѣсть три комнаты (бывшія ювелиршины кабинетъ, гостиная и столовая), переходятъ въ распоряженіе жилтоварищества, а вещи покойнаго подлежатъ храненію на указанной жилплощади, впредь до объявленія наслѣдниковъ.

Вѣсть о гибели Берліоза распространилась по всему дому съ какою-то сверхъестественной быстротою, и съ семи часовъ утра четверга къ Босому начали звонить по телефону, а затѣмъ и лично являться съ заявленіями, въ которыхъ содержались претензіи на жилплощадь покойнаго. И въ теченіе двухъ часовъ Никаноръ Ивановичъ принялъ такихъ заявленій тридцать двѣ штуки.

Въ нихъ заключались мольбы, угрозы, кляузы,

доносы, обѣщанія произвести ремонтъ на свой счетъ, указанія на несносную тѣсноту и невозможность жить въ одной квартирѣ съ бандитами. Въ числѣ прочаго было потрясающее по своей художественной силѣ описаніе похищенія пельменей, уложенныхъ непосредственно въ карманъ пиджака, въ квартирѣ № 31, два обѣщанія покончить жизнь самоубійствомъ и одно признаніе въ тайной беременности.

Никанора Ивановича вызывали въ переднюю его квартиры, брали за рукавъ, что-то шептали, подмигивали и обѣщали не остаться въ долгу.

Мука эта продолжалась до начала перваго часа дня, когда Никаноръ Ивановичъ просто сбѣжалъ изъ своей квартиры въ помѣщеніе управленія у воротъ, но когда увидѣлъ онъ, что и тамъ его подкарауливаютъ, убѣжалъ и оттуда. Кое-какъ отбившись отъ тѣхъ, что слѣдовали за нимъ по пятамъ черезъ асфальтовый дворъ, Никаноръ Ивановичъ скрылся въ шестомъ подъѣздѣ и поднялся на пятый этажъ, гдѣ и находилась эта поганая квартира № 50.

Отдышавшись на площадкѣ, тучный Никаноръ Ивановичъ позвонилъ, но ему никто не открылъ. Онъ позвонилъ еще разъ и еще разъ и началъ ворчать и тихонько ругаться. Но и тогда не открыли. Терпѣніе Никанора Ивановича лопнуло, и онъ, доставъ изъ кармана связку дубликатовъ ключей, принадлежащихъ домоуправленію, властной рукою открылъ дверь и вошелъ.

— Эй, домработница! — прокричалъ Никаноръ Ивановичъ въ полутемной передней. — Какъ тебя? Груня, что ли? Тебя нѣту?

Никто не отозвался.

Тогда Никаноръ Ивановичъ освободилъ дверь кабинета отъ печати, вынулъ изъ портфеля складной метръ и шагнулъ въ кабинетъ.

Шагнуть-то онъ шагнуль, но остановился въ изумленіи въ дверяхъ и даже вздрогнулъ.

За столомъ покойнаго сидѣль неизвѣстный, тощій и длинный гражданинъ въ клѣтчатоиъ пиджачкѣ, въ жокейской шапочкѣ и въ пенснѣ... ну, словомъ, тотъ самый.

— Вы кто такой будете, гражданинъ? — испуганно спросилъ Никаноръ Ивановичъ.

— Ба! Никаноръ Ивановичъ, — заораль дребезжащимъ теноромъ неожиданный гражданинъ и, вскочивъ, привѣтствовалъ председателя насильственнымъ и внезапнымъ рукопожатіемъ. Привѣтствіе это ничуть не обрадовало Никанора Ивановича.

— Я извиняюсь, — заговорилъ онъ подозрительно, — вы кто такой будете? Вы — лицо официальное?

— Эхъ, Никаноръ Ивановичъ! — задушевно воскликнулъ неизвѣстный. — Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, все это, Никаноръ Ивановичъ, условно и зыбко. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бываетъ и наоборотъ, Никаноръ Ивановичъ. И еще какъ бываетъ!

Разсужденіе это ни въ какой степени не удовлетворило председателя домоуправленія. Будучи по природѣ вообще подозрительнымъ челоуѣкомъ, онъ заключилъ, что разглагольствующій передъ нимъ гражданинъ — лицо именно неофициальное, а пожалуй, и праздное.

— Да вы кто такой будете? Какъ ваша фамилія? — все суровѣе сталъ спрашивать председатель и даже сталъ наступать на неизвѣстнаго.

— Фамилія моя, — ничуть не смущаясь

суровостью, отозвался гражданинъ, — ну, скажемъ, Коровьевъ. Да не хотите ли закусить, Никаноръ Ивановичъ? Безъ церемоній! А?

— Я извиняюсь, — уже негодуя, заговорилъ Никаноръ Ивановичъ, — какіе тутъ закуски! (Нужно признаться, хоть это и непріятно, что Никаноръ Ивановичъ былъ по натурѣ нѣсколько грубоватъ). — На половинѣ покойника сидѣть не разрѣшается! Вы что здѣсь дѣлаете?

— Да вы присаживайтесь, Никаноръ Ивановичъ, — нисколько не теряясь, оралъ гражданинъ и началъ юлить, предлагая предсѣдателю кресло.

Совершенно освирепѣвъ, Никаноръ Ивановичъ отвергъ кресло и завопилъ:

— Да кто вы такой?

— Я, изволите ли видѣть, состою переводчикомъ при особѣ иностранца, имѣющаго резиденцію въ этой квартирѣ, — отрекомендовался назвавшій себя Коровьевымъ и щелкнулъ каблукомъ рыжего нечищенного ботинка.

Никаноръ Ивановичъ открылъ ротъ. Наличие какого-то иностранца, да еще съ переводчикомъ, въ этой квартирѣ явилась для него совершеннѣйшимъ сюрпризомъ, и онъ потребовалъ объясненій.

Переводчикъ охотно объяснился. Иностраннѣй артистъ господинъ Воландъ былъ любезно приглашенъ директоромъ Варьете Степаномъ Богдановичемъ Лиходѣевымъ провести время своихъ гастролей, примѣрно недѣльку, у него въ квартирѣ, о чемъ онъ еще вчера написалъ Никанору Ивановичу, съ просьбой прописать иностранца временно, покуда самъ Лиходѣевъ съѣздитъ въ Ялту.

— Ничего онъ мнѣ не писалъ, — въ изумленіи сказалъ предсѣдатель.

— А вы поройтесь у себя въ портфель, Никаноръ Ивановичъ, — сладко предложилъ Коровьевъ.

Никаноръ Ивановичъ, пожимая плечами, открылъ портфель и обнаружилъ въ немъ письмо Лиходѣва.

— Какъ же это я про него забылъ? — тупо глядя на вскрытый конвертъ, пробормоталъ Никаноръ Ивановичъ.

— То ли бываетъ, то ли бываетъ, Никаноръ Ивановичъ! — затрещалъ Коровьевъ, — разсѣянность, разсѣянность, и переутомленіе, и повышенное кровяное давленіе, дорогой нашъ другъ Никаноръ Ивановичъ! Я самъ разсѣянъ до ужаса. Какъ-нибудь за рюмкой я вамъ расскажу нѣсколько фактовъ изъ моей біографіи, вы обхохочетесь!

— Когда же Лиходѣвъ ѣдетъ въ Ялту?!

— Да онъ уже уѣхалъ, уѣхалъ! — закричалъ переводчикъ, — онъ, знаете ли, ужъ катитъ! Ужъ онъ чертъ знаетъ гдѣ! — и тутъ переводчикъ замахалъ руками, какъ мельничными крыльями.

Никаноръ Ивановичъ заявилъ, что ему необходимо лично повидать иностранца, но въ этомъ получилъ отъ переводчика отказъ: никакъ невозможно. Занять. Дрессируетъ кота.

— Кота, ежели угодно, могу показать, — предложилъ Коровьевъ.

Отъ этого, въ свою очередь, отказался Никаноръ Ивановичъ, а переводчикъ тутъ же сдѣлалъ предсѣдателю неожиданное, но весьма интересное предложеніе.

Ввиду того, что господинъ Воландъ нипочемъ не желаетъ жить въ гостиницѣ, а жить онъ привыкъ просторно, то вотъ не сдать ли жилтоварищество на недѣлку, пока будутъ продолжаться гастроли Воланда

въ Москвѣ, ему всю квартирку, то есть и комнаты покойнаго?

— Вѣдь ему безразлично, покойнику, — шепотомъ сипѣлъ Коровьевъ, — ему теперь, сами согласитесь, Никаноръ Ивановичъ, квартира эта ни къ чему?

Никаноръ Ивановичъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи возразилъ, что, молъ, иностранцамъ полагается жить въ «Метрополѣ», а вовсе не на частныхъ квартирахъ...

— Говорю вамъ, капризенъ, какъ чертъ знаетъ что! — зашепталъ Коровьевъ, — ну не желаетъ! Не любитъ онъ гостиницъ! Вотъ они гдѣ у меня сидятъ, эти интуристы! — интимно пожаловался Коровьевъ, тыча пальцемъ въ свою жилистую шею, — вѣрите ли, всю душу вымотали! Приѣдетъ... и или нащипонить, какъ послѣдній сукинъ сынъ, или же капризами всѣ нервы вымотаетъ: и то ему не такъ, и это не такъ!.. А вашему товариществу, Никаноръ Ивановичъ, полнѣйшая выгода и очевидный профитъ. А за деньгами онъ не постоитъ, — Коровьевъ оглянулся, а затѣмъ шепнулъ на ухо предсѣдателю: — Милліонеръ!

Въ предложеніи переводчика заключался ясный практическій смыслъ, предложеніе было очень солидное, но что-то удивительно несолидное было и въ манерѣ переводчика говорить, и въ его одеждѣ, и въ этомъ омерзительномъ, никуда не годномъ пенсне. Вслѣдствіе этого что-то неясное томило душу предсѣдателя, и все-таки онъ рѣшилъ принять предложеніе. Дѣло въ томъ, что въ жилтоварищствѣ былъ, увы, преизрядный дефицитъ. Къ осени надо было закупать нефть для парового отопленія, а на какіе шиши — неизвѣстно. А съ интуристовыми деньгами, пожалуй, можно было и вывернуться. Но дѣловой и осторожный Никаноръ Ивановичъ заявилъ, что ему прежде всего придется увязать этотъ вопросъ съ интуристскимъ бюро.

— Я понимаю, — вскричалъ Коровьевъ, — какъ же безъ увязки, обязательно. Вотъ вамъ телефонъ, Никаноръ Ивановичъ, и немедленно увязывайте. А насчетъ денегъ не стѣсняйтесь, — шепотомъ добавилъ онъ, увлекая предсѣдателя въ переднюю къ телефону, — съ кого же взять, какъ не съ него! Если бъ вы видѣли, какая у него вилла въ Ниццѣ! Да будущимъ лѣтомъ, какъ поѣдете за границу, нарочно заѣзжайте посмотрѣть — ахнете!

Дѣло съ интуристскимъ бюро уладилось по телефону съ необыкновенной, поразившей предсѣдателя, быстротою. Оказалось, что тамъ уже знаютъ о намѣреніи господина Воланда жить въ частной квартирѣ Лиходѣва и противъ этого ничуть не возражаютъ.

— Ну и чудно! — оралъ Коровьевъ.

Нѣсколько ошеломленный его трескотней, предсѣдатель заявилъ, что жилтоварищество согласно сдать на недѣлю квартиру № 50 артисту Воланду съ платой по... — Никаноръ Ивановичъ замялся немножко и сказалъ:

— По пятьсотъ рублей въ день.

Тутъ Коровьевъ окончательно поразилъ предсѣдателя. Воровски подмигнувъ въ сторону спальни, откуда слышались мягкіе прыжки тяжелаго кота, онъ просипѣлъ:

— За недѣлю это выходитъ, стало быть, три съ половиной тысячи?

Никаноръ Ивановичъ подумалъ, что онъ прибавить къ этому: «Ну и аппетитикъ же у васъ, Никаноръ Ивановичъ!» — но Коровьевъ сказалъ совсѣмъ другое:

— Да развѣ это сумма! Просите пять, онъ дастъ.

Растерянно ухмыльнувшись, Никаноръ Ивановичъ и самъ не замѣтилъ, какъ оказался у письменнаго стола, гдѣ Коровьевъ съ величайшей

быстротой и ловкостью начерталь въ двухъ экземплярахъ контрактъ. Послѣ этого онъ слеталь съ нимъ въ спальню и вернулся, причемъ оба экземпляра оказались уже размашисто подписанными иностранцемъ. Подписаль контрактъ и предсѣдатель. Тутъ Коровьевъ попросилъ расписочку на пять...

— Прописью, прописью, Никаноръ Ивановичь!.. Тысячь рублей, — и со словами, какъ-то не идущими къ серьезному дѣлу: — Эйнь, цвей, дрей! — выложилъ предсѣдателю пять новенькихъ банковскихъ пачекъ.

Произошло подсчитываніе, пересыпаемое шуточками и прибаутками Коровьева, вродѣ «денежка счетъ любить», «свой глазокъ-смотрокъ» и прочаго такого же.

Пересчитавъ деньги, предсѣдатель получилъ отъ Коровьева паспортъ иностранца для временной прописки, уложилъ его, и контрактъ, и деньги въ портфель, и, какъ-то не удержавшись, стыдливо попросилъ контрамарочку...

— О чемъ разговоръ! — взревѣлъ Коровьевъ, — сколько вамъ билетиковъ, Никаноръ Ивановичъ, двѣнадцать, пятнадцать?

Ошеломленный предсѣдатель пояснилъ, что контрамарокъ ему нужна только парочка, ему и Пелагеѣ Антоновнѣ, его супругѣ.

Коровьевъ тутъ же выхватилъ блокнотъ и лихо выписаль Никанору Ивановичу контрамарочку на двѣ персоны въ первомъ ряду. И эту контрамарочку переводчикъ лѣвой рукой ловко всучилъ Никанору Ивановичу, а правой вложилъ въ другую руку предсѣдателя толстую хрустнувшую пачку. Метнувъ на нее взглядъ, Никаноръ Ивановичъ густо покраснѣлъ и сталъ ее отпихивать отъ себя.

— Этого не полагается... — бормоталь онъ.

— И слушать не стану, — зашипѣлъ въ самое

ухо его Коровьевъ, — у насъ не полагается, а у иностранцевъ полагается. Вы его обидите, Никаноръ Ивановичъ, а это неудобно. Вы трудились...

— Строго преслѣдуется, — тихо-претихо прошепталь предсѣдатель и оглянулся.

— А гдѣ же свидѣтели? — шепнулъ въ другое ухо Коровьевъ, — я васъ спрашиваю, гдѣ они? Что вы?

И тутъ случилось, какъ утверждалъ впослѣдствіи предсѣдатель, чудо: пачка сама вползла къ нему въ портфель. А затѣмъ предсѣдатель, какой-то разслабленный и даже разбитый, оказался на лѣстницѣ. Вихрь мыслей бушевалъ у него въ головѣ. Тутъ вертѣлась и вила въ Ниццѣ, и дрессированный котъ, и мысль о томъ, что свидѣтелей дѣйствительно не было, и что Пелагея Антоновна обрадуется контрамаркѣ. Это были безсвязныя мысли, но въ общемъ пріятныя. И тѣмъ не менѣе гдѣ-то какая-то иголочка въ самой глубинѣ души покалывала предсѣдателя. Это была иголочка безпокойства. Кромѣ того, тутъ же на лѣстницѣ предсѣдателя, какъ ударъ,хватила мысль: «А какъ же попалъ въ кабинетъ переводчикъ, если на дверяхъ была печать?! И какъ онъ, Никаноръ Ивановичъ, объ этомъ не спросилъ?» Нѣкоторое время предсѣдатель, какъ баранъ, смотрѣлъ на ступеньки лѣстницы, но потомъ рѣшилъ плюнуть на это и не мучить себя замысловатымъ вопросомъ.

Лишь только предсѣдатель покинулъ квартиру, изъ спальни донесся низкій голосъ:

— Мнѣ этотъ Никаноръ Ивановичъ не понравился. Онъ выжига и плутъ. Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы онъ больше не приходилъ?

— Мессиръ, вамъ стоитъ это приказать!.. — отозвался откуда-то Коровьевъ, но не дребезжащимъ, а очень чистымъ и звучнымъ голосомъ.

И сейчасъ же проклятый переводчикъ оказался

въ передней, наvertsъль тамъ номеръ и началъ почему-то очень плаксиво говорить въ трубку:

— Алло! Считаю долгомъ сообщить, что нашъ предсѣдатель жилтоварищества дома номеръ триста двабисъ по Садовой, Никаноръ Ивановичъ Босой, спекулируетъ валютой. Въ данный моментъ въ его квартирѣ номеръ тридцать пять въ вентиляціи, въ уборной, въ газетной бумагѣ четыреста долларовъ. Говоритъ жилецъ означеннаго дома изъ квартиры номеръ одиннадцать Тимоѳеѣй Квасцовъ. Но заклинаю держать въ тайнѣ мое имя. Опасаюсь мести вышеизложеннаго предсѣдателя.

И повѣсилъ трубку, подлецъ.

Что дальше происходило въ квартирѣ № 50, неизвѣстно, но извѣстно, что происходило у Никанора Ивановича. Запершись у себя въ уборной на крючокъ, онъ вытащилъ изъ портфеля пачку, навязанную переводчикомъ, и убѣдился въ томъ, что въ ней четыреста рублей. Эту пачку Никаноръ Ивановичъ завернулъ въ обрывокъ газеты и засунулъ въ вентиляціонный ходъ.

Черезъ пять минутъ предсѣдатель сидѣлъ за столомъ въ своей маленькой столовой. Супруга его принесла изъ кухни аккуратно нарѣзанную селедочку, густо посыпанную зеленымъ лукомъ. Никаноръ Ивановичъ налилъ лафитничекъ, выпилъ, налилъ второй, выпилъ, подхватилъ на вилку три куска селедки... и въ это время позвонили, а Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одномъ взглядѣ на которую сразу можно было догадаться, что въ ней, въ гущѣ огненнаго борща, находится то, чего вкуснѣе нѣтъ въ мірѣ, — мозговая кость.

Проглотивъ слюну, Никаноръ Ивановичъ заворчалъ, какъ песъ:

— А чтобъ вамъ провалиться! Поѣсть не дадутъ.

Не пускай никого, меня нѣту, нѣту. Насчетъ квартиры скажи, чтобы перестали трепаться. Черезъ недѣлю будетъ засѣданіе...

Супруга побѣжала въ переднюю, а Никаноръ Ивановичъ разливательной ложкой поволокъ изъ огнедышащаго озера — ее, кость, треснувшую вдоль. И въ эту минуту въ столовую вошли двое гражданъ, а съ ними почему-то очень блѣдная Пелагея Антоновна. При взглядѣ на гражданъ поблѣлѣлъ и Никаноръ Ивановичъ и поднялся.

— Гдѣ сортиръ? — озабоченно спросилъ первый, который былъ въ бѣлой косовороткѣ.

На обѣденномъ столѣ что-то стукнуло (это Никаноръ Ивановичъ уронилъ ложку на клеенку).

— Здѣсь, здѣсь, — скороговоркой отвѣтила Пелагея Антоновна. И пришедшіе немедленно устремились въ коридоръ.

— А въ чемъ дѣло? — тихо спросилъ Никаноръ Ивановичъ, слѣдуя за пришедшими, — у насъ ничего такого въ квартирѣ не можетъ быть... А у васъ документики... я извиняюсь...

Первый на ходу показалъ Никанору Ивановичу документикъ, а второй въ эту же минуту оказался стоящимъ на табуреткѣ въ уборной, съ рукою, засунутой въ вентиляціонный ходъ. Въ глазахъ у Никанора Ивановича потемнѣло, газету сняли, но въ пачкѣ оказались не рубли, а неизвѣстныя деньги, не то синіе, не то зеленые, и съ изображеніемъ какого-то старика. Впрочемъ, все это Никаноръ Ивановичъ разглядѣлъ неясно, передъ глазами у него плавали какіе-то пятна.

— Доллары въ вентиляціи, — задумчиво сказалъ первый и спросилъ Никанора Ивановича мягко и вѣжливо: — Вашъ пакетикъ?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Никаноръ Ивановичъ страшнымъ голосомъ, — подбросили враги!

— Это бываетъ, — согласился тотъ, первый, и опять-таки мягко добавилъ: — Ну что же, надо остальные сдавать.

— Нѣту у меня! Нѣту, Богомъ клянусь, никогда въ рукахъ не держалъ! — отчаянно вскричалъ предсѣдатель.

Онъ кинулся къ комоду, съ грохотомъ вытащилъ ящикъ, а изъ него портфель, безсвязно при этомъ выкрикивая:

— Вотъ контрактъ... переводчикъ-гадъ подбросилъ... Коровьевъ... въ пенснѣ!

Онъ открылъ портфель, глянулъ въ него, сунулъ въ него руку, посинѣлъ лицомъ и уронилъ портфель въ борщъ. Въ портфелѣ ничего не было: ни Степинаго письма, ни контракта, ни иностранцева паспорта, ни денегъ, ни контрамарки. Словомъ, ничего, кромѣ складного метра.

— Товарищи! — неистово закричалъ предсѣдатель, — держите ихъ! У насъ въ домѣ нечистая сила!

И тутъ же неизвѣстно что померещилось Пелагеѣ Антоновнѣ, но только она, всплеснувъ руками, вскричала:

— Покайся, Иванычъ! Тебѣ скидка выйдетъ!

Съ глазами, налитыми кровью, Никаноръ Ивановичъ занесъ кулаки надъ головой жены, хрипя:

— У, дура проклятая!

Тутъ онъ ослабѣлъ и опустился на стулъ, очевидно, рѣшивъ покориться неизбежному.

Въ это время Тимоѳеѣй Кондратьевичъ Квасцовъ на площадкѣ лѣстницы припадалъ къ замочной скважинѣ въ дверяхъ квартиры предсѣдателя то ухомъ, то глазомъ, изнывая отъ любопытства.

Черезъ пять минутъ жильцы дома, находившіеся во дворѣ, видѣли, какъ предсѣдатель въ сопровожденіи

еще двухъ лицъ прослѣдовалъ прямо къ воротамъ дома. Рассказывали, что на Никанорѣ Ивановичѣ лица не было, что онъ пошатывался, проходя, какъ пьяный, и что-то бормоталъ.

А еще черезъ часъ неизвѣстный гражданинъ явился въ квартиру номеръ одиннадцать, какъ разъ въ то время, когда Тимоѳеѣй Кондратьевичъ рассказывалъ другимъ жильцамъ, захлебываясь отъ удовольствія, о томъ, какъ замели председателя, пальцемъ выманилъ изъ кухни Тимоѳея Кондратьевича въ переднюю, что-то ему сказалъ и вмѣстѣ съ нимъ пропалъ.

Глава 10

Вѣсти изъ Ялты

Въ то время, какъ случилось несчастье съ Никаноромъ Ивановичемъ, недалеко отъ дома № 302-бисъ, на той же Садовой, въ кабинетѣ финансоваго директора Варьете Римскаго находились двое: самъ Римскій и администраторъ Варьете Варенуха.

Большой кабинетъ на второмъ этажѣ театра двумя окнами выходилъ на Садовую, а однимъ, какъ разъ за спиною финдиректора, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ, въ лѣтній садъ Варьете, гдѣ помѣщались прохладительные буфеты, тиръ и открытая эстрада. Убранство кабинета, помимо письменнаго стола, заключалось въ пачкѣ старыхъ афишъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, маленькомъ столикѣ съ графиномъ воды, четырехъ креслахъ и въ подставкѣ въ углу, на которой стоялъ запыленный давній макетъ какого-то обозрѣнія. Ну, само собой разумѣется, что, кромѣ того, была въ кабинетѣ небольшихъ размѣровъ потасканная, облупленная несгораемая касса, по лѣвую руку Римскаго, рядомъ съ письменнымъ столомъ.

Сидящій за столомъ Римскій съ самого утра находился въ дурномъ расположеніи духа, а Варенуха, въ противоположность ему, былъ очень оживленъ и какъ-то особенно безпокойно дѣятеленъ. Между тѣмъ выхода его энергіи не было.

Варенуха прятался сейчасъ въ кабинетѣ у финдиректора отъ контрамарочниковъ, которые отравляли ему жизнь, въ особенности въ дни перемѣны программы. А сегодня какъ разъ и былъ такой день.

Лишь только начиналъ звенѣть телефонъ, Варенуха бралъ трубку и лгалъ въ нее:

— Кого? Варенуху? Его нѣту. Вышелъ изъ театра.

— Позвони ты, пожалуйста, Лиходѣву еще разъ, — раздраженно сказалъ Римскій.

— Да нѣту его дома. Я уже Карпова посылалъ. Никого нѣту въ квартирѣ.

— Чертъ знаетъ что такое, — шипѣлъ Римскій, щелкая на счетной машинкѣ.

Дверь открылась, и капельдинеръ втащилъ толстую пачку только что напечатанныхъ дополнительныхъ афишъ. На зеленыхъ листахъ крупными красными буквами было написано:

Сегодня и ежедневно въ театрѣ Варьете
сверхъ программы:

Профессоръ Воландъ

Сеансы черной магіи съ полнымъ ее разоблаченіемъ

Варенуха, отойдя отъ афиши, выброшенной имъ на макетъ, полюбовался на нее и приказалъ капельдинеру немедленно пустить всѣ экземпляры въ расклейку.

— Хорошо, броско, — замѣтилъ Варенуха по уходѣ капельдинера.

— А мнѣ до крайности не нравится вся эта затѣя, — злобно поглядывая на афишу сквозь роговые очки, ворчалъ Римскій, — и вообще я удивляюсь, какъ ему разрѣшили это поставить!

— Нѣтъ, Григорій Даниловичъ, не скажи, это очень тонкій шагъ. Тутъ вся соль въ разоблаченіи.

— Не знаю, не знаю, никакой тутъ соли нѣтъ, и всегда онъ придумаетъ что-нибудь такое! Хоть бы показалъ этого мага. Ты-то его видѣлъ? Откуда онъ его выкопалъ, чертъ его знаетъ!

Выяснилось, что Варенуха, такъ же какъ и

Римскій, не видѣлъ мага. Вчера Степа («какъ сумасшедшій»), по выраженію Римскаго) прибѣжалъ къ финдиректору съ написаннымъ уже черновикомъ договора, тутъ же велѣлъ его переписать и выдать деньги. И магъ этотъ смылся, и никто его не видѣлъ, кромѣ самого Степы.

Римскій вынулъ часы, увидѣлъ, что они показываютъ уже пять минутъ третьяго, и совершенно остервенился. Въ самомъ дѣлѣ! Лиходѣвъ звонилъ примѣрно въ одиннадцать часовъ, сказалъ, что придетъ примѣрно черезъ полчаса, и не только не пришелъ, но и изъ квартиры исчезъ!

— У меня же дѣло стоять! — уже рычалъ Римскій, тыча пальцемъ въ груды неподписанныхъ бумагъ.

— Ужъ не попалъ ли онъ, какъ Берліозъ, подъ трамвай? — говорилъ Варенуха, держа у уха трубку, въ которой слышались густые, продолжительные и совершенно безнадежные сигналы.

— А хорошо было бы... — чуть слышно сквозь зубы сказалъ Римскій.

Въ этотъ самый моментъ въ кабинетъ вошла женщина въ форменной курткѣ, въ фуражкѣ, въ черной юбкѣ и въ тапочкахъ. Изъ маленькой сумки на поясѣ женщина вынула бѣленькій квадратикъ и тетрадь и спросила:

— Гдѣ тутъ Варенуха? Сверхмолнія вамъ. Распишитесь.

Варенуха чиркнулъ какую-то закорючку въ тетради у женщины, и лишь только дверь за той захлопнулась, вскрылъ квадратикъ.

Прочитавъ телеграмму, онъ поморгалъ глазами и передалъ квадратикъ Римскому.

Въ телеграммѣ было напечатано слѣдующее: «Ялты Москву Варьете сегодня половину двѣнадцатаго

угрозыскъ явился шатень ночной сорочкѣ брюкахъ безъ сапогъ психическій назвался Лиходѣевымъ директоромъ Варьете молнируйте Ялтинскій розыскъ гдѣ директоръ Лиходѣевъ».

— Здравствуйте, я ваша тетя! — воскликнулъ Римскій и добавилъ: — Еще сюрприз!

— Лжедмитрій, — сказалъ Варенуха и заговорилъ въ трубку телефона: — Телеграфъ? Счетъ Варьете. Примите сверхмолнію... Вы слушаете? «Ялта, угрозыскъ... Лиходѣевъ Москвѣ финдиректоръ Римскій»...

Независимо отъ сообщенія о Ялтинскомъ самозванцѣ, Варенуха опять принялся по телефону разыскивать Степу гдѣ попало и, натурально, нигдѣ его не нашель. Какъ разъ тогда, когда Варенуха, держа въ рукахъ трубку, раздумывалъ о томъ, куда бы ему еще позвонить, вошла та самая женщина, что принесла и первую молнію, и вручила Варенухѣ новый конвертикъ. Торопливо вскрывъ его, Варенуха прочиталъ напечатанное и свистнулъ.

— Что еще? — нервно дернувшись, спросилъ Римскій.

Варенуха молча подалъ ему, телеграмму и финдиректоръ увидѣлъ въ ней слова: «Умоляю вѣрить брошень Ялту гипнозомъ Воланда молнируйте угрозыску подтвержденіе личности Лиходѣевъ».

Римскій и Варенуха, касаясь другъ друга головами, перечитывали телеграмму, а перечитавъ, молча усталились другъ на друга.

— Граждане! — вдругъ разсердилась женщина, — расписывайтесь, а потомъ ужъ будете молчать сколько угодно! Я вѣдь молніи разношу.

Варенуха, не спуская глазъ съ телеграммы, криво расчеркнулся въ тетради, и женщина исчезла.

— Ты же съ нимъ въ началѣ двѣнадцатаго

разговариваль по телефону? — въ полномъ недоумѣніи заговориль администраторъ.

— Да смѣшно говорить! — пронзительно закричалъ Римскій, — разговариваль или не разговариваль, а не можетъ онъ быть сейчасъ въ Ялтѣ! Это смѣшно!

— Онъ пьянъ... — сказалъ Варенуха.

— Кто пьянъ? — спросиль Римскій, и опять оба устались другъ на друга.

Что телеграфироваль изъ Ялты какой-то самозванецъ или сумасшедшій, въ этомъ сомнѣніи не было; но вотъ что было странно: откуда же Ялтинскій мистификаторъ знаетъ Воланда, только вчера пріѣхавшаго въ Москву? Откуда онъ знаетъ о связи между Лиходѣевымъ и Воландомъ?

— «Гипнозомъ...» — повторяль Варенуха слово изъ телеграммы, — откуда же ему извѣстно о Воландѣ? — онъ поморгаль глазами и вдругъ вскричалъ рѣшительно: — Да нѣтъ, чепуха, чепуха, чепуха!

— Гдѣ онъ остановился, этотъ Воландъ, чертъ его возьми? — спросиль Римскій.

Варенуха немедленно соединился съ интуристскимъ бюро и, къ полному удивленію Римскаго, сообщилъ, что Воландъ остановился въ квартирѣ Лиходѣева. Набравъ послѣ этого номеръ Лиходѣевской квартиры, Варенуха долго слушалъ, какъ густо гудить въ трубкѣ. Среди этихъ гудковъ откуда-то издали послышался тяжкій, мрачный голосъ, пропѣвшій: «...скалы, мой пріютъ...» — и Варенуха рѣшилъ, что въ телефонную сѣть откуда-то прорвался голосъ изъ радіотеатра.

— Не отвѣчаетъ квартира, — сказалъ Варенуха, кладя трубку на рычагъ, — попробоватъ развѣ позвонить еще...

Онъ не договориль. Въ дверяхъ появилась все та

же женщина, и оба, и Римскій и Варенуха, поднялись ей навстрѣчу, а она вынула изъ сумки уже не бѣлый, а какой-то темный листокъ.

— Это уже становится интересно, — процѣдилъ сквозь зубы Варенуха, провожая взглядомъ поспѣшно уходящую женщину. Первый листкомъ овладѣлъ Римскій.

На темномъ фонѣ фотографической бумаги отчетливо выдѣлялись черныя писанья строки:

«Доказательство мой почеркъ моя подпись молнируйте подтвержденіе установите секретное наблюдение Воландомъ Лиходѣевъ».

За двадцать лѣтъ своей дѣятельности въ театрахъ Варенуха видалъ всякіе виды, но тутъ онъ почувствовалъ, что умъ его застываетъ какъ бы пеленою, и онъ ничего не сумѣлъ произнести, кромѣ житейской и притомъ совершенно нелѣпой фразы:

— Этого не можетъ быть!

Римскій же поступилъ не такъ. Онъ поднялся, открылъ дверь, рывкнулъ въ нее курьершѣ, сидящей на табуреткѣ:

— Никого, кромѣ почтальоновъ, не впускать! — и заперъ кабинетъ на ключъ.

Затѣмъ онъ досталъ изъ письменнаго стола кипу бумагъ и началъ тщательно сличать жирныя, съ наклономъ влѣво, буквы въ фотограммѣ съ буквами въ Степиныхъ резолюціяхъ и въ его же подписяхъ, снабженныхъ винтовой закорючкой. Варенуха, навалившись на столъ, жарко дышалъ въ щеку Римскаго.

— Это его почеркъ, — наконецъ твердо сказалъ финдиректоръ, а Варенуха отозвался, какъ эхо:

— Его.

Вглядѣвшись въ лицо Римскаго, администраторъ подивился перемѣнѣ, происшедшей въ этомъ лицѣ. И

безъ того худой финдиректоръ какъ будто еще болѣе похудѣлъ и даже постарѣлъ, а глаза его въ роговой оправѣ утратили свою обычную колючесть, и появилась въ нихъ не только тревога, но даже какъ будто печаль.

Варенуха продѣлалъ все, что полагается человѣку въ минуты великаго изумленія. Онъ и по кабинету пробѣжался, и дважды вздымалъ руки, какъ распятый, и выпилъ цѣлый стаканъ желтоватой воды изъ графина, и восклицалъ:

— Не понимаю! Не по-ни-ма-ю!

Римскій же смотрѣлъ въ окно и напряженно о чемъ-то думалъ. Положеніе финдиректора было очень затруднительно. Требовалось тутъ же, не сходя съ мѣста, изобрѣсти обыкновенныя объясненія явленій необыкновенныхъ.

Прищурившись, финдиректоръ представилъ себѣ Степу въ ночной сорочкѣ и безъ сапогъ влѣзающимъ сегодня около половины двѣнадцатаго въ какой-то невиданный сверхбыстроходный самолетъ, а затѣмъ его же, Степу, и тоже въ половинѣ двѣнадцатаго, стоящимъ въ носкахъ на аэродромѣ въ Ялтѣ... чертъ знаетъ что такое!

Можетъ быть, не Степа сегодня говорилъ съ нимъ по телефону изъ собственной своей квартиры? Нѣтъ, это говорилъ Степа! Ему ли не знать Степинаго голоса! Да если бы сегодня и не Степа говорилъ, то вѣдь не далѣе чѣмъ вчера, подъ вечеръ, Степа изъ своего кабинета явился въ этотъ самый кабинетъ съ этимъ дурацкимъ договоромъ и раздражалъ финдиректора своимъ легкомысліемъ. Какъ это онъ могъ уѣхать или улетѣть, ничего не сказавъ въ театрѣ? Да если бы и улетѣлъ вчера вечеромъ, къ полудню сегодняшняго дня не долетѣлъ бы. Или долетѣлъ бы?

— Сколько километровъ до Ялты? — спросилъ Римскій.

Варенуха прекратилъ свою бѣготню и заоралъ:

— Думалъ! Уже думалъ! До Севастополя по желѣзной дорогѣ около полутора тысячь километровъ. Да до Ялты накинь еще восемьдесятъ километровъ. Но по воздуху, конечно, меньше.

Гмъ... Да... Ни о какихъ поѣздахъ не можетъ быть и разговора. Но что же тогда? Истребитель? Кто и въ какой истребитель пустить Степу безъ сапогъ? Зачѣмъ? Можетъ быть, онъ снялъ сапоги, прилетѣвъ въ Ялту? То же самое: зачѣмъ? Да и въ сапогахъ въ истребитель его не пустятъ! Да и истребитель тутъ ни при чемъ. Вѣдь писано же, что явился въ угрозыскъ въ половинѣ двѣнадцатаго дня, а разговаривалъ онъ по телефону въ Москвѣ... позвольте-ка... тутъ передъ глазами Римскаго возникъ циферблатъ его часовъ... Онъ припоминалъ, гдѣ были стрѣлки. Ужасъ! Это было въ двадцать минутъ двѣнадцатаго. Такъ что же это выходитъ? Если предположить, что мгновенно послѣ разговора Степа кинулся на аэродромъ и достигъ его за пять, скажемъ, минутъ, что, между прочимъ, тоже невысказано, то выходитъ, что самолету, снявшись тутъ же, въ пять минутъ покрылъ болѣе тысячи километровъ? Слѣдовательно, въ часъ онъ покрываетъ болѣе двѣнадцати тысячь километровъ!!! Этого не можетъ быть, а значить, его нѣтъ въ Ялтѣ.

Что же остается? Гипнозъ? Никакого такого гипноза, чтобы швырнуть человѣка за тысячу километровъ, на свѣтъ нѣту! Стало быть, ему мерещится, что онъ въ Ялтѣ! Ему-то, можетъ быть, и мерещится, а Ялтинскому угрозыску тоже мерещится? Ну, нѣтъ, извините, этого не бываетъ!... Но вѣдь телеграфируютъ они оттуда?

Лицо финдиректора было буквально страшно. Ручку двери снаружи въ это время крутили и дергали, и

слышно было, какъ курьерша за дверями отчаянно кричала:

— Нельзя! Не пушу! Хоть зарѣжьте!! Засѣданіе!

Римскій, сколько могъ, овладѣль собою, взялъ телефонную трубку и сказалъ въ нее:

— Дайте сверхсрочный разговоръ съ Ялтой.

«Умно!» — мысленно воскликнулъ Варенуха.

Но разговоръ съ Ялтой не состоялся. Римскій положилъ трубку и сказалъ:

— Какъ назло, линія испортилась.

Видно было, что порча линіи его почему-то особенно сильно разстроила и даже заставила задуматься. Подумавъ немного, онъ опять взялся за трубку одной рукой, другой сталъ записывать то, что говорилъ въ трубку:

— Примите сверхмолнію. Варьете. Да. Ялта. Угрозыскъ. Да. «Сегодня около половины двѣнадцатаго Лиходѣевъ говорилъ мною телефону Москвѣ, точка. Послѣ этого на службу не явился и разыскать его телефонамъ не можемъ, точка. Почеркъ подтверждаю, точка. Мѣры наблюденія указаннымъ артистомъ принимаю. Финдиректоръ Римскій».

«Очень умно!» — подумалъ Варенуха, но не успѣлъ подумать какъ слѣдуетъ, какъ въ головѣ у него пронеслось слово: «Глупо! Не можетъ быть онъ въ Ялтѣ!»

Римскій же тѣмъ временемъ сдѣлалъ слѣдующее: аккуратно сложилъ всѣ полученныя телеграммы и копію со своей въ пачку, пачку вложилъ въ конвертъ, заклеилъ его, написалъ на немъ нѣсколько словъ и вручилъ его Варенухѣ, говоря.

— Сейчасъ же, Иванъ Савельевичъ, лично отвези. Пусть тамъ разбираютъ.

«А вотъ это дѣйствительно умно!» — подумалъ Варенуха и спряталъ конвертъ въ свой портфель.

Затѣмъ онъ еще разъ на всякій случай наvertѣлъ на телефонѣ номеръ Степиной квартиры, прислушался и радостно и таинственно замигалъ и заgrimасничалъ. Римскій вытянулъ шею.

— Артиста Воланда можно попросить? — сладко спросилъ Варенуха.

— Они заняты, — отвѣтила трубка дребезжащимъ голосомъ, — а кто спрашиваетъ?

— Администраторъ Варьете Варенуха.

— Иванъ Васильевичъ? — радостно вскричала трубка, — страшно радъ слышать вашъ голосъ! Какъ ваше здоровье?

— Мерси, — изумленно отвѣтилъ Варенуха, — а съ кѣмъ я говорю?

— Помощникъ, помощникъ его и переводчикъ Коровьевъ, — трещала трубка, — вѣсь къ вашимъ услугамъ, милѣйшій Иванъ Савельевичъ! Распоряжайтесь мной какъ вамъ будетъ угодно. Итакъ?

— Простите, что, Степана Богдановича Лиходѣева сейчасъ нѣту дома?

— Увы, нѣту! Нѣту! — кричала трубка, — уѣхалъ.

— А куда?

— За городъ кататься на машинѣ.

— К... какъ? Ка... кататься? А когда же онъ вернется?

— А сказалъ, подышу свѣжимъ воздухомъ и вернусь!

— Такъ... — растерянно сказалъ Варенуха, — мерси. Будьте добры передать месѣ Воланду, что выступленіе его сегодня въ третьемъ отдѣленіи.

— Слушаю. Какъ же. Непремѣнно. Срочно. Всеобязательно. Передамъ, — отрывисто стукала трубка.

— Всего добраго, — удивляясь, сказалъ Варенуха.

— Прошу принять, — говорила трубка, — мои наилучшіе, наигорячейшіе привѣты и пожеланія! Успѣховъ! Удачъ! Полнаго счастья. Всего!

— Ну, конечно! Я же говорилъ! — возбужденно кричалъ администраторъ, — никакая не Ялта, а онъ уѣхалъ за городъ!

— Ну, если это такъ, — блѣднѣя отъ злобы, заговорилъ финдиректоръ, — то ужъ это дѣйствительно свинство, которому нѣтъ названія!

Тутъ администраторъ подпрыгнулъ и закричалъ такъ, что Римскій вздрогнулъ:

— Вспомнилъ! Вспомнилъ! Въ Пушкино открылась чебуречная «Ялта»! Все понятно! Поѣхалъ туда, напился и теперь оттуда телеграфируетъ!

— Ну, ужъ это черезчуръ, — дергаясь щекой, отвѣтилъ Римскій, и въ глазахъ его горѣла настоящая тяжелая злоба, — ну что жъ, дорого ему эта прогулка обойдется, — тутъ онъ вдругъ споткнулся и нерѣшительно добавилъ: — Но какъ же, вѣдь угрозыскъ...

— Это вздоръ! Его собственныя шуточки, — перебилъ экспансивный администраторъ и спросилъ: — А пакетъ-то везти?

— Обязательно, — отвѣтилъ Римскій.

И опять открылась дверь, и вошла та самая... «Она!» — почему-то съ тоской подумалъ Римскій. И оба встали навстрѣчу почтальоншѣ.

На этотъ разъ въ телеграммѣ были слова:

«Спасибо подтвержденіе срочно пятьсотъ угрозыскъ мнѣ завтра вылетаю Москву Лиходѣевъ».

— Онъ съ ума сошелъ... — слабо сказалъ Варенуха.

Римскій же позвенѣлъ ключомъ, вынулъ изъ

ящика несгораемой кассы деньги, отсчиталъ пятьсотъ рублей, позвонилъ, вручилъ курьеру деньги и послалъ его на телеграфъ.

— Помилуй, Григорій Даниловичъ, — не вѣря своимъ глазамъ, проговорилъ Варенуха, — по-моему, ты зря деньги посылаешь.

— Онѣ придутъ обратно, — отозвался Римскій тихо, — а вотъ онъ сильно отвѣтитъ за этотъ пикничокъ, — и добавилъ, указывая на портфель Варенухи: — Поѣзжай, Иванъ Савельевичъ, не медли.

И Варенуха съ портфелемъ выбѣжалъ изъ кабинета.

Онъ спустился въ нижній этажъ, увидѣлъ длиннѣйшую очередь возлѣ кассы, узналъ отъ кассирши, что та черезъ часъ ждетъ аншлага, потому что публика прямо валомъ пошла, лишь только увидѣла дополнительную афишу, велѣлъ кассиршѣ загнуть и не продавать тридцать лучшихъ мѣстъ въ ложахъ и партерѣ, выскочивъ изъ кассы, тутъ же на ходу отбился отъ назойливыхъ контрамарочниковъ и нырнулъ въ свой кабинетикъ, чтобы захватить кепку. Въ это время затрещалъ телефонъ.

— Да! — крикнулъ Варенуха.

— Иванъ Савельевичъ? — освѣдомилась трубка препротивнымъ гнусавымъ голосомъ.

— Его нѣтъ въ театрѣ! — крикнулъ было Варенуха, но трубка сейчасъ же перебила:

— Не валяйте дурака, Иванъ Савельевичъ, а слушайте. Телеграммы эти никуда не носите и никому не показывайте.

— Кто это говоритъ? — взревѣлъ Варенуха, — прекратите, гражданинъ, эти штучки! Васъ сейчасъ же обнаружатъ! Вашъ номеръ?

— Варенуха, — отозвался все тотъ же гадкій голосъ, — ты русскій языкъ понимаешь? Не носи никуда телеграммы.

— А, такъ вы не унимаетесь? — закричалъ администраторъ въ ярости, — ну смотрите же! Поплатитесь вы за это, — онъ еще прокричалъ какую-то угрозу, но замолчалъ, потому что почувствовалъ, что въ трубкѣ его никто уже не слушаетъ.

Тутъ въ кабинетикѣ какъ-то быстро стало темнѣть. Варенуха выбѣжалъ, захлопнувъ за собою дверь и черезъ боковой ходъ устремился въ лѣтній садъ.

Администраторъ былъ возбужденъ и полонъ энергіи. Послѣ наглаго звонка онъ не сомнѣвался въ томъ, что хулиганская шайка продѣлываетъ скверныя шуточки и что эти шуточки связаны съ исчезновеніемъ Лиходѣева. Желаніе изобличить злодѣевъ душила администратора, и, какъ это ни странно, въ немъ зародилось предвкушеніе чего-то пріятнаго. Такъ бываетъ, когда человѣкъ стремится стать центромъ вниманія, принести куда-нибудь сенсационное сообщеніе.

Въ саду вѣтеръ дунулъ въ лицо администратору и засыпалъ ему глаза пескомъ, какъ бы преграждая путь, какъ бы предостерегая. Хлопнула во второмъ этажѣ рама такъ, что чуть не вылетѣли стекла, въ вершинахъ кленовъ и липъ тревожно прошумѣло, потемнѣло и посвѣжѣло. Администраторъ протеръ глаза и увидѣлъ, что надъ Москвой низко ползетъ желтобрюхая грозовая туча. Вдали густо заворчалъ.

Какъ ни торопился Варенуха, неодолимое желаніе потянуло его забѣжать на секунду въ лѣтнюю уборную, чтобы на ходу провѣрить, одѣлъ ли монтеръ въ сѣтку лампу.

Пробѣжавъ мимо тира, Варенуха попалъ въ густую заросль сирени, въ которой стояло голубоватое зданіе уборной. Монтеръ оказался аккуратнымъ

человѣкомъ, лампа подѣ крышей въ мужскомъ отдѣленіи была уже обтянута металлической сѣткой, но огорчило администратора то, что даже въ предгрозовомъ потемнѣніи можно было разобрать, что стѣны уже исписаны углемъ и карандашомъ.

— Ну, что же это за!... — началъ было администраторъ и вдругъ услышалъ за собою голосъ, мурлыкнувшій:

— Это вы, Иванъ Савельевичъ?

Варенуха вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ за собою какого-то небольшого толстяка, какъ показалось, съ кошачьей физиономіей.

— Ну я, — неприязненно отвѣтилъ Варенуха.

— Очень, очень пріятно, — писклявымъ голосомъ отозвался котообразный толстякъ и вдругъ, развернувшись, ударилъ Варенуху по уху такъ, что кепка слетѣла съ головы администратора и безслѣдно исчезла въ отверстіи сидѣнія.

Отъ удара толстяка вся уборная освѣтилась на мгновеніе трепетнымъ свѣтомъ, и въ небѣ отозвался громовой ударъ. Потомъ еще разъ сверкнуло, и передъ администраторомъ возникъ второй — маленькій, но съ атлетическими плечами, рыжій, какъ огонь, одинъ глазъ съ бѣлымъ, ротъ съ клыкомъ. Этотъ второй, будучи, очевидно, лѣвшой съѣздилъ администратору по другому уху. Въ отвѣтъ опять-таки грохнуло въ небѣ, и на деревянную крышу уборной обрушился ливень.

— Что вы, товари... — прошепталь ополоумѣвшій администраторъ, сообразилъ тутъ же, что слово «товарищи» никакъ не подходитъ къ бандитамъ, напавшимъ на человѣка въ общественной уборной, прохрипѣлъ: — гражда... — смекнулъ, что и это названіе они не заслуживаютъ, и получилъ третій страшный ударъ неизвѣстно отъ кого изъ двухъ, такъ что кровь изъ носу хлынула на толстовку.

— Что у тебя въ портфель, паразитъ? — пронзительно прокричалъ похожій на кота, — телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтобы ты ихъ никуда не носилъ? Предупреждали, я тебя спрашиваю?

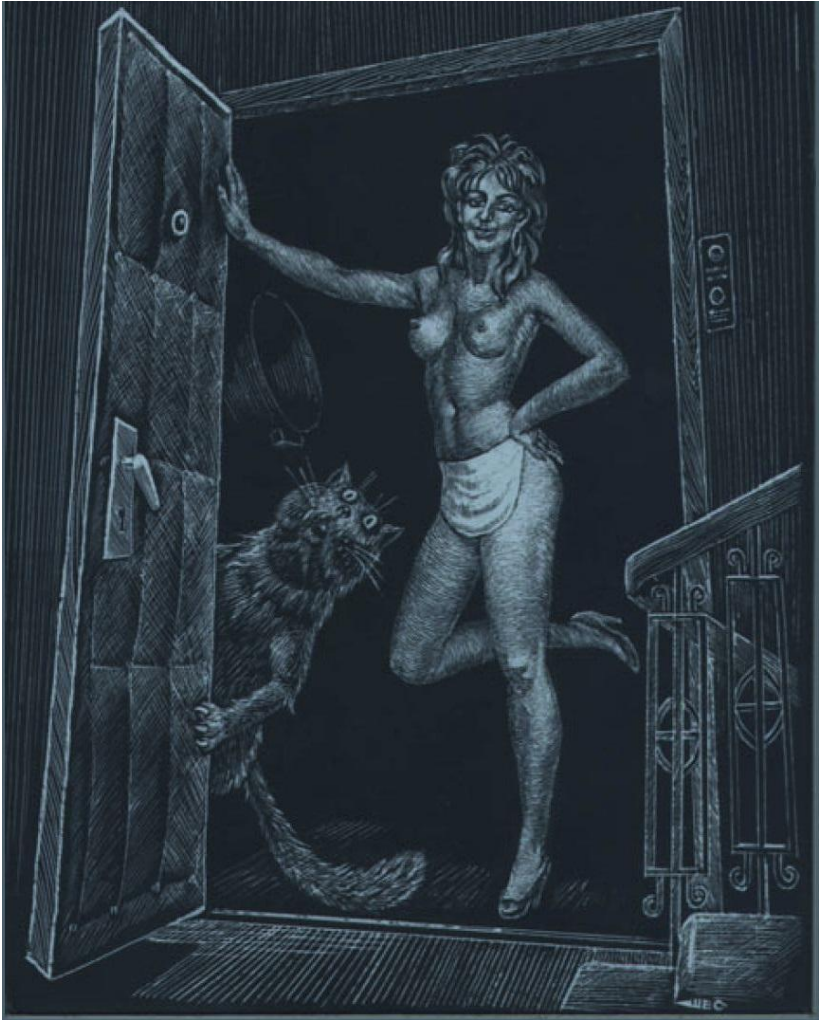
— Предупрежди... дали... дили... — задыхаясь отвѣтилъ администраторъ.

— А ты все-таки побѣжалъ? Дай сюда портфель, гадъ! — тѣмъ самымъ гнусавымъ голосомъ, что былъ слышенъ въ телефонѣ, крикнулъ второй и выдралъ портфель изъ трясущихся рукъ Варенухи.

И оба подхватили администратора подъ руки, выволокли его изъ сада и понесли съ нимъ по Садовой. Гроза бушевала съ полной силой, вода съ грохотомъ и воемъ низвергалась въ канализаціонныя отверстія, всюду пузырилось, вздувались волны, съ крышъ хлестало мимо трубъ, изъ подворотенъ бѣжали пѣнные потоки. Все живое смылось съ Садовой, и спасти Ивана Савельевича было некому. Прыгая въ мутныхъ рѣкахъ и освѣщаясь молніями, бандиты въ одну секунду доволокли полуживого администратора до дома № 302-бисъ, влетѣли съ нимъ въ подворотню, гдѣ къ стѣнкѣ жались двѣ босоногія женщины, свои туфли и чулки держащія въ рукахъ. Затѣмъ кинулись въ шестой подъѣздъ, и близкій къ безумію Варенуха былъ вознесенъ на пятый этажъ и брошенъ на полъ въ хорошо знакомой ему полутемной передней квартиры Степы Лиходѣва.

Тутъ оба разбойника сгнули, а вмѣсто нихъ появилась въ передней совершенно нагая дѣвица — рыжая, съ горящими фосфорическими глазами.

Варенуха понялъ, что это-то и есть самое страшное изъ всего, что приключилось съ нимъ, и, застонавъ, отпрянулъ къ стѣнѣ. А дѣвица подошла вплотную къ администратору и положила ладони рукъ ему на плечи. Волосы Варенухи поднялись дыбомъ,

потому что даже сквозь холодную, пропитанную водой ткань толстовки онъ почувствовалъ, что ладони эти еще холоднѣе, что онъ холодны ледянымъ холодомъ.

— Дай-ка я тебя поцѣлую, — нѣжно сказала дѣвица, и у самыхъ его глазъ оказались сіяющіе глаза.

Тогда Варенуха лишился чувствъ и поцѣлуя не ощутилъ.

Раздвоение Ивана

Боръ на противоположномъ берегу рѣки, еще часъ назадъ освѣщенный майскимъ солнцемъ, помутнѣлъ, размазался и растворился.

Вода сплошной пеленой валила за окномъ. Въ небѣ то и дѣло вспыхивали нити, небо лопалось, комнату больного заливало трепетнымъ пугающимъ свѣтомъ.

Иванъ тихо плакалъ, сидя на кровати и глядя на мутную, кипящую въ пузыряхъ рѣку. При каждомъ ударѣ грома онъ жалобно вскрикивалъ и закрывалъ лицо руками. Исписанные Иваномъ листки валялись на полу; ихъ сдуло вѣтромъ, влетѣвшимъ въ комнату передъ началомъ грозы.

Попытки поэта сочинить заявленіе насчетъ страшнаго консультанта не привели ни къ чему. Лишь только онъ получилъ отъ толстой фельдшерицы, которую звали Прасковьей Ѳедоровной, огрызокъ карандаша и бумагу, онъ дѣловито потеръ руки и торопливо пристроился къ столику. Начало онъ вывелъ довольно бойко:

«Въ милицію. Члена МАССОЛИТа Ивана Николаевича Бездомнаго. Заявленіе. Вчера вечеромъ я пришелъ съ покойнымъ М. А. Берліозомъ на Патріаршіе пруды...»

И сразу поэтъ запутался, главнымъ образомъ изъ-за слова «покойнымъ». Съ мѣста выходила какая-то безлепца: какъ это такъ — пришелъ съ покойнымъ? Не ходятъ покойники! Дѣйствительно, чего добраго, за сумасшедшаго примутъ!

Подумавъ такъ, Иванъ Николаевичъ началъ исправлять написанное. Вышло слѣдующее: «...съ М. А.

Берліозомъ, въ послѣдствіи покойнымъ...». И это не удовлетворило автора. Пришлось примѣнить третью редакцію, а та оказалась еще хуже первыхъ двухъ: «...Берліозомъ, который попалъ подъ трамвай...» — а здѣсь еще прицѣпился этотъ никому не извѣстный композиторъ-однофамилецъ, и пришлось вписать: «...не композиторомъ...»

Намучавшись съ этими двумя Берліозами, Иванъ все зачеркнулъ и рѣшилъ начать сразу съ чего-то очень сильнаго, чтобы немедленно привлечь вниманіе читающаго, и написалъ, что котъ садился въ трамвай, а потомъ вернулся къ эпизоду съ отрѣзанной головой. Голова и предсказаніе консультанта привели его къ мысли о Понтіи Пилатѣ, и для вящей убѣдительности Иванъ рѣшилъ весь рассказъ о прокураторѣ изложить полностью съ того самого момента, какъ тотъ въ бѣломъ плащѣ съ кровавымъ подбоемъ вышелъ въ колоннаду иродова дворца.

Иванъ работалъ усердно и перечеркивалъ написанное, и вставлялъ новыя слова, и даже попытался нарисовать Понтія Пилата, а затѣмъ кота на заднихъ лапахъ. Но и рисунки не помогли, и чѣмъ дальше — тѣмъ путанѣе и непонятнѣе становилось заявленіе поэта.

Къ тому времени, какъ появилась издалека пугающая туча съ дымящимися краями и накрыла боръ и дунуль вѣтеръ, Иванъ почувствовалъ, что обезсилѣлъ, что съ заявленіемъ ему не совладать, не сталъ поднимать разлетѣвшихся листковъ и тихо и горько заплакалъ.

Добродушная фельдшерица Прасковья Ѳедоровна навѣстила поэта во время грозы, встревожилась, видя, что онъ плачетъ, закрыла штору, чтобы молніи не пугали больного, листки подняла съ полу и съ ними побѣжала за врачомъ.

Тотъ явился, сдѣлалъ уколъ въ руку Ивана и

увѣрилъ его, что онъ больше плакать не будетъ, что теперь все пройдетъ, все измѣнится и все забудется.

Врачъ оказался правъ. Вскорѣ зарѣчный боръ сталъ прежнимъ. Онъ вырисовался до послѣдняго дерева подъ небомъ, расчистившимся до прежней полной голубизны, а рѣка успокоилась. Тоска начала покидать Ивана тотчасъ послѣ укола, и теперь поэтъ лежалъ спокойно и глядѣлъ на радугу, раскинувшуюся по небу.

Такъ продолжалось до вечера, и онъ даже не замѣтилъ, какъ радуга растаяла и какъ загрустило и полиняло небо, какъ почернѣлъ боръ.

Напившись горячаго молока, Иванъ опять прилежъ и самъ подивился тому, какъ измѣнились его мысли. Какъ-то смягчился въ памяти проклятый бѣсовскій котъ, не пугала болѣе отрѣзанная голова, и, покинувъ мысль о ней, сталъ размышлять Иванъ о томъ, что, по сути дѣла, въ клиникѣ очень неплохо, что Стравинскій умница и знаменитость и что имѣть съ нимъ дѣло чрезвычайно пріятно. Вечерній воздухъ къ тому же и сладостенъ и свѣжъ послѣ грозы.

Домъ скорби засыпалъ. Въ тихихъ коридорахъ потухли матовыя бѣлыя лампы, и вмѣсто нихъ согласно распорядку зажглись слабые голубые ночники, и все рѣже за дверями слышались осторожные шажки фельдшерницъ на резиновыхъ половикахъ коридора.

Теперь Иванъ лежалъ въ сладкой истомѣ и поглядывалъ то на лампочку подъ абажуромъ, льющую съ потолка смягченный свѣтъ, то на луну, выходящую изъ-за чернаго бора, и бесѣдовалъ самъ съ собою.

— Почему, собственно, я такъ взволновался изъ-за того, что Берліозъ попалъ подъ трамвай? — разсуждалъ поэтъ. — Въ конечномъ счетѣ, ну его въ болото! Кто я, въ самомъ дѣлѣ, кумъ ему или свать? Если какъ слѣдуетъ провентилировать этотъ вопросъ, выходитъ, что я, въ сущности, даже и не зналъ какъ

слѣдуетъ покойника. Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ о немъ было извѣстно? Да ничего, кромѣ того, что онъ былъ лысъ и краснорѣчивъ до ужаса. И далѣе, граждане, — продолжалъ свою рѣчь Иванъ, обращаясь къ кому-то, — разберемъ вотъ въ чемъ: чего это я, объясните, взбѣсилъ на этого загадочнаго консультанта, мага и профессора съ пустымъ и чернымъ глазомъ? Къ чему вся нелѣпая погоня за нимъ въ подштанникахъ и со свѣчкой въ рукахъ, а затѣмъ и дикая Петрушка въ ресторанахъ?

— Но-но-но, — вдругъ сурово сказалъ гдѣ-то, не то внутри, не то надъ ухомъ, прежній Иванъ Ивану новому, — про то, что голову Берліозу-то отрѣжетъ, вѣдь онъ все-таки зналъ заранѣе? Какъ же не взволноваться?

— О чемъ, товарищи, разговоръ! — возражалъ новый Иванъ ветхому, прежнему Ивану, — что здѣсь дѣло нечисто, это понятно даже ребенку. Онъ личность незаурядная и таинственная на всѣ сто. Но вѣдь въ этомъ-то самое интересное и есть! Человѣкъ лично былъ знакомъ съ Понтіемъ Пилатомъ, чего же вамъ еще интереснѣе надобно? И вмѣсто того, чтобы поднимать глупѣйшую бузу на Патріаршихъ, не умнѣе ли было бы вѣжливо разспросить о томъ, что было далѣе съ Пилатомъ и этимъ арестованнымъ Га-Ноцри?

А я чертъ знаетъ чѣмъ занялся! Важное, въ самомъ дѣлѣ, происшествіе — редактора журнала задавило! Да что отъ этого, журналъ, что ли, закроется? Ну, что жъ подѣлаешь: человѣкъ смертенъ и, какъ справедливо сказано было, внезапно смертенъ. Ну, царство небесное ему! Ну, будетъ другой редакторъ и даже, можетъ быть, еще краснорѣчивѣе прежняго.

Подремавъ немного, Иванъ новый ехидно спросилъ у стараго Ивана:

— Такъ кто же я такой выхожу въ этомъ случаѣ?

— Дуракъ! — отчетливо сказалъ гдѣ-то басъ, не принадлежащій ни одному изъ Ивановъ и чрезвычайно похожій на басъ консультанта.

Иванъ, почему-то не обидѣвшись на слово «дуракъ», но даже пріятно изумившись ему, усмѣхнулся и въ полуснѣ затихъ. Сонъ крался къ Ивану, и ужъ померещилась ему и пальма на слоновой ногѣ, и котъ прошелъ мимо — не страшный, а веселый, и, словомъ, вотъ-вотъ накроетъ сонъ Ивана, какъ вдругъ рѣшетка беззвучно поѣхала въ сторону, и на балконѣ возникла таинственная фигура, прячущаяся отъ луннаго свѣта, и погрозила Ивану пальцемъ.

Иванъ безъ всякаго испуга приподнялся на кровати и увидѣлъ, что на балконѣ находится мужчина. И этотъ мужчина, прижимая палецъ къ губамъ, прошепталъ:

— Тсссъ!

Черная магія и ее разоблаченіе

Маленькій человекъ въ дырявомъ желтомъ котелкѣ и съ грушевиднымъ малиновымъ носомъ, въ клѣтчатыхъ брюкахъ и лакированныхъ ботинкахъ выѣхалъ на сцену Варьете на обыкновенномъ двухколесномъ велосипедѣ. Подъ звуки фокстрота онъ сдѣлалъ кругъ, а затѣмъ испустилъ побѣдный вопль, отъ чего велосипедъ поднялся на дыбы. Проѣхавшись на одномъ заднемъ колесѣ, человекъ перевернулся вверхъ ногами, ухитрился на ходу отвинтить переднее колесо и пустить его за кулисы, а затѣмъ продолжалъ путь на одномъ колесѣ, вертя педали руками.

На высокой металлической мачтѣ съ сѣдломъ наверху и съ однимъ колесомъ выѣхала полная блондинка въ трико и юбочкѣ, усѣянной серебряными звѣздами, и стала ѣздить по кругу. Встрѣчаясь съ ней, человекъ издавалъ привѣтственные крики и ногой снималъ съ головы котелокъ.

Наконецъ, прикатилъ малютка лѣтъ восьми со старческимъ лицомъ и зашнырялъ между взрослыми на крошечной двухколескѣ, къ которой былъ придѣланъ громадный автомобильный гудокъ.

Сдѣлавъ нѣсколько петель, вся компанія подъ тревожную дробь барабана изъ оркестра подкатилась къ самому краю сцены, и зрители первыхъ рядовъ ахнули и откинулись, потому что публикѣ показалось, что вся тройка со своими машинами грохнется въ оркестръ.

Но велосипеды остановились какъ разъ въ тотъ моментъ, когда передніе колеса уже грозили соскользнуть въ бездну на головы музыкантамъ. Велосипедисты съ громкимъ крикомъ «Апъ!» соскочили

съ машинъ и раскланялись, причемъ блондинка посылала публикѣ воздушные поцѣлуи, а малютка протрубилъ смѣшной сигналъ на своемъ гудкѣ.

Рукоплесканія потрясли зданіе, голубой занавѣсъ пошелъ съ двухъ сторонъ и закрылъ велосипедистовъ, зеленые огни съ надписью «выходъ» у дверей погасли, и въ паутинѣ трапецій подъ куполомъ, какъ солнце, зажглись бѣлые шары. Наступилъ антрактъ передъ послѣднимъ отдѣленіемъ.

Единственнымъ человѣкомъ, котораго ни въ коей мѣрѣ не интересовали чудеса велосипедной техники семьи Джулли, былъ Григорій Даниловичъ Римскій. Въ полномъ одиночествѣ онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, кусалъ тонкіе губы, и по лицу его то и дѣло проходила судорога. Къ необыкновенному исчезновенію Лиходѣева присоединилось совершенно непредвидѣнное исчезновеніе администратора Варенухи.

Римскому было извѣстно, куда онъ ушелъ, но онъ ушелъ и... не пришелъ обратно! Римскій пожималъ плечами и шепталъ самъ себѣ:

— Но за что?!

И, странное дѣло: такому дѣловому человѣку, какъ финдиректоръ, проще всего, конечно, было позвонить туда, куда отправился Варенуха, и узнать, что съ тѣмъ стряслось, а между тѣмъ онъ до десяти часовъ вечера не могъ принудить себя сдѣлать это.

Въ десять же, совершивъ надъ собою форменное насиліе, Римскій снялъ трубку съ аппарата и тутъ убѣдился въ томъ, что телефонъ его мертвъ. Курьеръ доложилъ, что и остальные аппараты въ зданіи испортились. Это, конечно, непріятное, но не сверхъестественное событіе почему-то окончателно потрясло финдиректора, но въ то же время и обрадовало: отвалилась необходимость звонить.

Въ то время, какъ надъ головой финдиректора

вспыхнула и замигала красная лампочка, возвѣщая начало антракта, вошелъ курьеръ и сообщилъ, что прїѣхалъ иностранный артистъ. Финдиректора почему-то передернуло, и, ставъ ужъ совсѣмъ мрачнѣе тучи, онъ отправился за кулисы, чтобы принимать гастролера, такъ какъ болѣе принимать было некому.

Въ большую уборную изъ коридора, гдѣ уже трещали сигнальные звонки, подъ разными предлогами заглядывали любопытные. Тутъ были фокусники въ яркихъ халатахъ и въ чалмахъ, конькобѣжець въ бѣлой вязаной курткѣ, блѣдный отъ пудры рассказчикъ и гримеръ.

Прибывшая знаменитость поразила всѣхъ своимъ невиданнымъ по длинѣ фракомъ дивнаго покроя и тѣмъ, что явилась въ черной полумаскѣ. Но удивительнѣе всего были двое спутниковъ чернаго мага: длинный клѣтчатый въ треснувшемъ пенсне и черный жирный котъ, который, войдя въ уборную на заднихъ лапахъ, совершенно непринужденно сѣлъ на диванъ, щурясь на оголенные гримировальные лампы.

Римскій постарался изобразить на лицѣ улыбку, отъ чего оно сдѣлалось кислымъ и злымъ, и раскланялся съ безмолвнымъ магомъ, сидящимъ рядомъ съ котомъ на диванѣ. Рукопожатія не было. Зато развязный клѣтчатый самъ отрекомендовался финдиректору, назвавъ себя «ихній помощникъ». Это обстоятельство удивило финдиректора, и опять-таки непріятно: въ контрактѣ рѣшительно ничего не упоминалось ни о какомъ помощникѣ.

Весьма принужденно и сухо Григорій Даниловичъ освѣдомился у свалившагося ему на голову клѣтчатаго о томъ, гдѣ аппаратура артиста.

— Алмазь вы нашъ небесный, драгоцѣннѣйшій господинъ директоръ, — дребезжащимъ голосомъ отвѣтилъ помощникъ мага, — наша аппаратура всегда

при насъ. Вотъ она! Эйнь, цвей, дрей! — и, повертѣвъ передъ глазами Римскаго узловатыми пальцами, внезапно вытащилъ изъ-за уха у кота собственныя Римскаго золотыя часы съ цѣпочкой, которыя до этого были у финдиректора въ жилетномъ карманѣ подъ застегнутымъ пиджакомъ и съ продѣтой въ петлю цѣпочкой.

Римскій невольно ухватился за животъ, присутствующіе ахнули, а гримеръ, заглядывающій въ дверь, одобрительно крякнулъ.

— Ваши часики? Прошу получить, — развязно улыбаясь, сказалъ клѣтчатый и на грязной ладони подалъ растерянному Римскому его собственность.

— Съ такимъ въ трамвай не садись, — тихо и весело шепнулъ рассказчикъ гримеру.

Но котъ отмочилъ штуку почище номера съ чужими часами. Неожиданно поднявшись съ дивана, онъ на заднихъ лапахъ подошелъ къ подзеркальному столику, передней лапой вытащилъ пробку изъ графина, налилъ воды въ стаканъ, выпилъ ее, водрузилъ пробку на мѣсто и гримировальной тряпкой вытеръ усы.

Тутъ никто даже и не ахнулъ, только рты раскрыли, а гримеръ восхищенно шепнулъ:

— Ай, классъ!

Тутъ въ третій разъ тревожно загремѣли звонки, и всѣ, возбужденные и предвкушающіе интересный номеръ, повалили изъ уборной вонъ.

Черезъ минуту въ зрительномъ залѣ погасли шары, вспыхнула и дала красноватый отблескъ на низъ занавѣса рампа, и въ освѣщенной щели занавѣса предсталъ передъ публикой полный, веселый какъ дитя человекъ съ бритымъ лицомъ, въ помятомъ фракѣ и несвѣжемъ бѣлье. Это былъ хорошо знакомый всей Москвѣ конферансье Жоржъ Бенгальскій.

— Итакъ, граждане, — заговорилъ Бенгальскій,

улыбаясь младенческой улыбкой, — сейчас передь вами выступить... — тутъ Бенгальскій прервалъ самъ себя и заговорилъ съ другими интонаціями: — Я вижу, что количество публики къ третьему отдѣленію еще увеличилось. У насъ сегодня половина города! Какъ-то на дняхъ встрѣчаю я пріятеля и говорю ему: «Отчего не заходишь къ намъ? Вчера у насъ была половина города». А онъ мнѣ отвѣчаетъ: «А я живу въ другой половинѣ!» — Бенгальскій сдѣлалъ паузу, ожидая, что произойдетъ взрывъ смѣха, но такъ какъ никто не засмѣялся, то онъ продолжалъ: — ...Итакъ, выступаетъ знаменитый иностранный артистъ мосье Воландъ съ сеансомъ черной магіи! Ну, мы-то съ вами понимаемъ, — тутъ Бенгальскій улынулся мудрой улыбкой, — что ее вовсе не существуетъ на свѣтѣ и что она не что иное, какъ суевѣріе, а просто маэстро Воландъ въ высокой степени владѣетъ техникой фокуса, что и будетъ видно изъ самой интересной части, то есть разоблаченія этой техники, а такъ какъ мы все какъ одинъ и за технику, и за ее разоблаченіе, то попросимъ господина Воланда!

Произнеся всю эту ахиною, Бенгальскій сцѣпилъ обѣ руки ладонь къ ладони и привѣтственно замахалъ ими въ прорѣзъ занавѣса, отъ чего тотъ, тихо шумя, и разошелся въ стороны.

Выходъ мага съ его длиннымъ помощникомъ и котомъ, вступившимъ на сцену на заднихъ лапахъ, очень понравился публикѣ.

— Кресло мнѣ, — негромко приказалъ Воландъ, и въ ту же секунду, неизвѣстно какъ и откуда, на сценѣ появилось кресло, въ которое и сѣлъ магъ. — Скажи мнѣ, любезный Фаготъ, — освѣдомился Воландъ у клѣтчатаго гаера, носившаго, по-видимому, и другое наименованіе, кромѣ «Коровьевъ», — какъ по-твоему, вѣдь московское народонаселеніе значительно измѣнилось?

Ефименко В. Сеансъ черной магіи (Изъ триптиха «Черная магія и ее разоблаченіе»)

Магъ поглядѣлъ на затихшую, пораженную появленіемъ кресла изъ воздуха публику.

— Точно такъ, мессиръ, — негромко отвѣтилъ Фаготъ-Коровьевъ.

— Ты правъ. Горожане сильно измѣнились, внѣшне, я говорю, какъ и самъ городъ, впрочемъ. О

костюмахъ нечего ужъ и говорить, но появились эти... какъ ихъ... трамвай, автомобили...

— Автобусы, — почтительно подсказалъ Фаготъ.

Публика внимательно слушала этотъ разговоръ, полагая, что онъ является прелюдией къ магическимъ фокусамъ. Кулисы были забиты артистами и рабочими сцены, и между ихъ лицами виднѣлось напряженное, блѣдное лицо Римскаго.

Физиономія Бенгальскаго, пріютившегося сбоку сцены, начала выражать недоумѣніе. Онъ чуть-чуть приподнял бровь и, воспользовавшись паузой, заговорилъ:

— Иностраннѣй артистъ выражаетъ свое восхищеніе Москвой, выросшей въ техническомъ отношеніи, а также и москвичами, — тутъ Бенгальскій дважды улыбнулся, сперва партеру, а потомъ галереѣ.

Воландъ, Фаготъ и котъ повернули головы въ сторону конферансье.

— Развѣ я выразилъ восхищеніе? — спросилъ магъ у Фагота.

— Никакъ нѣтъ, мессиръ, вы никакого восхищенія не выражали, — отвѣтилъ тотъ.

— Такъ что же говорить этотъ человѣкъ?

— А онъ попросту совралъ! — звучно, на вѣсь театръ сообщилъ клѣтчатый помощникъ и, обратясь къ Бенгальскому, прибавилъ: — Поздравляю васъ, гражданинъ, соврамши!

Съ галерки плеснуло смѣшкомъ, а Бенгальскій вздрогнулъ и выпучилъ глаза.

— Но меня, конечно, не столько интересуютъ автобусы, телефоны и прочая...

— Аппаратура! — подсказалъ клѣтчатый.

— Совершенно вѣрно, благодарю, — медленно говорилъ магъ тяжелымъ басомъ, — сколько гораздо

болѣе важный вопросъ: измѣнились ли эти горожане внутренне?

— Да, это важнѣйшій вопросъ, сударь.

Въ кулисахъ стали переглядываться и пожимать плечами, Бенгальскій стоялъ красный, а Римскій былъ блѣдень. Но тутъ, какъ бы отгадавъ начавшуюся тревогу, магъ сказалъ:

— Однако мы заговорились, дорогой Фаготъ, а публика начинаетъ скучать. Покажи для начала что-нибудь простенькое.

Залъ облегченно шевельнулся. Фаготъ и котъ разошлись въ разныя стороны по рампѣ. Фаготъ щелкнулъ пальцами, залихватски крикнулъ:

— Три, четыре! — поймалъ изъ воздуха колоду картъ, стасовалъ ее и лентой пустилъ коту. Котъ ленту перехватилъ и пустилъ ее обратно. Атласная змѣя фыркнула, Фаготъ раскрылъ ротъ, какъ птенецъ, и всю ее, карту за картой, заглotalъ.

Послѣ этого котъ раскланялся, шаркнувъ правой задней лапой, и вызвалъ неимовѣрный аплодисментъ.

— Классъ, классъ! — восхищенно кричали за кулисами.

А Фаготъ тыкнулъ пальцемъ въ партеръ и объявилъ:

— Колода эта таперича, уважаемые граждане, находится въ седьмомъ ряду у гражданина Парчевскаго, какъ разъ между трехрублевкой и повѣсткой о вызовѣ въ судъ по дѣлу объ уплатѣ алиментовъ гражданкѣ Зельковой.

Въ партерѣ зашевелились, начали привставать, и, наконецъ, какой-то гражданинъ, котораго, точно, звали Парчевскимъ, вѣсь пунцовый отъ изумленія, извлекъ изъ бумажника колоду и сталъ тыкать ею въ воздухъ, не зная, что съ нею дѣлать.

— Пусть она останется у васъ на память! —

прокричалъ Фаготъ. — Недаромъ же вы говорили вчера за ужиномъ, что кабы не покеръ, то жизнь ваша въ Москвѣ была бы совершенно несносна.

— Стара штука, — слышалось съ галерки, — этотъ въ партерѣ изъ той же компаніи.

— Вы полагаете? — заоралъ Фаготъ, прищуриваясь на галерею, — въ такомъ случаѣ, и вы въ одной шайкѣ съ нами, потому что она у васъ въ карманѣ!

На галеркѣ произошло движеніе, и слышался радостный голосъ:

— Вѣрно! У него! Тутъ, тутъ... Стой! Да это червонцы!

Сидящіе въ партерѣ повернули головы. На галереѣ какой-то смятенный гражданинъ обнаружилъ у себя въ карманѣ пачку, перевязанную банковскимъ способомъ и съ надписью на обложкѣ: «Одна тысяча рублей».

Сосѣди навалились на него, а онъ въ изумленіи ковырялъ ногтемъ обложку, стараясь дознаться, настоящіе ли это червонцы или какіе-нибудь волшебные.

— Ей богу, настоящіе! Червонцы! — кричали съ галерки радостно.

— Сыграйте и со мной въ такую колоду, — весело попросилъ какой-то толстякъ въ серединѣ партера.

— Аveckъ плезиръ! — отозвался Фаготъ, — но почему же съ вами однимъ? Всѣ примутъ горячее участіе! — и scomандовалъ: — Прошу глядѣть вверхъ!... Разъ! — въ рукѣ у него показался пистолетъ, онъ крикнулъ: — Два! — Пистолетъ вздернулся кверху. Онъ крикнулъ: — Три! — сверкнуло, бухнуло, и тотчасъ же изъ-подъ купола, ныряя между трапеціями, начали падать въ залъ бѣлыя бумажки.

Они вертѣлись, ихъ разносило въ стороны, забивало на галерею, откидывало въ оркестръ и на

сцену. Черезъ нѣсколько секундъ денежный дождь, все густѣя, достигъ кресель, и зрители стали бумажки ловить.

Поднимались сотни рукъ, зрители сквозь бумажки глядѣли на освѣщенную сцену и видѣли самые вѣрные и праведные водяные знаки. Запахъ тоже не оставлялъ никакихъ сомнѣній: это былъ ни съ чѣмъ по прелести не сравнимый запахъ только что отпечатанныхъ денегъ. Сперва веселье, а потомъ изумленье охватило вѣсь театръ. Всюду гудѣло слово «червонцы, червонцы», слышались восклицанья «ахъ, ахъ!» и веселый смѣхъ. Кое-кто уже ползалъ въ проходѣ, шаря подъ креслами. Многіе стояли на сидѣньяхъ, ловя вертявые, капризные бумажки.

На лицахъ милиціи помаленьку стало выражаться недоумѣніе, а артисты безъ церемоніи начали высовываться изъ кулисъ.

Въ бельэтажѣ послышался голосъ: «Ты чего хватаешь? Это моя! Ко мнѣ летѣла!» И другой голосъ: «Да ты не толкайся, я тебя самъ такъ толкну!» И вдругъ послышалась плюха. Тотчасъ въ бельэтажѣ появился шлемъ милиціонера, изъ бельэтажа кого-то повели.

Вообще возбужденіе возрастало, и неизвѣстно, во что бы все это вылилось, если бы Фаготъ не прекратилъ денежный дождь, внезапно дунувъ въ воздухъ.

Двое молодыхъ людей, обмѣнявшись многозначительнымъ веселымъ взглядомъ, снялись съ мѣстъ и прямехонько направились въ буфетъ. Въ театрѣ стоялъ гулъ, у всѣхъ зрителей возбужденно блестя глаза. Да, да, неизвѣстно, во что бы все это вылилось, если бы Бенгальскій не нашель въ себѣ силы и не шевельнулся бы. Стараясь покрѣпче овладѣть собой, онъ

по привычкѣ потеръ руки и голосомъ наибольшей звучности заговорилъ такъ:

— Вотъ, граждане, мы съ вами видѣли случай такъ называемаго массоваго гипноза. Чисто научный опытъ, какъ нельзя лучше доказывающій, что никакихъ чудесъ и магіи не существуетъ. Попросимъ же маэстро Волаанда разоблачить намъ этотъ опытъ. Сейчасъ, граждане, вы увидите, какъ эти, якобы денежныя, бумажки исчезнуть такъ же внезапно, какъ и появились.

Тутъ онъ зааплодироваль, но въ совершенномъ одиночествѣ, и на лицѣ при этомъ у него играла увѣренная улыбка, но въ глазахъ этой увѣренности отнюдь не было, и скорѣе въ нихъ выражалась мольба.

Публикѣ рѣчь Бенгальскаго не понравилась. Наступило полное молчаніе, которое было прервано клѣтчатымъ Фаготомъ.

— Это опять-таки случай такъ называемаго вранья, — объявилъ онъ громкимъ козлинымъ теноромъ, — бумажки, граждане, настоящія!

— Bravo! — отрывисто рявкнулъ басъ гдѣ-то въ высотѣ.

— Между прочимъ, этотъ, — тутъ Фаготъ указаль на Бенгальскаго, — мнѣ надоѣлъ. Суется все время, куда его не спрашиваютъ, ложными замѣчаніями портить сеансъ! Что бы намъ такое съ нимъ сдѣлать?

— Голову ему оторвать! — сказалъ кто-то сурово на галеркѣ.

— Какъ вы говорите? Ась? — тотчасъ отозвался на это безобразное предложеніе Фаготъ, — голову оторвать? Это идея! Бегемотъ! — закричалъ онъ коту, — дѣлай! Эйнь, цвей, дрей!

И произошла невиданная вещь. Шерсть на черномъ котѣ встала дыбомъ, и онъ раздражающе мяукнулъ. Затѣмъ сжался въ комокъ и, какъ пантера, махнулъ прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда

перескочилъ на голову. Урча, пухлыми лапами котъ вцѣпился въ жидкую шевелюру конференсье и, дико взыввъ, въ два поворота сорвалъ эту голову съ полной шеи.

Двѣ съ половиной тысячи человѣкъ въ театрѣ вскрикнули какъ одинъ. Кровь фонтанами изъ разорванныхъ артерій на шеѣ ударила вверхъ и залила и манишку и фракъ. Безглавое тѣло какъ-то нелѣпо загребло ногами и сѣло на полъ. Въ залѣ слышались истерическіе крики женщинъ. Котъ передалъ голову Фаготу, тотъ за волосы поднялъ ее и показалъ публикѣ, и голова эта отчаянно крикнула на вѣсь театръ:

— Доктора!

— Ты будешь въ дальнѣйшемъ молоть всякую чушь? — грозно спросилъ Фаготъ у плачущей головы.

— Не буду больше! — прохрипѣла голова.

— Ради Бога, не мучьте его! — вдругъ, покрывая гамъ, прозвучалъ изъ ложи женскій голосъ, и магъ повернулъ въ сторону этого голоса лицо.

— Такъ что же, граждане, простить его, что ли? — спросилъ Фаготъ, обращаясь къ залу.

— Простить! Простить! — раздались вначалѣ отдѣльные и преимущественно женскіе голоса, а затѣмъ они слились въ одинъ хоръ съ мужскими.

— Какъ прикажете, мессиръ? — спросилъ Фаготъ у замаскированнаго.

— Ну что же, — задумчиво отозвался тотъ, — они — люди какъ люди. Любятъ деньги, но вѣдь это всегда было... Человѣчество любитъ деньги, изъ чего бы тѣ ни были сдѣланы, изъ кожи ли, изъ бумаги ли, изъ бронзы или изъ золота. Ну, легкомысленны... ну, что жъ... и милосердіе иногда стучится въ ихъ сердца... обыкновенные люди... въ общемъ, напоминаютъ прежнихъ... квартирный вопросъ только испортилъ ихъ... — и громко приказалъ: — Надѣньте голову.

Котъ, прицѣлившись поаккуратнѣе, нахлобучилъ голову на шею, и она точно сѣла на свое мѣсто, какъ будто никуда и не отлучалась.

И главное, даже шрама на шеѣ никакого не осталось. Котъ лапами обмахнулъ фракъ Бенгальскаго и пластронъ, и съ нихъ исчезли слѣды крови. Фаготъ поднялъ сидящаго Бенгальскаго на ноги, сунулъ ему въ карманъ фрака пачку червонцевъ и выпроводилъ со сцены со словами:

— Катитесь отсюда! Безъ васъ веселѣй.

Безсмысленно оглядываясь и шатаясь, конференсье добрель только до пожарнаго поста, и тамъ съ нимъ сдѣлалось худо. Онъ жалобно вскрикнулъ:

— Голова моя, голова!

Въ числѣ прочихъ къ нему бросился Римскій. Конференсье плакалъ, ловилъ въ воздухъ что-то руками, бормоталъ:

— Отдайте мою голову! Голову отдайте! Квартиру возьмите, картины возьмите, только голову отдайте!

Курьеръ побѣжалъ за врачомъ. Бенгальскаго пробовали уложить на диванъ въ уборной, но онъ сталъ отбиваться, сдѣлался буенъ. Пришлось вызывать карету. Когда несчастнаго конференсье увезли, Римскій побѣжалъ обратно на сцену и увидѣлъ, что на ней происходятъ новыя чудеса. Да, кстати, въ это ли время или немножко раньше, но только магъ, вмѣстѣ со своимъ полинялымъ кресломъ, исчезъ со сцены, причемъ надо сказать, что публика совершенно этого не замѣтила, увлеченная тѣми чрезвычайными вещами, которыя развернулъ на сценѣ Фаготъ.

А Фаготъ, спровадивъ пострадавшаго конференсье, объявилъ публикѣ такъ:

— Таперича, когда этого надоѣдалу сплавилъ, давайте откроемъ дамскій магазинъ!

И тотчасъ полъ сцены покрылся персидскими коврами, возникли громадныя зеркала, съ боковъ освѣщенныя зеленоватыми трубками, а межъ зеркаль витрины, и въ нихъ зрители въ веселомъ ошеломленіи увидѣли разныхъ цвѣтовъ и фасоновъ парижскія женскія платья. Это въ однихъ витринахъ, а въ другихъ появились сотни дамскихъ шляпъ, и съ перышками, и безъ перышекъ, и съ пряжками, и безъ нихъ, сотни же туфель — черныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, кожаныхъ, атласныхъ, замшевыхъ, и съ ремешками, и съ камушками. Между туфель появились футляры, и въ нихъ заиграли свѣтомъ блестящія грани хрустальныхъ флаконовъ. Горы сумочекъ изъ антилоповой кожи, изъ замши, изъ шелка, а между ними — цѣлыя груды чеканныхъ золотыхъ продолговатыхъ футлярчиковъ, въ которыхъ бываетъ губная помада.

Черть знаетъ откуда взявшаяся рыжая дѣвица въ вечернемъ черномъ туалетѣ, всѣмъ хорошая дѣвица, кабы не портилъ ее причудливый шрамъ на шеѣ, заулыбалась у витринъ хозяйской улыбкой.

Фаготъ, сладко ухмыляясь, объявилъ, что фирма совершенно бесплатно производитъ обмѣнъ старыхъ дамскихъ платьевъ и обуви на парижскія модели и парижскую же обувь. То же самое онъ добавилъ относительно сумочекъ, духовъ и прочаго.

Котъ началъ шаркать задней лапой, передней и въ то же время выдѣлывая какіе-то жесты, свойственные швейцарамъ, открывающимъ дверь.

Дѣвица хотъ и съ хрипотцой, но сладко запѣла, картавя, что-то малопонятное, но, судя по женскимъ лицамъ въ партерѣ, очень соблазнительное:

— Герлэнъ, шанель номеръ пять, мицуко, нарсисъ нуаръ, вечернія платья, платья коктейль...

Фаготъ извивался, котъ кланялся, дѣвица открывала стеклянныя витрины.

— Прошу! — оралъ Фаготъ, — безъ всякаго стѣсненія и церемоній!

Публика волновалась, но идти на сцену пока никто не рѣшался. Но наконецъ какая-то брюнетка вышла изъ десятаго ряда партера и, улыбаясь такъ, что ей, моль, рѣшительно все равно и въ общемъ наплевать, прошла и по боковому трапу поднялась на сцену.

— Bravo! — вскричалъ Фаготъ, — привѣтствую первую посѣтительницу! Бегемотъ, кресло! Начнемъ съ обуви, мадамъ.

Брюнетка сѣла въ кресло, и Фаготъ тотчасъ вывалилъ на коверъ передъ нею цѣлую груду туфель.

Брюнетка сняла свою правую туфлю, примѣрила сиреневую, потопала въ коверъ, осмотрѣла каблукъ.

— А онѣ не будутъ жать? — задумчиво спросила она.

На это Фаготъ обиженно воскликнулъ:

— Что вы, что вы! — и котъ отъ обиды мяукнулъ.

— Я беру эту пару, мосье, — сказала брюнетка съ достоинствомъ, надѣвая и вторую туфлю.

Старыя туфли брюнетки были выброшены за занавѣску, и туда же прослѣдовала и сама она въ сопровожденіи рыжей дѣвицы и Фагота, несшаго на плечикахъ нѣсколько модельныхъ платьевъ. Котъ суетился, помогаль и для пущей важности повѣсилъ себѣ на шею сантиметръ.

Черезъ минуту изъ-за занавѣски вышла брюнетка въ такомъ платьѣ, что по всему партеру прокатился вздохъ. Храбрая женщина, до удивительности похорошѣвшая, остановилась у зеркала, повела обнаженными плечами, потрогала волосы на затылкѣ и изогнулась, стараясь заглянуть себѣ за спину.

— Фирма просить васъ принять это на память,
— сказалъ Фаготъ и подалъ брюнеткѣ открытый футляръ съ флакономъ.

— Мерси, — надменно отвѣтила брюнетка и пошла по трапу въ партеръ. Пока она шла, зрители вскакивали, прикасались къ футлярю.

И вотъ тутъ прорвало начисто, и со всѣхъ сторонъ на сцену пошли женщины. Въ общемъ возбужденномъ говорѣ, смѣшкахъ и вздохахъ слышался мужской голосъ: «Я не позволю тебѣ!» — и женскій: «Деспотъ и мѣщанинъ, не ломайте мнѣ руку!» Женщины исчезали за занавѣской, оставляли тамъ свои платья и выходили въ новыхъ. На табуреткахъ съ золочеными ножками сидѣлъ цѣлый рядъ дамъ, энергично топя въ коверъ заново обутыми ногами. Фаготъ становился на колѣни, орудовалъ роговой наделалкой, котъ, изнемогая подъ грудами сумочекъ и туфель, таскался отъ витрины къ табуретамъ и обратно, двѣица съ изуродованной шеей то появлялась, то исчезала и дошла до того, что ужъ полностью стала тарактѣть по-французски, и удивительно было то, что ее съ полуслова понимали всѣ женщины, даже тѣ изъ нихъ, что не знали ни одного французскаго слова.

Общее изумленіе вызвалъ мужчина, затесавшійся на сцену. Онъ объявилъ, что у супруги его гриппъ и что онъ поэтому просить передать ей что-нибудь черезъ него. Въ доказательство же того, что онъ дѣйствительно женатъ, гражданинъ былъ готовъ предъявить паспортъ. Заявленіе заботливаго мужа было встрѣчено хохотомъ, Фаготъ прооралъ, что вѣрить, какъ самому себѣ, и безъ паспорта, и вручилъ гражданину двѣ пары шелковыхъ чулокъ, котъ отъ себя добавилъ футлярчикъ съ помадой.

Опоздавшія женщины рвались на сцену, со сцены текли счастливицы въ бальныхъ платьяхъ, въ

пижамахъ съ драконами, въ строгихъ визитныхъ костюмахъ, въ шляпочкахъ, надвинутыхъ на одну бровь.

Тогда Фаготъ объявилъ, что за позднимъ временемъ магазинъ закрывается до завтрашняго вечера ровно черезъ одну минуту, и неимовѣрная суета поднялась на сценѣ. Женщины наскоро, безъ всякой примѣрки, хватали туфли. Одна, какъ буря, ворвалась за занавѣску, сбросила тамъ свой костюмъ и овладѣла первымъ, что подвернулось, — шелковымъ, въ громадныхъ букетахъ, халатомъ и, кромѣ того, успѣла подцѣпить два футляра духовъ.

Ровно черезъ минуту грянулъ пистолетный выстрѣлъ, зеркала исчезли, провалились витрины и табуретки, коверъ растаялъ въ воздухѣ такъ же, какъ и занавѣска. Послѣдней исчезла высоченная гора старыхъ платьевъ и обуви, и стала сцена опять строга, пуста и гола.

И вотъ здѣсь въ дѣло вмѣшалось новое дѣйствующее лицо.

Пріятный звучный и очень настойчивый баритонъ послышался изъ ложи № 2:

— Все-таки желательно, гражданинъ артистъ, чтобы вы незамедлительно разоблачили бы передъ зрителями технику вашихъ фокусовъ, въ особенности фокусъ съ денежными бумажками. Желательно также и возвращеніе конферансье на сцену. Судьба его волнуетъ зрителей.

Баритонъ принадлежалъ не кому иному, какъ почетному гостю сегодняшняго вечера Аркадію Аполлоновичу Семплеярову, предсѣдателю акустической комиссіи московскихъ театровъ.

Аркадій Аполлоновичъ помѣщался въ ложѣ съ двумя дамами: пожилой, дорого и модно одѣтой, и другой — молоденькой и хорошенькой, одѣтой попроще. Первая изъ нихъ, какъ вскорѣ выяснилось при составленіи

протокола, была супругой Аркадія Аполлоновича, а вторая — дальней родственницей его, начинающей и подающей надежды актрисой, пріѣхавшей изъ Саратова и проживающей на квартирѣ Аркадія Аполлоновича и его супруги.

— Пардонъ! — отозвался Фаготъ, — я извиняюсь, здѣсь разоблачаютъ нечего, все ясно.

— Нѣтъ, виноватъ! Разоблаченіе совершенно необходимо. Безъ этого ваши блестящіе номера оставляютъ тягостное впечатлѣніе. Зрительская масса требуетъ объясненія.

— Зрительская масса, — перебилъ Семплеярова наглый гаеръ, — какъ будто ничего не заявляла? Но, принимая во вниманіе ваше глубокоуважаемое желаніе, Аркадій Аполлоновичъ, я, такъ и быть, произведу разоблаченіе. Но для этого разрѣшите еще одинъ крохотный номерокъ?

— Отчего же, — покровительственно отвѣтилъ Аркадій Аполлоновичъ, — но непременно съ разоблаченіемъ!

— Слушаюсь, слушаюсь. Итакъ, позвольте васъ спросить, гдѣ вы были вчера вечеромъ, Аркадій Аполлоновичъ?

При этомъ неумѣстномъ и даже, пожалуй, хамскомъ вопросѣ лицо Аркадія Аполлоновича измѣнилось, и весьма сильно измѣнилось.

— Аркадій Аполлоновичъ вчера вечеромъ былъ на засѣданіи акустической комиссіи, — очень надменно заявила супруга Аркадія Аполлоновича, — но я не понимаю, какое отношеніе это имѣетъ къ магіи.

— Уй, мадамъ! — подтвердилъ Фаготъ, — натурально, вы не понимаете. Насчетъ же засѣданія вы въ полномъ заблужденіи. Выѣхавъ на упомянутое засѣданіе, каковое, къ слову говоря, и назначено-то вчера не было, Аркадій Аполлоновичъ отпустилъ своего

шофера у зданія акустической комиссіи на Чистыхъ прудахъ (вѣсь театръ затихъ), а самъ на автобусѣ поѣхалъ на Елоховскую улицу въ гости къ артисткѣ разѣздного районнаго театра Милицѣ Андреевнѣ Покобатько и провелъ у нее въ гостяхъ около четырехъ часовъ.

— Ой! — страдальчески воскликнулъ кто-то въ полной тишинѣ.

Молодая же родственница Аркадія Аполлоновича вдругъ расхохоталась низкимъ и страшнымъ смѣхомъ.

— Все понятно! — воскликнула она, — и я давно уже подозрѣвала это. Теперь мнѣ ясно, почему эта бездарность получила роль Луизы!

И, внезапно размахнувшись короткимъ и толстымъ лиловымъ зонтикомъ, она ударила Аркадія Аполлоновича по головѣ.

Подлый же Фаготъ, и онъ же Коровьевъ, прокричалъ:

— Вотъ, почтенные граждане, одинъ изъ случаевъ разоблаченія, котораго такъ назойливо добивался Аркадій Аполлоновичъ!

— Какъ смѣла ты, негодяйка, коснуться Аркадія Аполлоновича? — грозно спросила супруга Аркадія Аполлоновича, поднимаясь въ ложѣ во вѣсь свой гигантскій ростъ.

Второй короткій приливъ сатанинскаго смѣха овладѣлъ молодой родственницей.

— Ужъ кто-кто, — отвѣтила она, хохоча, — а ужъ я-то смѣю коснуться! — и второй разъ раздался сухой трескъ зонтика, отскочившаго отъ головы Аркадія Аполлоновича.

— Милиція! Взять ее! — такимъ страшнымъ голосомъ прокричала супруга Семплеярова, что у многихъ похолодѣли сердца.

А тутъ еще котъ выскочилъ къ рампѣ и вдругъ рывкнулъ на вѣсь театръ человѣческимъ голосомъ:

— Сеансъ оконченъ! Маэстро! Урѣжьте маршъ!!

Ополоумѣвшій дирижеръ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, взмахнулъ палочкой, и оркестръ не заигралъ, и даже не грянулъ, и даже не хватилъ, а именно, по омерзительному выраженію кота, урѣзалъ какой-то невѣроятный, ни на что не похожій по развязности своей маршъ.

На мгновеньѣ почудилось, что будто слышаны были нѣкогда, подъ южными звѣздами, въ кафешантанѣ, какіе-то малопонятныя, но разудалыя слова этого марша:

Его превосходительство
Любилъ домашнихъ птицъ
И бралъ подъ покровительство
Хорошенькихъ дѣвицъ!!!

А можетъ быть, не было никакихъ этихъ словъ, а были другіе на эту же музыку, какіе-то неприличныя крайне. Важно не это, а важно то, что въ Варьетѣ послѣ всего этого началось что-то вродѣ столпотворенія вавилонскаго. Къ Семплеяровской ложѣ бѣжала милиція, на барьеръ лѣзли любопытные, слышались адскіе взрывы хохота, бѣшеные крики, заглушаемые золотымъ звономъ тарелокъ изъ оркестра.

И видно было, что сцена внезапно опустѣла и что надувало Фаготъ, равно какъ и наглый котяра Бегемотъ, растаяли въ воздухъ, исчезли, какъ раньше исчезъ магъ въ креслѣ съ полинявшей обивкой.

Явление героя

Итакъ, неизвѣстный погрозилъ Ивану пальцемъ и прошепталъ: «Тссъ!»

Иванъ опустилъ ноги съ постели и всмотрѣлся. Съ балкона осторожно заглядывалъ въ комнату бритый, темноволосый, съ острымъ носомъ, встревоженными глазами и со свѣшивающимся на лобъ клокомъ волосъ человѣкъ примѣрно лѣтъ тридцати восьми.

Убѣдившись въ томъ, что Иванъ одинъ, и прислушавшись, таинственный посѣтитель осмѣлѣлъ и вошелъ въ комнату. Тутъ увидѣлъ Иванъ, что пришедшій одѣтъ въ больничное. На немъ было бѣлье, туфли на босу ногу, на плечи наброшенъ бурый халатъ.

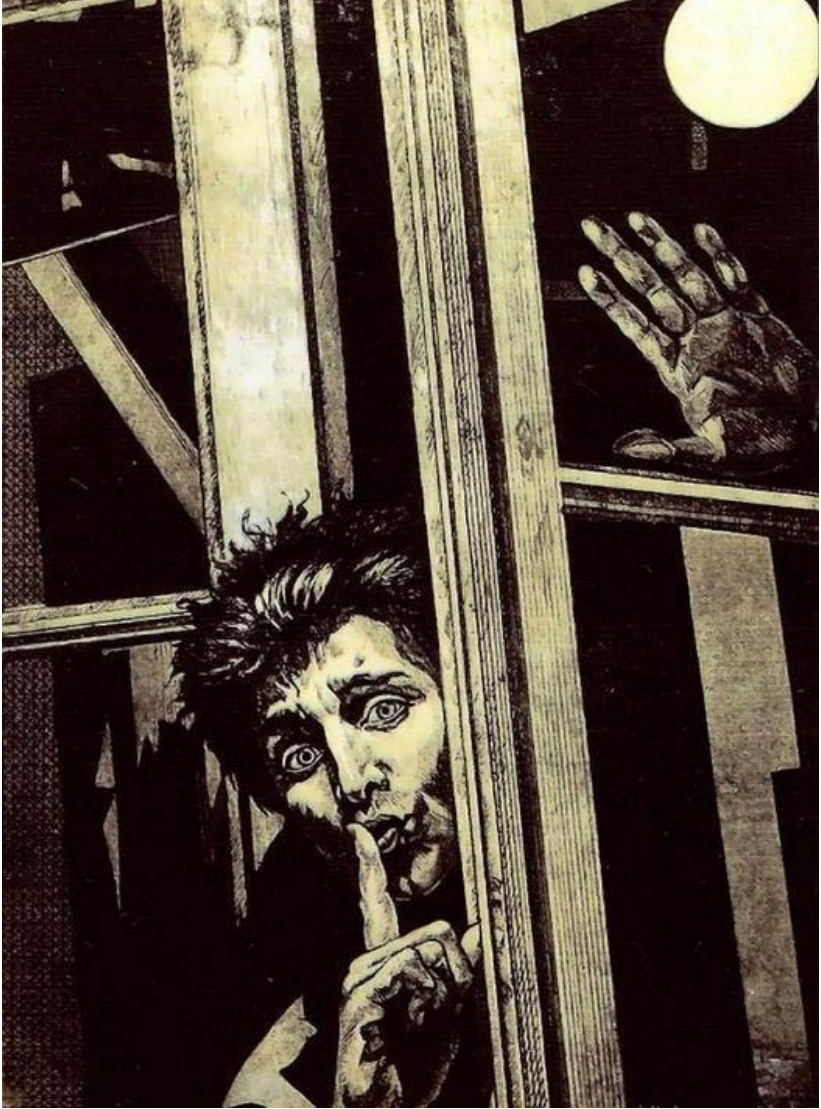
Пришедшій подмигнулъ Ивану, спряталъ въ карманъ связку ключей, шепотомъ освѣдомился: «Можно присѣсть?» — и, получивъ утвердительный кивокъ, помѣстился въ креслѣ.

— Какъ же вы сюда попали? — повинуюсь сухому грозящему пальцу, шепотомъ спросилъ Иванъ, — вѣдь балконныя-то рѣшетки на замкахъ?

— Рѣшетки-то на замкахъ, — подтвердилъ гость, — но Прасковья Ѳедоровна — милѣйшій, но, увы, разсѣянный человѣкъ. Я стащилъ у нее мѣсяць тому назадъ связку ключей и, такимъ образомъ, получилъ возможность выходить на общій балконъ, а онъ тянется вокругъ всего этажа, и, такимъ образомъ, иногда навѣститъ сосѣда.

— Разъ вы можете выходить на балконъ, то вы можете удрать. Или высоко? — заинтересовался Иванъ.

— Нѣтъ, — твердо отвѣтилъ гость, — я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мнѣ

Ефименко В. Явлення героя

удирать некуда. — И послѣ паузы онъ добавилъ: — Итакъ, сидимъ?

— Сидимъ, — отвѣтилъ Иванъ, вглядываясь въ каріе и очень безпокойные глаза пришельца.

— Да... — тутъ гость вдругъ встревожился, — но вы, надѣюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилій и всякихъ вещей въ этомъ родѣ. Въ особенности ненавистенъ мнѣ людской крикъ, будь то крикъ страданія, ярости или иной какой-нибудь крикъ. Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

— Вчера въ ресторанѣ я одному типу по мордѣ засвѣтилъ, — мужественно признался преображенный поэтъ.

— Основаніе? — строго спросилъ гость.

— Да, признаться, безъ основанія, — сконфузившись, отвѣтилъ Иванъ.

— Безобразіе, — осудилъ гость Ивана и добавилъ: — А кромѣ того, что это вы такъ выражаетесь: по мордѣ засвѣтилъ? Вѣдь неизвѣстно, что именно имѣется у человѣка, морда или лицо. И, пожалуй, вѣдь все-таки лицо. Такъ что, знаете ли, кулаками... Нѣтъ, ужъ это вы оставьте, и навсегда.

Отчитавъ такимъ образомъ Ивана, гость освѣдомился:

— Профессія?

— Поэтъ, — почему-то неохотно признался Иванъ.

Пришедшій огорчился.

— Охъ, какъ мнѣ не везеть! — воскликнулъ онъ, но тутъ же спохватился, извинился и спросилъ: — А какъ ваша фамилія?

— Бездомный.

— Эхъ, эхъ... — сказалъ гость, морщась.

— А вамъ, что же, мои стихи не нравятся? — съ любопытствомъ спросилъ Иванъ.

— Ужасно не нравятся.

— А вы какіе читали?

— Никакихъ я вашихъ стиховъ не читаль! — нервно воскликнулъ посѣтитель.

— А какъ же вы говорите?

— Ну, что жъ тутъ такого, — отвѣтилъ гость, — какъ будто я другихъ не читаль? Впрочемъ... развѣ что чудо? Хорошо, я готовъ принять на вѣру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

— Чудовищны! — вдругъ смѣло и откровенно произнесъ Иванъ.

— Не пишите больше! — попросилъ пришедшій умоляюще.

— Обѣщаю и клянусь! — торжественно произнесъ Иванъ.

Клятву скрѣпили рукопожатіемъ, и тутъ изъ коридора донеслись мягкіе шаги и голоса.

— Тссъ, — шепнулъ гость и, выскочивъ на балконъ, закрылъ за собою рѣшетку.

Заглянула Прасковья Ѳедоровна, спросила, какъ Иванъ себя чувствуетъ и желаетъ ли онъ спать въ темнотѣ или со свѣтомъ. Иванъ попросилъ свѣтъ оставить, и Прасковья Ѳедоровна удалилась, пожелавъ больному спокойной ночи. И когда все стихло, вновь вернулся гость.

Онъ шепотомъ сообщилъ Ивану, что въ 119-ю комнату привезли новенькаго, какого-то толстяка съ багровою фізіономіей, все время бормочущаго что-то про какую-то валюту въ вентиляціи и клянущегося, что у нихъ на Садовой поселилась нечистая сила.

— Пушкина ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ и все время кричить: «Куролесовъ, бись, бись!» — говорилъ гость, тревожно дергаясь. Успокоившись, онъ сѣлъ, сказалъ: — А Впрочемъ, Богъ съ нимъ, — и продолжилъ

бесѣду съ Иваномъ: — Такъ изъ-за чего же вы попали сюда?

— Изъ-за Понтія Пилата, — хмуро глянувъ въ полъ, отвѣтилъ Иванъ.

— Какъ? — забывъ осторожность, крикнулъ гость и самъ себѣ зажалъ ротъ рукой, — потрясающее совпаденіе! Умоляю, умоляю, расскажите!

Почему-то испытывая довѣріе къ неизвѣстному, Иванъ, первоначально запинаясь и робѣя, а потомъ осмѣлѣвъ, началъ рассказывать вчерашнюю исторію на Патріаршихъ прудахъ. Да, благодарнаго слушателя получилъ Иванъ Николаевичъ въ лицѣ таинственнаго похитителя ключей! Гость не рядилъ Ивана въ сумасшедшіе, проявилъ величайшій интересъ къ рассказываемому и по мѣрѣ развитія этого рассказа, наконецъ, пришелъ въ восторгъ. Онъ то и дѣло прерывалъ Ивана восклицаніями:

— Ну, ну! Дальше, дальше, умоляю васъ. Но только, ради всего святого, не пропускайте ничего!

Иванъ ничего и не пропускалъ, ему самому было такъ легче рассказывать, и постепенно добрался до того момента, какъ Понтій Пилатъ въ бѣлой мантии съ кровавымъ подбоемъ вышелъ на балконъ.

Тогда гость молитвенно сложилъ руки и прошепталъ:

— О, какъ я угадалъ! О, какъ я все угадалъ!

Описаніе ужасной смерти Берліоза слушающій сопровождалъ загадочнымъ замѣчаніемъ, причемъ глаза его вспыхнули злобой:

— Объ одномъ жалѣю, что на мѣстѣ этого Берліоза не было критика Латунскаго или литератора Мстислава Лавровича, — и изступленно, но беззвучно вскричалъ: — Дальше!

Котъ, платившій кондукторшѣ, чрезвычайно развеселилъ гостя, и онъ давился отъ тихаго смѣха,

глядя, какъ взволнованный успѣхомъ своего повѣствованія Иванъ тихо прыгалъ на корточкахъ, изображая кота съ гривенникомъ возлѣ усовъ.

— И вотъ, — рассказавъ про происшествіе въ Грибоѣдовѣ, загрузивъ и затуманившись, Иванъ закончилъ: — Я и оказался здѣсь.

Гость сочувственно положилъ руку на плечо бѣднаго поэта и сказалъ такъ:

— Несчастный поэтъ! Но вы сами, голубчикъ, во всемъ виноваты. Нельзя было держать себя съ нимъ столь развязно и даже нагло. Вотъ вы и поплатились. И надо еще сказать спасибо, что все это обошлось вамъ сравнительно дешево.

— Да кто же онъ, наконецъ, такой? — въ возбужденіи потрясая кулаками, спросилъ Иванъ.

Гость взглянулъ въ Ивана и отвѣтилъ вопросомъ:

— А вы не впадете въ безпокойство? Мы всѣ здѣсь люди ненадежные... Вызова врача, уколовъ и прочей возни не будетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ Иванъ, — скажите, кто онъ такой?

— Ну хорошо, — отвѣтилъ гость и вѣско и раздѣльно сказалъ: — Вчера на Патріаршихъ прудахъ вы встрѣтились съ сатаной.

Иванъ не впалъ въ безпокойство, какъ и общалъ, но былъ все-таки сильнѣйшимъ образомъ ошарашенъ.

— Не можетъ этого быть! Его не существуетъ.

— Помилуйте! Ужъ кому-кому, но не вамъ это говорить. Вы были однимъ, по-видимому, изъ первыхъ, кто отъ него пострадалъ. Сидите, какъ сами понимаете, въ психіатрической лѣчебницѣ, а все толкуете о томъ, что его нѣтъ. Право, это странно!

Сбитый съ толку Иванъ замолчалъ.

— Лишь только вы начали его описывать, — продолжалъ гость, — я уже сталъ догадываться, съ кѣмъ вы вчера имѣли удовольствіе бесѣдовать. И, право, я удивляюсь Берліозу! Ну вы, конечно, человѣкъ дѣвственный, — тутъ гость опять извинился, — но тотъ, сколько я о немъ слышалъ, все-таки хоть что-то читалъ! Первыя же рѣчи этого профессора разсѣяли всякіе мои сомнѣнія. Его нельзя не узнать, мой другъ! Впрочемъ, вы... вы меня опять-таки извините, вѣдь, я не ошибаюсь, вы человѣкъ невѣжественный?

— Безспорно, — согласился неузнаваемый Иванъ.

— Ну вотъ... вѣдь даже лицо, которое вы описывали... разные глаза, брови! Простите, можетъ быть, впрочемъ, вы даже оперы «Фаустъ» не слышали?

Иванъ почему-то страшнѣйшимъ образомъ сконфузился и съ пылающимъ лицомъ что-то началъ бормотать про какую-то поѣздку въ санаторій въ Ялту...

— Ну вотъ, ну вотъ... неудивительно! А Берліозъ, повторяю, меня поражаетъ. Онъ человѣкъ не только начитанный, но и очень хитрый. Хотя въ защиту его я долженъ сказать, что, конечно, Воландъ можетъ запорошить глаза и человѣку похитрѣе.

— Какъ?! — въ свою очередь крикнулъ Иванъ.

— Тише!

Иванъ съ размаху шлепнулъ себя ладонью по лбу и засипѣлъ:

— Понимаю, понимаю. У него буква «В» была на визитной карточкѣ. Ай-яй-яй, вотъ такъ штука! — онъ помолчалъ нѣкоторое время въ смятеніи, всматриваясь въ луну, плывущую за рѣшеткой, и заговорилъ: — Такъ онъ, стало быть, дѣйствительно могъ быть у Понтія Пилата? Вѣдь онъ ужъ тогда родился? А меня сумасшедшимъ называютъ! — прибавилъ Иванъ, въ возмущеніи указывая на дверь.

Горькая складка обозначилась у губъ гостя.

— Будемъ глядѣть правдѣ въ глаза, — и гость повернулъ свое лицо въ сторону бѣгущаго сквозь облако ночного свѣтила. — И вы и я — сумасшедшіе, что отпираться! Видите ли, онъ васъ потрясъ — и вы свихнулись, такъ какъ у васъ, очевидно, подходящая для этого почва. Но то, что вы рассказываете, безспорно было въ дѣйствительности. Но это такъ необыкновенно, что даже Стравинскій, геніальный психіатръ, вамъ, конечно, не повѣрилъ. Онъ смотрѣлъ васъ? (Иванъ кивнулъ.) Вашъ собесѣдникъ былъ и у Пилата, и на завтракъ у Канта, а теперь онъ навѣстилъ Москву.

— Да вѣдь онъ тутъ чертъ знаетъ чего натворить! Какъ-нибудь его надо изловить? — не совѣмъ увѣренно, но все же поднялъ голову въ новомъ Иванѣ прежній, еще не окончательно добытый Иванъ.

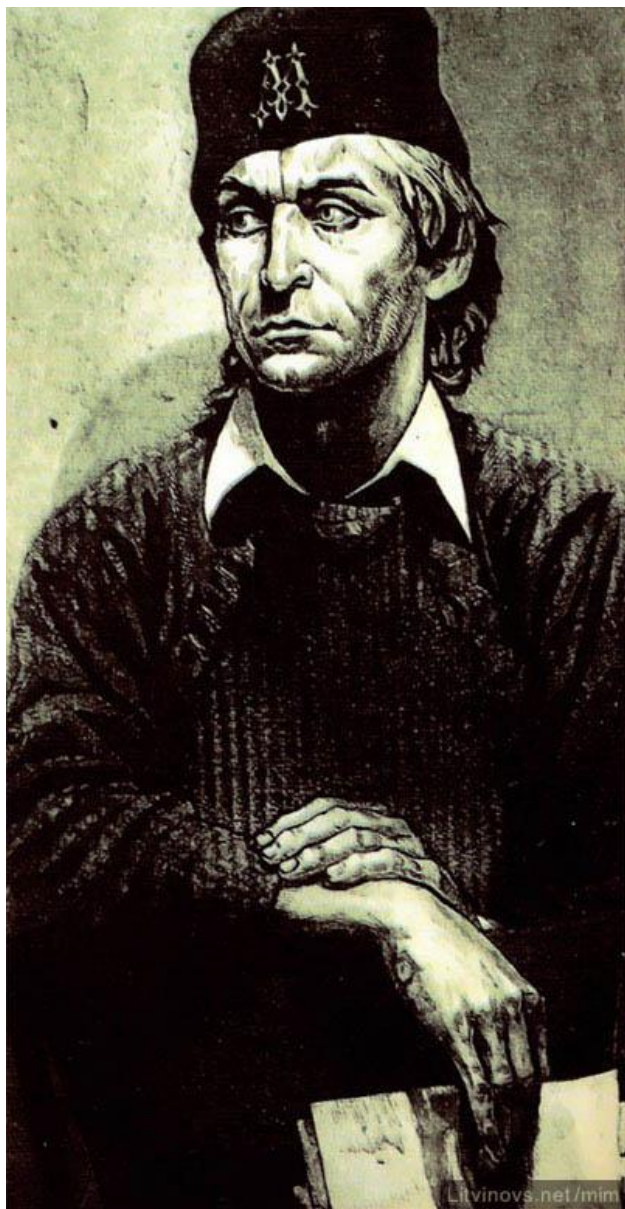
— Вы уже пробовали, и будетъ съ васъ, — иронически отозвался гость, — и другимъ тоже пробовать не совѣтую. А что натворить, это ужъ будьте благонадежны. Ахъ, ахъ! Но до чего мнѣ досадно, что встрѣтились съ нимъ вы, а не я! Хоть все и перегорѣло и угли затянулись пепломъ, все же, клянусь, что за эту встрѣчу я отдалъ бы связку ключей Прасковьи Ѳедоровны, ибо мнѣ больше нечего отдавать. Я нищій!

— А зачѣмъ онъ вамъ понадобился?

Гость долго грустилъ и дергался, но наконецъ заговорилъ:

— Видите ли, какая странная исторія, я здѣсь сижу изъ-за того же, что и вы, именно изъ-за Понтія Пилата, — тутъ гость пугливо оглянулся и сказалъ: — Дѣло въ томъ, что годъ тому назадъ я написалъ о Пилатѣ романъ.

— Вы — писатель? — съ интересомъ спросилъ поэтъ.

Ефименко В. Мастеръ

Гость потемнѣлъ лицомъ и погрозилъ Ивану кулакомъ, потомъ сказалъ:

— Я — мастеръ, — онъ сдѣлался суровъ и вынулъ изъ кармана халата совершенно засаленную черную шапочку съ вышитой на ней желтымъ шелкомъ буквой «М». Онъ надѣлъ эту шапочку и показался Ивану въ профиль и въ фасъ, чтобы доказать, что онъ — мастеръ. — Она своими руками сшила ее мнѣ, — таинственно добавилъ онъ.

— А какъ ваша фамилія?

— У меня нѣтъ больше фамиліи, — съ мрачнымъ презрѣніемъ отвѣтилъ странный гость, — я отказался отъ нее, какъ и вообще отъ всего въ жизни. Забудемъ о ней.

— Такъ вы хоть про романъ скажите, — деликатно попросилъ Иванъ.

— Извольте-с. Исторія моя, дѣйствительно, не совсѣмъ обыкновенная, — началъ гость.

...Историкъ по образованію, онъ еще два года тому назадъ работалъ въ одномъ изъ московскихъ музеевъ, а кромѣ того, занимался переводами.

— Съ какого языка? — съ интересомъ спросилъ Иванъ.

— Я знаю пять языковъ, кромѣ родного, — отвѣтилъ гость, — англійскій, французскій, нѣмецкій, латинскій и греческій. Ну, немножко еще читаю по-итальянски.

— Ишь ты! — завистливо шепнулъ Иванъ.

Жилъ историкъ одиноко, не имѣя нигдѣ родныхъ и почти не имѣя знакомыхъ въ Москвѣ. И, представьте, однажды выигралъ сто тысячъ рублей.

— Вообразите мое изумленіе, — шепталъ гость въ черной шапочкѣ, когда я сунулъ руку въ корзину съ грязнымъ бѣльемъ и смотрю: на ней тотъ же номеръ, что

и въ газетѣ! Облигацію, — пояснилъ онъ, — мнѣ въ музеѣ дали.

Выигравъ сто тысячъ, загадочный гость Ивана поступилъ такъ: купилъ книгъ, бросилъ свою комнату на Мясницкой...

— Уу, проклятая дыра! — прорычалъ гость.

...и нанялъ у застройщика въ переулкѣ близъ Арбата...

— Вы знаете, что такое — застройщики? — спросилъ гость у Ивана и тутъ же пояснилъ: — Это немногочисленная группа жуликовъ, которая какимъ-то образомъ уцѣлѣла въ Москвѣ...

Нанялъ у застройщика двѣ комнаты въ подвалѣ маленькаго домика въ садикѣ. Службу въ музеѣ бросилъ и началъ сочинять романъ о Понтіи Пилатѣ.

— Ахъ, это былъ золотой вѣкъ, — блестя глазами, шепталъ рассказчикъ, — совершенно отдѣльная квартирка, и еще передняя, и въ ней раковина съ водой, — почему-то особенно горделиво подчеркнулъ онъ, — маленькіе оконца надъ самымъ тротуарчикомъ, ведущимъ отъ калитки. Напротивъ, въ четырехъ шагахъ, подъ заборомъ, сирень, липа и кленъ. Ахъ, ахъ, ахъ! Зимой я очень рѣдко видѣлъ въ оконцѣ чьи-нибудь черныя ноги и слышалъ хрустъ снѣга подъ ними. И въ печкѣ у меня вѣчно пылалъ огонь! Но внезапно наступила весна, и сквозь мутныя стекла увидѣлъ я сперва голые, а затѣмъ одѣвающиеся въ зелень кусты сирени. И вотъ тогда-то, прошлую весной, случилось нѣчто гораздо болѣе восхитительное, чѣмъ полученіе ста тысячъ рублей. А это, согласитесь, громадная сумма денегъ!

— Это вѣрно, — призналъ внимательно слушающій Иванъ.

— Я открылъ оконца и сидѣлъ во второй, совсѣмъ малюсенькой комнатѣ, — гость сталъ

отмѣривать руками, — такъ... вотъ диванъ, а напротивъ другой диванъ, а между ними столикъ, и на немъ прекрасная ночная лампа, а къ окошку ближе книги, тутъ маленькій письменный столикъ, а въ первой комнатѣ — громадная комната, четырнадцать метровъ, — книги, книги и печка. Ахъ, какая у меня была обстановка!

Необыкновенно пахнетъ сирень! И голова моя становилась легкой отъ утомленія, и Пилать летѣлъ къ концу.

— Бѣлая мантия, красный подбой! Понимаю! — восклицалъ Иванъ.

— Именно такъ! Пилать летѣлъ къ концу, къ концу, и я уже зналъ, что послѣдними словами романа будутъ: «...пятый прокураторъ Іудеи, всадникъ Понтій Пилать». Ну, натурально, я выходилъ гулять. Сто тысячъ — громадная сумма, и у меня былъ прекрасный сѣрый костюмъ. Или отпраплялся обѣдать въ какой-нибудь дешевый ресторанъ. На Арбатѣ былъ чудесный ресторанъ, не знаю, существуетъ ли онъ теперь.

Тутъ глаза гостя широко открылись, и онъ продолжалъ шептать, глядя на луну:

— Она несла въ рукахъ отвратительные, тревожные желтые цвѣты. Чертъ ихъ знаетъ, какъ ихъ зовутъ, но они первые почему-то появляются въ Москвѣ. И эти цвѣты очень отчетливо выдѣлялись на черномъ ея весеннемъ пальто. Она несла желтые цвѣты! Нехорошій цвѣтъ. Она повернула съ Тверской въ переулокъ и тутъ обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вамъ ручаюсь, что увидѣла она меня одного и поглядѣла не то что тревожно, а даже какъ будто болѣзненно. И меня поразила не столько ея красота, сколько необыкновенное, никѣмъ не виданное одиночество въ глазахъ!

Повинуясь этому желтому знаку, я тоже

свернулъ въ переулочъ и пошелъ по ея слѣдамъ. Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной сторонѣ, а она по другой. И не было, вообразите, въ переулкѣ ни души. Я мучился, потому что мнѣ показалось, что съ нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдетъ, и я никогда ее болѣе не увижу...

И, вообразите, внезапно заговорила она:

— Нравятся ли вамъ мои цвѣты?

Я отчетливо помню, какъ прозвучалъ ея голосъ, низкій довольно-таки, но со срывами, и, какъ это ни глупо, показалось, что эхо ударило въ переулкѣ и отразилось отъ желтой грязной стѣны. Я быстро перешелъ на ея сторону и, подходя къ ней, отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Она поглядѣла на меня удивленно, а я вдругъ, и совершенно неожиданно, понялъ, что я всю жизнь любилъ именно эту женщину! Вотъ такъ штука, а? Вы, конечно, скажете, сумасшедшій?

— Ничего я не говорю, — воскликнулъ Иванъ и добавилъ: — Умоляю, дальше!

И гость продолжалъ:

— Да, она поглядѣла на меня удивленно, а затѣмъ, поглядѣвъ, спросила такъ:

— Вы вообще не любите цвѣтовъ?

Въ голосѣ ея была, какъ мнѣ показалось, враждебность. Я шелъ съ нею рядомъ, стараясь идти въ ногу, и, къ удивленію моему, совершенно не чувствовалъ себя стѣсненнымъ.

— Нѣтъ, я люблю цвѣты, только не такіе, — сказалъ я.

— А какіе?

— Я розы люблю.

Тутъ я пожалѣлъ о томъ, что это сказалъ, потому что она виновато улыбнулась и бросила свои

цвѣты въ канаву. Растерявшись немного, я все-таки поднялъ ихъ и подаль ей, но она, усмѣхнувшись, оттолкнула цвѣты, и я понесъ ихъ въ рукахъ.

Такъ шли молча нѣкоторое время, пока она не вынула у меня изъ рукъ цвѣты, не бросила ихъ на мостовую, затѣмъ продѣла свою руку въ черной перчаткѣ съ раструбомъ въ мою, и мы пошли рядомъ.

— Дальше, — сказалъ Иванъ, — и не пропускайте, пожалуйста, ничего.

— Дальше? — переспросилъ гость, — что же, дальше вы могли бы и сами угадать. — Онъ вдругъ вытеръ неожиданную слезу правымъ рукавомъ и продолжалъ: — Любовь выскочила передъ нами, какъ изъ-подъ земли выскакиваетъ убійца въ переулкѣ, и поразила насъ сразу обоихъ!

Такъ поражаетъ молнія, такъ поражаетъ финскій ножъ!

Она-то, впрочемъ, утверждала въ послѣдствіи, что это не такъ, что любили мы, конечно, другъ друга давнымъ-давно, не зная другъ друга, никогда не видя, и что она жила съ другимъ человѣкомъ, и я тамъ тогда... съ этой, какъ ее...

— Съ кѣмъ? — спросилъ Бездомный.

— Съ этой... ну... этой, ну... — отвѣтилъ гость и защелкалъ пальцами.

— Вы были женаты?

— Ну да, вотъ же я и щелкаю... на этой... Варенькѣ, Манечкѣ... нѣтъ, Варенькѣ... еще платье полосатое... музей... впрочемъ, я не помню.

Такъ вотъ она говорила, что съ желтыми цвѣтами въ рукахъ она вышла въ тотъ день, чтобы я наконецъ ее нашель, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ея пуста.

Да, любовь поразила насъ мгновенно. Я это зналъ въ тотъ же день уже, черезъ часъ, когда мы

оказались, не замѣчая города, у кремлевской стѣны на набережной.

Мы разговаривали такъ, какъ будто разстались вчера, какъ будто знали другъ друга много лѣтъ. На другой день мы сговорились встрѣтиться тамъ же, на Москвѣ-рѣкѣ, и встрѣтились. Майское солнце свѣтило намъ. И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой.

Она приходила ко мнѣ каждый день, а ждать ее я начиналъ съ утра. Ожиданіе это выражалось въ томъ, что я переставлялъ на столѣ предметы. За десять минутъ я садился къ оконцу и начиналъ прислушиваться, не стукнетъ ли ветхая калитка. И какъ курьезно: до встрѣчи моей съ нею въ нашъ дворикъ мало кто приходилъ, просто сказать, никто не приходилъ, а теперь мнѣ казалось, что вѣсь городъ устремился въ него. Стукнетъ калитка, стукнетъ сердце, и, вообразите, на уровнѣ моего лица за оконцемъ обязательно чьи-нибудь грязные сапоги. Точильщикъ. Ну, кому нуженъ точильщикъ въ нашемъ домѣ? Что точить? Какіе ножи?

Она входила въ калитку одинъ разъ, а біеній сердца до этого я испытывалъ не менѣе десяти. Я не лгу. А потомъ, когда приходилъ ея часъ и стрѣлка показывала полдень, оно даже и не переставало стучать до тѣхъ поръ, пока безъ стука, почти совѣмъ безшумно, не равнялись съ окномъ туфли съ черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками.

Иногда она шалила и, задержавшись у второго оконца, постукивала носкомъ въ стекло. Я въ ту же секунду оказывался у этого окна, но исчезала туфля, черный шелкъ, заслоняющій свѣтъ, исчезалъ, — я шелъ ей открывать.

Никто не зналъ о нашей связи, за это я вамъ ручаюсь, хотя такъ никогда и не бываетъ. Не зналъ ея мужъ, не знали знакомые. Въ старенькомъ особнячкѣ,

гдѣ мнѣ принадлежалъ этотъ подвалъ, знали, конечно, видѣли, что приходитъ ко мнѣ какая-то женщина, но имени ея не знали.

— А кто она такая? — спросилъ Иванъ, въ высшей степени заинтересованный любовной исторіей.

Гость сдѣлалъ жестъ, означавшій, что онъ никогда и никому этого не скажетъ, и продолжалъ свой рассказъ.

Ивану стало извѣстнымъ, что мастеръ и незнакомка полюбили другъ друга такъ крѣпко, что стали совершенно неразлучны. Иванъ представлялъ себѣ ясно уже и двѣ комнаты въ подвалѣ особняка, въ которыхъ были всегда сумерки изъ-за сирени и забора. Красную потертую мебель, бюро, на немъ часы, звенѣвшія каждые полчаса, и книги, книги отъ крашеного пола до закопченного потолка, и печку.

Иванъ узналъ, что гость его и тайная жена уже въ первые дни своей связи пришли къ заключенію, что столкнула ихъ на углу Тверской и переулка сама судьба и что созданы они другъ для друга навѣкъ.

Иванъ узналъ изъ разсказа гостя, какъ проводили день возлюбленные. Она приходила, и первымъ долгомъ надѣвала фартукъ, и въ узкой передней, гдѣ находилась та самая раковина, которой гордился почему-то бѣдный больной, на деревянномъ столѣ зажигала керосинку, и готовила завтракъ, и накрывала его въ первой комнатѣ на овальномъ столѣ. Когда шли майскія грозы и мимо подслѣповатыхъ оконъ шумно катилась въ подворотню вода, угрожая залить послѣдній пріютъ, влюбленные растапливали печку и пекли въ ней картофель. Отъ картофеля валилъ паръ, черная картофельная шелуха пачкала пальцы. Въ подвальчикѣ слышался смѣхъ, деревья въ саду сбрасывали съ себя послѣ дождя обломанныя вѣточки, бѣлыя кисти. Когда кончились грозы и пришло душное

лѣто, въ вазѣ появились долгожданныя и обоими любимыя розы.

Тотъ, кто называлъ себя мастеромъ, работалъ, а она, запустивъ въ волосы тонкіе съ остро отточенными ногтями пальцы, перечитывала написанное, а перечитавъ, шила вотъ эту самую шапочку. Иногда она сидѣла на корточкахъ у нижнихъ полокъ или стояла на стулѣ у верхнихъ и тряпкой вытирала сотни пыльныхъ корешковъ. Она сулила славу, она подгоняла его и вотъ тутъ-то стала называть мастеромъ. Она дождалась этихъ обѣщанныхъ уже послѣднихъ словъ о пятомъ прокураторѣ Іудеи, нараспѣвъ и громко повторяла отдѣльныя фразы, которыя ей нравились, и говорила, что въ этомъ романѣ ея жизнь.

Онъ былъ дописанъ въ августѣ мѣсяцѣ, былъ отданъ какой-то безвѣстной машинисткѣ, и та перепечатала его въ пяти экземплярахъ. И, наконецъ, насталъ часъ, когда пришлось покинуть тайный пріютъ и выйти въ жизнь.

— И я вышелъ въ жизнь, держа его въ рукахъ, и тогда моя жизнь кончилась, — прошепталъ мастеръ и поникъ головой, и долго качалась печальная черная шапочка съ желтой буквой «М». Онъ повелъ дальше свой рассказъ, но тотъ сталъ нѣсколько безсвязенъ. Можно было понять только одно, что тогда съ гостемъ Ивана случилась какая-то катастрофа.

— Я впервые попалъ въ міръ литературы, но теперь, когда уже все кончилось и гибель моя налицо, вспоминаю о немъ съ ужасомъ! — торжественно прошепталъ мастеръ и поднялъ руку. — Да, онъ чрезвычайно поразилъ меня, ахъ, какъ поразилъ!

— Кто? — чуть слышно шепнулъ Иванъ, опасаясь перебивать взволнованнаго рассказчика.

— Да редакторъ, я же говорю, редакторъ. Да, такъ онъ прочиталъ. Онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ

будто у меня щека была раздута флюсомъ, какъ-то косился въ уголъ и даже сконфуженно хихикнулъ. Онъ безъ нужды мялъ манускриптъ и крикалъ. Вопросы, которые онъ мнѣ задавалъ, показались мнѣ сумасшедшими. Не говоря ничего по существу романа, онъ спрашивалъ меня о томъ, кто я таковъ и откуда я взялся, давно ли пишу и почему обо мнѣ ничего не было слышно раньше, и даже задалъ, съ моей точки зрѣнія, совсѣмъ идиотскій вопросъ: кто это меня надоумилъ сочинить романъ на такую странную тему?

Наконецъ, онъ мнѣ надоѣлъ, и я спросилъ его напрямикъ, будетъ ли онъ печатать романъ или не будетъ.

Тутъ онъ засуетился, началъ что-то мямлить и заявилъ, что самолично рѣшить этотъ вопросъ онъ не можетъ, что съ моимъ произведеніемъ должны ознакомиться другіе члены редакціонной коллегіи, именно критики Латунскій и Ариманъ и литераторъ Мстиславъ Лавровичъ. Онъ просилъ меня прійти черезъ двѣ недѣли.

Я пришелъ черезъ двѣ недѣли и былъ принятъ какой-то дѣвицей со скошенными къ носу отъ постояннаго вранья глазами.

— Это Лапшенникова, секретарь редакціи, — усмѣхнувшись, сказалъ Иванъ, хорошо знающій тотъ міръ, который такъ гнѣвно описывалъ его гость.

— Можетъ быть, — отрѣзалъ тотъ, — такъ вотъ, отъ нее я получилъ свой романъ, уже порядочно засаленный и растрепанный. Стараясь не попадать своими глазами въ мои, Лапшенникова сообщила мнѣ, что редакція обезпечена матеріалами на два года впередъ и что поэтому вопросъ о напечатаніи моего романа, какъ она выразилась, отпадаетъ.

— Что я помню послѣ этого? — бормоталъ мастеръ, потирая високъ, — да, осыпавшіеся красные

лепестки на титульномъ листѣ и еще глаза моей подруги. Да, эти глаза я помню.

Разсказъ Иванова гостя становился все путанѣе, все болѣе наполнялся какими-то недомолвками. Онъ говорилъ что-то про косою дождь, и отчаяніе въ подвальномъ пріютѣ, о томъ, что ходилъ куда-то еще. Шепотомъ вскрикивалъ, что онъ ее, которая толкала его на борьбу, ничуть не винить, о нѣтъ, не винить!

— Помню, помню этотъ проклятый вкладной листъ въ газету, — бормоталъ гость, рисуя двумя пальцами рукъ въ воздухѣ газетный листъ, и Иванъ догадался изъ дальнѣйшихъ путаныхъ фразъ, что какой-то другой редакторъ напечаталъ большой отрывокъ изъ романа того, кто называлъ себя мастеромъ.

По словамъ его, прошло не болѣе двухъ дней, какъ въ другой газетѣ появилась статья критика Аримана, которая называлась «Врагъ подъ крыломъ редактора», въ которой говорилось, что Ивановъ гость, пользуясь безопасностью и невѣжествомъ редактора, сдѣлалъ попытку протащить въ печать алогію Іисуса Христа.

— А, помню, помню! — вскричалъ Иванъ. — Но я забылъ, какъ ваша фамилія!

— Оставимъ, повторяю, мою фамилію, ее нѣтъ больше, — отвѣтилъ гость. — Дѣло не въ ней. Черезъ день въ другой газетѣ за подписью Мстислава Лавровича обнаружилась другая статья, гдѣ авторъ ея предполагалъ ударить, и крѣпко ударить, по Пилатчинѣ и тому богомазу, который вздумалъ протащить (опять это проклятое слово!) ее въ печать.

Остолбенѣвъ отъ этого слова «Пилатчина», я развернулъ третью газету. Здѣсь было двѣ статьи: одна — Латунскаго, а другая — подписанная буквами «Н. Э.». Увѣряю васъ, что произведенія Аримана и Лавровича могли считаться шуткою по сравненію съ

написаннымъ Латунскимъ. Достаточно вамъ сказать, что называлась статья Латунскаго «Воинствующій старообрядецъ». Я такъ увлекся чтеніемъ статей о себѣ, что не замѣтилъ, какъ она (дверь я забылъ закрыть) предстала предо мною съ мокрымъ зонтикомъ въ рукахъ и мокрыми же газетами. Глаза ея источали огонь, руки дрожали и были холодны. Сперва она бросилась меня цѣловать, затѣмъ, хриплымъ голосомъ и стуча рукою по столу, сказала, что она отравитъ Латунскаго.

Иванъ какъ-то сконфуженно покряхтѣлъ, но ничего не сказалъ.

— Настали совершенно безрадостные дни. Романъ былъ написанъ, больше дѣлать было нечего, и мы оба жили тѣмъ, что сидѣли на коврикѣ на полу у печки и смотрѣли на огонь. Впрочемъ, теперь мы больше разставались, чѣмъ раньше. Она стала уходить гулять. А со мной случилась оригинальность, какъ нерѣдко бывало въ моей жизни... У меня неожиданно завелся другъ. Да, да, представьте себѣ, я въ общемъ не склоненъ сходиться съ людьми, обладаю чертовой странностью: схожусь съ людьми туго, недоувѣрчивъ, подозрителенъ. И — представьте себѣ, при этомъ обязательно ко мнѣ проникаетъ въ душу кто-нибудь непредвидѣнный, неожиданный и внѣшне-то чертъ знаетъ на что похожій, и онъ-то мнѣ больше всѣхъ и понравится.

Такъ вотъ въ то проклятое время открылась калиточка нашего садика, денекъ еще, помню, былъ такой пріятный, осенній. Её не было дома. И въ калиточку вошелъ человекъ. Онъ прошелъ въ домъ по какому-то дѣлу къ моему застройщику, потомъ сошелъ въ садикъ и какъ-то очень быстро свелъ со мной знакомство. Отрекомендовался онъ мнѣ журналистомъ. Понравился онъ мнѣ до того, вообразите, что я его до сихъ поръ иногда вспоминаю и скучаю о немъ. Дальше — больше, онъ сталъ заходить ко мнѣ. Я узналъ, что

онъ холостъ, что живетъ рядомъ со мной примѣрно въ такой же квартиркѣ, но что ему тѣсно тамъ, и прочее. Къ себѣ какъ-то не звалъ. Женѣ моей онъ не понравился до чрезвычайности. Но я заступился за него. Она сказала:

— Дѣлай, какъ хочешь, но говорю тебѣ, что этотъ человѣкъ производитъ на меня впечатлѣніе отталкивающее.

Я разсмѣялся. Да, но чѣмъ, собственно говоря, онъ меня привлекъ? Дѣло въ томъ, что вообще человѣкъ безъ сюрприза внутри, въ своемъ ящикѣ, неинтересенъ. Такой сюрпризъ въ своемъ ящикѣ Алоизій (да, я забылъ сказать, что моего новаго знакомаго звали Алоизій Могарычъ) — имѣлъ. Именно, нигдѣ до того я не встрѣчалъ и увѣренъ, что нигдѣ не встрѣчу человѣка такого ума, какимъ обладалъ Алоизій. Если я не понималъ смысла какой-нибудь замѣтки въ газетѣ, Алоизій объяснялъ мнѣ ее буквально въ одну минуту, причемъ видно было, что объясненіе это ему не стоило ровно ничего. То же самое съ жизненными явленіями и вопросами. Но этого было мало. Покорилъ меня Алоизій своею страстью къ литературѣ. Онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не упросилъ меня прочесть ему мой романъ вѣсь отъ корки до корки, причемъ о романѣ онъ отозвался очень лестно, но съ потрясающей точностью, какъ бы присутствуя при этомъ, рассказалъ всѣ замѣчанія редактора, касающіеся этого романа. Онъ попадалъ изъ ста разъ сто разъ. Кромѣ того, онъ совершенно точно объяснилъ мнѣ, и я догадывался, что это безошибочно, почему мой романъ не могъ быть напечатанъ. Онъ прямо говорилъ: глава такая-то идти не можетъ...

Статьи не прекращались. Надъ первыми изъ нихъ я смѣялся. Но чѣмъ больше ихъ появлялось, тѣмъ болѣе мѣнялось мое отношеніе къ нимъ. Второй стадіей

была стадія удивленія. Что-то на рѣдкость фальшивое и неувѣренное чувствовалось буквально въ каждой строчкѣ этихъ статей, несмотря на ихъ грозный и увѣренный тонъ. Мнѣ все казалось, — и я не могъ отъ этого отдѣлаться, — что авторы этихъ статей говорятъ не то, что они хотятъ сказать, и что ихъ ярость вызывается именно этимъ. А затѣмъ, представьте себѣ, наступила третья стадія — страха. Нѣтъ, не страха этихъ статей, поймите, а страха передъ другими, совершенно не относящимися къ нимъ или къ роману вещами. Такъ, напримѣръ, я сталъ бояться темноты. Словомъ, наступила стадія психическаго заболѣванія. Стоило мнѣ передъ сномъ потушить лампу въ маленькой комнатѣ, какъ мнѣ казалось, что черезъ оконцѣ, хотя оно и было закрыто, влѣзаетъ какой-то спрутъ съ очень длинными и холодными щупальцами. И спать мнѣ пришлось съ огнемъ.

Моя возлюбленная очень измѣнилась (про спрута я ей, конечно, не говорилъ. Но она видѣла, что со мной творится что-то неладное), похудѣла и поблѣднѣла, перестала смѣяться и все просила меня простить ее за то, что она совѣтовала мнѣ, чтобы я напечаталъ отрывокъ. Она говорила, чтобы я, бросивъ все, уѣхалъ на югъ къ Черному морю, истративъ на эту поѣздку всѣ оставшіеся отъ ста тысячъ деньги.

Она была очень настойчива, а я, чтобы не спорить (что-то подсказывало мнѣ, что не придется уѣхать къ Черному морю), обѣщаль ей это сдѣлать на дняхъ. Но она сказала, что она сама возьметъ мнѣ билетъ. Тогда я вынулъ всѣ свои деньги, то есть около десяти тысячъ рублей, и отдалъ ей.

— Зачѣмъ такъ много? — удивилась она.

Я сказалъ что-то вродѣ того, что боюсь воровъ и прошу ее поберечь деньги до моего отъѣзда. Она взяла ихъ, уложила въ сумочку, стала цѣловать меня и

говорить, что ей легче было бы умереть, чѣмъ покидать меня въ такомъ состояніи одного, но что ее ждуть, что она покоряется необходимости, что придетъ завтра. Она умоляла меня не бояться ничего.

Это было въ сумерки, въ половинѣ октября. И она ушла. Я легъ на диванъ и заснулъ, не зажигая лампы. Проснулся я отъ ощущенія, что спрутъ здѣсь. Шаря въ темнотѣ, я еле сумѣлъ зажечь лампу. Карманныя часы показывали два часа ночи. Я легъ заболѣвающимъ, а проснулся больнымъ. Мнѣ вдругъ показалось, что осенняя тьма выдавитъ стекла, вольется въ комнату и я захлебнусь въ ней, какъ въ чернилахъ. Я сталъ человѣкомъ, который уже не владѣетъ собой. Я вскрикнулъ, и у меня явилась мысль бѣжать къ кому-то, хотя бы къ моему застройщику наверхъ. Я боролся съ собой какъ безумный. У меня хватило силъ добратся до печки и разжечь въ ней дрова. Когда онѣ затрещали и дверца застучала, мнѣ какъ будто стало немного легче. Я кинулся въ переднюю и тамъ зажегъ свѣтъ, нашель бутылку бѣлаго вина, откупорилъ ее и сталъ пить прямо изъ горлышка. Отъ этого страхъ притупился нѣсколько-настолько, по крайней мѣрѣ, что я не побѣжалъ къ застройщику и вернулся къ печкѣ. Я открылъ дверцу, такъ что жаръ началъ обжигать мнѣ лицо и руки, и шепталъ:

— Догадайся, что со мною случилась бѣда.
Приди, приди, приди!

Но никто не шелъ. Въ печкѣ ревѣлъ огонь, въ окна хлесталъ дождь. Тогда случилось послѣднее. Я вынулъ изъ ящика стола тяжелые списки романа и черновыя тетради и началъ ихъ жечь. Это страшно трудно дѣлать, потому что исписанная бумага горитъ неохотно. Ломая ногти, я раздиралъ тетради, стоямя вкладывалъ ихъ между полѣньями и кочергой трепалъ листы. Пепель по временамъ одолѣвалъ меня, душилъ

пламя, но я боролся съ нимъ, и романъ, упорно сопротивляясь, все же погибалъ. Знакомыя слова мелькали передо мной, желтизна неудержимо поднималась снизу вверхъ по страницамъ, но слова все-таки проступали и на ней. Они пропадали лишь тогда, когда бумага чернѣла и я кочергой яростно добивалъ ихъ.

Въ это время въ окно кто-то сталъ царапаться тихо. Сердце мое прыгнуло, и я, погрузивъ послѣднюю тетрадь въ огонь, бросился отворять. Кирпичныя ступеньки вели изъ подвала къ двери на дворъ. Спотыкаясь, я побѣждалъ къ ней и тихо спросилъ:

— Кто тамъ?

И голосъ, ея голосъ, отвѣтилъ мнѣ:

— Это я.

Не помня какъ, я совладалъ съ цѣпью и ключомъ. Лишь только она шагнула внутрь, она припала ко мнѣ, вся мокрая, съ мокрыми щеками и развившимися волосами, дрожащая. Я могъ произнести только слово:

— Ты... ты? — и голосъ мой прервался, и мы побѣжали внизъ. Она освободилась въ передней отъ пальто, и мы быстро вошли въ первую комнату. Тихо вскрикнувъ, она голыми руками выбросила изъ печки на полъ послѣднее, что тамъ оставалось, пачку, которая занялась снизу. Дымъ наполнилъ комнату сейчасъ же. Я ногами затопталъ огонь, а она повалилась на диванъ и заплакала неудержимо и судорожно.

Когда она утихла, я сказалъ:

— Я возненавидѣлъ этотъ романъ, и я боюсь. Я боленъ. Мнѣ страшно.

Она поднялась и заговорила:

— Боже, какъ ты боленъ. За что это, за что? Но я тебя спасу, я тебя спасу. Что же это такое?

Я видѣлъ ея вспухшіе отъ дыму и плача глаза, чувствовалъ, какъ холодныя руки глядятъ мнѣ лобъ.

— Я тебя вылѣчу, вылѣчу, — бормотала она, впиваясь мнѣ въ плечи, — ты возстановишь его. Зачѣмъ, зачѣмъ я не оставила у себя одинъ экземпляръ!

Она оскалилась отъ ярости, что-то еще говорила невнятно. Затѣмъ, сжавъ губы, она принялась собирать и расправлять обгорѣвшіе листы. Это была какая-то глава изъ середины романа, не помню какая. Она аккуратно сложила обгорѣвшіе листки, завернула ихъ въ бумагу, перевязала лентой. Всѣ ея дѣйствія показывали, что она полна рѣшимости и что она овладѣла собой. Она потребовала вина и, выпивъ, заговорила спокойнѣе.

— Вотъ какъ приходится платить за ложь, — говорила она, — и больше я не хочу лгать. Я осталась бы у тебя и сейчасъ, но мнѣ не хочется это дѣлать такимъ образомъ. Я не хочу, чтобы у него навсегда осталось въ памяти, что я убѣждала отъ него ночью. Онъ не сдѣлалъ мнѣ никогда никакого зла. Его вызвали внезапно, у нихъ на заводѣ пожаръ. Но онъ вернется скоро. Я объяснюсь съ нимъ завтра утромъ, скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь къ тебѣ. Отвѣть мнѣ, ты, можешь быть, не хочешь этого?

— Бѣдная моя, бѣдная, — сказалъ я ей, — я не допущу, чтобы ты это сдѣлала. Со мною будетъ нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибала вмѣстѣ со мной.

— Только эта причина? — спросила она и приблизила свои глаза къ моимъ.

— Только эта.

Она страшно оживилась, припала ко мнѣ, обвивая мою шею, и сказала:

— Я погибаю вмѣстѣ съ тобою. Утромъ я буду у тебя.

И вотъ, послѣднее, что я помню въ моей жизни, это — полоску свѣта изъ моей передней, и въ этой полосѣ свѣта развившуюся прядь, ея беретъ и ея полные

рѣшимости глаза. Еще помню черный силуэтъ на порогѣ наружной двери и бѣлый свертокъ.

— Я проводилъ бы тебя, но я уже не въ силахъ идти одинъ обратно, я боюсь.

— Не бойся. Потерпи нѣсколько часовъ. Завтра утромъ я буду у тебя. — Это и были ея послѣднія слова въ моей жизни.

— Тссъ! — вдругъ самъ себя прервалъ больной и поднялъ палецъ, — безпокойная сегодня лунная ночь.

Онъ скрылся на балконѣ. Иванъ слышалъ, какъ проѣхали колесики по коридору, кто-то всхлипнулъ или вскрикнулъ слабо.

Когда все затихло, гость вернулся и сообщилъ, что 120-я комната получила жильца. Привезли кого-то, который просить вернуть ему голову. Оба собесѣдника помолчали въ тревогѣ, но, успокоившись, вернулись къ прерванному разсказу. Гость раскрылъ было ротъ, но ночка, точно, была безпокойная. Голоса еще слышались въ коридорѣ, и гость началъ говорить Ивану на ухо такъ тихо, что то, что онъ разсказалъ, стало извѣстно одному поэту только, за исключеніемъ первой фразы:

— Черезъ четверть часа послѣ того, какъ она покинула меня, ко мнѣ въ окна постучали.

То, о чемъ разсказывалъ больной на ухо, по-видимому, очень волновало его. Судороги то и дѣло проходили по его лицу. Въ глазахъ его плавалъ и метался страхъ и ярость. Разсказчикъ указывалъ рукою куда-то въ сторону луны, которая давно уже ушла съ балкона. Лишь тогда, когда перестали доноситься всякіе звуки извнѣ, гость отодвинулся отъ Ивана и заговорилъ погромче.

— Да, такъ вотъ, въ половинѣ января, ночью, въ томъ же самомъ пальто, но съ оборванными пуговицами, я жался отъ холода въ моемъ дворикѣ. Сзади меня были сугробы, скрывшіе кусты сирени, а впереди меня и внизу

— слабенъко освѣщенные, закрытыя шторами мои окна, я припалъ къ первому изъ нихъ и прислушался — въ комнатахъ моихъ игралъ патефонъ. Это все, что я слышалъ. Но разглядѣть ничего не могъ. Постоявъ немного, я вышелъ за калитку въ переулокъ. Въ немъ играла метель. Метнувшаяся мнѣ подъ ноги собака испугала меня, и я перебѣжалъ отъ нее на другую сторону. Холодъ и страхъ, ставшій моимъ постояннымъ спутникомъ, доводили меня до изступленія. Идти мнѣ было некуда, и проще всего, конечно, было бы броситься подъ трамвай на той улицѣ, въ которую выходилъ мой переулокъ. Издали я видѣлъ эти наполненные свѣтомъ, обледенѣвшіе ящики и слышалъ ихъ омерзительный скрежетъ на морозѣ. Но, дорогой мой сосѣдъ, вся штука заключалась въ томъ, что страхъ владѣлъ каждой клѣточкой моего тѣла. И такъ же точно, какъ собаки, я боялся и трамвая. Да, хуже моей болѣзни въ этомъ зданіи нѣтъ, увѣрю васъ.

— Но вы же могли дать знать ей, — сказалъ Иванъ, сочувствуя бѣдному больному, — кромѣ того, вѣдь у нее же ваши деньги? Вѣдь она ихъ, конечно, сохранила?

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ, конечно, сохранила. Но вы, очевидно, не понимаете меня? Или, вѣрнѣе, я утратилъ бывшую у меня нѣкогда способность описывать что-нибудь. Мнѣ, впрочемъ, ее не очень жаль, такъ какъ она мнѣ не пригодится больше. Передъ нею, — гость благоговѣнно посмотрѣлъ во тьму ночи, — легло бы письмо изъ сумасшедшаго дома. Развѣ можно посылать письма, имѣя такой адресъ? Душевнобольной? Вы шутите, мой другъ! Нѣтъ, сдѣлать ее несчастной? На это я не способенъ.

Иванъ не сумѣлъ возразить на это, но молчаливый Иванъ сочувствовалъ гостю, сострадалъ

ему. А тотъ киваль отъ муки своихъ воспоминаній головою въ черной шапочкѣ и говорилъ такъ:

— Бѣдная женщина. Впрочемъ, у меня есть надежда, что она забыла меня!

— Но вы можете выздоровѣть... — робко сказалъ Иванъ.

— Я неизлѣчимъ, — спокойно отвѣтилъ гость, — когда Стравинскій говоритъ, что вернетъ меня къ жизни, я ему не вѣрю. Онъ гуманенъ и просто хочетъ утѣшить меня. Не отрицаю, впрочемъ, что мнѣ теперь гораздо лучше. Да, такъ на чемъ, бишь, я остановился? Морозъ, эти летящіе трамваи. Я зналъ, что эта клиника уже открылась, и черезъ вѣсь городъ пѣшкомъ пошелъ въ нее. Безуміе! За городомъ я, навѣрно, замерзъ бы, но меня спасла случайность. Что-то сломалось въ грузовикѣ, я подошелъ къ шоферу, это было километрахъ въ четырехъ за заставой, и, къ моему удивленію, онъ сжалился надо мной. Машина шла сюда. И онъ повезъ меня. Я отдѣлался тѣмъ, что отморозилъ пальцы на лѣвой ногѣ. Но это вылѣчили. И вотъ четвертый мѣсяць я здѣсь. И, знаете ли, нахожу, что здѣсь очень и очень неплохо. Не надо задаваться большими планами, дорогой сосѣдъ, право! Я вотъ, напримѣръ, хотѣлъ объѣхать вѣсь земной шаръ. Ну, что же, оказывается, это не суждено. Я вижу только незначительный кусокъ этого шара. Думаю, что это не самое лучшее, что есть на немъ, но, повторяю, это не такъ ужъ худо. Вотъ лѣто идетъ къ намъ, на балконѣ завѣется плющъ, какъ общаетъ Прасковья Ѳедоровна. Ключи расширили мои возможности. По ночамъ будетъ луна. Ахъ, она ушла! Свѣжѣть. Ночь валится за полночь. Мнѣ пора.

— Скажите мнѣ, а что было дальше съ Іешуа и Пилатомъ, — попросилъ Иванъ, — умоляю, я хочу знать.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, — болѣзненно дернувшись, отвѣтилъ гость, — я вспомнить не могу безъ дрожи мой романъ. А вашъ знакомый съ Патріаршихъ прудовъ сдѣлалъ бы это лучше меня. Спасибо за бесѣду. До свиданія.

И раньше чѣмъ Иванъ опомнился, закрылась рѣшетка съ тихимъ звономъ, и гость скрылся.

Слава пѣтуху!

Не выдержали нервы, какъ говорится, и Римскій не дождался окончанія составленія протокола и бѣжалъ въ свой кабинетъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и воспаленными глазами глядѣлъ на лежащіе передъ нимъ магическіе червонцы. Умъ финдиректора заходилъ за разумъ. Снаружи несся ровный гулъ. Публика потоками выливалась изъ зданія Варьете на улицу. До чрезвычайно обострившегося слуха финдиректора вдругъ донеслась отчетливая милицейская трель. Сама по себѣ она ужъ никогда не сулитъ ничего пріятнаго. А когда она повторилась и къ ней на помощь вступила другая, болѣе властная и продолжительная, а затѣмъ присоединился и явственно слышный гоготъ, и даже какое-то улюлюканіе, финдиректоръ сразу понялъ, что на улицѣ совершилось еще что-то скандальное и пакостное. И что это, какъ бы ни хотѣлось отмахнуться отъ него, находится въ тѣснѣйшей связи съ отвратительнымъ сеансомъ, произведеннымъ чернымъ магомъ и его помощниками. Чуткій финдиректоръ нисколько не ошибся.

Лишь только онъ глянулъ въ окно, выходящее на Садовую, лицо его перекосилось, и онъ не прошепталъ, а прошипѣлъ:

— Я такъ и зналъ!

Въ яркомъ свѣтѣ сильнѣйшихъ уличныхъ фонарей онъ увидѣлъ на тротуарѣ внизу подъ собой даму въ одной сорочкѣ и панталонахъ фіолетоваго цвѣта. На головѣ у дамы, правда, была шляпка, а въ рукахъ зонтикъ.

Вокругъ этой дамы, находящейся въ состояніи

полнаго смятенія, то присѣдающей, то порывающей
бѣжать куда-то, волновалась толпа, издавая тотъ самый
хохотъ, отъ котораго у финдиректора проходилъ по
спинѣ морозъ. Возлѣ дамы метался какой-то
гражданинъ, сдирающій съ себя лѣтнее пальто и отъ

волненія никакъ не справляющійся съ рукавомъ, въ которомъ застряла рука.

Крики и ревущій хохоть донеслись и изъ другого мѣста — именно отъ лѣваго подъѣзда, и, повернувъ туда голову, Григорій Даниловичъ увидалъ вторую даму, въ розовомъ бѣлье. Та прыгнула съ мостовой на тротуаръ, стремясь скрыться въ подъѣздѣ, но вытекавшая публика преграждала ей путь, и бѣдная жертва своего легкомыслія и страсти къ нарядамъ, обманутая фирмой проклятаго Фагота, мечтала только объ одномъ — провалиться сквозь землю. Милиціонеръ устремлялся къ несчастной, буравя воздухъ свистомъ, а за милиціонеромъ поспѣшали какіе-то развеселые молодые люди въ кепкахъ. Они-то и испускали этотъ самый хохоть и улюлюканье.

Усатый худой лихачъ подлетѣлъ къ первой раздѣтой и съ размаху осадилъ костлявую разбитую лошадь. Лицо усача радостно ухмылялось.

Римскій стукнулъ себя кулакомъ по головѣ, плюнулъ и отскочилъ отъ окна.

Онъ посидѣлъ нѣкоторое время у стола, прислушиваясь къ улицѣ. Свистъ въ разныхъ точкахъ достигъ высшей силы, а потомъ сталъ спадать. Скандаль, къ удивленію Римскаго, ликвидировался какъ-то неожиданно быстро.

Настала пора дѣйствовать, приходилось пить горькую чашу отвѣтственности. Аппараты были исправлены во время третьяго отдѣленія, надо было звонить, сообщить о происшедшемъ, просить помощи, отвораться, валить все на Лиходѣева, выгораживать самого себя и такъ далѣе. Тьфу ты дьяволь! Два раза разстроенный директоръ клалъ руку на трубку и дважды ее снималъ. И вдругъ въ мертвой тишинѣ кабинета самъ аппаратъ разразился звономъ прямо въ лицо финдиректора, и тотъ вздрогнулъ и похолодѣлъ.

«Однако у меня здорово разстроились нервы», — подумалъ онъ и поднялъ трубку. Тотчасъ же отшатнулся отъ нее и сталъ бѣлѣе бумаги. Тихій, въ то же время вкрадчивый и развратный женскій голосъ шепнулъ въ трубку:

— Не звони, Римскій, никуда, худо будетъ.

Трубка тутъ же опустѣла. Чувствуя мурашки въ спинѣ, финдиректоръ положилъ трубку и оглянулся почему-то на окно за своей спиной. Сквозь рѣдкіе и еще слабо покрытыя зеленью вѣтви клена онъ увидѣлъ луну, бѣгущую въ прозрачномъ облачкѣ. Почему-то приковавшись къ вѣтвямъ, Римскій смотрѣлъ на нихъ, и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе его охватывалъ страхъ.

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, финдиректоръ отвернулся наконецъ отъ луннаго окна и поднялся. Никакого разговора о томъ, чтобы звонить, больше и быть не могло, и теперь финдиректоръ думалъ только объ одномъ — какъ бы ему поскорѣе уйти изъ театра.

Онъ прислушался: зданіе театра молчало. Римскій понялъ, что онъ давно одинъ во всемъ второмъ этажѣ, и дѣтскій неодолимый страхъ овладѣлъ имъ при этой мысли. Онъ безъ содроганія не могъ подумать о томъ, что ему придется сейчасъ идти одному по пустымъ коридорамъ и спускаться по лѣстницѣ. Онъ лихорадочно схватилъ со стола гипнотизерскіе червонцы, спряталъ ихъ въ портфель и кашлянулъ, чтобы хоть чуточку подбодрить себя. Кашель вышелъ хрипловатымъ, слабымъ.

И здѣсь ему показалось, что изъ-подъ двери кабинета потянуло вдругъ гниловатой сыростью. Дрожь прошла по спинѣ финдиректора. А тутъ еще ударили неожиданно часы и стали бить полночь. И даже бой вызвалъ дрожь въ финдиректорѣ. Но окончательно его сердце упало, когда онъ услышалъ, что въ замкѣ двери

тихонько поворачивается англійскій ключъ. Вцѣпившись въ портфель влажными, холодными руками, финдиректоръ чувствовалъ, что, если еще немного продлится этотъ шорохъ въ скважинѣ, онъ не выдержитъ и пронзительно закричитъ.

Наконецъ дверь уступила чьимъ-то усиліямъ, раскрылась, и въ кабинетъ безшумно вошелъ Варенуха. Римскій какъ стоялъ, такъ и сѣлъ въ кресло, потому что ноги его подогнулись. Набравъ воздуху въ грудь, онъ улыбнулся какъ бы заискивающей улыбкой и тихо молвилъ:

— Боже, какъ ты меня испугалъ!

Да, это внезапное появленіе могло испугать кого угодно, и тѣмъ не менѣе въ то же время оно являлось большою радостью. Высунулся хоть одинъ кончикъ въ этомъ запутанномъ дѣлѣ.

— Ну, говори скорѣй! Ну! Ну! — прохрипѣлъ Римскій, цѣпляясь за этотъ кончикъ, — что все это значитъ?

— Прости, пожалуйста, — глухимъ голосомъ отозвался вошедшій, закрывая дверь, — я думалъ, что ты уже ушелъ.

И Варенуха, не снимая кепки, прошелъ къ креслу и сѣлъ по другую сторону стола.

Надо сказать, что въ отвѣтъ Варенухи обозначилась легонькая странность, которая сразу кольнула финдиректора, въ чувствительности своей могущаго поспорить съ сейсмографомъ любой изъ лучшихъ станцій міра. Какъ же такъ? Зачѣмъ же Варенуха шелъ въ кабинетъ финдиректора, ежели полагалъ, что его тамъ нѣту? Вѣдь у него есть свой кабинетъ. Это — разъ. А второе: изъ какого бы входа Варенуха ни вошелъ въ зданіе, онъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣтить одного изъ ночныхъ дежурныхъ, а тѣмъ

всѣмъ было объявлено, что Григорій Даниловичъ на нѣкоторое время задержится въ своемъ кабинетѣ.

Но долго по поводу этой странности финдиректоръ не сталъ размышлять. Не до того было.

— Почему ты не позвонилъ? Что означаетъ вся эта петрушка съ Ялтой?

— Ну, то, что я и говорилъ, — причмокнувъ, какъ будто его беспокоилъ больной зубъ, отвѣтилъ администраторъ, — нашли его въ трактирѣ въ Пушкинѣ.

— Какъ въ Пушкинѣ?! Это подъ Москвой? А телеграмма изъ Ялты?

— Какая тамъ, къ черту, Ялта! Напоилъ пушкинскаго телеграфиста, и начали оба безобразничать, въ томъ числѣ посылать телеграммы съ помѣткой «Ялта».

— Ага... Ага... Ну ладно, ладно... — не проговорилъ, а какъ бы пропѣлъ Римскій. Глаза его засвѣтились желтенькимъ свѣтомъ. Въ головѣ сложилась праздничная картина снятія Степы съ работы. Освобожденіе! Долгожданное освобожденіе финдиректора отъ этого бѣдствія въ лицѣ Лиходѣва! А можетъ Степанъ Богдановичъ добьется чего-нибудь и похуже снятія... — Подробности! — сказалъ Римскій, стукнувъ прессъ-папье по столу.

И Варенуха началъ рассказывать подробности. Лишь только онъ явился туда, куда былъ отправленъ финдиректоромъ, его немедленно приняли и выслушали внимательнѣйшимъ образомъ. Никто, конечно, и мысли не допустилъ о томъ, что Степа можетъ быть въ Ялтѣ. Всѣ сейчасъ же согласились съ предположеніемъ Варенухи, что Лиходѣвъ, конечно, въ пушкинской «Ялтѣ».

— Гдѣ же онъ сейчасъ? — перебилъ администратора взволнованный финдиректоръ.

— Ну, гдѣ жъ ему быть, — отвѣтилъ, криво

ухмыльнувшись, администраторъ, — натурально, въ вытрезвитель.

— Ну, ну! Ай, спасибо!

А Варенуха продолжалъ свое повѣствованіе. И чѣмъ больше онъ повѣствовалъ, тѣмъ ярче передъ финдиректоромъ разворачивалась длиннѣйшая цѣпь Лиходѣевскихъ хамствъ и безобразій, и всякое послѣдующее звено въ этой цѣпи было хуже предыдущаго. Чего стоила хотя бы пьяная пляска въ обнимку съ телеграфистомъ на лужайкѣ передъ пушкинскимъ телеграфомъ подъ звуки какой-то праздношатающейся гармоникки! Гонка за какими-то гражданками, визжащими отъ ужаса! Попытка подраться съ буфетчикомъ въ самой «Ялтѣ»! Разбрасываніе зеленаго лука по полу той же «Ялты». Разбитіе восьми бутылокъ бѣлаго сухого «Ай-Даниля». Поломка счетчика у шофера такси, не пожелавшаго подать Степа машину. Угроза арестовать гражданъ, пытавшихся прекратить Степины паскудства. Словомъ, темный ужасъ.

Степа былъ широко извѣстенъ въ театральныхъ кругахъ Москвы, и всѣ знали, что человекъ этотъ — не подарочекъ. Но все-таки то, что рассказывалъ администраторъ про него, даже и для Степы было черезчуръ. Да, черезчуръ. Даже очень черезчуръ...

Колючіе глаза Римскаго черезъ столъ врѣзались въ лицо администратора, и чѣмъ дальше тотъ говорилъ, тѣмъ мрачнѣе становились эти глаза. Чѣмъ жизненнѣе и красочнѣе становились тѣ гнусныя подробности, которыми уснащалъ свою повѣсть администраторъ... тѣмъ менѣе вѣрилъ рассказчику финдиректоръ. Когда же Варенуха сообщилъ, что Степа распоясался до того, что пытался оказать сопротивление тѣмъ, кто пріѣхалъ за нимъ, чтобы вернуть его въ Москву, финдиректоръ уже твердо зналъ, что все, что рассказываетъ ему

вернувшийся въ полночь администраторъ, все — ложь! Ложь отъ перваго до послѣдняго слова.

Варенуха не ѣздилъ въ Пушкино, и самого Степы въ Пушкинѣ тоже не было. Не было пьянаго телеграфиста, не было разбитаго стекла въ трактирѣ, Степу не вязали веревками... — ничего этого не было.

Лишь только финдиректоръ утвердился въ мысли, что администраторъ ему лжетъ, страхъ поползъ по его тѣлу, начиная съ ногъ, и дважды опять-таки почудилось финдиректору, что потянуло по полу гнилой малярійной сыростью. Ни на мгновение не сводя глазъ съ администратора, какъ-то странно корчившегося въ креслѣ, все время стремящегося не выходить изъ-подъ голубой тѣни настольной лампы, какъ-то удивительно прикрывавшегося якобы отъ мѣшающаго ему свѣта лампочки газетой, — финдиректоръ думалъ только объ одномъ, что же значить все это? Зачѣмъ такъ нагло лжетъ ему въ пустынномъ и молчащемъ зданіи слишкомъ поздно вернувшийся къ нему администраторъ? И сознаніе опасности, неизвѣстной, но грозной опасности, начало томить душу финдиректора. Дѣлая видъ, что не замѣчаетъ увертокъ администратора и фокусовъ его съ газетой, финдиректоръ разсматривалъ его лицо, почти уже не слушая того, что плелъ Варенуха. Было кое-что, что представлялось еще болѣе необъяснимымъ, чѣмъ неизвѣстно зачѣмъ выдуманый клеветническій рассказъ о походе въ Пушкинѣ, и это что-то было измѣненіемъ во внѣшности и въ манерахъ администратора.

Какъ тотъ ни натягивалъ утиный козырекъ кепки на глаза, чтобы бросить тѣнь на лицо, какъ ни вертѣлъ газетнымъ листомъ, — финдиректору удалось разсмотрѣть громадный синякъ съ правой стороны лица у самого носа. Кромѣ того, полнокровный обычно администраторъ былъ теперь блѣденъ мѣловой

нездоровою блѣдностью, а на шеѣ у него въ душную ночь зачѣмъ-то было наверчено старенькое полосатое кашне. Если же къ этому прибавить появившуюся у администратора за время его отсутствія отвратительную манеру присасывать и причмокивать, рѣзкое измѣненіе голоса, ставшаго глухимъ и грубымъ, вороватость и трусливость въ глазахъ, — можно было смѣло сказать, что Иванъ Савельевичъ Варенуха сталъ неузнаваемъ.

Что-то еще жгуче беспокоило финдиректора, но что именно, онъ не могъ понять, какъ ни напрягалъ воспаленный мозгъ, сколько ни всматривался въ Варенуху. Одно онъ могъ утверждать, что было что-то невиданное, неестественное въ этомъ соединеніи администратора съ хорошо знакомымъ кресломъ.

— Ну, одолѣли наконецъ, погрузили въ машину, — гудѣлъ Варенуха, выглядывая изъ-за листа и ладонью прикрывая синякъ.

Римскій вдругъ протянулъ руку и какъ бы машинально ладонью, въ то же время поигрывая пальцами по столу, нажалъ пуговку электрическаго звонка и обмеръ.

Въ пустомъ зданіи непремѣнно былъ бы слышенъ рѣзкій сигналъ. Но сигнала не послѣдовало, и пуговка безжизненно погрузилась въ доску стола. Пуговка была мертва, звонокъ испорченъ.

Хитрость финдиректора не ускользнула отъ Варенухи, который спросилъ, передернувшись, причемъ въ глазахъ его мелькнулъ явно злобный огонь:

— Ты чего звонишь?

— Машинально, — глухо отвѣтилъ финдиректоръ, отдернулъ руку и, въ свою очередь, нетвердымъ голосомъ спросилъ: — Что это у тебя на лицѣ?

— Машину занесло, ударился объ ручку двери, — отвѣтилъ Варенуха, отводя глаза.

«Лжетъ!» — воскликнулъ мысленно финдиректоръ. И тутъ вдругъ его глаза округлились и стали совершенно безумными, и онъ уставился въ спинку кресла.

Сзади кресла, на полу, лежали двѣ перекрещенныя тѣни, одна погуще и почернѣе, другая слабая и сѣрая. Отчетливо была видна на полу тѣневая спинка кресла и его заостренныя ножки, но надъ спинкою на полу не было тѣневой головы Варенухи, равно какъ подъ ножками не было ногъ администратора.

«Онъ не отбрасываетъ тѣни!» — отчаянно мысленно вскричалъ Римскій. Его ударила дрожь.

Варенуха воровато оглянулся, слѣдуя безумному взору Римскаго, за спинку кресла и понялъ, что онъ открытъ.

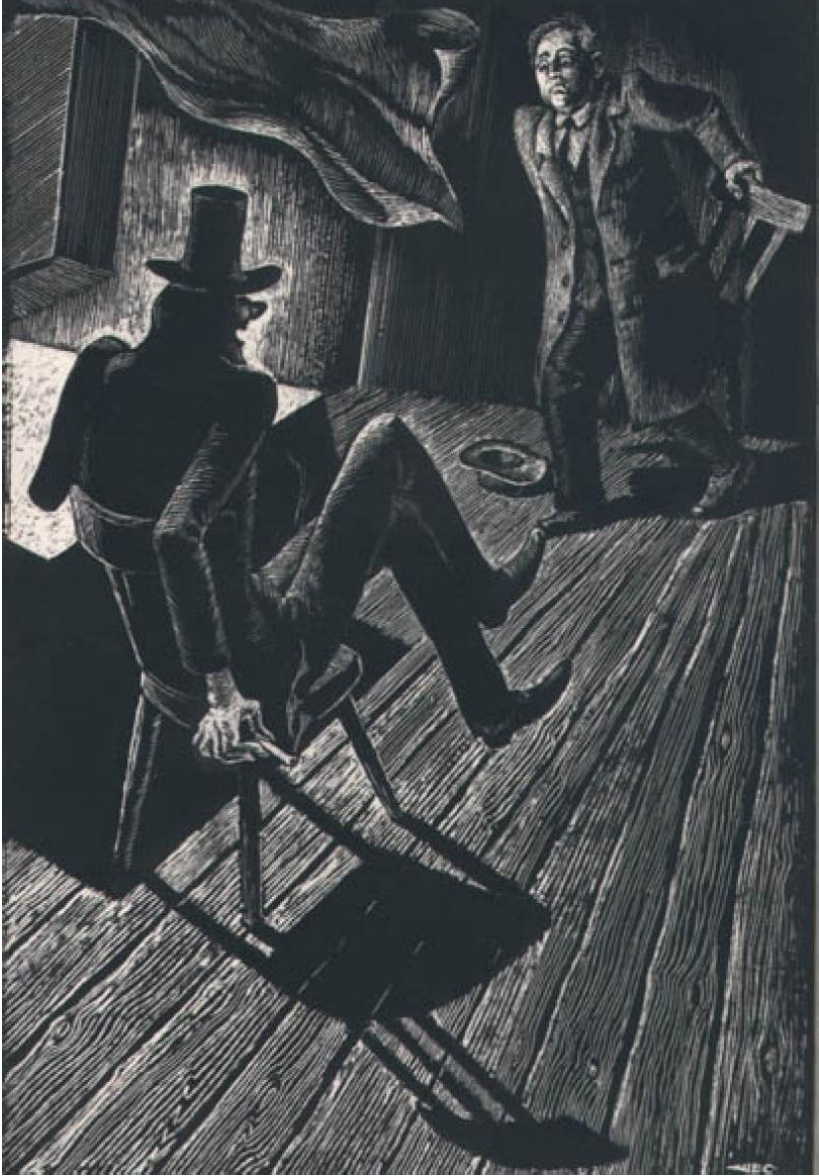
Онъ поднялся съ кресла (то же сдѣлалъ и финдиректоръ) и отступилъ отъ стола на шагъ, сжимая въ рукахъ портфель.

— Догадался, проклятый! Всегда былъ смышлень, — злобно ухмыльнувшись совершенно въ лицо финдиректору, проговорилъ Варенуха, неожиданно отпрыгнулъ отъ кресла къ двери и быстро двинулъ внизъ пуговку англійскаго замка. Финдиректоръ отчаянно оглянулся, отступая къ окну, ведущему въ садъ, и въ этомъ окнѣ, заливаемомъ луною, увидѣлъ прильнувшее къ стеклу лицо голы дѣвицы и ея голую руку, просунувшуюся въ форточку и старающуюся открыть нижнюю задвижку. Верхняя уже была открыта.

Римскому показалось, что свѣтъ въ настольной лампѣ гаснетъ и что письменный столъ наклоняется. Римскаго окатило ледяной волной, но, къ счастью для себя, онъ превозмогъ себя и не упалъ. Остатка силъ хватило на то, чтобы шепнуть, но не крикнуть:

— Помогите...

Варенуха, карауля дверь, подпрыгивалъ возлѣ

нее, подолгу застревая въ воздухѣ и качаясь въ немъ. Скрюченными пальцами онъ махалъ въ сторону Римскаго, шипѣлъ и чмокалъ, подмигивая дѣвицѣ въ окнѣ.

Та заспѣшила, всунула рыжую голову въ форточку, вытянула сколько могла руку, ногтями начала царапать нижній шпингалетъ и потрясать раму. Рука ея стала удлиняться, какъ резиновая, и покрылась трупной зеленью. Наконецъ зеленые пальцы мертвой обхватили головку шпингалета, повернули ее, и рама стала открываться. Римскій слабо вскрикнулъ, прислонился къ стѣнѣ и портфель выставилъ впередъ, какъ щитъ. Онъ понималъ, что пришла его гибель.

Рама широко распахнулась, но вмѣсто ночной свѣжести и аромата липъ въ комнату ворвался запахъ погребя. Покойница вступила на подоконникъ. Римскій отчетливо видѣлъ пятна тлѣнія на ея груди.

И въ это время радостный неожиданный крикъ пѣтуха долетѣлъ изъ сада, изъ того низкаго зданія за тиромъ, гдѣ содержались птицы, участвовавшія въ программахъ. Горластый дрессированный пѣтухъ трубилъ, возвѣщая, что къ Москвѣ съ востока катится разсвѣтъ.

Дикая ярость исказила лицо дѣвицы, она испустила хриплое ругательство, а Варенуха у дверей взвизгнулъ и обрушился изъ воздуха на полъ.

Крикъ пѣтуха повторился, дѣвица щелкнула зубами, и рыжіе ея волосы поднялись дыбомъ. Съ третьимъ крикомъ пѣтуха она повернулась и вылетѣла вонъ. И вслѣдъ за нею, подпрыгнувъ и вытянувшись горизонтально въ воздухѣ, напоминая летящаго купидона, выплылъ медленно въ окно черезъ письменный столъ Варенуха.

Сѣдой какъ снѣгъ, безъ единаго чернаго волоса старикъ, который недавно еще былъ Римскимъ,

подбѣжалъ къ двери, отстегнулъ пуговку, открылъ дверь и кинулся бѣжать по темному коридору. У поворота на лѣстницу онъ, стеноя отъ страха, нащупалъ выключатель, и лѣстница освѣтилась. На лѣстницѣ трясущійся, дрожащій старикъ упалъ, потому что ему показалось, что на него сверху мягко обрушился Варенуха.

Сбѣжавъ внизъ, Римскій увидѣлъ дежурнаго, заснувшаго на стулѣ у кассы въ вестибюлѣ. Римскій пробрался мимо него на цыпочкахъ и выскользнулъ въ главную дверь. На улицѣ ему стало нѣсколько легче. Онъ настолько пришелъ въ себя, что, хватаясь за голову, сумѣлъ сообразить, что шляпа его осталась въ кабинетѣ.

Само собой разумѣется, что за нею онъ не вернулся, а, задыхаясь, побѣжалъ черезъ широкую улицу на противоположный уголъ у кинотеатра, возлѣ котораго маячилъ красноватый тусклый огонекъ. Черезъ минуту онъ былъ уже возлѣ него. Никто не успѣлъ перехватить машину.

— Къ курьерскому ленинградскому, дамъ на чай, — тяжело дыша и держась за сердцѣ, проговорилъ старикъ.

— Въ гаражъ ѣду, — съ ненавистью отвѣтилъ шоферъ и отвернулся.

Тогда Римскій разстегнулъ портфель, вытащилъ оттуда пятьдесятъ рублей и протянулъ ихъ сквозь открытое переднее окно шоферу.

Черезъ нѣсколько мгновений дребезжащая машина, какъ вихрь, летѣла по кольцу Садовой. Сѣдока трепало на сидѣннѣ, и въ осколкѣ зеркала, повѣшеннаго передъ шоферомъ, Римскій видѣлъ то радостные глаза шофера, то безумные свои.

Выскочивъ изъ машины передъ зданіемъ вокзала, Римскій крикнулъ первому попавшемуся человѣку въ бѣломъ фартукѣ и съ бляхой:

— Первую категорію, одинъ, тридцать дамъ, — комкая, онъ вынималъ изъ портфеля червонцы, — нѣтъ первой — вторую, если нѣту — бери жесткій.

Человѣкъ съ бляхой, оглядываясь на свѣтящіеся часы, рвалъ изъ рукъ Римскаго червонцы.

Черезъ пять минутъ изъ-подъ стекляннаго купола вокзала исчезъ курьерскій и начисто пропалъ въ темнотѣ. Съ нимъ вмѣстѣ пропалъ и Римскій.

Сонъ Никанора Ивановича

Нетрудно догадаться, что толстякъ съ багровой физиономіей, котораго помѣстили въ клиникѣ въ комнатѣ № 119, былъ Никаноръ Ивановичъ Босой.

Попалъ онъ, однако, къ профессору Стравинскому не сразу, а предварительно побывавъ въ другомъ мѣстѣ.

Отъ другого этого мѣста у Никанора Ивановича осталось въ воспоминаніи мало чего. Помнился только письменный столъ, шкафъ и диванъ.

Тамъ съ Никаноромъ Ивановичемъ, у котораго передъ глазами какъ-то мутилось отъ приливовъ крови и душевнаго возбужденія, вступили въ разговоръ, но разговоръ вышелъ какой-то странный, путанный, а вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не вышелъ.

Первый же вопросъ, который былъ заданъ Никанору Ивановичу, былъ таковъ:

— Вы Никаноръ Ивановичъ Босой, предсѣдатель домкома номеръ триста два-бисъ по Садовой?

На это Никаноръ Ивановичъ, разсмѣявшись страшнымъ смѣхомъ, отвѣтилъ буквально такъ:

— Я Никаноръ, конечно, Никаноръ! Но какой же я къ шуту предсѣдатель!

— То есть какъ? — спросили у Никанора Ивановича, прищуриваясь.

— А такъ, — отвѣтилъ онъ, — что ежели я предсѣдатель, то я сразу долженъ былъ установить, что онъ нечистая сила! А то что же это? Пенсне треснуло... вѣсь въ рванинѣ... Какой же онъ можетъ быть переводчикъ у иностранца!

— Про кого говорите? — спросили у Никанора Ивановича.

— Коровьевъ! — вскричалъ Никаноръ Ивановичъ, — въ пятидесятой квартирѣ у насъ засѣлъ! Пишите: Коровьевъ. Его немедленно надо изловить! Пишите: шестое парадное, тамъ онъ.

— Откуда валюту взялъ? — задумчиво спросили у Никанора Ивановича.

— Богъ истинный, Богъ всемогущій, — заговорилъ Никаноръ Ивановичъ, — все видитъ, а мнѣ туда и дорога. Въ рукахъ никогда не держалъ и не подозревалъ, какая такая валюта! Господь меня наказуетъ за скверну мою, — съ чувствомъ продолжалъ Никаноръ Ивановичъ, то застегивая рубашку, то разстегивая, то крестясь, — бралъ! Бралъ, но бралъ нашими совѣтскими! Прописывалъ за деньги, не спорю, бывало. Хорошъ и нашъ секретарь Пролежневъ, тоже хорошъ! Прямо скажемъ, всѣ воры въ домоуправленіи. Но валюты я не бралъ!

На просьбу не валять дурака, а рассказывать, какъ попали доллары въ вентиляцію, Никаноръ Ивановичъ сталъ на колѣни и качнулся, раскрывая ротъ, какъ бы желая проглотить паркетную шашку.

— Желаете, — промычалъ онъ, — землю буду ѣсть, что не бралъ? А Коровьевъ — онъ чертъ.

Всякому терпѣнью положень предѣлъ, и за столомъ уже повысили голосъ, намекнули Никанору Ивановичу, что ему пора заговорить на человѣческомъ языкѣ.

Тутъ комнату съ этимъ самымъ диваномъ огласилъ дикій ревъ Никанора Ивановича, вскочившаго съ колѣнъ:

— Вонъ онъ! Вонъ онъ за шкафомъ! Вотъ ухмыляется! И пенсне его... Держите его! Окропите помѣщеніе!

Кровь отлила отъ лица Никанора Ивановича, онъ, дрожа, крестилъ воздухъ, метался къ двери и обратно, запѣлъ какую-то молитву и, наконецъ, понесъ полную околесицу.

Стало совершенно ясно, что Никаноръ Ивановичъ ни къ какимъ разговорамъ не пригоденъ. Его вывели, помѣстили въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ онъ нѣсколько поутихъ и только молился и всхлипывалъ.

На Садовую, конечно, съѣздили и въ квартирѣ № 50 побывали. Но никакого Коровьева тамъ не нашли, и никакого Коровьева никто въ домѣ не зналъ и не видѣлъ. Квартира, занимаемая покойнымъ Берлюзомъ и уѣхавшимъ въ Ялту Лиходѣевымъ, была совершенно пуста, и въ кабинетѣ мирно висѣли никѣмъ не поврежденныя сургучныя печати на шкафахъ. Съ тѣмъ и уѣхали съ Садовой, причемъ съ уѣхавшими отбылъ растерянный и подавленный секретарь домоуправленія Прележневъ.

Вечеромъ Никаноръ Ивановичъ былъ доставленъ въ клинику Стравинскаго. Тамъ онъ повелъ себя настолько безпокойно, что ему пришлось сдѣлать впрыскиваніе по рецепту Стравинскаго, и лишь послѣ полуночи Никаноръ Ивановичъ уснулъ въ 119-й комнатѣ, изрѣдка издавая тяжелое страдальческое мычаніе. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ легче становился его сонъ. Онъ пересталъ ворочаться и стонать, задышалъ легко и ровно, и его оставили одного.

Тогда Никанора Ивановича посѣтило сновидѣніе, въ основѣ котораго, несомнѣнно, были его сегодняшніе переживанія. Началось съ того, что Никанору Ивановичу привидѣлось, будто бы какіе-то люди съ золотыми трубами въ рукахъ подводятъ его, и очень торжественно, къ большимъ лакированнымъ дверямъ. У этихъ дверей спутники сыграли будто бы

тушь Никанору Ивановичу, а затѣмъ гулкій басъ съ небесъ весело сказалъ:

— Добро пожаловать, Никаноръ Ивановичъ! Сдавайте валюту.

Удивившись крайне, Никаноръ Ивановичъ увидѣлъ надъ собой черный громкоговоритель.

Затѣмъ онъ почему-то очутился въ театральномъ залѣ, гдѣ подъ золоченымъ потолкомъ сіяли хрустальные люстры, а на стѣнахъ кенкеты. Все было какъ слѣдуетъ, какъ въ небольшомъ по размѣрамъ, но богатомъ театрѣ. Имѣлась сцена, задернутая бархатнымъ занавѣсомъ, по темно-вишневому фону усѣяннымъ, какъ звѣздочками, изображеніями золотыхъ увеличенныхъ десятокъ, суфлерская будка и даже публика.

Удивило Никанора Ивановича то, что вся эта публика была одного пола — мужского, и вся почему-то съ бородами. Кромѣ того, поражало, что въ театральномъ залѣ не было стульевъ, и вся эта публика сидѣла на полу, великолѣпно натертомъ и скользкомъ.

Конфузясь въ новомъ и большомъ обществѣ, Никаноръ Ивановичъ, помявшись нѣкоторое время, послѣдовалъ общему примѣру и усѣлся на паркетъ потурецки, примостившись между какимъ-то рыжимъ здоровякомъ-бородачомъ и другимъ, блѣднымъ и сильно заросшимъ гражданиномъ. Никто изъ сидящихъ не обратилъ вниманія на новоприбывшаго зрителя.

Тутъ послышался мягкій звонъ колокольчика, свѣтъ въ залѣ потухъ, занавѣсъ разошлась, и обнаружилась освѣщенная сцена съ кресломъ, столикомъ, на которомъ былъ золотой колокольчикъ, и съ глухимъ чернымъ бархатнымъ задникомъ.

Изъ кулисъ тутъ вышелъ артистъ въ смокингѣ, гладко выбритый и причесанный на проборъ, молодой и съ очень пріятными чертами лица. Публика въ залѣ

оживилась, и всѣ повернулись къ сценѣ. Артистъ подошелъ къ будкѣ и потеръ руки.

— Сидите? — спросилъ онъ мягкимъ баритономъ и улыбнулся залу.

— Сидимъ, сидимъ, — хоромъ отвѣтили ему изъ зала тенора и басы.

— Гмъ... — заговорилъ задумчиво артистъ, — и какъ вамъ не надоѣстъ, я не понимаю? Всѣ люди какъ люди, ходятъ сейчасъ по улицамъ, наслаждаются весеннимъ солнцемъ и тепломъ, а вы здѣсь на полу торчите въ душномъ залѣ! Неужто ужъ программа такая интересная? Впрочемъ, что кому нравится, — философски закончилъ артистъ.

Затѣмъ онъ перемѣнилъ и тембръ голоса, и интонаціи и весело и звучно объявилъ:

— Итакъ, слѣдующимъ номеромъ нашей программы — Никаноръ Ивановичъ Босой, предсѣдатель домового комитета и завѣдующій діетической столовкой. Попросимъ Никанора Ивановича!

Дружный аплодисментъ былъ отвѣтомъ артисту. Удивленный Никаноръ Ивановичъ вытаращилъ глаза, а конферансье, закрывшись рукою отъ свѣта лампы, нашелъ его взоромъ среди сидящихъ и ласково поманилъ его пальцемъ на сцену. И Никаноръ Ивановичъ, не помня какъ, оказался на сценѣ.

Въ глаза ему снизу и спереди ударилъ свѣтъ цвѣтныхъ лампъ, отчего сразу провалился въ темноту залъ съ публикой.

— Ну-съ, Никаноръ Ивановичъ, покажите намъ примѣръ, — задушевно заговорилъ молодой артистъ, — и сдавайте валюту.

Наступила тишина. Никаноръ Ивановичъ перевелъ духъ и тихо заговорилъ:

— Богомъ клянусь, что...

Но не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ

вѣсь залъ разразился криками негодованія. Никаноръ Ивановичъ растерялся и умолкъ.

— Насколько я понялъ васъ, — заговорилъ ведущій программу, — вы хотѣли поклясться Богомъ, что у васъ нѣтъ валюты? — и онъ участливо поглядѣлъ на Никанора Ивановича.

— Такъ точно, нѣту, — отвѣтилъ Никаноръ Ивановичъ.

— Такъ, — отозвался артистъ, — а простите за нескромность: откуда же взялись четыреста долларовъ, обнаруженные въ уборной той квартиры, единственнымъ обитателемъ коей являетесь вы съ вашей супругой?

— Волшебные! — явно иронически сказалъ кто-то въ темномъ залѣ.

— Такъ точно, волшебные, — робко отвѣтилъ Никаноръ Ивановичъ по неопредѣленному адресу, не то артисту, не то въ темный залъ, и пояснилъ: — Нечистая сила, клѣтчатый переводчикъ подбросилъ.

И опять негодующе взревѣлъ залъ. Когда же настала тишина, артистъ сказалъ:

— Вотъ какіе басни Лафонтена приходится мнѣ выслушивать! Подбросили четыреста долларовъ! Вотъ вы: всѣ вы здѣсь валютчики! Обращаюсь къ вамъ какъ къ специалистамъ — мыслимое ли это дѣло?

— Мы не валютчики, — раздались отдѣльные обиженные голоса въ залѣ, — но дѣло это невысказанное.

— Цѣликомъ присоединяюсь, — твердо сказалъ артистъ, — и спрошу васъ: что могутъ подбросить?

— Ребенка! — крикнулъ кто-то изъ зала.

— Абсолютно вѣрно, — подтвердилъ ведущій программу, — ребенка, анонимное письмо, прокламацію, адскую машину, мало ли что еще, но четыреста долларовъ никто не станетъ подбрасывать, ибо такого идіота въ природѣ не имѣется, — и, обратившись къ Никанору Ивановичу, артистъ добавилъ укоризненно и

печально: — Огорчили вы меня, Никаноръ Ивановичъ! А я-то на васъ надѣялся. И такъ, номеръ нашъ не удался.

Въ залѣ раздался свистъ по адресу Никанора Ивановича.

— Валютчикъ онъ! — выкрикивали въ залѣ, — изъ-за такихъ-то и мы невинно терпимъ!

— Не ругайте его, — мягко сказалъ конферансье, — онъ раскается. — И, обративъ къ Никанору Ивановичу полные слезъ голубые глаза, добавилъ: — Ну, идите, Никаноръ Ивановичъ, на мѣсто!

Послѣ этого артистъ позвонилъ въ колокольчикъ и громко объявилъ:

— Антрактъ, негодяи!

Потрясенный Никаноръ Ивановичъ, неожиданно для себя ставшій участникомъ какой-то театральной программы, опять оказался на своемъ мѣстѣ на полу. Тутъ ему приснилось, что залъ погрузился въ полную тьму и что на стѣнахъ выскочили красныя горящія слова: «Сдавайте валюту!» Потомъ опять раскрылся занавѣсъ, и конферансье пригласилъ:

— Попрошу на сцену Сергѣя Герардовича Дунчиля.

Дунчиль оказался благообразнымъ, но сильно запущеннымъ мужчиной лѣтъ пятидесяти.

— Сергѣй Герардовичъ, — обратился къ нему конферансье, — вотъ уже полтора мѣсяца вы сидите здѣсь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у васъ валюту, въ то время какъ страна нуждается въ ней, а вамъ она совершенно ни къ чему, а вы все-таки упорствуете. Вы — человѣкъ интеллигентный, прекрасно все это понимаете и все же не хотите пойти мнѣ навстрѣчу.

— Къ сожалѣнію, ничего сдѣлать не могу, такъ какъ валюты у меня больше нѣтъ, — спокойно отвѣтилъ Дунчиль.

— Такъ нѣтъ ли, по крайней мѣрѣ, брилліантовъ? — спросилъ артистъ.

— И брилліантовъ нѣтъ.

Артистъ повѣсилъ голову и задумался, а потомъ хлопнулъ въ ладоши. Изъ кулисы вышла на сцену среднихъ лѣтъ дама, одѣтая по модѣ, то есть въ пальто безъ воротника и въ крошечной шляпкѣ. Дама имѣла встревоженный видъ, а Дунчиль поглядѣлъ на нее, не шевельнувъ бровью.

— Кто эта дама? — спросилъ ведущій программу у Дунчиля.

— Это моя жена, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Дунчиль и посмотрѣлъ на длинную шею дамы съ нѣкоторымъ отвращеніемъ.

— Мы потревожили васъ, мадамъ Дунчиль, — отнесся къ дамѣ конферансье, — вотъ по какому поводу: мы хотѣли васъ спросить, есть ли еще у вашего супруга валюта?

— Онъ тогда все сдалъ, — волнуясь, отвѣтила мадамъ Дунчиль.

— Такъ, — сказалъ артистъ, — ну, что же, разъ такъ, то такъ. Если все сдалъ, то намъ надлежитъ немедленно разстаться съ Сергѣемъ Герардовичемъ, что же подѣлаешь! Если угодно, вы можете покинуть театръ, Сергѣй Герардовичъ, — и артистъ сдѣлалъ царственный жестъ.

Дунчиль спокойно и съ достоинствомъ повернулся и пошелъ къ кулисѣ.

— Одну минуточку! — остановилъ его конферансье, — позвольте мнѣ на прощаньѣ показать вамъ еще одинъ номеръ изъ нашей программы, — и опять хлопнулъ въ ладоши.

Черный задній занавѣсъ раздвинулся, и на сцену вышла юная красавица въ бальномъ платьѣ, держащая въ рукахъ золотой подносикъ, на которомъ лежала

толстая пачка, перевязанная конфетной лентой, и бриллиантовое кольцо, отъ котораго во всѣ стороны отскакивали синіе, желтые и красные огни.

Дунчиль отступилъ на шагъ, и лицо его покрылось блѣдностью. Залъ замеръ.

— Восемнадцать тысячъ долларовъ и кольцо въ сорокъ тысячъ золотомъ, — торжественно объявилъ артистъ, — хранилъ Сергѣй Герардовичъ въ городѣ Харьковѣ въ квартирѣ своей любовницы Иды Геркулановны Ворсъ, которую мы имѣемъ удовольствіе видѣть передъ собою и которая любезно помогла обнаружить эти безцѣнные, но безцѣльные въ рукахъ частнаго лица сокровища. Большое спасибо, Ида Геркулановна.

Красавица, улыбнувшись, сверкнула зубами, и мохнатые ея рѣсницы дрогнули.

— А подъ вашею полною достоинства личиною, — отнесся артистъ къ Дунчилю, — скрывается жадный паукъ и паразитительный охмуряло и врунь. Вы извели всѣхъ за полтора мѣсяца своимъ тупымъ упрямствомъ. Ступайте же теперь домой, и пусть тотъ адъ, который устроить вамъ ваша супруга, будетъ вамъ наказаніемъ.

Дунчиль качнулся и, кажется, хотѣлъ повалиться, но чьи-то участливыя руки подхватили его. Тутъ рухнулъ передній занавѣсъ и скрылъ всѣхъ бывшихъ на сценѣ.

Бѣшенныя рукоплесканія потрясли залъ до того, что Никанору Ивановичу показалось, будто въ люстрахъ запрыгали огни. А когда передній черный занавѣсъ ушелъ вверхъ, на сценѣ уже никого не было, кромѣ одинокаго артиста. Онъ сорвалъ второй залпъ рукоплесканій, раскланялся и заговорилъ:

— Въ лицѣ этого Дунчиля передъ вами выступилъ въ нашей программѣ типичный осель. Вѣдь я же имѣлъ удовольствіе говорить вчера, что тайное

храненіе валюты является безсмыслицей. Использовать ее никто не можетъ ни при какихъ обстоятельствахъ, увѣряю васъ. Возьмемъ хотя бы этого Дунчиля. Онъ получаетъ великолѣпное жалованье и ни въ чемъ не нуждается. У него прекрасная квартира, жена и красавица любовница. Такъ нѣтъ же, вмѣсто того, чтобы жить тихо и мирно, безъ всякихъ непріятностей, сдавъ валюту и камни, этотъ корыстный болванъ добился все-таки того, что разоблаченъ при всѣхъ и на закуску нажилъ крупнѣйшую семейную непріятность. И такъ, кто сдаетъ? Нѣтъ желающихъ? Въ такомъ случаѣ слѣдующимъ номеромъ нашей программы — извѣстный драматическій талантъ, артистъ Куролесовъ Савва Потаповичъ, спеціально приглашенный, исполнить отрывокъ изъ «Скупого рыцаря» поэта Пушкина.

Обѣщанный Куролесовъ не замедлилъ появиться на сценѣ и оказался рослымъ и мясистымъ бритымъ мужчиной во фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

Безъ всякихъ предисловій онъ скроилъ мрачное лицо, сдвинулъ брови и заговорилъ ненатуральнымъ голосомъ, косясь на золотой колокольчикъ:

— Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья съ какой-нибудь развратницей лукавой...

И Куролесовъ рассказалъ о себѣ много нехорошаго. Никаноръ Ивановичъ слышалъ, какъ Куролесовъ признавался въ томъ, что какая-то несчастная вдова, воя, стояла передъ нимъ на колѣняхъ подъ дождемъ, но не тронула черстваго сердца артиста. Никаноръ Ивановичъ до своего сна совершенно не зналъ произведеній поэта Пушкина, но самого его зналъ прекрасно и ежедневно по нѣскольку разъ произносилъ фразы вродѣ: «А за квартиру Пушкинъ платитъ будетъ?» Или «Лампочку на лѣстницѣ, стало быть, Пушкинъ вывинтилъ?», «Нефть, стало быть, Пушкинъ покупать будетъ?»

Теперь, познакомившись съ однимъ изъ его произведеній, Никаноръ Ивановичъ загрустиль, представиль себѣ женщину на колѣняхъ, съ сиротами, подъ дождемъ, и невольно подумалъ: «А типъ все-таки этотъ Куролесовъ!»

А тотъ, все повышая голосъ, продолжалъ каяться и окончательно запуталъ Никанора Ивановича, потому что вдругъ сталъ обращаться къ кому-то, кого на сценѣ не было, и за этого отсутствующаго самъ же себѣ и отвѣчалъ, причемъ называлъ себя то «государемъ», то «барономъ», то «отцомъ», то «сыномъ», то на «вы», то на «ты».

Никаноръ Ивановичъ понялъ только одно, что померъ артистъ злою смертью, прокричавъ: «Ключи! Ключи мои!» — повалившись послѣ этого на полъ, хрипя и осторожно срывая съ себя галстухъ.

Умеревъ, Куролесовъ поднялся, отряхнулъ пыль съ фракныхъ брюкъ, поклонился, улыбнувшись фальшивой улыбкой, и удалился при жидкихъ аплодисментахъ. А конференсье заговориль такъ:

— Мы прослушали съ вами въ замѣчательномъ исполненіи Саввы Потаповича «Скупого рыцаря». Этотъ рыцарь надѣялся, что рѣзвья нимфы сбѣгутся къ нему и произойдетъ еще многое пріятное въ томъ же духѣ. Но, какъ видите, ничего этого не случилось, никакіе нимфы не сбѣжались къ нему, и музы ему дань не принесли, и чертоговъ онъ никакихъ не воздвигъ, а, наоборотъ, кончилъ очень скверно, померъ къ чертовой матери отъ удара на своемъ сундукѣ съ валютой и камнями. Предупреждаю васъ, что и съ вами случится что-нибудь въ этомъ родѣ, если только не хуже, ежели вы не сдадите валюту!

Поэзія ли Пушкина произвела такое впечатлѣніе или прозаическая рѣчь конференсье, но только вдругъ изъ зала раздался застѣнчивый голосъ:

— Я сдаю валюту.

— Милости прошу на сцену! — вѣжливо пригласилъ конферансье, всматриваясь въ темный залъ.

И на сценѣ оказался маленькаго роста бѣлокурый гражданинъ, судя по лицу, не брившійся около трехъ недѣль.

— Виноватъ, какъ ваша фамилія? — освѣдомился конферансье.

— Канавкинъ Николай, — застѣнчиво отозвался появившійся.

— А! Очень пріятно, гражданинъ Канавкинъ, итакъ?

— Сдаю, — тихо сказалъ Канавкинъ.

— Сколько?

— Тысячу долларовъ и двадцать золотыхъ десятокъ.

— Bravo! Все, что есть?

Ведущій программу уставился прямо въ глаза Канавкину, и Никанору Ивановичу даже показалось, что изъ этихъ глазъ брызнули лучи, пронизывающіе Канавкина насквозь, какъ бы рентгеновскіе лучи. Въ залѣ перестали дышать.

— Вѣрю! — наконецъ воскликнулъ артистъ и погасилъ свой взоръ, — вѣрю! Эти глаза не лгутъ. Вѣдь сколько же разъ я говорилъ вамъ, что основная ваша ошибка заключается въ томъ, что вы недооцѣниваете значенія человѣческихъ глазъ. Поймите, что языкъ можетъ скрыть истину, а глаза — никогда! Вамъ задаютъ внезапный вопросъ, вы даже не вздрагиваете, въ одну секунду овладѣваете собой и знаете, что нужно сказать, чтобы укрыть истину, и весьма убѣдительно говорите, и ни одна складка на вашемъ лицѣ не шевельнется, но, увы, встревоженная вопросомъ истина со дна души на мгновеніе прыгаетъ въ глаза, и все кончено. Она замѣчена, а вы пойманы!

Произнеся, и съ большимъ жаромъ, эту очень убѣдительную рѣчь, артистъ ласково освѣдомился у Канавкина:

— Гдѣ же спрятаны?

— У тетки моей, Пороховниковой, на Пречистенкѣ...

— А! Это... постойте... это у Клавдіи Ильиничны, что ли?

— Да.

— Ахъ да, да, да! Маленькій особнячокъ? Напротивъ еще палисадничекъ? Какъ же, знаю, знаю! А куда жъ вы ихъ тамъ засунули?

— Въ погребѣ, въ коробкѣ изъ-подъ Эйнама...

Артистъ всплеснулъ руками.

— Видали вы что-нибудь подобное? — вскричалъ онъ огорченно. — Да вѣдь они жъ тамъ заплѣсневѣютъ, отсырѣютъ! Ну мыслимо ли такимъ людямъ довѣрить валюту? А? Чисто какъ дѣти, ей-богу!

Канавкинъ и самъ понялъ, что нагрубилъ и проштрафился, и повѣсилъ свою хохлатую голову.

— Деньги, — продолжалъ артистъ, — должны храниться въ госбанкѣ, въ спеціальныхъ сухихъ и хорошо охраняемыхъ помѣщеніяхъ, а отнюдь не въ теткинѣ погребѣ, гдѣ ихъ могутъ, въ частности, попортить крысы! Право, стыдно, Канавкинъ! Вѣдь вы же взрослый человѣкъ.

Канавкинъ уже не зналъ, куда и дѣваться, и только колупалъ пальцемъ бортъ своего пиджачка.

— Ну ладно, — смягчился артистъ, — кто старое помянетъ... — И вдругъ добавилъ неожиданно: — Да, кстати: за однимъ разомъ чтобы, чтобы машину зря не гонять... у тетки этой самой вѣдь тоже есть? А?

Канавкинъ, никакъ не ожидавшій такого оборота дѣла, дрогнулъ, и въ театрѣ наступило молчаніе.

— Э, Канавкинъ, — укоризненно-ласково

сказалъ конферансье, — а я-то еще похвалилъ его! Натѣ, взялъ да и засбоилъ ни съ того ни съ сего! Нелѣпо это, Канавкинъ! Вѣдь я только что говорилъ про глаза. Вѣдь видно, что у тетки есть. Ну, чего вы насъ зря терзаете?

— Есть! — залихватски крикнулъ Канавкинъ.

— Bravo! — крикнулъ конферансье.

— Bravo! — страшно взревѣлъ залъ.

Когда утихло, конферансье поздравилъ Канавкина, пожалъ ему руку, предложилъ отвезти въ городъ въ машинѣ домой, и въ этой же машинѣ приказалъ кому-то въ кулисахъ заѣхать за теткой и просить ее пожаловать въ женскій театръ на программу.

— Да, я хотѣлъ спросить, — тетка не говорила, гдѣ свои прячетъ? — освѣдомился конферансье, любезно предлагая Канавкину папиросу и зажженную спичку. Тотъ, закуривая, усмѣхнулся какъ-то тоскливо.

— Вѣрю, вѣрю, — вздохнувъ, отозвался артистъ, — эта сквалыга не то что племяннику — черту не скажетъ этого. Ну, что же, попробуемъ пробудить въ ней человѣческія чувства. Быть можетъ, еще не всѣ струны сгнили въ ея ростовщицъей душонкѣ. Всего добраго, Канавкинъ!

И счастливый Канавкинъ уѣхалъ. Артистъ освѣдомился, нѣтъ ли еще желающихъ сдать валюту, но получилъ въ отвѣтъ молчаніе.

— Чудаки, ей-богу! — пожавъ плечами, проговорилъ артистъ, и занавѣсъ скрылъ его.

Лампы погасли, нѣкоторое время была тьма, и издалека въ ней слышался нервный теноръ, который пѣлъ:

«Тамъ груды золота лежатъ и мнѣ онѣ принадлежатъ!»

Потомъ откуда-то издалека дважды донесся аплодисментъ.

— Въ женскомъ театрѣ дамочка какая-то сдаетъ, — неожиданно проговорилъ рыжій бородатый сосѣдъ Никанора Ивановича и, вздохнувъ, прибавилъ: — Эхъ, кабы не гуси мои! У меня, милый человекъ, бойцовые гуси въ Ліанозовѣ. Подохнутъ они, боюсь, безъ меня. Птица боевая, нѣжная, она требуетъ ухода... Эхъ, кабы не гуси! Пушкинымъ-то меня не удивишь, — и онъ опять завздыхалъ.

Тутъ залъ освѣтился ярко, и Никанору Ивановичу стало сниться, что изъ всѣхъ дверей въ него посыпались повара въ бѣлыхъ колпакахъ и съ разливными ложками въ рукахъ. Поварята втащили въ залъ чанъ съ супомъ и лотокъ съ нарѣзаннымъ чернымъ хлѣбомъ. Зрители оживились. Веселые повара шныряли между театрами, разливали супъ въ миски и раздавали хлѣбъ.

— Обѣдайте, ребята, — кричали повара, — и сдавайте валюту! Чего вамъ зря здѣсь сидѣть? Охота была эту баланду хлебать. Поѣхалъ домой, выпилъ какъ слѣдуетъ, закусилъ, хорошо!

— Ну, чего ты, напримѣръ, засѣлъ здѣсь, отецъ? — обратился непосредственно къ Никанору Ивановичу толстый съ малиновой шеей поваръ, протягивая ему миску, въ которой въ жидкости одиноко плавалъ капустный листъ.

— Нѣту! Нѣту! Нѣту у меня! — страшнымъ голосомъ прокричалъ Никаноръ Ивановичъ, — понимаешь, нѣту!

— Нѣту? — грознымъ басомъ взревѣлъ поваръ, — нѣту? — женскимъ ласковымъ голосомъ спросилъ онъ, — нѣту, нѣту, — успокоительно забормоталъ онъ, превращаясь въ фельдшеру Прасковью Ѳедоровну.

Та ласково трясла стонущаго во снѣ Никанора Ивановича за плечо. Тогда растаяли повара и развалился театръ съ занавѣсомъ. Никаноръ Ивановичъ

сквозь слезы разглядѣлъ свою комнату въ лѣчебницѣ и двухъ въ бѣлыхъ халатахъ, но отнюдь не развязныхъ поваровъ, сующихся къ людямъ со своими совѣтами, а доктора и все ту же Прасковью Ѳедоровну, держащую въ рукахъ не миску, а тарелочку, накрытую марлей, съ лежащимъ на ней шприцемъ.

— Вѣдь это что же, — горько говорилъ Никаноръ Ивановичъ, пока ему дѣлали уколъ, — нѣту у меня и нѣту! Пусть Пушкинъ имъ сдаетъ валюту. Нѣту!

— Нѣту, нѣту, — успокаивала добросердечная Прасковья Ѳедоровна, — а на нѣтъ и суда нѣтъ.

Никанору Ивановичу polegало послѣ впрыскиванія, и онъ заснулъ безъ всякихъ сновидѣній.

Но благодаря его выкрикамъ тревога передалась въ 120-ю комнату, гдѣ больной проснулся и сталъ искать свою голову, и въ 118-ю, гдѣ забеспокоился неизвѣстный мастеръ и въ тоскѣ заломилъ руки, глядя на луну, вспоминая горькую, послѣднюю въ жизни осеннюю ночь, полоску свѣта изъ-подъ двери въ подвалѣ и разившіеся волосы.

Изъ 118-й комнаты тревога по балкону перелетѣла къ Ивану, и онъ проснулся и заплакалъ.

Но врачъ быстро успокоилъ всѣхъ встревоженныхъ, скорбныхъ главою, и они стали засыпать. Позднѣе всѣхъ забылся Иванъ, когда надъ рѣкой уже свѣтало. Послѣ лѣкарства, напоившаго все его тѣло, успокоеніе пришло къ нему, какъ волна, накрывшая его. Тѣло его облегчилось, а голову обдувала теплымъ вѣтеркомъ дрема. Онъ заснулъ, и послѣднее, что онъ слышалъ наяву, было предразсвѣтное щебетаніе птицъ въ лѣсу. Но они вскорѣ умолкли, и ему стало сниться, что солнце уже снижалось надъ Лысой Горой, и была эта гора оцѣплена двойнымъ оцѣпленіемъ...

Глава 16

Казнь

Солнце уже снижалось надъ Лысой Горой, и была эта гора оцѣплена двойнымъ оцѣпленіемъ.

Та кавалерійская ала, что перерѣзала прокуратору путь около полудня, рысью вышла къ Хевровскимъ воротамъ города. Путь для нее уже былъ приготовленъ. Пѣхотинцы каппадокійской когорты отдавали въ стороны скопища людей, муловъ и верблюдовъ, и ала, рыся и поднимая до неба бѣлые столбы пыли, вышла на перекрестокъ, гдѣ сходились двѣ дороги: южная, ведущая въ Виѳлеемъ, и сѣверо-западная — въ Яффу. Ала понеслась по сѣверо-западной дорогѣ. Тѣ же каппадокійцы были разсыпаны по краямъ дороги, и заблаговременно они согнали съ нее въ стороны всѣ караваны, спѣшившіе на праздникъ въ Ершалаимъ. Толпы богомольцевъ стояли за каппадокійцами, покинувъ свои временные полосатые шатры, раскинутые прямо на травѣ. Пройдя около километра, ала обогнала вторую когорту молніеноснаго легіона и первая подошла, покрывъ еще километръ, къ подножію Лысой Горы. Здѣсь она спѣшилась. Командиръ разсыпалъ алу на взводы, и они оцѣпили все подножіе невысокаго холма, оставивъ свободнымъ только одинъ подъемъ на него съ Яффской дороги.

Черезъ нѣкоторое время за алой подошла къ холму вторая когорта, поднялась на одинъ ярусъ выше и вѣнцомъ опоясала гору.

Наконецъ подошла кентурія подъ командой Марка Крысобоя. Она шла, растянутая двумя цѣпями по краямъ дороги, а между этими цѣпями, подъ конвоемъ тайной стражи, ѣхали въ повозкѣ трое осужденныхъ съ

бѣлыми досками на шеѣ, на каждой изъ которыхъ было написано «Разбойникъ и мятежникъ» на двухъ языкахъ — арамейскомъ и греческомъ. За повозкой осужденныхъ двигались другіе, нагруженные свѣжеотесанными столбами съ перекладинами, веревками, лопатами, ведрами и топорами. На этихъ повозкахъ ѣхали шесть палачей. За ними верхомъ ѣхали кентуріонъ Маркъ, начальникъ храмовой стражи въ Ершалаимѣ и тотъ самый человекъ въ капюшонѣ, съ которымъ Пилать имѣлъ мимолетное совѣщаніе въ затемненной комнатѣ во дворцѣ. Замыкалась процессія солдатской цѣпью, а за нею уже шло около двухъ тысячъ любопытныхъ, не испугавшихся адской жары и желавшихъ присутствовать при интересномъ зрѣлищѣ.

Къ этимъ любопытнымъ изъ города присоединились теперь любопытные богомольцы, которыхъ безпрепятственно пропускали въ хвостъ процессіи. Подъ тонкіе выкрики глашатаевъ, сопровождавшихъ колонну и кричавшихъ то, что около полудня прокричалъ Пилать, она втянулась на лысую гору.

Ала пропустила всѣхъ во второй ярусъ, а вторая кентурія пропустила наверхъ только тѣхъ, кто имѣлъ отношеніе къ казни, а затѣмъ, быстро маневрируя, разсѣяла толпу вокругъ всего холма, такъ что та оказалась между пѣхотнымъ оцѣпленіемъ вверху и кавалерійскимъ внизу. Теперь она могла видѣть казнь сквозь неплотную цѣпь пѣхотинцевъ.

Итакъ, прошло со времени подъема процессіи на гору болѣе трехъ часовъ, и солнце уже снижалось надъ Лысой Горой, но жаръ еще былъ невыносимъ, и солдаты въ обоихъ оцѣпленіяхъ страдали отъ него, томились отъ скуки и въ душѣ проклинали трехъ разбойниковъ, искренне желая имъ скорѣйшей смерти.

Маленькій командиръ алы со взмокшимъ лбомъ и

въ темной отъ пота на спинѣ бѣлой рубахѣ, находившійся внизу холма у открытаго подъема, то и дѣло подходилъ къ кожаному ведру въ первомъ взводѣ, черпаль изъ него пригоршнями воду, пилъ и мочилъ свой тюрбанъ. Получивъ отъ этого нѣкоторое облегченіе, онъ отходилъ и вновь начиналъ мѣрить взадъ и впередъ пыльную дорогу, ведущую на вершину. Длинный мечъ его стучалъ по кожаному шнурованному сапогу. Командиръ желалъ показать своимъ кавалеристамъ примѣръ выносливости, но, жалѣя солдатъ, разрѣшилъ имъ изъ пикъ, воткнутыхъ въ землю, устроить пирамиды и набросить на нихъ бѣлые плащи. Подъ этими шалашами и скрывались отъ безжалостнаго солнца сирійцы. Ведра пустѣли быстро, и кавалеристы изъ разныхъ взводовъ по очереди отправлялись за водой въ балку подъ горой, гдѣ въ жидкой тѣни тощихъ тутовыхъ деревьевъ доживалъ свои дни на этой дьявольской жарѣ мутноватый ручей. Тутъ же стояли, лоя нестойкую тѣнь, и скучали коноводы, державшіе присмирѣвшихъ лошадей.

Томленіе солдатъ и брань ихъ по адресу разбойниковъ были понятны. Опасенія прокуратора насчетъ беспорядковъ, которые могли произойти во время казни въ ненавидимомъ имъ городѣ Ершалаимѣ, къ счастью, не оправдались. И когда побѣжалъ четвертый часъ казни, между двумя цѣпями, верхней пѣхотой и кавалеріей у подножія, не осталось, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, ни одного человѣка. Солнце сожгло толпу и погнало ее обратно въ Ершалаимъ. За цѣпью двухъ римскихъ кентурій оказались только двѣ неизвѣстно кому принадлежащія и зачѣмъ-то попавшія на холмъ собаки. Но и ихъ сморила жара, и онѣ легли, высунувъ языки, тяжело дыша и не обращая никакого вниманія на зеленоспинныхъ ящерицъ, единственныхъ существъ, не боящихся солнца и шныряющихъ межъ

раскаленными камнями и какими-то выющимися по землѣ растеніями съ большими колючками.

Никто не сдѣлалъ попытки отбивать осужденныхъ ни въ самомъ Ершалаимѣ, наводненномъ войсками, ни здѣсь, на оцѣпленномъ холмѣ, и толпа вернулась въ городъ, ибо, дѣйствительно, ровно ничего интереснаго не было въ этой казни, а тамъ въ городѣ уже шли приготовленія къ наступающему вечеромъ великому празднику пасхи.

Римская пѣхота во второмъ ярусѣ страдала еще больше кавалеристовъ. Кентуріонъ Крысобой единственно что разрѣшилъ солдатамъ — это снять шлемы и накрыться бѣлыми повязками, смоченными водой, но держалъ солдатъ стоя и съ копьями въ рукахъ. Самъ онъ въ такой же повязкѣ, но не смоченной, а сухой, расхаживалъ невдалекъ отъ группы палачей, не снявъ даже со своей рубахи накладныхъ серебряныхъ львиныхъ мордъ, не снявъ поножей, меча и ножа. Солнце било прямо въ кентуріона, не причиняя ему никакого вреда, и на львиныя морды нельзя было взглянуть, глаза выѣдалъ ослѣпительный блескъ какъ бы вскипавшаго на солнцѣ серебра.

На изуродованномъ лицѣ Крысобоя не выражалось ни утомленія, ни неудовольствія, и казалось, что великанъ кентуріонъ въ силахъ ходить такъ вѣсь день, всю ночь и еще день, — словомъ, столько, сколько будетъ надо. Все такъ же ходить, наложивъ руки на тяжелый съ мѣдными бляхами поясъ, все такъ же сурово поглядывая то на столбы съ казненными, то на солдатъ въ цѣпи, все такъ же равнодушно отбрасывая носкомъ мохнатаго сапога попадающіеся ему подъ ноги выбѣленные временемъ человѣческія кости или мелкіе кремни.

Тотъ человѣкъ въ капюшонѣ помѣстился недалеко отъ столбовъ на трехногомъ табуретѣ и сидѣлъ

въ благодушной неподвижности, изрѣдка, впрочемъ, отъ скуки прутикомъ расковыривая песокъ.

То, что было сказано о томъ, что за цѣпью легионеровъ не было ни одного человѣка, не совсѣмъ вѣрно. Одинъ-то человѣкъ былъ, но просто не всѣмъ онъ былъ виденъ. Онъ помѣстился не на той сторонѣ, гдѣ былъ открытъ подъемъ на гору и съ которой было удобнѣе всего видѣть казнь, а въ сторонѣ сѣверной, тамъ, гдѣ холмъ былъ не отлогъ и доступенъ, а неровенъ, гдѣ были и провалы и щели, тамъ, гдѣ, уцѣпившись въ расщелинѣ за проклятую небомъ безводную землю, пыталось жить больное фиговое деревцо.

Именно подъ нимъ, вовсе не дающимъ никакой тѣни, и утвердился этотъ единственный зритель, а не участникъ казни, и сидѣлъ на камнѣ съ самого начала, то есть вотъ уже четвертый часъ. Да, для того чтобы видѣть казнь, онъ выбралъ не лучшую, а худшую позицію. Но все-таки и съ нее столбы были видны, видны были за цѣпью и два сверкающія пятна на груди кентуріона, а этого, по-видимому, для человѣка, явно желавшаго остаться мало замѣченнымъ и никѣмъ не тревожимымъ, было совершенно достаточно.

Но часа четыре тому назадъ, при началѣ казни, этотъ человѣкъ велъ себя совершенно не такъ и очень могъ быть замѣченъ, отчего, вѣроятно, онъ и перемѣнилъ теперь свое поведеніе и уединился.

Тогда, лишь только процессія вошла на самый верхъ за цѣпь, онъ и появился впервые и притомъ какъ человѣкъ явно опоздавшій. Онъ тяжело дышалъ и не шелъ, а бѣжалъ на холмъ, толкался и, увидѣвъ, что передъ нимъ, какъ и передъ всѣми другими, сомкнулась цѣпь, сдѣлалъ наивную попытку, притворившись, что не понимаетъ раздраженныхъ окриковъ, прорваться между солдатами къ самому мѣсту казни, гдѣ уже снимали

осужденныхъ съ повозки. За это онъ получилъ тяжелый ударъ тупымъ концомъ копья въ грудь и отскочилъ отъ солдатъ, вскрикнувъ, но не отъ боли, а отъ отчаянія. Ударившаго легионера онъ окинулъ мутнымъ и совершенно равнодушнымъ ко всему взоромъ, какъ человѣкъ, не чувствительный къ физической боли.

Кашляя и задыхаясь, держась за грудь, онъ объжалъ кругомъ холма, стремясь на сѣверной сторонѣ найти какую-нибудь щель въ цѣпи, гдѣ можно было бы проскользнуть. Но было уже поздно. Кольцо сомкнулось. И человѣкъ съ искаженнымъ отъ горя лицомъ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ попытокъ прорваться къ повозкамъ, съ которыхъ уже сняли столбы. Эти попытки не къ чему не привели бы, кромѣ того, что онъ былъ бы схваченъ, а быть задержаннымъ въ этотъ день никоимъ образомъ не входило въ его планъ.

И вотъ онъ ушелъ въ сторону къ расщелинѣ, гдѣ было покойнѣе и никто ему не мѣшалъ.

Теперь, сидя на камнѣ, этотъ чернобородый, съ гноящимися отъ солнца и безсонницы глазами человѣкъ тосковалъ. Онъ то вздыхалъ, открывая свой истасканный въ скитаніяхъ, изъ голубого превратившійся въ грязно-сѣрый таллифъ, и обнажалъ ушибленную копьемъ грудь, по которой стекалъ грязный потъ, то въ невыносимой мукѣ поднималъ глаза въ небо, слѣдя за тремя стервятниками, давно уже плававшими въ вышинѣ большими кругами въ предчувствіи скорого пира, то вперялъ безнадежный взоръ въ желтую землю и видѣлъ на ней полуразрушенный собачій черепъ и бѣгающихъ вокругъ него ящерицъ.

Мученія человѣка были настолько велики, что по временамъ онъ заговаривалъ самъ съ собой.

— О, я глупецъ! — бормоталъ онъ, раскачиваясь на камнѣ въ душевной боли и ногтями царапая смуглую

грудь, — глупецъ, неразумная женщина, трусь! Падаль я, а не человѣкъ!

Онъ умолкаль, поникаль головой, потомъ, напившись изъ деревянной фляги теплой воды, оживаль вновь и хватался то за ножъ, спрятанный подъ талифомъ на груди, то за кусокъ пергамента, лежащій передъ нимъ на камнѣ рядомъ съ палочкой и пузырькомъ съ тушью.

На этомъ пергаментѣ уже были набросаны записи:

«Бѣгутъ минуты, и я, Левій Матвѣй, нахожусь на Лысой Горѣ, а смерти все нѣтъ!»

Далѣе:

«Солнце склоняется, а смерти нѣтъ».

Теперь Левій Матвѣй безнадежно записаль острой палочкой такъ:

«Богъ! За что гнѣваешься на него? Пошли ему смерть».

Записавъ это, онъ болѣзненно всхлипнулъ и опять ногтями израниль свою грудь.

Причина отчаянія Левія заключалась въ той страшной неудачѣ, что постигла Иешуа и его, и, кромѣ того, въ той тяжелой ошибкѣ, которую онъ, Левій, по его мнѣнію, совершилъ. Позавчера днемъ Иешуа и Левій находились въ Вифаніи подъ Ершалаимомъ, гдѣ гостили у одного огородника, которому чрезвычайно понравились проповѣди Иешуа. Все утро оба гостя проработали на огородѣ, помогая хозяину, а къ вечеру собирались идти по холодку въ Ершалаимъ. Но Иешуа почему-то заспѣшилъ, сказалъ, что у него въ городѣ неотложное дѣло, и ушелъ около полудня одинъ. Вотъ въ этомъ-то и заключалась первая ошибка Левія Матвѣя. Зачѣмъ, зачѣмъ онъ отпустилъ его одного!

Вечеромъ Матвѣю идти въ Ершалаимъ не пришлось. Какая-то неожиданная и ужасная хворь

поразила его. Его затрясло, тѣло его наполнилось огнемъ, онъ сталъ стучать зубами и поминутно просить пить. Никуда идти онъ не могъ. Онъ повалился на попону въ сараѣ огородника и провалялся на ней до разсвѣта пятницы, когда болѣзнь такъ же неожиданно отпустила Левія, какъ и напала на него. Хоть онъ былъ еще слабъ и ноги его дрожали, онъ, томимый какимъ-то предчувствіемъ бѣды, распростился съ хозяиномъ и отправился въ Ершалаимъ. Тамъ онъ узналъ, что предчувствіе его не обмануло. Бѣда случилась. Левій былъ въ толпѣ и слышалъ, какъ прокураторъ объявилъ приговоръ.

Когда осужденныхъ повели на гору, Левій Матвѣй бѣжалъ рядомъ съ цѣпью въ толпѣ любопытныхъ, стараясь какимъ-нибудь образомъ незамѣтно дать знать Іешуа хотя бы ужъ то, что онъ, Левій, здѣсь, съ нимъ, что онъ не бросилъ его на послѣднемъ пути и что онъ молится о томъ, чтобы смерть Іешуа постигла какъ можно скорѣе. Но Іешуа, смотрящій вдаль, туда, куда его увозили, конечно, Левія не видалъ.

И вотъ, когда процессія прошла около полуверсты по дорогѣ, Матвѣя, котораго толкали въ толпѣ у самой цѣпи, осѣнила простая и гениальная мысль, и тотчасъ же, по своей горячности, онъ осыпалъ себя проклятiями за то, что она не пришла ему раньше. Солдаты шли не тѣсною цѣпью. Между ними были промежутки. При большой ловкости и очень точномъ расчетѣ можно было, согнувшись, проскочить между двумя легионерами, дорваться до повозки и вскочить на нее. Тогда Іешуа спасенъ отъ мученій.

Одного мгновенія достаточно, чтобы ударить Іешуа ножомъ въ спину, крикнувъ ему: «Іешуа! Я спасаю тебя и ухожу вмѣстѣ съ тобой! Я, Матвѣй, твой вѣрный и единственный ученикъ!»

А если бы Богъ благословилъ еще однимъ свободнымъ мгновениемъ, можно было бы успѣть заколоться и самому, избѣжавъ смерти на столбѣ. Впрочемъ, послѣднее мало интересовало Левія, бывшаго сборщика податей. Ему было безразлично, какъ погибать. Онъ хотѣлъ одного, чтобы Іешуа, не сдѣлавшій никому въ жизни ни малѣйшаго зла, избѣжалъ бы истязаній.

Планъ былъ очень хорошъ, но дѣло заключалось въ томъ, что у Левія ножа съ собою не было. Не было у него и ни одной монеты денегъ.

Въ бѣшенствѣ на себя, Левій выбрался изъ толпы и побѣжалъ обратно въ городъ. Въ горящей его головѣ прыгала только одна горячая мысль о томъ, какъ сейчасъ же, какимъ угодно способомъ, достать въ городѣ ножъ и успѣть догнать процессію.

Онъ добѣжалъ до городскихъ воротъ, лавируя въ толчеѣ всасывавшихся въ городъ каравановъ, и увидѣлъ на лѣвой рукѣ у себя раскрытую дверь лавчонки, гдѣ продавали хлѣбъ. Тяжело дыша послѣ бѣга по раскаленной дорогѣ, Левій овладѣлъ собой, очень степенно вошелъ въ лавчонку, привѣтствовалъ хозяйку, стоящую за прилавкомъ, попросилъ ее снять съ полки верхній каравай, который почему-то ему понравился больше другихъ, и, когда та повернулась, молча и быстро взялъ съ прилавка то, чего лучше и быть не можетъ, — отточенный, какъ бритва, длинный хлѣбный ножъ, и тотчасъ кинулся изъ лавки вонъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вновь былъ на яфѣской дорогѣ. Но процессіи уже не было видно. Онъ побѣжалъ. По временамъ ему приходилось валиться прямо въ пыль и лежать неподвижно, чтобы отдышаться. И такъ онъ лежалъ, поражая проѣзжающихъ на мулахъ и шедшихъ пѣшкомъ въ Ершалаимъ людей. Онъ лежалъ, слушая, какъ колотится его сердце не только въ груди, но и въ

головѣ и въ ушахъ. Отдышавшись немного, онъ вскакивалъ и продолжалъ бѣжать, но все медленнѣе и медленнѣе. Когда онъ наконецъ увидалъ пылящую вдали длинную процессію, она была уже у подножія холма.

— О, Богъ... — простоналъ Левій, понимая, что онъ опаздываетъ. И онъ опоздалъ.

Когда истекъ четвертый часъ казни, мученія Левія достигли наивысшей степени, и онъ впалъ въ ярость. Поднявшись съ камня, онъ швырнулъ на землю бесполезно, какъ онъ теперь думалъ, украденный ножъ, раздавилъ флягу ногою, лишивъ себя воды, сбросилъ съ головы кефи, вцѣпился въ свои жидкіе волосы и сталъ проклинать себя.

Онъ проклиналъ себя, выкликая безмысленныя слова, рычалъ и плевался, поносилъ своего отца и мать, породившихъ на свѣтъ глупца.

Видя, что клятвы и брань не дѣйствуютъ и ничего отъ этого на солнцепекѣ не мѣняется, онъ сжалъ сухіе кулаки, зажмурившись, вознесъ ихъ къ небу, къ солнцу, которое сползало все ниже, удлиняя тѣни и уходя, чтобы упасть въ Средиземное морѣ, и потребовалъ у Бога немедленнаго чуда. Онъ требовалъ, чтобы Богъ тотчасъ же послалъ Іешуа смерть.

Открывъ глаза, онъ убѣдился въ томъ, что на холмѣ все безъ измѣненій, за исключеніемъ того, что пылавшія на груди кентуріона пятна потухли. Солнце посылало лучи въ спины казнимыхъ, обращенныхъ лицами къ Ершалаиму. Тогда Левій закричалъ:

— Проклинаю тебя, Богъ!

Осипшимъ голосомъ онъ кричалъ о томъ, что убѣдился въ несправедливости Бога и вѣрить ему болѣе не намѣренъ.

— Ты глухъ! — рычалъ Левій, — если бъ ты не былъ глухимъ, ты услышалъ бы меня и убилъ его тутъ же.

Зажмурившись, Левій ждалъ огня, который упадетъ на него съ неба и поразить его самого. Этого не случилось, и, не разжимая векъ, Левій продолжалъ выкрикивать язвительныя и обидныя рѣчи небу. Онъ кричалъ о полномъ своемъ разочарованіи и о томъ, что существуютъ другіе боги и религіи. Да, другой богъ не допустилъ бы того, никогда не допустилъ бы, чтобы человѣкъ, подобный Іешуа, былъ сжигаемъ солнцемъ на столбѣ.

— Я ошибался! — кричалъ совсѣмъ охрипшій Левій, — ты богъ зла! Или твои глаза совсѣмъ закрылъ дымъ изъ курильницъ храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кромѣ трубныхъ звуковъ священниковъ? Ты не всемогущій богъ. Проклинаю тебя, богъ разбойниковъ, ихъ покровитель и душа!

Тутъ что-то дунуло въ лицо бывшему сборщику и что-то зашелестѣло у него подъ ногами. Дунуло еще разъ, и тогда, открывъ глаза, Левій увидѣлъ, что все въ мірѣ, подъ вліяніемъ ли его проклятій или въ силу какихъ-либо другихъ причинъ, измѣнилось. Солнце исчезло, не дойдя до моря, въ которомъ тонуло ежевечерне. Поглотивъ его, по небу съ запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча. Края ея уже вскипали бѣлой пѣной, черное дымное брюхо отсвѣчивало желтымъ. Туча ворчала, и изъ нея время отъ времени вываливались огненные нити. По Яффской дорогѣ, по скудной Гіонской долинѣ, надъ шатрами богомольцевъ, гонимые внезапно поднявшимся вѣтромъ, летѣли пыльные столбы. Левій умолкъ, стараясь сообразить, принесетъ ли гроза, которая сейчасъ накроетъ Ершалаимъ, какое-либо измѣненіе въ судьбѣ несчастнаго Іешуа. И тутъ же, глядя на нити огня, раскраивающія тучу, сталъ просить, чтобы молнія ударила въ столбъ Іешуа. Въ раскаяніи глядя въ чистое небо, которое еще не пожрала туча и гдѣ стервятники

ложились на крыло, чтобы уходить отъ грозы, Левій подумаль, что безумно поспѣшилъ со своими проклятіями. Теперь Богъ не послушаетъ его.

Обративъ свой взоръ къ подножію холма, Левій приковался къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ, разсыпавшись, кавалерійскій полкъ, и увидѣлъ, что тамъ произошли значительныя измѣненія. Съ высоты Левію удалось хорошо разсмотрѣть, какъ солдаты суетились, выдергивая пики изъ земли, какъ набрасывали на себя плащи, какъ коноводы бѣжали къ дорогѣ рысцей, ведя на поводу вороныхъ лошадей. Полкъ снимался, это было ясно. Левій, защищаясь отъ бьющей въ лицо пыли рукой, отплевываясь, старался сообразить, что бы это значило, что кавалерія собирается уходить? Онъ перевелъ взглядъ повыше и разглядѣлъ фигурку въ багряной военной хламидѣ, поднимающуюся къ площадкѣ казни. И тутъ отъ предчувствія радостнаго конца похолодѣло сердце бывшаго сборщика.

Подымавшійся на гору въ пятомъ часу страданій разбойниковъ былъ командиръ когорты, прискакавшій изъ Ершалаима въ сопровожденіи ординарца. Цѣпь солдатъ по мановенію Крысобоя разомкнулась, и кентуріонъ отдалъ честь трибуну. Тотъ, отвѣдя Крысобоя въ сторону, что-то прошепталъ ему. Кентуріонъ вторично отдалъ честь и двинулся къ группѣ палачей, сидящихъ на камняхъ у подножій столбовъ. Трибунъ же направилъ свои шаги къ тому, кто сидѣлъ на трехногомъ табуретѣ, и сидящій вѣжливо поднялся навстрѣчу трибуну. И ему что-то негромко сказалъ трибунъ, и оба они пошли къ столбамъ. Къ нимъ присоединился и начальникъ храмовой стражи.

Крысобой, брезгливо покосившись на грязныя тряпки, бывшія недавно одеждой преступниковъ, отъ которой отказались палачи, отозвалъ двухъ изъ нихъ и приказалъ:

— За мною!

Съ ближайшаго столба доносилась хрипая безмысленная пѣсенка. Повѣшенный на немъ Гестасъ къ концу третьяго часа казни сошелъ съ ума отъ мухъ и солнца и теперь тихо пѣлъ что-то про виноградъ, но головою, покрытой чалмой, изрѣдка все-таки покачивалъ, и тогда мухи вяло поднимались съ его лица и возвращались на него опять.

Дисмасъ на второмъ столбѣ страдалъ болѣе двухъ другихъ, потому что его не одолѣвало забытье, и онъ качалъ головой, часто и мѣрно, то вправо, то влево, чтобы ухомъ ударять по плечу.

Счастливецъ двухъ другихъ былъ Іешуа. Въ первый же часъ его стали поражать обмороки, а затѣмъ онъ впалъ въ забытѣ, повѣсивъ голову въ размотавшейся чалмѣ. Мухи и слѣпни поэтому совершенно облѣпили его, такъ что лицо его исчезло подъ черной шевелящейся массой. Въ паху, и на животѣ, и подъ мышками сидѣли жирные слѣпни и сосали желтое обнаженное тѣло.

Повинуясь жестамъ чловѣка въ капюшонѣ, одинъ изъ палачей взялъ копье, а другой поднесъ къ столбу ведро и губку. Первый изъ палачей поднялъ копье и постучалъ имъ сперва по одной, потомъ по другой рукѣ Іешуа, вытянутымъ и привязаннымъ веревками къ поперечной перекладинѣ столба. Тѣло съ выпятившимися ребрами вздрогнуло. Палачъ провелъ концомъ копья по животу. Тогда Іешуа поднялъ голову, и мухи съ гудѣньемъ снялись, и открылось лицо повѣшеннаго, распухшее отъ укусовъ, съ заплывшими глазами, неузнаваемое лицо.

Разлѣпивъ веки, Га-Ноцри глянулъ внизъ. Глаза его, обычно ясные, теперь были мутноваты.

— Га-Ноцри! — сказалъ палачъ.

Га-Ноцри шевельнулъ вспухшими губами и отозвался хриплымъ разбойничьимъ голосомъ:

— Что тебѣ надо? Зачѣмъ подошелъ ко мнѣ?

— Пей! — сказалъ палачъ, и пропитанная водою губка на концѣ копья поднялась къ губамъ Іешуа. Радость сверкнула у того въ глазахъ, онъ прильнулъ къ губкѣ и съ жадностью началъ впитывать влагу. Съ сосѣдняго столба донесся голосъ Дисмаса:

— Несправедливость! Я такой же разбойникъ, какъ и онъ.

Дисмасъ напрягся, но шевельнуться не смогъ, руки его въ трехъ мѣстахъ на перекладинѣ держали веревочные кольца. Онъ втянулъ животъ, ногтями вцѣпился въ концы перекладинъ, голову держалъ повернутой къ столбу Іешуа, злоба пылала въ глазахъ Дисмаса.

Пыльная туча накрыла площадку, сильно потемнѣло. Когда пыль унеслась, кентуріонъ крикнулъ:

— Молчать на второмъ столбѣ!

Дисмасъ умолкъ, Іешуа оторвался отъ губки и, стараясь, чтобы голосъ его звучалъ ласково и убѣдительно, и не добившись этого, хрипло попросилъ палача:

— Дай попить ему.

Становилось все темнѣе. Туча залила уже полнеба, стремясь къ Ершалаиму, бѣлая кипящая облака неслись впереди наполненной черной влагой и огнемъ тучи. Сверкнуло и ударило надъ самымъ холмомъ. Палачъ снялъ губку съ копья.

— Славь великодушнаго игемона! — торжественно шепнулъ онъ и тихонько кольнулъ Іешуа въ сердцѣ. Тотъ дрогнулъ, шепнулъ:

— Игемонъ...

Кровь побѣжала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла.

При второмъ громовомъ ударѣ палачъ уже поилъ Дисмаса и съ тѣми же словами:

— Славь игемона! — убилъ его.

Гестась, лишенный разсудка, испуганно вскрикнулъ, лишь только палачъ оказался около него, но, когда губка коснулась его губъ, прорычалъ что-то и вцѣпился въ нее зубами. Черезъ нѣсколько секундъ обвисло и его тѣло, сколько позволяли веревки.

Человѣкъ въ капюшонѣ шелъ по слѣдамъ палача и кентуріона, а за нимъ начальникъ храмовой стражи. Остановившись у перваго столба, человѣкъ въ капюшонѣ внимательно оглядѣлъ окровавленнаго Іешуа, тронулъ бѣлой рукой ступню и сказалъ спутникамъ:

— Мертвъ.

То же повторилось и у двухъ другихъ столбовъ.

Послѣ этого трибунъ сдѣлалъ знакъ кентуріону и, повернувшись, началъ уходить съ вершины вмѣстѣ съ начальникомъ храмовой стражи и человѣкомъ въ капюшонѣ. Настала полутьма, и молніи бороздили черное небо. Изъ него вдругъ брызнуло огнемъ, и крикъ кентуріона: «Снимай цѣпь!» — утонулъ въ грохотѣ. Счастливые солдаты кинулись бѣжать съ холма, надѣвая шлемы. Тьма накрыла Ершалаимъ.

Ливень хлынулъ внезапно и засталъ кентуріи на полдорогѣ на холмѣ. Вода обрушилась такъ страшно, что, когда солдаты бѣжали книзу, имъ вдогонку уже летѣли бушующіе потоки. Солдаты скользили и падали на размокшей глинѣ, спѣша на ровную дорогу, по которой — уже чуть видная въ пеленѣ воды — уходила въ Ершалаимъ до нитки мокрая конница. Черезъ нѣсколько минутъ въ дымномъ заревѣ грозы, воды и огня на холмѣ остался только одинъ человѣкъ. Потрясая недаромъ украденнымъ ножомъ, срываясь со скользкихъ уступовъ, цѣпляясь за что попало, иногда ползя на колѣняхъ, онъ стремился къ столбамъ. Онъ то пропадалъ

въ полной мглѣ, то вдругъ освѣщался трепещущимъ свѣтомъ.

Добравшись до столбовъ, уже по щиколотку въ водѣ, онъ содралъ съ себя отяжелѣвшій, пропитанный водою таллифъ, остался въ одной рубахѣ и припалъ къ ногамъ Іешуа. Онъ перерѣзалъ веревки на голеняхъ, поднялся на нижнюю перекладину, обнялъ Іешуа и освободилъ руки отъ верхнихъ связей. Голое влажное тѣло Іешуа обрушилось на Левіа и повалило его наземь. Левій тутъ же хотѣлъ взвалить его на плечи, но какая-то мысль остановила его. Онъ оставилъ на землѣ въ водѣ тѣло съ запрокинутой головой и разметанными руками и побѣжалъ на разѣзжающихся въ глиняной жижѣ ногахъ къ другимъ столбамъ. Онъ перерѣзалъ веревки и на нихъ, и два тѣла обрушились на землю.

Прошло нѣсколько минутъ, и на вершинѣ холма остались только эти два тѣла и три пустыхъ столба. Вода била и поворачивала эти тѣла.

Ни Левіа, ни тѣла Іешуа на верху холма въ это время уже не было.

Глава 17

Безпокойный день

Утромъ въ пятницу, то есть на другой день послѣ проклятаго сеанса, всѣ наличный составъ служащихъ Варьете — бухгалтеръ Василій Степановичъ Ласточкинъ, два счетовода, три машинистки, обѣ кассирши, курьеры, капельдинеры и уборщицы, — словомъ, всѣ, кто былъ въ наличности, не находились при дѣлѣ на своихъ мѣстахъ, а всѣ сидѣли на подоконникахъ оконъ, выходящихъ на Садовую, и смотрѣли на то, что дѣлается подъ стѣною Варьете. Подъ этой стѣной въ два ряда лѣпилась многотысячная очередь, хвостъ которой находился на Кудринской площади. Въ головѣ этой очереди стояло примѣрно два десятка хорошо извѣстныхъ въ театральной Москвѣ барышниковъ.

Очередь держала себя очень взволнованно, привлекала вниманіе струившихся мимо гражданъ и занималась обсужденіемъ зажигательныхъ разсказовъ о вчерашнемъ невиданномъ сеансѣ черной магіи. Эти же разсказы привели въ величайшее смущеніе бухгалтера Василя Степановича, который наканунѣ на спектаклѣ не былъ. Капельдинеры разсказывали Богъ знаетъ что, въ томъ числѣ, какъ послѣ, окончанія знаменитаго сеанса нѣкоторыя гражданки въ неприличномъ видѣ бѣгали по улицѣ, и прочее въ томъ же родѣ. Скромный и тихій Василій Степановичъ только моргалъ глазами, слушая розсказни обо всѣхъ этихъ чудесахъ, и рѣшительно не зналъ, что ему предпринять, а между тѣмъ предпринимать нужно было что-то, и именно ему, такъ какъ онъ теперь остался старшимъ во всей командѣ Варьете.

Къ десяти часамъ утра очередь жаждущихъ билетовъ до того вспухла, что о ней дошли слухи до милиціи, и съ удивительной быстротой были присланы какъ пѣшіе, такъ и конные наряды, которые эту очередь и привели въ нѣкоторый порядокъ. Однако и стоящая въ порядкѣ змѣя длиною въ километръ сама по себѣ уже представляла великій соблазнъ и приводила гражданъ на Садовой въ полное изумленіе.

Это было снаружи, а внутри Варьете тоже было очень неладно. Съ самого ранняго утра начали звонить и звонили непрерывно телефоны въ кабинетъ Лиходѣва, въ кабинетъ Римскаго, въ бухгалтеріи, въ кассѣ и въ кабинетъ Варенухи. Василій Степановичъ сперва отвѣчалъ что-то, отвѣчала и кассирша, бормотали что-то въ телефонъ капельдинеры, а потомъ и вовсе перестали отвѣчать, потому что на вопросы, гдѣ Лиходѣвъ, Варенуха, Римскій, отвѣчать было рѣшительно нечего. Сперва пробовали отдѣлаться словами «Лиходѣвъ на квартирѣ», а изъ города отвѣчали, что звонили на квартиру и что квартира говоритъ, что Лиходѣвъ въ Варьетѣ.

Позвонила взволнованная дама, стала требовать Римскаго, ей посовѣтовали позвонить къ женѣ его, на что трубка, зарыдавъ, отвѣтила, что она и есть жена и что Римскаго нигдѣ нѣтъ. Начиналась какая-то чепуха. Уборщица уже всѣмъ рассказала, что, явившись въ кабинетъ финдиректора убирать, увидѣла, что дверь настезъ, лампы горять, окно въ садъ разбито, кресло валяется на полу и никого нѣту.

Въ одиннадцатомъ часу ворвалась въ Варьетѣ мадамъ Римская. Она рыдала и заламывала руки. Василій Степановичъ совершенно растерялся и не зналъ, что ей посовѣтовать. А въ половинѣ одиннадцатаго явилась милиція. Первый же и совершенно резонный ея вопросъ былъ:

— Что у васъ тутъ происходитъ, граждане? Въ чемъ дѣло?

Команда отступила, выставивъ впередъ блѣднаго и взволнованнаго Василя Степановича. Пришлось называть вещи своими именами и признаться въ томъ, что администрація Варьете, въ лицѣ директора, финдиректора и администратора, пропала и находится неизвѣстно гдѣ, что конференсье послѣ вчерашняго сеанса былъ отвезенъ въ психіатрическую лѣчебницу и что, коротко говоря, этотъ вчерашній сеансъ былъ прямо скандальнымъ сеансомъ.

Рыдающую мадамъ Римскую, сколько можно успокоивъ, отправили домой и болѣе всего заинтересовались разсказомъ уборщицы о томъ, въ какомъ видѣ былъ найденъ кабинетъ финдиректора. Служащихъ попросили отправиться по своимъ мѣстамъ и заняться дѣломъ, и черезъ короткое время въ зданіи Варьетѣ появилось слѣдствіе въ сопровожденіи остроухой, мускулистой, цвѣта папироснаго пепла собаки съ чрезвычайно умными глазами. Среди служащихъ Варьете тотчасъ разнеслось шушуканье о томъ, что песъ — не кто другой, какъ знаменитый Тузбубенъ. И точно, это былъ онъ. Поведеніе его изумило всѣхъ. Лишь только Тузбубенъ вбѣжалъ въ кабинетъ финдиректора, онъ зарычалъ, оскаливъ чудовищные желтоватые клыки, затѣмъ легъ на брюхо и съ какимъ-то выраженіемъ тоски и въ то же время ярости въ глазахъ поползъ къ разбитому окну. Преодолѣвъ свой страхъ, онъ вдругъ вскочилъ на подоконникъ и, задравъ острую морду вверхъ, дико и злобно завылъ. Онъ не хотѣлъ уходить съ окна, рычалъ, и вздрагивалъ, и порывался спрыгнуть внизъ.

Пса вывели изъ кабинета и пустили его въ вестибюль, оттуда онъ вышелъ черезъ парадный входъ на улицу и привелъ слѣдовавшихъ за нимъ къ

таксомоторной стоянкѣ. Возлѣ нее онъ слѣдъ, по которому шелъ, потерялъ. Послѣ этого Тузабубенъ увезли.

Слѣдствіе расположилось въ кабинетѣ Варенухи, куда и стало по очереди вызывать тѣхъ служащихъ Варьете, которые были свидѣтелями вчерашнихъ происшествій во время сеанса. Нужно сказать, что слѣдствію на каждомъ шагу приходилось преодолевать непредвидѣнныя трудности. Ниточка то и дѣло рвалась въ рукахъ.

Афиши-то были? Были. Но за ночь ихъ заклеили новыми, и теперь ни одной нѣтъ, хоть убей. Откуда взялся этотъ магъ-то самый? А кто жъ его знаетъ. Стало быть, съ нимъ заключали договоръ?

— Надо полагать, — отвѣчалъ взволнованный Василій Степановичъ.

— А ежели заключали, такъ онъ долженъ былъ пройти черезъ бухгалтерію?

— Всенепремѣнно, — отвѣчалъ, волнуясь, Василій Степановичъ.

— Такъ гдѣ же онъ?

— Нѣту, — отвѣчалъ бухгалтеръ, все болѣе блѣднѣя и разводя руками. И дѣйствительно, ни въ папкахъ бухгалтеріи, ни у финдиректора, ни у Лиходѣева, ни у Варенухи никакихъ слѣдовъ договора нѣтъ.

Какъ фамилія-то этого мага? Василій Степановичъ не знаетъ, онъ не былъ вчера на сеансѣ. Капельдинеры не знаютъ, билетная кассирша морщила лобъ, морщила, думала, думала, наконецъ сказала:

— Во... Кажись, Воландъ.

А можетъ быть, и не Воландъ? Можетъ быть, и не Воландъ, можетъ быть, Фаландъ.

Выяснилось, что въ бюро иностранцевъ ни о какомъ Воландѣ, а равно также и Фаландѣ, магѣ, ровно ничего не слыхали.

Курьеръ Карповъ сообщилъ, что будто бы этотъ самый магъ остановился на квартирѣ у Лиходѣва. На квартирѣ, конечно, тотчасъ побывали. Никакого мага тамъ не оказалось. Самого Лиходѣва тоже нѣтъ. Домработницы Груни нѣту, и куда она дѣвалась, никто не знаетъ. Предсѣдателя правленія Никанора Ивановича нѣту, Пролежнева нѣту!

Выходило что-то совершенно несусвѣтное: пропала вся головка администраціи, вчера былъ странный скандальный сеансъ, а кто его проводилъ и по чьему наущенію — неизвѣстно.

А дѣло тѣмъ временемъ шло къ полудню, когда должна была открыться касса. Но объ этомъ, конечно, не могло быть и разговора! На дверяхъ Варьете тутъ же былъ вывѣшенъ громадный кусокъ картона съ надписью: «Сегодняшній спектакль отмѣняется». Въ очереди началось волненіе, начиная съ головы ея, но, поволновавшись, она все-таки стала разрушаться, и черезъ часъ примѣрно отъ нее на Садовой не осталось и слѣда. Слѣдствіе отбыло для того, чтобы продолжать свою работу въ другомъ мѣстѣ, служащихъ отпустили, оставивъ только дежурныхъ, и двери Варьете заперли.

Бухгалтеру Василию Степановичу предстояло срочно выполнить двѣ задачи. Во-первыхъ, съѣздить въ комиссію зрѣлищъ и увеселеній облегченнаго типа съ докладомъ о вчерашнихъ происшествіяхъ, а во-вторыхъ, побывать въ финзрелищномъ секторѣ для того, чтобы сдать вчерашнюю кассу — 21711 рублей.

Аккуратный и исполнительный Василій Степановичъ упаковалъ деньги въ газетную бумагу, бечевкой перекрестилъ пакетъ, уложилъ его въ портфель

и, прекрасно зная инструкцію, направился, конечно, не къ автобусу или трамваю, а къ таксомоторной стоянкѣ.

Лишь только шоферы трехъ машинъ увидѣли пассажира, спѣшащаго на стоянку съ туго набитымъ портфелемъ, какъ всѣ трое изъ-подъ носа у него уѣхали пустыми, почему-то при этомъ злобно оглядываясь.

Пораженный этимъ обстоятельствомъ бухгалтеръ долгое время стоялъ столбомъ, соображая, что бы это значило.

Минуты черезъ три подкатила пустая машина, и лицо шофера сразу перекопилось, лишь только онъ увидѣлъ пассажира.

— Свободна машина? — изумленно кашлянувъ, спросилъ Василій Степановичъ.

— Деньги покажите, — со злобой отвѣтилъ шоферъ, не глядя на пассажира.

Все болѣе поражаясь, бухгалтеръ, зажавъ драгоценный портфель подъ мышкой, вытащилъ изъ бумажника червонецъ и показалъ его шоферу.

— Не поѣду! — кратко сказалъ тотъ.

— Я извиняюсь... — началъ было бухгалтеръ, но шоферъ его перебилъ:

— Трешки есть?

Совершенно сбитый съ толку бухгалтеръ вынулъ изъ бумажника двѣ трешки и показалъ шоферу.

— Садитесь, — крикнулъ тотъ и хлопнулъ по флажку счетчика такъ, что чуть не сломалъ его. — Поѣхали.

— Сдачи, что ли, нѣту? — робко спросилъ бухгалтеръ.

— Полный карманъ сдачи! — заоралъ шоферъ, и въ зеркальцѣ отразились его наливающіяся кровью глаза, — третій случай со мной сегодня. Да и съ другими то же было. Даетъ какой-то сукинъ сынъ червонецъ, я ему сдачи — четыре пятьдесятъ... Вылѣзъ, сволочь!

Минуть черезъ пять смотрю: вмѣсто червонца бумажка съ нарзанной бутылки! — тутъ шоферъ произнесъ нѣсколько непечатныхъ словъ. — Другой — за Зубовской. Червонецъ. Даю сдачи три рубля. Ушелъ! Я полѣзъ въ кошелекъ, а оттуда пчела — тяпъ за палець! Ахъ ты!.. — шоферъ опять вклеилъ непечатныя слова, — а червонца нѣту. Вчера въ этомъ Варьетѣ (непечатныя слова) какая-то гадюка — фокусникъ сеансъ съ червонцами сдѣлалъ (непечатныя слова).

Бухгалтеръ обомлѣлъ, съежился и сдѣлалъ такой видъ, какъ будто и самое слово «Варьете» онъ слышитъ впервые, а самъ подумалъ: «Ну и ну!..»

Приѣхавъ куда нужно, расплатившись благополучно, бухгалтеръ вошелъ въ зданіе и устремился по коридору туда, гдѣ находился кабинетъ завѣдующаго, и уже по дорогѣ понялъ, что попалъ не вовремя. Какая-то суматоха царила въ канцеляріи зрѣлищной комиссіи. Мимо бухгалтера пробѣжала курьерша со сбившимся на затылокъ платочкомъ и вытаращенными глазами.

— Нѣту, нѣту, нѣту, милые мои! — кричала она, обращаясь неизвѣстно къ кому, — пиджакъ и штаны тутъ, а въ пиджакѣ ничего нѣту!

Она скрылась въ какой-то двери, и тутъ же за ней послышались звуки битья посуды. Изъ секретарской комнаты выбѣжалъ знакомый бухгалтеру завѣдующій первымъ секторомъ комиссіи, но былъ въ такомъ состояніи, что бухгалтера не узналъ, и скрылся безслѣдно.

Потрясенный всѣмъ этимъ бухгалтеръ дошелъ до секретарской комнаты, являвшейся преддверіемъ кабинета предсѣдателя комиссіи, и здѣсь окончательно поразился.

Изъ-за закрытой двери кабинета доносился грозный голосъ, несомнѣнно пренадлежащій Прохору

Петровичу — председателю комиссиі. «Распекаетъ, что ли, кого?» — подумалъ смятенный бухгалтеръ и, оглянувшись, увидѣлъ другое: въ кожаномъ креслѣ, закинувъ голову на спинку, безудержно рыдая, съ мокрымъ платкомъ въ рукѣ, лежала, вытянувъ ноги почти до середины секретарской, личный секретарь Прохора Петровича — красавица Анна Ричардовна.

Вѣсь подбородокъ Анны Ричардовна былъ вымазанъ губной помадой, а по персиковымъ щекамъ ползли съ рѣсницъ потоки раскисшей краски.

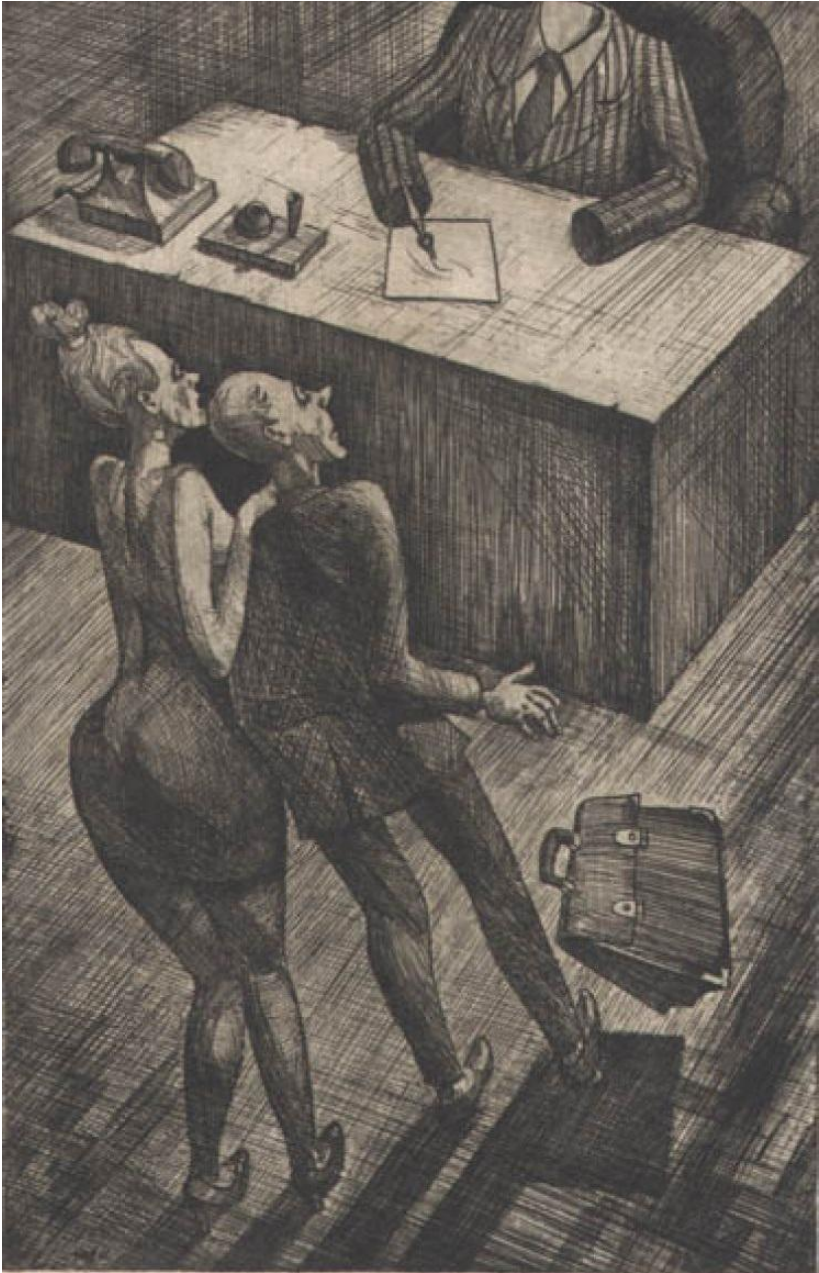
Увидѣвъ, что кто-то вошелъ, Анна Ричардовна вскочила, кинулась къ бухгалтеру, вцѣпилась въ лацканы его пиджака, стала трясти бухгалтера и кричать:

— Слава Богу! Нашелся хоть одинъ храбрый! Всѣ разбѣжались, всѣ предали! Идемте, идемте къ нему, я не знаю, что дѣлать! — И, продолжая рыдать, она потащила бухгалтера въ кабинетъ.

Попавъ въ кабинетъ, бухгалтеръ первымъ долгомъ уронилъ портфель, и всѣ мысли въ его головѣ перевернулись кверху ногами. И надо сказать, было отъ чего.

За огромнымъ письменнымъ столомъ съ массивной чернильницей сидѣлъ пустой костюмъ и не обмакнутомъ въ чернила сухимъ перомъ водилъ по бумагѣ. Костюмъ былъ при галстукѣ, изъ кармашка костюма торчало самопишущее перо, но надъ воротникомъ не было ни шеи, ни головы, равно какъ изъ манжетъ не выглядывали кисти рукъ. Костюмъ былъ погруженъ въ работу и совершенно не замѣчалъ той кутерьмы, что царила кругомъ. Услыхавъ, что кто-то вошелъ, костюмъ откинулся въ креслѣ, и надъ воротникомъ прозвучалъ хорошо знакомый бухгалтеру голосъ Прохора Петровича:

— Въ чемъ дѣло? Вѣдь на дверяхъ же написано, что я не принимаю.

Красавица секретарь взвизгнула и, ломая руки, вскричала:

— Вы видите? Видите?! Нѣту его! Нѣту! Верните его, верните!

Тутъ въ дверь кабинета кто-то сунулся, охнулъ и вылетѣлъ вонъ. Бухгалтеръ почувствовалъ, что ноги его задрожали, и сѣлъ на краешекъ стула, но не забылъ поднять портфель. Анна Ричардовна прыгала вокругъ бухгалтера, терзая его пиджакъ, и вскрикивала:

— Я всегда, всегда останавливала его, когда онъ чертыхался! Вотъ и дочертыхался, — тутъ красавица подбѣжала къ письменному столу и музыкальнымъ нѣжнымъ голосомъ, немного гнусавымъ послѣ плача, воскликнула:

— Проша! гдѣ вы?

— Кто вамъ тутъ «Проша»? — освѣдомился надменно костюмъ, еще глубже заваливаясь въ креслѣ.

— Не узнаеть! Меня не узнаеть! Вы понимаете? — взрыдала секретарь.

— Попрошу не рыдать въ кабинетѣ! — уже злясь, сказалъ вспылчивый костюмъ въ полоску и рукавомъ подтянулъ къ себѣ свѣжую пачку бумагъ, съ явной цѣлю поставить на нихъ резолюцію.

— Нѣтъ, не могу видѣть этого, нѣтъ, не могу! — закричала Анна Ричардовна и выбѣжала въ секретарскую, а за нею какъ пуля вылетѣлъ и бухгалтеръ.

— Вообразите, сижу, — рассказывала, трясясь отъ волненія, Анна Ричардовна, снова вцѣпившись въ рукавъ бухгалтера, — и входитъ котъ. Черный, здоровый, какъ бегемотъ. Я, конечно, кричу ему «брысь!». Онъ — вонъ, а вмѣсто него входитъ толстякъ, тоже съ какой-то кошачьей мордой, и говоритъ: «Это что

же вы, гражданка, посетителямъ ”брысь” кричите?» И прямо шастъ къ Прохору Петровичу, я, конечно, за нимъ, кричу: «Вы съ ума сошли?» А онъ, наглець, прямо къ Прохору Петровичу и садится противъ него въ кресло! Ну, тотъ... Онъ — добрѣйшей души человѣкъ, но нервный. Вспылилъ! Не спору. Нервозный человѣкъ, работаетъ какъ волъ, — вспылилъ. «Вы чего, говоритъ, безъ доклада влѣзаете?» А тотъ нахаль, вообразите, развалился въ креслѣ и говоритъ, улыбаясь: «А я, говоритъ, съ вами по дѣльцу пришелъ потолковать». Прохоръ Петровичъ вспылилъ опять-таки: «Я занятъ!» А тотъ, подумайте только, отвѣчаетъ: «Ничѣмъ вы не заняты...» А? Ну, тутъ ужъ, конечно, терпѣніе Прохора Петровича лопнуло, и онъ вскричалъ: «Да что жъ это такое? Вывести его вонъ, черти бѣ меня взяли!» А тотъ, вообразите, улыбнулся и говоритъ: «Черти чтобъ взяли? А что жъ, это можно!» И, трахъ, я не успѣла вскрикнуть, смотрю: нѣту этого съ кошачьей мордой и си... сидить... костюмъ... Геее! — распяливъ совершенно потерявшій всякіе очертанія ротъ, завывла Анна Ричардовна.

подавившись рыданіемъ, она перевела духъ, но понесла что-то ужъ совсѣмъ несообразное:

— И пишетъ, пишетъ, пишетъ! Съ ума сойти! По телефону говорить! Костюмъ! Всѣ разбѣжались, какъ зайцы!

Бухгалтеръ только стоялъ и трясся. Но тутъ судьба его выручила. Въ секретарскую спокойной дѣловой походкой входила милиція въ составѣ двухъ человѣкъ. Увидѣвъ ихъ, красавица зарыдала еще пуще, тыча рукою въ дверь кабинета.

— Давайте не будемъ рыдать, гражданка, — спокойно сказалъ первый, а бухгалтеръ, чувствуя, что онъ здѣсь совершенно лишній, выскочилъ изъ секретарской и черезъ минуту былъ уже на свѣжемъ воздухѣ. Въ головѣ у него былъ какой-то сквознякъ,

гудѣло, какъ въ трубѣ, и въ этомъ гудѣніи слышались клочки капельдинерскихъ разсказовъ о вчерашнемъ котѣ, который принималъ участіе въ сеансѣ. «Э-ге-ге? Да ужъ не нашъ ли это котикъ?»

Не добившись толку въ комиссіи, добросовѣстный Василій Степановичъ рѣшилъ побывать въ филиалѣ ея, помѣщавшемся въ Ваганьковскомъ переулкѣ. И чтобы успокоить себя немного, продѣлалъ путь до филиала пѣшкомъ.

Городской зрѣлищный филиалъ помѣщался въ облупленномъ отъ времени особнякѣ въ глубинѣ двора и знаменитъ былъ своими порфировыми колоннами въ вестибюлѣ.

Но не колонны поражали въ этотъ день посѣтителей филиала, а то, что происходило подъ ними.

Нѣсколько посѣтителей стояли въ оцѣпенѣніи и глядѣли на плачущую барышню, сидѣвшую за столикомъ, на которомъ лежала специальная зрѣлищная литература, продаваемая барышней. Въ данный моментъ барышня никому ничего не предлагала изъ этой литературы и на участливые вопросы только отмахивалась, а въ это время и сверху, и снизу, и съ боковъ, изъ всѣхъ отдѣловъ филиала сыпался телефонный звонъ, по крайней мѣрѣ, двадцати надрывавшихся аппаратовъ.

Поплакавъ, барышня вдругъ вздрогнула, истерически крикнула:

— Вотъ опять! — и неожиданно запѣла дрожащимъ сопрано:

Славное море священный Байкаль...

Курьеръ, показавшійся на лѣстницѣ, погрозилъ кому-то кулакомъ и запѣлъ вмѣстѣ съ барышней невзвучнымъ, тусклымъ баритономъ:

Славень корабль, омулевая бочка!..

Къ голосу курьера присоединились дальніе голоса, хоръ началъ разрастаться, и, наконецъ, пѣсня загремѣла во всѣхъ углахъ філіала. Въ ближайшей комнатѣ № 6, гдѣ помѣщался счетно-проверочный отдѣлъ, особенно выдѣлялась чья-то мощная съ хрипотцой октава. Аккомпанировалъ хору усиливающийся трескъ телефонныхъ аппаратовъ.

— Гей, Баргузинъ... пошевеливай валъ!.. — оралъ курьеръ на лѣстницѣ.

Слезы текли по лицу дѣвицы, она пыталась стиснуть зубы, но ротъ ея раскрывался самъ собою, и она пѣла на октаву выше курьера:

Молодцу быть недалечко!

Поражало безмолвныхъ посѣтителей філіала то, что хористы, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ, пѣли очень складно, какъ будто вѣсь хоръ стоялъ, не спуская глазъ съ невидимаго дирижера.

Прохожіе въ Ваганьковскомъ останавливались у рѣшетки двора, удивляясь веселью, царящему въ філіалѣ.

Какъ только первый куплетъ пришелъ къ концу, пѣніе стихло внезапно, опять-таки какъ бы по жезлу дирижера. Курьеръ тихо выругался и скрылся. Тутъ открылись парадныя двери, и въ нихъ появился гражданинъ въ лѣтнемъ пальто, изъ-подъ котораго торчали полы бѣлаго халата, а съ нимъ милиціонеръ.

— Примите мѣры, докторъ, умоляю, — истерически крикнула дѣвица.

На лѣстницу выбѣжалъ секретарь філіала и, видимо, сгорая отъ стыда и смущенія, заговорилъ, заикаясь:

— Видите ли, докторъ, у насъ случай массоваго какого-то гипноза... Такъ вотъ, необходимо... — онъ не докончилъ фразы, сталъ давиться словами и вдругъ запѣлъ теноромъ:

Шилка и Нерчинскъ...

— Дуракъ! — успѣла выкрикнуть дѣвица, но не объяснила, кого ругаетъ, а вмѣсто этого вывела насильственную руладу и сама запѣла про Шилку и Нерчинскъ.

— Держите себя въ рукахъ! Перестаньте пѣть! — обратился докторъ къ секретарю.

По всему было видно, что секретарь и самъ бы отдалъ что угодно, чтобы перестать пѣть, да перестать-то онъ не могъ и вмѣстѣ съ хоромъ донесъ до слуха прохожихъ въ переулкѣ вѣсть о томъ, что въ дебряхъ его не тронулъ прожорливый звѣрь и пуля стрѣлковъ не догнала!

Лишь только куплетъ кончился, дѣвица первая получила порцію валеріанки отъ врача, а затѣмъ онъ побѣждалъ за секретаремъ къ другимъ — поить и ихъ.

— Простите, гражданочка, — вдругъ обратился Василій Степановичъ къ дѣвицѣ, — котъ къ вамъ черный не заходилъ?

— Какой тамъ котъ? — въ злобѣ закричала дѣвица, — осель у насъ въ филіалѣ сидитъ, осель! — и, прибавивъ къ этому: — Пусть слышитъ! Я все расскажу, — дѣйствительно рассказала о томъ, что случилось.

Оказалось, что завѣдующій городскимъ филіаломъ, «вконецъ разваливши облегченныя развлеченія» (по словамъ дѣвицы), страдалъ маніей организациі всякаго рода кружковъ.

— Очки втиралъ начальству! — орала дѣвица.

Въ теченіе года завѣдующій успѣлъ

организовать кружокъ по изученію Лермонтова, шахматно-шашечный, пингъ-понга и кружокъ верховой ѣзды. Къ лѣту угрожалъ организаціей кружка гребли на прѣсныхъ водахъ и кружка альпинистовъ.

И вотъ сегодня, въ обѣденный перерывъ, входитъ онъ, завѣдующій...

— И ведетъ подъ руку какого-то сукина сына, — рассказывала дѣвица, — неизвѣстно откуда взявшегося, въ клѣтчатыхъ брючонкахъ, въ треснутомъ пенснѣ и... рожа совершенно невозможная!

И тутъ же, по разсказу дѣвицы, отрекомендовалъ его всѣмъ обѣдавшимъ въ столовой филиала какъ виднаго спеціалиста по организаціи хоровыхъ кружковъ.

Лица будущихъ альпинистовъ помрачнѣли, но завѣдующій тутъ же призвалъ всѣхъ къ бодрости, а спеціалистъ и пошутилъ, и поострилъ, и клятвенно завѣрилъ, что времени пѣніе беретъ самую малость, а пользы отъ этого пѣнія, между прочимъ, цѣлый вагонъ.

Ну, конечно, какъ сообщила дѣвица, первыми выскочили Фановъ и Косарчукъ, извѣстнѣйшіе филиальскіе подхалимы, и объявили, что записываются. Тутъ остальные служащіе убѣдились, что пѣнія не миновать, пришлось записываться и имъ въ кружокъ. Пѣть рѣшили въ обѣденномъ перерывѣ, такъ какъ все остальное время было занято Лермонтовымъ и шашками. Завѣдующій, чтобы подать примѣръ, объявилъ, что у него теноръ, и далѣе все пошло, какъ въ скверномъ снѣ. Клѣтчатый спеціалистъ-хормейстеръ проораль:

— До-ми-соль-до! — вытащилъ наиболѣе застѣнчивыхъ изъ-за шкафовъ, гдѣ они пытались спастись отъ пѣнія, Косарчуку сказалъ, что у него абсолютный слухъ, занылъ, заскулилъ, просилъ уважить стараго регента-пѣвуна, стучалъ камертономъ по пальцамъ, умоляя грянуть «Славное море».

Грянули. И славно грянули. Клѣтчатый, дѣйствительно, понималъ свое дѣло. Допѣли первый куплетъ. Тутъ регентъ извинился, сказалъ: «Я на минутку» — и... исчезъ. Думали, что онъ дѣйствительно вернется черезъ минутку. Но прошло и десять минутъ, а его нѣту. Радость охватила филиальцевъ — сбѣжалъ.

И вдругъ какъ-то сами собой запѣли второй куплетъ, всѣхъ повелъ за собой Косарчукъ, у котораго, можетъ быть, и не было абсолютнаго слуха, но былъ довольно пріятный высокій теноръ. Спѣли. Регента нѣту! Двинулись по своимъ мѣстамъ, но не успѣли сѣсть, какъ, противъ своего желанія, запѣли. Остановить, — но не тутъ-то было. Помолчать минуты три и опять грянуть. Помолчать — грянуть! Тутъ сообразили, что бѣда. Завѣдующій заперся у себя въ кабинетъ отъ сраму.

Тутъ дѣвицынъ рассказъ прервался. Ничего валеріанка не помогла.

Черезъ четверть часа къ рѣшеткѣ въ Ваганьковскомъ подѣхали три грузовика, и на нихъ погрузился вѣсь составъ филиала во главѣ съ завѣдующимъ.

Лишь только первый грузовикъ, качнувшись въ воротахъ, выѣхалъ въ переулокъ, служащіе, стоящіе на платформѣ и держащіе другъ друга за плечи, раскрыли рты, и вѣсь переулокъ огласился популярной пѣсней. Второй грузовикъ подхватилъ, а за нимъ и третій. Такъ и поѣхали. Прохожіе, бѣгушіе по своимъ дѣламъ, бросали на грузовики лишь бѣглый взглядъ, ничуть не удивляясь и полагая, что это экскурсія ѣдетъ за городъ. Ёхали, дѣйствительно, за городъ, но только не на экскурсію, а въ клинику профессора Стравинскаго.

Черезъ полчаса совсѣмъ потерявшій голову бухгалтеръ добрался до финзрелищнаго сектора, надѣясь наконецъ избавиться отъ казенныхъ денегъ. Уже ученый опытомъ, онъ прежде всего осторожно

заглянулъ въ продолговатый залъ, гдѣ за матовыми стеклами съ золотыми надписями сидѣли служащіе. Никакихъ признаковъ тревоги или безобразія бухгалтеръ здѣсь не обнаружилъ. Было тихо, какъ и полагается въ приличномъ учрежденіи.

Василій Степановичъ всунулъ голову въ то окошечко, надъ которымъ было написано: «Пріемъ суммъ», — поздоровался съ какимъ-то незнакомымъ ему служащимъ и вѣжливо попросилъ приходный ордерокъ.

— А вамъ зачѣмъ? — спросилъ служащій въ окошечкѣ.

Бухгалтеръ изумился.

— Хочу сдать сумму. Я изъ Варьете.

— Одну минутку, — отвѣтилъ служащій и мгновенно закрылъ сѣткой дыру въ стеклѣ.

«Странно!» — подумалъ бухгалтеръ. Изумленіе его было совершенно естественно. Впервые въ жизни онъ встрѣтился съ такимъ обстоятельствомъ. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно получить деньги; къ этому всегда могутъ найтись препятствія. Но въ тридцатилѣтней практикѣ бухгалтера не было случая, чтобы кто-нибудь, будь то юридическое или частное лицо, затруднялся бы принять деньги.

Но наконецъ сѣточка отодвинулась, и бухгалтеръ опять прильнулъ къ окошечку.

— А у васъ много ли? — спросилъ служащій.

— Двадцать одна тысяча семьсотъ одиннадцать рублей.

— Ого! — почему-то иронически отвѣтилъ служащій и протянулъ бухгалтеру зеленый листокъ.

Хорошо зная форму, бухгалтеръ мигомъ заполнилъ его и началъ развязывать веревочку на пакетѣ. Когда онъ распаковалъ свой грузъ, въ глазахъ у него зарябило, онъ что-то промычалъ болѣзненно.

Передъ глазами его замелькали иностранныя

деньги. Тутъ были пачки канадскихъ долларовъ, англійскихъ фунтовъ, голландскихъ гульденовъ, латвійскихъ латъ, эстонскихъ кронъ...

— Вотъ онъ, одинъ изъ этихъ штукарей изъ Варьете, — слышался грозный голосъ надъ онѣмѣвшимъ бухгалтеромъ. И тутъ же Василя Степановича арестовали.

Неудачливые визитеры

Въ то самое время, какъ старательный бухгалтеръ неся въ таксомоторѣ, чтобы нарваться на самопишущій костюмъ, изъ плацкартнаго мягкаго вагона № 9 кіевскаго поѣзда, пришедшаго въ Москву, въ числѣ другихъ вышелъ пассажиръ съ маленькимъ фибровымъ чемоданчикомъ въ рукѣ. Пассажиръ этотъ былъ никто иной, какъ дядя покойнаго Берліоза, Максимиліанъ Андреевичъ Поплавскій, экономистъ-плановикъ, проживающій въ Кіевѣ на бывшей Институтской улицѣ. Причиной пріѣзда Максимиліана Андреевича въ Москву была полученная имъ позавчера позднимъ вечеромъ телеграмма слѣдующаго содержанія: «Меня только что зарѣзало трамваемъ на Патріаршихъ. Похороны пятницу, три часа дня. Пріѣзжай. Берліозъ».

Максимиліанъ Андреевичъ считался, и заслуженно, однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Кіевѣ. Но и самага умнаго человѣка подобная телеграмма можетъ поставить въ тупикъ. Разъ человѣкъ телеграфируетъ, что его зарѣзало, то ясно, что его зарѣзало не насмерть. Но при чемъ же тогда похороны? Или онъ очень плохъ и предвидитъ, что умретъ? Это возможно, но въ высшей степени странна эта точность — откуда онъ такъ-таки знаетъ, что хоронитъ его будутъ въ пятницу въ три часа дня? Удивительная телеграмма! Однако умные люди на то и умны, чтобы разбираться въ запутанныхъ вещахъ. Очень просто. Произошла ошибка, и депешу передали исковерканной. Слово «меня», безъ сомнѣнія, попало сюда изъ другой телеграммы, вмѣсто слова «Берліоза», которое приняло видъ «Берліозъ» и попало въ конецъ

телеграммы. Съ такой поправкой смысл телеграммы становился ясенъ, но, конечно, трагиченъ.

Когда утихъ взрывъ горя, поразившій супругу Максимиліана Андреевича, тотъ немедленно сталъ собираться въ Москву.

Надлежитъ открыть одну тайну Максимиліана Андреевича. Нѣтъ спору, ему было жаль племянника жены, погибшаго въ расцвѣтѣ лѣтъ. Но, конечно, какъ человѣкъ дѣловой, онъ понималъ, что никакой особенной надобности въ его присутствіи на похоронахъ нѣту. И тѣмъ не менѣе Максимиліанъ Андреевичъ очень спѣшилъ въ Москву. Въ чемъ же было дѣло? Въ одномъ — въ квартирѣ. Квартира въ Москвѣ? Это серьезно. Неизвѣстно почему, но Кіевъ не нравился Максимиліану Андреевичу, и мысль о переѣздѣ въ Москву настолько точила его въ послѣднее время, что онъ сталъ даже худо спать. Его не радовали весенніе разливы Днѣпра, когда, затопляя острова на низкомъ берегу, вода сливалась съ горизонтомъ. Его не радовалъ тотъ потрясающій по красотѣ видъ, что открывался отъ подножія памятника князю Владиміру. Его не веселили солнечныя пятна, играющія весною на кирпичныхъ дорожкахъ Владимірской горки. Ничего этого онъ не хотѣлъ, онъ хотѣлъ одного — переѣхать въ Москву.

Объявленія въ газетахъ объ обмѣнѣ квартиры на Институтской улицѣ въ Кіевѣ на меньшую площадь въ Москвѣ не давали никакого результата. Желających не находилось, а если они и находились, то ихъ предложенія были недобросовѣстны.

Телеграмма потрясла Максимиліана Андреевича. Это былъ моментъ, который упустить было бы грѣшно. Дѣловые люди знаютъ, что такіе моменты не повторяются.

Словомъ, невзирая ни на какія трудности, нужно было сумѣть унаслѣдовать квартиру племянника на

Садовой. Да, это было сложно, очень сложно, но сложности эти нужно было во что бы то ни стало преодолѣть. Опытный Максимилианъ Андреевичъ зналъ, что для этого первымъ и непремѣннымъ шагомъ долженъ быть слѣдующій шагъ: нужно во что бы то ни стало, хотя бы временно, прописаться въ трехъ комнатахъ покойнаго племянника.

Въ пятницу днемъ Максимилианъ Андреевичъ вошелъ въ дверь комнаты, въ которой помѣщалось домоуправленіе дома № 302-бисъ по Садовой улицѣ въ Москвѣ.

Въ узенькой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ старый плакатъ, изображавшій въ нѣсколькихъ картинкахъ способы оживленія утонувшихъ въ рѣкѣ, за деревяннымъ столомъ въ полномъ одиночествѣ сидѣлъ среднихъ лѣтъ небритый человѣкъ съ встревоженными глазами.

— Могу ли я видѣть председателя правленія? — вѣжливо освѣдомился экономистъ-плановикъ, снимая шляпу и ставя свой чемоданчикъ на порожней стуль.

Этотъ, казалось бы, простенькій вопросъ почему-то разстроилъ сидящаго, такъ что онъ даже измѣнился въ лицѣ. Кося въ тревогѣ глазами, онъ пробормоталъ невнятно, что председателя нѣту.

— Онъ на квартирѣ у себя? — спросилъ Поплавскій, — у меня срочнѣйшее дѣло.

Сидящій отвѣтилъ опять-таки очень несвязно. Но все-таки можно было догадаться, что председателя на квартирѣ нѣту.

— А когда онъ будетъ?

Сидящій ничего не отвѣтилъ на это и съ какою-то тоской поглядѣлъ въ окно.

«Ага!» — сказалъ самъ себѣ умный Поплавскій и освѣдомился о секретарѣ.

Станный человѣкъ за столомъ даже

побагровѣлъ отъ напряженія и сказалъ невнятно опять-таки, что секретаря тоже нѣту... когда онъ придетъ, неизвѣстно и... что секретарь боленъ...

«Ага!..» — сказалъ себѣ Поплавскій, — но кто-нибудь же есть въ правленіи?

— Я, — слабымъ голосомъ отозвался человѣкъ.

— Видите ли, — внушительно заговорилъ Поплавскій, — я являюсь единственнымъ наслѣдникомъ покойнаго Берліоза, моего племянника, погибшаго, какъ извѣстно, на Патріаршихъ, и я обязанъ, согласно закону, принять наслѣдство, заключающееся въ нашей квартирѣ номеръ пятьдесятъ...

— Не въ курсѣ я, товарищъ, — тоскливо перебилъ человѣкъ.

— Но, позвольте, — звучнымъ голосомъ сказалъ Поплавскій, — вы членъ правленія и обязаны...

И тутъ въ комнату вошелъ какой-то гражданинъ. При видѣ вошедшаго сидящій за столомъ поблѣднѣлъ.

— Членъ правленія Пятнажко? — спросилъ у сидящаго вошедшій.

— Я, — чуть слышно отвѣтилъ тотъ.

Вошедшій что-то прошепталъ сидящему, и тотъ, совершенно разстроенный, поднялся со стула, и черезъ нѣсколько секундъ Поплавскій остался одинъ въ пустой комнатѣ правленія.

«Эхъ, какое осложненіе! И нужно жъ было, чтобъ ихъ всѣхъ сразу...» — съ досадой думалъ Поплавскій, пересѣкая асфальтовый дворъ и спѣша въ квартиру № 50.

Лишь только экономистъ-плановикъ позвонилъ, дверь открыли, и Максимиліанъ Андреевичъ вошелъ въ полутемную переднюю. Удивило его нѣсколько то обстоятельство, что непонятно было, кто ему открылъ:

въ передней никого не было, кромѣ громаднѣйшаго черного кота, сидящаго на стулѣ.

Максимиліанъ Андреевичъ покашлялъ, потопаль ногами, и когда дверь кабинета открылась, и въ переднюю вышелъ Коровьевъ, Максимиліанъ Андреевичъ поклонился ему вѣжливо, но съ достоинствомъ, и сказалъ:

— Моя фамилія Поплавскій. Я являюсь дядей...

Не успѣлъ онъ договорить, какъ Коровьевъ выхватилъ изъ кармана грязный платокъ, уткнулся въ него носомъ и заплакалъ.

— ... покойнаго Берліоза...

— Какъ же, какъ же, — перебилъ Коровьевъ, отнимая платокъ отъ лица. — Я какъ только глянулъ на васъ, догадался, что это вы! — тутъ онъ затрясся отъ слезъ и началъ вскрикивать: — Горе-то, а? Вѣдь это что жъ такое дѣлается? А?

— Трамваемъ задавило? — шепотомъ спросилъ Поплавскій.

— Начисто, — крикнулъ Коровьевъ, и слезы побѣжали у него изъ-подъ пенсне потоками, — начисто! Я былъ свидѣтелемъ. Вѣрите — разъ! Голова — прочь! Правая нога — хрусть, пополамъ! Лѣвая — хрусть, пополамъ! Вотъ до чего эти трамваи доводятъ! — и, будучи, видимо, не въ силахъ сдержать себя, Коровьевъ клюнулъ носомъ въ стѣну рядомъ съ зеркаломъ и сталъ содрогаться въ рыданіяхъ.

Дядя Берліоза былъ искренне пораженъ поведеніемъ неизвѣстнаго. «Вотъ, говорятъ, не бываетъ въ нашъ вѣкъ сердечныхъ людей!» — подумалъ онъ, чувствуя, что у него самого начинаютъ чесаться глаза. Однако въ то же время непріятное облачко набѣжало на его душу, и тутъ же мелькнула змѣйкой мысль о томъ, что не прописался ли этотъ сердечный человекъ уже въ

квартирѣ покойнаго, ибо и такіе примѣры въ жизни бывали.

— Простите, вы были другомъ моего покойнаго Миши? — спросилъ онъ, утирая рукавомъ лѣвый сухой глазъ, а правымъ изучая потрясаемаго печалью Коровьева. Но тотъ до того разрыдался, что ничего нельзя было понять, кромѣ повторяющихся словъ «хрусть и пополамъ!». Нарыдавшись вдоволь, Коровьевъ отлѣпилъ наконецъ отъ стѣнки и вымолвилъ:

— Нѣтъ, не могу больше! Пойду приму триста капель ээирной валерьянки! — и, повернувъ къ Поплавскому совершенно заплаканное лицо, добавилъ: — Вотъ они, трамваи-то.

— Я извиняюсь, вы мнѣ дали телеграмму? — спросилъ Максимиліанъ Андреевичъ, мучительно думая о томъ, кто бы могъ быть этотъ удивительный плакса.

— Онъ! — отвѣтилъ Коровьевъ и указаль пальцемъ на кота.

Поплавскій вытаращилъ глаза, полагая, что ослышался.

— Нѣтъ, не въ силахъ, нѣтъ мочи, — шмыгая носомъ, продолжалъ Коровьевъ, — какъ вспомню: колесо по ногѣ... одно колесо пудовъ десять вѣситъ... Хрусть! Пойду лягу въ постель, забудусь сномъ, — и тутъ онъ исчезъ изъ передней.

Коть же шевельнулся, спрыгнулъ со стула, сталъ на задніе лапы, подбоченился, раскрылъ пасть и сказалъ:

— Ну, я даль телеграмму! Дальше что?

У Максимиліана Андреевича сразу закружилась голова, руки и ноги отнялись, онъ уронилъ чемоданъ и сѣлъ на стулъ напротивъ кота.

— Я, кажется, русскимъ языкомъ спрашиваю, — сурово сказалъ котъ, — дальше что?

Но Поплавскій не далъ никакого отвѣта.

— Паспортъ! — твякнулъ котъ и протянулъ пухлую лапу.

Ничего не соображая и ничего не видя, кромѣ двухъ искръ, горящихъ въ кошачьихъ глазахъ, Поплавскій выхватилъ изъ кармана паспортъ, какъ кинжалъ. Котъ снялъ съ подзеркальнаго стола очки въ толстой черной оправѣ, надѣлъ ихъ на морду, отъ чего сдѣлался еще внушительнѣе, и вынулъ изъ прыгающей руки Поплавскаго паспортъ.

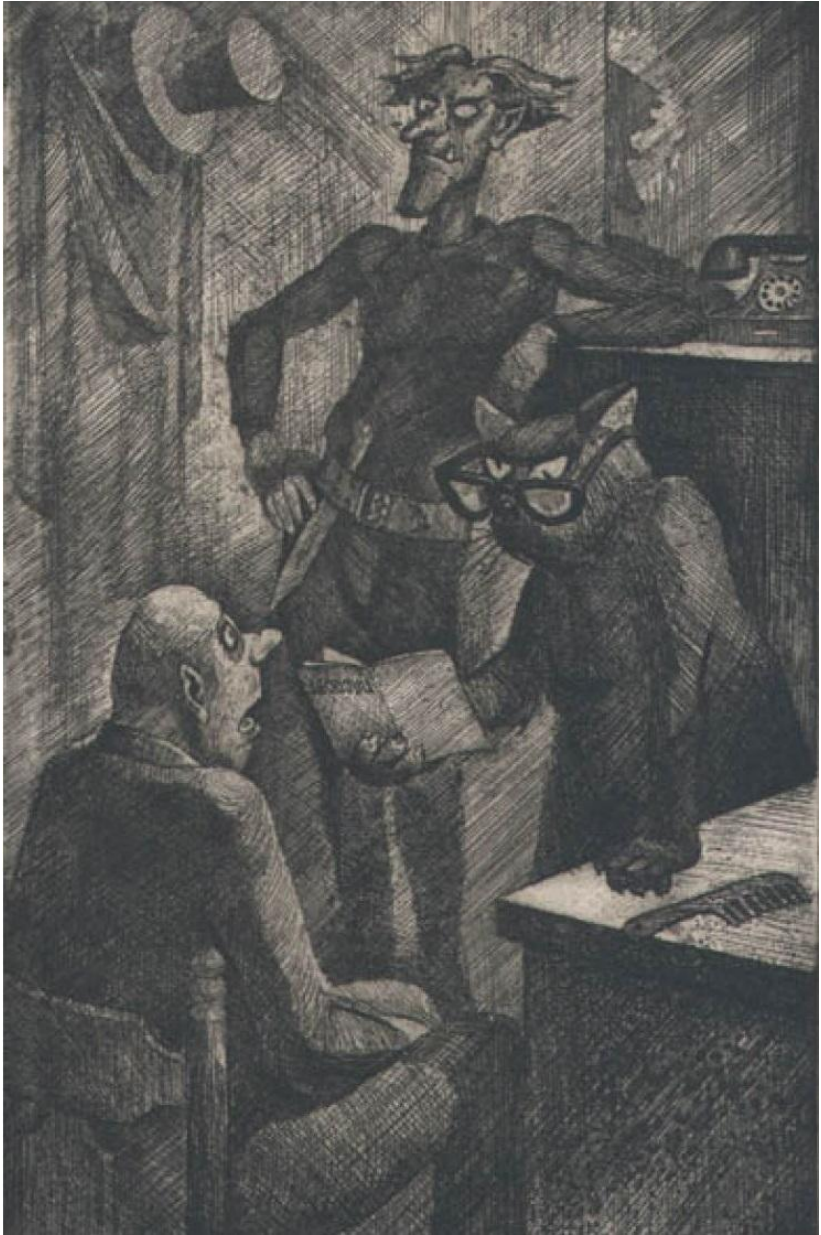
«Вотъ интересно: упаду я въ обморокъ или нѣтъ?» — подумалъ Поплавскій. Издалека доносились всхлипыванія Коровьева, вся передняя наполнилась запахомъ ээира, валерьянки и еще какой-то мерзости.

— Какимъ отдѣленіемъ выданъ документъ? — спросилъ котъ, всматриваясь въ страницу. Отвѣта не послѣдовало.

— Четыреста двѣнадцатымъ, — самъ себѣ сказалъ котъ, вода лапой по паспорту, который онъ держалъ кверху ногами, — ну да, конечно! Мнѣ это отдѣленіе извѣстно! Тамъ кому попало выдаютъ паспорта! А я бѣ, напримѣръ, не выдалъ такому, какъ вы! Глянулъ бы только разъ въ лицо и моментально отказалъ бы! — котъ до того разсердился, что швырнулъ паспортъ на полъ. — Ваше присутствіе на похоронахъ отмѣняется, — продолжалъ котъ официальнымъ голосомъ. — Потрудитесь уѣхать къ мѣсту жительства. — И рывкнулъ въ дверь: — Азazelло!

На его зовъ въ переднюю выбѣжалъ маленькій, прихрамывающій, обтянутый чернымъ трико, съ ножомъ, засунутымъ за кожаный поясъ, рыжій, съ желтымъ клыкомъ, съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу.

Поплавскій почувствовалъ, что ему не хватаетъ воздуха, поднялся со стула и попятился, держась за сердце.

— Азazelло, проводи! — приказалъ котъ и вышелъ изъ передней.

— Поплавскій, — тихо прогнулъ вошедшій, — надѣюсь, уже все понятно?

Поплавскій кивнулъ головой.

— Возвращайся немедленно въ Кіевъ, — продолжалъ Азazelло, — сиди тамъ тише воды, ниже травы и ни о какихъ квартирахъ въ Москвѣ не мечтай, ясно?

Этотъ маленькій, доводящій до смертнаго страха Поплавскаго своимъ клыкомъ, ножомъ и кривымъ глазомъ, доходилъ экономисту только до плеча, но дѣйствоваль энергично, складно и организованно.

Прежде всего онъ поднялъ паспортъ и подалъ его Максимиліану Андреевичу, и тотъ принялъ книжечку мертвой рукой. Затѣмъ именуемый Азazelло одной рукой поднялъ чемоданъ, другой распахнулъ дверь и, взявъ подъ руку дядю Берліоза, вывелъ его на площадку лѣстницы. Поплавскій прислонился къ стѣнѣ. Безъ всякаго ключа Азazelло открылъ чемоданъ, вынулъ изъ него громадную жареную курицу безъ одной ноги, завернутую въ промаслившуюся газету, и положилъ ее на площадкѣ. Затѣмъ вытащилъ двѣ пары бѣлья, бритвенный ремень, какую-то книжку и футляръ и все это спихнулъ ногой въ пролетъ лѣстницы, кромѣ курицы. Туда же полетѣлъ и опустѣвшій чемоданъ. Слышно было, какъ онъ грохнулъ вниз и, судя по звуку, отъ него отлетѣла крышка.

Затѣмъ рыжій разбойникъ ухватилъ за ногу курицу и всей этой курицей плашмя, крѣпко и страшно такъ ударилъ по шеѣ Поплавскаго, что туловище курицы отскочило, а нога осталась въ рукѣ Азazelло. Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ, какъ справедливо выразился знаменитый писатель Левъ Толстой. Именно такъ и сказалъ бы онъ въ данномъ случаѣ. Да! Все

смѣшалось въ глазахъ у Поплавскаго. Длинная искра пронеслась у него передъ глазами, затѣмъ смѣнилась какой-то траурной змѣей, погасившей на мгновеньѣ майскій день, — и Поплавскій полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ, держа въ рукѣ паспортъ. Долетѣвъ до поворота, онъ выбилъ на лѣстничной площадкѣ ногою стекло въ окнѣ и сѣлъ на ступенькѣ. Мимо него пропрыгала безногая курица и свалилась въ пролетъ. Оставшійся наверху Азазелло вмигъ обглодалъ куриную ногу и кость засунулъ въ боковой карманчикъ трико, вернулся въ квартиру и съ грохотомъ закрылся. Въ это время снизу стали слышаться осторожные шаги поднимающегося человѣка.

Пробѣжавъ еще одинъ пролетъ, Поплавскій сѣлъ на деревянный диванчикъ на площадкѣ и перевелъ духъ.

Какой-то малюсенькій пожилой человѣчекъ съ необыкновенно печальнымъ лицомъ, въ чесунчовомъ старинномъ костюмѣ и твердой соломенной шляпѣ съ зеленой лентой, подымаясь вверхъ по лѣстницѣ, остановился возлѣ Поплавскаго.

— Позвольте васъ спросить, гражданинъ, — съ грустью освѣдомился человѣчекъ въ чесунчѣ, — гдѣ квартира номеръ пятьдесятъ?

— Выше! — отрывисто отвѣтилъ Поплавскій.

— Покорнѣйше васъ благодарю, гражданинъ, — такъ же грустно сказалъ человѣчекъ и пошелъ вверхъ, а Поплавскій поднялся и побѣжалъ внизъ.

Возникаетъ вопросъ, ужъ не въ милицію ли спѣшилъ Максимиліанъ Андреевичъ жаловаться на разбойниковъ, учинившихъ надъ нимъ дикое насиліе среди бѣла дня? Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ, это можно сказать увѣренно. Войти въ милицію и сказать, что вотъ, молъ, сейчасъ котъ въ очкахъ читалъ мой паспортъ, а потомъ человѣкъ въ трико, съ ножомъ... Нѣтъ,

граждане, Максимиліанъ Андреевичъ былъ дѣйствительно умнымъ человѣкомъ!

Онъ былъ уже внизу и увидѣлъ у самой выходной двери дверь, ведущую въ какую-то каморку. Стекло въ этой двери было выбито. Поплавскій спряталъ паспортъ въ карманъ, оглянулся, надѣясь увидѣть выброшенныя вещи. Но ихъ не было и слѣда. Поплавскій самъ удивился, насколько мало его это огорчило. Его занимала другая интересная и соблазнительная мысль — провѣрить на этомъ человѣчкѣ еще разъ проклятую квартиру. Въ самомъ дѣлѣ: разъ онъ справлялся о томъ, гдѣ она находится, значитъ, шелъ въ нее впервые. Стало быть, онъ сейчасъ направлялся непосредственно въ лапы той компаніи, что засѣла въ квартирѣ № 50. Что-то подсказывало Поплавскому, что человѣчекъ этотъ очень скоро выйдетъ изъ квартиры. Ни на какіе похороны никакого племянника Максимиліанъ Андреевичъ, конечно, уже не собирался, а до поѣзда въ Кіевъ времени было достаточно. Экономистъ оглянулся и нырнулъ въ каморку. Въ это время далеко вверху стукнула дверь. «Это онъ вошелъ!» — съ замираніемъ сердца подумалъ Поплавскій. Въ каморкѣ было прохладно, пахло мышами и сапогами. Максимиліанъ Андреевичъ усѣлся на какомъ-то деревянномъ обрубкѣ и рѣшилъ ждать. Позиція была удобная, изъ каморки прямо была видна выходная дверь шестого параднаго.

Однако ждать пришлось дольше, чѣмъ полагалъ кіевлянинъ. Лѣстница все время была почему-то пустынна. Слышно было хорошо, и наконецъ въ пятомъ этажѣ стукнула дверь. Поплавскій замеръ. Да, его шажки. «Идетъ внизъ». Открылась дверь этажомъ пониже. Шажки стихли. Женскій голосъ. Голосъ грустнаго человѣка... да, это его голосъ... Произнесъ что-то вродѣ «Оставь, Христа ради...». Ухо Поплавскаго торчало въ разбитомъ стеклѣ. Это ухо уловило женскій

смѣхъ. Быстрые и бойкіе шаги внизъ; и вотъ мелькнула спина женщины. Эта женщина съ клеенчатой зеленой сумкой въ рукахъ вышла изъ подъѣзда во дворъ. А шажки того человѣчка возобновились. «Странно, онъ назадъ возвращается въ квартиру! А не изъ этой ли шайки онъ самъ? Да, возвращается. Вотъ опять наверху открыли дверь. Ну что же, подождемъ еще».

На этотъ разъ пришлось ждать недолго. Звуки двери. Шажки. Шажки стихли. Отчаянный крикъ. Мяуканье кошки. Шажки быстрые, дробные, внизъ, внизъ, внизъ!

Поплавскій дождался. Крестясь и что-то бормоча, пролетѣлъ печальный человѣкъ, безъ шляпы, съ совершенно безумнымъ лицомъ, исцарапанной лысиной и въ совершенно мокрыхъ штанахъ. Онъ началъ рвать за ручку выходную дверь, въ страхѣ не соображая, куда она открывается — наружу или внутрь, — наконецъ совладалъ съ нею и вылетѣлъ на солнце во дворъ.

Провѣрка квартиры была произведена; не думая больше ни о покойномъ племянникѣ, ни о квартирѣ, содрогаясь при мысли о той опасности, которой онъ подвергался, Максимиліанъ Андреевичъ, шепча только два слова: «Все понятно! Все понятно!» — выбѣжалъ во дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ троллейбусъ уносилъ экономиста-плановика по направленію къ Кіевскому вокзалу.

Съ маленькимъ же человѣчкомъ, пока экономистъ сидѣлъ въ каморкѣ внизу, приключилась непріятнѣйшая исторія. Человѣчекъ былъ буфетчикомъ въ Варьетѣ и назывался Андрей Фокичъ Соковъ. Пока шло слѣдствіе въ Варьетѣ, Андрей Фокичъ держался въ сторонкѣ отъ всего происходящаго, и замѣчено было только одно, что онъ сталъ еще грустнѣе, чѣмъ былъ

всегда вообще, и, кромѣ того, что онъ справлялся у курьера Карпова о томъ, гдѣ остановился прїѣзжій магъ.

Итакъ, разставшись на площадкѣ съ экономистомъ, буфетчикъ добрался до пятого этажа и позвонилъ въ квартиру № 50.

Ему открыли немедленно, но буфетчикъ вздрогнулъ, попятился и вошелъ не сразу. Это было понятно. Открыла дверь дѣвица, на которой ничего не было, кромѣ кокетливаго кружевнаго фартучка и бѣлой накладки на головѣ. На ногахъ, впрочемъ, были золотыя туфельки. Сложениемъ дѣвица отличалась безукоризненнымъ, и единственнымъ дефектомъ ея внѣшности можно было считать багровый шрамъ на шеѣ.

— Ну что жъ, входите, разъ звонили! — сказала дѣвица, уставивъ на буфетчика зеленые распутные глаза.

Андрей Фокичъ охнулъ, заморгаль глазами и шагнулъ въ переднюю, снимая шляпу. Въ это время какъ разъ въ передней зазвенѣлъ телефонъ. Безстыжая горничная, поставивъ одну ногу на стулъ, сняла трубку съ рычажка и сказала въ нее:

— Алло!

Буфетчикъ не зналъ, куда дѣвать глаза, переминался съ ноги на ногу и думалъ: «Ай да горничная у иностранца! Тьфу ты, пакость какая!» И чтобы спастись отъ пакости, сталъ коситься по сторонамъ.

Вся большая и полутемная передняя была загромождена необычными предметами и одѣяниемъ. Такъ, на спинку стула выброшенъ былъ траурный плащъ, подбитый огненной матеріей, на подзеркальномъ столикѣ лежала длинная шпага съ поблескивающей золотомъ рукоятю. Три шпаги съ рукоятями серебряными стояли въ углу такъ же просто, какъ какіе-

нибудь зонтики или трости. А на оленьихъ рогахъ висѣли береты съ орлиными перьями.

— Да, — говорила горничная въ телефонъ, — какъ? Баронъ Майгель? Слушаю. Да! Господинъ артистъ сегодня дома. Да, будетъ радъ васъ видѣть. Да, гости... Фракъ или черный пиджакъ. Что? Къ двѣнадцати ночи. — Закончивъ разговоръ, горничная положила трубку и обратилась къ буфетчику: — Вамъ что угодно?

— Мнѣ необходимо видѣть гражданина артиста.

— Какъ? Такъ-таки его самого?

— Его, — отвѣтилъ буфетчикъ печально.

— Спрошу, — сказала, видимо колеблясь, горничная и, пріоткрывъ дверь въ кабинетъ покойнаго Берліоза, доложила: — Рыцарь, тутъ явился маленькій человѣкъ, который говоритъ, что ему нуженъ мессиръ.

— А пусть войдетъ, — раздался изъ кабинета разбитый голосъ Коровьева.

— Пройдите въ гостиную, — сказала дѣвица такъ просто, какъ будто была одѣта по-человѣчески, пріоткрыла дверь въ гостиную, а сама покинула переднюю.

Войдя туда, куда его пригласили, буфетчикъ даже про дѣло свое позабылъ, до того его поразило убранство комнаты. Сквозь цвѣтныя стекла большихъ оконъ (фантазія безслѣдно пропавшей ювелирши) лился необыкновенный, похожій на церковный, свѣтъ. Въ старинномъ громадномъ каминѣ, несмотря на жаркій весенній день, пылали дрова. А жарко между тѣмъ нисколько не было въ комнатѣ, и даже наоборотъ, входящаго охватывала какая-то погребная сырость. Передъ каминомъ на тигровой шкурѣ сидѣлъ, благодушно жмурясь на огонь, черный котище. Былъ столъ, при взглядѣ на который богобоязненный буфетчикъ вздрогнулъ: столъ былъ покрытъ церковной

парчой. На парчовой скатерти стояло множество бутылокъ — пузатыхъ, заплѣсневѣвшихъ и пыльныхъ. Между бутылками поблескивало блюдо, и сразу было видно, что это блюдо изъ чистаго золота. У камина маленькій, рыжій, съ ножомъ за поясомъ, на длинной стальной шпагѣ жарилъ куски мяса, и сокъ капалъ въ огонь, и въ дымоходъ уходилъ дымъ. Пахло не только жаренымъ, но еще какими-то крѣпчайшими духами и ладаномъ, отъ чего у буфетчика, уже знавшаго изъ газетъ о гибели Берліоза и о мѣстѣ его проживанія, мелькнула мысль о томъ, что ужъ не служили ли, чего добраго, по Берліозу церковную панихиду, каковую мысль, впрочемъ, онъ тутъ же отогналъ отъ себя, какъ завѣдомо нелѣпую.

Ошеломленный буфетчикъ неожиданно услышалъ тяжелый басъ:

— Ну-съ, чѣмъ я вамъ могу быть полезенъ?

Тутъ буфетчикъ и обнаружилъ въ тѣни того, кто былъ ему нуженъ.

Черный магъ раскинулся на какомъ-то необъятномъ диванѣ, низкомъ, съ разбросанными на немъ подушками. Какъ показалось буфетчику, на артистѣ было только черное бѣлье и черныя же остроносыя туфли.

— Я, — горько заговорилъ буфетчикъ, — являюсь завѣдующимъ буфетомъ театра Варьете...

Артистъ вытянулъ впередъ руку, на пальцахъ которой сверкали камни, какъ бы заграждая уста буфетчику, и заговорилъ съ большимъ жаромъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни слова больше! Ни въ какомъ случаѣ и никогда! Въ ротъ ничего не возьму въ вашемъ буфетѣ! Я, почтеннѣйшій, проходилъ вчера мимо вашей стойки и до сихъ поръ не могу забыть ни осетрины, ни брынзы. Драгоценный мой! Брынза не бываетъ зеленаго цвѣта, это васъ кто-то обманулъ. Ей

полагается быть бѣлой. Да, а чай? Вѣдь это же помои! Я своими глазами видѣлъ, какъ какая-то неопрятная дѣвушка подливала изъ ведра въ вашъ громадный самоваръ сырую воду, а чай между тѣмъ продолжали разливать. Нѣтъ, милѣйшій, такъ невозможно!

— Я извиняюсь, — заговорилъ ошеломленный этимъ внезапнымъ нападеніемъ Андрей Фокичъ, — я не по этому дѣлу, и осетрина здѣсь ни при чемъ.

— То есть какъ это ни при чемъ, если она испорчена!

— Осетрину прислали второй свѣжести, — сообщилъ буфетчикъ.

— Голубчикъ, это вздоръ!

— Чего вздоръ?

— Вторая свѣжесть — вотъ что вздоръ! Свѣжесть бываетъ только одна — первая, она же и послѣдняя. А если осетрина второй свѣжести, то это означаетъ, что она тухлая!

— Я извиняюсь, — началъ было опять буфетчикъ, не зная, какъ отдѣлаться отъ придирающагося къ нему артиста.

— Извинить не могу, — твердо сказалъ тотъ.

— Я не по этому дѣлу пришелъ, — совсѣмъ разстраиваясь, проговорилъ буфетчикъ.

— Не по этому? — удивился иностранный магъ. — А какое же еще дѣло могло привести васъ ко мнѣ? Если память не измѣняетъ мнѣ, изъ лицъ, близкихъ вамъ по профессіи, я знался только съ одной маркитанткой, но и то давно, когда васъ еще не было на свѣтѣ. Впрочемъ, я радъ. Азazelло! Табуретъ господину завѣдующему буфетомъ!

Тотъ, что жарилъ мясо, повернулся, причемъ ужаснулъ буфетчика своими клыками, и ловко подаль ему одинъ изъ темныхъ дубовыхъ низенькихъ табуретовъ. Другихъ сидѣній въ комнатѣ не было.

Буфетчикъ вымолвилъ:

— Покорнѣйше благодарю, — и опустился на скамеечку. Задняя ея ножка тотчасъ съ трескомъ подломилась, и буфетчикъ, охнувъ, больно ударился задомъ объ полъ. Падая, онъ поддѣлъ ногой другую скамеечку, стоявшую передъ нимъ, и съ нее опрокинулъ себѣ на брюки полную чашу краснаго вина.

Артистъ воскликнулъ:

— Ай! Не ушиблись ли вы?

Азazelло помогъ буфетчику подняться, подаль другое сидѣнье. Полнымъ горя голосомъ буфетчикъ отказался отъ предложенія хозяина снять штаны и просушить ихъ передъ огнемъ и, чувствуя себя невыносимо неудобно въ мокромъ бѣльѣ и платьѣ, сѣлъ на другую скамеечку съ опаской.

— Я люблю сидѣть низко, — проговорилъ артистъ, — съ низкаго не такъ опасно падать. Да, итакъ мы остановились на осетринѣ? Голубчикъ мой! Свѣжесть, свѣжесть и свѣжесть, вотъ что должно быть девизомъ всякаго буфетчика. Да вотъ, не угодно ли отвѣдать...

Тутъ въ багровомъ свѣтѣ отъ камина блеснула передъ буфетчикомъ шпага, и Азazelло выложилъ на золотую тарелку шипящій кусокъ мяса, полилъ его лимоннымъ сокомъ и подаль буфетчику золотую двузубую вилку.

— Покорнѣйше... я...

— Нѣтъ, нѣтъ, попробуйте!

Буфетчикъ изъ вѣжливости положилъ кусочекъ въ ротъ и сразу понялъ, что жуесть что-то дѣйствительно очень свѣжее и, главное, необыкновенно вкусное. Но, прожевывая душистое, сочное мясо, буфетчикъ едва не подавился и не упалъ вторично. Изъ сосѣдней комнаты вылетѣла большая темная птица и тихонько задѣла крыломъ лысину буфетчика. Сѣвъ на каминную полку

рядомъ съ часами, птица оказалась совой. «Господи Боже мой! — подумалъ нервный, какъ всѣ буфетчики, Андрей Фокичъ, — вотъ квартирка!»

— Чашу вина? Бѣлое, красное? Вино какой страны предпочитаете въ это время дня?

— Покорнѣйше... я не пью...

— Напрасно! Такъ не прикажете ли партію въ кости? Или вы предпочитаете другіе какіе-нибудь игры? Домино, карты?

— Не играю, — уже утомленный, отозвался буфетчикъ.

— Совсѣмъ худо, — заключилъ хозяинъ, — что-то, воля ваша, недоброе таится въ мужчинахъ, избѣгающихъ вина, игръ, общества прелестныхъ женщинъ, застольной бесѣды. Такіе люди или тяжело больны, или втайнѣ ненавидятъ окружающихъ. Правда, возможны исключенія. Среди лицъ, садившихся со мною за пиршественный столъ, попадались иногда удивительные подлецы! И такъ, я слушаю ваше дѣло.

— Вчера вы изволили фокусы дѣлать...

— Я? — воскликнулъ въ изумленіи магъ, — помилосердствуйте. Мнѣ это даже какъ-то не къ лицу!

— Виноватъ, — сказалъ опѣшившій буфетчикъ, — давать сеансъ черной магіи...

— Ахъ, ну да, ну да! Дорогой мой! Я открою вамъ тайну: я вовсе не артистъ, а просто мнѣ хотѣлось повидать москвичей въ массѣ, а удобнѣе всего это было сдѣлать въ театрѣ. Ну вотъ моя свита, — онъ кивнулъ въ сторону кота, — и устроила этотъ сеансъ, я же лишь сидѣлъ и смотрѣлъ на москвичей. Но не мѣняйтесь въ лицѣ, а скажите, что же въ связи съ этимъ сеансомъ привело васъ ко мнѣ?

— Изволите ли видѣть, въ числѣ прочаго бумажки слетѣли съ потолка, — буфетчикъ понизилъ голосъ и конфузливо оглянулся, — ну, ихъ всѣ и

похватили. И вотъ заходить ко мнѣ въ буфетъ молодой человѣкъ, даетъ червонецъ, я сдачи ему восемь съ полтиной... Потомъ другой.

— Тоже молодой человѣкъ?

— Нѣтъ, пожилой. Третій, четвертый. Я все даю сдачи. А сегодня сталъ провѣрять кассу, глядь, а вмѣсто денегъ — рѣзаная бумага. На сто девять рублей наказали буфетъ.

— Ай-яй-яй! — воскликнулъ артистъ, — да неужели жъ они думали, что это настоящія бумажки? Я не допускаю мысли, чтобы они это сдѣлали сознательно.

Буфетчикъ какъ-то криво и тоскливо оглянулся, но ничего не сказалъ.

— Неужели мошенники? — тревожно спросилъ у гостя магъ, — неужели среди Москвичей есть мошенники?

Въ отвѣтъ буфетчикъ такъ горько улыбнулся, что отпали всѣ сомнѣнія: да, среди москвичей есть мошенники.

— Это низко! — возмущился Воландъ, — вы человѣкъ бѣдный... вѣдь вы — человѣкъ бѣдный?

Буфетчикъ втянулъ голову въ плечи, такъ что стало видно, что онъ человѣкъ бѣдный.

— У васъ сколько имѣется сбереженій?

Вопросъ былъ заданъ участливымъ тономъ, но все-таки такой вопросъ нельзя не признать неделикатнымъ. Буфетчикъ замялся.

— Двѣсти сорокъ девять тысячъ рублей въ пяти сберкассахъ, — отозвался изъ сосѣдней комнаты треснувшій голосъ, — и дома подъ поломъ двѣсти золотыхъ десятокъ.

Буфетчикъ какъ будто прикипѣлъ къ своему табурету.

— Ну, конечно, это не сумма, — снисходительно сказалъ Воландъ своему гостю, — хотя, впрочемъ, и она, собственно, вамъ не нужна. Вы когда умрете?

Тутъ ужъ буфетчикъ возмутился.

— Это никому не извѣстно и никого не касается, — отвѣтилъ онъ.

— Ну да, неизвѣстно, — слышался все тотъ же дрянной голосъ изъ кабинета, — подумаешь, биномъ Ньютона! Умретъ онъ черезъ девять мѣсяцевъ, въ февралѣ будущаго года, отъ рака печени въ клиникѣ Перваго МГУ, въ четвертой палатѣ.

Буфетчикъ сталъ желтъ лицомъ.

— Девять мѣсяцевъ, — задумчиво считалъ Воландъ, — двѣсти сорокъ девять тысячъ... Это выходитъ круглымъ счетомъ двадцать семь тысячъ въ мѣсяць? Маловато, но при скромной жизни хватитъ. Да еще десятки.

— Десятки реализовать не удастся, — ввязался все тотъ же голосъ, леденя сердце буфетчика, — по смерти Андрея Фокича домъ немедленно сломаютъ и десятки будутъ отправлены въ госбанкъ.

— Да я и не совѣтовалъ бы вамъ ложиться въ клинику, — продолжалъ артистъ, — какой смыслъ умирать въ палатѣ подъ стоны и хрипъ безнадежныхъ больныхъ. Не лучше ли устроить пиръ на эти двадцать семь тысячъ и, принявъ ядъ, переселиться <въ другой мѣръ> подъ звуки струнъ, окруженнымъ хмельными красавицами и лихими друзьями?

Буфетчикъ сидѣлъ неподвижно и очень постарѣлъ. Темныя кольца окружили его глаза, щеки обвисли и нижняя челюсть отвалилась.

— Впрочемъ, мы размечтались, — воскликнулъ хозяинъ, — къ дѣлу. Покажите вашу рѣзаную бумагу.

Буфетчикъ, волнуясь, вытащилъ изъ кармана пачку, развернулъ ее и остолбенѣлъ. Въ обрывкѣ газеты лежали червонцы.

— Дорогой мой, вы дѣйствительно нездоровы, — сказалъ Воландъ, пожимая плечами.

Буфетчикъ, дико улыбаясь, поднялся съ табурета.

— А, — заикаясь, проговорилъ онъ, — а если они опять того...

— Гмъ... — задумался артистъ, — ну, тогда приходите къ намъ опять. Милости просимъ! Радъ нашему знакомству.

Тутъ же выскочилъ изъ кабинета Коровьевъ, вцѣпился въ руку буфетчику, сталъ ее трясти и упрашивать Андрея Фокича всѣмъ, всѣмъ передать поклоны. Плохо что-либо соображая, буфетчикъ тронулся въ переднюю.

— Гелла, проводи! — кричалъ Коровьевъ.

Опять-таки эта рыжая нагая въ передней! Буфетчикъ протиснулся въ дверь, пискнулъ «до свиданья» и пошелъ, какъ пьяный. Пройдя немного внизъ, онъ остановился, сѣлъ на ступеньки, вынулъ пакетъ, провѣрилъ — червонцы были на мѣстѣ.

Тутъ изъ квартиры, выходящей на эту площадку, вышла женщина съ зеленой сумкой. Увидѣвъ человѣка, сидящаго на ступенькѣ и тупо глядящаго на червонцы, улыбнулась и сказала задумчиво:

— Что за домъ у насъ такой! И этотъ съ утра пьяный. Стекло выбили опять на лѣстницѣ, — всмотрѣвшись повнимательнѣе въ буфетчика, она добавила: — Э, да у васъ, гражданинъ, червонцевъ-то куры не клюютъ. Ты бы со мной подѣлился! А?

— Оставь меня, Христа ради, — испугался буфетчикъ и проворно спряталъ деньги. Женщина разсмѣялась:

— Да ну тебя къ лѣшему, скаредь! Я пошутила, — и пошла внизъ.

Буфетчикъ медленно поднялся, поднялъ руку, чтобы поправить шляпу, и убѣдился, что ее на головѣ нѣту. Ужасно ему не хотѣлось возвращаться, но шляпы было жалко. Немного поколебавшись, онъ все-таки вернулся и позвонилъ.

— Что вамъ еще? — спросила его проклятая Гелла.

— Я шляпочку забылъ, — шепнулъ буфетчикъ, тыча себя въ лысину. Гелла повернулась, буфетчикъ мысленно плюнулъ и закрылъ глаза. Когда онъ ихъ открылъ, Гелла подавала ему шляпу и шпагу съ темной рукоятью.

— Не мое, — шепнулъ буфетчикъ, отпихивая шпагу и быстро надѣвая шляпу.

— Развѣ вы безъ шпаги пришли? — удивилась Гелла.

Буфетчикъ что-то буркнулъ и быстро пошелъ внизъ. Головѣ его почему-то было неудобно и слишкомъ тепло въ шляпѣ; онъ снялъ ее и, подпрыгнувъ отъ страха, тихо вскрикнулъ. Въ рукахъ у него былъ бархатный беретъ съ пѣтушьимъ потрепаннымъ перомъ. Буфетчикъ перекрестился. Въ то же мгновение беретъ мякнулъ, превратился въ чернаго котенка и, вскочивъ обратно на голову Андрею Фокичу, всѣми когтями вцѣпился въ его лысину. Испустивъ крикъ отчаянія, буфетчикъ кинулся бѣжать внизъ, а котенокъ свалился съ головы и брызнулъ вверхъ по лѣстницѣ.

Вывавшись на воздухъ, буфетчикъ рысью побѣжалъ къ воротамъ и навсегда покинулъ чертовъ домъ № 302-бисъ.

Превосходно извѣстно, что съ нимъ было дальше. Вывавшись изъ подворотни, буфетчикъ диковато оглянулся, какъ будто что-то ища. Черезъ

минуту онъ былъ на другой сторонѣ улицы въ аптекѣ. Лишь только онъ произнесъ слова: «Скажите, пожалуйста...» — какъ женщина за прилавкомъ воскликнула:

— Гражданинъ! У васъ вся голова изрѣзана!..

Минуть черезъ пять буфетчикъ былъ перевязанъ марлей, узналъ, что лучшими специалистами по болѣзни печени считаются профессоръ Бернадскій и Кузьминъ, спросилъ, кто ближе, загорѣлся отъ радости, когда узналъ, что Кузьминъ живетъ буквально черезъ дворъ въ маленькомъ бѣленькомъ особнячкѣ, и минуты черезъ двѣ былъ въ этомъ особнячкѣ. Помещенице было старинное, но очень, очень уютное. Запомнилось буфетчику, что первой попалась ему на глаза старенькая нянька, которая хотѣла взять у него шляпу, но такъ какъ шляпы у него не оказалось, то нянька, жуя пустымъ ртомъ, куда-то ушла.

Вмѣсто нее оказалась у зеркала и, кажется, подъ какой-то аркой, женщина среднихъ лѣтъ и тутъ же сказала, что можно записаться только на девятнадцатое, не раньше. Буфетчикъ сразу смекнулъ, въ чемъ спасеніе. Заглянувъ угасающимъ глазомъ за арку, гдѣ въ какой-то явной передней дожидались три человѣка, онъ шепнулъ:

— Смертельно больной...

Женщина недоуменно поглядѣла на забинтованную голову буфетчика, поколебалась, сказала:

— Ну что же... — и пропустила буфетчика за арку.

Въ то же мгновеньѣ противоположная дверь открылась, въ ней блеснуло золотое пенсне, женщина въ халатѣ сказала:

— Граждане, этотъ больной пойдетъ внѣ очереди.

И не успѣлъ буфетчикъ оглянуться, какъ онъ

оказался въ кабинетѣ профессора Кузьмина. Ничего страшнаго, торжественнаго и медицинскаго не было въ этой продолговатой комнатѣ.

— Что съ вами? — спросилъ пріятнымъ голосомъ профессоръ Кузьминъ и нѣсколько тревожно поглядѣлъ на забинтованную голову.

— Сейчасъ изъ достовѣрныхъ рукъ узналъ, — отвѣтилъ буфетчикъ, одичало поглядывая на какую-то фотографическую группу за стекломъ, — что въ февралѣ будущаго года умру отъ рака печени. Умоляю остановить.

Профессоръ Кузьминъ какъ сидѣлъ, такъ и откинулся на кожаную готическую спинку кресла.

— Простите, не понимаю васъ... вы что, были у врача? Почему у васъ голова забинтована?

— Какого тамъ врача?... Видѣли бы вы этого врача!.. — Онъ вдругъ застучалъ зубами. — А на голову не обращайтесь вниманія, не имѣетъ отношенія, — отвѣтилъ буфетчикъ, — на голову плюньте, она здѣсь ни при чемъ. Ракъ печени, прошу остановить.

— Да позвольте, кто вамъ сказалъ?

— Вѣрьте ему, — пламенно попросилъ буфетчикъ, — ужъ онъ знаетъ.

— Ничего не понимаю, — пожимая плечами и отъѣзжая съ кресломъ отъ стола, говорилъ профессоръ. — Какъ же онъ можетъ знать, когда вы помрете. Тѣмъ болѣе, что онъ не врачъ!

— Въ четвертой палатѣ, — отвѣтилъ буфетчикъ.

Тутъ профессоръ посмотрѣлъ на своего паціента, на его голову, на сырыя брюки и подумалъ: «Вотъ еще не хватало! Сумасшедшій!» Спросилъ:

— Вы пьете водку?

— Никогда не прикасался, — отвѣтилъ буфетчикъ.

Черезъ минуту онъ былъ раздѣтъ, лежалъ на

холодной клеенчатой кушеткѣ, и профессоръ мялъ его животъ. Тутъ, надо сказать, буфетчикъ значительно повеселѣлъ. Профессоръ категорически утверждалъ, что сейчасъ, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, никакихъ признаковъ рака у буфетчика нѣтъ. Но что разъ такъ... разъ онъ боится и какой-то шарлатанъ его напугалъ, то нужно сдѣлать всѣ анализы... Профессоръ строчилъ на листкахъ бумаги, объясняя, куда пойти, что отнести. Кромѣ того, далъ записку къ профессору-невропатологу Буре, объясняя буфетчику, что нервы у него въ полномъ безпорядкѣ.

— Сколько вамъ платить, профессоръ? — нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ спросилъ буфетчикъ, вытаскивая толстый бумажникъ.

— Сколько хотите, — отрывисто и сухо отвѣтилъ профессоръ.

Буфетчикъ вынулъ тридцать рублей и выложилъ ихъ на сверхъ столъ, а затѣмъ неожиданно мягко, какъ будто бы кошачьей лапкой оперируя, положилъ червонцевъ звякнувшій столбикъ въ газетной бумажкѣ.

— А это что такое? — спросилъ Кузьминъ и подкрутилъ усъ.

— Не брезгуйте, гражданинъ профессоръ, — прошепталъ буфетчикъ, — умоляю — остановите ракъ.

— Уберите сейчасъ же ваше золото, — сказалъ профессоръ, гордясь собой, — вы бы лучше за нервами смотрѣли. Завтра же дайте мочу на анализъ, не пейте много чаю и ѣшьте безъ соли совершенно.

— Даже супъ не солить? — спросилъ буфетчикъ.

— Ничего не солить, — приказалъ Кузьминъ.

— Эххъ!.. — тоскливо воскликнулъ буфетчикъ, умиленно глядя на профессора, забирая десятки и задомъ пятясь къ двери.

Больныхъ въ тотъ вечеръ у профессора было немного, и съ приближеніемъ сумерекъ ушелъ послѣдній.

Снимая халатъ, профессоръ глянулъ на то мѣсто, гдѣ буфетчикъ оставилъ червонцы, и увидѣлъ, что никакихъ червонцевъ тамъ нѣтъ, а лежатъ три этикетки съ бутылокъ «Абрау-Дюрсо».

— Чертъ знаетъ что такое! — пробормоталъ Кузьминъ, волоча полу халата по полу и ощупывая бумажки, — онъ, оказывается, не только шизофреникъ, но и жуликъ! Но я не могу понять, что ему понадобилось отъ меня? Неужели записка на анализъ мочи? О! Онъ укралъ пальто! — и онъ кинулся въ переднюю, опять-таки въ халатѣ на одинъ рукавъ. — Ксенія Никитишна! — пронзительно закричалъ онъ въ дверяхъ передней, — посмотрите, пальто цѣлы?

Выяснилось, что всѣ пальто цѣлы. Но зато, когда профессоръ вернулся къ столу, содравъ наконецъ съ себя халатъ, онъ какъ бы вросъ возлѣ стола въ паркетъ, приковавшись взглядомъ къ своему столу. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежали этикетки, сидѣлъ черный котенокъ-сирота съ несчастной мордочкой и мяукалъ надъ блюдечкомъ съ молокомъ.

— Это что же такое, позвольте?! Это уже... — онъ почувствовалъ, какъ у него похолодѣлъ затылокъ.

На тихій и жалобный крикъ профессора прибѣжала Ксенія Никитишна и совершенно его успокоила, сразу сказавъ, что это, конечно, кто-нибудь изъ пациентовъ подбросилъ котенка, что это нерѣдко бываетъ у профессоровъ.

— Живутъ, навѣрно, бѣдно, — объясняла Ксенія Никитишна, — ну, а у васъ, конечно...

Стали думать и гадать, кто бы могъ подбросить. Подозрѣніе пало на старушку съ язвой желудка.

— Она, конечно, — говорила Ксенія Никитишна, — она думаетъ такъ: мнѣ все равно помирать, а котеночка жалко.

— Но позвольте, — закричалъ Кузьминъ, — а что же молоко?! Она тоже принесла? Блюдечко-то?!

— Она въ пузыречкѣ принесла, здѣсь налила въ блюдечко, — пояснила Ксенія Никитишна.

— Во всякомъ случаѣ, уберите и котенка и блюдечко, — сказалъ Кузьминъ и самъ сопровождалъ Ксенію Никитишну до двери. Когда онъ вернулся, обстановка измѣнилась.

Вѣшая халатъ на гвоздикъ, профессоръ услышалъ во дворѣ хохотъ, выглянулъ, натурально, оторопѣлъ. Черезъ дворъ пробѣгала въ противоположный флигелекъ дама въ одной рубашкѣ. Профессоръ даже зналъ, какъ ее зовутъ, — Марья Александровна. Хохоталъ мальчишка.

— Что такое? — презрительно сказалъ Кузьминъ.

Тутъ за стѣнкой, въ комнатѣ дочери профессора, заигралъ патефонъ фокстротъ «Аллилуйя», и въ то же мгновеньѣ послышалось воробьиное чириканье за спиной у профессора. Онъ обернулся и увидѣлъ на столѣ у себя крупнаго прыгающаго воробья.

«Гмъ... спокойно... — подумалъ профессоръ, — онъ влетѣлъ, когда я отходилъ отъ окна. Все въ порядкѣ», — приказалъ себѣ профессоръ, чувствуя, что все въ полномъ беспорядкѣ и, конечно, главнымъ образомъ изъ-за этого воробья. Присмотрѣвшись къ нему, профессоръ сразу убѣдился, что этотъ воробей — не совсѣмъ простой воробей. Паскудный воробушекъ припадалъ на лѣвую лапку, явно кривлялся, волоча её, работалъ синкопами, однимъ словомъ, — приплясывалъ фокстротъ подъ звуки патефона, какъ пьяный у стойки. Хамилъ, какъ умѣлъ, поглядывая на профессора нагло. Рука Кузьмина легла на телефонъ, и онъ собрался позвонить своему однокурснику Буре, чтобы спросить,

что означаютъ такого рода воробушки въ шестьдесятъ лѣтъ, да еще когда вдругъ кружится голова?

Воробушекъ же тѣмъ временемъ сѣлъ на подаренную чернильницу, нагадилъ въ нее (я не шучу), затѣмъ взлетѣлъ вверхъ, повисъ въ воздухѣ, потомъ съ размаху будто стальнымъ клювомъ ткнулъ въ стекло фотографіи, изображающей полный университетскій выпускъ 94-го года, разбилъ стекло вдребезги и затѣмъ уже улетѣлъ въ окно. Профессоръ перемѣнилъ номеръ на телефонѣ и вмѣсто того, чтобы позвонить Буре, позвонилъ въ бюро пивокъ, сказалъ, что говоритъ профессоръ Кузьминъ и что онъ проситъ сейчасъ прислать ему пивокъ на домъ.

Положивъ трубку на рычажокъ, опять-таки профессоръ повернулся къ столу и тутъ же испустилъ вопль. За столомъ этимъ сидѣла въ косынкѣ сестры милосердія женщина съ сумочкой съ надписью на ней: «Пивки». Вопилъ профессоръ, взглянувъ въ ея ротъ. Онъ былъ мужской, кривой, до ушей, съ однимъ клыкомъ. Глаза у сестры были мертвые.

— Денежки я приберу, — мужскимъ басомъ сказала сестра, — нечего имъ тутъ валяться. — Сгребла птичьей лапой этикетки и стала таять въ воздухѣ.

Прошло два часа. Профессоръ Кузьминъ сидѣлъ въ спальнѣ на кровати, причемъ пивки висѣли у него на вискахъ, за ушами и на шеѣ. Въ ногахъ у Кузьмина на шелковомъ стеганомъ одѣялѣ сидѣлъ сѣдоусый профессоръ Буре, соболезнующе глядѣлъ на Кузьмина и утѣшалъ его, что все это вздоръ. Въ окнѣ уже была ночь.

Что дальше происходило диковиннаго въ Москвѣ въ эту ночь, мы не знаемъ и доискиваться, конечно, не станемъ, тѣмъ болѣе, что настаетъ пора переходить намъ ко второй части этого правдиваго повѣствованія. За мной, читатель!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 19

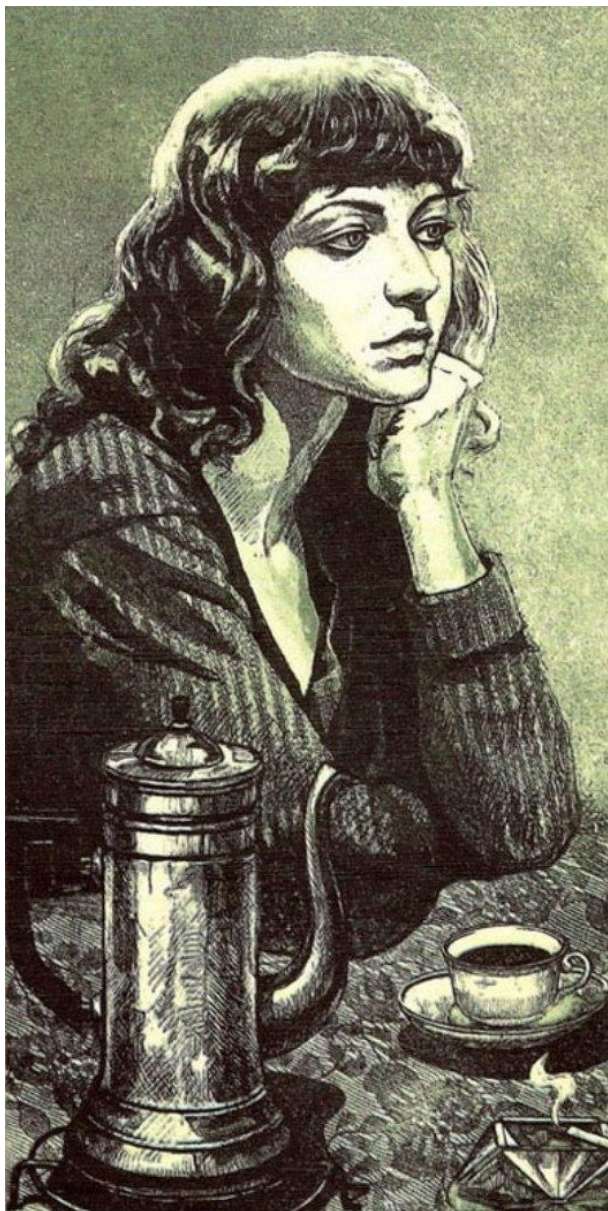
Маргарита

За мной, читатель! Кто сказалъ тебѣ, что нѣтъ на свѣтѣ настоящей, вѣрной, вѣчной любви? Да отрѣжутъ лгуну его гнусный языкъ!

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебѣ такую любовь!

Нѣтъ! Мастеръ ошибался, когда съ горечью говорилъ Иванушкѣ въ больницѣ въ тотъ часъ, когда ночь перевалилась черезъ полночь, что она позабыла его. Этого быть не могло. Она его, конечно, не забыла.

Прежде всего откроемъ тайну, которую мастеръ не пожелалъ открыть Иванушкѣ. Возлюбленную его звали Маргаритою Николаевной. Все, что мастеръ говорилъ о ней, было сущей правдой. Онъ описалъ свою возлюбленную вѣрно. Она была красива и умна. Къ этому надо добавить еще одно — съ увѣренностью можно сказать, что многіе женщины все, что угодно, отдали бы за то, чтобы промѣнять свою жизнь на жизнь Маргариты Николаевны. Бездѣтная тридцатилѣтняя Маргарита была женою очень крупнаго спеціалиста, къ тому же сдѣлавшаго важнѣйшее открытіе государственнаго значенія. Мужъ ея былъ молодъ, красивъ, добръ, честенъ и обожалъ свою жену. Маргарита Николаевна со своимъ мужемъ вдвоемъ занимали вѣсь верхъ прекраснаго особняка въ саду въ одномъ изъ переулковъ близъ Арбата. Очаровательное мѣсто! Всякій можетъ въ этомъ убѣдиться, если пожелаетъ направиться въ этотъ садъ. Пусть обратится ко мнѣ, я скажу ему адресъ, укажу дорогу — особнякъ еще цѣль до сихъ поръ.

Ефименко В. Маргарита

Маргарита Николаевна не нуждалась въ деньгахъ. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомыхъ ея мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась къ примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасовъ житья въ совмѣстной квартирѣ. Словомъ... Она была счастлива? Ни одной минуты! Съ тѣхъ поръ, какъ девятнадцатилѣтней она вышла замужъ и попала въ особнякъ, она не знала счастья. Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщинѣ?! Что нужно было этой женщинѣ, въ глазахъ которой всегда горѣлъ какой-то непонятный огонечекъ, что нужно было этой чуть косящей на одинъ глазъ вѣдьмѣ, украсившей себя тогда весною мимозами? Не знаю. Мнѣ неизвѣстно. Очевидно, она говорила правду, ей нуженъ былъ онъ, мастеръ, а вовсе не готическій особнякъ, и не отдѣльный садъ, и не деньги. Она любила его, она говорила правду. Даже у меня, правдиваго повѣствователя, но посторонняго человѣка, сжимается сердце при мысли о томъ, что испытала Маргарита, когда пришла на другой день въ домикъ мастера, по счастью, не успѣвъ переговорить съ мужемъ, который не вернулся въ назначенный срокъ, и узнала, что мастера уже нѣтъ.

Она сдѣлала все, чтобы разузнать что-нибудь о немъ, и, конечно, не разузнала ровно ничего. Тогда она вернулась въ особнякъ и зажила на прежнемъ мѣстѣ.

— Да, да, да, такая же самая ошибка! — говорила Маргарита зимою, сидя у печки и глядя въ огонь, — зачѣмъ я тогда ночью ушла отъ него? Зачѣмъ? Вѣдь это же безуміе! Я вернулась на другой день, честно, какъ обѣщала, но было уже поздно. Да, я вернулась, какъ несчастный Левій Матвѣй, слишкомъ поздно!

Всѣ эти слова были, конечно, нелѣпы, потому что, въ самомъ дѣлѣ: что измѣнилось бы, если бы она въ

ту ночь осталась у мастера? Развѣ она спасла бы его? Смѣшно! — воскликнули бы мы, но мы этого не сдѣлаемъ передъ доведенной до отчаянія женщиной.

Въ такихъ мученіяхъ прожила Маргарита Николаевна всю зиму и дожила до весны. Въ тотъ самый день, когда происходила всякая нелѣпая кутерьма, вызванная появленіемъ чернаго мага въ Москвѣ, въ пятницу, когда былъ изгнанъ обратно въ Кіевъ дядя Берліоза, когда арестовали бухгалтера и произошло еще множество другихъ глупѣйшихъ и непонятныхъ вещей, Маргарита проснулась около полудня въ своей спальнѣ, выходящей фонаремъ въ башню особняка.

Проснувшись, Маргарита не заплакала, какъ это бывало часто, потому что проснулась съ предчувствіемъ, что сегодня наконецъ что-то произойдетъ. Ощувивъ это предчувствіе, она стала его подогрѣвать и растить въ своей душѣ, опасаясь, чтобы оно ее не покинуло.

— Я вѣрую! — шептала Маргарита торжественно, — я вѣрую! Что-то произойдетъ! Не можетъ не произойти, потому что за что же, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ послана пожизненная мука? Сознаюсь въ томъ, что я лгала и обманывала и жила тайной жизнью, скрытой отъ людей, но все же нельзя за это наказывать такъ жестоко. Что-то случится непременно, потому что не бываетъ такъ, чтобы что-нибудь тянулось вѣчно. А кромѣ того, сонъ мой былъ вѣщій, за это я ручаюсь.

Такъ шептала Маргарита Николаевна, глядя на пунцовыя шторы, наливающіеся солнцемъ, безпокойно одѣваясь, расчесывая передъ тройнымъ зеркаломъ короткія завитыя волосы.

Сонъ, который приснился въ эту ночь Маргаритѣ, былъ дѣйствительно необыченъ. Дѣло въ томъ, что во время своихъ зимнихъ мученій она никогда не видѣла во снѣ мастера. Ночью онъ оставлялъ ее, и

мучилась она только въ дневные часы. А тутъ приснился.

Приснилась неизвѣстная Маргаритѣ мѣстность — безнадежная, унылая, подъ пасмурнымъ небомъ ранней весны. Приснилось это клочковатое бѣгущее серенькое небо, а подъ нимъ беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостикъ. Подъ нимъ мутная весенняя рѣчонка, безрадостныя, нищенскія, полуголыя деревья, одинокая осина, а далѣе, — межъ деревьевъ, — бревенчатое зданіе, не то оно — отдѣльная кухня, не то баня, не то чертъ знаетъ что. Неживое все кругомъ какое-то и до того унылое, что такъ и тянетъ повѣситься на этой осинѣ у мостика. Ни дуновенія вѣтерка, ни шевеленія облака и ни живой души. Вотъ адское мѣсто для живого человѣка!

И вотъ, вообразите, распахивается дверь этого бревенчатаго зданія, и появляется онъ. Довольно далеко, но онъ отчетливо виденъ. Оборванъ онъ, не разберешь, во что онъ одѣтъ. Волосы всклокочены, небритъ. Глаза больные, встревоженные. Манитъ ее рукой, зоветъ. Захлебываясь въ неживомъ воздухѣ, Маргарита по кочкамъ побѣжала къ нему и въ это время проснулась.

«Сонъ этотъ можетъ означать только одно изъ двухъ, — разсуждала сама съ собой Маргарита Николаевна, — если онъ мертвъ и поманилъ меня, то это значитъ, что онъ приходилъ за мною, и я скоро умру. Это очень хорошо, потому что мученіямъ тогда настанетъ конецъ. Или онъ живъ, тогда сонъ можетъ означать только одно, что онъ напоминаетъ мнѣ о себѣ! Онъ хочетъ сказать, что мы еще увидимся. Да, мы увидимся очень скоро.»

Находясь все въ томъ же возбужденномъ состояніи, Маргарита одѣлась и стала внушать себѣ, что, въ сущности, все складывается очень удачно, а такіе удачные моменты надо умѣть ловить и пользоваться ими.

Мужъ уѣхалъ въ командировку на цѣлыхъ три дня. Въ теченіе трехъ сутокъ она предоставлена самой себѣ, никто не помѣшаетъ ей думать о чемъ угодно, мечтать о томъ, что ей нравится. Всѣ пять комнатъ въ верхнемъ этажѣ особняка, вся эта квартира, которой въ Москвѣ позавидовали бы десятки тысячъ людей, въ полномъ ея распоряженіи.

Однако, получивъ свободу на цѣлыхъ три дня, изъ всей этой роскошной квартиры Маргарита выбрала далеко не самое лучшее мѣсто. Напившись чаю, она ушла въ темную, безъ оконъ, комнату, гдѣ хранились чемоданы и разное старье въ двухъ большихъ шкафахъ. Присѣвъ на корточки, она открыла нижній ящикъ перваго изъ нихъ и изъ-подъ груды шелковыхъ обрѣзковъ достала то единственно цѣнное, что имѣла въ жизни. Въ рукахъ Маргариты оказался старый альбомъ коричневой кожи, въ которомъ была фотографическая карточка мастера, книжка сберегательной кассы со вкладомъ въ десять тысячъ на его имя, распластанные между листками папиросной бумаги лепестки засохшей розы и часть тетради въ цѣлый листъ, исписанной на машинкѣ и съ обгорѣвшимъ нижнимъ краемъ.

Вернувшись съ этимъ богатствомъ къ себѣ въ спальню, Маргарита Николаевна установила на трехстворчатомъ зеркалѣ фотографію и просидѣла около часа, держа на колѣняхъ испорченную огнемъ тетрадь, перелистывая ее и перечитывая то, въ чемъ послѣ сожженія не было ни начала, ни конца: «...Тьма, пришедшая со средиземнаго моря, накрыла ненавидимый прокураторомъ городъ. Исчезли всячіе мосты, соединяющіе храмъ со страшной антоніевой башней, опустилась съ неба бездна и залила крылатыхъ боговъ надъ гипподромомъ, хасмонеискій дворець съ бойницами, базары, караванъ-сарай, переулки, пруды...

Пропаль Ершалаимъ — великій городъ, какъ будто не существовалъ на свѣтѣ...»

Маргаритѣ хотѣлось читать дальше, но дальше ничего не было, кромѣ угольной бахромы.

Утирая слезы, Маргарита Николаевна оставила тетрадь, локти положила на подзеркальный столикъ и, отражаясь въ зеркалѣ, долго сидѣла, не спуская глазъ съ фотографіи. Потомъ слезы высохли. Маргарита аккуратно сложила свое имущество, и черезъ нѣсколько минутъ оно было опять погребено подъ шелковыми тряпками, и со звономъ въ темной комнатѣ закрылся замокъ.

Маргарита Николаевна надѣвала въ передней пальто, чтобы идти гулять. Красавица Наташа, ея домработница, освѣдомилась о томъ, что сдѣлать на второе, и, получивъ отвѣтъ, что это безразлично, чтобы развлечь самое себя, вступила со своей хозяйкой въ разговоръ и стала рассказывать Богъ знаетъ что, вродѣ того, что вчера въ театрѣ фокусникъ такіе фокусы показывалъ, что всѣ ахнули, всѣмъ раздавалъ по два флакона заграничныхъ духовъ и чулки бесплатно, а потомъ, какъ сеансъ кончился, публика вышла на улицу, и — хватъ — всѣ оказались голые! Маргарита Николаевна повалилась на стулъ подъ зеркаломъ въ передней и захохотала.

— Наташа! Ну какъ вамъ не стыдно, — говорила Маргарита Николаевна, — вы грамотная, умная дѣвушка; въ очередяхъ врутъ чертъ знаетъ что, а вы повторяете!

Наташа залилась румянцемъ и съ большимъ жаромъ возразила, что ничего не врутъ и что она сегодня сама лично въ гастрономѣ на Арбатѣ видѣла одну гражданку, которая пришла въ гастрономъ въ туфляхъ, а какъ стала у кассы платить, туфли у нея съ ногъ исчезли и она осталась въ однихъ чулкахъ. Глаза

вылупленные! На пяткѣ дыра. А туфли эти волшебныя, съ того самого сеанса.

— Такъ и пошла?

— Такъ и пошла! — вскрикивала Наташа, все болѣе краснѣя оттого, что ей не вѣрятъ, — да вчера, Маргарита Николаевна, милиція человѣкъ сто ночью забрала. Гражданки съ этого сеанса въ однихъ панталонахъ бѣжали по Тверской.

— Ну, конечно, это Дарья рассказывала, — говорила Маргарита Николаевна, — я давно уже за ней замѣчала, что она страшная врунья.

Смѣшной разговоръ кончился пріятнымъ сюрпризомъ для Наташи. Маргарита Николаевна пошла въ спальню и вышла оттуда, держа въ рукахъ пару чулокъ и флаконъ одеколона. Сказавъ Наташѣ, что она тоже хочетъ показать фокусъ, Маргарита Николаевна подарила ей чулки и склянку и сказала, что просить ее только объ одномъ — не бѣгать въ однихъ чулкахъ по Тверской и не слушать Дарью. Расцѣловавшись, хозяйка и домработница разстались.

Откинувшись на удобную, мягкую спинку кресла въ троллейбусѣ, Маргарита Николаевна ѣхала по Арбату и то думала о своемъ, то прислушивалась къ тому, о чемъ шепчутся двое гражданъ, сидящіе впереди нее.

А тѣ, изрѣдка оборачиваясь съ опаской, не слышитъ ли кто, перешептывались о какой-то ерундѣ. Здоровенный, мясистый, съ бойкими свинными глазками, сидящій у окна, тихо говорилъ маленькому своему сосѣду о томъ, что пришлось гробъ закрыть чернымъ покрываломъ...

— Да не можетъ быть, — поражаясь, шепталъ маленькій, — это что-то неслыханное... А что же Желдыбинъ предпринялъ?

Среди ровнаго гудѣнія троллейбуса слышались слова отъ окошка:

— Уголовный розыскъ... скандалъ... ну, прямо мистика!

Изъ этихъ отрывочныхъ кусочковъ Маргарита Николаевна кое-какъ составила что-то связное. Граждане шептались о томъ, что у какого-то покойника, а какого — они не называли, сегодня утромъ изъ гроба украли голову! Вотъ изъ-за этого этотъ Желдыбинъ такъ и волнуется теперь. Всѣ эти, что шепчутся въ троллейбусѣ, тоже имѣютъ какое-то отношеніе къ обокраденному покойнику.

— Поспѣемъ ли за цвѣтами заѣхать? — беспокоился маленькій, — кремация, ты говоришь, въ два?

Наконецъ Маргаритѣ Николаевнѣ надоѣло слушать эту таинственную трепотню про украденную изъ гроба голову, и она обрадовалась, что ей пора выходить.

Черезъ нѣсколько минутъ Маргарита Николаевна уже сидѣла подъ кремлевской стѣной на одной изъ скамеекъ, помѣстившись такъ, что ей былъ виденъ Манежъ.

Маргарита шурилась на яркое солнцѣ, вспоминала свой сегодняшній сонъ, вспоминала, какъ ровно годъ, день въ день и часъ въ часъ, на этой же самой скамьѣ она сидѣла рядомъ съ нимъ. И точно такъ же, какъ и тогда, черная сумочка лежала рядомъ съ нею на скамейкѣ. Его не было рядомъ въ этотъ день, но разговаривала мысленно Маргарита Николаевна все же съ нимъ: «Если ты сосланъ, то почему же не даешь знать о себѣ? Вѣдь даютъ же люди знать. Ты разлюбилъ меня? Нѣтъ, я почему-то этому не вѣрю. Значить, ты былъ сосланъ и умеръ... Тогда, прошу тебя, отпусти меня, дай мнѣ наконецъ свободу жить, дышать воздухомъ».

Маргарита Николаевна отвѣчала за него: «Ты свободна... Развѣ я держу тебя?» Потомъ возражала ему: «Нѣтъ, что это за отвѣтъ! Нѣтъ, ты уйди изъ моей памяти, тогда я стану свободна».

Люди проходили мимо Маргариты Николаевны. Какой-то мужчина покосился на хорошо одѣтую женщину, привлеченный ея красотой и одиночествомъ. Онъ кашлянулъ и присѣлъ на кончикъ той же скамьи, на которой сидѣла Маргарита Николаевна. Набравшись духу, онъ заговорилъ:

— Определенно хорошая погода сегодня...

Но Маргарита такъ мрачно поглядѣла на него, что онъ поднялся и ушелъ.

«Вотъ и примѣръ, — мысленно говорила Маргарита тому, кто владѣлъ ею, — почему, собственно, я прогнала этого мужчину? Мнѣ скучно, а въ этомъ ловеласѣ нѣтъ ничего дурного, развѣ только что глупое слово "определенно"? Почему я сижу, какъ сова, подъ стѣной одна? Почему я выключена изъ жизни?»

Она совсѣмъ запечалилась и понурилась. Но тутъ вдругъ та самая утренняя волна ожиданія и возбужденія толкнула ее въ грудь. «Да, случится!» Волна толкнула ее вторично, и тутъ она поняла, что это волна звуковая. Сквозь шумъ города все отчетливѣе слышались приближающіеся удары барабана и звуки немного фальшивящихъ трубъ.

Первымъ показался шагомъ слѣдующій мимо рѣшетки сада конный милиціонеръ, а за нимъ три пѣшихъ. Затѣмъ медленно ѣдущій грузовикъ съ музыкантами. Далѣе — медленно двигающаяся похоронная новенькая открытая машина, на ней гробъ вѣсь въ вѣнкахъ, а по угламъ площадки — четыре стоящихъ человекъ: трое мужчинъ, одна женщина. Даже на разстояніи Маргарита разглядѣла, что лица стоящихъ въ похоронной машинѣ людей, сопровождающихъ

покойника въ послѣдній путь, какіе-то странно растерянные. Въ особенности это было замѣтно въ отношеніи гражданки, стоявшей въ лѣвомъ заднемъ углу автодрога. Толстыя щеки этой гражданки какъ будто изнутри распирали еще больше какою-то пикантной тайной, въ заплывшихъ глазахъ играли двусмысленные огоньки. Казалось, что вотъ-вотъ еще немного, и гражданка, не вытерпѣвъ, подмигнетъ на покойника и скажетъ: «Видали вы что-либо подобное? Прямо мистика!» Столь же растерянные лица были и у пѣшихъ провожающихъ, которые, въ количествѣ человекъ трехсотъ примѣрно, медленно шли за похоронной машиной.

Маргарита провожала глазами шествіе, прислушиваясь къ тому, какъ затихаетъ вдали унылый турецкій барабанъ, выдѣлывающій одно и то же «Бумсъ, бумсъ, бумсъ», и думала: «Какія странные похороны... И какая тоска отъ этого "бумса"! Ахъ, право, дьяволу бы заложила душу, чтобы только узнать, живъ онъ или нѣтъ! Интересно знать, кого это хоронятъ съ такими удивительными лицами?»

— Берліоза Михаила Александровича, — слышался рядомъ нѣсколько носовой мужской голосъ, — председателя МАССОЛИТа.

Удивленная Маргарита Николаевна повернулась и увидѣла на своей скамейкѣ гражданина, который, очевидно, безшумно подсѣлъ въ то время, когда Маргарита заглядѣлась на процессію и, надо полагать, въ разсѣянности вслухъ задала свой послѣдній вопросъ.

Процессія тѣмъ временемъ стала пріостанавливаться, вѣроятно, задерживаемая впереди свѣтофорами.

— Да, — продолжалъ неизвѣстный гражданинъ, — удивительное у нихъ настроеніе. Везутъ покойника, а думаютъ только о томъ, куда дѣвалась его голова!

— Какая голова? — спросила Маргарита, вглядываясь въ неожиданнаго сосѣда. Сосѣдъ этотъ оказался маленькаго роста, пламенно-рыжій, съ клыкомъ, въ крахмальномъ бѣльѣ, въ полосатомъ добротномъ костюмѣ, въ лакированныхъ туфляхъ и съ котелкомъ на головѣ. Галстукъ былъ яркій. Удивительно было то, что изъ кармашка, гдѣ обычно мужчины носятъ платочекъ или самопишущее перо, у этого гражданина торчала обглоданная куриная кость.

— Да, изволите ли видѣть, — объяснилъ рыжій, — сегодня утромъ въ Грибоѣдовскомъ залѣ голову у покойника стащили изъ гроба.

— Какъ же это можетъ быть? — невольно спросила Маргарита, въ то же время вспомнивъ шепотъ въ троллейбусѣ.

— Чертъ его знаетъ какъ! — развязно отвѣтилъ рыжій, — я, впрочемъ, полагаю, что объ этомъ Бегемота не худо бы спросить. До ужаса ловко сперли. Такой скандалище! И, главное, непонятно, кому и на что она нужна, эта голова!

Какъ ни была занята своимъ Маргарита Николаевна, ее все же поразили странныя враки неизвѣстнаго гражданина.

— Позвольте! — вдругъ воскликнула она, — какого Берліоза? Это, что въ газетахъ сегодня...

— Какъ же, какъ же...

— Такъ это, стало быть, литераторы за гробомъ идутъ? — спросила Маргарита и вдругъ оскалилась.

— Ну, натурально, они!

— А вы ихъ знаете въ лицо?

— Всѣхъ до одинаго, — отвѣтилъ рыжій.

— Скажите, — заговорила Маргарита, и голосъ ея сталъ глухъ, — среди нихъ нѣту критика Латунскаго?

— Какъ же его не можетъ быть? — отвѣтили рыжій, — вонъ онъ съ краю въ четвертомъ ряду.

— Это блондинъ-то? — шурясь, спросила Маргарита.

— Пепельнаго цвѣта... Видите, онъ глаза вознесъ къ небу.

— На патера похожъ?

— Во-во!

Больше Маргарита ничего не спросила, всматриваясь въ Латунскаго.

— А вы, какъ я вижу, — улыбаясь, заговорилъ рыжій, — ненавидите этого Латунскаго.

— Я еще кой-кого ненавижу, — сквозь зубы отвѣтила Маргарита, — но объ этомъ неинтересно говорить.

Процессія въ это время двинулась дальше, за пѣшими потянулись большею частью пустые автомобили.

— Да ужъ, конечно, чего тутъ интереснаго, Маргарита Николаевна!

Маргарита удивилась:

— Вы меня знаете?

Вмѣсто отвѣта рыжій снялъ котелокъ и взялъ его на отлетъ.

«Совершенно разбойничья рожа!» — подумала Маргарита, вглядываясь въ своего уличнаго собесѣдника.

— Я васъ не знаю, — сухо сказала Маргарита.

— Откуда жъ вамъ меня знать! А между тѣмъ я къ вамъ посланъ по дѣлу.

Маргарита поблѣднѣла и отшатнулась.

— Съ этого прямо и нужно было начинать, — заговорила она, — а не молотъ чертъ знаетъ что про отрѣзанную голову! Вы меня хотите арестовать?

— Ничего подобного, — воскликнулъ рыжій, — что это такое: разъ ужъ заговорилъ, такъ ужъ непременно арестовать! Просто есть къ вамъ дѣло.

— Ничего не понимаю, какое дѣло?

Рыжій оглянулся и сказалъ таинственно:

— Меня прислали, чтобы васъ сегодня вечеромъ пригласить въ гости.

— Что вы бредите, какіе гости?

— Къ одному очень знатному иностранцу, — значительно сказалъ рыжій, прищуривъ глаза.

Маргарита очень разгнѣвалась.

— Новая порода появилась: уличный сводникъ, — поднимаясь, чтобы уходить, сказала она.

— Вотъ спасибо за такіе порученія! — обидѣвшись, воскликнулъ рыжій и проворчалъ въ спину уходящей Маргаритѣ: — Дура!

— Мерзавецъ! — отозвалась та, оборачиваясь, и тутъ же услышала за собой голосъ рыжего:

— Тьма, пришедшая со средиземнаго моря, накрыла ненавидимый прокураторомъ городъ. Исчезли висячіе мосты, соединяющіе храмъ со страшной Антоніевой башней... Пропалъ Ершалаимъ, великій городъ, какъ будто не существовалъ на свѣтѣ... Такъ пропадите же вы пропадомъ съ вашей обгорѣвшей тетрадкой и сушеной розой! Сидите здѣсь на скамейкѣ одна и умоляйте его, чтобы онъ отпустилъ васъ на свободу, далъ дышать воздухомъ, ушелъ бы изъ памяти!

Побѣлѣвъ лицомъ, Маргарита вернулась къ скамейкѣ. Рыжій глядѣлъ на нее, прищурившись.

— Я ничего не понимаю, — тихо заговорила Маргарита Николаевна, — про листки еще можно узнать... проникнуть, подсмотреть... Наташа подкуплена? да? Но какъ вы могли узнать мои мысли? — она страдальчески сморщилась и добавила: — Скажите мнѣ, кто вы такой? Изъ какого вы учрежденія?

— Вотъ скука-то, — проворчалъ рыжій и заговорилъ громче: — Простите, вѣдь я сказалъ вамъ, что ни изъ какого я не изъ учрежденія! Сядьте, пожалуйста.

Маргарита безпрекословно повиновалась, но все-таки, сядясь, спросила еще разъ:

— Кто вы такой?

— Ну хорошо, зовутъ меня Азazelло, но вѣдь все равно вамъ это ничего не говорить.

— А вы мнѣ не скажете, откуда вы узнали про листки и про мои мысли?

— Не скажу, — сухо отвѣтилъ Азazelло.

— Но вы что-нибудь знаете о немъ? — моляще шепнула Маргарита.

— Ну, скажемъ, знаю.

— Молю: скажите только одно, онъ живъ? Не мучьте.

— Ну, живъ, живъ, — неохотно отозвался Азazelло.

— Боже!

— Пожалуйста, безъ волненій и вскрикиваній, — нахмурясь, сказалъ Азazelло.

— Простите, простите, — бормотала покорная теперь Маргарита, — я, конечно, разсердилась на васъ. Но, согласитесь, когда на улицѣ приглашаютъ женщину куда-то въ гости... У меня нѣтъ предрасудковъ, я васъ увѣряю, — Маргарита невесело усмѣхнулась, — но я никогда не вижу никакихъ иностранцевъ, общаться съ ними у меня нѣтъ никакой охоты... и кромѣ того, мой мужъ... Моя драма въ томъ, что я живу съ тѣмъ, кого я не люблю, но портить ему жизнь считаю дѣломъ недостойнымъ. Я отъ него ничего не видѣла, кромѣ добра...

Азazelло съ видимой скукой выслушалъ эту безсвязную рѣчь и сказалъ сурово:

— Прошу васъ минутку помолчать.

Маргарита покорно замолчала.

— Я приглашаю васъ къ иностранцу совершенно безопасному. И ни одна душа не будетъ знать объ этомъ посѣщеніи. Вотъ ужъ за это я вамъ ручаюсь.

— А зачѣмъ я ему понадобилась? — вкрадчиво спросила Маргарита.

— Вы объ этомъ узнаете позже.

— Понимаю... Я должна ему отдаться, — сказала Маргарита задумчиво.

На это Азazelло какъ-то надменно хмыкнулъ и отвѣтилъ такъ:

— Любая женщина въ мірѣ, могу васъ увѣрить, мечтала бы объ этомъ, — рожу Азazelло перекосило смѣшкомъ, — но я разочарую васъ, этого не будетъ.

— Что за иностранецъ такой?! — въ смятеніи воскликнула Маргарита такъ громко, что на нее обернулись проходившіе мимо скамейки, — и какой мнѣ интересъ идти къ нему?

Азazelло наклонился къ ней и шепнулъ многозначительно:

— Ну, интересъ-то очень большой... Вы воспользуетесь случаемъ...

— Что? — воскликнула Маргарита, и глаза ея округлились, — если я васъ правильно понимаю, вы намекаете на то, что я тамъ могу узнать о немъ?

Азazelло молча кивнулъ головой.

— Ёду! — съ силой воскликнула Маргарита и ухватила Азazelло за руку, — ёду, куда угодно!

Азazelло, облегченно отдуваясь, откинулся на спинку скамейки, закрывъ спиной крупно вырѣзанное слово «Нюра», и заговорилъ иронически:

— Трудный народъ эти женщины! — онъ засунулъ руки въ карманы и далеко впередъ вытянулъ

ноги, — зачѣмъ, напримѣръ, меня послали по этому дѣлу? Пусть бы ѣздилъ Бегемотъ, онъ обаятельный...

Маргарита заговорила, криво и жалко улыбаясь:

— Перестаньте вы меня мистифицировать и мучить вашими загадками... Я вѣдь человѣкъ несчастный, и вы пользуетесь этимъ. Лѣзу я въ какую-то странную исторію, но, клянусь, только изъ-за того, что вы поманили меня словами о немъ! У меня кружится голова отъ всѣхъ этихъ непонятностей...

— Безъ драмъ, безъ драмъ, — гримасничая, отозвался Азazelло, — въ мое положеніе тоже нужно входить. Надавать администратору по мордѣ, или выставить дядю изъ дому, или подстрѣлить кого-нибудь, или какой-нибудь еще пустякъ въ этомъ родѣ, это моя прямая специальность, но разговаривать съ влюбленными женщинами — слуга покорный. Вѣдь я васъ полчаса уже уламываю. Такъ ѣдете?

— Ёду, — просто отвѣтила Маргарита Николаевна.

— Тогда потрудитесь получить, — сказала Азazelло и, вынувъ изъ кармана круглую золотую коробочку, протянулъ ее Маргаритѣ со словами: — Да прячьте же, а то прохожіе смотрятъ. Она вамъ пригодится, Маргарита Николаевна. Вы порядочно постарѣли отъ горя за послѣдніе полгода. (Маргарита вспыхнула, но ничего не отвѣтила, а Азazelло продолжалъ.) Сегодня вечеромъ, ровно въ половину десятаго, потрудитесь, раздѣвшись донага, натереть этой мазью лицо и все тѣло. Дальше дѣлайте, что хотите, но не отходите отъ телефона. Въ десять я вамъ позвоню и все, что нужно, скажу. Вамъ ни о чемъ не придется заботиться, васъ доставятъ куда нужно, и вамъ не причинять никакого безпокойства. Понятно?

Маргарита помолчала, потомъ отвѣтила:

— Понятно. Эта вещь изъ чистаго золота, видно

по тяжести. Ну что же, я прекрасно понимаю, что меня подкупаютъ и тянутъ въ какую-то темную исторію, за которую я очень поплачусь.

— Это что же такое, — почти зашипѣлъ Азазелло, — вы опять?

— Нѣтъ, погодите!

— Отдайте обратно помаду.

Маргарита крѣпче зажала въ рукѣ коробку и продолжала:

— Нѣтъ, погодите... Я знаю, на что иду. Но иду на все изъ-за него, потому что ни на что въ мірѣ больше надежды у меня нѣтъ. Но я хочу вамъ сказать, что, если вы меня погубите, вамъ будетъ стыдно! Да, стыдно! Я погибаю изъ-за любви! — и, стукнувъ себя въ грудь, Маргарита глянула на солнцѣ.

— Отдайте обратно, — въ злобѣ зашипѣлъ Азазелло, — отдайте обратно, и къ черту все это. Пусть посылаютъ Бегемота.

— О нѣтъ! — воскликнула Маргарита, поражая проходящихъ, — согласна на все, согласна продѣлать эту комедію съ натираніемъ мазью, согласна идти къ черту на куличики. Не отдамъ!

— Ба! — вдругъ заоралъ Азазелло и, вылупивъ глаза на рѣшетку сада, сталъ указывать куда-то пальцемъ.

Маргарита повернулась туда, куда указывалъ Азазелло, но ничего особеннаго не обнаружила. Тогда она обернулась къ Азазелло, желая получить объясненіе этому нелѣпому «ба!», Но давать это объясненіе было некому: таинственный собесѣдникъ Маргариты Николаевны исчезъ. Маргарита быстро сунула руку въ сумочку, куда передъ этимъ крикомъ спрятала коробочку, и убѣдилась, что она тамъ. Тогда, ни о чемъ не размышляя, Маргарита торопливо побѣжала изъ Александровскаго сада вонъ.

Кремь Азазелло

Луна въ вечернемъ чистомъ небѣ висѣла полная, видная сквозь вѣтви клена. Липы и акаціи разрисовали землю въ саду сложнымъ узоромъ пятенъ. Трехстворчатое окно въ фонарѣ, открытое, но задернутое шторой, свѣтилось бѣшенымъ электрическимъ свѣтомъ. Въ спальнѣ Маргариты Николаевны горѣли всѣ огни и освѣщали полный беспорядокъ въ комнатѣ. На кровати на одѣялѣ лежали сорочки, чулки и бѣлье, скомканное же бѣлье валялось просто на полу рядомъ съ раздавленной въ волненіи коробкой папиросъ. Туфли стояли на ночномъ столикѣ рядомъ съ недопитой чашкой кофе и пепельницей, въ которой дымилъ окурокъ, на спинкѣ стула висѣло черное вечернее платье. Въ комнатѣ пахло духами, кромѣ того, въ нея доносился откуда-то запахъ раскаленного утюга.

Маргарита Николаевна сидѣла передъ трюмо въ одномъ купальномъ халатѣ, наброшенномъ на голое тѣло, и въ замшевыхъ черныхъ туфляхъ. Золотой браслетъ съ часиками лежалъ передъ Маргаритой Николаевной рядомъ съ коробочкой, полученной отъ Азазелло, и Маргарита не сводила глазъ съ циферблата. Временами ей начинало казаться, что часы сломались и стрѣлки не движутся. Но они двигались, хотя и очень медленно, какъ будто прилипая, и наконецъ <длинная стрѣлка упала на двадцать девятую минуту десятаго>. Сердце Маргариты страшно стукнуло, такъ что она не смогла даже сразу взяться за коробочку. Справившись съ собою, Маргарита открыла ее и увидѣла въ коробочкѣ жирный желтоватый кремъ. Ей показалось, что онъ пахнетъ болотной тиной. Кончикомъ пальца Маргарита

выложила небольшой мазочекъ крема на ладонь, причемъ сильнѣе запахло болотными травами и лѣсомъ, и затѣмъ ладонью начала втирать кремъ въ лобъ и щеки. Кремъ легко мазался и, какъ показалось Маргаритѣ, тутъ же испарялся. Сдѣлавъ нѣсколько втираній, Маргарита глянула въ зеркало и уронила коробочку прямо на стекло часовъ, отъ чего оно покрылось трещинами. Маргарита закрыла глаза, потомъ глянула еще разъ и бурно расхохоталась.

Ощипанная по краямъ въ ниточку пинцетомъ брови сгустились и черными ровными дугами легли надъ зазеленѣвшими глазами. Тонкая вертикальная морщинка, перерѣзавшая переносицу, появившаяся тогда, въ октябрѣ, когда пропаль мастеръ, безслѣдно пропала. Исчезли и желтенькіе тѣни у висковъ, и двѣ чуть замѣтныя сѣточки у наружныхъ угловъ глазъ. Кожа щекъ налилась ровнымъ розовымъ цвѣтомъ, лобъ сталъ бѣль и чистъ, а парикмахерская завивка волосъ развилась.

На тридцатилѣтнюю Маргариту изъ зеркала глядѣла отъ природы кудрявая черноволосая женщина лѣтъ двадцати, безудержно хохочущая, скалящая зубы.

Нахохотавшись, Маргарита выскочила изъ халата однимъ прыжкомъ и широко зачерпнула легкой жирный кремъ и сильными мазками начала втирать его въ кожу тѣла. Оно сейчасъ же порозовѣло и загорѣлось. Затѣмъ мгновенно, какъ будто изъ мозга выхватили иголку, утихъ високъ, нывшій вѣсь вечеръ послѣ свиданія въ Александровскомъ саду, мускулы рукъ и ногъ окрѣпли, а затѣмъ тѣло Маргариты потеряло вѣсь.

Она подпрыгнула и повисла въ воздухѣ невысоко надъ ковромъ, потомъ ее медленно потянуло внизъ, и она опустилась.

— Ай да кремъ! Ай да кремъ! — закричала Маргарита, бросаясь въ кресло.

Втиранія измѣнили ее не только внѣшне. Теперь въ ней во всей, въ каждой частицѣ тѣла, вскипала радость, которую она ощутила, какъ пузырьки, колющіе все ея тѣло. Маргарита ощутила себя свободной, свободной отъ всего. Кромѣ того, она поняла со всей ясностью, что именно случилось то, о чемъ утромъ говорило предчувствіе, и что она покидаетъ особнякъ и прежнюю свою жизнь навсегда. Но отъ этой прежней жизни все же откололась одна мысль о томъ, что нужно исполнить только одинъ послѣдній долгъ передъ началомъ чего-то новаго, необыкновеннаго, тянущаго ее наверхъ, въ воздухъ. И она, какъ была нагая, изъ спальни, то и дѣло взлетая на воздухъ, перебѣжала въ кабинетъ мужа и, освѣтивъ его, кинулась къ письменному столу. На вырванномъ изъ блокнота листѣ она безъ помарокъ быстро и крупно карандашомъ написала записку:

«Прости меня и какъ можно скорѣе забудь. Я тебя покидаю навѣкъ. Не ищи меня, это бесполезно. Я стала вѣдьмой отъ горя и бѣдствій, поразившихъ меня. Мнѣ пора. Прощай. Маргарита».

Съ совершенно облегченной душой Маргарита прилетѣла въ спальню, и слѣдомъ за нею туда же вбѣжала Наташа, нагруженная вещами. И тотчасъ всѣ эти вещи, деревянные плечики съ платьемъ, кружевные платки, синіе шелковыя туфли на распялкахъ и поясокъ — все это посыпалось на полъ, и Наташа всплеснула освободившимися руками.

— Что, горюша? — громко крикнула охрипшимъ голосомъ Маргарита Николаевна.

— Какъ же это? — шептала Наташа, пятясь, — какъ вы это дѣлаете, Маргарита Николаевна?

— Это кремъ! Кремъ, кремъ, — отвѣтила Маргарита, указывая на сверкающую золотую коробку и поворачиваясь передъ зеркаломъ.

Наташа, забывъ про валяющееся на полу мягое платье, подбѣжала къ трюмо и жадными, загорѣвшимися глазами уставилась на остатокъ мази. Губы ея что-то шептали. Она опять повернулась къ Маргаритѣ и проговорила съ какимъ-то благоговѣніемъ:

— Кожа-то! Кожа, а? Маргарита Николаевна, вѣдь ваша кожа свѣтится. — Но тутъ она опомнилась, подбѣжала къ платью, подняла и стала отряхивать его.

— Бросьте! Бросьте! — кричала ей Маргарита, — къ черту его, все бросьте! Впрочемъ, нѣтъ, берите его себѣ на память. Говорю, берите на память. Все забирайте, что есть въ комнатѣ.

Какъ будто ополоумѣвъ, неподвижная Наташа нѣкоторое время смотрѣла на Маргариту, потомъ повисла у нея на шеѣ, цѣлуя и крича:

— Атласная! Свѣтится! Атласная! А брови-то, брови!

— Берите всѣ тряпки, берите духи и волокитѣ къ себѣ въ сундукъ, прячьте, — кричала Маргарита, — но драгоценностей не берите, а то васъ въ кражѣ обвинять.

Наташа сгребла въ узелъ, что ей попало подъ руку, платья, туфли, чулки и бѣлье, и побѣжала вонъ изъ спальни.

Въ это время откуда-то съ другой стороны переулка, изъ открытаго окна, вырвался и полетѣлъ громовой виртуозный вальсъ и послышалось пыхтѣніе подѣхавшей къ воротамъ машины.

— Сейчасъ позвонитъ Азazelло! — воскликнула Маргарита, слушая сыплющійся въ переулокъ вальсъ, — онъ позвонитъ! А иностранецъ безопасенъ. Да, теперь я понимаю, что онъ безопасенъ!

Машина зашумѣла, удаляясь отъ воротъ. Стукнула калитка, и на плиткахъ дорожки послышались шаги.

«Это Николай Ивановичъ, по шагамъ узнаю, — подумала Маргарита, — надо будетъ сдѣлать на прощаніе что-то очень смѣшное и интересное».

Маргарита рванула штору въ сторону и сѣла на подоконникъ бокомъ, охвативъ колѣно руками. Лунный свѣтъ лизнулъ ее съ праваго бока. Маргарита подняла голову къ лунѣ и сдѣлала задумчивое и поэтическое лицо. Шаги стукнули еще раза два и затѣмъ внезапно стихли. Еще полюбовавшись на луну, вздохнувъ для приличія, Маргарита повернула голову въ садъ и дѣйствительно увидѣла Николая Ивановича, проживающаго въ нижнемъ этажѣ этого самого особняка. Луна ярко заливала Николая Ивановича. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, и по всему было видно, что онъ опустился на нее внезапно. Пенсне на его лицѣ какъ-то перекопилось, а свой портфель онъ сжималъ въ рукахъ.

— А, здравствуйте, Николай Ивановичъ! — грустнымъ голосомъ сказала Маргарита, — добрый вечеръ! Вы изъ засѣданія?

Николай Ивановичъ ничего не отвѣтилъ на это.

— А я, — продолжала Маргарита, побольше высовываясь въ садъ, — сижу одна, какъ видите, скучаю, гляжу на луну и слушаю вальсъ.

Лѣвою рукою Маргарита провела по виску, поправляя прядь волосъ, потомъ сказала сердито:

— Это невыносимо, Николай Ивановичъ! Все-таки я дама, въ концѣ концовъ! Вѣдь это хамство не отвѣчать, когда съ вами разговариваютъ!

Николай Ивановичъ, видный въ лунѣ до послѣдней пуговицы на сѣрой жилеткѣ, до послѣдняго волоска въ свѣтлой бородкѣ клинышкомъ, вдругъ усмѣхнулся дикой усмѣшкой, поднялся со скамейки и, очевидно, не помня себя отъ смущенія, вмѣсто того, чтобы снять шляпу, махнулъ портфелемъ въ сторону и

ноги согнуть, какъ будто собирался пуститься впрысядку.

— Ахъ, какой вы скучный типъ, Николай Ивановичъ, — продолжала Маргарита, — вообще вы всё мнѣ такъ надоѣли, что я выразить вамъ этого не могу, и такъ я счастлива, что съ вами расстаюсь! Ну васъ къ чертовой матери!

Въ это время за спиною Маргариты въ спальнѣ грянулъ телефонъ. Маргарита сорвалась съ подоконника и, забывъ про Николая Ивановича, схватила трубку.

— Говоритъ Азazelло, — сказали въ трубкѣ.

— Милый, милый Азazelло! — вскричала Маргарита.

— Пора! Вылетайте, — заговорилъ Азazelло въ трубкѣ, и по тону его было слышно, что ему пріятенъ искренній, радостный порывъ Маргариты, — когда будете пролетать надъ воротами, крикните: «Невидима!» Потомъ полетайте надъ городомъ, чтобы попривыкнуть, а затѣмъ на югъ, вонъ изъ города, и прямо на рѣку. Васъ ждутъ!

Маргарита повѣсила трубку, и тутъ въ сосѣдней комнатѣ что-то деревянно заковыляло и стало биться въ дверь. Маргарита распахнула ее, и половая щетка, щетиной вверхъ, танцую, влетѣла въ спальню. Концомъ своимъ она выбивала дробь на полу, лягалась и рвалась въ окно. Маргарита взвизгнула отъ восторга и вскочила на щетку верхомъ. Тутъ только у наѣздницы мелькнула мысль о томъ, что она въ этой суматохѣ забыла одѣться. Она галопомъ подскочила къ кровати и схватила первое попавшееся, какую-то голубую сорочку. Взмахнувъ ею, какъ штандартомъ, она вылетѣла въ окно. И вальсъ надъ садомъ ударилъ сильнѣе.

Съ окошка Маргарита скользнула внизъ и увидѣла Николая Ивановича на скамейкѣ. Тотъ какъ бы застылъ на ней и въ полномъ ошеломленіи

прислушивался къ крикамъ и грохоту, доносящимся изъ освѣщенной спальни верхнихъ жильцовъ.

— Прощайте, Николай Ивановичъ! — закричала Маргарита, приплясывая передъ Николаемъ Ивановичемъ.

Тотъ охнулъ и поползъ по скамейкѣ, перебирая по ней руками и сбивъ наземь свой портфель.

— Прощайте навсегда! Я улетаю, — кричала Маргарита, заглушая вальсъ. Тутъ она сообразила, что рубашка ей ни къ чему не нужна, и, зловѣще захохотавъ, накрыла ею голову Николая Ивановича. Ослѣпленный Николай Ивановичъ грохнулся со скамейки на кирпичи дорожки.

Маргарита обернулась, чтобы послѣдній разъ глянуть на особнякъ, гдѣ такъ долго она мучилась, и увидѣла въ пылающемъ огнѣ искаженное отъ изумленія лицо Наташи.

— Прощай, Наташа! — прокричала Маргарита и вздернула щетку, — невидима, невидима, — еще громче крикнула она и между вѣтвями клена, хлестнувшими ее по лицу, перелетѣвъ ворота, вылетѣла въ переулокъ. И вслѣдъ ей полетѣлъ совершенно обезумѣвшій вальсъ.

Полетъ

Невидима и свободна! Невидима и свободна! Пролетѣвъ по своему переулку, Маргарита попала въ другой, пересѣкавшій первый подъ прямымъ угломъ. Этотъ заплатанный, заштопанный, кривой и длинный переулочекъ съ покосившейся дверью нефтелавки, гдѣ кружками продаютъ керосинъ и жидкость отъ паразитовъ во флаконахъ, она перерѣзала въ одно мгновение и тутъ усвоила, что, даже будучи совершенно свободной и невидимой, все же и въ наслажденіи нужно быть хоть немного благоразумной. Только какимъ-то чудомъ затормозившись, она не разбилась насмерть о старый покосившійся фонарь на углу. Увернувшись отъ него, Маргарита покрѣпче сжала щетку и полетѣла помедленнѣе, вглядываясь въ электрическіе провода и вывѣски, висящіе поперекъ тротуара.

Третій переулочекъ вель прямо къ Арбату. Здѣсь Маргарита совершенно освоилась съ управленіемъ щеткой, поняла, что та слушается малѣйшаго прикосновенія рукъ или ногъ и что, летя надъ городомъ, нужно быть очень внимательной и не очень буйствовать. Кромѣ того, совершенно ясно стало уже въ переулкѣ, что прохожіе летунью не видятъ. Никто не задиралъ головы, не кричалъ «Гляди, гляди!», не шарахался въ сторону, не визжалъ и не падалъ въ обморокъ, дикимъ смѣхомъ не хохоталъ.

Маргарита летѣла беззвучно, очень медленно и невысоко, примѣрно на уровнѣ второго этажа. Но и при медленномъ летѣ, у самого выхода на ослѣпительно освѣщенный Арбатъ, она немного промахнулась и плечомъ ударилась о какой-то освѣщенный дискъ, на

которомъ была нарисована стрѣла. Это разсердило Маргариту. Она осадила послушную щетку, отлетѣла въ сторону, а потомъ, бросившись на дискъ внезапно, концомъ щетки разбила его вдребезги. Посыпались съ грохотомъ осколки, прохожіе шарахнулись, гдѣ-то засвистѣли, а Маргарита, совершивъ этотъ ненужный поступокъ, расхохоталась. «На Арбатѣ надо быть еще поосторожнѣе, — подумала Маргарита, — тутъ столько напутано всего, что и не разберешься». Она принялась нырять между проводами. Подъ Маргаритой плыли крыши троллейбусовъ, автобусовъ и легковыхъ машинъ, а по тротуарамъ, какъ казалось сверху Маргаритѣ, плыли рѣчки кепокъ. Отъ этихъ рѣкъ отдѣлялись ручейки и вливались въ огненные пасти ночныхъ магазиновъ. «Э, какое мѣсиво! — сердито подумала Маргарита, — тутъ повернуться нельзя». Она пересѣкла Арбатъ, поднялась повыше, къ четвертымъ этажамъ, и мимо ослѣпительно сіяющихъ трубокъ на угловомъ зданіи театра проплыла въ узкій переулокъ съ высокими домами. Всѣ окна были открыты, и всюду слышалась въ окнахъ радіомузыка. Изъ любопытства Маргарита заглянула въ одно изъ нихъ. Увидѣла кухню. Два примуса ревѣли на плитѣ, возлѣ нихъ стояли двѣ женщины съ ложками въ рукахъ и переругивались.

— Свѣтъ надо тушить за собой въ уборной, вотъ что я вамъ скажу, Пелагея Петровна, — говорила та женщина, передъ которой была кастрюля съ какой-то снѣдью, отъ которой валилъ паръ, — а то мы на выселеніе на васъ подадимъ!

— Сами вы хороши, — отвѣчала другая.

— Обѣ вы хороши, — звучно сказала Маргарита, переваливаясь черезъ подоконникъ въ кухню. Обѣ ссорящіеся повернулись на голось и замерли съ грязными ложками въ рукахъ. Маргарита осторожно протянула руку между ними, повернула краны въ обоихъ

примусахъ и потушила ихъ. Женщины охнули и открыли рты. Но Маргарита уже соскучилась въ кухнѣ и вылетѣла въ переулокъ.

Въ концѣ его ея вниманіе привлекла роскошная громада восьмизэтажнаго, видимо, только что построеннаго дома. Маргарита пошла внизъ и, приземлившись, увидѣла, что фасадъ дома выложенъ чернымъ мраморомъ, что двери широкіе, что за стекломъ ихъ виднѣется фуражка съ золотымъ галуномъ и пуговицы швейцара и что надъ дверьми золотомъ выведена надпись: «Домъ Драмлита».

Маргарита щурилась на надпись, соображая, что бы могло означать слово «Драмлитъ». Взявъ щетку подъ мышку, Маргарита вошла въ подъѣздъ, толкнувъ дверь удивленнаго швейцара, и увидѣла рядомъ съ лифтомъ на стѣнѣ черную громадную доску, а на ней выписанные бѣлыми буквами номера квартиръ и фамиліи жильцовъ. Вѣнчающая списокъ надпись «Домъ драматурга и литератора» заставила Маргариту испустить хищный задушенный вопль. Поднявшись въ воздухъ выше, она жадно начала читать фамиліи: Хустовъ, Двубратскій, Квантъ, Безкудниковъ, Латунскій...

— Латунскій! — завизжала Маргарита. — Латунскій! Да вѣдь это же онъ! Это онъ погубилъ мастера.

Швейцаръ у дверей, выкативъ глаза и даже подпрыгивая отъ удивленія, глядѣлъ на черную доску, стараясь понять такое чудо: почему это завизжалъ внезапно списокъ жильцовъ. А Маргарита въ это время уже поднималась стремительно вверхъ по лѣстницѣ, повторяя въ какомъ-то упоеніи:

— Латунскій – восемьдесятъ четыре! Латунскій – восемьдесятъ четыре...

Вотъ налѣво – 82, направо – 83, еще выше, налѣво – 84. Вотъ и карточка – «О. Латунскій».

Маргарита соскочила со щетки, и разгоряченная ея подошвы приятно охладила каменная площадка. Маргарита позвонила разъ, другой. Но никто не открывалъ. Маргарита стала сильнѣе жать кнопку и сама слышала трезвонъ, который поднялся въ квартирѣ Латунскаго. Да, по гробъ жизни долженъ быть благодаренъ покойному Берліозу обитатель квартиры № 84 въ восьмомъ этажѣ за то, что предсѣдатель МАССОЛИТа попалъ подъ трамвай, и за то, что траурное засѣданіе назначили какъ разъ на этотъ вечеръ. Подъ счастливой звѣздой родился критикъ Латунскій. Она спасла его отъ встрѣчи съ Маргаритой, ставшей вѣдьмой въ эту пятницу!

Никто не открывалъ. Тогда во вѣсь махъ Маргарита понеслась внизъ, отсчитывая этажи, долетѣла донизу, вырвалась на улицу и, глядя вверхъ, отсчитала и провѣрила этажи снаружи, соображая, какіе именно окна квартиры Латунскаго. Несомнѣнно, что это были пять темныхъ оконъ на углу зданія, въ восьмомъ этажѣ. Увѣрившись въ этомъ, Маргарита поднялась въ воздухъ и черезъ нѣсколько секундъ сквозь открытое окно входила въ неосвѣщенную комнату, въ которой серебрилась только узенькая дорожка отъ луны. По ней пробѣжала Маргарита, нашарила выключатель. Черезъ минуту вся квартира была освѣщена. Щетка стояла въ углу. Удоставившись, что дома никого нѣту, Маргарита открыла дверь на лѣстницу и провѣрила, тутъ ли карточка. Карточка была на мѣстѣ, Маргарита попала туда, куда нужно было.

Да, говорятъ, что и до сихъ поръ критикъ Латунскій блѣднѣетъ, вспоминая этотъ страшный вечеръ, и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произноситъ имя Берліоза. Совершенно неизвѣстно, какою темной и гнусной уголовщиной ознаменовался бы этотъ вечеръ, —

по возвращеніи изъ кухни Маргариты въ рукахъ у нее оказался тяжелый молотокъ.

Нагая и невидимая летунья сдерживала и уговаривала себя, руки ея тряслись отъ нетерпѣнія. Внимательно прицѣлившись, Маргарита ударила по клавишамъ рояля, и по всей квартирѣ пронесся первый жалобный вой. Изступленно кричалъ ни въ чемъ не повинный беккеровскій кабинетный инструментъ. Клавиши на немъ провалились, костяныя накладки летѣли во всѣ стороны. Со звукомъ револьвернаго выстрѣла лопнула подъ ударомъ молотка верхняя полированная дека. Тяжело дыша, Маргарита рвала и мяла молоткомъ струны. Наконецъ, уставши, отвалилась, бухнулась въ кресло, чтобы отдышаться.

Въ ванной страшно гудѣла вода и въ кухнѣ тоже. «Кажется, уже полилось на полъ», — подумала Маргарита и добавила вслухъ:

— Однако разсиживаться нечего.

Изъ кухни въ коридоръ уже бѣжалъ потокъ. Шлепая босыми ногами въ водѣ, Маргарита ведрами носила изъ кухни воду въ кабинетъ критика и выливала ее въ ящики письменнаго стола. Потомъ, разломавъ молоткомъ двери шкафа въ этомъ же кабинетѣ, бросилась въ спальню. Разбивъ зеркальный шкафъ, она вытащила изъ него костюмъ критика и утопила его въ ваннѣ. Полную чернильницу чернилъ, захваченную въ кабинетѣ, она вылила въ пышно взбитую двуспальную кровать въ спальнѣ. Разрушеніе, которое она производила, доставляло ей жгучее наслажденіе, но при этомъ ей все время казалось, что результаты получаются какіе-то мизерные. Поэтому она стала дѣлать что попало. Она била вазоны съ фикусами въ той комнатѣ, гдѣ былъ рояль. Не докончивъ этого, возвращалась въ спальню и кухоннымъ ножомъ рѣзала простыни, била

застекленныя фотографіи. Усталости она не чувствовала, и только потъ текъ по ней ручьями.

Въ это время въ квартирѣ № 82, подъ квартирой Латунскаго, домработница драматурга Кванта пила чай въ кухнѣ, недоумѣвая по поводу того, что сверху доносится какой-то грохотъ, бѣготня и звонъ. Поднявъ голову къ потолку, она вдругъ увидѣла, что онъ на глазахъ у нея мѣняетъ свой бѣлый цвѣтъ на какой-то мертвенно-синеватый. Пятно расширялось на глазахъ, и вдругъ на немъ набухли капли. Минуты двѣ сидѣла домработница, дивясь такому явленію, пока, наконецъ, изъ потолка не пошелъ настоящій дождь и не застучалъ по полу. Тутъ она вскочила, подставила подъ струи тазъ, что нисколько не помогло, такъ какъ дождь расширился и сталъ заливать и газовую плиту, и столъ съ посудой. Тогда, вскрикнувъ, домработница Кванта побѣжала изъ квартиры на лѣстницу, и тотчасъ же въ квартирѣ Латунскаго начались звонки.

— Ну, зазвонили, пора собираться, — сказала Маргарита. Она сѣла на щетку, прислушиваясь къ тому, какъ женскій голосъ кричитъ въ скважину двери:

— Откройте, откройте! Дуся, открой! У васъ, что ли, вода течетъ? Насъ залило.

Маргарита поднялась на метръ вверхъ и ударила по люстрѣ. Двѣ лампочки разорвало, и во всѣ стороны полетѣли подвѣски. Крики въ скважинѣ прекратились, на лѣстницѣ послышался топотъ. Маргарита выплыла въ окно, оказалась снаружи окна, размахнулась несильно и молоткомъ ударила въ стекло. Оно всхлипнуло, и по облицованной мраморомъ стѣнѣ каскадомъ побѣжали внизъ осколки. Маргарита поѣхала къ слѣдующему окну. Далеко внизу забѣгали люди по тротуару, изъ двухъ стоявшихъ у подъѣзда машинъ одна загудѣла и отъѣхала. Покончивъ съ окнами Латунскаго, Маргарита поплыла къ сосѣдней квартирѣ. Удары стали чаще,

переулокъ наполнился звономъ и грохотомъ. Изъ перваго подъѣзда выбѣжалъ швейцаръ, поглядѣлъ вверхъ, немного поколебался, очевидно, не сообразивъ сразу, что ему предпринять, всунулъ въ ротъ свистокъ и бѣшено засвистѣлъ. Съ особымъ азартомъ подъ этотъ свистъ разсадивъ послѣднее окно на восьмомъ этажѣ, Маргарита спустилась къ седьмому и начала крушить стекла въ немъ.

Измученный долгимъ бездѣльемъ за зеркальными дверями подъѣзда, швейцаръ вкладывалъ въ свистъ всю душу, причемъ точно слѣдовалъ за Маргаритой, какъ бы аккомпанируя ей. Въ паузахъ, когда она перелетала отъ окна къ окну, онъ набиралъ духу, а при каждомъ ударѣ Маргариты, надувъ щеки, заливался, буравя ночной воздухъ до самого неба.

Его усилія, въ соединеніи съ усиліями разъяренной Маргариты, дали большіе результаты. Въ домѣ шла паника. Цѣлыя еще стекла распахивались, въ нихъ появлялись головы людей и тотчасъ же прятались, открытыя же окна, наоборотъ, закрывались. Въ противоположныхъ домахъ въ окнахъ на освѣщенномъ фонѣ возникали темные силуэты людей, старавшихся понять, почему безъ всякой причины лопаются стекла въ новомъ зданіи Драмлита.

Въ переулкѣ народъ бѣжалъ къ дому Драмлита, а внутри его по всѣмъ лѣстницамъ топали мечущіеся безъ всякаго толка и смысла люди. Домработница Кванта кричала бѣгущимъ по лѣстницѣ, что ихъ залило, а къ ней вскорѣ присоединилась домработница Хустова изъ квартиры № 80, помѣщавшейся подъ квартирой Кванта. У Хустовыхъ хлынуло съ потолка и въ кухнѣ, и въ уборной. Наконецъ, у Квантовъ въ кухнѣ обрушился громадный пластъ штукатурки съ потолка, разбивъ всю грязную посуду, послѣ чего пошелъ уже настоящій ливень: изъ клѣтокъ обвисшей мокрой драни хлынуло

какъ изъ ведра. Тогда на лѣстницѣ перваго подъѣзда начались крики. Пролетая мимо предпоследняго окна четвертаго этажа, Маргарита заглянула въ него и увидѣла человѣка, въ паникѣ напялившаго на себя противогазъ. Ударивъ молоткомъ въ его стекло, Маргарита вспугнула его, и онъ исчезъ изъ комнаты.

И неожиданно дикій разгромъ прекратился. Скользя къ третьему этажу, Маргарита заглянула въ крайнее окно, завѣшенное легонькой темной шторкой. Въ комнатѣ горѣла слабенькая лампочка подъ колпачкомъ. Въ маленькой кровати съ сѣточными боками сидѣлъ мальчикъ лѣтъ четырехъ и испуганно прислушивался. Взрослыхъ никого не было въ комнатѣ. Очевидно, всѣ выбѣжали изъ квартиры.

— Стекла бьютъ, — проговорилъ мальчикъ и позвалъ: — Мама!

Никто не отозвался, и тогда онъ сказалъ:

— Мама, я боюсь.

Маргарита откинула шторку и влетѣла въ окно.

— Я боюсь, — повторилъ мальчикъ и задрожалъ.

— Не бойся, не бойся, маленькій, — сказала Маргарита, стараясь смягчить свой осипшій на вѣтру, преступный голосъ, — это мальчишки стекла били.

— Изъ рогатки? — спросилъ мальчикъ, переставая дрожать.

— Изъ рогатки, изъ рогатки, — подтвердила Маргарита, — а ты спи!

— Это Ситникъ, — сказалъ мальчикъ, — у него есть рогатка.

— Ну, конечно, онъ!

Мальчикъ поглядѣлъ лукаво куда-то въ сторону и спросилъ:

— А ты гдѣ, тетя?

— А меня нѣту, — сказала Маргарита, — я тебѣ снюсь.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ мальчикъ.

— Ты ложись, — приказала Маргарита, — подложи руку подъ щеку, а я тебѣ буду сниться.

— Ну, снись, снись, — согласился мальчикъ и тотчасъ улегся и руку положилъ подъ щеку.

— Я тебѣ сказку расскажу, — заговорила Маргарита и положила разгоряченную руку на стриженную голову, — была на свѣтѣ одна тетя. И у нея не было дѣтей, и счастья вообще тоже не было. И вотъ она сперва много плакала, а потомъ стала злая... — Маргарита умолкла, сняла руку — мальчикъ спалъ.

Маргарита тихонько положила молотокъ на подоконникъ и вылетѣла изъ окна. Возлѣ дома была кутерьма. По асфальтированному тротуару, усѣянному битымъ стекломъ, бѣгали и что-то выкрикивали люди. Между ними уже мелькали милиціонеры. Внезапно ударилъ колоколъ, и съ Арбата въ переулокъ вкатила красная пожарная машина съ лѣстницей...

Но дальнѣйшее уже не интересовало Маргариту. Прицѣлившись, чтобы не задѣть за какой-нибудь проводъ, она покрѣпче сжала щетку и въ мгновеніе оказалась выше злополучнаго дома. Переулокъ подъ нею покосился набокъ и провалился внизъ. вмѣсто него одного подъ ногами у Маргариты возникло скопище крышъ, подъ углами перерѣзанное сверкающими дорожками. Все оно неожиданно поѣхало въ сторону, и цѣпочки огней смазались и слились.

Маргарита сдѣлала еще одинъ рывокъ, и тогда все скопище крышъ провалилось подъ землю, а вмѣсто него появилось внизу озеро дрожащихъ электрическихъ огней, и это озеро внезапно поднялось вертикально, а затѣмъ появилось надъ головой у Маргариты, а подъ ногами блеснула луна. Понявъ, что она перевернулась, Маргарита приняла нормальное положеніе и, обернувшись, увидѣла, что и озера уже нѣтъ, а что тамъ,

сзади за нею, осталось только розовое зарево на горизонтѣ. И оно исчезло черезъ секунду, и Маргарита увидѣла, что она наединѣ съ летящей надъ нею слѣва луною. Волосы Маргариты давно уже стояли копною, а лунный свѣтъ со свистомъ омывалъ ея тѣло. По тому, какъ внизу два ряда рѣдкихъ огней слились въ двѣ непрерывныя огненные черты, по тому, какъ быстро онѣ пропали сзади, Маргарита догадалась, что она летитъ съ чудовищною скоростью, и поразилась тому, что она не задыхается.

По прошествіи нѣсколькихъ секундъ далеко внизу, въ земной чернотѣ, вспыхнуло новое озеро электрическаго свѣта и подвалилось подъ ноги летящей, но тутъ же завертѣлось винтомъ и провалилось въ землю. Еще нѣсколько секундъ — такое же точно явленіе.

— Города! Города! — прокричала Маргарита.

Послѣ этого раза два или три она видѣла подъ собой тускло отсвѣчивающія какіе-то сабли, лежащія въ открытыхъ черныхъ футлярахъ, и сообразила, что это рѣки.

Повернувъ голову вверхъ и налѣво, летящая любовалась тѣмъ, что луна несется подъ нею, какъ сумасшедшая, обратно въ Москву и въ то же время страннымъ образомъ стоитъ на мѣстѣ, такъ что отчетливо виденъ на ней какой-то загадочный, темный — не то драконъ, не то конекъ-горбунокъ, острой мордой обращенный къ покинутому городу.

Тутъ Маргаритой овладѣла мысль, что, по сути дѣла, она зря столь изступленно гонитъ щетку. Что она лишаетъ себя возможности что-либо какъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ упиться полетомъ. Ей что-то подсказывало, что тамъ, куда она летитъ, ее подождутъ и что незачѣмъ ей скучать отъ такой безумной быстроты и высоты.

Маргарита наклонила щетку щетиной впередъ, такъ что хвостъ ея поднялся кверху, и, очень замедливъ ходъ, пошла къ самой землѣ. И это скольженіе, какъ на воздушныхъ салазкахъ, внизъ принесло ей наибольшее наслажденіе. Земля поднялась къ ней, и въ безформенной до этого черной гущѣ ея обозначились ея тайны и прелести во время лунной ночи. Земля шла къ ней, и Маргариту уже обдавало запахомъ зеленѣющихъ лѣсовъ. Маргарита летѣла надъ самыми туманами росистаго дуга, потомъ надъ прудомъ. Подъ Маргаритой хоромъ пѣли лягушки, а гдѣ-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумѣлъ поѣздъ. Маргарита вскорѣ увидѣла его. Онъ ползъ медленно, какъ гусеница, сыпя въ воздухъ искры. Обогнавъ его, Маргарита прошла еще надъ однимъ воднымъ зеркаломъ, въ которомъ проплыла подъ ногами вторая луна, еще болѣе снизилась и пошла, чуть-чуть не задѣвая ногами верхушки огромныхъ сосенъ.

Тяжкій шумъ вспарываемаго воздуха послышался сзади и сталъ наступать Маргариту. Постепенно къ этому шуму чего-то летящаго, какъ снарядъ, присоединился слышимый на много верстъ женскій хохотъ. Маргарита оглянулась и увидѣла, что ее догоняетъ какой-то сложный темный предметъ. Настигая Маргариту, онъ все болѣе обозначался, стало видно, что кто-то летитъ верхомъ. А наконецъ онъ и совсѣмъ обозначился. Замедляя ходъ, Маргариту догнала Наташа.

Она, совершенно нагая, съ летящими по воздуху растрепанными волосами, летѣла верхомъ на толстомъ боровѣ, зажимавшемъ въ переднихъ копытцахъ портфель, а задними ожесточенно молотящемъ воздухъ. Изрѣдка поблескивающее въ лунѣ, а потомъ потухающее пенсне, свалившееся съ носа, летѣло рядомъ съ боровомъ на шнурѣ, а шляпа то и дѣло наѣзжала борову на глаза.

Хорошенько всмотрѣвшись, Маргарита узнала въ боровѣ Николая Ивановича, и тогда хохоть ея загремѣлъ надъ лѣсомъ, смѣшавшись съ хохотомъ Наташи.

— Наташка! — пронзительно закричала Маргарита, — ты намазалась кремомъ?

— Душенька! — будя своими воплями заснувшій сосновый лѣсъ, отвѣчала Наташа, — королева моя французская, вѣдь я и ему намазала лысину, и ему!

— Принцесса! — плаксиво прооралъ боровъ, галопомъ неся всадницу.

— Душенька! Маргарита Николаевна! — кричала Наташа, скача рядомъ съ Маргаритой, — сознаюсь, взяла кремъ. Вѣдь и мы хотимъ жить и летать! Прости меня, повелительница, а я не вернусь, нипочемъ

не вернусь! Ахъ, хорошо, Маргарита Николаевна! Предложеніе мнѣ дѣлалъ, — Наташа стала тыкать пальцемъ въ шею сконфуженно пыхтящаго борова, — предложеніе! Ты какъ меня называлъ, а? — кричала она, наклонясь къ уху борова.

— Богиня, — завывалъ тотъ, — не могу я такъ быстро летѣть. Я бумаги могу важныя растерять. Наталья Прокофьевна, я протестую.

— Да ну тебя къ черту съ твоими бумагами! — дерзко хохоча, кричала Наташа.

— Что вы, Наталья Прокофьевна! Насъ услышитъ кто-нибудь! — моляще оралъ боровъ.

Летя галопомъ рядомъ съ Маргаритой, Наташа съ хохотомъ рассказывала ей о томъ, что произошло въ особнякѣ послѣ того, какъ Маргарита Николаевна улетѣла черезъ ворота.

Наташа созналась въ томъ, что, не прикоснувшись болѣе ни къ какимъ подареннымъ вещамъ, она сбросила съ себя одежду и кинулась къ крему и немедленно имъ намазалась. И съ нею произошло то же, что съ ея хозяйкой. Въ то время, какъ Наташа, хохоча отъ радости, упивалась передъ зеркаломъ своею волшебною красой, дверь открылась, и передъ Наташей явился Николай Ивановичъ. Онъ былъ взволнованъ, въ рукахъ онъ держалъ сорочку Маргариты Николаевны и собственную свою шляпу и портфель. Увидѣвъ Наташу, Николай Ивановичъ обомлѣлъ. Нѣсколько справившись съ собою, вѣсь красный какъ ракъ, онъ объявилъ, что счелъ долгомъ поднять рубашечку, лично принести ее...

— Что говорилъ, негодяй! — визжала и хохотала Наташа, — что говорилъ, на что сманивалъ! Какіе деньги сулилъ. Говорилъ, что Клавдія Петровна ничего не узнаетъ. Что, скажешь, вру? — кричала

Наташа борову, и тотъ только сконфуженно отворачивалъ морду.

Расшалившись въ спальнѣ, Наташа мазнула кремомъ Николая Ивановича и сама оторопѣла отъ удивленія. Лицо почтеннаго нижняго жильца свело въ пяточокъ, а руки и ноги оказались съ копытцами. Глянувъ на себя въ зеркало, Николай Ивановичъ отчаянно и дико завылъ, но было уже поздно. Черезъ нѣсколько секундъ онъ, осѣдланый, летѣлъ куда-то къ черту изъ Москвы, рыдая отъ горя.

— Требую возвращенія моего нормального облика! — вдругъ не то изступленно, не то моляще прохрипѣлъ и захрюкалъ боровъ, — я не намѣренъ летѣть на незаконное сборищѣ! Маргарита Николаевна, вы обязаны унять вашу домработницу.

— Ахъ, такъ я теперь тебѣ домработница? Домработница? — вскрикивала Наташа, нащипывая ухо борову, — а была богиня? Ты меня какъ называлъ?

— Венера! — плаксиво отвѣчалъ боровъ, пролетая надъ ручьемъ, журчащимъ межъ камней, и копытцами задѣвая шорохомъ за кусты орѣшника.

— Венера! Венера! — побѣдно прокричала Наташа, подбоченившись одной рукой, а другую простирая къ лунѣ, — Маргарита! Королева! Упросите за меня, чтобъ меня вѣдьмой оставили. Вамъ все сдѣлають, вамъ власть дана!

И Маргарита отозвалась:

— Хорошо, я общаю!

— Спасибо! — прокричала Наташа и вдругъ закричала рѣзко и какъ-то тоскливо: — Гей! Гей! Скорѣй! Скорѣй! А ну-ка, надбавь! — она сжала пятками похудѣвшіе въ безумной скачкѣ бока борова, и тотъ рванулъ такъ, что опять распоролъ воздухъ, и черезъ мгновение Наташа уже была видна впереди, какъ

черная точка, а потомъ и совсѣмъ пропала, и шумъ ея полета растаялъ.

Маргарита летѣла по-прежнему медленно въ пустынной и неизвѣстной мѣстности, надъ холмами, усѣянными рѣдкими валунами, лежащими межъ отдѣльныхъ громадныхъ сосенъ. Маргарита летѣла и думала о томъ, что она, вѣроятно, гдѣ-то очень далеко отъ Москвы. Щетка летѣла не надъ верхушками сосенъ, а уже между ихъ стволами, съ одного боку посеребренными луной. Легкая тѣнь летящей скользила по землѣ впереди — теперь луна свѣтила въ спину Маргаритѣ.

Маргарита чувствовала близость воды и догадывалась, что цѣль близка. Сосны разошлись, и Маргарита тихо подѣхала по воздуху къ мѣловому обрыву. За этимъ обрывомъ внизу, въ тѣни, лежала рѣка. Туманъ висѣлъ и цѣплялся за кусты внизу вертикальнаго обрыва, а противоположный берегъ былъ плоскій, низменный. На немъ, подъ одинокой группой какихъ-то раскидистыхъ деревьевъ, метался огонечекъ отъ костра и виднѣлись какіе-то движущіеся фигурки. Маргаритѣ показалось, что оттуда доносится какая-то зудящая веселенькая музыка. Далѣе, сколько хватало глазъ, на посеребренной равнинѣ не виднѣлось никакихъ признаковъ ни жилья, ни людей.

Маргарита прыгнула съ обрыва внизъ и быстро спустилась къ водѣ. Вода манила ее послѣ воздушной гонки. Отбросивъ отъ себя щетку, она разбѣжалась и прыгнула въ воду внизъ головой. Легкое ея тѣло, какъ стрѣла, вонзилось въ воду, и столбъ воды выбросило почти до самой луны. Вода оказалась теплой, какъ въ банѣ, и, вынырнувъ изъ бездны, Маргарита вдоволь наплавалась въ полномъ одиночествѣ ночью въ этой рѣкѣ.

Рядомъ съ Маргаритой никого не было, но

немного подальше за кустами слышались всплески и фырканы, там тоже кто-то купался.

Маргарита выбѣжала на берегъ. Тѣло ея пылало послѣ купанья. Усталости никакой она не ощущала и радостно приплясывала на влажной травѣ. Вдругъ она перестала танцевать и насторожилась. Фырканы стало приближаться, и изъ-за ракитовыхъ кустовъ вылѣзъ какой-то голый толстякъ въ черномъ шелковомъ цилиндрѣ, заломленномъ на затылокъ. Ступни его ногъ были въ илистой грязи, такъ что казалось, будто купальщикъ въ черныхъ ботинкахъ. Судя по тому, какъ онъ отдувался и икалъ, онъ былъ порядочно выпивши, что, впрочемъ, подтверждалось и тѣмъ, что рѣка вдругъ стала издавать запахъ коньяку.

Увидѣвъ Маргариту, толстякъ сталъ вглядываться, а потомъ радостно заоралъ:

— Что такое? Ее ли я вижу? Клодина, да вѣдь это ты, неунывающая вдова? И ты здѣсь? — и тутъ онъ полѣзъ здороваться.

Маргарита отступила и съ достоинствомъ отвѣтила:

— Пошелъ ты къ чертовой матери. Какая я тебѣ Клодина? Ты смотри, съ кѣмъ разговариваешь, — и, подумавъ мгновенье, она прибавила къ своей рѣчи длинное непечатное ругательство. Все это произвело на легкомысленнаго толстяка отрезвляющее дѣйствіе.

— Ой! — тихо воскликнулъ онъ и вздрогнулъ, — простите великодушно, свѣтлая королева Марго! Я обознался. А виноватъ коньякъ, будь онъ проклятъ! — толстякъ опустил на одно колѣно, цилиндръ отнесъ въ сторону, сдѣлалъ поклонъ и залопоталъ, мѣшая русскія фразы съ французскими, какой-то вздоръ про кровавую свадьбу своего друга въ Парижѣ Гессара, и про коньякъ, и про то, что онъ подавленъ грустной ошибкой.

— Ты бы брюки надѣль, сукинъ сынъ, — сказала, смягчаясь, Маргарита.

Толстякъ радостно осклабился, видя, что Маргарита не сердится, и восторженно сообщилъ, что оказался безъ брюкъ въ данный моментъ лишь потому, что по разсѣянности оставилъ ихъ на рѣкѣ Енисеѣ, гдѣ купался передъ тѣмъ, но что онъ сейчасъ же летитъ туда, благо это рукой подать, и затѣмъ, поручивъ себя расположенію и покровительству, началъ отступать задомъ и отступалъ до тѣхъ поръ, пока не поскользнулся и навзничъ не упалъ въ воду. Но и падая, сохранилъ на окаймленномъ небольшими бакенбардами лицѣ улыбку восторга и преданности.

Маргарита же пронзительно свистнула и, осѣдлавъ подлетѣвшую щетку, перенеслась надъ рѣкой на противоположный берегъ. Тѣнь мѣловой горы сюда не доставала, и вѣсь берегъ заливала луна.

Лишь только Маргарита коснулась влажной травы, музыка подъ вербами ударила сильнѣе, и веселѣе взлетѣлъ снопъ искръ изъ костра. Подъ вѣтвями вербъ, усѣянными нѣжными, пушистыми сережками, видными въ лунѣ, сидѣли въ два ряда толстомордыя лягушки и, раздуваясь какъ резиновыя, играли на деревянныхъ дудочкахъ бравурный маршъ. Свѣтящіяся гнилушки висѣли на ивовыхъ прутикахъ передъ музыкантами, освѣщая ноты, на лягушачьихъ мордахъ игралъ мятущійся свѣтъ отъ костра.

Маршъ игрался въ честь Маргариты. Приѣмъ ей оказанъ былъ самый торжественный. Прозрачныя русалки остановили свой хороводъ надъ рѣкою и замахали Маргаритѣ водорослями, и надъ пустыннымъ зеленоватымъ берегомъ простонали далеко слышныя ихъ привѣтствія. Нагіе вѣдьмы, выскочивъ изъ-за вербъ, выстроились въ рядъ и стали присѣдать и кланяться придворными поклонами. Кто-то козлоногій подлетѣлъ и

припаль къ рукѣ, раскинулъ на травѣ шелкъ, освѣдомляясь о томъ, хорошо ли купалась королева, предложилъ прилечь и отдохнуть.

Маргарита такъ и сдѣлала. Козлоногій поднесъ ей бокаль съ шампанскимъ, она выпила его, и сердце ея сразу согрѣлось. Освѣдомившись о томъ, гдѣ Наташа, она получила отвѣтъ, что Наташа уже выкупалась и полетѣла на своемъ боровѣ впередъ, въ Москву, чтобы предупредить о томъ, что Маргарита скоро будетъ, и помочь приготовить для нея нарядъ.

Короткое пребываніе Маргариты подъ вербами ознаменовалось однимъ эпизодомъ. Въ воздухѣ раздався свистъ, и черное тѣло, явно промахнувшись, обрушилось въ воду. Черезъ нѣсколько мгновений передъ Маргаритой предсталъ тотъ самый толстякъ-бакенбардистъ, что такъ неудачно представился на томъ берегу. Онъ успѣлъ, по-видимому, смотаться на Енисей, ибо былъ во фрачномъ нарядѣ, но мокръ съ головы до ногъ. Коньякъ подвелъ его вторично: высаживаясь, онъ все-таки угодилъ въ воду. Но улыбки своей онъ не утратилъ и въ этомъ печальномъ случаѣ, и былъ смѣющеюся Маргаритой допущенъ къ рукѣ.

Затѣмъ всѣ стали собираться. Русалки доплясали свой танецъ въ лунномъ свѣтѣ и растаяли въ немъ. Козлоногій почтительно освѣдомился у Маргариты, на чемъ она прибыла на рѣку; узнавъ, что она явилась верхомъ на щеткѣ, сказалъ:

— О, зачѣмъ же, это неудобно, — мигомъ соорудилъ изъ двухъ сучковъ какой-то подозрительный телефонъ и потребовалъ у кого-то сію же минуту прислать машину, что и исполнилось, дѣйствительно, въ одну минуту. На островъ обрушилась буланая открытая машина, только на шоферскомъ мѣстѣ сидѣлъ не обычнаго вида шоферъ, а черный длинноносый грачъ въ клеенчатой фуражкѣ и въ перчаткахъ съ раструбами.

Островокъ опустѣлъ. Въ лунномъ пыланіи растворились улетѣвшія вѣдьмы. Костеръ догоралъ, и угли затягивало сѣдой золой.

Бакенбардистъ и козлоногій подсадили Маргариту, и она опустилась на широкое заднее сидѣніе. Машина взвыла, прыгнула и поднялась почти къ самой лунѣ, островъ пропалъ, пропала рѣка, Маргарита понеслась въ Москву.

При свѣчахъ

Ровное гудѣніе машины, летящей высоко надъ землей, убаюкивало Маргариту, а лунный свѣтъ ее пріятно согрѣвалъ. Закрывъ глаза, она отдала лицо вѣтру и думала съ какой-то грустью о покинутомъ ею неизвѣстномъ берегѣ рѣки, которую, какъ она чувствовала, она никогда болѣе не увидитъ. Послѣ всѣхъ волшебствъ и чудесъ сегодняшняго вечера она уже догадывалась, къ кому именно въ гости ее везутъ, но это не пугало ее. Надежда на то, что тамъ ей удастся добиться возвращенія своего счастья, сдѣлала ее безстрашной. Впрочемъ, долго мечтать въ машинѣ объ этомъ счастьеѣ ей не пришлось. Грачъ ли хорошо зналъ свое дѣло, машина ли была хороша, но только вскорѣ Маргарита, открывъ глаза, увидѣла подъ собой не лѣсную тьму, а дрожащее озеро московскихъ огней. Черная птица-шоферъ на лету отвинтилъ правое переднее колесо, а затѣмъ посадилъ машину на какомъ-то совершенно безлюдномъ кладбищѣ въ районѣ Драгомилова. Высадивъ ни о чемъ не спрашивающую Маргариту возлѣ одного изъ надгробій вмѣстѣ съ ея щеткой, грачъ запустилъ машину, направивъ ее прямо въ оврагъ за кладбищемъ. Въ него она съ грохотомъ обрушилась и въ немъ погибла. Грачъ почтительно козырнулъ, сѣлъ на колесо верхомъ и улетѣлъ.

Тотчасъ изъ-за одного изъ памятниковъ показался черный плащъ. Клыкъ сверкнулъ при лунѣ, и Маргарита узнала Азazelло. Тотъ жестомъ пригласилъ Маргариту сѣсть на щетку, самъ вскочилъ на длинную рапиру, оба взвились и никѣмъ не замѣченные черезъ

нѣсколько секундъ высадились около дома № 302-бисъ на Садовой улицѣ.

Когда, подѣ мышкой неся щетку и рапиру, спутники проходили подворотню, Маргарита замѣтила томящегося въ ней человѣка въ кепкѣ и высокихъ сапогахъ, вѣроятно, кого-то поджидавашаго. Какъ ни легки были шаги Азазелло и Маргариты, одинокій человѣкъ ихъ услыхалъ и безпокойно дернулся, не понимая, кто ихъ производитъ.

Второго, до удивительности похожего на перваго, человѣка встрѣтили у шестого подъѣзда. И опять повторилась та же исторія. Шаги... Человѣкъ безпокойно оглянулся и нахмурился. Когда же дверь открылась и закрылась, кинулся вслѣдъ за невидимыми входящими, заглянулъ въ подъѣздъ, но ничего, конечно, не увидѣлъ.

Третій, точная копія втораго, а стало быть, и перваго, дежурилъ на площадкѣ третьяго этажа. Онъ курилъ крѣпкіе папиросы, и Маргарита раскашлялась, проходя мимо него. Курящій, какъ будто его кольнули, вскочилъ со скамейки, на которой сидѣлъ, началъ безпокойно оглядываться, подошелъ къ периламъ, глянулъ внизъ. Маргарита со своимъ провожатымъ въ это время уже была у дверей квартиры № 50. Звонить не стали, Азазелло безшумно открылъ дверь своимъ ключомъ.

Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, въ которую они попали. Ничего не было видно, какъ въ подземельѣ, и Маргарита невольно уцѣпилась за плащъ Азазелло, опасаясь споткнуться. Но тутъ вдаль и вверху замигалъ огонекъ какой-то лампадки и началъ приближаться. Азазелло на ходу вынулъ изъ-подъ мышки Маргариты щетку, и та исчезла безъ всякаго стука въ темнотѣ. Тутъ стали подниматься по какимъ-то широкимъ ступенямъ, и Маргаритѣ стало казаться, что

имъ конца не будетъ. Ее поражало, какъ въ передней обыкновенной московской квартиры можетъ помѣститься эта необыкновенная невидимая, но хорошо ощущаемая безконечная лѣстница. Но тутъ подъемъ кончился, и Маргарита поняла, что стоитъ на площадкѣ. Огонекъ приблизился вплотную, и Маргарита увидѣла освѣщенное лицо мужчины, длиннаго и чернаго, держащаго въ рукѣ эту самую лампадку. Тѣ, кто имѣлъ уже несчастье въ эти дни попасться на его дорогѣ, даже при слабомъ свѣтѣ язычка въ лампадкѣ, конечно, тотчасъ же узнали бы его. Это былъ Коровьевъ, онъ же Фаготъ.

Правда, внѣшность Коровьева весьма измѣнилась. Мигающій огонекъ отражался не въ треснувшемъ пенснѣ, которое давно пора было бы выбросить на помойку, а въ моноклѣ, правда, тоже треснувшемъ. Усишки на нагломъ лицѣ были подвиты и напوماжены, а чернота Коровьева объяснялась очень просто — онъ былъ во фрачномъ нарядѣ. Бѣлѣла только его грудь.

Магъ, регентъ, чародѣй, переводчикъ или чертъ его знаетъ кто на самомъ дѣлѣ — словомъ, Коровьевъ — раскланялся и, широко проведя лампадой по воздуху, пригласилъ Маргариту слѣдовать за нимъ. Азazelло исчезъ.

«Удивительно странный вечеръ, — думала Маргарита, — я всего ожидала, но только не этого! Электричество, что ли, у нихъ потухло? Но самое поразительное — размѣры этого помѣщенія. Какимъ образомъ все это можетъ втиснуться въ московскую квартиру? Просто-напросто никакъ не можетъ».

Какъ ни мало давала свѣту Коровьевская лампадка, Маргарита поняла, что она находится въ совершенно необъятномъ залѣ, да еще съ колоннадой, темной и по первому впечатлѣнiю безконечной. Возлѣ

какого-то диванчика Коровьевъ остановился, поставилъ свою лампадку на какую-то тумбу, жестомъ предложилъ Маргаритѣ сѣсть, а самъ помѣстился подлѣ въ живописной позѣ — облокотившись на тумбу.

— Разрѣшите мнѣ представиться вамъ, — заскрипѣлъ Коровьевъ, — Коровьевъ. Васъ удивляетъ, что нѣтъ свѣта? Экономія, какъ вы, конечно, подумали? Ни-ни-ни. Пусть первый попавшійся палачъ, хотя бы одинъ изъ тѣхъ, которые сегодня, немного позже, будутъ имѣть честь приложиться къ вашему колѣну, на этой же тумбѣ оттяпаетъ мнѣ голову, если это такъ. Просто мессиръ не любитъ электрическаго свѣта, и мы дадимъ его въ самый послѣдній моментъ. И тогда, повѣрьте, недостатка въ немъ не будетъ. Даже, пожалуй, хорошо было бы, если бъ его было поменьше.

Коровьевъ понравился Маргаритѣ, и трескучая его болтовня подѣйствовала на нее успокоительно.

— Нѣтъ, — отвѣтила Маргарита, — болѣе всего меня поражаетъ, гдѣ все это помѣщается. — Она повела рукой, подчеркивая при этомъ необъятность зала.

Коровьевъ сладко ухмыльнулся, отчего тѣни шевельнулись въ складкахъ у его носа.

— Самое несложное изъ всего! — отвѣтилъ онъ. — Тѣмъ, кто хорошо знакомъ съ пятымъ измѣреніемъ, ничего не стоитъ раздвинуть помѣщеніе до желательныхъ предѣловъ. Скажу вамъ болѣе, уважаемая госпожа, до чертъ знаетъ какихъ предѣловъ! Я, впрочемъ, — продолжалъ болтать Коровьевъ, — знавалъ людей, не имѣвшихъ никакого представленія не только о пятомъ измѣреніи, но и вообще ни о чемъ не имѣвшихъ никакого представленія и тѣмъ не менѣе продѣлывавшихъ чудеса въ смыслѣ расширенія своего помѣщенія. Такъ, напримѣръ, одинъ горожанинъ, какъ мнѣ рассказывали, получивъ трехкомнатную квартиру на Земляномъ валу, безъ всякаго пятаго измѣренія и

прочихъ вѣщей, отъ которыхъ умъ заходитъ за разумъ, мгновенно превратилъ ее въ четырехкомнатную, раздѣливъ одну изъ комнатъ пополамъ перегородкой. Засимъ эту онъ обмѣнялъ на двѣ отдѣльныхъ квартиры въ разныхъ районахъ Москвы — одну въ три и другую въ двѣ комнаты. Согласитесь, что ихъ стало пять. Трехкомнатную онъ обмѣнялъ на двѣ отдѣльныхъ по двѣ комнаты и сталъ обладателемъ, какъ вы сами видите, шести комнатъ, правда, разсѣянныхъ въ полномъ безпорядкѣ по всей Москвѣ. Онъ уже собирался произвести послѣдній и самый блистательный вольтъ, помѣстивъ въ газетѣ объявление, что мѣняетъ шесть комнатъ въ разныхъ районахъ Москвы на одну пятикомнатную квартиру на Земляномъ валу, какъ его дѣятельность, по не зависящимъ отъ него причинамъ, прекратилась. Возможно, что онъ сейчасъ и имѣетъ какую-нибудь комнату, но только, смѣю васъ увѣрить, что не въ Москвѣ. Вотъ-съ, каковъ проныра, а вы изволите толковать про пятое измѣреніе.

Маргарита, хоть и не толковала вовсе про пятое измѣреніе, а толковалъ о немъ самъ Коровьевъ, весело разсмѣялась, прослушавъ рассказъ о похожденияхъ квартирнаго проныры. Коровьевъ же продолжалъ:

— Но къ дѣлу, къ дѣлу, Маргарита Николаевна. Вы женщина весьма умная и, конечно, уже догадались о томъ, кто нашъ хозяинъ.

Сердце Маргариты стукнуло, и она кивнула головой.

— Ну, вотъ-съ, вотъ-съ, — говорилъ Коровьевъ, — мы враги всякихъ недомолвокъ и таинственностей. Ежегодно мессиръ даетъ одинъ балъ. Онъ называется весеннимъ баломъ полнолунія, или баломъ ста королей. Народу! — тутъ Коровьевъ ухватился за щеку, какъ будто у него заболѣлъ зубъ, — впрочемъ, я надѣюсь, вы сами въ этомъ убѣдитесь. Такъ вотъ-съ: мессиръ

холость, какъ вы, конечно, сами понимаете. Но нужна хозяйка, — Коровьевъ развелъ руками, — согласитесь сами, безъ хозяйки...

Маргарита слушала Коровьева, стараясь не проронить ни слова, подъ сердцемъ у нея было холодно, надежда на счастье кружила ея голову.

— Установилась традиція, — говорилъ далѣе Коровьевъ, — хозяйка бала должна непременно носить имя Маргариты, во-первыхъ, а во-вторыхъ, она должна быть мѣстной уроженкой. А мы, какъ изволите видѣть, путешествуемъ и въ данное время находимся въ Москвѣ. Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы въ Москвѣ, и, вѣрите ли, — тутъ Коровьевъ съ отчаяніемъ хлопнулъ себя по ляжкѣ, — ни одна не подходитъ. И, наконецъ, счастливая судьба...

Коровьевъ выразительно ухмыльнулся, наклоня станъ, и опять похолодѣло сердце у Маргариты.

— Короче! — вскричалъ Коровьевъ, — совсѣмъ коротко: вы не откажетесь принять на себя эту обязанность?

— Не откажусь, — твердо отвѣтила Маргарита.

— Кончено! — сказалъ Коровьевъ и, поднявъ лампаду, добавилъ: — Прошу за мной.

Они пошли между колоннами и наконецъ выбрались въ какой-то другой залъ, въ которомъ почему-то сильно пахло лимономъ, гдѣ слышались какіе-то шорохи и гдѣ что-то задѣло Маргариту по головѣ. Она вздрогнула.

— Не пугайтесь, — сладко успокоилъ Коровьевъ, беря Маргариту подъ руку, — бальныя ухищренія Бегемота, ничего болѣе. И вообще я позволю себѣ смѣлость посовѣтовать вамъ, Маргарита Николаевна, никогда и ничего не бояться. Это неразумно. Балъ будетъ пышный, не стану скрывать отъ васъ этого. Мы увидимъ лицъ, объемъ власти которыхъ

въ свое время былъ чрезвычайно великъ. Но, право, какъ подумаешь о томъ, насколько микроскопически малы ихъ возможности по сравненію съ возможностями того, въ чьей свитѣ я имѣю честь состоять, становится смѣшно и, даже я бы сказалъ, грустно. Да и притомъ вы сами — королевской крови.

— Почему королевской крови? — испуганно шепнула Маргарита, прижимаясь къ Коровьеву.

— Ахъ, королева, — игриво трещалъ Коровьевъ, — вопросы крови — самые сложные вопросы въ мірѣ! И если бы разспросить нѣкоторыхъ прабабушекъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, что пользовались репутацией смиренницъ, удивительнѣйшія тайны открылись бы, уважаемая Маргарита Николаевна. Я ничуть не погрѣшу, если, говоря объ этомъ, упомяну о причудливо тасуемой колодѣ картъ. Есть вещи, въ которыхъ совершенно недѣйствительны ни сословныя перегородки, ни даже границы между государствами. Намекну: одна изъ французскихъ королевъ, жившая въ шестнадцатомъ вѣкѣ, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказалъ ей, что ея прелестную прапраправнучку я по прошествіи многихъ лѣтъ буду вести подъ руку въ Москвѣ по бальнымъ заламъ. Но мы пришли!

Тутъ Коровьевъ задулъ свою лампаду, и она пропала у него изъ рукъ, и Маргарита увидѣла лежащую на полу передъ нею полоску свѣта подъ какой-то темной дверью. И въ эту дверь Коровьевъ тихо стукнулъ. Тутъ Маргарита взволновалась настолько, что у нее застучали зубы и по спинѣ прошелъ ознобъ. Дверь раскрылась. Комната оказалась очень небольшой. Маргарита увидѣла широкую дубовую кровать со смятыми и скомканными грязными простынями и подушкою. Передъ кроватью стоялъ дубовый на рѣзныхъ ножкахъ столъ, на которомъ помѣщался канделябръ съ гнѣздами въ видѣ

когтистыхъ птичьихъ лапъ. Въ этихъ семи золотыхъ лапахъ горѣли толстыя восковыя свѣчи. Кромѣ этого, на столикѣ была большая шахматная доска съ фигурками, необыкновенно искусно сдѣланными. На маленькомъ вытертомъ коврикѣ стояла низенькая скамеечка. Былъ еще одинъ столъ съ какой-то золотой чашей и другимъ канделябромъ, вѣтви котораго были сдѣланы въ видѣ змѣй. Въ комнатѣ пахло сѣрой и смолой, тѣни отъ свѣтильниковъ перекрещивались на полу.

Среди присутствующихъ Маргарита сразу узнала Азazelло, теперь уже одѣтаго во фракъ и стоящаго у спинки кровати. Принарядившійся Азazelло уже не походилъ на того разбойника, въ видѣ котораго являлся Маргаритѣ въ Александровскомъ саду, и поклонился онъ Маргаритѣ чрезвычайно галантно.

Нагая вѣдьма, та самая Гелла, что такъ смушала почтеннаго буфетчика Варьете, и, увы, та самая, которую, къ великому счастью, вспугнулъ пѣтухъ въ ночь знаменитаго сеанса, сидѣла на коврикѣ на полу у кровати, помѣшивая въ кастрюлѣ что-то, отъ чего валилъ сѣрный паръ.

Кромѣ этихъ, былъ еще въ комнатѣ сидящій на высокомъ табуретѣ передъ шахматнымъ столикомъ громаднѣйшій черный котище, держащій въ правой лапѣ шахматнаго коня.

Гелла приподнялась и поклонилась Маргаритѣ. То же сдѣлалъ и котъ, соскочивши съ табурета; шаркая правой задней лапой, онъ уронилъ коня и полѣзъ за нимъ подъ кровать.

Все это замирающая отъ страха Маргарита разглядѣла въ коварныхъ тѣняхъ отъ свѣчей кое-какъ. Взоръ ея притягивала постель, на которой сидѣлъ тотъ, кого еще совсѣмъ недавно бѣдный Иванъ на Патріаршихъ прудахъ убѣждалъ въ томъ, что дьявола не

существуетъ. Этотъ несуществующій и сидѣлъ на кровати.

Два глаза уперлись Маргаритѣ въ лицо. Правый съ золотою искрой на днѣ, сверлящей любого до дна души, и лѣвый — пустой и черный, вродѣ какъ узкое игольное ухо, какъ выходъ въ бездонный колодець всякой тьмы и тѣней. Лицо Воланда было скошено на сторону, правый уголъ рта оттянуть книзу, на высококомъ облысѣвшемъ лбу были прорѣзаны глубокія параллельныя острыми бровями морщины. Кожу на лицѣ Воланда какъ будто бы навѣки сжегъ загаръ.

Воландъ широко раскинулся на постели, былъ одѣтъ въ одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на лѣвомъ плечѣ. Одну голую ногу онъ поджалъ подъ себя, другую вытянулъ на скамеечку. Колѣно этой темной ноги и натирала какою-то дымящеюся мазью Гелла.

Еще разглядѣла Маргарита на раскрытой безволосой груди Воланда искусно изъ темнаго камня вырѣзаннаго жука на золотой цѣпочкѣ и съ какими-то письменами на спинкѣ. Рядомъ съ Воландомъ на постели, на тяжеломъ постаментѣ, стоялъ странный, какъ будто живой и освѣщенный съ одного бока солнцемъ глобусъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. «Онъ изучаетъ меня», — подумала Маргарита и усиленъ воли постаралась сдержать дрожь въ ногахъ.

Наконецъ Воландъ заговорилъ, улыбнувшись, отчего его искристый глазъ какъ бы вспыхнулъ:

— Привѣтствую васъ, королева, и прошу меня извинить за мой домашній нарядъ.

Голосъ Воланда былъ такъ низокъ, что на нѣкоторыхъ словахъ давалъ оттяжку въ хрипъ.

Воландъ взялъ съ постели длинную шпагу, наклонившись, пошевелилъ ею подъ кроватью и сказалъ:

— Вылѣзай! Партія отмѣняется. Прибыла гостья.

— Ни въ какомъ случаѣ, — тревожно свистнулъ по-суфлерски надъ ухомъ Маргариты Коровьевъ.

— Ни въ какомъ случаѣ... — начала Маргарита.

— Мессирь... — дохнулъ Коровьевъ въ ухо.

— Ни въ какомъ случаѣ, мессирь, — справившись съ собой, тихо, но ясно отвѣтила Маргарита и, улыбнувшись, добавила: — Я умоляю васъ не прерывать партіи. Я полагаю, что шахматные журналы заплатили бы недурныя деньги, если бъ имѣли возможность ее напечатать.

Азazelло тихо и одобрительно крикнулъ, а Воландъ, внимательно поглядѣвъ на Маргариту, замѣтилъ какъ бы про себя:

— Да, правъ Коровьевъ! Какъ причудливо тасуется колода! Кровь!

Онъ протянулъ руку и поманилъ къ себѣ Маргариту. Та подошла, не чувствуя пола подъ босыми ногами. Воландъ положилъ свою тяжелую, какъ будто каменную, и въ то же время горячую, какъ огонь, руку на плечо Маргариты, дернулъ ее къ себѣ и посадилъ на кровать рядомъ съ собою.

— Ну, ужъ если вы такъ очаровательно любезны, — проговорилъ онъ, — а я другого ничего и не ожидалъ, такъ будемъ безъ церемоній, — онъ опять наклонился къ краю кровати и крикнулъ: — Долго будетъ продолжаться этотъ балаганъ подъ кроватью? Вылѣзай, окаянный гансъ!

— Коня не могу найти, — задушеннымъ и фальшивымъ голосомъ отозвался изъ-подъ кровати котъ, — ускакалъ куда-то, а вмѣсто него какая-то лягушка попадается.

— Не воображаешь ли ты, что находишься на ярмарочной площади? — притворяясь разсерженнымъ,

спрашивалъ Воландъ, — никакой лягушки не было подъ кроватью! Оставь эти дешевые фокусы для Варьете. Если ты сейчасъ же не появишься, мы будемъ считать, что ты сдался, проклятый дезертиръ.

— Ни за что, мессирь! — заоралъ котъ и въ ту же секунду вылѣзъ изъ-подъ кровати, держа въ лапѣ коня.

— Рекомендую вамъ... — началъ было Воландъ и самъ себя перебилъ: — Нѣтъ, я видѣть не могу этого шута горохового. Посмотрите, во что онъ себя превратилъ подъ кроватью.

Стоящій на заднихъ лапахъ и выпачканный пылью котъ тѣмъ временемъ раскланивался передъ Маргаритой. Теперь на шеѣ у кота оказался бѣлый фрачный галстукъ бантикомъ, а на груди перламутровый дамскій бинокль на ремешкѣ. Кромѣ того, усы у кота были позолочены.

— Ну что же это такое! — воскликнулъ Воландъ, — зачѣмъ ты позолотилъ усы? И на кой чертъ тебѣ нуженъ галстухъ, если на тебѣ нѣтъ штановъ?

— Штаны коту не полагаются, мессирь, — съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ котъ, — ужъ не прикажете ли вы мнѣ надѣть и сапоги? Котъ въ сапогахъ бываетъ только въ сказкахъ, мессирь. Но видѣли ли вы когда-либо кого-нибудь на балу безъ галстуха? Я не намѣренъ оказаться въ комическомъ положеніи и рисковать тѣмъ, что меня вытолкаютъ въ шею! Каждый украшаетъ себя, чѣмъ можетъ. Считайте, что сказанное относится и къ биноклю, мессирь!

— Но усы?..

— Не понимаю, — сухо возражалъ котъ, — почему, бреясь сегодня, Азazelло и Коровьевъ могли посыпать себя бѣлой пудрой, и чѣмъ она лучше золотой? Я напудрилъ усы, вотъ и все! Другой разговоръ былъ бы, если бъ я побрился! Бритый котъ — это

дѣйствительно ужъ безобразіе, тысячу разъ согласенъ признать это. Но вообще, — тутъ голосъ кота обидчиво дрогнулъ, — я вижу, что ко мнѣ примѣняютъ кое-какіе придирки, и вижу, что передо мною стоитъ серьезная проблема — быть ли мнѣ вообще на балу? Что вы скажете мнѣ на это, мессиръ?

И котъ отъ обиды такъ раздулся, что казалось, еще секунда, и онъ лопнетъ.

— Ахъ, мошенникъ, мошенникъ, — качая головой, говорилъ Воландъ, — каждый разъ, какъ партія его въ безнадежномъ положеніи, онъ начинаетъ заговаривать зубы, подобно самому послѣднему шарлатану на мосту. Садись немедленно и прекрати эту словесную пачкотню.

— Я сяду, — отвѣтилъ котъ, садясь, — но возражу относительно послѣдняго. Рѣчи мои представляютъ отнюдь не пачкотню, какъ вы изволите выражаться въ присутствіи дамы, а вереницу прочно увязанныхъ силлогизмовъ, которые оцѣнили бы по достоинству такіе знатоки, какъ Секстъ Эмпирикъ, Марціанъ Капелла, а то, чего добраго, и самъ Аристотель.

— Шахъ королю, — сказалъ Воландъ.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отозвался котъ и сталъ въ бинокль смотрѣть на доску.

— Итакъ, — обратился къ Маргаритѣ Воландъ, — рекомендую вамъ, донна, мою свиту. Этотъ валяющій дурака — котъ Бегемотъ. Съ Азazelло и Коровьевымъ вы уже познакомились, служанку мою Геллу рекомендую. Расторопна, понятлива, и нѣтъ такой услуги, которую она не сумѣла бы оказать.

Красавица Гелла улыбалась, обративъ къ Маргаритѣ свои съ зеленью глаза, не переставая зачерпывать пригоршней мазь и накладывать ее на колѣно.

— Ну, вотъ и все, — закончилъ Воландъ и поморщился, когда Гелла особенно сильно сжала его колѣно, — общество, какъ вы видите, небольшое, смѣшанное и безхитростное. — Онъ умолкъ и сталъ поворачивать передъ собою свой глобусъ, сдѣланный столь искусно, что синіе океаны на немъ шевелились, а шапка на полюсѣ лежала, какъ настоящая, ледяная и снѣжная.

На доскѣ тѣмъ временемъ происходило смятеніе. Совершенно разстроенный король въ бѣлой мантии топтался на клѣткѣ, въ отчаяніи вздымая руки. Три бѣлыхъ пѣшки-ландскнехты съ алебардами растерянно глядѣли на офицера, размахивающаго шпагой и указывающаго впередъ, гдѣ въ смежныхъ клѣткахъ, бѣлой и черной, виднѣлись черные всадники Воланда на двухъ горячихъ, роющихъ копытами клѣтки, коняхъ.

Маргариту чрезвычайно заинтересовало и поразило то, что шахматныя фигурки были живыя.

Котъ, отставивъ отъ глазъ бинокль, тихонько подпихнулъ своего короля въ спину. Тотъ въ отчаяніи закрылъ лицо руками.

— Плоховато дѣльце, дорогой Бегемотъ, — тихо сказалъ Коровьевъ ядовитымъ голосомъ.

— Положеніе серьезное, но отнюдь не безнадежное, — отозвался Бегемотъ, — больше того: я вполне увѣренъ въ конечной побѣдѣ. Стоитъ только хорошенько проанализировать положеніе.

Этотъ анализъ онъ началъ производить довольно страннымъ образомъ, именно сталъ кроить какіе-то рожи и подмигивать своему королю.

— Ничего не помогаетъ, — замѣтилъ Коровьевъ.

— Ай! — вскричалъ Бегемотъ, — попугаи разлетѣлись, что я и предсказывалъ!

Дѣйствительно, гдѣ-то вдали послышался шумъ многочисленныхъ крыльевъ. Коровьевъ и Азazelло бросились вонъ.

— А, чертъ васъ возьми съ вашими балными затѣями! — буркнулъ Воландъ, не отрываясь отъ своего глобуса.

Лишь только Коровьевъ и Азazelло скрылись, миганіе Бегемота приняло усиленные размѣры. Бѣлый король наконецъ догадался, чего отъ него хотятъ, вдругъ стащилъ съ себя мантию, бросилъ ее на клѣтку и убѣжалъ съ доски. Офицеръ брошенное королевское одѣяніе накинулъ на себя и занялъ мѣсто короля. Коровьевъ и Азazelло вернулись.

— Враки, какъ и всегда, — ворчалъ Азazelло, косясь на Бегемота.

— Мнѣ послышалось, — отвѣтилъ котъ.

— Ну, что же, долго это будетъ продолжаться? — спросилъ Воландъ, — шахъ королю.

— Я, вѣроятно, ослышался, мой мэтръ, — отвѣтилъ котъ, — шаха королю нѣтъ и быть не можетъ.

— Повторяю, шахъ королю.

— Мессиръ, — тревожно-фальшивымъ голосомъ отозвался котъ, — вы переутомились: нѣтъ шаха королю.

— Король на клѣткѣ гъ-два, — не глядя на доску, сказалъ Воландъ.

— Мессиръ, я въ ужасѣ, — завылъ котъ, изображая ужасъ на своей мордѣ, — на этой клѣткѣ нѣтъ короля.

— Что такое? — въ недоумѣніи спросилъ Воландъ и сталъ глядѣть на доску, гдѣ стоявшій на королевской клѣткѣ офицеръ отворачивался и закрывался рукой.

— Ахъ ты подлець, — задумчиво сказалъ Воландъ.

— Мессиръ, я вновь обращаюсь къ логикѣ, — заговорилъ котъ, прижимая лапы къ груди, — если игрокъ объявляетъ шахъ королю, а короля между тѣмъ уже и въ поминѣ нѣтъ на доскѣ, шахъ признается недѣйствительнымъ.

— Ты сдаешься или нѣтъ? — прокричалъ страшнымъ голосомъ Воландъ.

— Разрѣшите подумать, — смиренно отвѣтилъ котъ, положилъ локти на столъ, уткнулъ уши въ лапы и сталъ думать. Думалъ онъ долго и наконецъ сказалъ: — Сдаюсь.

— Убить упрямую тварь, — шепнулъ Азazelло.

— Да, сдаюсь, — сказалъ котъ, — но сдаюсь исключительно потому, что не могу играть въ атмосферѣ травли со стороны завистниковъ! — онъ поднялся, и шахматныя фигурки полѣзли въ ящикъ.

— Гелла, пора, — сказалъ Воландъ, и Гелла исчезла изъ комнаты. — Нога разболѣлась, а тутъ этотъ балъ, — продолжалъ Воландъ.

— Позвольте мнѣ, — тихо попросила Маргарита.

Воландъ пристально поглядѣлъ на нее и пододвинулъ къ ней колѣно.

Горячая, какъ лава, жижа обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала ее въ колѣно.

— Приближенные утверждаютъ, что это ревматизмъ, — говорилъ Воландъ, не спуская глазъ съ Маргариты, — но я сильно подозреваю, что эта боль въ колѣнѣ оставлена мнѣ на память одной очаровательной вѣдьмой, съ которой я близко познакомился въ тысяча пятьсотъ семьдесятъ первомъ году въ Брокенскихъ горахъ, на чертовой каедрѣ.

— Ахъ, можетъ ли это быть! — сказала Маргарита.

— Вздоръ! Лѣтъ черезъ триста это пройдетъ. Мнѣ посовѣтовали множество лѣкарствъ, но я по старинкѣ придерживаюсь бабушкиныхъ средствъ. Поразительныя травы оставила въ наслѣдство поганая старушка, моя бабушка! Кстати, скажите, а вы не страдаете ли чѣмъ-нибудь? Быть можетъ, у васъ есть какая-нибудь печаль, отравляющая душу, тоска?

— Нѣтъ, мессиръ, ничего этого нѣтъ, — отвѣтила умница Маргарита, — а теперь, когда я у васъ, я чувствую себя совсѣмъ хорошо.

— Кровь — великое дѣло, — неизвѣстно къ чему весело сказалъ Воландъ и прибавилъ: — Я вижу, что васъ интересуесть мой глобусъ.

— О да, я никогда не видѣла такой вещицы.

— Хорошая вещица. Я, откровенно говоря, не люблю послѣднихъ новостей по радио. Сообщаютъ о нихъ всегда какіе-то дѣвушки, невнятно произносящія названія мѣстъ. Кромѣ того, каждая третья изъ нихъ немного косноязычна, какъ будто нарочно такихъ подбираютъ. Мой глобусъ гораздо удобнѣе, тѣмъ болѣе что событія мнѣ нужно знать точно. Вотъ, напримѣръ, видите этотъ кусокъ земли, бокъ котораго моеъ океанъ? Смотрите, вотъ онъ наливается огнемъ. Тамъ началась война. Если вы приблизите глаза, вы увидите и детали.

Маргарита наклонилась къ глобусу и увидѣла, что квадратикъ земли расширился, многокрасочно расписался и превратился какъ бы въ рельефную карту. А затѣмъ она увидѣла и ленточку рѣки, и какое-то селеніе возлѣ нее. Домикъ, который былъ размѣромъ въ горошину, разросся и сталъ какъ спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетѣла наверхъ вмѣстѣ съ клубомъ чернаго дыма, а стѣнки рухнули, такъ что отъ двухъэтажной коробки ничего не осталось, кромѣ кучечки, отъ которой валилъ черный дымъ. Еще приблизивъ свой глазъ, Маргарита

разглядѣла маленькую женскую фигурку, лежащую на землѣ, а возлѣ нее въ лужѣ крови разметавшаго руки маленькаго ребенка.

— Вотъ и все, — улыбаясь, сказалъ Воландъ, — онъ не успѣлъ нагрѣшить. Работа Абадонны безукоризненна.

— Я не хотѣла бы быть на той сторонѣ, противъ которой этотъ Абадонна, — сказала Маргарита, — на чьей онъ сторонѣ?

— Чѣмъ дальше я говорю съ вами, — любезно отозвался Воландъ, — тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что вы очень умны. Я успокою васъ. Онъ на рѣдкость безпристрастенъ и равно сочувствуетъ обѣимъ сражающимся сторонамъ. Вслѣдствіе этого и результаты для обѣихъ сторонъ бываютъ всегда одинаковы. Абадонна, — негромко позвалъ Воландъ, и тутъ изъ стѣны появилась фигура какого-то худого человѣка въ темныхъ очкахъ. Эти очки почему-то произвели на Маргариту такое сильное впечатлѣніе, что она, тихонько вскрикнувъ, уткнулась лицомъ въ ногу Воланда. — Да перестаньте, — крикнулъ Воландъ, — до чего нервозны современные люди. — Онъ съ размаху шлепнулъ Маргариту по спинѣ, такъ что по ея тѣлу прошелъ звонъ. — Вѣдь видите же, что онъ въ очкахъ. Кромѣ того, никогда не было случая, да и не будетъ, чтобы Абадонна появился передъ кѣмъ-либо преждевременно. Да и, наконецъ, я здѣсь. Вы у меня въ гостяхъ! Я просто хотѣлъ вамъ показать.

Абадонна стоялъ неподвижно.

— А можно, чтобы онъ снялъ очки на секунду? — спросила Маргарита, прижимаясь къ Воланду и вздрагивая, но уже отъ любопытства.

— А вотъ этого нельзя, — серьезно сказалъ Воландъ и махнулъ рукой Абадоннѣ, и того не стало. — Что ты хочешь сказать, Азazelло?

— Мессиръ, — отвѣтилъ Азazelло, — разрешите мнѣ сказать. У насъ двое постороннихъ: красавица, которая хнычетъ и умоляетъ, чтобы ее оставили при госпожѣ, и кромѣ того, съ ней, прошу прощенія, ея боровъ.

— Странно ведутъ себя красавицы, — замѣтилъ Воландъ.

— Это Наташа, Наташа! — воскликнула Маргарита.

— Ну, оставь при госпожѣ. А борова къ поварамъ!

— Зарѣзать? — испуганно крикнула Маргарита, — помилуйте, мессиръ, это Николай Ивановичъ, нижній жилецъ. Тутъ недоразумѣнiе, она, видите ли, мазнула его кремомъ...

— Помилуйте! — сказалъ Воландъ, — на кой чертъ и кто станетъ его рѣзать? Пусть посидитъ вмѣстѣ съ поварами, вотъ и все! Не могу же, согласитесь, я его пустить въ бальный залъ!

— Да ужъ... — добавилъ Азazelло и доложилъ: — Полночь приближается, мессиръ.

— А, хорошо. — Воландъ обратился къ Маргаритѣ: — Итакъ, прошу васъ! Заранѣе благодарю васъ. Не теряйтесь и ничего не бойтесь. Ничего не пейте, кромѣ воды, а то вы разомлѣете и вамъ будетъ трудно. Пора!

Маргарита поднялась съ коврика, и тогда въ дверяхъ возникъ Коровьевъ.

Великій балъ у сатаны

Полночь приближалась, пришлось спѣшить. Маргарита смутно видѣла что-нибудь. Запомнились свѣчи и самоцвѣтный какой-то бассейнъ. Когда Маргарита стала на дно этого бассейна, Гелла и помогающая ей Наташа окатили Маргариту какой-то горячей, густой и красной жидкостью. Маргарита ощутила соленый вкусъ на губахъ и поняла, что ее моютъ кровью. Кровавая мантия смѣнилась другою — густой, прозрачной, розоватой, и у Маргариты закружилась голова отъ розоваго масла. Потомъ Маргариту бросили на хрустальное ложѣ и до блеска стали растирать какими-то большими зелеными листьями. Тутъ ворвался котъ и сталъ помогать. Онъ усѣлся на корточки у ногъ Маргариты и сталъ натирать ей ступни съ такимъ видомъ, какъ будто чистилъ сапоги на улицѣ. Маргарита не помнитъ, кто сшилъ ей изъ лепестковъ блѣдной розы туфли, и какъ эти туфли сами собой застегнулись золотыми пряжками. Какая-то сила вздернула Маргариту и поставила передъ зеркаломъ, и въ волосахъ у нея блеснулъ королевскій алмазный вѣнецъ. Откуда-то явился Коровьевъ и повѣсилъ на грудь Маргариты тяжелое въ овальной рамѣ изображеніе чернаго пуделя на тяжелой цѣпи. Это украшеніе чрезвычайно обременило королеву. Цѣпь сейчасъ же стала натирать шею, изображеніе тянуло ее согнуться. Но кое-что вознаградило Маргариту за тѣ неудобства, которыя ей причиняла цѣпь съ чернымъ пуделемъ. Это — та почтительность, съ которою стали относиться къ ней Коровьевъ и Бегемотъ.

— Ничего, ничего, ничего! — бормоталъ

Коровьевъ у дверей комнаты съ бассейномъ, — ничего не подѣлаешь, надо, надо, надо. Разрѣшите, королева, вамъ дать послѣдній совѣтъ. Среди гостей будутъ различные, охъ, очень различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества! Если кто-нибудь и не понравится... Я понимаю, что вы, конечно, не выразите этого на своемъ лицѣ... Нѣтъ, нѣтъ, нельзя подумать объ этомъ! Замѣтитъ, замѣтитъ въ то же мгновеніе. Нужно полюбить его, полюбить, королева. Сторицей будетъ вознаграждена за это хозяйка бала! И еще: не пропустить никого. Хоть улыбочку, если не будетъ времени бросить слово, хоть малюсенькій поворотъ головы. Все, что угодно, но только не невниманіе. Отъ этого они захирѣютъ...

Тутъ Маргарита въ сопровожденіи Коровьева и Бегемота шагнула изъ бассейной въ полную темноту.

— Я, я, — шепталъ котъ, — я дамъ сигналъ!

— Давай! — отвѣтилъ въ темнотѣ Коровьевъ.

— Балъ! — пронзительно визгнулъ котъ, и тотчасъ Маргарита вскрикнула и на нѣсколько секундъ закрыла глаза. Балъ упалъ на нее сразу въ видѣ свѣта, вмѣстѣ съ нимъ — звука и запаха. Уносимая подъ руку Коровьевымъ, Маргарита увидѣла себя въ тропическомъ лѣсу. Красногрудые зеленохвостые попугаи цѣплялись за ліаны, перескакивали по нимъ и оглушительно кричали: «Я восхищенъ!» Но лѣсъ быстро кончился, и его банная духота тотчасъ смѣнилась прохладою бальнаго зала съ колоннами изъ какого-то желтоватаго искрящегося камня. Этотъ залъ, такъ же какъ и лѣсъ, былъ совершенно пустъ, и лишь у колоннъ неподвижно стояли обнаженные негры въ серебряныхъ повязкахъ на головахъ. Лица ихъ стали грязно-бурыми отъ волненія, когда въ залъ влетѣла Маргарита со своею свитой, въ которой откуда-то взялся Азazelло. Тутъ Коровьевъ выпустилъ руку Маргариты и шепнулъ:

— Прямо на тюльпаны!

Невысокая стѣна бѣлыхъ тюльпановъ выросла передъ Маргаритой, а за нею она увидѣла безчисленные огни въ колпачкахъ и передъ ними бѣлыя груди и черныя плечи ффрачниковъ. Тогда Маргарита поняла, откуда шелъ бальный звукъ. На нее обрушился ревъ трубъ, а вырвавшійся изъ-подъ него взрывъ скрипокъ окатилъ ея тѣло, какъ кровью. Оркестръ человѣкъ въ полтора ста игралъ полонезъ.

Возвышавшійся передъ оркестромъ человѣкъ во фракѣ, увидѣвъ Маргариту, поблѣднѣлъ, заулыбался и вдругъ взмахомъ рукъ поднялъ вѣсь оркестръ. Ни на мгновение не прерывая музыки, оркестръ, стоя, окатывалъ Маргариту звуками. Человѣкъ надъ оркестромъ отвернулся отъ него и поклонился низко, широко разбросивъ руки, и Маргарита, улыбаясь, помахала ему рукой.

— Нѣтъ, мало, мало, — зашепталъ Коровьевъ, — онъ не будетъ спать всю ночь. Крикните ему: «Привѣтствую васъ, король вальсовъ!»

Маргарита крикнула это и подивилась тому, что ея голосъ, полный какъ колоколь, покрылъ вой оркестра. Человѣкъ отъ счастья вздрогнулъ и лѣвую руку приложилъ къ груди, правой продолжая махать оркестру бѣлымъ жезломъ.

— Мало, мало, — шепталъ Коровьевъ, — глядите налево, на первыя скрипки, и кивните такъ, чтобы каждый думалъ, что вы его узнали въ отдѣльности. Здѣсь только міровыя знаменитости. Вотъ этому, за первымъ пультомъ, это Вьетанъ. Такъ, очень хорошо. Теперь дальше.

— Кто дирижеръ? — отлетая, спросила Маргарита.

— Иоганнъ Штраусъ, — закричалъ котъ, — и пусть меня повѣсятъ въ тропическомъ саду на лѣнѣ,

если на какомъ-нибудь балу когда-либо игралъ такой оркестръ. Я приглашалъ его! И, замѣтите, ни одинъ не заболѣлъ и ни одинъ не отказался.

Въ слѣдующемъ залѣ не было колоннъ, вмѣсто нихъ стояли стѣны красныхъ, розовыхъ, молочно-бѣлыхъ розъ съ одной стороны, а съ другой — стѣна японскихъ махровыхъ камелій. Между этими стѣнами уже били, шипя, фонтаны, и шампанское вскипало пузырями въ трехъ бассейнахъ, изъ которыхъ былъ первый — прозрачно-фіолетовый, второй — рубиновый, третій — хрустальный. Возлѣ нихъ метались негры въ алыхъ повязкахъ, серебряными черпаками наполняя изъ бассейновъ плоскія чаши. Въ розовой стѣнѣ оказался проломъ, и въ немъ на эстрадѣ кипятился человекъ въ красномъ съ ласточкинымъ хвостомъ фракѣ. Передъ нимъ гремѣлъ нестерпимо громко джазъ. Лишь только дирижеръ увидѣлъ Маргариту, онъ согнулся передъ нею такъ, что руками коснулся пола, потомъ выпрямился и пронзительно закричалъ:

— Аллилуйя!

Онъ хлопнулъ себя по колѣнкѣ разъ, потомъ накрестъ по другой — два, вырвалъ изъ рукъ крайняго музыканта тарелку, ударилъ ею по колоннѣ.

Улетая, Маргарита видѣла только, что виртуозъ-джазбандистъ, борясь съ полонезомъ, который дулъ Маргаритѣ въ спину, бьетъ по головамъ джазбандистовъ своей тарелкой и тѣ присѣдаютъ въ комическомъ ужасѣ.

Наконецъ вылетѣли на площадку, гдѣ, какъ поняла Маргарита, ее во тьмѣ встрѣчалъ Коровьевъ съ лампадкой. Теперь на этой площадкѣ глаза слѣпли отъ свѣта, льющагося изъ хрустальныхъ виноградныхъ гроздьевъ. Маргариту установили на мѣсто, и подъ лѣвой рукой у нее оказалась низкая аметистовая колонка.

— Руку можно будетъ положить на нее, если станетъ очень трудно, — шепталъ Коровьевъ.

Какой-то чернокожій подкинулъ подъ ноги Маргаритѣ подушку съ вышитымъ на ней золотымъ пуделемъ, и на нее она, повинувъсь чьимъ-то рукамъ, поставила, согнувъ въ колѣнѣ, свою правую ногу. Маргарита попробовала оглядѣться. Коровьевъ и Азazelло стояли возлѣ нее въ парадныхъ позахъ. Рядомъ съ Азazelло — еще трое молодыхъ людей, смутно чѣмъ-то напомнившихъ Маргаритѣ Абадону. Въ спину вѣяло холодомъ. Оглянувшись, Маргарита увидѣла, что изъ мраморной стѣны сзади нее бьетъ шипящее вино и стекаетъ въ ледяной бассейнъ. У лѣвой ноги она чувствовала что-то теплое и мохнатое. Это былъ Бегемотъ.

Маргарита была въ высотѣ, и изъ-подъ ногъ ея внизъ уходила грандіозная лѣстница, крытая ковромъ. Внизу, такъ далеко, какъ будто бы Маргарита смотрѣла обратнымъ способомъ въ бинокль, она видѣла громаднѣйшую швейцарскую съ совершенно необъятнымъ каминомъ, въ холодную и черную пасть котораго могъ свободно вѣхаться пятитонный грузовикъ. Швейцарская и лѣстница, до боли въ глазахъ залитая свѣтомъ, были пусты. Трубы теперь доносились до Маргариты издалека. Такъ простояли неподвижно около минуты.

— Гдѣ же гости? — спросила Маргарита у Коровьева.

— Будутъ, королева, сейчасъ будутъ. Въ нихъ недостатка не будетъ. И, право, я предпочелъ бы рубить дрова, вмѣсто того чтобы принимать ихъ здѣсь на площадкѣ.

— Что рубить дрова, — подхватилъ словоохотливый котъ, — я хотѣлъ бы служить

кондукторомъ въ трамваѣ, а ужъ хуже этой работы нѣтъ ничего на свѣтѣ.

— Все должно быть готово заранѣе, королева, — объяснялъ Коровьевъ, поблескивая глазомъ сквозь испорченный монокль. — Ничего не можетъ быть гаже, чѣмъ когда пріѣхавшій первымъ гость мыкается, не зная, что ему предпринять, а его законная мегера шепотомъ пилить его за то, что они пріѣхали раньше всѣхъ. Такіе балы надо выбрасывать на помойку, королева.

— Определѣнно на помойку, — подтвердилъ котъ.

— До полуночи не болѣе десяти секундъ, — добавилъ Коровьевъ, — сейчасъ начнется.

Эти десять секундъ показались Маргаритѣ чрезвычайно длинными. По-видимому, онѣ истекли уже, и ровно ничего не произошло. Но тутъ вдругъ что-то грохнуло внизу въ громадномъ каминѣ, и изъ него выскочила висѣлица съ болтающимся на ней полурассыпавшимся прахомъ. Этотъ прахъ сорвался съ веревки, ударился объ полъ, и изъ него выскочилъ черноволосый красавецъ во фракѣ и въ лакированныхъ туфляхъ. Изъ камина выбѣжалъ полуистлѣвшій небольшой гробъ, крышка его отскочила, и изъ него вывалился другой прахъ. Красавецъ галантно подскочилъ къ нему и подаль руку калачикомъ, второй прахъ сложился въ нагую вертлявую женщину въ черныхъ туфелькахъ и съ черными перьями на головѣ, и тогда оба, и мужчина и женщина, заспѣшили вверхъ по лѣстницѣ.

— Первые! — воскликнулъ Коровьевъ, — господинъ Жакъ съ супругой. Рекомендую вамъ, королева, одинъ изъ интереснѣйшихъ мужчинъ! Убѣжденный фальшивомонетчикъ, государственный измѣнникъ, но очень недурной алхимикъ. Прославился тѣмъ, — шепнулъ на ухо Маргаритѣ Коровьевъ, — что

отравилъ королевскую любовницу. А вѣдь это не съ каждымъ случается! Посмотрите, какъ красивъ!

Поблѣднѣвшая Маргарита, раскрывъ ротъ, глядѣла внизъ и видѣла, какъ исчезаютъ въ какомъ-то боковомъ ходу швейцарской и висѣлица и гробъ.

— Я въ восхищеніи, — заоралъ прямо въ лицо поднявшемуся по лѣстницѣ господину Жаку котъ.

Въ это время внизу изъ камина появился безголовый, съ оторванною рукою скелеть, ударился оземъ и превратился въ мужчину во фракѣ.

Супруга господина Жака уже становилась передъ Маргаритою на одно колѣно и, блѣдная отъ волненія, цѣловала колѣно Маргариты.

— Королева, — бормотала супруга господина Жака.

— Королева въ восхищеніи, — кричалъ Коровьевъ.

— Королева... — тихо сказалъ красавецъ, господинъ Жакъ.

— Мы въ восхищеніи, — завывалъ котъ.

Молодые люди, спутники Азazelло, улыбаясь безжизненными, но привѣтливыми улыбками, уже тѣснили господина Жака съ супругою въ сторону, къ чашамъ съ шампанскимъ, которыя негры держали въ рукахъ. По лѣстницѣ поднимался вверхъ бѣгомъ одинокій фрачникъ.

— Графъ Робертъ, — шепнулъ Маргаритѣ Коровьевъ, — по-прежнему интересень. Обратите вниманіе, какъ смѣшно, королева — обратный случай: этотъ былъ любовникомъ королевы и отравилъ свою жену.

— Мы рады, графъ, — вскричалъ Бегемотъ.

Изъ камина подрядъ одинъ за другимъ вывалились, лопааясь и распадаясь, три гроба, затѣмъ кто-то въ черной мантии, котораго слѣдующій

выбѣжавшій изъ черной пасти ударилъ въ спину ножомъ. Внизу послышался сдавленный крикъ. Изъ камина выбѣжалъ почти совсѣмъ разложившійся трупъ. Маргарита зажмурилась, и чья-то рука поднесла къ ея носу флаконъ съ бѣлой солью. Маргаритѣ показалось, что это рука Наташи. Лѣстница стала заполняться. Теперь уже на каждой ступенькѣ оказались, издали казавшіеся совершенно одинаковыми, фрачники и нагія женщины съ ними, отличавшіеся другъ отъ друга только цвѣтомъ перьевъ на головахъ и туфель.

Къ Маргаритѣ приближалась, ковыляя, въ странномъ деревянномъ сапогѣ на лѣвой ногѣ, дама съ монашески опущенными глазами, худенькая, скромная и почему-то съ широкой зеленой повязкой на шеѣ.

— Какая зеленая? — машинально спросила Маргарита.

— Очаровательнѣйшая и солиднѣйшая дама, — шепталь Корovieвъ, — рекомендую вамъ: госпожа Тофана, была чрезвычайно популярна среди молодыхъ очаровательныхъ неаполитанокъ, а также жительницъ Палермо, и въ особенности среди тѣхъ, которымъ надоѣли ихъ мужья. Вѣдь бываетъ же такъ, королева, чтобы надоѣлъ мужъ.

— Да, — глухо отвѣтила Маргарита, въ то же время улыбаясь двумъ фрачникамъ, которые одинъ за другимъ склонялись передъ нею, цѣлуя колѣно и руку.

— Ну вотъ, — ухитрялся шептать Корovieвъ Маргаритѣ и въ то же время кричать кому-то: — Герцогъ, бокаль шампанскаго! Я восхищенъ! Да, такъ вотъ-съ, госпожа Тофана входила въ положеніе этихъ бѣдныхъ женщинъ и продавала имъ какую-то воду въ пузырькахъ. Жена вливала эту воду въ супъ супругу, тотъ его съѣдалъ, благодарилъ за ласку и чувствовалъ себя превосходно. Правда, черезъ нѣсколько часовъ ему начинало очень сильно хотѣться пить, затѣмъ онъ

ложился въ постель, и черезъ день прекрасная неаполитанка, накормившая своего мужа супомъ, была свободна, какъ весенній вѣтеръ.

— А что это у нее на ногѣ? — спрашивала Маргарита, не уставая подавать руку гостямъ, обогнавшимъ ковыляющую госпожу Тофану, — и зачѣмъ эта зелень на шеѣ? Блеклая шея?

— Я въ восхищеніи, князь! — кричалъ Коровьевъ и въ это же время шепталъ Маргаритѣ: — Прекрасная шея, но съ ней непріятность случилась въ тюрьмѣ. На ногѣ у нея, королева, испанскій сапожокъ, а лента вотъ отчего: когда тюремщики узнали, что около пятисотъ неудачно выбранныхъ мужей покинули Неаполь и Палермо навсегда, они сгоряча удавили госпожу Тофану въ тюрьмѣ.

— Какъ я счастлива, черная королева, что мнѣ выпала высокая честь, — монашески шептала Тофана, пытаясь опуститься на колѣно. Испанскій сапогъ мѣшалъ ей. Коровьевъ и Бегемотъ помогли Тофанѣ подняться.

— Я рада, — отвѣтила ей Маргарита, въ то же время подавая руку другимъ.

Теперь по лѣстницѣ снизу вверхъ поднимался потокъ. Маргарита перестала видѣть то, что дѣлается въ швейцарской. Она механически поднимала и опускала руку и, однообразно скалясь, улыбалась гостямъ. Въ воздухѣ на площадкѣ уже стоялъ гулъ, изъ покинутыхъ Маргаритой бальныхъ залъ, какъ море, слышалась музыка.

— А вотъ это — скучная женщина, — уже не шепталъ, а громко говорилъ Коровьевъ, зная, что въ гулъ голосовъ его уже не слышать, — обожаетъ балы, все мечтаетъ пожаловаться на свой платокъ.

Маргарита поймала взглядомъ среди подымавшихся ту, на которую указывалъ Коровьевъ. Это

была молодая женщина лѣтъ двадцати, необыкновеннаго по красотѣ сложенія, но съ какими-то безпокойными и назойливыми глазами.

— Какой платокъ? — спросила Маргарита.

— Къ ней камеристка приставлена, — пояснилъ Коровьевъ, — и тридцать лѣтъ кладетъ ей на ночь на столикъ носовой платокъ. Какъ она проснется, такъ онъ уже тутъ. Она ужъ и сжигала его въ печи и топила его въ рѣкѣ, но ничего не помогаетъ.

— Какой платокъ? — шептала Маргарита, подымая и опуская руку.

— Съ синей камочкой платокъ. Дѣло въ томъ, что, когда она служила въ кафѣ, хозяинъ какъ-то ее зазвалъ въ кладовую, а черезъ девять мѣсяцевъ она родила мальчика, унесла его въ лѣсъ и засунула ему въ ротъ платокъ, а потомъ закопала мальчика въ землѣ. На судѣ она говорила, что ей нечѣмъ кормить ребенка.

— А гдѣ же хозяинъ этого кафе? — спросила Маргарита.

— Королева, — вдругъ заскрипѣлъ снизу котъ, — разрѣшите мнѣ спросить васъ: при чемъ же здѣсь хозяинъ? Вѣдь онъ не душилъ младенца въ лѣсу!

Маргарита, не переставая улыбаться и качать правой рукой, острые ногти лѣвой запустила въ Бегемотово ухо и зашептала ему:

— Если ты, сволочь, еще разъ позволишь себѣ впутаться въ разговоръ...

Бегемотъ какъ-то не по-бальному вспискнулъ и захрипѣлъ:

— Королева... ухо вспухнетъ... Зачѣмъ же портить балъ вспухшимъ ухомъ?.. Я говорилъ юридически... съ юридической точки... Молчу, молчу... Считайте, что я не котъ, а рыба, только оставьте ухо.

Маргарита выпустила ухо, и назойливые, мрачные глаза оказались передъ ней.

— Я счастлива, королева-хозяйка, быть приглашенной на великій балъ полнолунія.

— А я, — отвѣтила ей Маргарита, — рада васъ видѣть. Очень рада. Любите ли вы шампанское?

— Что вы изволите дѣлать, королева?! — отчаянно, но беззвучно вскричалъ на ухо Маргаритѣ Коровьевъ, — получится заторъ!

— Я люблю, — моляще говорила женщина и вдругъ механически стала повторять: — Фрида, Фрида, Фрида! Меня зовутъ Фрида, о королева!

— Такъ вы напейтесь сегодня пьяной, Фрида, и ни о чемъ не думайте, — сказала Маргарита.

Фрида протянула обѣ руки къ Маргаритѣ, но Коровьевъ и Бегемотъ очень ловко подхватили ее подъ руки, и ее затерло въ толпѣ.

Теперь снизу уже стѣною шелъ народъ, какъ бы штурмуя площадку, на которой стояла Маргарита. Голыя женскія тѣла поднимались между фрачными мужчинами. На Маргариту наплывали ихъ смуглыя, и бѣлыя, и цвѣта кофейнаго зерна, и вовсе черныя тѣла. Въ волосахъ рыжихъ, черныхъ, каштановыхъ, свѣтлыхъ, какъ ленъ, — въ ливнѣ свѣта играли и плясали, разсыпали искры драгоценные камни. И какъ будто кто-то окропилъ штурмующую колонну мужчинъ капельками свѣта, — съ грудей брызгали свѣтомъ брилліантовыя запонки. Теперь Маргарита ежесекундно ощущала прикосновеніе губъ къ колѣну, ежесекундно вытягивала впередъ руку для поцѣлуя, лицо ея стянуло въ неподвижную маску привѣта.

— Я въ восхищеніи, — монотонно пѣлъ Коровьевъ, — мы въ восхищеніи, королева въ восхищеніи.

— Королева въ восхищеніи, — гнусилъ за спиною Азazelло.

— Я восхищенъ, — вскрикивалъ котъ.

— Маркиза, — бормоталъ Коровьевъ, — отравила отца, двухъ братьевъ и двухъ сестеръ изъ-за наслѣдства! Королева въ восхищеніи! Госпожа Минкина, ахъ, какъ хороша! Немного нервозна. Зачѣмъ же было жечь горничной лицо щипцами для завивки! Конечно, при этихъ условіяхъ зарѣжутъ! Королева въ восхищеніи! Королева, секунду вниманія: императоръ Рудольфъ, чародѣй и алхимикъ. Еще алхимикъ — повѣшенъ. Ахъ, вотъ и она! Ахъ, какой чудесный публичный домъ былъ у нее въ Страсбургѣ! Мы въ восхищеніи! Московская портниха, мы всѣ ее любимъ за неистощимую фантазію, держала ателье и придумала страшно смѣшную штуку: повертѣла двѣ круглыя дырочки въ стѣнѣ...

— А дамы не знали? — спросила Маргарита.

— Всѣ до одной знали, королева, — отвѣчалъ Коровьевъ, — я въ восхищеніи. Этотъ двадцатилѣтній мальчуганъ съ дѣтства отличался странными фантазіями, мечтатель и чудакъ. Его полюбила одна дѣвушка, а онъ взялъ и продалъ ее въ публичный домъ.

Снизу текла рѣка. Конца этой рѣкѣ не было видно. Источникъ ея, громадный каминъ, продолжалъ ее питать. Такъ прошелъ часъ и пошелъ второй часъ. Тутъ Маргарита стала замѣчать, что цѣпь ея сдѣлалась тяжелѣе, чѣмъ была. Что-то странное произошло и съ рукой. Теперь передъ тѣмъ, какъ поднять ее, Маргаритѣ приходилось морщиться. Интересныя замѣчанія Коровьева перестали занимать Маргариту. И раскосые монгольскіе глаза, и лица бѣлыя и черныя сдѣлались безразличными, по временамъ сливались, а воздухъ между ними почему-то начиналъ дрожать и струиться. Острая боль, какъ отъ иглы, вдругъ пронзила правую руку Маргариты, и, стиснувъ зубы, она положила локоть на тумбу. Какой-то шорохъ, какъ бы крыльевъ по стѣнамъ, доносился теперь сзади изъ залы, и было понятно, что тамъ танцуютъ неслыханныя полчища

гостей, и Маргаритѣ казалось, что даже массивные мраморные, мозаичные и хрустальные полы въ этомъ диковинномъ залѣ ритмично пульсируютъ.

Ни Гай Кесарь Калигула, ни Мессалина уже не заинтересовали Маргариту, какъ не заинтересовалъ ни одинъ изъ королей, герцоговъ, кавалеровъ, самоубійць, отравительницъ, висѣльниковъ и сводницъ, тюремщиковъ и шулеровъ, палачей, доносчиковъ, измѣнниковъ, безумцевъ, сыщиковъ, растлителей. Всѣ ихъ имена спутались въ головѣ, лица слѣпились въ одну громадную лѣпешку, и только одно сидѣло мучительно въ памяти лицо, окаймленное дѣйствительно огненной бородой, лицо Малюты Скуратова. Ноги Маргариты подгибались, каждую минуту она боялась заплакать. Наихудшія страданія ей причиняло правое колѣно, которое цѣловали. Оно распухло, кожа на немъ посинѣла, несмотря на то, что нѣсколько разъ рука Наташи появлялась возлѣ этого колѣна съ губкой и чѣмъ-то душистымъ обтирала его. Въ концѣ третьяго часа Маргарита глянула внизъ совершенно безнадежными глазами и радостно дрогнула: потокъ гостей рѣдѣлъ.

— Законы бальнаго съѣзда одинаковы, королева, — шепталъ Коровьевъ, — сейчасъ волна начнетъ спадать. Клянусь, что мы терпимъ послѣдніе минуты. Вотъ группа Брокенскихъ гулякъ. Они всегда пріѣзжаютъ послѣдними. Ну да, это они. Два пьяныхъ вампира... Всѣ? Ахъ нѣтъ, вотъ еще одинъ. Нѣтъ, двое!

По лѣстницѣ подымались двое послѣднихъ гостей.

— Да это кто-то новенькій, — говорилъ Коровьевъ, щурясь сквозь стеклышко, — ахъ да, да. Какъ-то разъ Азazelло навѣстилъ его и за коньякомъ нашепталъ ему совѣтъ, какъ избавиться отъ одного человѣка, разоблаченій котораго онъ чрезвычайно

опасался. И вотъ онъ велѣлъ своему знакомому, находящемуся отъ него въ зависимости, обрызгать стѣны кабинета ядомъ.

— Какъ его зовуть? — спросила Маргарита.

— А, право, я самъ еще не знаю, — отвѣтилъ Коровьевъ, — надо спросить у Азazelло.

— А кто это съ нимъ?

— А вотъ этотъ самый исполнительный его подчиненный. Я восхищенъ! — прокричалъ Коровьевъ послѣднимъ двумъ.

Лѣстница опустѣла. Изъ осторожности подождали еще немного. Но изъ камина болѣе никто не выходилъ.

Черезъ секунду, не понимая, какъ это случилось, Маргарита оказалась въ той же комнатѣ съ бассейномъ и тамъ, сразу заплакавъ отъ боли въ рукѣ и ногѣ, повалилась прямо на полъ. Но Гелла и Наташа, утѣшая ее, опять повлекли ее подъ кровавый душъ, опять размяли ея тѣло, и Маргарита вновь ожила.

— Еще, еще, королева Марго, — шепталъ появившійся рядомъ Коровьевъ, — надо облетѣть залы, чтобы почтенные гости не чувствовали себя брошенными.

И Маргарита вновь вылетѣла изъ комнаты съ бассейномъ. На эстрадѣ за тюльпанами, гдѣ игралъ оркестръ короля вальсовъ, теперь бѣсновался обезьяній джазъ. Громадная, въ лохматыхъ бакенбардахъ горилла съ трубой въ рукѣ, тяжело приплясывая, дирижировала. Въ одинъ рядъ сидѣли орангутанги, дули въ блестящія трубы. На плечахъ у нихъ верхомъ помѣстились веселые шимпанзе съ гармоніями. Два гамадрила въ гривахъ, похожихъ на львиныя, играли на рояляхъ, и этихъ роялей не было слышно въ громѣ и пискѣ и буханьяхъ саксофоновъ, скрипокъ и барабановъ въ лапахъ гиббоновъ, мандриловъ и мартышекъ. На зеркальномъ

полу несчитанное количество паръ, словно слившись, поражая ловкостью и чистотой движений, вертясь въ одномъ направленіи, стѣною шло, угрожая все смѣсти на своемъ пути. Живыя атласныя бабочки ныряли надъ танцующими полчищами, съ потолокъ сыпались цвѣты. Въ капителяхъ колоннъ, когда погасало электричество, загорались мириады свѣтляковъ, а въ воздухѣ плыли болотные огни.

Потомъ Маргарита оказалась въ чудовищномъ по размѣрамъ бассейнѣ, окаймленномъ колоннадой. Гигантскій черный нептунъ выбрасывалъ изъ пасти широкую розовую струю. Одурающій запахъ шампанскаго подымался изъ бассейна. Здѣсь господствовало непринужденное веселье. Дамы, смѣясь, сбрасывали туфли, отдавали сумочки своимъ кавалерамъ или неграмъ, бѣгающимъ съ простынями въ рукахъ, и съ крикомъ ласточкой бросались въ бассейнъ. Пѣнные столбы взбрасывало вверхъ. Хрустальное дно бассейна горѣло нижнимъ свѣтомъ, пробивавшимъ толщу вина, и въ немъ видны были серебристыя плавающія тѣла. Выскакивали изъ бассейна совершенно пьяными. Хохотъ звенѣлъ подъ колоннами и гремѣлъ, какъ въ банѣ.

Во всей этой кутерьмѣ запомнилось одно совершенно пьяное женское лицо съ бессмысленными, но и въ бессмысленности умоляющими глазами, и вспомнилось одно слово — «Фрида»! Голова Маргариты начала кружиться отъ запаха вина, и она уже хотѣла уходить, какъ котъ устроилъ въ бассейнѣ номеръ, задержавшій Маргариту. Бегемотъ наколдовалъ чего-то у пасти Нептуна, и тотчасъ съ шипѣніемъ и грохотомъ волнующаяся масса шампанскаго ушла изъ бассейна, а Нептунъ сталъ извергать не играющую, не пѣнящуюся волну темно-желтаго цвѣта. Дамы съ визгомъ и воплемъ:

— Коньякъ! — кинулись отъ краевъ бассейна за колонны. Черезъ нѣсколько секундъ бассейнъ былъ

полонъ, и котъ, трижды перевернувшись въ воздухѣ, обрушился въ колыхающійся коньякъ. Вылѣзъ онъ, отфыркиваясь, съ раскисшимъ галстуконъ, потерявъ позолоту съ усонъ и свой бинокль. Примѣру Бегемота рѣшилась послѣдовать только одна, та самая затѣйница-портниха, и ея кавалеръ, неизвѣстный молодой мулатъ. Оба они бросились въ коньякъ, но тутъ Коровьевъ подхватилъ Маргариту подъ руку, и они покинули купальщиковъ.

Маргаритѣ показалось, что она пролетѣла гдѣ-то, гдѣ видѣла въ громадныхъ каменныхъ прудахъ горы устриць. Потомъ она летала надъ стекляннымъ поломъ съ горящими подъ нимъ адскими топками и мечущимися между ними дьявольскими бѣлыми поварами. Потомъ гдѣ-то она, уже переставая что-либо соображать, видѣла темные подвалы, гдѣ горѣли какіе-то свѣтильники, гдѣ дѣвушки подавали шипящее на раскаленныхъ угляхъ мясо, гдѣ пили изъ большихъ кружекъ за ея здоровье. Потомъ она видѣла бѣлыхъ медвѣдей, игравшихъ на гармоникахъ и пляшущихъ камаринскаго на эстрадѣ. Фокусника-саламандру, не сгоравшаго въ каминѣ... И во второй разъ силы ея стали изсякать.

— Послѣдній выходъ, — прошепталъ ей озабоченно Коровьевъ, — и мы свободны.

Она въ сопровожденіи Коровьева опять оказалась въ бальномъ залѣ, но теперь въ немъ не танцевали, и гости несмѣтной толпой тѣснились между колоннами, оставивъ свободной середину зала. Маргарита не помнила, кто помогъ ей подняться на возвышеніе, появившееся посерединѣ этого свободного пространства зала. Когда она взошла на него, она, къ удивленію своему, услышала, какъ гдѣ-то бьетъ полночь, которая давнымъ-давно, по ея счету, истекла. Съ послѣднимъ ударомъ неизвѣстно откуда слышавшихся часовъ молчаніе упало на толпы гостей. Тогда

Маргарита опять увидѣла Воланда. Онъ шель въ окруженіи Абадонны, Азазелло и еще нѣсколькихъ похожихъ на Абадонну, черныхъ и молодыхъ. Маргарита теперь увидѣла, что напротивъ ея возвышенія было приготовлено другое возвышеніе для Воланда. Но онъ имъ не воспользовался. Поразило Маргариту то, что Воландъ вышелъ въ этотъ послѣдній великій выходъ на балу какъ разъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ въ спальнѣ. Все та же грязная заплатанная сорочка висѣла на его плечахъ, ноги были въ стоптанныхъ ночныхъ туфляхъ. Воландъ былъ со шпагой, но этой обнаженной шпагой онъ пользовался какъ тростью, опираясь на нее. Прихрамывая, Воландъ остановился возлѣ своего возвышенія, и сейчасъ же Азазелло оказался передъ нимъ съ блюдомъ въ рукахъ, и на этомъ блюдѣ Маргарита увидѣла отрѣзанную голову человѣка съ выбитыми передними зубами. Продолжала стоять полнѣйшая тишина, и ее прервалъ только одинъ разъ далеко слышавшійся, непонятный въ этихъ условіяхъ звонокъ, какъ бываетъ съ параднаго хода.

— Михаилъ Александровичъ, — негромко обратился Воландъ къ головѣ, и тогда веки убитаго приподнялись, и на мертвомъ лицѣ Маргарита, содрогнувшись, увидѣла живые, полные мысли и страданія глаза. — Все сбылось, не правда ли? — продолжалъ Воландъ, глядя въ глаза головы, — голова отрѣзана женщиной, засѣданіе не состоялось, и живу я въ вашей квартирѣ. Это — фактъ. А фактъ — самая упрямая въ мірѣ вещь. Но теперь насъ интересуеть дальнѣйшее, а не этотъ уже свершившійся фактъ. Вы всегда были горячимъ проповѣдникомъ той теоріи, что по отрѣзаніи головы жизнь въ человѣкѣ прекращается, онъ превращается въ золу и уходитъ въ небытіѣ. Мнѣ пріятно сообщить вамъ, въ присутствіи моихъ гостей, хотя они и служатъ доказательствомъ совсѣмъ другой

теоріи, о томъ, что ваша теорія и солидна и остроумна. Впрочемъ, вѣдь всѣ теоріи стоятъ одна другой. Есть среди нихъ и такая, согласно которой каждому будетъ дано по его вѣрѣ. Да сбудется же это! Вы уходите въ небытіе, а мнѣ радостно будетъ изъ чаши, въ которую вы превращаетесь, выпить за бытіе. — Воландъ поднялъ шпагу. Тутъ же покровы головы потемнѣли и съежились, потомъ отвалились кусками, глаза исчезли, и вскорѣ Маргарита увидѣла на блюдѣ желтоватый, съ изумрудными глазами и жемчужными зубами, на золотой ногѣ, черепъ. Крышка черепа откинулась на шарнирѣ.

— Сію секунду, мессиръ, — сказалъ Коровьевъ, замѣтивъ вопросительный взглядъ Воланда, — онъ предстанетъ передъ вами. Я слышу въ этой гробовой тишинѣ, какъ скрипятъ его лакированныя туфли и какъ звенитъ бокаль, который онъ поставилъ на столъ, послѣдній разъ въ этой жизни выпивъ шампанское. Да вотъ и онъ.

Направляясь къ Воланду, вступалъ въ залъ новый одинокій гость. Внѣшне онъ ничѣмъ не отличался отъ многочисленныхъ остальныхъ гостей-мужчинъ, кромѣ одного: гостя буквально шатало отъ волненія, что было видно даже издали. На его щекахъ горѣли пятна, и глаза бѣгали въ полной тревогѣ. Гость былъ ошарашенъ, и это было вполне естественно: его поразило все, и главнымъ образомъ, конечно, нарядъ Воланда.

Однако встрѣченъ былъ гость отменно ласково.

— А, милѣйшій баронъ Майгель, — привѣтливо улыбаясь, обратился Воландъ къ гостю, у котораго глаза вылѣзали на лобъ, — я счастливъ рекомендовать вамъ, — обратился Воландъ къ гостямъ, — почтеннѣйшаго барона Майгеля, служащаго зрѣлищной комиссіи въ должности ознакомителя иностранцевъ съ достопримѣчательностями столицы.

Тутъ Маргарита замерла, потому что узнала

вдругъ этого Майгеля. Онъ нѣсколько разъ попадался ей въ театрахъ Москвы и въ ресторанахъ. «Позвольте... — подумала Маргарита, — онъ, стало быть, что ли, тоже умеръ?» Но дѣло тутъ же разъяснилось.

— Милый баронъ, — продолжалъ Воландъ, радостно улыбаясь, — былъ такъ очарователенъ, что, узнавъ о моемъ прїѣздѣ въ Москву, тотчасъ позвонилъ ко мнѣ, предлагая свои услуги по своей спеціальности, то есть по ознакомленію съ достопримѣчательностями. Само собою разумѣется, что я былъ счастливъ пригласить его къ себѣ.

Въ это время Маргарита видѣла, какъ Азazelло передалъ блюдо съ черепомъ Коровьеву.

— Да, кстати, баронъ, — вдругъ интимно понизивъ голосъ, проговорилъ Воландъ, — разнеслись слухи о чрезвычайной вашей любознательности. Говорятъ, что она, въ сочетаніи съ вашей не менѣе развитой разговорчивостью, стала привлекать всеобщее вниманіе. Болѣе того, злые языки уже уронили слово — наушникъ и шпіонъ. И еще болѣе того, есть предположеніе, что это приведетъ васъ къ печальному концу не далѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць. Такъ вотъ, чтобы избавить васъ отъ этого томительнаго ожиданія, мы рѣшили прійти къ вамъ на помощь, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что вы напросились ко мнѣ въ гости именно съ цѣлью подсмотрѣть и подслушать все, что можно.

Баронъ сталъ блѣднѣе, чѣмъ Абадонна, который былъ исключительно блѣденъ по своей природѣ, а затѣмъ произошло что-то странное. Абадонна оказался передъ барономъ и на секунду снялъ свои очки. Въ тотъ же моментъ что-то сверкнуло въ рукахъ Азazelло, что-то негромко хлопнуло какъ въ ладоши, баронъ сталъ падать навзничъ, алая кровь брызнула у него изъ груди и залила крахмальную рубашку и жилетъ. Коровьевъ

подставилъ чашу подъ бьющуюся струю и передалъ наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тѣло барона въ это время уже было на полу.

— Я пью ваше здоровье, господа, — негромко сказалъ Воландъ и, поднявъ чашу, прикоснулся къ ней губами.

Тогда произошла метаморфоза. Исчезла заплатанная рубаха и стоптанныя туфли. Воландъ оказался въ какой-то черной хламидѣ со стальной шпагой на бедрѣ. Онъ быстро приблизился къ Маргаритѣ, поднесъ ей чашу и повелительно сказалъ:

— Пей!

У Маргариты закружилась голова, ее шатнуло, но чаша оказалась уже у ея губъ, и чьи-то голоса, а чьи — она не разобрала, шепнули въ оба уха:

— Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, кровь давно ушла въ землю. И тамъ, гдѣ она пролилась, уже растутъ виноградныя гроздья.

Маргарита, не раскрывая глазъ, сдѣлала глотокъ, и сладкій токъ пробѣжалъ по ея жиламъ, въ ушахъ начался звонъ. Ей показалось, что кричатъ оглушительные пѣтухи, что гдѣ-то играютъ маршъ. Толпы гостей стали терять свой обликъ. И фрачники и женщины распались въ прахъ. Тлѣніе на глазахъ Маргариты охватило залъ, надъ нимъ потекъ запахъ склепа. Колонны распались, угасли огни, все съезжилось, и не стало никакихъ фонтановъ, тюльпановъ и камелій. А просто было, что было — скромная гостиная ювелирши, и изъ пріоткрытой въ нее двери выпадала полоска свѣта. И въ эту пріоткрытую дверь и вошла Маргарита.

Извлечение мастера

Въ спальнѣ Воладѣ все оказалось, какъ было до бала. Воладѣ въ сорочкѣ сидѣлъ на постели, и только Гелла не растирала ему ногу, а на столѣ, тамъ, гдѣ раньше играли въ шахматы, накрывала ужинъ. Коровьевъ и Азazelло, снявъ фраки, сидѣли у стола, и рядомъ съ ними, конечно, помѣщался котъ, не пожелавшій разстаться со своимъ галстукомъ, хоть тотъ и превратился въ совершеннѣйшую грязную тряпку. Маргарита, шатаясь, подошла къ столу и оперлась на него. Тогда Воладѣ поманилъ ее, какъ и тогда, къ себѣ и показалъ, чтобы она сѣла рядомъ.

— Ну что, васъ очень измучили? — спросилъ Воладѣ.

— О нѣтъ, мессиръ, — отвѣтила Маргарита, но чуть слышно.

— Ноблессъ оближъ, — замѣтилъ котъ и налилъ Маргаритѣ какой-то прозрачной жидкости въ лафитный стаканъ.

— Это водка? — слабо спросила Маргарита.

Котъ подпрыгнулъ на стулѣ отъ обиды.

— Помилуйте, королева, — прохрипѣлъ онъ, — развѣ я позволилъ бы себѣ налить дамѣ водки? Это чистый спиртъ!

Маргарита улыбнулась и сдѣлала попытку отодвинуть отъ себя стаканъ.

— Смѣло пейте, — сказалъ Воладѣ, и Маргарита тотчасъ взяла стаканъ въ руки. — Гелла, садись, — приказалъ Воладѣ и объяснилъ Маргаритѣ: — Ночь полнолунія — праздничная ночь, и я ужинаю въ тѣсной компаніи приближенныхъ и слугъ. Итакъ, какъ

чувствуете вы себя? Какъ прошелъ этотъ утомительный балъ?

— Потрясающе! — затрещалъ Коровьевъ, — всѣ очарованы, влюблены, раздавлены, сколько такта, сколько умѣнія, обаянія и шарма!

Воландъ молча поднялъ стаканъ и чокнулся съ Маргаритой. Маргарита покорно выпила, думая, что тутъ же ей и будетъ конецъ отъ спирта. Но ничего плохого не произошло. Живое тепло потекло по ея животу, что-то мягко стукнуло въ затылокъ, вернулись силы, какъ будто она встала послѣ долгаго освѣжающаго сна, кромѣ того, почувствовала волчій голодъ. И при воспоминаніи о томъ, что она не ѣла ничего со вчерашняго утра, онъ еще болѣе разгорѣлся. Она стала жадно глотать икру.

Бегемотъ отрѣзалъ кусокъ ананаса, посолилъ его, поперчилъ, съѣлъ и послѣ этого такъ залихватски тяпнулъ вторую стопку спирта, что всѣ зааплодировали.

Послѣ второй стопки, выпитой Маргаритой, свѣчи въ канделябрахъ разгорѣлись поярче, и въ каминѣ прибавилось пламени. Никакого опьянѣнія Маргарита не чувствовала, кусая бѣлыми зубами мясо, Маргарита упивалась текущимъ изъ него сокомъ и въ то же время смотрѣла, какъ Бегемотъ намазываетъ горчицей устрицу.

— Ты еще винограду сверху положи, — тихо сказала Гелла, пихнувъ въ бокъ кота.

— Попрошу меня не учить, — отвѣтилъ Бегемотъ, — сиживаль за столомъ, не беспокойтесь, сиживаль!

— Ахъ, какъ пріятно ужинать вотъ этакъ, при камелькѣ, запросто, — дребезжалъ Коровьевъ, — въ тѣсномъ кругу...

— Нѣтъ, Фаготъ, — возражалъ котъ, — балъ имѣеть свою прелесть и размахъ.

— Никакой прелести въ немъ нѣтъ и размаха тоже, а эти дурацкіе медвѣди, а также и тигры въ барѣ своимъ ревомъ едва не довели меня до мигрени, — сказалъ Воландъ.

— Слушаю, мессиръ, — сказалъ котъ, — если вы находите, что нѣтъ размаха, и я немедленно начну придерживаться того же мнѣнія.

— Ты смотри! — отвѣтилъ на это Воландъ.

— Я пошутилъ, — со смиреніемъ сказалъ котъ, — а что касается тигровъ, то я велю ихъ зажарить.

— Тигровъ нельзя ѣсть, — сказала Гелла.

— Вы полагаете? Тогда прошу послушать, — отозвался котъ и, жмурясь отъ удовольствія, рассказалъ о томъ, какъ однажды онъ скитался въ теченіе девятнадцати дней въ пустынѣ и единственно, чѣмъ питался, это мясомъ убитаго имъ тигра. Всѣ съ интересомъ прослушали это занимательное повѣствованіе, а когда Бегемотъ кончилъ его, всѣ хоромъ воскликнули:

— Вранье!

— И интереснѣе всего въ этомъ враньѣ то, — сказалъ Воландъ, — что оно — вранье отъ перваго до послѣдняго слова.

— Ахъ такъ? Вранье? — воскликнулъ котъ, и всѣ подумали, что онъ начнетъ протестовать, но онъ только тихо сказалъ: — Исторія разсудитъ насъ.

— А скажите, — обратилась Марго, оживившаяся послѣ водки, къ Азазелло, — вы его застрѣлили, этого бывшаго барона?

— Натурально, — отвѣтилъ Азазелло, — какъ же его не застрѣлить? Его обязательно надо было застрѣлить.

— Я такъ взволновалась! — воскликнула Маргарита, — это случилось такъ неожиданно.

— Ничего въ этомъ нѣтъ неожиданнаго, — возразилъ Азazelло, а Коровьевъ завылъ и занылъ:

— Какъ же не взволноваться? У меня у самого поджилки затряслись! Бухъ! Разъ! Баронъ на бокъ!

— Со мной едва истерика не сдѣлалась, — добавилъ котъ, облизывая ложку съ икрой.

— Вотъ что мнѣ непонятно, — говорила Маргарита, и золотыя искры отъ хрустала прыгали у нея въ глазахъ, — неужели снаружи не было слышно музыки и вообще грохота этого бала?

— Конечно не было слышно, королева, — объяснилъ Коровьевъ, — это надо дѣлать такъ, чтобы не было слышно. Это поаккуратнѣе надо дѣлать.

— Ну да, ну да... А то вѣдь дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ на лѣстницѣ... Вотъ когда мы проходили съ Азazelло... И другой у подъѣзда... Я думаю, что онъ наблюдалъ за вашей квартирой...

— Вѣрно, вѣрно! — кричалъ Коровьевъ, — вѣрно, дорогая Маргарита Николаевна! Вы подтверждаете мои подозрѣнія. Да, онъ наблюдалъ за квартирой. Я самъ было принялъ его за разсѣяннаго привать-доцента или влюбленнаго, томящагася на лѣстницѣ, но нѣтъ, нѣтъ! Что-то сосало мое сердце! Ахъ! Онъ наблюдалъ за квартирой! И другой у подъѣзда тоже! И тотъ, что былъ въ подворотнѣ, то же самое!

— А вотъ интересно, если васъ придутъ арестовывать? — спросила Маргарита.

— Непремѣнно придутъ, очаровательная королева, неpremѣнно! — отвѣчалъ Коровьевъ, — чувствуетъ сердце, что придутъ, не сейчасъ, конечно, но въ свое время обязательно придутъ. Но полагаю, что ничего интереснаго не будетъ.

— Ахъ, какъ я взволновалась, когда этотъ

баронъ упаль, — говорила Маргарита, по-видимому, до сихъ поръ переживая убійство, которое она видѣла впервые въ жизни. — Вы, навѣрное, хорошо стрѣляете?

— Подходяще, — отвѣтилъ Азазелло.

— А на сколько шаговъ? — задала Маргарита Азазелло не совсѣмъ ясный вопросъ.

— Во что, смотря по тому, — резонно отвѣтилъ Азазелло, — одно дѣло попасть молоткомъ въ стекло критику Латунскому и совсѣмъ другое дѣло — ему же въ сердцѣ.

— Въ сердцѣ! — воскликнула Маргарита, почему-то берясь за свое сердце, — въ сердцѣ! — повторила она глухимъ голосомъ.

— Что это за критикъ Латунскій? — спросилъ Воладъ, прищурившись на Маргариту.

Азазелло, Коровьевъ и Бегемотъ какъ-то стыдливо потупились, а Маргарита отвѣтила, краснѣя:

— Есть такой одинъ критикъ. Я сегодня вечеромъ разнесла всю его квартиру.

— Вотъ тебѣ разъ! А зачѣмъ же?

— Онъ, мессиръ, — объяснила Маргарита, — погубилъ одного мастера.

— А зачѣмъ же было самой-то трудиться? — спросилъ Воладъ.

— Разрѣшите мнѣ, мессиръ, — вскричалъ радостно котъ, вскакивая.

— Да сиди ты, — буркнулъ Азазелло, вставая, — я самъ сейчасъ съѣзжу...

— Нѣтъ! — воскликнула Маргарита, — нѣтъ, умоляю васъ, мессиръ, не надо этого.

— Какъ угодно, какъ угодно, — отвѣтилъ Воладъ, а Азазелло сѣлъ на свое мѣсто.

— Такъ на чемъ мы остановились, драгоцѣнная королева Марго? — говорилъ Коровьевъ, — ахъ да, сердце. Въ сердцѣ онъ попадаетъ, — Коровьевъ

вытянулъ свой длинный палецъ по направлѣнію Азазелло, — по выбору, въ любое предсердіе сердца или въ любой изъ желудочковъ.

Маргарита не сразу поняла, а понявъ, воскликнула съ удивленіемъ:

— Да вѣдь они же закрыты!

— Дорогая, — дребезжалъ Коровьевъ, — въ томъ-то и штука, что закрыты! Въ этомъ-то вся и соль! А въ открытый предметъ можетъ попасть каждый!

Коровьевъ вынулъ изъ ящика стола семерку пикъ, предложилъ ее Маргаритѣ, попросивъ намѣтить ногтемъ одно изъ очковъ. Маргарита намѣтила угловое верхнее правое. Гелла спрятала карту подъ подушку, крикнувъ:

— Готово!

Азазелло, который сидѣлъ отвернувшись отъ подушки, вынулъ изъ кармана фрачныхъ брюкъ черный автоматическій пистолеть, положилъ дуло на плечо и, не поворачиваясь къ кровати, выстрѣлилъ, вызвавъ веселый испугъ въ Маргаритѣ. Изъ-подъ прострѣленной подушки вытащили семерку. Намѣченное Маргаритой очко было пробито.

— Не желала бы я встрѣтиться съ вами, когда у васъ въ рукахъ револьверъ, — кокетливо поглядывая на Азазелло, сказала Маргарита. У нея была страсть ко всѣмъ людямъ, которые дѣлаютъ что-либо первоклассно.

— Драгоценная королева, — пищалъ Коровьевъ, — я никому не рекомендую встрѣтиться съ нимъ, даже если у него и не будетъ никакого револьвера въ рукахъ! Даю слово чести бывшего регента и запѣвалы, что никто не поздравилъ бы этого встретившагося.

Котъ сидѣлъ насупившись во время этого опыта со стрѣльбой и вдругъ объявилъ:

— Берусь перекрыть рекордъ съ семеркой.

Азазелло въ отвѣтъ на это что-то прорычалъ. Но котъ былъ упоренъ и потребовалъ не одинъ, а два револьвера. Азазелло вынулъ второй револьверъ изъ втораго задняго кармана брюкъ и вмѣстѣ съ первымъ, презрительно кривя ротъ, протянулъ ихъ хвостуну. Намѣтили два очка на семеркѣ. Котъ долго приготовлялся, отвернувшись отъ подушки. Маргарита сидѣла, заткнувъ пальцами уши, и глядѣла на сову, дремавшую на каминной полкѣ. Котъ выстрѣлилъ изъ обоихъ револьверовъ, послѣ чего сейчасъ же взвизгнула Гелла, убитая сова упала съ камина и разбитыя часы остановились. Гелла, у которой одна рука была окровавлена, съ воемъ вцѣпилась въ шерсть коту, а онъ ей въ отвѣтъ въ волосы, и они, свившись въ клубокъ, покатались по полу. Одинъ изъ бокаловъ упалъ со стола и разбился.

— Оттащите отъ меня взбѣсившуюся чертовку! — завывалъ котъ, отбиваясь отъ Геллы, сидѣвшей на немъ верхомъ. Дерущихся разняли. Коровьевъ подулъ на прострѣленный палецъ Геллы, и тотъ зажилъ.

— Я не могу стрѣлять, когда подъ руку говорятъ! — кричалъ Бегемотъ и старался приладить на мѣсто выдранный у него на спинѣ громадный клочъ шерсти.

— Держу пари, — сказалъ Воландъ, улыбаясь Маргаритѣ, — что онъ продѣлалъ эту штуку нарочно. Онъ стрѣляетъ порядочно.

Гелла съ котомъ помирились, и въ знакъ этого примиренія они поцѣловались. Достали изъ-подъ подушки карту, провѣрили. Ни одно очко, кромѣ того, что было прострѣлено Азазелло, не было затронуто.

— Этого не можетъ быть, — утверждалъ котъ, глядя сквозь карту на свѣтъ канделябра.

Веселый ужинъ продолжался. Свѣчи оплывали въ канделябрахъ, по комнатѣ волнами распространялось

сухое, душистое тепло отъ камина. Наѣвшуюся Маргариту охватило чувство блаженства. Она глядѣла, какъ сизыя кольца отъ сигары Азазелло уплывали въ каминъ и какъ котъ ловить ихъ на конецъ шпаги. Ей никуда не хотѣлось уходить, хотя и было, по ея расчетамъ, уже поздно. Судя по всему, время подходило къ шести утра. Воспользовавшись паузой, Маргарита обратилась къ Воланду и робко сказала:

— Пожалуй, мнѣ пора... Поздно.

— Куда же вы спѣшите? — спросилъ Воландъ вѣжливо, но сухо. Остальные промолчали, дѣлая видъ, что увлечены сигарными дымными кольцами.

— Да, пора, — совсѣмъ смутившись отъ этого, повторила Маргарита и обернулась, какъ будто ища накидку или плащъ. Ея нагота вдругъ стала стѣснять её. Она поднялась изъ-за стола. Воландъ молча снялъ съ кровати свой вытертый и засаленный халатъ, а Коровьевъ набросилъ его Маргаритѣ на плечи.

— Благодарю васъ, мессиръ, — чуть слышно сказала Маргарита и вопросительно поглядѣла на Воланда. Тотъ въ отвѣтъ улыбнулся ей вѣжливо и равнодушно. Черная тоска какъ-то сразу подкатила къ сердцу Маргариты. Она почувствовала себя обманутой. Никакой награды за всѣ ея услуги на балу никто, по видимому, ей не собирался предлагать, какъ никто ее и не удерживалъ. А между тѣмъ ей совершенно ясно было, что идти ей отсюда больше некуда. Мимолетная мысль о томъ, что придется вернуться въ особнякъ, вызвала въ ней внутренній взрывъ отчаянія. Попросить, что ли, самой, какъ искушающе совѣтовалъ Азазелло въ Александровскомъ саду? «Нѣтъ, ни за что», — сказала она себѣ.

— Всего хорошаго, мессиръ, — произнесла она вслухъ, а сама подумала: «Только бы выбраться отсюда, а тамъ ужъ я дойду до рѣки и утоплюсь».

— Сядьте-ка, — вдругъ повелительно сказалъ Воландъ. Маргарита измѣнилась въ лицѣ и сѣла. — Можетъ быть, что-нибудь хотите сказать на прощанье?

— Нѣтъ, ничего, мессиръ, — съ гордостью отвѣтила Маргарита, — кромѣ того, что если я еще нужна вамъ, то я готова охотно исполнить все, что вамъ будетъ угодно. Я ничуть не устала и очень веселилась на балу. Такъ что, если бы онъ и продолжался еще, я охотно предоставила бы мое колѣно для того, чтобы къ нему прикладывались тысячи висѣльниковъ и убійць, — Маргарита глядѣла на Воланда, какъ сквозь пелену, глаза ея наполнялись слезами.

— Вѣрно! Вы совершенно правы! — гулко и страшно прокричалъ Воландъ, — такъ и надо!

— Такъ и надо! — какъ эхо, повторила свита Воланда.

— Мы васъ испытывали, — продолжалъ Воландъ, — никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и въ особенности у тѣхъ, кто сильнѣе васъ. Сами предложать и сами все дадутъ! Садитесь, гордая женщина! — Воландъ сорвалъ тяжелый халатъ съ Маргариты, и опять она оказалась сидящей рядомъ съ нимъ на постели. — Итакъ, Марго, — продолжалъ Воландъ, смягчая свой голосъ, — чего вы хотите за то, что сегодня вы были у меня хозяйкой? Чего желаете за то, что провели этотъ балъ нагой? Во что цѣните ваше колѣно? Каковы убытки отъ моихъ гостей, которыхъ вы сейчасъ наименовали висѣльниками? Говорите! И теперь ужъ говорите безъ стѣсненія: ибо предложилъ я.

Сердце Маргариты застучало, она тяжело вздохнула, стала соображать что-то.

— Ну, что же, смѣлѣе! — поощрялъ Воландъ, — будите свою фантазію, пришпоривайте ее! Ужъ одно присутствіе при сценѣ убійства этого отпѣтаго негодяя-

барона стоитъ того, чтобы человѣка наградили, въ особенности если этотъ человѣкъ — женщина. Ну-съ?

Духъ перехватило у Маргариты, и она ужъ хотѣла выговорить завѣтныя и приготовленныя въ душѣ слова, какъ вдругъ поблѣднѣла, раскрыла ротъ и вытаращила глаза. «Фрида! Фрида! Фрида! — прокричалъ ей въ уши чей-то назойливый, молящій голосъ. — Меня зовутъ Фрида!» — и Маргарита, спотыкаясь на словахъ, заговорила:

— Такъ я, стало быть, могу попросить объ одной вещи?

— Потребовать, потребовать, моя донна, — отвѣчалъ Воландъ, понимающе улыбаясь, — потребовать одной вещи!

Ахъ, какъ ловко и отчетливо Воландъ подчеркнулъ, повторяя слова самой Маргариты — «одной вещи»!

Маргарита вздохнула еще разъ и сказала:

— Я хочу, чтобы Фридѣ перестали подавать тотъ платокъ, которымъ она удушила своего ребенка.

Котъ возвелъ глаза къ небу и шумно вздохнулъ, но ничего не сказалъ, очевидно, помня накрученное на балу ухо.

— Ввиду того, — заговорилъ Воландъ, усмѣхнувшись, — что возможность полученія вами взятки отъ этой дуры Фриды совершенно, конечно, исключена — вѣдь это было бы несовмѣстимо съ вашимъ королевскимъ достоинствомъ, — я ужъ не знаю, что и дѣлать. Остается, пожалуй, одно — обзавестись тряпками и заткнуть ими всѣ щели моей спальни!

— Вы о чемъ говорите, мессиръ? — изумилась Маргарита, выслушавъ эти дѣйствительно непонятныя слова.

— Совершенно съ вами согласенъ, мессиръ, — вмѣшался въ разговоръ котъ, — именно тряпками, — и въ раздраженіи котъ стукнулъ лапой по столу.

— Я о милосердіи говорю, — объяснилъ свои слова Воландъ, не спуская съ Маргариты огненнаго глаза. — Иногда совершенно неожиданно и коварно оно проникаетъ въ самыя узенькія щелки. Вотъ я и говорю о тряпкахъ.

— И я о томъ же говорю! — воскликнулъ котъ и на всякій случай отклонился отъ Маргариты, прикрывъ вымазанными въ розовомъ кремѣ лапами свои острые уши.

— Пошелъ вонъ, — сказалъ ему Воландъ.

— Я еще кофе не пилъ, — отвѣтилъ котъ, — какъ же это я уйду? Неужели, мессиръ, въ праздничную ночь гостей за столомъ раздѣляютъ на два сорта? Одни — первой, а другіе, какъ выражался этотъ грустный скупердѣй-буфетчикъ, второй свѣжести?

— Молчи, — приказалъ ему Воландъ и, обратившись къ Маргаритѣ, спросилъ: — Вы, судя по всему, человѣкъ исключительной доброты? Высокоморальный человѣкъ?

— Нѣтъ, — съ силой отвѣтила Маргарита, — я знаю, что съ вами можно разговаривать только откровенно, и откровенно вамъ скажу: я легкомысленный человѣкъ. Я попросила васъ за Фриду только потому, что имѣла неосторожность подать ей твердую надежду. Она ждетъ, мессиръ, она вѣритъ въ мою мощь. И если она останется обманутой, я попаду въ ужасное положеніе. Я не буду имѣть покоя всю жизнь. Ничего не подѣлаешь! Такъ ужъ вышло.

— А, — сказалъ Воландъ, — это понятно.

— Такъ вы сдѣлаете это? — тихо спросила Маргарита.

— Ни въ коемъ случаѣ, — отвѣтилъ Воландъ, —

дѣло въ томъ, дорогая королева, что тутъ произошла маленькая путаница. Каждое вѣдомство должно заниматься своими дѣлами. Не спорю, наши возможности довольно велики, онѣ гораздо больше, чѣмъ полагають нѣкоторые, не очень зоркіе люди...

— Да, ужъ гораздо больше, — не утерпѣлъ и вставилъ котъ, видимо гордящійся этими возможностями.

— Молчи, чертъ тебя возьми! — сказалъ ему Воландъ и продолжалъ, обращаясь къ Маргаритѣ: — Но просто, какой смыслъ въ томъ, чтобы сдѣлать то, что полагается дѣлать другому, какъ я выразился, вѣдомству? Итакъ, я этого дѣлать не буду, а вы сдѣлайте сами.

— А развѣ по-моему исполнится?

Азazelло иронически скосилъ кривой глазъ на Маргариту и незамѣтно покрутилъ рыжей головой и фыркнулъ.

— Да дѣлайте же, вотъ мученіе, — пробормоталъ Воландъ и, повернувъ глобусъ, сталъ всматриваться въ какую-то деталь на немъ, по-видимому, занимаясь и другимъ дѣломъ во время разговора съ Маргаритой.

— Ну, Фрида, — подсказалъ Коровьевъ.

— Фрида! — пронзительно крикнула Маргарита.

Дверь распахнулась, и растрепанная, нагая, но уже безъ всякихъ признаковъ хмеля женщина съ изступленными глазами вбѣжала въ комнату и простерла руки къ Маргаритѣ, а та сказала величественно:

— Тебя прощаютъ. Не будутъ больше подавать платокъ.

Послышался вопль Фриды, она упала на полъ ничкомъ и простерлась крестомъ передъ Маргаритой. Воландъ махнулъ рукой, и Фрида пропала изъ глазъ.

— Благодарю васъ, прощайте, — сказала Маргарита и поднялась.

— Ну что жъ, Бегемотъ, — заговорилъ Воландъ, — не будемъ наживать на поступкѣ непрактичнаго человѣка въ праздничную ночь, — онъ повернулся къ Маргаритѣ, — итакъ, это не въ счетъ, я вѣдь ничего не дѣлалъ. Что вы хотите для себя?

Наступило молчаніе, и прервалъ его Коровьевъ, который зашепталъ въ ухо Маргаритѣ:

— Алмазная донна, на сей разъ совѣтую вамъ быть поблагоразумнее! А то вѣдь фортуна можетъ и ускользнуть!

— Я хочу, чтобы мнѣ сейчасъ же, сію секунду, вернули моего любовника, мастера, — сказала Маргарита, и лицо ея исказилось судорогой.

Тутъ въ комнату ворвался вѣтеръ, такъ что пламя свѣчей въ канделябрахъ легло, тяжелая занавѣска на окнѣ отодвинулась, распахнулось окно, и въ далекой высотѣ открылась полная, но не утренняя, а полночная луна. Отъ подоконника на полъ легъ зеленоватый платокъ ночного свѣта, и въ немъ появился ночной Иванушкинъ гость, называющій себя мастеромъ. Онъ былъ въ своемъ больничномъ одѣяніи — въ халатѣ, туфляхъ и черной шапочкѣ, съ которой не разставался. Небритое лицо его дергалось гримасой, онъ сумасшедше-пугливо косился на огни свѣчей, а лунный потокъ кипѣлъ вокругъ него.

Маргарита сразу узнала его, простонала, всплеснула руками и подбѣжала къ нему. Она цѣловала его въ лобъ, въ губы, прижималась къ колючей щекѣ, и долго сдерживаемыя слезы теперь бѣжали ручьями по ея лицу. Она произносила только одно слово, бессмысленно повторяя его:

— Ты... ты, ты...

Мастеръ отстранилъ ее отъ себя и глухо сказалъ:

— Не плачь, Марго, не терзай меня. Я тяжело

болень. — Онъ ухватился за подоконникъ рукою, какъ бы собираясь вскочить на него и бѣжать, оскалилъ зубы, всматриваясь въ сидящихъ, и закричалъ: — Мнѣ страшно, Марго! У меня опять начались галлюцинаціи.

Рыданія душили Маргариту, она шептала, даваясь словами:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не бойся ничего! Я съ тобою! Я съ тобою!

Коровьевъ ловко и незамѣтно подпихнулъ къ мастеру стулъ, и тотъ опустился на него, а Маргарита бросилась на колѣни, прижалась къ боку больного и такъ затихла. Въ своемъ волненіи она не замѣтила, что нагота ея какъ-то внезапно кончилась, на ней теперь былъ шелковый черный плащъ. Больной опустилъ голову и сталъ смотрѣть въ землю угрюмыми больными глазами.

— Да, — заговорилъ послѣ молчанія Воландъ, — его хорошо отдѣлали. — Онъ приказалъ Коровьеву: — Дай-ка, рыцарь, этому человѣку чего-нибудь выпить.

Маргарита упрашивала мастера дрожащимъ голосомъ:

— Выпей, выпей. Ты боишься? Нѣтъ, нѣтъ, вѣрь мнѣ, что тебѣ помогутъ.

Больной взялъ стаканъ и выпилъ то, что было въ немъ, но рука его дрогнула, и опустѣвшій стаканъ разбился у его ногъ.

— Къ счастью! Къ счастью! — зашепталъ Коровьевъ Маргаритѣ, — смотрите, онъ уже приходитъ въ себя.

Дѣйствительно, взоръ больного сталъ уже не такъ дикъ и безпокоенъ.

— Но это ты, Марго? — спросилъ лунный гость.

— Не сомнѣвайся, это я, — отвѣтила Маргарита.

— Еще! — приказалъ Воландъ.

Послѣ того, какъ мастеръ осушилъ второй стаканъ, его глаза стали живыми и осмысленными.

— Ну вотъ, это другое дѣло, — сказалъ Воландъ, прищуриваясь, — теперь поговоримъ. Кто вы такой?

— Я теперь никто, — отвѣтилъ мастеръ, и улыбка искривила его ротъ.

— Откуда вы сейчасъ?

— Изъ дома скорби. Я — душевнобольной, — отвѣтилъ пришелецъ.

Этихъ словъ Маргарита не вынесла и заплакала вновь. Потомъ, вытеревъ глаза, она вскричала:

— Ужасныя слова! Ужасныя слова! Онъ мастеръ, мессиръ, я васъ предупреждаю объ этомъ. Вылѣчите его, онъ стоитъ этого.

— Вы знаете, съ кѣмъ вы сейчасъ говорите, — спросилъ у пришедшаго Воландъ, — у кого вы находитесь?

— Знаю, — отвѣтилъ мастеръ, — моимъ сосѣдомъ въ сумасшедшемъ домѣ былъ этотъ мальчикъ, Иванъ Бездомный. Онъ разсказалъ мнѣ о васъ.

— Какъ же, какъ же, — отозвался Воландъ, — я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ этимъ молодымъ человѣкомъ на Патріаршихъ прудахъ. Онъ едва самого меня не свелъ съ ума, доказывая мнѣ, что меня нѣту! Но вы-то вѣрите, что это дѣйствительно я?

— Приходится вѣрить, — сказалъ пришелецъ, — но, конечно, гораздо спокойнѣе было бы считать васъ плодомъ галлюцинаціи. Извините меня, — спохватившись, прибавилъ мастеръ.

— Ну, что же, если спокойнѣе, то и считайте, — вѣжливо отвѣтилъ Воландъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — испуганно говорила Маргарита и трясла мастера за плечо, — опомнись! Передъ тобою дѣйствительно онъ!

Котъ ввязался и тутъ:

— А я дѣйствительно похожъ на галлюцинацію.

Обратите вниманіе на мой профиль въ лунномъ свѣтѣ, — котъ полѣзъ въ лунный столбъ и хотѣлъ еще что-то говорить, но его попросили замолчать, и онъ, отвѣтивъ: — Хорошо, хорошо, готовъ молчать. Я буду молчаливой галлюцинаціей, — замолчалъ.

— А скажите, почему Маргарита васъ называетъ мастеромъ? — спросилъ Воландъ.

Тотъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Это простительная слабость. Она слишкомъ высокаго мнѣнія о томъ романѣ, который я написалъ.

— О чемъ романъ?

— Романъ о Понтіи Пилатѣ.

Тутъ опять закачались и запрыгали язычки свѣчей, задрезжала посуда на столѣ, Воландъ разсмѣялся громовымъ образомъ, но никого не испугалъ и смѣхомъ этимъ никого не удивилъ. Бегемотъ почему-то зааплодировалъ.

— О чемъ, о чемъ? О комъ? — заговорилъ Воландъ, переставъ смѣяться. — Вотъ теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотрѣть, — Воландъ протянулъ руку ладонью кверху.

— Я, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать, — отвѣтилъ мастеръ, — потому что я сжегъ его въ печкѣ.

— Простите, не повѣрю, — отвѣтилъ Воландъ, — этого быть не можетъ. Рукописи не горятъ. — Онъ повернулся къ Бегемоту и сказалъ: — Ну-ка, Бегемотъ, дай сюда романъ.

Котъ моментально вскочилъ со стула, и всѣ увидѣли, что онъ сидѣлъ на толстой пачкѣ рукописей. Верхній экземпляръ котъ съ поклономъ подалъ Воланду. Маргарита задрожала и закричала, волнуясь вновь до слезъ:

— Вотъ она, рукопись! Вотъ она!

Она кинулась къ Воланду и восхищенно добавила:

— Всесилень, всесилень!

Воландъ взялъ въ руки поданный ему экземпляръ, повернулъ его, отложилъ въ сторону и молча, безъ улыбки уставился на мастера. Но тотъ неизвѣстно отчего впалъ въ тоску и безпокойство, поднялся со стула, заломилъ руки и, обращаясь къ далекой лунѣ, вздрагивая, началъ бормотать:

— И ночью при лунѣ мнѣ нѣтъ покоя, зачѣмъ потревожили меня? О боги, боги...

Маргарита вцѣпилась въ больничный халатъ, прижалась къ нему и сама начала бормотать въ тоскѣ и слезахъ:

— Боже, почему же тебѣ не помогаетъ лѣкарство?

— Ничего, ничего, ничего, — шепталъ Коровьевъ, извиваясь возлѣ мастера, — ничего, ничего... Еще стаканчикъ, и я съ вами за компанію.

И стаканчикъ подмигнулъ, блеснулъ въ лунномъ свѣтѣ, и помогъ этотъ стаканчикъ. Мастера усадили на мѣсто, и лицо больного приняло спокойное выраженіе.

— Ну, теперь все ясно, — сказалъ Воландъ и постукалъ длиннымъ пальцемъ по рукописи.

— Совершенно ясно, — подтвердилъ котъ, забывъ свое обѣщаніе стать молчаливой галлюцинаціей, — теперь главная линія этого опуса ясна мнѣ насквозь. Что ты говоришь, Азazelло? — обратился онъ къ молчащему Азazelло.

— Я говорю, — прогнусилъ тотъ, — что тебя хорошо было бы утопить.

— Будь милосерденъ, Азazelло, — отвѣтилъ ему котъ, — и не наводи моего повелителя на эту мысль. Повѣрь мнѣ, что всякую ночь я являлся бы тебѣ въ такомъ же лунномъ одѣяніи, какъ и бѣдный мастеръ, и

киваль бы тебѣ, и маниль бы тебя за собою. Каково бы тебѣ было, о Азazelло?

— Ну, Маргарита, — опять вступилъ въ разговоръ Воландъ, — говорите же все, что вамъ нужно?

Глаза Маргариты вспыхнули, и она умоляюще обратилась къ Воланду:

— Позвольте мнѣ съ нимъ пошептаться?

Воландъ кивнулъ головой, и Маргарита, припавъ къ уху мастера, что-то пошептала ему. Слышно было, какъ тотъ отвѣтилъ ей:

— Нѣтъ, поздно. Ничего больше не хочу въ жизни. Кромѣ того, чтобы видѣть тебя. Но тебѣ опять совѣтую — оставь меня. Ты пропадешь со мной.

— Нѣтъ, не оставляю, — отвѣтила Маргарита и обратилась къ Воланду: — Прошу васъ опять вернуть насъ въ подвалъ въ переулкѣ на Арбатѣ, и чтобы лампа загорѣлась, и чтобы все стало, какъ было.

Тутъ мастеръ засмѣялся и, обхвативъ давно развившуюся кудрявую голову Маргариты, сказалъ:

— Ахъ, не слушайте бѣдную женщину, мессиръ. Въ этомъ подвалѣ уже давно живетъ другой человѣкъ, и вообще не бываетъ такъ, чтобы все стало, какъ было. — Онъ приложилъ щеку къ головѣ своей подруги, обнялъ Маргариту и сталъ бормотать: — Бѣдная, бѣдная...

— Не бываетъ, вы говорите? — сказалъ Воландъ. — Это вѣрно. Но мы попробуемъ. — И онъ сказалъ: — Азazelло!

Тотчасъ съ потолка обрушился на полъ растерянный и близкій къ умоисступленію гражданинъ въ одномъ бѣлье, но почему-то съ чемоданомъ въ рукахъ и въ кепкѣ. Отъ страху этотъ человѣкъ трясся и присѣдалъ.

— Могарычъ? — спросилъ Азazelло у свалившегося съ неба.

— Алоизій Могарычъ, — отвѣтилъ тотъ, дрожа.

— Это вы, прочитавъ статью Латунскаго о романѣ этого человѣка, написали на него жалобу съ сообщеніемъ о томъ, что онъ хранитъ у себя нелегальную литературу? — спросилъ Азазелло.

Новоявившійся гражданинъ посинѣлъ и залился слезами раскаянія.

— Вы хотѣли переѣхать въ его комнаты? — какъ можно задушевнѣе прогнусилъ Азазелло.

Шипѣніе разъяренной кошки послышалось въ комнатѣ, и Маргарита, завывая:

— Знай вѣдьму, знай! — вцѣпилась въ лицо Алоизія Могарыча ногтями.

Произошло смятеніе.

— Что ты дѣлаешь? — страдальчески прокричалъ мастеръ, — Марго, не позорь себя!

— Протестую, это не позоръ, — оралъ котъ.

Маргариту оттащилъ Коровьевъ.

— Я ванну пристроилъ, — стуча зубами, кричалъ окровавленный Могарычъ и въ ужасѣ понесъ какую-то околесицу, — одна побѣлка... купорось...

— Ну вотъ и хорошо, что ванну пристроилъ, — одобрительно сказалъ Азазелло, — ему надо брать ванны, — и крикнулъ: — Вонъ!

Тогда Могарыча перевернуло кверху ногами и вынесло изъ спальни Воланда черезъ открытое окно.

Мастеръ вытаращилъ глаза, шепча:

— Однако, это будетъ, пожалуй, почище того, что рассказывалъ Иванъ! — совершенно потрясенный, онъ оглядывался и наконецъ сказалъ коту: — А простите... это ты... это вы... — онъ сбился, не зная, какъ обращаться къ коту, на «ты» или на «вы», — вы — тотъ самый котъ, что сѣлились въ трамвай?

— Я, — подтвердилъ польщенный котъ и добавилъ: — Пріятно слышать, что вы такъ вѣжливо обращаетесь съ котомъ. Котамъ обычно почему-то

говорятъ «ты»), хотя ни одинъ котъ никогда ни съ кѣмъ не пилъ брудершафта.

— Мнѣ кажется почему-то, что вы не очень-то котъ, — нерѣшительно отвѣтилъ мастеръ, — меня все равно въ больницѣ хватятся, — робко добавилъ онъ Воланду.

— Ну чего они будутъ хвататься! — успокоилъ Коровьевъ, и какіе-то бумаги и книги оказались у него въ рукахъ, — исторія болѣзни вашей?

— Да.

Коровьевъ швырнулъ исторію болѣзни въ каминъ.

— Нѣтъ документа, нѣтъ и человѣка, — удовлетворенно говорилъ Коровьевъ, — а это — домовая книга вашего застройщика?

— Да-а...

— Кто прописанъ въ ней? Алоизій Могарычъ? — Коровьевъ дунулъ въ страницу домовой книги, — разъ, и нѣту его, и, прошу замѣтить, не было. А если застройщикъ удивится, скажите, что ему Алоизій снился. Могарычъ? Какой такой Могарычъ? Никакого Могарыча не было. — Тутъ прошнурованная книга испарилась изъ рукъ Коровьева. — И вотъ она уже въ столѣ у застройщика.

— Вы правильно сказали, — говорилъ мастеръ, пораженный чистотой работы Коровьева, — что разъ нѣтъ документа, нѣту и человѣка. Вотъ именно меня-то и нѣтъ, у меня нѣтъ документа.

— Я извиняюсь, — вскричалъ Коровьевъ, — это именно галлюцинація, вотъ онъ, вашъ документъ, — и Коровьевъ подаль мастеру документъ. Потомъ онъ завелъ глаза и сладко прошепталъ Маргаритѣ: — А вотъ и ваше имущество, Маргарита Николаевна, — и онъ подаль Маргаритѣ тетрадь съ обгорѣвшими краями, засохшую розу, фотографію и, съ особой бережностью,

сберегательную книжку, — десять тысячъ, какъ вы изволили внести, Маргарита Николаевна. Намъ чужого не надо.

— У меня скорѣе лапы отсохнутъ, чѣмъ я прикоснусь къ чужому, — напыжившись, воскликнулъ котъ, танцую на чемоданѣ, чтобы умять въ него всѣ экземпляры злополучнаго романа.

— И вашъ документикъ также, — продолжалъ Коровьевъ, подавая Маргаритѣ документъ, и затѣмъ, обратившись къ Воланду, почтительно доложилъ: — Все, мессирь!

— Нѣтъ, не все, — отвѣтилъ Воландъ, отрываясь отъ глобуса. — Куда прикажете, моя дорогая донна, дѣвать вашу свиту? Мнѣ она лично не нужна.

Тутъ въ открытую дверь вбѣжала Наташа, какъ была нагая, всплеснула руками и закричала Маргаритѣ:

— Будьте счастливы, Маргарита Николаевна! — она закивала головой мастеру и опять обратилась къ Маргаритѣ: — Я вѣдь все знала, куда вы ходите.

— Домработницы все знаютъ, — замѣтилъ котъ, многозначительно поднимая лапу, — это ошибка думать, что онѣ слѣпыя.

— Что ты хочешь, Наташа? — спросила Маргарита, — возвращайся въ особнякъ.

— Душенька, Маргарита Николаевна, — умоляюще заговорила Наташа и стала на колѣни, — упросите ихъ, — она покосилась на Воланда, — чтобы меня вѣдьмой оставили. Не хочу я больше въ особнякъ! Ни за инженера, ни за техника не пойду! Мнѣ господинъ Жакъ вчера на балу сдѣлалъ предложеніе. — Наташа разжала кулакъ и показала какіе-то золотыя монеты.

Маргарита обратила вопросительный взоръ къ Воланду. Тотъ кивнулъ головой. Тогда Наташа кинулась на шею Маргаритѣ, звонко ее расцѣловала и, побѣдно вскрикнувъ, улетѣла въ окно.

На мѣстѣ Наташи оказался Николай Ивановичъ. Онъ приобрѣлъ свой прежній человѣческій обликъ, но былъ чрезвычайно мраченъ и даже, пожалуй, раздраженъ.

— Вотъ кого съ особеннымъ удовольствіемъ отпущу, — сказалъ Воландъ, съ отвращеніемъ глядя на Николая Ивановича, — съ исключительнымъ удовольствіемъ, настолько онъ здѣсь лишній.

— Я очень прошу выдать мнѣ удостовѣреніе, — заговорилъ, дико оглядываясь, Николай Ивановичъ, но съ большимъ упорствомъ, — о томъ, гдѣ я провелъ предыдущую ночь.

— На какой предметъ? — сурово спросилъ котъ.

— На предметъ представленія милиціи и супругѣ, — твердо сказалъ Николай Ивановичъ.

— Удостовереній мы обычно не даемъ, — отвѣтилъ котъ, насупившись, — но для васъ, такъ и быть, сдѣлаемъ исключеніе.

И не успѣлъ Николай Ивановичъ опомниться, какъ голая Гелла уже сидѣла за машинкой, а котъ диктовалъ ей:

— Симъ удостовѣряю, что предьявитель сего Николай Ивановичъ провелъ упомянутую ночь на балу у сатаны, будучи привлеченъ туда въ качествѣ перевозочнаго средства... поставь, Гелла, скобку! Въ скобкѣ пиши «боровъ». Подпись — Бегемотъ.

— А число? — пискнулъ Николай Ивановичъ.

— Чиселъ не ставимъ, съ числомъ бумага станетъ недѣйствительной, — отозвался котъ, подмахнулъ бумагу, откуда-то добылъ печать, по всѣмъ правиламъ подышалъ на нее, оттиснулъ на бумагѣ слово «уплочено» и вручилъ бумагу Николаю Ивановичу. Послѣ этого Николай Ивановичъ безслѣдно исчезъ, а на мѣстѣ его появился новый неожиданный человѣкъ.

— Это еще кто? — брезгливо спросил Воландъ, рукой заслоняясь отъ свѣта свѣчей.

Варенуха повѣсилъ голову, вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Отпустите обратно. Не могу быть вампиромъ. Вѣдь я тогда Римскаго едва насмерть съ Геллой не уходилъ! А я не кровожадный. Отпустите.

— Это что еще за бредъ? — спросилъ, морща лицо, Воландъ. — Какой такой Римскій? Что это еще за чепуха?

— Не извольте беспокоиться, мессиръ, — отозвался Азазелло и обратился къ Варенухѣ: — Хамить не надо по телефону. Лгать не надо по телефону. Понятно? Не будете больше этимъ заниматься?

Отъ радости все помутилось въ головѣ у Варенухи, лицо его засіяло, и онъ, не помня, что говорить, забормоталъ:

— Истиннымъ... то есть я хочу сказать, ваше ве... сейчасъ же послѣ обѣда... — Варенуха прижималъ руки къ груди, съ мольбой глядѣлъ на Азазелло.

— Ладно, домой, — отвѣтилъ тотъ, и Варенуха растаялъ.

— Теперь всѣ оставьте меня одного съ ними, — приказалъ Воландъ, указывая на мастера и Маргариту.

Приказаніе Воланда было исполнено мгновенно. Послѣ нѣкотораго молчанія Воландъ обратился къ мастеру:

— Такъ, стало быть, въ Арбатскій подвалъ? А кто же будетъ писать? А мечтанія, вдохновеніе?

— У меня больше нѣтъ никакихъ мечтаній и вдохновенія тоже нѣтъ, — отвѣтилъ мастеръ, — ничто меня вокругъ не интересуесть, кромѣ нее, — онъ опять положилъ руку на голову Маргариты, — меня сломали, мнѣ скучно, и я хочу въ подвалъ.

— А вашъ романъ, Пилатъ?

— Онъ мнѣ ненавистенъ, этотъ романъ, — отвѣтилъ мастеръ, — я слишкомъ много испыталъ изъ-за него.

— Я умоляю тебя, — жалобно попросила

Маргарита, — не говори такъ. За что же ты меня терзаешь? Вѣдь ты знаешь, что я всю жизнь вложила въ эту твою работу. — Маргарита добавила еще, обратившись къ Воланду: — Не слушайте его, мессиръ, онъ слишкомъ замучень.

— Но вѣдь надо же что-нибудь описывать? — говорилъ Воландъ, — если вы исчерпали этого прокуратора, ну, начните изображать хотя бы этого Алоизія.

Мастеръ улыбнулся.

— Этого Лапшенникова не напечатаетъ, да, кромѣ того, это и неинтересно.

— А чѣмъ вы будете жить? Вѣдь придется нищенствовать.

— Охотно, охотно, — отвѣтилъ мастеръ, притянулъ къ себѣ Маргариту, обнялъ ее за плечи и прибавилъ: — Она образумится, уйдетъ отъ меня...

— Не думаю, — сквозь зубы сказалъ Воландъ и продолжалъ: — Итакъ, человѣкъ, сочинившій исторію Понтія Пилата, уходитъ въ подвалъ, въ намѣреніи расположиться тамъ у лампы и нищенствовать?

Маргарита отдѣлилась отъ мастера и заговорила очень горячо:

— Я сдѣлала все, что могла, и я нашептала ему самое соблазнительное. А онъ отказался отъ этого.

— То, что вы ему нашептали, я знаю, — возразилъ Воландъ, — но это не самое соблазнительное. А вамъ скажу, — улыбнувшись, обратился онъ къ мастеру, — что вашъ романъ еще принесетъ вамъ сюрпризы.

— Это очень грустно, — отвѣтилъ мастеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не грустно, — сказалъ Воландъ, — ничего страшнаго уже не будетъ. Ну-съ, Маргарита Николаевна, все сдѣлано. Имѣете ли вы ко мнѣ какую-нибудь претензію?

— Что вы, о, что вы, мессирь!

— Такъ возьмите же это отъ меня на память, — сказалъ Воландъ и вынулъ изъ-подъ подушки небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, съ какой же стати!

— Вы хотите со мной поспорить? — улыбнувшись, спросилъ Воландъ.

Маргарита, такъ какъ въ плащѣ у нея не было кармана, уложила подкову въ салфетку и затянула ее узломъ. Тутъ что-то ее изумило. Она оглянулась на окно, въ которомъ сіяла луна, и сказала:

— А вотъ чего я не понимаю... Что же, это все полночь да полночь, а вѣдь давно уже должно быть утро?

— Праздничную полночь пріятно немного и задержать, — отвѣтилъ Воландъ. — Ну, желаю вамъ счастья.

Маргарита молитвенно протянула обѣ руки къ Воланду, но не посмѣла приблизиться къ нему и тихо воскликнула:

— Прощайте! Прощайте!

— До свиданія, — сказалъ Воландъ.

И Маргарита въ черномъ плащѣ, мастеръ въ больничномъ халатѣ вышли въ коридоръ ювелиршиной квартиры, въ которомъ горѣла свѣча и гдѣ ихъ дожидалась свита Воланда. Когда пошли изъ коридора, Гелла несла чемоданъ, въ которомъ былъ романъ и небольшое имущество Маргариты Николаевны, а котъ помогаль Геллѣ. У дверей квартиры Коровьевъ раскланялся и исчезъ, а остальные пошли провожать по лѣстницѣ. Она была пуста. Когда проходили площадку третьяго этажа, что-то мягко стукнуло, но на это никто не обратилъ вниманія. У самыхъ выходныхъ дверей шестого параднаго Азazelло дунулъ вверхъ, и только что вышли во дворъ, въ который не заходила луна, увидѣли спящаго на крыльцѣ, и, по-видимому, спящаго

мертвымъ сномъ, человѣка въ сапогахъ и въ кепкѣ, а также стоящую у подъѣзда большую черную машину съ потушенными фарами. Въ переднемъ стеклѣ смутно виднѣлся силуэтъ грача.

Уже собирались садиться, какъ Маргарита въ отчаяніи негромко воскликнула:

— Боже, я потеряла подкову!

— Садитесь въ машину, — сказалъ Азazelло, — и подождите меня. Я сейчасъ вернусь, только разберусь, въ чемъ тутъ дѣло. — И онъ ушелъ въ парадноѣ.

Дѣло же было вотъ въ чемъ: за нѣкоторое время до выхода Маргариты и мастера съ ихъ провожатыми изъ квартиры № 48, помѣщавшейся подъ ювелиршиной, вышла на лѣстницу сухонькая женщина съ бидономъ и сумкой въ рукахъ. Это была та самая Аннушка, что въ среду разлила, на горе Берлюоза, подсолнечное масло у вертушки.

Никто не зналъ, да, навѣрное, и никогда не узнаетъ, чѣмъ занималась въ Москвѣ эта женщина и на какіе средства она существовала. Извѣстно о ней было лишь то, что видѣть ее можно было ежедневно то съ бидономъ, то съ сумкой, а то и съ сумкой и съ бидономъ вмѣстѣ — или въ нефтелавкѣ, или на рынкѣ, или подъ воротами дома, или на лѣстницѣ, а чаще всего въ кухнѣ квартиры № 48, гдѣ и проживала эта Аннушка. Кромѣ того и болѣе всего было извѣстно, что гдѣ бы ни находилась или ни появлялась она — тотчасъ же въ этомъ мѣстѣ начинался скандалъ, и кромѣ того, что она носила прозвище «Чума».

Чума-Аннушка вставала почему-то чрезвычайно рано, а сегодня что-то подняло ее совсѣмъ ни свѣтъ ни заря, въ началѣ перваго. Повернулся ключъ въ двери, Аннушкинъ носъ высунулся въ нее, а затѣмъ высунулась она и вся цѣликомъ, захлопнула за собою дверь и уже собиралась тронуться куда-то, какъ на

верхней площадкѣ грохнула дверь, кто-то покотился внизъ по лѣстницѣ и, налетѣвъ на Аннушку, отбросилъ её въ сторону такъ, что она ударилась затылкомъ объ стѣну.

— Куда жъ тебя чертъ несетъ въ однихъ подштанникахъ? — провизжала Аннушка, ухватившись за затылокъ. Человѣкъ въ одномъ бѣлье, съ чемоданомъ въ рукахъ и въ кепкѣ, съ закрытыми глазами отвѣтилъ Аннушкѣ дикимъ соннымъ голосомъ:

— Колонка! Купорось! Одна побѣлка чего стоила, — и, заплакавъ, рявкнулъ: — Вонъ! — тутъ онъ бросился, но не дальше, внизъ по лѣстницѣ, а обратно — вверхъ, туда, гдѣ было выбитое ногой экономиста стекло въ окнѣ, и черезъ это окно кверху ногами вылетѣлъ во дворъ. Аннушка даже про затылокъ забыла, охнула и сама устремилась къ окну. Она легла животомъ на площадку и высунула голову во дворъ, ожидая увидѣть на асфальтѣ, освѣщенномъ дворовымъ фонаремъ, насмерть разбившегося человѣка съ чемоданомъ. Но ровно ничего на асфальтѣ во дворѣ не было.

Оставалось предположить, что сонная и странная личность улетѣла изъ дому, какъ птица, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Аннушка перекрестилась и подумала: «Да, ужъ дѣйствительно квартирка номеръ пятьдесятъ! Недаромъ люди говорятъ! Ай да квартирка!»

Не успѣла она этого додумать, какъ дверь наверху опять хлопнула, и второй кто-то побѣжалъ сверху. Аннушка прижалась къ стѣнѣ и видѣла, какъ какой-то довольно почтенный гражданинъ съ бородкой, но съ чуть-чуть поросячьимъ, какъ показалось Аннушкѣ, лицомъ, шмыгнулъ мимо нее и, подобно первому, покинулъ домъ черезъ окно, тоже опять-таки и не думая разбиваться на асфальтѣ. Аннушка забыла уже про цѣль

своего похода и осталась на лѣстницѣ, крестясь, охая и сама съ собою разговаривая.

Третій, безъ бородки, съ круглымъ бритымъ лицомъ, въ толстовкѣ, выбѣжалъ сверху черезъ короткое время и точно такъ же упорхнулъ въ окно.

Къ чести Аннушки надо сказать, что она была любознательна и рѣшила еще подождать, не будетъ ли какихъ новыхъ чудесъ. Дверь наверху вновь открыли, и теперь сверху начала спускаться цѣлая компанія, но не бѣгомъ, а обыкновенно, какъ всѣ люди ходятъ. Аннушка отбѣжала отъ окна, спустилась внизъ къ своей двери, быстрехонько открыла ее, спряталась за нею, и въ оставленной ею щелкѣ замерцалъ ея изступленный отъ любопытства глазъ.

Какой-то не то больной, не то не больной, а странный, блѣдный, обросшій бородой, въ черной шапочкѣ и въ какомъ-то халатѣ спускался внизъ нетвердыми шагами. Его бережно вела подъ руку какая-то дамочка въ черной рясѣ, какъ показалось Аннушкѣ въ полутьмѣ. Дамочка не то босая, не то въ какихъ-то прозрачныхъ, видно, заграничныхъ, въ ключья изодранныхъ туфляхъ. Тьфу ты! Что въ туфляхъ! Да вѣдь дамочка-то голая! Ну да, ряса накинута прямо на голое тѣло! «Ай да квартирка!» Въ душѣ у Аннушки все пѣло отъ предвкушенія того, что она будетъ завтра рассказывать сосѣдямъ.

За странно одѣтой дамочкой слѣдовала совершенно голая дамочка съ чемоданчикомъ въ рукѣ, а возлѣ чемоданчика мыкался черный громадный котъ. Аннушка едва вслухъ что-то не пискнула, протирая глаза.

Замыкалъ шествіе маленькаго роста прихрамывающій иностранецъ съ кривымъ глазомъ, безъ пиджака, въ бѣломъ фрачномъ жилетѣ и при галстукѣ. Вся эта компанія мимо Аннушки прослѣдовала внизъ.

Тутъ что-то стукнуло на площадкѣ. Услышавъ, что шаги стихаютъ, Аннушка, какъ змѣя, выскользнула изъ-за двери, бидонъ поставила къ стѣнкѣ, пала животомъ на площадку и стала шарить. Въ рукахъ у нея оказалась салфеточка съ чѣмъ-то тяжелымъ. Глаза у Аннушки полѣзли на лобъ, когда она развернула сверточекъ. Аннушка къ самымъ глазамъ подносила драгоценность, и глаза эти горѣли совершенно волчьимъ огнемъ. Въ головѣ у Аннушки образовалась вьюга: «Знать ничего не знаю! Вѣдать ничего не вѣдаю!... Къ племяннику? Или распилить ее на куски... Камушки-то можно выковырять... И по одному камушку: одинъ на Петровку, другой на Смоленскій... И — знать ничего не знаю, и вѣдать ничего не вѣдаю!»

Аннушка спрятала находку за пазуху, ухватила бидонъ и уже собиралась скользнуть обратно въ квартиру, отложивъ свое путешествіе въ городъ, какъ передъ нею выросъ, дьяволъ его знаетъ откуда взявшійся, тотъ самый съ бѣлой грудью безъ пиджака и тихо шепнулъ:

— Давай подковку и салфеточку.

— Какую такую салфеточку-подковку? — спросила Аннушка, притворяясь весьма искусно, — никакой я салфеточки не знаю. Что вы, гражданинъ, пьяный, что ли?

Бѣлогрудый твердыми, какъ поручни автобуса, и столь же холодными пальцами, ничего болѣе не говоря, сжалъ Аннушкино горло такъ, что совершенно прекратилъ всякій доступъ воздуха въ ея грудь. Бидонъ вывалился изъ рукъ Аннушки на полъ. Подержавъ нѣкоторое время Аннушку безъ воздуха, безпиджачный иностранецъ снялъ пальцы съ ея шеи. Хлебнувъ воздуху, Аннушка улыбнулась.

— Ахъ, подковочку, — заговорила она, — сію минуту! Такъ это ваша подковочка? А я смотрю, лежитъ

въ салфеточкѣ... Я нарочно прибрала, чтобы кто не поднялъ, а то потомъ поминай какъ звали!

Получивъ подковочку и салфеточку, иностранецъ началъ расшаркиваться передъ Аннушкой, крѣпко пожимать ей руку и горячо благодарить въ такихъ выраженіяхъ, съ сильнымъ заграничнымъ акцентомъ:

— Я вамъ глубочайше признателенъ, мадамъ. Мнѣ эта подковочка дорога какъ память. И позвольте вамъ за то, что вы ее сохранили, вручить двѣсти рублей. — И онъ тотчасъ вынулъ изъ жилетнаго кармана деньги и вручилъ ихъ Аннушкѣ.

Та, отчаянно улыбаясь, только вскрикивала:

— Ахъ, покорнѣйше васъ благодарю! Мерси! Мерси!

Щедрый иностранецъ въ одинъ махъ проскользнулъ черезъ цѣлый маршъ лѣстницы внизъ, но прежде чѣмъ смыться окончательно, крикнулъ снизу, но безъ акцента:

— Ты, старая вѣдьма, если когда еще поднимешь чужую вещь, въ милицію ее сдавай, а за пазуху не прячь!

Чувствуя въ головѣ звонъ и суматоху отъ всѣхъ этихъ происшествій на лѣстницѣ, Аннушка еще долго по инерціи продолжала кричать:

— Мерси! Мерси! Мерси! — а иностранца уже давно не было.

Не было и машины во дворѣ. Вернувъ Маргаритѣ подарокъ Воланда, Азазелло распрощался съ нею, спросилъ, удобно ли ей сидѣть, а Гелла сочно расцѣловалась съ Маргаритой, котъ приложился къ ея рукѣ, провожатые помахали руками безжизненно и неподвижно завалившемуся въ уголь сидѣнія мастеру, махнули грачу и тотчасъ растаяли въ воздухъ, не считая нужнымъ утруждать себя подъемомъ по лѣстницѣ. Грачъ зажегъ фары и выкатилъ въ ворота мимо мертво

спящаго человѣка въ подворотнѣ. И огни большой черной машины пропали среди другихъ огней на бессонной и шумной Садовой.

Черезъ часъ въ подвалѣ маленькаго домика въ одномъ изъ Арбатскихъ переулковъ, въ первой комнатѣ, гдѣ было все такъ же, какъ было до страшной осенней ночи прошлаго года, за столомъ, накрытымъ бархатной скатертью, подъ лампой съ абажуромъ, возлѣ которой стояла вазочка съ ландышами, сидѣла Маргарита и тихо плакала отъ пережитаго потрясенія и счастья. Тетрадь, исковерканная огнемъ, лежала передъ нею, а рядомъ возвышалась стопка нетронутыхъ тетрадей. Домикъ молчалъ. Въ сосѣдней маленькой комнатѣ на диванѣ, укрытый больничнымъ халатомъ, лежалъ въ глубокомъ снѣ мастеръ. Его ровное дыханіе было беззвучно.

Наплакавшись, Маргарита взялась за нетронутыя тетради и нашла то мѣсто, что перечитывала передъ свиданіемъ съ Аззелло подъ кремлевской стѣной. Маргаритѣ не хотѣлось спать. Она гладила рукопись ласково, какъ гладятъ любимую кошку, и поворачивала ее въ рукахъ, оглядывая со всѣхъ сторонъ, то останавливаясь на титульномъ листѣ, то открывая конецъ. На нее накатила вдругъ ужасная мысль, что это все колдовство, что сейчасъ тетради исчезнутъ изъ глазъ, что она окажется въ своей спальнѣ въ особнякѣ и что, проснувшись, ей придется идти топиться. Но это была послѣдняя страшная мысль, отзвукъ долгихъ переживаемыхъ ею страданій. Ничто не исчезало, всеильный Воландъ былъ дѣйствительно всеиленъ, и сколько угодно, хотя бы до самого разсвѣта, могла Маргарита шелестѣть листьями тетрадей, разглядывать ихъ и цѣловать и перечитывать слова:

— Тьма, пришедшая со Средиземнаго моря, накрыла ненавидимый прокураторомъ городъ... Да, тьма...

Какъ прокураторъ пытался спасти Иуду

Тьма, пришедшая со Средиземнаго моря, накрыла ненавидимый прокураторомъ городъ. Исчезли висячіе мосты, соединяющіе храмъ со страшной Антоніевой башней, опустилась съ неба бездна и залила крылатыхъ боговъ надъ гипподромомъ, Хасмонеискій дворець съ бойницами, базары, караванъ-сарай, переулки, пруды... Пропалъ Ершалаимъ — великій городъ, какъ будто не существовалъ на свѣтѣ. Все пожрала тьма, напугавшая все живое въ Ершалаимѣ и его окрестностяхъ. Странную тучу принесло съ моря къ концу дня, четырнадцатаго дня весенняго мѣсяца нисана.

Она уже навалилась своимъ брюхомъ на Лысый Черепъ, гдѣ палачи поспѣшно кололи казнимыхъ, она навалилась на храмъ въ Ершалаимѣ, сползла дымными потоками съ холма его и залила Нижній Городъ. Она вливалась въ окошки и гнала съ кривыхъ улицъ людей въ дома. Она не спѣшила отдавать свою влагу и отдавала только свѣтъ. Лишь только дымное черное варево распарывалъ огонь, изъ кромѣшной тьмы взлетала вверхъ великая глыба храма со сверкающимъ чешуйчатымъ покрытіемъ. Но онъ угасалъ во мгновение, и храмъ погружался въ темную бездну. Нѣсколько разъ онъ выскакивалъ изъ нее и опять проваливался, и каждый разъ этотъ провалъ сопровождался грохотомъ катастрофы.

Другія трепетныя мерцанія вызывали изъ бездны противостоящій храму на западномъ холмѣ дворець Ирода Великаго, и страшныя безглазыя золотыя статуи взлетали къ черному небу, простирая къ нему руки. Но

опять прятался небесный огонь, и тяжелые удары грома загоняли золотыхъ идиоловъ во тьму.

Ливень хлынулъ неожиданно, и тогда гроза перешла въ ураганъ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ около полудня, близъ мраморной скамьи въ саду, бесѣдовали прокураторъ и первосвященникъ, съ ударомъ, похожимъ на пушечный, какъ трость переломило кипарисъ. Вмѣстѣ съ водяной пылью и градомъ на балконъ подъ колонны несло сорванныя розы, листья магнолій, маленькіе сучья и песокъ. Ураганъ терзалъ садъ.

Въ это время подъ колоннами находился только одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ прокураторъ.

Теперь онъ не сидѣлъ въ креслѣ, а лежалъ на ложѣ у низкаго небольшого стола, уставленнаго яствами и виномъ въ кувшинахъ. Другое ложе, пустое, находилось съ другой стороны стола. У ногъ прокуратора простиралась неубранная красная, какъ бы кровавая, лужа и валялись осколки разбитаго кувшина. Слуга, передъ грозой накрывавшій для прокуратора столъ, почему-то растерялся подъ его взглядомъ, взволновался отъ того, что чѣмъ-то не угодилъ, и прокураторъ, разсердившись на него, разбилъ кувшинъ о мозаичный полъ, проговоривъ:

— Почему въ лицо не смотришь, когда подаешь? Развѣ ты что-нибудь укралъ?

Черное лицо африканца посѣрѣло, въ глазахъ его появился смертельный ужасъ, онъ задрожалъ и едва не разбилъ и второй кувшинъ, но гнѣвъ прокуратора почему-то улетѣлъ такъ же быстро, какъ и прилетѣлъ. Африканецъ кинулся было подбирать осколки и затирать лужу, но прокураторъ махнулъ ему рукою, и рабъ убѣжалъ. А лужа осталась.

Теперь африканецъ во время урагана притаился возлѣ ниши, гдѣ помѣщалась статуя бѣлой нагой женщины со склоненной головой, боясь показаться не

вовремя на глаза и въ то же время опасаясь и пропустить моментъ, когда его можетъ позвать прокураторъ.

Лежащій на ложѣ въ грозовомъ полумракѣ прокураторъ самъ наливалъ себѣ вино въ чашу, пилъ долгими глотками, по временамъ притрагивался къ хлѣбу, крошилъ его, глоталъ маленькими кусочками, время отъ времени высасывалъ устрицы, жевалъ лимонъ и пилъ опять.

Если бы не ревъ воды, если бы не удары грома, которые, казалось, грозили расплющить крышу дворца, если бы не стукъ града, молотившаго по ступенямъ балкона, можно было бы слышать, что прокураторъ что-то бормочетъ, разговаривая самъ съ собой. И если бы нестойкое трепетаніе небеснаго огня превратилось бы въ постоянный свѣтъ, наблюдатель могъ бы видѣть, что лицо прокуратора съ воспаленными послѣдними безсонницами и виномъ глазами выражаетъ нетерпѣніе, что прокураторъ не только глядитъ на двѣ бѣлыя розы, утонувшія въ красной лужѣ, но постоянно поворачиваетъ лицо къ саду навстрѣчу водяной пыли и песку, что онъ кого-то ждетъ, нетерпѣливо ждетъ.

Прошло нѣкоторое время, и пелена воды передъ глазами прокуратора стала рѣдѣть. Какъ ни былъ яростень ураганъ, онъ ослабѣвалъ. Сучья больше не трещали и не падали. Удары грома и блистанія становились рѣже. Надъ Ершалаимомъ плыло уже не фіолетовое съ бѣлой опушкой покрывало, а обыкновенная сѣрая арьергардная туча. Грозу сносило къ мертвому морю.

Теперь ужъ можно было слышать въ отдѣльности и шумъ дождя, и шумъ воды, низвергающейся по желобамъ и прямо по ступенямъ той лѣстницы, по которой прокураторъ шелъ днемъ для объявленія приговора на площади. А наконецъ

зазвучалъ и заглушенный доселѣ фонтанъ. Свѣтлѣло. Въ сѣрой пеленѣ, убѣгавшей на востокъ, появились синія окна.

Тутъ издали, прорываясь сквозь стукъ уже совсѣмъ слабенькаго дождика, донеслись до слуха прокуратора слабые звуки трубъ и стрекотаніе нѣсколькихъ сотъ копытъ. Услышавъ это, прокураторъ шевельнулся, и лицо его оживилось. Ала возвращалась съ Лысой Горы, судя по звуку, она проходила черезъ ту самую площадь, гдѣ былъ объявленъ приговоръ.

Наконецъ услышалъ прокураторъ и долгожданые шаги, и шлепанье по лѣстницѣ, ведущей къ верхней площадкѣ сада передъ самымъ балкономъ. Прокураторъ вытянулъ шею, и глаза его заблестали, выражая радость.

Между двухъ мраморныхъ львовъ показалась сперва голова въ капюшонѣ, а затѣмъ и совершенно мокрый человѣкъ въ облѣпившемъ тѣло плащѣ. Это былъ тотъ самый человѣкъ, что передъ приговоромъ шептался съ прокураторомъ въ затемненной комнатѣ дворца и который во время казни сидѣлъ на трехногомъ табуретѣ, играя прутикомъ.

Не разбирая лужъ, человѣкъ въ капюшонѣ пересѣкъ площадку сада, вступилъ на мозаичный полъ балкона и, поднявъ руку, сказалъ высокимъ пріятнымъ голосомъ:

— Прокуратору здравствовать и радоваться. —
Пришедшій говорилъ по-латыни.

— Боги! — воскликнулъ Пилать, — да вѣдь на васъ нѣтъ сухой нитки! Каковъ ураганъ? А? Прошу васъ немедленно пройти ко мнѣ. Переодѣньтесь, сдѣлайте мнѣ одолженіе.

Пришедшій откинулъ капюшонъ, обнаруживъ совершенно мокрую, съ прилипшими ко лбу волосами голову, и, выразивъ на своемъ бритомъ лицѣ вѣжливую

улыбку, сталъ отказываться переодѣться, увѣряя, что дождикъ не можетъ ему ничѣмъ повредить.

— Не хочу слушать, — отвѣтилъ Пилать и хлопнулъ въ ладоши. Этимъ онъ вызвалъ прячущихся отъ него слугъ и велѣлъ имъ позаботиться о пришедшемъ, а затѣмъ немедленно подавать горячее блюдо. Для того чтобы высушить волосы, переодѣться, переобуться и вообще привести себя въ порядокъ, пришедшему къ прокуратору понадобилось очень мало времени, и вскорѣ онъ появился на балконѣ въ сухихъ сандаліяхъ, въ сухомъ багряномъ военномъ плащѣ и съ приглаженными волосами.

Въ это время солнце вернулось въ Ершалаимъ и, прежде чѣмъ уйти и утонуть въ Средиземномъ морѣ, посылало прощальные лучи ненавидимому прокураторомъ городу и золотило ступени балкона. Фонтанъ совсѣмъ ожилъ и распелся во всю мочь, голуби выбрались на песокъ, гулькали, перепрыгивали черезъ сломанные сучья, клевали что-то въ мокромъ пескѣ. Красная лужа была затерта, убраны черепки, на столѣ дымилось мясо.

— Я слушаю приказанія прокуратора, — сказалъ пришедшій, подходя къ столу.

— Но ничего не услышите, пока не сядете къ столу и не выпьете вина, — любезно отвѣтилъ Пилать и указалъ на другое ложѣ.

Пришедшій прилегъ, слуга налилъ въ его чашу густое красное вино. Другой слуга, осторожно наклонясь надъ плечомъ Пилата, наполнилъ чашу прокуратора. Послѣ этого тотъ жестомъ удалилъ обоихъ слугъ. Пока пришедшій пилъ и ѣлъ, Пилать, прихлебывая вино, поглядывалъ прищуренными глазами на своего гостя. Явившійся къ Пилату человѣкъ былъ среднихъ лѣтъ, съ очень пріятнымъ округлымъ и опрятнымъ лицомъ, съ мясистымъ носомъ. Волосы его были какого-то

неопредѣленнаго цвѣта. Сейчасъ, высыхая, они свѣтлѣли. Национальность пришельца было бы трудно установить. Основное, что опредѣляло его лицо, это было, пожалуй, выраженіе добродушія, которое нарушали, впрочемъ, глаза, или, вѣрнѣе, не глаза, а манера пришедшаго глядѣть на собесѣдника. Обычно маленькіе глаза свои пришелець держалъ подъ прикрытыми, немного странноватыми, какъ будто припухшими, веками. Тогда въ щелочкахъ этихъ глазъ свѣтилось незлобное лукавство. Надо полагать, что гость прокуратора былъ склоненъ къ юмору. Но по временамъ, совершенно изгоняя поблескивающій этотъ юморъ изъ щелочекъ, теперешній гость широко открывалъ веки и взглядывалъ на своего собесѣдника внезапно и въ упоръ, какъ будто съ цѣлью быстро разглядѣть какое-то незамѣтное пятнышко на носу у собесѣдника. Это продолжалось одно мгновеніе, послѣ чего веки опять опускались, суживались щелочки, и въ нихъ начинало свѣтиться добродушіе и лукавый умъ.

Пришедшій не отказался и отъ второй чаши вина, съ видимымъ наслажденіемъ проглотилъ нѣсколько устриць, отвѣдалъ вареныхъ овощей, съѣлъ кусокъ мяса.

Насытившись, онъ похвалилъ вино:

— Превосходная лоза, прокураторъ, но это — не «Фалерно»?

— «Цекуба», тридцатилѣтнее, — любезно отозвался прокураторъ.

Гость приложилъ руку къ сердцу, отказался что-либо еще ѣсть, объявилъ, что сытъ. Тогда Пилать наполнилъ свою чашу, гость поступилъ такъ же. Оба обѣдающіе отлили немного вина изъ своихъ чашъ въ блюдо съ мясомъ, и прокураторъ произнесъ громко, поднимая чашу:

— За насъ, за тебя, кесарь, отецъ римлянъ, самый дорогой и лучшій изъ людей!

Послѣ этого допили вино, и африканцы убрали со стола яства, оставивъ на немъ фрукты и кувшины. Опять-таки жестомъ прокураторъ удалилъ слугъ и остался со своимъ гостемъ одинъ подъ колоннадой.

— Итакъ, — заговорилъ негромко Пилать, — что можете вы сказать мнѣ о настроеніи въ этомъ городѣ?

Онъ невольно обратилъ свой взоръ туда, гдѣ за террасами сада, внизу, догорали и колоннады, и плоскія кровли, позлащаемыя послѣдними лучами.

— Я полагаю, прокураторъ, — отвѣтилъ гость, — что настроеніе въ Ершалаимѣ теперь удовлетворительное.

— Такъ что можно ручаться, что безпорядки болѣе не угрожаютъ?

— Ручаться можно, — ласково поглядывая на прокуратора, отвѣтилъ гость, — лишь за одно въ мірѣ — за мощь великаго кесаря.

— Да пошлютъ ему боги долгую жизнь, — тотчасъ же подхватилъ Пилать, — и всеобщій міръ. — Онъ помолчалъ и продолжалъ: — Такъ что вы полагаете, что войска теперь можно увести?

— Я полагаю, что когорта молніеноснаго можетъ уйти, — отвѣтилъ гость и прибавилъ: — Хорошо бы было, если бы на прощаніе она продефилировала по городу.

— Очень хорошая мысль, — одобрилъ прокураторъ, — послѣзавтра я ее отпущу и самъ уѣду, и — клянусь вамъ пиромъ двѣнадцати боговъ, ларами клянусь — я отдалъ бы многое, чтобы сдѣлать это сегодня.

— Прокураторъ не любитъ Ершалаима? — добродушно спросилъ гость.

— Помилосердствуйте, — улыбаясь, воскликнул прокураторъ, — нѣтъ болѣе безнадежнаго мѣста на землѣ. Я не говорю уже о природѣ! Я бываю боленъ всякій разъ, какъ мнѣ приходится сюда прїѣзжать. Но это бы еще полгоря. Но эти праздники — маги, чародѣи, волшебники, эти стаи богомольцевъ... Фанатики, фанатики! Чего стоилъ одинъ этотъ мессія, котораго они вдругъ стали ожидать въ этомъ году! Каждую минуту только и ждешь, что придется быть свидѣтелемъ непріятнѣйшаго кровопролитія. Все время тасовать войска, читать доносы и ябеды, изъ которыхъ къ тому же половина написана на тебя самого! Согласитесь, что это скучно. О, если бы не императорская служба!..

— Да, праздники здѣсь трудные, — согласился гость.

— Отъ всей души желаю, чтобы они скорѣе кончились, — энергично добавилъ Пилать. — Я получу возможность наконецъ вернуться въ Кесарію. Вѣрите ли, это бредовое сооруженіе Ирода, — прокураторъ махнулъ рукою вдоль колоннады, такъ что стало ясно, что онъ говорить о дворцѣ, — положительно сводитъ меня съ ума. Я не могу ночевать въ немъ. Міръ не зналъ болѣе странной архитектуры. Да, но вернемся къ дѣламъ. Прежде всего, этотъ проклятый Варъ-равванъ васъ не тревожить?

Тутъ гость и послалъ свой особенный взглядъ въ щеку прокуратора. Но тотъ скучающими глазами глядѣлъ вдаль, брезгливо сморщившись и созерцая часть города, лежащую у его ногъ и угасающую въ предвечерѣ. Угасъ и взглядъ гостя, и веки его опустились.

— Надо думать, что Варъ-равванъ сталъ теперь безопасенъ, какъ ягненокъ, — заговорилъ гость, и

морщинки появились на кругломъ лицѣ. — Ему неудобно бунтовать теперь.

— Слишкомъ знаменитъ? — спросилъ Пилать, усмѣхнувшись.

— Прокураторъ, какъ всегда, тонко понимаетъ вопросъ!

— Но, во всякомъ случаѣ, — озабоченно замѣтилъ прокураторъ, и тонкій, длинный палецъ съ чернымъ камнемъ перстня поднялся вверхъ, — надо будетъ...

— О, прокураторъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что, пока я въ Іудеѣ, Варъ не сдѣлаетъ ни шагу безъ того, чтобы за нимъ не шли по пятамъ.

— Теперь я спокоенъ, какъ, впрочемъ, и всегда спокоенъ, когда вы здѣсь.

— Прокураторъ слишкомъ добръ!

— А теперь прошу сообщить мнѣ о казни, — сказалъ прокураторъ.

— Что именно интересуется прокуратора?

— Не было ли со стороны толпы попытокъ выраженія возмущенія? Это главное, конечно.

— Никакихъ, — отвѣтилъ гость.

— Очень хорошо. Вы сами установили, что смерть пришла?

— Прокураторъ можетъ быть увѣренъ въ этомъ.

— А скажите... напитокъ имъ давали передъ повѣшеніемъ на столбы?

— Да. Но онъ, — тутъ гость закрылъ глаза, — отказался его выпить.

— Кто именно? — спросилъ Пилать.

— Простите, игемонъ! — воскликнулъ гость, — я не назвалъ? Га-Ноцри.

— Безумецъ! — сказалъ Пилать, почему-то гримасничая. Подъ лѣвымъ глазомъ у него задержалась жилка, — умирать отъ ожоговъ солнца! Зачѣмъ же

отказываться отъ того, что предлагается по закону? Въ какихъ выраженіяхъ онъ отказался?

— Онъ сказалъ, — опять закрывая глаза, отвѣтилъ гость, — что благодарить и не винить за то, что у него отняли жизнь.

— Кого? — глухо спросилъ Пилать.

— Этого онъ, игемонъ, не сказалъ.

— Не пытался ли онъ проповѣдовать что-либо въ присутствіи солдатъ?

— Нѣтъ, игемонъ, онъ не былъ многословенъ на этотъ разъ. Единственное, что онъ сказалъ, это, что въ числѣ человѣческихъ пороковъ однимъ изъ самыхъ главныхъ онъ считаетъ трусость.

— Къ чему это было сказано? — услышалъ гость внезапно треснувшій голосъ.

— Этого нельзя было понять. Онъ вообще велъ себя странно, какъ, впрочемъ, и всегда.

— Въ чемъ странность?

— Онъ все время пытался заглянуть въ глаза то одному, то другому изъ окружающихъ и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой.

— Больше ничего? — спросилъ хриплый голосъ.

— Больше ничего.

Прокураторъ стукнулъ чашей, наливая себѣ вина. Осушивъ ее до самого дна, онъ заговорилъ:

— Дѣло заключается въ слѣдующемъ: хотя мы и не можемъ обнаружить — въ данное время, по крайней мѣрѣ, — какихъ-либо его поклонниковъ или послѣдователей, тѣмъ не менѣе ручаться, что ихъ совсѣмъ нѣтъ, нельзя.

Гость внимательно слушалъ, наклонивъ голову.

— И вотъ, во избѣжаніе какихъ-нибудь сюрпризовъ, — продолжалъ прокураторъ, — я прошу васъ немедленно и безъ всякаго шума убрать съ лица земли тѣла всѣхъ трехъ казненныхъ и похоронить ихъ

въ тайнѣ и въ тишинѣ, такъ, чтобы о нихъ больше не было ни слуху ни духу.

— Слушаю, игемонъ, — сказалъ гость и всталъ, говоря: — Ввиду сложности и отвѣтственности дѣла разрѣшите мнѣ ѣхать немедленно.

— Нѣтъ, присядьте еще, — сказалъ Пилатъ, жестомъ останавливая своего гостя, — есть еще два вопроса. Второй — ваши громадныя заслуги на труднѣйшей работѣ въ должности завѣдующаго тайной службой при прокураторѣ Іудеи даютъ мнѣ пріятную возможность доложить объ этомъ въ Римѣ.

Тутъ лицо гостя порозовѣло, онъ всталъ и поклонился прокуратору, говоря:

— Я лишь исполняю свой долгъ на императорской службѣ!

— Но я хотѣлъ бы просить васъ, — продолжалъ игемонъ, — если вамъ предложить переводъ отсюда съ повышеніемъ, отказаться отъ него и остаться здѣсь. Мнѣ ни за что не хотѣлось бы разстаться съ вами. Пусть васъ наградятъ какимъ-нибудь инымъ способомъ.

— Я счастливъ служить подъ вашимъ начальствомъ, игемонъ.

— Мнѣ это очень пріятно. Итакъ, третій вопросъ. Касается этого, какъ его... Іуды изъ Кириафа.

Тутъ гость и послалъ прокуратору свой взглядъ и тотчасъ, какъ полагается, угасилъ его.

— Говорятъ, что онъ, — понижая голосъ, продолжалъ прокураторъ, — деньги будто бы получилъ за то, что такъ радушно принялъ у себя этого безумнаго философа.

— Получить, — тихонько поправилъ Пилата начальникъ тайной службы.

— А велика ли сумма?

— Этого никто не можетъ знать, игемонъ.

— Даже вы? — своимъ изумленіемъ выражая комплиментъ, сказалъ игемонъ.

— Увы, даже я, — спокойно отвѣтилъ гость, — но что онъ получить эти деньги сегодня вечеромъ, это я знаю. Его сегодня вызываютъ во дворецъ Каифы.

— Ахъ, жадный старикъ изъ Кириафа, — улыбаясь, замѣтилъ прокураторъ, — вѣдь онъ старикъ?

— Прокураторъ никогда не ошибается, но на сей разъ ошибся, — любезно отвѣтилъ гость, — человѣкъ изъ Кириафа — молодой человѣкъ.

— Скажите! Характеристику его вы можете мнѣ дать? Фанатикъ?

— О нѣтъ, прокураторъ.

— Такъ. А еще что-нибудь?

— Очень красивъ.

— А еще? Имѣеть, можетъ быть, какую-нибудь страсть?

— Трудно знать такъ ужъ точно всѣхъ въ этомъ громадномъ городѣ, прокураторъ...

— О нѣтъ, нѣтъ, Афраній! Не преуменьшайте своихъ заслугъ!

— У него есть одна страсть, прокураторъ. — Гость сдѣлалъ крохотную паузу. — Страсть къ деньгамъ.

— А онъ чѣмъ занимается?

Афраній поднялъ глаза кверху, подумалъ и отвѣтилъ:

— Онъ работаетъ въ мѣняльной лавкѣ у одного изъ своихъ родственниковъ.

— Ахъ такъ, такъ, такъ, такъ. — Тутъ прокураторъ умолкъ, оглянулся, нѣтъ ли кого на балконѣ, и потомъ сказалъ тихо: — Такъ вотъ въ чемъ дѣло — я получилъ сегодня свѣдѣнія о томъ, что его зарѣжутъ сегодня ночью.

Здѣсь гость не только метнулъ свой взглядъ на

прокуратора, но даже немного задержалъ его, а послѣ этого отвѣтилъ:

— Вы, прокураторъ, слишкомъ лестно отзывались обо мнѣ. По-моему, я не заслуживаю вашего доклада. У меня этихъ свѣдѣній нѣтъ.

— Вы достойны наивысшей награды, — отвѣтилъ прокураторъ, — но свѣдѣнія такіе имѣются.

— Осмѣлюсь спросить, отъ кого же эти свѣдѣнія?

— Позвольте мнѣ пока этого не говорить, тѣмъ болѣе что они случайны, темны и недостовѣрны. Но я обязанъ предвидѣть все. Такова моя должность, а пуще всего я обязанъ вѣрить своему предчувствію, ибо никогда оно еще меня не обманывало. Свѣдѣнія же заключаются въ томъ, что кто-то изъ тайныхъ друзей Га-Ноцри, возмущенный чудовищнымъ предательствомъ этаго менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью, а деньги, полученныя за предательство, подбросить первосвященнику съ запиской: «Возвращаю проклятыя деньги!»

Больше своихъ неожиданныхъ взглядовъ начальникъ тайной службы на игемона не бросалъ и продолжалъ слушать его, прищурившись, а Пилать продолжалъ:

— Вообразите, пріятно ли будетъ первосвященнику въ праздничную ночь получить подобный подарокъ?

— Не только не пріятно, — улыбнувшись, отвѣтилъ гость, — но я полагаю, прокураторъ, что это вызоветъ очень большой скандалъ.

— И я самъ того же мнѣнія. Вотъ поэтому я прошу васъ заняться этимъ дѣломъ, то есть принять всѣ мѣры къ охранѣ Іуды изъ Кириафа.

— Приказаніе игемона будетъ исполнено, — заговорилъ Афраній, — но я долженъ успокоить

игемона: замысль злодѣевъ чрезвычайно трудно выполнимъ. Вѣдь подумать только, — гость, говоря, обернулся и продолжалъ: — выслѣдить человѣка, зарѣзать, да еще узнать, сколько получилъ, да ухитриться вернуть деньги Каифѣ, и все это въ одну ночь? Сегодня?

— И тѣмъ не менѣе его зарѣжутъ сегодня, — упрямо повторилъ Пилатъ, — у меня предчувствіе, говорю я вамъ! Не было случая, чтобы оно меня обмануло, — тутъ судорога прошла по лицу прокуратора, и онъ коротко потеръ руки.

— Слушаю, — покорно отозвался гость, поднялся, выпрямился и вдругъ спросилъ сурово: — Такъ зарѣжутъ, игемонъ?

— Да, — отвѣтилъ Пилатъ, — и вся надежда только на вашу изумляющую всѣхъ исполнительность.

Гость поправилъ тяжелый поясъ подъ плащомъ и сказалъ:

— Имѣю честь, желаю здравствовать и радоваться.

— Ахъ да, — негромко вскричалъ Пилатъ, — я вѣдь совсѣмъ забылъ! Вѣдь я вамъ долженъ!..

Гость изумился.

— Право, прокураторъ, вы мнѣ ничего не должны.

— Ну какъ же нѣтъ! При вѣздѣ моемъ въ Ершалаимъ, помните, толпа нищихъ... я еще хотѣлъ швырнуть имъ деньги, а у меня не было, и я взялъ у васъ.

— О прокураторъ, это какая-нибудь бездѣлица!

— И о бездѣлицѣ надлежитъ помнить.

Тутъ Пилатъ обернулся, поднялъ плащъ, лежащій на креслѣ сзади него, вынулъ изъ-подъ него кожаный мѣшокъ и протянулъ его гостю. Тотъ поклонился, принимая его, и спряталъ подъ плащъ.

— Я жду, — заговорилъ Пилать, — доклада о погребеніи, а также и по этому дѣлу Іуды изъ Кириафа сегодня же ночью, слышите, Афраній, сегодня. Конвою будетъ данъ приказъ будить меня, лишь только вы появитесь. Я жду васъ!

— Имѣю честь, — сказалъ начальникъ тайной службы и, повернувшись, пошелъ съ балкона. Слышно было, какъ онъ хрустѣлъ, проходя по мокрому песку площадки, потомъ послышался стукъ его сапогъ по мрамору межъ львовъ. Потомъ срѣзало его ноги, туловище, и, наконецъ, пропалъ и капюшонъ. Тутъ только прокураторъ увидѣлъ, что солнца уже нѣтъ и пришли сумерки.

Погребеніе

Можетъ быть, эти сумерки и были причиною того, что внѣшность прокуратора рѣзко измѣнилась. Онъ какъ будто на глазахъ постарѣлъ, сгорбился и, кромѣ того, сталъ тревоженъ. Одинъ разъ онъ оглянулся и почему-то вздрогнулъ, бросивъ взглядъ на пустое кресло, на спинкѣ котораго лежалъ плащъ. Приближалась праздничная ночь, вечерніе тѣни играли свою игру, и, вѣроятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидитъ въ пустомъ креслѣ. Допустивъ малодушіе — пошевеливъ плащъ, прокураторъ оставилъ его и забѣгалъ по балкону, то потирая руки, то подбѣгая къ столу и хватаясь за чашу, то останавливаясь и начиная бессмысленно глядѣть на мозаику пола, какъ будто пытаясь прочесть въ ней какіе-то письмена.

За сегодняшній день уже второй разъ на него пала тоска. Потирая високъ, въ которомъ отъ адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминаніе, прокураторъ все силился понять, въ чемъ причина его душевныхъ мученій. И быстро онъ понялъ это, но постарался обмануть себя. Ему ясно было, что сегодня днемъ онъ что-то безвозвратно упустилъ, и теперь онъ упущенное хочетъ исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими дѣйствіями. Обманъ же самого себя заключался въ томъ, что прокураторъ старался внушить себѣ, что дѣйствія эти, теперешніе, вечерніе, не менѣе важны, чѣмъ утренній приговоръ. Но это очень плохо удавалось прокуратору.

На одномъ изъ поворотовъ онъ круто

остановился и свистнулъ. Въ отвѣтъ на этотъ свистъ въ сумеркахъ загремѣлъ низкій лай, и изъ сада выскочилъ на балконъ гигантскій остроухій песъ сѣрой шерсти, въ ошейникѣ съ золочеными бляшками.

— Банга, Банга, — слабо крикнулъ прокураторъ.

Песъ поднялся на заднія лапы, а переднія опустилъ на плечи своему хозяину, такъ что едва не повалилъ на полъ, и лизнулъ его въ щеку. Прокураторъ сѣлъ въ кресло, Банга, высунувъ языкъ и часто дыша, улегся у ногъ хозяина, причеиъ радость въ глазахъ пса означала, что кончилась гроза, единственное въ мѣрѣ, чего боялся безстрашный песъ, а также то, что онъ опять тутъ, рядомъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго любилъ, уважалъ и считалъ самымъ могучимъ въ мѣрѣ, повелителемъ всѣхъ людей, благодаря которому и самого себя песъ считалъ существомъ привилегированнымъ, высшимъ и особеннымъ. Но, улегшись у ногъ и даже не глядя на своего хозяина, а глядя въ вечерѣющій садъ, песъ сразу понялъ, что хозяина его постигла бѣда. Поэтому онъ перемѣнилъ позу, поднялся, зашелъ сбоку и переднія лапы и голову положилъ на колѣни прокуратору, вымазавъ полы плаща мокрымъ пескомъ. Вѣроятно, дѣйствія Банги должны были означать, что онъ утѣшаетъ своего хозяина и несчастье готовъ встрѣтить вмѣстѣ съ нимъ. Это онъ пытался выразить и въ глазахъ, скашиваемыхъ къ хозяину, и въ насторожившихся наостренныхъ ушахъ. Такъ оба они, и песъ и человѣкъ, любящіе другъ друга, встрѣтили праздничную ночь на балконѣ.

Въ это время гость прокуратора находился въ большихъ хлопотахъ. Покинувъ верхнюю площадку сада передъ балкономъ, онъ по лѣстницѣ спустился на слѣдующую террасу сада, повернулъ направо и вышелъ къ казармамъ, расположеннымъ на территоріи дворца.

Въ этихъ казармахъ и были расквартированы тѣ двѣ кентуріи, которыя пришли вмѣстѣ съ прокураторомъ на праздники въ Ершалаимъ, а также тайная стража прокуратора, командоваль которой этотъ самый гость. Гость провелъ въ казармахъ немного времени, не болѣе десяти минутъ, но по прошествіи этихъ десяти минутъ со двора казармъ выѣхали три повозки, нагруженныя шанцевымъ инструментомъ и бочкой съ водою. Повозки сопровождали пятнадцать человѣкъ въ сѣрыхъ плащахъ, верховые. Въ сопровожденіи ихъ повозки выѣхали съ территоріи дворца черезъ заднія ворота, взяли на западъ, вышли изъ воротъ въ городской стѣнѣ и пошли по тропинкѣ сперва на виѳлеемскую дорогу, а потомъ по ней на сѣверъ, дошли до перекрестка у Хевронскихъ воротъ и тогда двинулись по Яффской дорогѣ, по которой днемъ проходила процессія съ осужденными на казнь. Въ это время было уже темно и на горизонтѣ показалась луна.

Вскорости послѣ того какъ уѣхали повозки съ сопровождающей ихъ командой, отбылъ съ территоріи дворца верхомъ и гость прокуратора, переодѣвшійся въ темный поношенный хитонъ. Гость направился не за городъ, а въ городъ. Черезъ нѣкоторое время его можно было видѣть подъѣзжающимъ къ крѣпости Антонія, расположенной на сѣверѣ и въ непосредственной близости отъ великаго храма. Въ крѣпости гость пробылъ тоже очень недолго, а затѣмъ слѣдъ его обнаружился въ Нижнемъ Городѣ, въ кривыхъ его и путаныхъ улицахъ. Сюда гость пріѣхалъ уже верхомъ на мулѣ.

Хорошо знавшій городъ гость легко разыскалъ ту улицу, которая ему была нужна. Она носила названіе Греческой, такъ какъ на ней помѣщалось нѣсколько греческихъ лавокъ, въ томъ числѣ одна, въ которой торговали коврами. Именно у этой лавки гость

остановилъ своего мула, слѣзъ и привязалъ его къ кольцу у воротъ. Лавка была уже заперта. Гость вошелъ въ калитку, находившуюся рядомъ со входомъ въ лавку, и попалъ въ квадратный небольшой дворикъ, покоемъ обставленный сараями. Повернувъ во дворъ за уголъ, гость оказался у каменной террасы жилого дома, увитой плющомъ, и осмотрѣлся. И въ домикъ и въ сараяхъ было темно, еще не зажигали огня. Гость негромко позвалъ:

— Низа!

На зовъ этотъ заскрипѣла дверь, и въ вечернемъ полумракѣ на терраскѣ появилась молодая женщина безъ покрывала. Она склонилась надъ перилами терраски, тревожно всматриваясь, желая узнать, кто пришелъ. Узнавъ пришельца, она привѣтливо заулыбалась ему, закивала головой, махнула рукой.

— Ты одна? — негромко по-гречески спросилъ Афраній.

— Одна, — шепнула женщина на терраскѣ. — Мужъ утромъ уѣхалъ въ Кесарію, — тутъ женщина оглянулась на дверь и шепотомъ добавила: — Но служанка дома. — Тутъ она сдѣлала жестъ, означающій — «входите». Афраній оглянулся и вступилъ на каменныя ступени. Послѣ этого и женщина и онъ скрылись внутри домика.

У этой женщины Афраній пробылъ совсѣмъ уже недолго — никакъ не болѣе минутъ пяти. Послѣ этого онъ покинулъ домъ и террасу, пониже опустилъ капюшонъ на глаза и вышелъ на улицу. Въ домахъ въ это время уже зажигали свѣтильники, предпраздничная толчея была все еще очень велика, и Афраній на своемъ мулѣ потерялся въ потокѣ прохожихъ и всадниковъ. Дальнѣйшій путь его никому не извѣстенъ.

Женщина же, которую Афраній назвалъ Низа, оставшись одна, начала переодѣваться, причемъ очень спѣшила. Но какъ ни трудно ей было разыскивать

нужныя ей вещи въ темной комнатѣ, свѣтильника она не зажигала и служанку не вызывала. Лишь послѣ того какъ она была уже готова и на головѣ у нея было темное покрывало, въ домикѣ слышался ея голосъ:

— Если меня кто-нибудь спросить, скажи, что я ушла въ гости къ Энантѣ.

Послышалось ворчаніе старой служанки въ темнотѣ:

— Къ Энантѣ? Охъ ужъ эта Энанта! Вѣдь запретилъ же мужъ ходить къ ней! Сводница она, твоя Энанта! Вотъ скажу мужу...

— Ну, ну, ну, замолчи, — отозвалась Низа и, какъ тѣнь, выскользнула изъ домика. Сандаліи низы простучали по каменнымъ плитамъ дворика. Служанка съ ворчаніемъ закрыла дверь на террасу. Низа покинула свой домъ.

Въ это самое время изъ другого переулка въ Нижнемъ Городѣ, переулка изломаннаго, уступами сбѣгавшаго къ одному изъ городскихъ прудовъ, изъ калитки непригляднаго дома, слѣпой своей стороною выходящаго въ переулокъ, а окнами во дворъ, вышелъ молодой, съ аккуратно подстриженной бородой человѣкъ въ бѣломъ чистомъ кефи, ниспадавшемъ на плечи, въ новомъ праздничномъ голубомъ таллифѣ съ кисточками внизу и въ новенькихъ скрипящихъ сандаляхъ. Горбоносый красавецъ, принарядившійся для великаго праздника, шелъ бодро, обгоняя прохожихъ, спѣшавшихъ домой къ праздничной трапезѣ, смотрѣлъ, какъ загоралось одно окно за другимъ. Молодой человѣкъ направлялся по дорогѣ, ведущей мимо базара ко дворцу первосвященника Каифы, расположенному у подножія храмоваго холма.

Черезъ нѣкоторое время его можно было видѣть входящимъ въ ворота двора Каифы. А черезъ нѣкоторое время еще — покидающимъ этотъ дворъ.

Послѣ посѣщенія дворца, въ которомъ уже пылали свѣтильники и факелы, въ которомъ шла праздничная суета, молодой человѣкъ пошелъ еще бодрѣе, еще радостнѣе и заспѣшилъ обратно въ Нижній Городъ. На томъ самомъ углу, гдѣ улица вливалась въ базарную площадь, въ кипѣннѣи и толчеѣ его обогнала какъ бы танцующей походкой идущая легкая женщина въ черномъ покрывалѣ, накинутомъ на самые глаза. Обгоняя молодого красавца, эта женщина на мгновение откинула покрывало повыше, метнула въ сторону молодого человѣка взглядъ, но не только не замедлила шага, а ускорила его, какъ будто бы пытаясь скрыться отъ того, кого она обогнала.

Молодой человѣкъ не только замѣтилъ эту женщину, нѣтъ, онъ узналъ ее, а узнавъ, вздрогнулъ, остановился, въ недоумѣннѣи глядя ей въ спину, и тотчасъ же пустился ее догонять. Едва не сбивъ съ ногъ какого-то прохожего съ кувшиномъ въ рукахъ, молодой человѣкъ догналъ женщину и, тяжело дыша отъ волненія, окликнулъ ее:

— Низа!

Женщина повернулась, прищурилась, причемъ на лицѣ ея выразилась холодная досада, и сухо отвѣтила по-гречески:

— Ахъ, это ты, Іуда? А я тебя не узнала сразу. Впрочемъ, это хорошо. У насъ есть примѣта, что тотъ, кого не узнаютъ, станетъ богатымъ...

Волнуясь до того, что сердце стало прыгать, какъ птица подъ чернымъ покрываломъ, Іуда спросилъ прерывающимся шепотомъ, опасаясь, чтобы не услышали прохожіе:

— Куда же ты идешь, Низа?

— А зачѣмъ тебѣ это знать? — отвѣтила Низа, замедля шагъ и надменно глядя на Іуду.

Тогда въ голосѣ Іуды слышались какіе-то дѣтскія интонаціи, онъ зашепталъ растерянно:

— Но какъ же?.. Вѣдь мы же условились. Я хотѣлъ зайти къ тебѣ. Ты сказала, что вѣсь вечеръ будешь дома...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтила Низа и капризно выставила впередъ нижнюю губу, отчего Іудѣ показалось, что ея лицо, самое красивое лицо, какое онъ когда-либо видѣлъ въ жизни, стало еще красивѣе, — мнѣ стало скучно. У васъ праздникъ, а что же прикажешь дѣлать мнѣ? Сидѣть и слушать, какъ ты вздыхаешь на террасѣ? И бояться къ тому же, что служанка расскажетъ объ этомъ мужу? Нѣтъ, нѣтъ, и я рѣшила уйти за городъ слушать соловьевъ.

— Какъ за городъ? — спросилъ растерявшійся Іуда, — одна?

— Конечно, одна, — отвѣтила Низа.

— Позволь мнѣ сопровождать тебя, — задыхаясь, попросилъ Іуда. Мысли его помутились, онъ забылъ про все на свѣтѣ и смотрѣлъ молящими глазами въ голубые, а теперь казавшіеся черными глаза Низы.

Низа ничего не отвѣтила и прибавила шагу.

— Что же ты молчишь, Низа? — жалобно спросилъ Іуда, ровняя по ней свой шагъ.

— А мнѣ не будетъ скучно съ тобой? — вдругъ спросила Низа и остановилась. Тутъ мысли Іуды совсѣмъ смѣшались.

— Ну, хорошо, — смягчилась наконецъ Низа, — пойдемъ.

— А куда, куда?

— Погоди... зайдемъ въ этотъ дворикъ и условимся, а то я боюсь, что кто-нибудь изъ знакомыхъ увидитъ меня и потомъ скажутъ, что я была съ любовникомъ на улицѣ.

И тутъ на базарѣ не стало Низы и Іуды. Они шептались въ подворотнѣ какого-то двора.

— Иди въ масличное имѣніе, — шептала Низа, натягивая покрывало на глаза и отворачиваясь онъ какого-то человѣка, который съ ведромъ входилъ въ подворотню, — въ Геесиманію, за Кедронъ, понялъ?

— Да, да, да.

— Я пойду впередъ, — продолжала Низа, — но ты не иди по моимъ пятамъ, а отдѣлись отъ меня. Я уйду впередъ... Когда перейдешь потокъ... ты знаешь, гдѣ гротъ?

— Знаю, знаю...

— Пойдешь мимо масличнаго жома вверхъ и поворачивай къ гроту. Я буду тамъ. Но только не смѣй идти сейчасъ же за мной, имѣй терпѣніе, подожди здѣсь. — И съ этими словами Низа вышла изъ подворотни, какъ будто и не говорила съ Іудой.

Іуда простоялъ нѣкоторое время одинъ, стараясь собрать разбѣгающіеся мысли. Въ числѣ ихъ была мысль о томъ, какъ онъ объяснить свое отсутствіе на праздничной трапезѣ у родныхъ. Іуда стоялъ и придумывалъ какую-то ложь, но въ волненіи ничего какъ слѣдуетъ не обдумалъ и не приготовилъ, и его ноги сами безъ его воли вынесли его изъ подворотни вонъ.

Теперь онъ измѣнилъ свой путь, онъ не стремился уже въ Нижній Городъ, а повернулся обратно къ дворцу Каифы. Теперь Іуда плохо видѣлъ окружающее. Праздникъ уже вошелъ въ городъ. Теперь вокругъ Іуды въ окнахъ не только сверкали огни, но уже слышались славословія. Послѣдніе опоздавшіе гнали осликовъ, подхлестывали ихъ, кричали на нихъ. Ноги сами несли Іуду, и онъ не замѣтилъ, какъ мимо него пролетѣли мшистыя страшныя башни Антонія, онъ не слышалъ трубнаго рева въ крѣпости, никакого вниманія не обратилъ на конный римскій патруль съ факеломъ,

залившимъ тревожнымъ свѣтомъ его путь. Пройдя башню, Іуда, повернувшись, увидѣлъ, что въ страшной высотѣ надъ храмомъ зажглись два гигантскихъ пятисвѣчія. Но и ихъ Іуда разглядѣлъ смутно, ему показалось, что надъ Ершалаимомъ засвѣтились десять невиданныхъ по размѣрамъ лампадъ, спорящихъ со свѣтомъ единственной лампы, которая все выше подымалась надъ Ершалаимомъ, — лампы луны. Теперь Іудѣ ни до чего не было дѣла, онъ стремился къ Геосиманскимъ воротамъ, онъ хотѣлъ поскорѣе покинуть городъ. По временамъ ему казалось, что впереди него, среди спинъ и лицъ прохожихъ, мелькаетъ танцующая фигурка, ведетъ его за собой. Но это былъ обманъ — Іуда понималъ, что Низа значительно обогнала его. Іуда пробѣжалъ мимо мѣняльныхъ лавокъ, попалъ наконецъ къ Геосиманскимъ воротамъ. Въ нихъ, горя отъ нетерпѣнія, онъ все-таки вынужденъ былъ задержаться. Въ городъ входили верблюды, вслѣдъ за ними вѣхалъ военный сирійскій патруль, который Іуда мысленно проклялъ...

Но все кончается. Нетерпѣливый Іуда былъ уже за городской стѣной. На лѣвой рукѣ у себя Іуда увидѣлъ маленькое кладбище, возлѣ него нѣсколько полосатыхъ шатровъ богомольцевъ. Пересекши пыльную дорогу, заливаемую луной, Іуда устремился къ Кедронскому потоку, съ тѣмъ чтобы его пересѣчь. Вода тихо журчала у Іуды подъ ногами. Перепрыгивая съ камня на камень, онъ наконецъ выбрался на противоположный геосиманскій берегъ и съ великой радостью увидѣлъ, что дорога надъ садами здѣсь пуста. Невдалекѣ уже виднѣлись полуразрушенныя ворота масличнаго имѣнія.

Послѣ душнаго города Іуду поразилъ одуряющій запахъ весенней ночи. Изъ сада черезъ ограду выливалась волна запаховъ миртовъ и акацій съ геосиманскихъ полянъ.

Ворота никто не охранялъ, никого въ нихъ не было, и черезъ нѣсколько минутъ Іуда уже бѣжалъ подъ таинственной тѣнью развѣсистыхъ громадныхъ маслинъ. Дорога вела въ гору, Іуда подымался, тяжело дыша, по временамъ попадая изъ тьмы въ узорчатые лунные ковры, напоминавшіе ему тѣ ковры, что онъ видѣлъ въ лавкѣ у ревниваго мужа Низы. Черезъ нѣкоторое время мелькнулъ на лѣвой рукѣ у Іуды, на полянѣ, масличный жомъ съ тяжелымъ каменнымъ колесомъ и груда какихъ-то бочекъ. Въ саду никого не было. Работы закончились на закатѣ. Въ саду не было ни души, и теперь надъ Іудой гремѣли и заливались хоры соловьевъ.

Цѣль Іуды была близка. Онъ зналъ, что направо въ темнотѣ сейчасъ начнетъ слышать тихій шепотъ падающей въ гротѣ воды. Такъ и случилось, онъ услышалъ его. Становилось прохладнѣе.

Тогда онъ замедлилъ шагъ и негромко крикнулъ:
— Низа!

Но вмѣсто Низы, отлѣпившись отъ толстого ствола маслины, на дорогу выпрыгнула мужская коренастая фигура, и что-то блеснуло у нея въ рукѣ и тотчасъ потухло.

Іуда шарахнулся назадъ и слабо вскрикнулъ:
— Ахъ!

Второй человѣкъ преградилъ ему путь. Первый, что былъ впереди, спросилъ Іуду:

— Сколько получилъ сейчасъ? Говори, если хочешь сохранить жизнь!

Надежда вспыхнула въ сердцѣ Іуды. Онъ отчаянно вскричалъ:

— Тридцать тетрадрахмъ! Тридцать тетрадрахмъ! Все, что получилъ, съ собою. Вотъ деньги! Берите, но отдайте жизнь!

Человѣкъ спереди мгновенно выхватилъ изъ рукъ Іуды кошель. И въ тотъ же мигъ за спиной у Іуды

взлетѣлъ ножъ, какъ молнія, и ударилъ влюбленнаго подь лопатку. Іуду швырнуло впередъ, и руки со скрюченными пальцами онъ выбросилъ въ воздухъ. Передній человекъ поймалъ Іуду на свой ножъ и по рукоятъ всадилъ его въ сердцѣ Іуды.

— Ни... за... — не своимъ, высокимъ и чистымъ молодымъ голосомъ, а голосомъ низкимъ и укоризненнымъ проговорилъ Іуда и больше не издалъ ни одного звука. Тѣло его такъ сильно ударилось объ землю, что она загудѣла.

Тогда третья фигура появилась на дорогѣ. Этотъ третій былъ въ плащѣ съ капюшномъ.

— Не медлите, — приказалъ третій. Убийцы быстро упаковали кошель вмѣстѣ съ запиской, поданной третьимъ, въ кожу и перекрестили ее веревкой. Второй засунулъ свертокъ за пазуху, и затѣмъ оба убійцы бросились съ дороги въ стороны, и тѣма ихъ съѣла между маслинами. Третій же присѣлъ на корточки возлѣ убитаго и заглянулъ ему въ лицо. Въ тѣни оно представилось смотрящему бѣлымъ, какъ мѣлъ, и какимъ-то одухотворенно красивымъ. Черезъ нѣсколько секундъ никого изъ живыхъ на дорогѣ не было. Бездыханное тѣло лежало съ раскинутыми руками. Лѣвая ступня попала въ лунное пятно, такъ что отчетливо былъ виденъ каждый ремешокъ сандалиі.

Вѣсь Геосиманскій садъ въ это время гремѣлъ соловьинымъ пѣніемъ. Куда направились двое зарѣзавшихъ Іуду, не знаетъ никто, но путь третьяго человека въ капюшонѣ извѣстенъ. Покинувъ дорожку, онъ устремился въ чащу масличныхъ деревьевъ, пробираясь къ югу. Онъ перелѣзъ черезъ ограду сада вдалекѣ отъ главныхъ воротъ, въ южномъ углу его, тамъ, гдѣ вывалились верхніе камни кладки. Вскорѣ онъ былъ на берегу Кедрона. Тогда онъ вошелъ въ воду и пробирался нѣкоторое время по водѣ, пока не увидѣлъ

вдали силуэты двух лошадей и человека возле них. Лошади также стояли в потокѣ. Вода струилась, омывая ихъ копыта. Коноводъ сѣлъ на одну изъ лошадей, человекѣ въ капюшонѣ вскочилъ на другую, и медленно они оба пошли вѣ потокѣ, и слышно было, какъ хрустѣли камни подѣ копытами лошадей. Потомъ всадники выѣхали изъ воды, выбрались на Ершалаимскій берегъ и пошли шагомъ подѣ стѣною города. Тутъ коноводъ отдѣлился, ускакалъ впередѣ и скрылся изъ глазъ, а человекѣ въ капюшонѣ остановилъ лошадь, слѣзъ съ нее на пустынной дорогѣ, снялъ свой плащъ, вывернулъ его наизнанку, вынулъ изъ-подѣ плаща плоскій шлемъ безъ оперенія, надѣлъ его. Теперь на лошадь вскочилъ человекѣ въ военной хламидѣ и съ короткимъ мечомъ на бедрѣ. Онъ тронулъ поводья, и горячая кавалерійская лошадь пошла рысью, потряхивая всадника. Теперь путь былъ недалекъ. Всадникъ подѣѣзжалъ къ южнымъ воротамъ Ершалаима.

Подѣ аркою воротъ танцевало и прыгало безпокойное пламя факеловъ. Караульные солдаты изъ второй кентуріи молніеноснаго легіона сидѣли на каменныхъ скамьяхъ, играя въ кости. Увидѣвъ вѣѣзжающаго военнаго, солдаты вскочили съ мѣстъ, военный махнулъ имъ рукой и вѣѣхалъ въ городъ.

Городъ былъ залитъ праздничными огнями. Во всѣхъ окнахъ играло пламя свѣтильниковъ, и отовсюду, сливаясь въ нестройный хоръ, звучали славословія. Изрѣдка заглядывая въ окна, выходящія на улицу, всадникъ могъ видѣть людей за праздничнымъ столомъ, на которомъ лежало мясо козленка, стояли чаши съ виномъ межъ блюдъ съ горькими травами. Насвистывая какую-то тихую пѣсенку, всадникъ неспѣшной рысью пробирался по пустыннымъ улицамъ Нижняго Города, направляясь къ Антоніевой башнѣ, изрѣдка поглядывая на нигдѣ не виданныя въ мѣрѣ пятисвѣчія, пылающія

надъ храмомъ, или на луну, которая висѣла еще выше пятисвѣчій.

Дворецъ Ирода Великаго не принималъ никакого участія въ торжествѣ пасхальной ночи. Въ подсобныхъ покояхъ дворца, обращенныхъ на югъ, гдѣ размѣстились офицеры римской когорты и легатъ легіона, свѣтились огни, тамъ чувствовалось какое-то движеніе и жизнь, передняя же часть, парадная, гдѣ былъ единственный и невольный жилецъ дворца — прокураторъ, — вся она, со своими колоннадами и золотыми статуями, какъ будто ослѣпла подъ ярчайшей луной. Тутъ, внутри дворца, господствовали мракъ и тишина. И внутрь прокураторъ, какъ и говорилъ Афранію, уйти не пожелалъ. Онъ велѣлъ постель приготовить на балконѣ, тамъ же, гдѣ обѣдалъ, а утромъ велъ допросъ. Прокураторъ легъ на приготовленное ложѣ, но сонъ не пожелалъ прійти къ нему. Оголенная луна висѣла высоко въ чистомъ небѣ, и прокураторъ не сводилъ съ нее глазъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Примѣрно въ полночь сонъ наконецъ сжалился надъ игемономъ. Судорожно зѣвнувъ, прокураторъ разстегнулъ и сбросилъ плащъ, снялъ опоясывающій рубаху ремень съ широкимъ стальнымъ ножомъ въ ножнахъ, положилъ его въ кресло у ложа, снялъ сандали и вытянулся. Банга тотчасъ поднялся къ нему на постель и легъ рядомъ, голова къ головѣ, и прокураторъ, положивъ собакѣ руку на шею, закрылъ наконецъ глаза. Только тогда заснулъ и песъ.

Ложе было въ полутьмѣ, закрываемое отъ луны колонной, но отъ ступеней крыльца тянулась къ постели лунная лента. И лишь только прокураторъ потерялъ связь съ тѣмъ, что было вокругъ него въ дѣйствительности, онъ немедленно тронулся по свѣтящейся дорогѣ и пошелъ по ней вверхъ прямо къ лунѣ. Онъ даже размѣялся во снѣ отъ счастья, до того

все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дорогѣ. Онъ шелъ въ сопровожденіи Банги, а рядомъ съ нимъ шелъ бродячій философъ. Они спорили о чемъ-то очень сложномъ и важномъ, причемъ ни одинъ изъ нихъ не могъ побѣдить другого. Они ни въ чемъ не сходились другъ съ другомъ, и отъ этого ихъ споръ былъ особенно интересенъ и нескончаемъ. Само собой разумѣется, что сегодняшняя казнь оказалась чистѣйшимъ недоразумѣніемъ — вѣдь вотъ же философъ, выдумавшій столь невѣроятно нелѣпую вещь вродѣ того, что всѣ люди добрые, шелъ рядомъ, слѣдовательно, онъ былъ живъ. И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о томъ, что такого человѣка можно казнить. Казни не было! Не было! Вотъ въ чемъ прелесть этого путешествія вверхъ по лѣстницѣ луны.

Свободнаго времени было столько, сколько надобно, а гроза будетъ только къ вечеру, и трусость, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ страшныхъ пороковъ. Такъ говорилъ Иешуа Га-Ноцри. Нѣтъ, философъ, я тебѣ возражаю: это самый страшный порокъ.

Вотъ, напримѣръ, не струсилъ же теперешній прокураторъ Іудеи, а бывший трибунъ въ легіонѣ, тогда, въ долинѣ дѣвѣ, когда яростные германцы чуть не загрызли Крисобоя-великана. Но, помилуйте меня, философъ! Неужели вы, при вашемъ умѣ, допускаете мысль, что изъ-за человѣка, совершившаго преступленіе противъ кесаря, погубить свою карьеру прокураторъ Іудеи?

— Да, да, — стоналъ и всхлипывалъ во снѣ Пилать.

Разумѣется, погубить. Утромъ бы еще не погубилъ, а теперь, ночью, взвѣсивъ все, согласенъ погубить. Онъ пойдетъ на все, чтобы спасти отъ казни

рѣшительно ни въ чемъ не виноватаго безумнаго мечтателя и врача!

— Мы теперь будемъ всегда вмѣстѣ, — говорилъ ему во снѣ оборванный философъ-бродяга, неизвѣстно какимъ образомъ вставшій на дорогѣ всадника съ золотымъ копьемъ. — Разъ одинъ — то, значить, тутъ же и другой! Помянуть меня, — сейчасъ же помянуть и тебя! Меня — подкидыша, сына неизвѣстныхъ родителей, и тебя — сына короля-звѣздочета и дочери мельника, красавицы Пилы.

— Да, ужъ ты не забудь, помяни меня, сына звѣздочета, — просилъ во снѣ Пилать. И, заручившись во снѣ кивкомъ идущаго рядомъ съ нимъ нищаго изъ Энъ-Сарида, жестокой прокураторъ Іудеи отъ радости плакалъ и смѣялся во снѣ.

Все это было хорошо, но тѣмъ ужаснѣе было пробужденіе игемона. Банга зарычалъ на луну, и скользкая, какъ бы укатанная масломъ, голубая дорога передъ прокураторомъ провалилась. Онъ открылъ глаза, и первое, что вспомнилъ, это что казнь была. Первое, что сдѣлалъ прокураторъ, это привычнымъ жестомъ вцѣпился въ ошейникъ Банги, потомъ большими глазами сталъ искать луну и увидѣлъ, что она немного отошла въ сторону и посеребрилась. Ея свѣтъ перебивалъ непріятный, безпокойный свѣтъ, играющій на балконѣ передъ самыми глазами. Въ рукахъ у кентуріона Крысобоя пылалъ и коптилъ факель. Держашій его со страхомъ и злобой косился на опаснаго звѣря, приготовившегося къ прыжку.

— Не трогать, Банга, — сказалъ прокураторъ больнымъ голосомъ и кашлянулъ. Заслонясь отъ пламени рукою, онъ продолжалъ: — И ночью, и при лунѣ мнѣ нѣтъ покоя. О, боги! У васъ тоже плохая должность, Маркъ. Солдатъ вы калѣчите...

Въ величайшемъ изумленіи Маркъ глядѣлъ на

прокуратора, и тотъ опомнился. Чтобы загладить напрасныя слова, произнесенныя со сна, прокураторъ сказалъ:

— Не обижайтесь, кентуріонъ, мое положеніе, повторяю, еще хуже. Что вамъ надо?

— Къ вамъ начальникъ тайной стражи, — спокойно сообщилъ Маркъ.

— Зовите, зовите, — прочищая горло кашлемъ, приказалъ прокураторъ и сталъ босыми ногами нашаривать сандалиі. Пламя заиграло на колоннахъ, застучали калиги кентуріона по мозаикѣ. Кентуріонъ вышелъ въ садъ.

— И при лунѣ мнѣ нѣтъ покоя, — скрипнувъ зубами, самъ себѣ сказалъ прокураторъ.

На балконѣ вмѣсто кентуріона появился человекъ въ капюшонѣ.

— Банга, не трогать, — тихо сказалъ прокураторъ и сдвинулъ затылокъ пса.

Прежде чѣмъ начать говорить, Афраній, по своему обыкновенію, оглядѣлся и ушелъ въ тѣнь и, убѣдившись, что, кромѣ Банги, лишникъ на балконѣ нѣтъ, тихо сказалъ:

— Прошу отдать меня подъ судъ, прокураторъ. Вы оказались правы. Я не сумѣлъ уберечь Іуду изъ Кириафа, его зарѣзали. Прошу судъ и отставку.

Афранію показалось, что на него глядятъ четыре глаза — собачьи и волчьи.

Афраній вынулъ изъ-подъ хламиды заскорюзлый отъ крови кошель, запечатанный двумя печатами.

— Вотъ этотъ мѣшокъ съ деньгами подбросили убійцы въ домъ первосвященника. Кровь на этомъ мѣшкѣ — кровь Іуды изъ Кириафа.

— Сколько тамъ, интересно? — спросилъ Пилать, наклоняясь къ мѣшку.

— Тридцать тетрадрахмъ. Прокураторъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Мало.

Афраній молчалъ.

— Гдѣ убитый?

— Этого я не знаю, — со спокойнымъ достоинствомъ отвѣтилъ человѣкъ, никогда не разстававшійся со своимъ капюшономъ, — сегодня утромъ начнемъ розыскъ.

Прокураторъ вздрогнулъ, оставилъ ремень сандаліи, который никакъ не застегивался.

— Но вы навѣрное знаете, что онъ убитъ?

На это прокураторъ получилъ сухой отвѣтъ:

— Я, прокураторъ, пятнадцать лѣтъ на работѣ въ Іудеѣ. Я началъ службу при Валеріи Гратѣ. Мнѣ не обязательно видѣть трупъ для того, чтобы сказать, что человѣкъ убитъ, и вотъ я вамъ докладываю, что тотъ, кого именовали Іуда изъ города Кириафа, нѣсколько часовъ тому назадъ зарѣзанъ.

— Простите меня, Афраній, — отвѣтилъ Пилать, — я еще не проснулся какъ слѣдуетъ, отчего и сказалъ это. Я сплю плохо, — прокураторъ усмѣхнулся, — и все время вижу во снѣ лунный лучъ. Такъ смѣшно, вообразите. Будто бы я гуляю по этому лучу. Итакъ, я хотѣлъ бы знать ваши предположенія по этому дѣлу. Гдѣ вы собираетесь его искать? Садитесь, начальникъ тайной службы.

Афраній поклонился, пододвинулъ кресло поближе къ кровати и сѣлъ, брякнувъ мечомъ.

— Я собираюсь искать его недалеко отъ масличнаго жема въ Гефсиманскомъ саду.

— Такъ, такъ. А почему именно тамъ?

— Игемонъ, по моимъ соображеніямъ, Іуда убитъ не въ самомъ Ершалаимѣ и не гдѣ-нибудь далеко отъ него. Онъ убитъ подъ Ершалаимомъ.

— Считаю васъ однимъ изъ выдающихся знатоковъ своего дѣла. Я не знаю, впрочемъ, какъ обстоитъ дѣло въ Римѣ, но въ колоніяхъ равнаго вамъ нѣтъ. Объясните, почему?

— Ни въ коемъ случаѣ не допускаю мысли, — говорилъ негромко Афраній, — о томъ, чтобы Іуда дался въ руки какимъ-нибудь подозрительнымъ людямъ въ чертѣ города. На улицѣ не зарѣжешь тайно. Значить, его должны были заманить куда-нибудь въ подвалъ. Но служба уже искала его въ Нижнемъ Городѣ и, несомнѣнно, нашла бы. Но его нѣтъ въ городѣ, за это вамъ ручаюсь, если бы его убили вдалекѣ отъ города, этотъ пакетъ съ деньгами не могъ бы быть подброшенъ такъ скоро. Онъ убитъ вблизи города. Его сумѣли выманить за городъ.

— Не постигаю, какимъ образомъ это можно было сдѣлать.

— Да, прокураторъ, это самый трудный вопросъ во всемъ дѣлѣ, и я даже не знаю, удастся ли мнѣ его разрѣшить.

— Дѣйствительно, загадочно! Въ праздничный вечеръ вѣрующій уходитъ неизвѣстно зачѣмъ за городъ, покинувъ пасхальную трапезу, и тамъ погибаетъ. Кто и чѣмъ могъ его выманить? Не сдѣлала ли это женщина? — вдругъ вдохновенно спросилъ прокураторъ.

Афраній отвѣчалъ спокойно и вѣско:

— Ни въ коемъ случаѣ, прокураторъ. Эта возможность совершенно исключена. Надлежитъ разсуждать логически. Кто былъ заинтересованъ въ гибели Іуды? Какіе-то бродячіе фантазеры, какой-то кружокъ, въ которомъ прежде всего не было никакихъ женщинъ. Чтобы жениться, прокураторъ, требуются деньги, чтобы произвести на свѣтъ человѣка, нужны онѣ же, но чтобы зарѣзать человѣка при помощи женщины, нужны очень большія деньги, и ни у какихъ бродягъ ихъ

нѣту. Женщины не было въ этомъ дѣлѣ, прокураторъ. Болѣе того скажу, такое толкованіе убійства можетъ только сбивать со слѣду, мѣшать слѣдствію и путать меня.

— Я вижу, что вы совершенно правы, Афраній, — говорилъ Пилать, — и я лишь позволилъ себѣ высказать свое предположеніе.

— Оно, увы, ошибочно, прокураторъ.

— Но что же, что же тогда? — воскликнулъ прокураторъ, съ жаднымъ любопытствомъ всматриваясь въ лицо Афранія.

— Я полагаю, что это все тѣ же деньги.

— Замѣчательная мысль! Но кто и за что могъ предложить ему деньги ночью за городомъ?

— О нѣтъ, прокураторъ, не такъ. У меня есть единственное предположеніе, и если оно невѣрно, то другихъ объясненій я, пожалуй, не найду, — Афраній наклонился поближе къ прокуратору и шепотомъ договорилъ: — Іуда хотѣлъ спрятать свои деньги въ укромномъ, одному ему извѣстномъ мѣстѣ.

— Очень тонкое объясненіе. Такъ, по-видимому, дѣло и обстояло. Теперь я васъ понимаю: его выманили не люди, а его собственная мысль. Да, да, это такъ.

— Такъ. Іуда былъ недоувѣрчивъ. Онъ пряталъ деньги отъ людей.

— Да, вы сказали, въ Геѳсиманіи. А почему именно тамъ вы намѣрены искать его — этого я, признаюсь, не пойму.

— О, прокураторъ, это проще всего. Никто не будетъ прятать деньги на дорогахъ, въ открытыхъ и пустыхъ мѣстахъ. Іуда не былъ ни на дорогѣ въ Хевронъ, ни на дорогѣ въ Вифанію. Онъ долженъ былъ быть въ защищенномъ, укромномъ мѣстѣ съ деревьями. Это такъ просто. А такихъ другихъ мѣстъ, кромѣ

Геосимані, подь Ершалаимомъ нѣту. Далекo онъ уйти не могъ.

— Вы совершенно убѣдили меня. Итакъ, что же дѣлать теперь?

— Я не медля начну искать убійць, которые выслѣдили Іуду за городомъ, а самъ тѣмъ временемъ, какъ я ужъ докладывалъ вамъ, пойду подь судъ.

— За что?

— Моя охрана упустила его вечеромъ на базарѣ послѣ того, какъ онъ покинулъ дворецъ Каифы. Какъ это произошло, не постигаю. Этого еще не было въ моей жизни. Онъ былъ взятъ подь наблюденіе тотчасъ же послѣ нашего разговора. Но въ районѣ базара онъ переложился куда-то, сдѣлалъ такую странную петлю, что безслѣдно ушелъ.

— Такъ. Объявляю вамъ, что я не считаю нужнымъ отдавать васъ подь судъ. Вы сдѣлали все, что могли, и никто въ мірѣ, — тутъ прокураторъ улыбнулся, — не сумѣлъ бы сдѣлать больше вашего. Взыщите съ сыщиковъ, потерявшихъ Іуду. Но и тутъ, предупреждаю васъ, я не хотѣлъ бы, чтобы взысканіе было хоть сколько-нибудь строгимъ. Въ концѣ концовъ, мы сдѣлали все для того, чтобы позаботиться объ этомъ негодяѣ! Да, забылъ васъ спросить, — прокураторъ потеръ лобъ, — какъ же они ухитрились подбросить деньги Каифѣ?

— Видите ли, прокураторъ... Это не особенно сложно. Мстители прошли въ тылу дворца Каифы, тамъ, гдѣ переулокъ господствуетъ надъ заднимъ дворомъ. Они перебросили пакетъ черезъ заборъ.

— Съ запиской?

— Да, точно такъ, какъ вы и предполагали, прокураторъ. Да, впрочемъ, — тутъ Афраній сорвалъ печать съ пакета и показалъ его внутренность Пилату.

— То, помилуйте, что вы дѣлаете, Афраній, вѣдь печати-то, навѣрное, храмовыя!

— Прокуратору не стоитъ беспокоить себя этимъ вопросомъ, — отвѣтилъ Афраній, закрывая пакетъ.

— Неужели всѣ печати есть у васъ? — разсмѣявшись, спросилъ Пилатъ.

— Иначе быть не можетъ, прокураторъ, — безъ всякаго смѣха, очень сурово отвѣтилъ Афраній.

— Воображаю, что было у Каифы!

— Да, прокураторъ, это вызвало очень большое волненіе. Меня они приглашали немедленно.

Даже въ полутъмѣ было видно, какъ сверкають глаза Пилата.

— Это интересно, интересно...

— Осмѣливаюсь возразить, прокураторъ, это не было интересно. Скучнѣйшее и утомительнѣйшее дѣло. На мой вопросъ, не выплачивались ли кому деньги во дворцѣ Каифы, мнѣ сказали категорически, что этого не было.

— Ахъ такъ? Ну, что же, не выплачивались, стало быть, не выплачивались. Тѣмъ труднѣе будетъ найти убійцъ.

— Совершенно вѣрно, прокураторъ.

— Да, Афраній, вотъ что мнѣ внезапно пришло въ голову: не покончилъ ли онъ самъ съ собой?

— О нѣтъ, прокураторъ, — даже откинувшись отъ удивленія въ креслѣ, отвѣтилъ Афраній, — простите меня, но это совершенно невѣроятно!

— Ахъ, въ этомъ городѣ все вѣроятно! Я готовъ спорить, что черезъ самое короткое время слухи объ этомъ поползутъ по всему городу.

Тутъ Афраній метнулъ въ прокуратора свой взглядъ, подумалъ и отвѣтилъ:

— Это можетъ быть, прокураторъ.

Прокураторъ, видимо, все не могъ разстаться съ этимъ вопросомъ объ убійствѣ чловѣка изъ Кириафа, хотя и такъ ужъ все было ясно, и спросилъ даже съ нѣкоторой мечтательностью:

— А я желалъ бы видѣть, какъ они убивали его.

— Убить онъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ, прокураторъ, — отвѣтилъ Афраній, съ нѣкоторой ироніей поглядывая на прокуратора.

— Откуда же вы это-то знаете?

— Благovolите обратить вниманіе на мѣшокъ, прокураторъ, — отвѣтилъ Афраній, — я вамъ ручаюсь за то, что кровь Іуды хлынула волной. Мнѣ приходилось видѣть убитыхъ, прокураторъ, на своемъ вѣку!

— Такъ что онъ, конечно, не встанетъ?

— Нѣтъ, прокураторъ, онъ встанетъ, — отвѣтилъ, улыбаясь философски, Афраній, — когда труба мессіи, котораго здѣсь ожидаютъ, прозвучитъ надъ нимъ. Но ранѣе онъ не встанетъ!

— Довольно, Афраній. Этотъ вопросъ ясенъ. Перейдемъ къ погребенію.

— Казненные погребены, прокураторъ.

— О Афраній, отдать васъ подъ судъ было бы преступленіемъ. Вы достойны высочайшей награды. Какъ было?

Афраній началъ рассказывать и рассказалъ, что въ то время, какъ онъ занимался дѣломъ Іуды, команда тайной стражи, руководимая его помощникомъ, достигла холма, когда наступилъ вечеръ. Одногo тѣла на верхушкѣ она не обнаружила. Пилать вздрогнулъ, сказалъ хрипло:

— Ахъ, какъ же я этого не предвидѣлъ!

— Не стоитъ беспокоиться, прокураторъ, — сказалъ Афраній и продолжалъ повѣствовать: — Тѣла Дисмаса и Гестаса съ выклеванными хищными птицами глазами подняли и тотчасъ же бросились на поиски

третьяго тѣла. Его обнаружили въ очень скоромъ времени. Нѣкій человѣкъ...

— Левій Матвѣй, — не вопросительно, а скорѣе утвердительно сказалъ Пилать.

— Да, прокураторъ...

Левій Матвѣй прятался въ пещерѣ на сѣверномъ склонѣ Лысаго Черепа, дожидаясь тьмы. Голое тѣло Іешуа Га-Ноцри было съ нимъ. Когда стража вошла въ пещеру съ факеломъ, Левій впалъ въ отчаяніе и злобу. Онъ кричалъ о томъ, что не совершилъ никакого преступленія и что всякій человѣкъ, согласно закону, имѣетъ право похоронить казненнаго преступника, если пожелаетъ. Левій Матвѣй говорилъ, что не хочетъ разстаться съ этимъ тѣломъ. Онъ былъ возбужденъ, выкрикивалъ что-то безсвязное, то просилъ, то угрожалъ и проклиналъ...

— Его пришлось схватить? — мрачно спросилъ Пилать.

— Нѣтъ, прокураторъ, нѣтъ, — очень успокоительно отвѣтилъ Афраній, — дерзкаго безумца удалось успокоить, объяснивъ, что тѣло будетъ погребено.

Левій, осмысливъ сказанное, утихъ, но заявилъ, что онъ никуда не уйдетъ и желаетъ участвовать въ погребеніи. Онъ сказалъ, что не уйдетъ, даже если его начнутъ убивать, и даже предлагалъ для этой цѣли хлѣбный ножъ, который былъ съ нимъ.

— Его прогнали? — сдавленнымъ голосомъ спросилъ Пилать.

— Нѣтъ, прокураторъ, нѣтъ. Мой помощникъ разрѣшилъ ему участвовать въ погребеніи.

— Кто изъ вашихъ помощниковъ руководилъ этимъ? — спросилъ Пилать.

— Толмай, — отвѣтилъ Афраній и прибавилъ въ тревогѣ: — Можетъ быть, онъ допустилъ ошибку?

— Продолжайте, — отвѣтилъ Пилать, — ошибки не было. Я вообще начинаю немного теряться, Афраній, я, по-видимому, имѣю дѣло съ человѣкомъ, который никогда не дѣлаетъ ошибокъ. Этотъ человѣкъ — вы.

Левія Матвѣя взяли въ повозку вмѣстѣ съ тѣлами казненныхъ и часа черезъ два достигли пустыннаго ущелья къ сѣверу отъ Ершалаима. Тамъ команда, работая посмѣнно, въ теченіе часа выкопала глубокую яму и въ ней похоронила всѣхъ трехъ казненныхъ.

— Обнаженными?

— Нѣтъ, прокураторъ, — команда взяла съ собой для этой цѣли хитоны. На пальцы погребаемымъ были надѣты кольца. Иешуа съ одной нарѣзкой, Дисмасу съ двумя и Гестасу съ тремя. Яма закрыта, завалена камнями. Оознавательный знакъ Толмая извѣстенъ.

— Ахъ, если бъ я могъ предвидѣть! — морщась, заговорилъ Пилать. — Вѣдь мнѣ нужно было бы повидать этого Левія Матвѣя...

— Онъ здѣсь, прокураторъ!

Пилать, широко расширивъ глаза, глядѣлъ нѣкоторое время на Афранія, а потомъ сказалъ такъ:

— Благодарю васъ за все, что сдѣлано по этому дѣлу. Прошу васъ завтра прислать ко мнѣ Толмая, объявивъ ему заранѣе, что я доволенъ имъ, а васъ, Афраній, — тутъ прокураторъ вынулъ изъ кармана пояса, лежавшаго на столѣ, перстень и подаль его начальнику тайной службы, — прошу принять это на память.

Афраній поклонился, молвивъ:

— Большая честь, прокураторъ.

— Командѣ, производившей погребеніе, прошу выдать награды. Сыщикамъ, упустившимъ Іуду,

выговоръ. А Левія Матвѣя сейчасъ ко мнѣ. Мнѣ нужны подробности по дѣлу Іешуа.

— Слушаю, прокураторъ, — отвѣтилъ Афраній и сталъ отступать и кланяться, а прокураторъ хлопнулъ въ ладоши и закричалъ:

— Ко мнѣ, сюда! Свѣтильникъ въ колоннаду!

Афраній уже уходилъ въ садъ, а за спиною Пилата въ рукахъ слугъ уже мелькали огни. Три свѣтильника на столѣ оказались передъ прокураторомъ, и лунная ночь тотчасъ отступила въ садъ, какъ будто Афраній увелъ ее съ собою. Вмѣсто Афранія на балконъ вступилъ неизвѣстный маленькій и тощій человѣкъ рядомъ съ гигантомъ кентуріономъ. Этотъ второй, поймавъ взглядъ прокуратора, тотчасъ отступилъ въ садъ и скрылся.

Прокураторъ изучалъ пришедшаго человѣка жадными и немного испуганными глазами. Такъ смотрятъ на того, о комъ слышали много, о комъ и сами думали и кто наконецъ появился.

Пришедшій человѣкъ, лѣтъ подь сорокъ, былъ черень, оборванъ, покрытъ засохшей грязью, смотрѣлъ по-волчьи, исподлобья. Словомъ, онъ былъ очень непригляденъ и скорѣе всего походилъ на городского нищаго, какихъ много толчется на террасахъ храма или на базарахъ шумнаго и грязнаго Нижняго Города.

Молчаніе продолжалось долго, и нарушено оно было страннымъ поведеніемъ приведеннаго къ Пилату. Онъ измѣнился въ лицѣ, шатнулся и, если бы не ухватился грязной рукой за край стола, упалъ бы.

— Что съ тобой? — спросилъ его Пилать.

— Ничего, — отвѣтилъ Левій Матвѣй и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто что-то проглотилъ. Тощая, голая, грязная шея его взбухла и опять опала.

— Что съ тобою, отвѣчай, — повторилъ Пилать.

— Я усталъ, — отвѣтилъ Левій и мрачно поглядѣлъ въ полъ.

— Сядь, — молвилъ Пилать и указалъ на кресло.

Левій недовѣрчиво поглядѣлъ на прокуратора, двинулся къ креслу, испуганно покосился на золотыя ручки и сѣлъ не въ кресло, а рядомъ съ нимъ, на полъ.

— Объясни, почему не сѣлъ въ кресло? — спросилъ Пилать.

— Я грязный, я его запачкаю, — сказалъ Левій, глядя въ землю.

— Сейчасъ тебѣ дадутъ поѣсть.

— Я не хочу ѣсть, — отвѣтилъ Левій.

— Зачѣмъ же лгать? — спросилъ тихо Пилать, — ты вѣдь не ѣлъ цѣлый день, а можетъ быть, и больше. Ну, хорошо, не ѣшь. Я призвалъ тебя, чтобы ты показалъ мнѣ ножъ, который былъ у тебя.

— Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда, — сказалъ Левій и добавилъ мрачно: — Вы мнѣ его верните, мнѣ его надо отдать хозяину, я его укралъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы веревки перерѣзать, — отвѣтилъ Левій.

— Маркъ! — крикнулъ прокураторъ, и кентуріонъ вступилъ подъ колонны. — Ножъ его мнѣ дайте.

Кентуріонъ вынулъ изъ одного изъ двухъ чехловъ на поясѣ грязный хлѣбный ножъ и подаль его прокуратору, а самъ удалился.

— А у кого взялъ ножъ?

— Въ хлѣбной лавкѣ у Хевронскихъ воротъ, какъ войдешь въ городъ, сейчасъ же налѣво.

Пилать поглядѣлъ на широкое лезвіе, попробовалъ пальцемъ остеръ ли ножъ зачѣмъ-то и сказалъ:

— Насчетъ ножа не безпокойся, ножъ вернуть въ лавку. А теперъ мнѣ нужно второе: покажи хартію, которую ты носишь съ собой и гдѣ записаны слова Іешуа.

Левій съ ненавистью поглядѣлъ на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно.

— Все хотите отнять? И послѣднее, что имѣю? — спросилъ онъ.

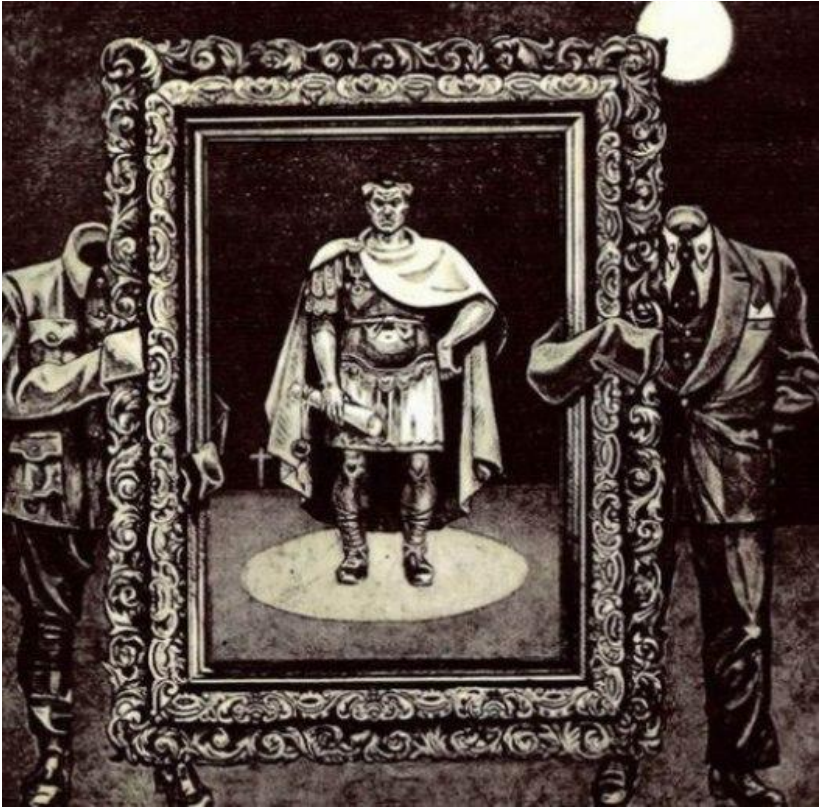
— Я не сказалъ тебѣ — отдай, — отвѣтилъ Пилатъ, — я сказалъ — покажи. Левій порылся за пазухой и вынулъ свитокъ пергамента. Пилатъ взялъ его, развернулъ, разстелилъ между огнями и, щурясь, сталъ изучать малоразборчивые чернильные знаки. Трудно было понять эти корявые строчки, и Пилатъ морщился и склонялся къ самому пергаменту, водилъ пальцемъ по строчкамъ. Ему удалось все-таки разобрать, что записанное представляетъ собой несвязную цѣпь какихъ-то изрѣченій, какихъ-то датъ, хозяйственныхъ замѣтокъ и поэтическихъ отрывковъ. Кое-что Пилатъ прочелъ: «Смерти нѣтъ... Вчера мы ѣли сладкіе весенніе баккуроты...»

Гримасничая отъ напряженія, Пилатъ щурился, читалъ: «Мы увидимъ чистую рѣку воды жизни... Человѣчество будетъ смотрѣть на солнцѣ сквозь прозрачный кристалль...»

Тутъ Пилатъ вздрогнулъ. Въ послѣднихъ строчкахъ пергамента онъ разобралъ слова: «...большаго порока... трусость».

Пилатъ свернулъ пергаментъ и рѣзкимъ движеніемъ подаль его Левію.

— Возьми, — сказалъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ: — Ты, какъ я вижу, книжный человѣкъ, и незачѣмъ тебѣ, одинокому, ходить въ нищей одеждѣ безъ пристанища. У меня въ Кесаріи есть большая

Ефименко В. Безсмертіє за трусость

бібліотека, я очень богатъ и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сытъ и одѣтъ.

Левій всталъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не хочу.

— Почему? — темнѣя лицомъ, спросилъ прокураторъ, — я тебѣ непріятенъ, ты меня боишься?

Та же плохая улыбка исказила лицо Левія, и онъ сказалъ:

— Нѣтъ, потому что ты будешь меня бояться.

Тебѣ не очень-то легко будетъ смотрѣть мнѣ въ лицо послѣ того, какъ ты его убилъ.

— Молчи, — отвѣтилъ Пилатъ, — возьми денегъ.

Левій отрицательно покачалъ головой, а прокураторъ продолжалъ:

— Ты, я знаю, считаешь себя ученикомъ Іешуа, но я тебѣ скажу, что ты не усвоилъ ничего изъ того, чему онъ тебя училъ. Ибо, если бы это было такъ, ты обязательно взялъ бы у меня что-нибудь. Имѣй въ виду, что онъ передъ смертью сказалъ, что онъ никого не винить, — Пилатъ значительно поднялъ палецъ, лицо Пилата дергалось. — И самъ онъ непремѣнно взялъ бы что-нибудь. Ты жестокъ, а тотъ жестокимъ не былъ. Куда ты пойдешь?

Левій вдругъ приблизился къ столу, уперся въ него обѣими руками и, глядя горящими глазами на прокуратора, зашепталъ ему:

— Ты, игемонъ, знай, что я въ Ершалаимѣ зарѣжу одного человѣка. Мнѣ хочется тебѣ это сказать, чтобы ты зналъ, что крови еще будетъ.

— Я тоже знаю, что она еще будетъ, — отвѣтилъ Пилатъ, — своими словами ты меня не удивилъ. Ты, конечно, хочешь зарѣзать меня?

— Тебя зарѣзать мнѣ не удастся, — отвѣтилъ Левій, оскалившись и улыбаясь, — я не такой глупый человѣкъ, чтобы на это рассчитывать, но я зарѣжу Іуду изъ Кириафа, я этому посвящу остатокъ жизни.

Тутъ наслажденіе выразилось въ глазахъ прокуратора, и онъ, поманивъ къ себѣ пальцемъ поближе Левія Матвѣя, сказалъ:

— Это тебѣ сдѣлать не удастся, ты себя не безпокой. Іуду этой ночью уже зарѣзали.

Левій отпрыгнулъ отъ стола, дико озираясь, и выкрикнулъ:

— Кто это сдѣлалъ?

— Не будь ревнивъ, — оскалясь, отвѣтилъ Пилатъ и потеръ руки, — я боюсь, что были поклонники у него и кромѣ тебя.

— Кто это сдѣлалъ? — шепотомъ повторилъ Левій.

Пилатъ отвѣтилъ ему:

— Это сдѣлалъ я.

Левій открылъ ротъ, дико поглядѣлъ на прокуратора, а тотъ сказалъ:

— Этого, конечно, маловато, сдѣланнаго, но все-таки это сдѣлалъ я. — И прибавилъ: — Ну, а теперь возьми что-нибудь?

Левій подумалъ, сталъ смягчаться и, наконецъ, сказалъ:

— Вели мнѣ дать кусочекъ чистаго пергамента.

Прошелъ часъ. Левія не было во дворцѣ. Теперь тишину разсвѣта нарушалъ только тихій шумъ шаговъ часовыхъ въ саду. Луна быстро выцвѣтала, на другомъ краю неба было видно бѣловатое пятнышко утренней звѣзды. Свѣтильники давнымъ-давно погасли. На ложѣ лежалъ прокураторъ. Подложивъ руку подъ щеку, онъ спалъ и дышалъ беззвучно. Рядомъ съ нимъ спалъ Банга.

Такъ встрѣтилъ разсвѣтъ пятнадцатаго нисана пятый прокураторъ Іудеи Понтій Пилатъ.

Конецъ квартиры № 50

Когда Маргарита дошла до послѣднихъ словъ главы «...Такъ встрѣтилъ разсвѣтъ пятнадцатаго нисана пятый прокураторъ Іудеи Понтій Пилать», — наступило утро.

Слышно было, какъ во дворикѣ въ вѣтвяхъ вѣтлы и липы вели веселый, возбужденный утренній разговоръ воробьи.

Маргарита поднялась съ кресла, потянулась и только теперь ощутила, какъ изломано ея тѣло и какъ хочетъ она спать. Интересно отмѣтить, что душа Маргариты находилась въ полномъ порядкѣ. Мысли ея не были въ разбродѣ, ее совершенно не потрясло то, что она провела ночь сверхъестественно. Ее не волновали воспоминанія о томъ, что она была на балу у сатаны, что какимъ-то чудомъ мастеръ былъ возвращенъ къ ней, что изъ пепла возникъ романъ, что опять все оказалось на своемъ мѣстѣ въ подвалѣ въ переулкѣ, откуда былъ изгнанъ ябедникъ Алоизій Могарычъ. Словомъ, знакомство съ Воландомъ не принесло ей никакого психическаго ущерба. Все было такъ, какъ будто такъ и должно быть. Она пошла въ сосѣдную комнату, убѣдилась въ томъ, что мастеръ спитъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ, погасила ненужную настольную лампу и сама протянулась подъ противоположной стѣной на диванчикѣ, покрытомъ старой разорванной простыней. Черезъ минуту она спала, и никакихъ сновъ въ то утро она не видѣла. Молчали комнаты въ подвалѣ, молчалъ вѣсь маленькій домишко застройки, и тихо было въ глухомъ переулкѣ.

Но въ это время, то есть на разсвѣтѣ субботы, не

спаль цѣлый этажъ въ одномъ изъ московскихъ учреждений, и окна въ немъ, выходящія на залитую асфальтомъ большую площадь, которую спеціальныя машины, медленно разѣзжая съ гудѣніемъ, чистили щетками, свѣтились полнымъ свѣтомъ, прорѣзавшимъ свѣтъ восходящаго солнца.

Вѣсь этажъ былъ занятъ слѣдствіемъ по дѣлу Воланда, и лампы всю ночь горѣли въ десяти кабинетахъ.

Собственно говоря, дѣло стало ясно уже со вчерашняго дня, пятницы, когда пришлось закрыть Варьете вслѣдствіе исчезновенія его администраціи и всякихъ безобразій, происшедшихъ наканунѣ во время знаменитаго сеанса черной магіи. Но дѣло въ томъ, что все время и непрерывно поступалъ въ безсонный этажъ все новый и новый матеріаль.

Теперь слѣдствію по этому странному дѣлу, отдающему совершенно явственной чертовщиной, да еще съ примѣсью какихъ-то гипнотическихъ фокусовъ и совершенно отчетливой уголовщины, надлежало всѣ разностороннія и путанныя событія, происшедшія въ разныхъ мѣстахъ Москвы, слѣпить въ единый комъ.

Первый, кому пришлось побывать въ свѣтящемся электричествомъ безсонномъ этажѣ, былъ Аркадій Аполлоновичъ Семплеяровъ, предсѣдатель акустической комиссіи.

Послѣ обѣда въ пятницу въ квартирѣ его, помѣщающейся въ домѣ у каменнаго моста, раздался звонокъ, и мужской голосъ попросилъ къ телефону Аркадія Аполлоновича. Подошедшая къ телефону супруга Аркадія Аполлоновича отвѣтила мрачно, что Аркадій Аполлоновичъ нездоровъ, легъ почивать, и подойти къ аппарату не можетъ. Однако Аркадію Аполлоновичу подойти къ аппарату все-таки пришлось. На вопросъ о томъ, откуда спрашиваютъ Аркадія

Аполлоновича, голосъ въ телефонѣ очень коротко отвѣтилъ откуда.

— Сію секунду... сейчасъ... сію минуту... — пролепетала обычно очень надменная супруга предсѣдателя акустической комиссії и какъ стрѣла полетѣла въ спальню подымать Аркадія Аполлоновича съ ложа, на которомъ тотъ лежалъ, испытывая адскія терзанія при воспоминаніи о вчерашнемъ сеансѣ и ночномъ скандалѣ, сопровождавшемъ изгнаніе изъ квартиры саратовской его племянницы.

Правда, не черезъ секунду, но даже и не черезъ минуту, а черезъ четверть минуты Аркадій Аполлоновичъ въ одной туфлѣ на лѣвой ногѣ, въ одномъ бѣлье, уже былъ у аппарата, лепеча въ него:

— Да, это я... Слушаю, слушаю...

Супруга его, на эти мгновенія забывшая всѣ омерзительныя преступленія противъ вѣрности, въ которыхъ несчастный Аркадій Аполлоновичъ былъ уличенъ, съ испуганнымъ лицомъ высовывалась въ дверь коридора, тыкала туфлей въ воздухъ и шептала:

— Туфлю надѣнь, туфлю... Ноги простудишь, — на что Аркадій Аполлоновичъ, отмахиваясь отъ жены босой ногой и дѣлая ей звѣрскіе глаза, бормоталъ въ телефонъ:

— Да, да, да, какъ же, я понимаю... Сейчасъ выѣзжаю.

Вѣсь вечеръ Аркадій Аполлоновичъ провелъ въ томъ самомъ этажѣ, гдѣ велось слѣдствіе. Разговоръ былъ тягостный, непріятнѣйшій былъ разговоръ, ибо пришлось съ совершеннѣйшей откровенностью рассказывать не только объ этомъ паскудномъ сеансѣ и дракѣ въ ложѣ, но попутно, что было дѣйствительно необходимо, и про Милицу Андреевну Покобатько съ Елоховской улицы, и про саратовскую племянницу, и про

многое еще, о чемъ рассказы приносили Аркадію Аполлоновичу невыразимыя муки.

Само собой разумѣется, что показанія Аркадія Аполлоновича, интеллигентнаго и культурнаго человѣка, бывшаго свидѣтелемъ безобразнаго сеанса, свидѣтеля толковаго и квалифицированнаго, который прекрасно описалъ и самого таинственнаго мага въ маскѣ, и двухъ его негодяевъ-помощниковъ, который прекрасно запомнилъ, что фамилія мага именно Воландъ, — значительно подвинули слѣдствіе впередъ. Сопоставленіе же показаній Аркадія Аполлоновича съ показаніями другихъ, въ числѣ которыхъ были нѣкоторыя дамы, пострадавшія послѣ сеанса (та, въ фіолетовомъ бѣльѣ, поразившая Римскаго, и, увы, многіе другіе), и курьеръ Карповъ, который былъ посылаемъ въ квартиру № 50 на Садовую улицу, — собственно, сразу установило то мѣсто, гдѣ надлежитъ искать виновника всѣхъ этихъ приключеній.

Въ квартирѣ № 50 побывали, и не разъ, и не только осматривали ее чрезвычайно тщательно, но и выстукивали стѣны въ ней, осматривали каминные дымоходы, искали тайниковъ. Однако всѣ эти мѣропріятія никакого результата не дали, и ни въ одинъ изъ пріѣздовъ въ квартиру въ ней никого обнаружить не удалось, хотя и совершенно понятно было, что въ квартирѣ кто-то есть, несмотря на то, что всѣ лица, которымъ такъ или иначе надлежало вѣдать вопросами о прибывающихъ въ Москву иностранныхъ артистахъ, рѣшительно и категорически утверждали, что никакого чернаго мага Воланда въ Москвѣ нѣтъ и быть не можетъ.

Рѣшительно нигдѣ онъ не зарегистрировался при пріѣздѣ, никому не предъявлялъ своего паспорта или иныхъ какихъ-либо бумагъ, контрактовъ и договоровъ, и никто о немъ ничего не слыхалъ!

Завѣдующій программнымъ отдѣленіемъ зрѣлищной комиссіи Китайцевъ клялся и божился, что никакой программы представленія никакого Воланда пропавшій Степа Лиходѣевъ ему на утверженіе не присылалъ и ничего о пріѣздѣ такого Воланда Китайцеву не телефонировалъ. Такъ что ему, Китайцеву, совершенно непонятно и неизвѣстно, какимъ образомъ въ Варьетѣ Степа могъ допустить подобный сеансъ. Когда же говорили, что Аркадій Аполлоновичъ своими глазами видѣлъ этого мага на сеансѣ, Китайцевъ только разводилъ руками и поднималъ глаза къ небу. И ужъ по глазамъ Китайцева можно было видѣть и смѣло сказать, что онъ чистъ, какъ хрусталь.

Тотъ самый Прохоръ Петровичъ, предсѣдатель главной зрѣлищной комиссіи...

Кстати: онъ вернулся въ свой костюмъ немедленно послѣ того, какъ милиція вошла въ его кабинетъ, къ изступленной радости Анны Ричардовны и къ великому недоумѣнію зря потревоженной милиціи. Еще кстати: вернувшись на свое мѣсто, въ свой сѣрый полосатый костюмъ, Прохоръ Петровичъ совершенно одобрилъ всѣ резолюціи, которыя костюмъ наложилъ во время его кратковременнаго отсутствія.

...такъ вотъ, тотъ самый Прохоръ Петровичъ рѣшительнѣйшимъ образомъ ничего не зналъ ни о какомъ Воландѣ.

Выходило что-то, воля ваша, несусвѣтное: тысячи зрителей, въсь составъ Варьете, наконецъ, Семплеяровъ Аркадій Аполлоновичъ, наіобразованнѣйшій человѣкъ, видѣли этого мага, равно какъ и треклятыхъ его ассистентовъ, а между тѣмъ нигдѣ его найти никакой возможности нѣту. Что же, позвольте васъ спросить: онъ провалился, что ли, сквозь землю тотчасъ послѣ своего отвратительнаго сеанса или же, какъ утверждаютъ нѣкоторые, вовсе не пріѣзжалъ

въ Москву? Но если допустить первое, то несомнѣнно, что, проваливаясь, онъ прихватилъ съ собой всю головку администраціи Варьете, а если второе, то не выходитъ ли, что сама администрація злосчастнаго театра, учинивъ предварительно какую-то пакость (вспомните только разбитое окно въ кабинетѣ и поведеніе Тузабубень!), безслѣдно скрылась изъ Москвы.

Надо отдать справедливость тому, кто возглавлялъ слѣдствіе. Пропавашаго Римскаго разыскали съ изумляющей быстротой. Стоило только сопоставить поведеніе Тузабубень у таксомоторной стоянки возлѣ кинематографа съ нѣкоторыми датами времени, вродѣ того, когда кончился сеансъ и когда именно могъ исчезнуть Римскій, чтобы немедленно дать телеграмму въ Ленинградъ. Черезъ часъ пришелъ отвѣтъ (къ вечеру пятницы), что Римскій обнаруженъ въ номерѣ четыреста двѣнадцатомъ гостиницы «Асторія», въ четвертомъ этажѣ, рядомъ съ номеромъ, гдѣ остановился завѣдующій репертуаромъ одного изъ московскихъ театровъ, гастролировавшихъ въ то время въ Ленинградѣ, въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ, какъ извѣстно, сѣро-голубая мебель съ золотомъ и прекрасное ванное отдѣленіе.

Обнаруженный прячущимся въ платяномъ шкафу четыреста двѣнадцатаго номера «Асторіи» Римскій былъ немедленно арестованъ и допрошенъ въ Ленинградѣ же. Послѣ чего въ Москву пришла телеграмма, извѣщающая о томъ, что фіндиректоръ Варьете оказался въ состояніи невмѣняемости, что на вопросы онъ путныхъ отвѣтовъ не даетъ или не желаетъ давать и проситъ только объ одномъ, чтобы его спрятали въ бронированную камеру и приставили къ нему вооруженную охрану. Изъ Москвы телеграммой было приказано Римскаго подъ охраной доставить въ Москву,

вслѣдствіе чего Римскій въ пятницу вечеромъ и выѣхалъ подъ такой охраной съ вечернимъ поѣздомъ.

Къ вечеру же пятницы нашли и слѣдъ Лиходѣева. Во всѣ города были разосланы телеграммы съ запросами о Лиходѣевѣ, и изъ Ялты былъ полученъ отвѣтъ, что Лиходѣевъ былъ въ Ялтѣ, но вылетѣлъ на аэропланѣ въ Москву.

Единственно, чей слѣдъ не удалось поймать, это слѣдъ Варенухи. Извѣстный всей рѣшительно Москвѣ знаменитый театральнй администраторъ канулъ какъ въ воду.

Тѣмъ временемъ пришлось возиться съ происшествіями и въ другихъ мѣстахъ Москвы, внѣ театра Варьете. Пришлось разяснять необыкновенный случай съ поющими «Славное море» служащими (кстати: профессору Стравинскому удалось ихъ привести въ порядокъ въ теченіе двухъ часовъ времени путемъ какихъ-то впрыскиваній подъ кожу), съ лицами, предъявлявшими другимъ лицамъ или учрежденіямъ подъ видомъ денегъ чертъ знаетъ что, а также съ лицами, пострадавшими отъ такихъ предъявленій.

Какъ само собой понятно, самымъ скандальнымъ и неразрѣшимымъ изъ всѣхъ этихъ случаевъ былъ случай похищенія головы покойнаго литератора Берлюоза прямо изъ гроба въ Грибоѣдовскомъ залѣ, произведеннаго среди бѣла дня.

Двѣнадцать человекъ осуществляли слѣдствіе, собирая, какъ на спицу, окаянные петли этого сложнаго дѣла, разбросавшіеся по всей Москвѣ.

Одинъ изъ слѣдователей прибылъ въ клинику профессора Стравинскаго и первымъ долгомъ попросилъ предъявить ему списокъ тѣхъ лицъ, которые поступили въ клинику въ теченіе послѣднихъ трехъ дней. Такимъ образомъ, были обнаружены Никаноръ Ивановичъ Босой и несчастный конферансье, которому отрывали голову.

Ими, впрочемъ, занимались мало. Теперь ужъ легко было установить, что эти двое стали жертвами одной и той же шайки, возглавляемой этимъ таинственнымъ магомъ. Но вотъ Иванъ Николаевичъ Бездомный слѣдователя заинтересовалъ чрезвычайно.

Дверь Иванушкиной комнаты № 117 отворилась подъ вечеръ пятницы, и въ комнату вошелъ молодой, круглолицый, спокойный и мягкій въ обращеніи человѣкъ, совсѣмъ непохожій на слѣдователя, и тѣмъ не менѣе одинъ изъ лучшихъ слѣдователей Москвы. Онъ увидѣлъ лежащаго на кровати, поблѣднѣвшаго и осунувшегося молодого человѣка, съ глазами, въ которыхъ читалось отсутствіе интереса къ происходящему вокругъ, съ глазами, то обращающимися куда-то вдаль, поверхъ окружающаго, то внутрь самого молодого человѣка.

Слѣдователь ласково представился и сказалъ, что зашелъ къ Ивану Николаевичу потолковать о позавчерашнихъ происшествіяхъ на Патріаршихъ прудахъ.

О, какъ торжествовалъ бы Иванъ, если бы слѣдователь явился къ нему пораньше, хотя бы, скажемъ, въ ночь на четвергъ, когда Иванъ буйно и страстно добивался того, чтобы выслушали его рассказъ о Патріаршихъ прудахъ. Теперь сбылось его мечтаніе помочь поймать консультанта, ему не нужно было ни за кѣмъ уже бѣгать, къ нему самому пришли именно затѣмъ, чтобы выслушать его повѣсть о томъ, что произошло въ среду вечеромъ.

Но, увы, Иванушка совершенно измѣнился за то время, что прошло съ момента гибели Берліоза. Онъ былъ готовъ охотно и вѣжливо отвѣчать на всѣ вопросы слѣдователя, но равнодушіе чувствовалось и во взглядѣ Ивана, и въ его интонаціяхъ. Поэта больше не трогала судьба Берліоза.

Передъ приходомъ слѣдователя Иванушка дремалъ лежа, и передъ нимъ проходили нѣкоторыя видѣнія. Такъ, онъ видѣлъ городъ странный, непонятный, несуществующій, съ глыбами мрамора, источенными колоннадами, со сверкающими на солнцѣ крышами, съ черной мрачной и безжалостной башней Антонія, со дворцомъ на западномъ холмѣ, погруженнымъ до крышъ почти въ тропическую зелень сада, съ бронзовыми, горящими въ закатѣ статуями надъ этой зеленью, онъ видѣлъ идущія подъ стѣнами древняго города римскія, закованныя въ броню, кентурии.

Въ дремотѣ передъ Иваномъ являлся неподвижный въ креслѣ человѣкъ, бритый, съ издерганнымъ желтымъ лицомъ, человѣкъ въ бѣлой мантіи съ красной подбивкой, ненавистно глядящій въ пышный и чужой садъ. Видѣлъ Иванъ и безлѣсый желтый холмъ съ опустѣвшими столбами съ перекладинами.

А происшедшее на Патріаршихъ прудахъ поэта Ивана Бездомнаго болѣе не интересовало.

— Скажите, Иванъ Николаевичъ, а вы-то сами какъ далеко были отъ турникета, когда Берліозъ свалился подъ трамвай?

Чуть замѣтная равнодушная усмѣшка почему-то тронула губы Ивана, и онъ отвѣтилъ:

— Я былъ далеко.

— А этотъ клѣтчатый былъ возлѣ самого турникета?

— Нѣтъ, онъ сидѣлъ на скамеечкѣ невдалекѣ.

— Вы хорошо помните, что онъ не подходилъ къ турникету въ тотъ моментъ, когда Берліозъ упалъ?

— Помню. Не подходилъ. Онъ развалившись сидѣлъ.

Эти вопросы были послѣдними вопросами слѣдователя. Послѣ нихъ онъ всталъ, протянулъ руку

Иванушкѣ, пожелалъ скорѣе поправиться и выразилъ надежду, что вскорости вновь будетъ читать его стихи.

— Нѣтъ, — тихо отвѣтилъ Иванъ, — я больше стиховъ писать не буду.

Слѣдователь вѣжливо усмѣхнулся, позволилъ себѣ выразить увѣренность въ томъ, что поэтъ сейчасъ въ состояніи нѣкоторой депрессіи, но что скоро это пройдетъ.

— Нѣтъ, — отозвался Иванъ, глядя не на слѣдователя, а вдаль, на гаснущій небосклонъ, — это у меня никогда не пройдетъ. Стихи, которые я писалъ, — плохіе стихи, и я теперь это понималъ.

Слѣдователь ушелъ отъ Иванушки, получивъ весьма важный матеріалъ. Идя по ниткѣ событій съ конца къ началу, наконецъ удалось добраться до того истока, отъ котораго пошли всѣ событія. Слѣдователь не сомнѣвался въ томъ, что эти событія начались съ убійства на Патріаршихъ. Конечно, ни Иванушка, ни этотъ клѣтччатый не толкали подъ трамвай несчастнаго предсѣдателя МАССОЛИТА, физически, такъ сказать, его паденію подъ колеса не способствовалъ никто. Но слѣдователь былъ увѣренъ въ томъ, что Берліозъ бросился подъ трамвай (или свалился подъ него), будучи загнипнотизированнымъ.

Да, матеріалу было уже много, и было извѣстно уже, кого и гдѣ ловить. Да дѣло-то въ томъ, что поймать-то никакимъ образомъ нельзя было. Въ трижды проклятой квартирѣ № 50, несомнѣнно, надо повторить, кто-то былъ. По временамъ эта квартира отвѣчала то трескучимъ, то гнусавымъ голосомъ на телефонные звонки, иногда въ квартирѣ открывали окно, болѣе того, изъ нее слышались звуки патефона. А между тѣмъ всякій разъ, какъ въ нее направлялись, рѣшительно никого въ ней не оказывалось. А были тамъ уже не разъ, и въ разное время сутокъ. И мало этого, по квартирѣ

проходили съ сѣтью, провѣряя всѣ углы. Квартира была давно уже подь подозрѣніемъ. Охраняли не только тотъ путь, что велъ во дворъ черезъ подворотню, но и черный ходъ; мало этого, на крышѣ у дымовыхъ трубъ была поставлена охрана. Да, квартира № 50 пошаливала, а подѣлать съ этимъ ничего нельзя было.

Такъ дѣло тянулось до полуночи съ пятницы на субботу, когда баронъ Майгель, одѣтый въ вечернее платьѣ и лакированныя туфли, торжественно прослѣдовалъ въ квартиру № 50 въ качествѣ гостя. Слышно было, какъ барона впустили въ квартиру, ровно черезъ десять минутъ послѣ этого, безъ всякихъ звонковъ, квартиру посѣтили, но не только хозяевъ въ ней не нашли, а, что было ужъ совсѣмъ диковинно, не обнаружили въ ней и признаковъ барона Майгеля.

Такъ вотъ, какъ и было сказано, дѣло тянулось такимъ образомъ до субботняго разсвѣта. Тутъ прибавились новыя и очень интересныя данныя. На московскомъ аэродромѣ совершилъ посадку шестимѣстный пассажирскій самолетъ, прилетѣвшій изъ Крыма. Среди другихъ пассажировъ изъ него высадился одинъ очень странный пассажиръ. Это былъ молодой гражданинъ, дико заросшій щетиною, дня три не мывшійся, съ воспаленными и испуганными глазами, безъ багажа и одѣтый нѣсколько причудливо. Гражданинъ былъ въ папахѣ, въ буркѣ поверхъ ночной сорочки и синихъ ночныхъ кожаныхъ новенькихъ, только что купленныхъ туфляхъ. Лишь только онъ отдѣлился отъ лѣсенки, по которой спускались изъ кабины самолета, къ нему подошли. Этого гражданина уже ждали, и черезъ нѣкоторое время незабвенный директоръ Варьете, Степанъ Богдановичъ Лиходѣевъ, предсталъ передъ слѣдствіемъ. Онъ подсыпалъ новыхъ данныхъ. Теперь стало ясно, что Воландъ проникъ въ Варьетѣ подь видомъ артиста, загипнотизировавъ Степу

Лиходѣва, а затѣмъ ухитрился выбросить этого же Степу вонъ изъ Москвы за Богъ знаетъ какое количество километровъ. Матеріалу, такимъ образомъ, прибавилось, но легче отъ этого не стало, а, пожалуй, стало даже чуть-чуть потяжелѣе, ибо очевиднымъ становилось, что овладѣть такой личностью, которая продѣлываетъ штуки вродѣ той, жертвой которой сталъ Степанъ Богдановичъ, будетъ не такъ-то легко. Между прочимъ, Лиходѣвъ, по собственной его просьбѣ, былъ заключенъ въ надежную камеру, и передъ слѣдствіемъ предсталъ Варенуха, только что арестованный на своей квартирѣ, въ которую онъ вернулся послѣ безвѣстнаго отсутствія въ теченіе почти двухъ сутокъ.

Несмотря на данное Азазелло обѣщаніе больше не лгать, администраторъ началъ именно со лжи. Хотя, впрочемъ, за это очень строго его судить нельзя. Вѣдь Азазелло запретилъ ему лгать и хамить по телефону, а въ данномъ случаѣ администраторъ разговаривалъ безъ содѣйствія этого аппарата. Блуждая глазами, Иванъ Савельевичъ заявлялъ, что днемъ въ четвергъ онъ у себя въ кабинетѣ въ Варьетѣ въ одиночку напился пьянымъ, послѣ чего куда-то пошелъ, а куда — не помнитъ, гдѣ-то еще пилъ старку, а гдѣ — не помнитъ, гдѣ-то валялся подъ заборомъ, а гдѣ — не помнитъ опять-таки. Лишь послѣ того, какъ администратору сказали, что онъ своимъ поведеніемъ, глупымъ и безразсуднымъ, мѣшаетъ слѣдствію по важному дѣлу и за это, конечно, будетъ отвѣчать, Варенуха разрыдался и зашепталъ дрожащимъ голосомъ и озираясь, что онъ вретъ исключительно изъ страха, опасаясь мести Воландовской шайки, въ рукахъ которой онъ уже побывалъ, и что онъ проситъ, молить, жаждетъ быть запертымъ въ бронированную камеру.

— Тьфу ты чертъ! Вотъ далась имъ эта бронированная камера, — проворчалъ одинъ изъ ведущихъ слѣдствіе.

— Ихъ сильно напугали эти негодяи, — сказали тотъ слѣдователь, что побывалъ у Иванушки.

Варенуху успокоили, какъ умѣли, сказали, что охранять его и безъ всякой камеры, и тутъ же выяснилось, что никакой старки онъ подъ заборомъ не пилъ, а что били его двое, одинъ клыкастый и рыжій, а другой толстякъ...

— Ахъ, похожій на кота?

— Да, да, да, — шепталъ, замирая отъ страху и ежесекундно оглядываясь, администраторъ и выкладывалъ дальнѣйшія подробности того, какъ онъ просуществовалъ около двухъ дней въ квартирѣ № 50 въ качествѣ вампира-наводчика, едва не ставшаго причиною гибели финдиректора Римскаго...

Въ это время вводили Римскаго, привезеннаго въ Ленинградскомъ поѣздѣ. Однако этотъ трясущійся отъ страху, психически разстроенный сѣдой старикъ, въ которомъ очень трудно было узнать прежняго финдиректора, ни за что не хотѣлъ говорить правду и оказался въ этомъ смыслѣ очень упоренъ. Римскій утверждалъ, что никакой Геллы въ окнѣ у себя въ кабинетѣ ночью онъ не видѣлъ, равно какъ и Варенухи, а просто ему сдѣлалось дурно и въ безпамятствѣ онъ уѣхалъ въ Ленинградъ. Нечего и говорить, что свои показанія больной финдиректоръ закончилъ просьбой о заключеніи его въ бронированную камеру.

Аннушка была арестована въ то время, когда производила попытку вручить кассиршѣ въ универмагѣ на Арбатѣ десятидолларовую бумажку. Разсказъ Аннушки о вылетающихъ изъ окна дома на Садовой людяхъ и о подковкѣ, которую Аннушка, по ея словамъ, подняла для того, чтобы предъявить въ милицію, былъ выслушанъ внимательно.

— Подковка дѣйствительно была золотая съ брилліантами? — спрашивали Аннушку.

— Мнѣ ли брилліантовъ не знать, — отвѣчала Аннушка.

— Но даль-то онъ вамъ червонцы, какъ вы говорите?

— Мнѣ ли червонцевъ не знать, — отвѣчала Аннушка.

— Ну, а когда же они въ доллары-то превратились?

— Ничего не знаю, какіе такіе доллары, и не видѣла я никакихъ долларовъ, — визгливо отвѣчала Аннушка, — мы въ своемъ правѣ! Намъ дали награду, мы на нее ситецъ покупаемъ... — и тутъ понесла околесину о томъ, что она не отвѣчаетъ за домоуправленіе, которое завело на пятомъ этажѣ нечистую силу, отъ которой житья нѣту.

Тутъ слѣдователь замахалъ на Аннушку перомъ, потому что она порядкомъ всѣмъ надоѣла, и написалъ ей пропускъ вонъ на зеленой бумажкѣ, послѣ чего, къ общему удовольствію, Аннушка исчезла изъ зданія.

Потомъ вереницей пошелъ цѣлый рядъ людей, и въ числѣ ихъ — Николай Ивановичъ, только что арестованный исключительно по глупости своей ревнивой супруги, давшей знать въ милицію подъ утро о томъ, что ея мужъ пропалъ. Николай Ивановичъ не очень удивилъ слѣдствіе, выложивъ на столъ шутовское удостовѣреніе о томъ, что онъ провелъ время на балу у сатаны. Въ своихъ разказахъ, какъ онъ возилъ по воздуху на себѣ голую домработницу Маргариты Николаевны куда-то ко всѣмъ чертямъ на рѣку купаться и о предшествующемъ этому появленіи въ окнѣ обнаженной Маргариты Николаевны, Николай Ивановичъ нѣсколько отступилъ отъ истины. Такъ, напримѣръ, онъ не счелъ нужнымъ упомянуть о томъ, что онъ явился въ спальню съ выброшенной сорочкой въ рукахъ и что называлъ Наташу Венерой. По его словамъ

выходило, что Наташа вылетѣла изъ окна, осѣдлала его и повлекла вонъ изъ Москвы...

— Повинуясь насилію, вынужденъ былъ подчиниться, — рассказывалъ Николай Ивановичъ и закончилъ свои розказни просьбой ни словомъ не сообщать объ этомъ его супругѣ. Что и было ему обѣщано.

Показаніе Николая Ивановича дало возможность установить, что Маргарита Николаевна, а равно также и ея домработница Наташа исчезли безъ всякаго слѣда. Были приняты мѣры къ тому, чтобы ихъ разыскать.

Такъ не прекращающимся ни на секунду слѣдствіемъ и ознаменовалось утро субботняго дня. Въ городѣ въ это время возникали и расплывались совершенно невозможные слухи, въ которыхъ крошечная доля правды была изукрашена пышнѣйшимъ враньемъ. Говорили о томъ, что былъ сеансъ въ Варьетѣ, послѣ коего всѣ двѣ тысячи зрителей выскочили на улицу въ чемъ мать родила, что накрыли типографію фальшивыхъ бумажекъ волшебнаго типа на Садовой улицѣ, что какая-то шайка украла пятерыхъ завѣдующихъ въ секторѣ развлеченій, но что милиція ихъ сейчасъ же всѣхъ нашла, и многое еще, чего даже повторять не хочется.

Между тѣмъ время приближалось къ обѣду, и тогда тамъ, гдѣ велось слѣдствіе, раздался телефонный звонокъ. Съ Садовой сообщали, что проклятая квартира опять подала признаки жизни въ ней. Было сказано, что въ ней открывали окна изнутри, что доносились изъ нея звуки піанино и пѣнія и что въ окнѣ видѣли сидящаго на подоконникѣ и греющагося на солнцѣ чернаго кота.

Около четырехъ часовъ жаркаго дня большая компанія мужчинъ, одѣтыхъ въ штатское, высадилась изъ трехъ машинъ, нѣсколько не доѣзжая до дома № 302-бисъ по Садовой улицѣ. Тутъ пріѣхавшая

большая группа раздѣлилась на двѣ маленькихъ, причемъ одна прошла черезъ подворотню дома и дворъ прямо въ шестое парадное, а другая открыла обычно заколоченную маленькую дверку, ведущую на черный ходъ, и обѣ стали подниматься по разнымъ лѣстницамъ къ квартирѣ № 50.

Въ это время Коровьевъ и Азazelло, причемъ Коровьевъ въ обычномъ своемъ нарядѣ, а вовсе не во ффрачномъ праздничномъ, сидѣли въ столовой квартиры, доканчивая завтракъ. Воландъ, по своему обыкновению, находился въ спальнѣ, а гдѣ былъ котъ — неизвѣстно. Но судя по грохоту кастрюль, доносившемуся изъ кухни, можно было допустить, что Бегемотъ находится именно тамъ, валяя дурака, по своему обыкновению.

— А что это за шаги такіе на лѣстницѣ? — спросилъ Коровьевъ, поигрывая ложечкой въ чашкѣ съ чернымъ кофе.

— А это насъ арестовывать идутъ, — отвѣтилъ Азazelло и выпилъ стопочку коньяку.

— А, ну-ну, — отвѣтилъ на это Коровьевъ.

Подымающіеся по парадной лѣстницѣ тѣмъ временемъ уже были на площадкѣ третьяго этажа. Тамъ двое какихъ-то водопроводчиковъ возились съ гармоникой парового отопленія. Шедшіе обмѣнялись съ водопроводчиками выразительнымъ взглядомъ.

— Всѣ дома, — шепнулъ одинъ изъ водопроводчиковъ, постукивая молоткомъ по трубѣ.

Тогда шедшій впереди откровенно вынулъ изъ-подъ пальто черный маузеръ, а другой, рядомъ съ нимъ, — отмычки. Вообще, шедшіе въ квартиру № 50 были снаряжены какъ слѣдуетъ. У двухъ изъ нихъ въ карманахъ были тонкіе, легко разворачивающіеся шелковыя сѣти. Еще у одного — арканъ, еще у одного — марлевая маска и ампулы съ хлороформомъ.

Въ одну секунду была открыта парадная дверь

въ квартиру № 50, и всѣ шедшіе оказались въ передней, а хлопнувшая въ это время въ кухнѣ дверь показала, что вторая группа съ чернаго хода подошла также своевременно.

На этотъ разъ, если и не полная, то все же какая-то удача была налицо. По всѣмъ комнатамъ мгновенно разсыпались люди и нигдѣ никого не нашли, но зато въ столовой обнаружили остатки только что, по-видимому, покинутаго завтрака, а въ гостиной на каминной полкѣ, рядомъ съ хрустальнымъ кувшиномъ, сидѣлъ громадный черный котъ. Онъ держалъ въ своихъ лапахъ примусъ.

Въ полномъ молчаніи вошедшіе въ гостиную созерцали этого кота въ теченіе довольно долгаго времени.

— М-да... дѣйствительно здорово, — шепнулъ одинъ изъ пришедшихъ.

— Не шалю, никого не трогаю, починяю примусъ, — недружелюбно насупившись, проговорилъ котъ, — и еще считаю долгомъ предупредить, что котъ древнее и неприкосновенное животное.

— Исключительно чистая работа, — шепнулъ одинъ изъ вошедшихъ, а другой сказалъ громко и отчетливо:

— Ну-съ, неприкосновенный чревовещательскій котъ, пожалуйста сюда.

Развернулась и взвилась шелковая сѣть, но бросавшій ее, къ полному удивленію всѣхъ, промахнулся и захватилъ ею только кувшинъ, который со звономъ тутъ же и разбился.

— Ремизъ, — заоралъ котъ, — ура! — и тутъ онъ, отставивъ въ сторону примусъ, выхватилъ изъ-за спины браунингъ. Онъ мигомъ навелъ его на ближайшаго къ нему стоящаго, но у того раньше, чѣмъ котъ успѣлъ выстрѣлить, въ рукѣ полыхнуло огнемъ, и

вмѣстѣ съ выстрѣломъ изъ маузера котъ шлепнулся внизъ головой съ каминной полки на полъ, уронивъ браунингъ и бросивъ примусъ.

— Все кончено, — слабымъ голосомъ сказалъ котъ и томно раскинулся въ кровавой лужѣ, — отойдите отъ меня на секунду, дайте мнѣ попрощаться съ землей. О мой другъ Азазелло! — простоналъ котъ, истекая кровью, — гдѣ ты? — котъ завелъ угасающіе глаза по направленію къ двери въ столовую, — ты не пришелъ ко мнѣ на помощь въ моментъ неравнаго боя. Ты покинулъ бѣднаго Бегемота, промѣнявъ его на стаканъ — правда, очень хорошаго — коньяку! Ну что же, пусть моя смерть ляжетъ на твою совѣсть, а я завѣщаю тебѣ мой браунингъ...

— Сѣть, сѣть, сѣть, — безпокойно зашептали вокругъ кота. Но сѣть, чертъ знаетъ почему, зацѣпилась у кого-то въ карманѣ и не полѣзла наружу.

— Единственно, что можетъ спасти смертельно раненнаго кота, — проговорилъ котъ, — это глотокъ бензина... — И, воспользовавшись замѣшательствомъ, онъ приложился къ круглому отверстию въ примусѣ и напился бензину. Тотчасъ кровь изъ-подъ верхней лѣвой лапы перестала струиться. Котъ вскочилъ живой и бодрый, ухвативъ примусъ подъ мышку, сиганулъ съ нимъ обратно на каминъ, а оттуда, раздирая обои, полѣзъ по стѣнѣ и черезъ секунды двѣ оказался высоко надъ вошедшими, сидящимъ на металлическомъ карнизѣ.

Вмигъ руки вцѣпились въ гардину и сорвали ее вмѣстѣ съ карнизомъ, отчего солнце хлынуло въ затѣненную комнату. Но ни жульнически выздоровѣвшій котъ, ни примусъ не упали внизъ. Котъ, не разставаясь съ примусомъ, ухитрился махнуть по воздуху и вскочить на люстру, висящую въ центрѣ комнаты.

— Стремянку! — крикнули снизу.

— Вызываю на дуэль! — прооралъ котъ,

пролетая надъ головами на качающейся люстрѣ, и тутъ опять въ лапахъ у него оказался браунингъ, а примусъ онъ пристроилъ между вѣтвями люстры. Котъ прицѣлился и, летая, какъ маятникъ, надъ головами пришедшихъ, открылъ по нимъ стрѣльбу. Грохотъ потрясъ квартиру. На полъ посыпались хрустальные осколки изъ люстры, треснуло звѣздами зеркало на каминѣ, полетѣла штукатурная пыль, запрыгали по полу отработанныя гильзы, полопались стекла въ окнахъ, изъ прострѣленнаго примуса начало брызгать бензиномъ. Теперь ужъ не могло идти рѣчи о томъ, чтобы взять кота живымъ, и пришедшіе мѣтко и бѣшено стрѣляли ему въ отвѣтъ изъ маузеровъ въ голову, въ животъ, въ грудь и въ спину. Стрѣльба вызвала панику на асфальтѣ во дворѣ.

Но длилась эта стрѣльба очень недолго и сама собою стала затихать. Дѣло въ томъ, что ни коту, ни пришедшимъ она не причинила никакого вреда. Никто не оказался не только убитъ, но даже раненъ; всѣ, въ томъ числѣ и котъ, остались совершенно невредимыми. Кто-то изъ пришедшихъ, чтобы это окончательно провѣрить, выпустилъ штукъ пять въ голову окаянному животному, и котъ бойко отвѣтилъ цѣлой обоймой. И то же самое — никакого впечатлѣнія ни на кого это не произвело. Котъ покачивался въ люстрѣ, размахи которой все уменьшались, дуя зачѣмъ-то въ дуло браунинга и плюя себѣ на лапу. У стоящихъ внизу въ молчаніи на лицахъ появилось выраженіе полного недоумѣнія. Это былъ единственный, или одинъ изъ единственныхъ, случай, когда стрѣльба оказалась совершенно недѣйствительной. Можно было, конечно, допустить, что браунингъ кота — какой-нибудь игрушечный, но о маузерахъ пришедшихъ этого ужъ никакъ нельзя было сказать. Первая же рана кота, въ чемъ ужъ, ясно, не было ни малѣйшаго сомнѣнія, была

не чѣмъ инымъ, какъ фокусомъ и свинскимъ притворствомъ, равно какъ и питье бензина.

Сдѣлали еще одну попытку добыть кота. Былъ брошень арканъ, онъ зацѣпился за одну изъ свѣчей, люстра сорвалась. Ударъ ея потрясъ, казалось, вѣсь корпусъ дома, но толку отъ этого не получилось. Присутствующихъ окатило осколками, а котъ перелетѣлъ по воздуху и усѣлся высоко подъ потолкомъ на верхней части золоченой рамы каминнаго зеркала. Онъ никуда не собирался удирать и даже, наоборотъ, сидя въ сравнительной безопасности, завелъ еще одну рѣчь.

— Я совершенно не понимаю, — говорилъ онъ сверху, — причинъ такого рѣзкаго обращенія со мной...

И тутъ эту рѣчь въ самомъ началѣ перебилъ неизвѣстно откуда послышавшійся тяжелый низкій голосъ:

— Что происходитъ въ квартирѣ? Мнѣ мѣшаютъ заниматься.

Другой, неприятный и, гнусавый голосъ отозвался:

— Ну, конечно, Бегемотъ, чертъ его возьми!

Третій, дребезжащій, голосъ сказалъ:

— Мессиръ! Суббота. Солнце склоняется. Намъ пора.

— Извините, не могу больше бесѣдовать, — сказалъ котъ съ зеркала, — намъ пора. — Онъ швырнулъ свой браунингъ и выбилъ оба стекла въ окнѣ. Затѣмъ онъ плеснулъ внизъ бензиномъ, и этотъ бензинъ самъ собою вспыхнулъ, выбросивъ волну пламени до самого потолка.

Загорѣлось какъ-то необыкновенно, быстро и сильно, какъ не бываетъ даже при бензинѣ. Сейчасъ же задымилась обои, загорѣлась сорванная гардина на полу и начали тлѣть рамы въ разбитыхъ окнахъ. Котъ

спружинился, мякнулъ, перемахнулъ съ зеркала на подоконникъ и скрылся за нимъ вмѣстѣ со своимъ примусомъ. Снаружи раздались выстрѣлы. Человѣкъ, сидящій на желѣзной противопожарной лѣстницѣ на уровнѣ ювелиршинныхъ оконъ, обстрѣлялъ кота, когда тотъ перелеталъ съ подоконника на подоконникъ, направляясь къ угловой водосточной трубѣ дома, построеннаго, какъ было сказано, покоемъ. По этой трубѣ котъ взобрался на крышу.

Тамъ его, къ сожалѣнiю, также безрезультатно обстрѣляла охрана, стерегущая дымовыя трубы, и котъ смылся въ заходящемъ солнцѣ, заливавшемъ городъ.

Въ квартирѣ въ это время вспыхнулъ паркетъ подъ ногами пришедшихъ, и въ огнѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ валялся съ притворной раной котъ, показался, все болѣе густѣя, трупъ бывшаго барона Майгеля съ задраннымъ кверху подбородкомъ, со стеклянными глазами. Вытащить его уже не было возможности. Прыгая по горящимъ шашкамъ паркета, хлопая ладонями по дымящимся плечамъ и груди, бывшіе въ гостиной отступали въ кабинетъ и переднюю. Тѣ, что были въ столовой и спальнѣ, выбѣжали черезъ коридоръ. Прибѣжали и тѣ, что были въ кухнѣ, бросились въ переднюю. Гостиная уже была полна огнемъ и дымомъ. Кто-то на ходу успѣлъ набрать телефонный номеръ пожарной части, коротко крикнуть въ трубку:

— Садовая, триста два-бисъ!

Больше задерживаться было нельзя. Пламя выхлестнуло въ переднюю. Дышать стало трудно.

Лишь только изъ разбитыхъ оконъ заколдованной квартиры выбило первыя струйки дыма, во дворѣ слышались отчаянные человѣческіе крики:

— Пожаръ, пожаръ, горимъ!

Въ разныхъ квартирахъ дома люди стали кричать въ телефоны:

— Садовая! Садовая, триста два-бисъ!

Въ то время, какъ на Садовой слышались пугающіе сердце колокольные удары на быстро несущихся со всѣхъ частей города красныхъ длинныхъ машинахъ, мечущіеся во дворѣ люди видѣли, какъ вмѣстѣ съ дымомъ изъ окна пятого этажа вылетѣли три темныхъ, какъ показалось, мужскихъ силуэта и одинъ силуэтъ обнаженной женщины.

Послѣднія похождения Коровьева и Бегемота

Были ли эти силуэты или они только померещились пораженнымъ страхомъ жильцамъ злосчастнаго дома на Садовой, конечно, съ точностью сказать нельзя. Если они были, куда они непосредственно отправились, также не знаетъ никто. Гдѣ они раздѣлились, мы также не можемъ сказать, но мы знаемъ, что примѣрно черезъ четверть часа послѣ начала пожара на Садовой, у зеркальныхъ дверей торгсина на Смоленскомъ рынкѣ появился длинный гражданинъ въ клѣтчатомъ костюмѣ и съ нимъ черный крупный котъ.

Ловко извиваясь среди прохожихъ, гражданинъ открылъ наружную дверь магазина. Но тутъ маленькій, костлявый и крайне недоброжелательный швейцаръ преградилъ ему путь и раздраженно сказалъ:

— Съ котами нельзя.

— Я извиняюсь, — задребезжалъ длинный и приложилъ узловатую руку къ уху, какъ тугоухій, — съ котами, вы говорите? А гдѣ же вы видите кота?

Швейцаръ выпучилъ глаза, и было отчего: никакого кота у ногъ гражданина уже не оказалось, а изъ-за плеча его вмѣсто этого уже высовывался и порывался въ магазинъ толстякъ въ рваной кепкѣ, дѣйствительно, немного смахивающій рожей на кота. Въ рукахъ у толстяка имѣлся примусъ.

Эта парочка посѣтителей почему-то не понравилась швейцару-мизантропу.

— У насъ только на валюту, — прохрипѣлъ онъ, раздраженно глядя изъ-подъ лохматыхъ, какъ бы молю изъѣденныхъ, сивыхъ бровей.

— Дорогой мой, — задребезжалъ длинный, сверкая глазомъ изъ разбитаго пенсне, — а откуда вамъ извѣстно, что у меня ее нѣтъ? Вы судите по костюму? Никогда не дѣлайте этого, драгоценнѣйшій стражъ! Вы можете ошибиться, и притомъ весьма крупно. Перечтите еще разъ хотя бы исторію знаменитаго калифа Гарунъ-аль-Рашида. Но въ данномъ случаѣ, откидывая эту исторію временно въ сторону, я хочу сказать вамъ, что я нажалуюсь на васъ завѣдующему и поразкажу ему о васъ такихъ вещей, что не пришлось бы вамъ покинуть вашъ постъ между сверкающими зеркальными дверями.

— У меня, можетъ быть, полный примусъ валюты, — запальчиво встрялъ въ разговоръ и котообразный толстякъ, такъ и прущій въ магазинъ. Сзади уже напирала и сердилась публика. Съ ненавистью и сомнѣніемъ глядя на диковинную парочку, швейцаръ посторонился, и наши знакомые, Коровьевъ и Бегемотъ, очутились въ магазинъ.

Здѣсь они первымъ долгомъ осмотрѣлись, и затѣмъ звонкимъ голосомъ, слышнымъ рѣшительно во всѣхъ углахъ, Коровьевъ объявилъ:

— Прекрасный магазинъ! Очень, очень хорошій магазинъ!

Публика отъ прилавковъ обернулась и почему-то съ изумленіемъ поглядѣла на говорившаго, хотя хвалить магазинъ у того были всѣ основанія.

Сотни штукъ ситцу богатѣйшихъ расцвѣтокъ виднѣлись въ полочныхъ клѣткахъ. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фрачныя. Въ перспективу уходили цѣлые штабеля коробокъ съ обувью, и нѣсколько гражданокъ сидѣли на низенькихъ стульчикахъ, имѣя правую ногу въ старой, потрепанной туфлѣ, а лѣвую — въ новой сверкающей лодочкѣ, которой онѣ и топали озабоченно въ коврикъ. Гдѣ-то въ глубинѣ за угломъ пѣли и играли патефоны.

Но, минуя всѣ эти прелести, Коровьевъ и Бегемотъ направились прямо къ стыку гастрономическаго и кондитерскаго отдѣленій. Здѣсь было очень просторно, гражданки въ платочкахъ и беретикахъ не напирали на прилавки, какъ въ ситцевомъ отдѣленіи.

Низенькій, совершенно квадратный человѣкъ, бритый до синевы, въ роговыхъ очкахъ, въ новенькой шляпѣ, не измятой и безъ подтековъ на лентѣ, въ сиреневомъ пальто и лайковыхъ рыжихъ перчаткахъ, стоялъ у прилавка и что-то повелительно мычалъ. Продавецъ въ чистомъ бѣломъ халатѣ и синей шапочкѣ обслуживалъ сиреневаго кліента. Острѣйшимъ ножомъ, очень похожимъ на ножъ, украденный Левіемъ Матвѣемъ, онъ снималъ съ жирной плачущей розовой лососины ея похожую на змѣиную съ серебристымъ отливомъ шкуру.

— И это отдѣленіе великолѣпно, — торжественно призналъ Коровьевъ, — и иностранецъ симпатичный, — онъ благожелательно указалъ пальцемъ на сиреневую спину.

— Нѣтъ, Фаготъ, нѣтъ, — задумчиво отвѣтилъ Бегемотъ, — ты, дружочекъ, ошибаешься. Въ лицѣ сиреневаго джентльмена чего-то не хватаетъ, по-моему.

Сиреневая спина вздрогнула, но, вѣроятно, случайно, ибо не могъ же иностранецъ понять то, что говорили по-русски Коровьевъ и его спутникъ.

— Кароши? — строго спрашивалъ сиреневый покупатель.

— Міровая, — отвѣчалъ продавецъ, кокетливо ковыряя остриемъ ножа подъ шкурой.

— Кароши люблю, плохой — нѣтъ, — сурово говорилъ иностранецъ.

— Какъ же! — восторженно отвѣчалъ продавецъ.

Тутъ наши знакомые отошли отъ иностранца съ его лососиной къ краю кондитерскаго прилавка.

— Жарко сегодня, — обратился Коровьевъ къ молоденькой, краснощекой продавщицѣ и не получилъ отъ нее никакого отвѣта на это. — Почему мандарины? — освѣдомился тогда у нее Коровьевъ.

— Тридцать копеекъ кило, — отвѣтила продавщица.

— Все кусается, — вздохнувъ, замѣтилъ Коровьевъ, — эхъ, эхъ... — Онъ немного еще подумалъ и пригласилъ своего спутника: — Кушай, Бегемотъ.

Толстякъ взялъ свой примусъ подъ мышку, овладѣлъ верхнимъ мандариномъ въ пирамидѣ и, тутъ же со шкуркой сожравши его, принялся за второй.

Продавщицу обуялъ смертельный ужасъ.

— Вы съ ума сошли! — вскричала она, теряя свой рюмянецъ, — чекъ подавайте! Чекъ! — и она уронила конфетныя щипцы.

— Душенька, милочка, красавица, — засипѣлъ Коровьевъ, переваливаясь черезъ прилавокъ и подмигивая продавщицѣ, — не при валютѣ мы сегодня... ну что ты подѣлаешь! Но, клянусь вамъ, въ слѣдующій же разъ, и ужъ никакъ не позже понедѣльника, отдадимъ все чистоганомъ. Мы здѣсь недалеко, на Садовой, гдѣ пожаръ.

Бегемотъ, проглотивъ третій мандаринъ, сунулъ лапу въ хитрое сооруженіе изъ шоколадныхъ плитокъ, выдернулъ одну нижнюю, отчего, конечно, все рухнуло, и проглотилъ ее вмѣстѣ съ золотой оберткой.

Продавцы за рыбнымъ прилавкомъ какъ окаменѣли со своими ножами въ рукахъ, сиреневый иностранецъ повернулся къ грабителямъ, и тутъ же обнаружилось, что Бегемотъ не правъ: у сиреневаго не хватало чего-то въ лицѣ, а, наоборотъ, скорѣе было лишнее — висящія щеки и бѣгающіе глаза.

Совершенно пожелтѣвъ, продавщица тоскливо прокричала на вѣсь магазинъ:

— Палосичъ! Палосичъ!

Публика изъ ситцеваго отдѣленія повалила на этотъ крикъ, а Бегемотъ отошелъ отъ кондитерскихъ соблазновъ и запустилъ лапу въ бочку съ надписью: «Сельдь керченская отборная», вытащилъ парочку селедокъ и проглотилъ ихъ, выплюнувъ хвосты.

— Палосичъ! — повторился отчаянный крикъ за прилавкомъ кондитерскаго, а за рыбнымъ прилавкомъ гаркнулъ продавецъ въ эспаньолкѣ:

— Ты что же это дѣлаешь, гадъ?!

Павель Юсифовичъ уже спѣшилъ къ мѣсту дѣйствія. Это былъ представительный мужчина въ бѣломъ чистомъ халатѣ, какъ хирургъ, и съ

карандашомъ, торчащимъ изъ кармана. Павелъ Іосифовичъ, видимо, былъ опытнымъ человѣкомъ. Увидѣвъ во рту у Бегемота хвостъ третьей селедки, онъ вмигъ оцѣнилъ положеніе, все рѣшительно понялъ и, не вступая ни въ какіе пререканія съ нахалами, махнулъ вдаль рукой, скомандовавъ:

— Свисти!

На уголъ Смоленскаго изъ зеркальныхъ дверей вылетѣлъ швейцаръ и залился зловѣщимъ свистомъ. Публика стала окружать негодяевъ, и тогда въ дѣло вступилъ Коровьевъ.

— Граждане! — вибрирующимъ тонкимъ голосомъ прокричалъ онъ, — что же это дѣлается? Ась? Позвольте васъ объ этомъ спросить! Бѣдный человѣкъ, — Коровьевъ подпустилъ дрожи въ свой голосъ и указалъ на Бегемота, немедленно скроившаго плаксивую фізіономію, — бѣдный человѣкъ цѣлый день починаетъ примуса; онъ проголодался... а откуда же ему взять валюту?

Павелъ Іосифовичъ, обычно сдержанный и спокойный, крикнулъ на это сурово:

— Ты это брось! — и махнулъ вдаль уже нетерпѣливо. Тогда трели у дверей загремѣли повеселѣе.

Но Коровьевъ, не смущаясь выступленіемъ Павла Іосифовича, продолжалъ:

— Откуда? — задаю я всѣмъ вопросъ! Онъ истомленъ голодомъ и жаждой! Ему жарко. Ну, взялъ на пробу горемыка мандаринъ. И вся-то цѣна этому мандарину три копейки. И вотъ они ужъ свистятъ, какъ соловьи весной въ лѣсу, тревожатъ милицію, отрываютъ ее отъ дѣла. А ему можно? А? — и тутъ Коровьевъ указалъ на сиреневаго толстяка, отчего у того на лицѣ выразилась сильнѣйшая тревога, — кто онъ такой? А? Откуда онъ пріѣхалъ? Зачѣмъ? Скучали мы, что ли, безъ него? Приглашали мы его, что ли? Конечно, —

саркастически кривя ротъ, во вѣсь голосъ оралъ бывшій регентъ, — онъ, видите ли, въ парадномъ сиреновомъ костюмѣ, отъ лососины вѣсь распухъ, онъ вѣсь набить валютой, а нашему-то, нашему-то?! Горько мнѣ! Горько! Горько! — завылъ Коровьевъ, какъ шаферъ на старинной свадьбѣ.

Вся эта глупѣйшая, безтактная и, вѣроятно, политически вредная вещь заставила гнѣвно содрогаться Павла Юсифовича, но, какъ это ни странно, по глазамъ столпившейся публики видно было, что въ очень многихъ людяхъ она вызвала сочувствіе! А когда Бегемотъ, приложивъ грязный продранный рукавъ къ глазу, воскликнулъ трагически:

— Спасибо, вѣрный другъ, заступился за пострадавшаго! — произошло чудо. Приличнѣйшій тихій старичокъ, одѣтый бѣдно, но чистенько, старичокъ, покупавшій три миндальныхъ пирожныхъ въ кондитерскомъ отдѣленіи, вдругъ преобразился. Глаза его сверкнули боевымъ огнемъ, онъ побагровѣлъ, швырнулъ кулечекъ съ пирожными на полъ и крикнулъ:

— Правда! — дѣтскимъ тонкимъ голосомъ. Затѣмъ онъ выхватилъ подносъ, сбросивъ съ него остатки погубленной Бегемотомъ шоколадной эйфелевой башни, взмахнулъ имъ, лѣвой рукой сорвалъ съ иностранца шляпу, а правой съ размаху ударилъ подносомъ плашмя иностранца по плѣшивой головѣ. Прокатился такой звукъ, какой бываетъ, когда съ грузовика сбрасываютъ на землю листовое желѣзо. Толстякъ, бѣлѣя, повалился навзничь и сѣлъ въ кадку съ керченской сельдью, выбивъ изъ нея фонтанъ селедочнаго разсола. Тутъ же стряслось и второе чудо. Сиреневый, провалившись въ кадку, на чистомъ русскомъ языкѣ, безъ признаковъ какого-либо акцента, вскричалъ:

— Убиваютъ! Милицію! Меня бандиты

убиваютъ! — очевидно, вслѣдствіе потрясенія, внезапно овладѣвъ до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ ему языкомъ.

Тогда прекратился свистъ швейцара, и въ толпахъ взволнованныхъ покупателей замелькали, приближаясь, два милицейскихъ шлема. Но коварный Бегемотъ, какъ изъ шайки въ банѣ окатываютъ лавку, окатилъ изъ примуса кондитерскій прилавокъ бензиномъ, и онъ вспыхнулъ самъ собой. Пламя ударило кверху и побѣжало вдоль прилавка, пожирая красивыя бумажныя ленты на корзинкахъ съ фруктами. Продавщицы съ визгомъ кинулись бѣжать изъ-за прилавка, и лишь только они выскочили изъ-за него, вспыхнули полотняныя шторы на окнахъ и на полу загорѣлся бензинъ. Публика, сразу поднявъ отчаянный крикъ, шарахнулась изъ кондитерскаго назадъ, смявъ болѣе ненужнаго Павла Іосифовича, а изъ-за рыбнаго гуськомъ со своими отточенными ножами рысью побѣжали къ дверямъ чернаго хода продавцы. Сиреневый гражданинъ, выдравшись изъ кадки, вѣсь въ селедочной жижѣ, перевалился черезъ семгу на прилавкѣ и послѣдовалъ за ними. Зазвенѣли и посыпались стекла въ выходныхъ зеркальныхъ дверяхъ, выдавленные спасающимися людьми, и оба негодяя — и Коровьевъ, и обжора Бегемотъ — куда-то дѣвались, а куда — нельзя было понять. Потомъ ужъ очевидцы, присутствующіе при началѣ пожара въ торгсинѣ на Смоленскомъ, рассказывали, что будто бы оба хулигана взлетѣли вверхъ подъ потолокъ и тамъ будто бы лопнули оба, какъ воздушные дѣтскіе шары. Это, конечно, сомнительно, чтобы дѣло было именно такъ, но чего не знаемъ, того не знаемъ.

Но знаемъ, что ровно черезъ минуту послѣ происшествія на Смоленскомъ и Бегемотъ и Коровьевъ уже оказались на тротуарѣ бульвара, какъ разъ

напротивъ дома Грибоѣдовской тетки. Коровьевъ остановился у рѣшетки и заговорилъ:

— Ба! Да вѣдь это писательскій домъ. Знаешь, Бегемотъ, я очень много хорошаго и лестнаго слышалъ про этотъ домъ. Обрати вниманіе, мой другъ, на этотъ домъ! Пріятно думать о томъ, что подъ этой крышей скрывается и вырѣвается цѣлая бездна талантовъ.

— Какъ ананасы въ оранжереяхъ, — сказалъ Бегемотъ и, чтобы получше полюбоваться на кремовый домъ съ колоннами, влѣзъ на бетонное основаніе чугунной рѣшетки.

— Совершенно вѣрно, — согласился со своимъ неразлучнымъ спутникомъ Коровьевъ, — и сладкая жуть подкатываетъ къ сердцу, когда думаешь о томъ, что въ этомъ домѣ сейчасъ поспѣваетъ будущій авторъ «Донъ Кихота», или «Фауста», или, чертъ меня побери, «Мертвыхъ душъ»! А?

— Страшно подумать, — подтвердилъ Бегемотъ.

— Да, — продолжалъ Коровьевъ, — удивительныхъ вещей можно ожидать въ парникахъ этого дома, объединившаго подъ своею кровлей нѣсколько тысячъ подвижниковъ, рѣшившихъ отдать беззавѣтно свою жизнь на служеніе Мельпоменѣ, Полигимніи и Таліи. Ты представляешь себѣ, какой поднимется шумъ, когда кто-нибудь изъ нихъ для начала преподнесетъ читающей публикѣ «Ревизора» или, на самый худой конецъ, «Евгенія Онѣгина»!

— И очень просто, — опять-таки подтвердилъ Бегемотъ.

— Да, — продолжалъ Коровьевъ и озабоченно поднялъ палецъ, — но! Но, говорю я и повторяю это — но! Если на эти нѣжныя тепличныя растенія не нападетъ какой-нибудь микроорганизмъ, не подточитъ ихъ въ корнѣ, если они не загниютъ! А это бываетъ съ ананасами! Ой-ой-ой, какъ бываетъ!

— Кстати, — освѣдомился Бегемотъ, просовывая свою круглую голову черезъ дыру въ рѣшеткѣ, — что это они дѣлаютъ на верандѣ?

— Обѣдаютъ, — объяснилъ Коровьевъ, — добавлю къ этому, дорогой мой, что здѣсь очень недурной и недорогой ресторанъ. А я, между тѣмъ, какъ и всякій туристъ передъ дальнѣйшимъ путешествіемъ, испытываю желаніе закусить и выпить большую ледяную кружку пива.

— И я тоже, — отвѣтилъ Бегемотъ, и оба негодяя зашагали по асфальтовой дорожкѣ подъ липами прямо къ верандѣ не чувшаго бѣды ресторана.

Блѣдная и скучающая гражданка въ бѣлыхъ носочкахъ и бѣломъ же беретикѣ съ хвостикомъ сидѣла на вѣнскомъ стулѣ у входа на веранду съ угла, тамъ, гдѣ въ зелени трельяжа было устроено входное отверстіе. Передъ нею на простомъ кухонномъ столѣ лежала толстая конторскаго типа книга, въ которую гражданка, неизвѣстно для какихъ причинъ, записывала входящихъ въ ресторанъ. Этой именно гражданкой и были остановлены Коровьевъ и Бегемотъ.

— Ваши удостовѣренія? — она съ удивленіемъ глядѣла на пенснѣ Коровьева, а также и на примусъ Бегемота, и на разорванный Бегемотовъ локоть.

— Приношу вамъ тысячу извиненій, какіе удостовѣренія? — спросилъ Коровьевъ, удивляясь.

— Вы — писатели? — въ свою очередь, спросила гражданка.

— Безусловно, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Коровьевъ.

— Ваши удостовѣренія? — повторила гражданка.

— Прелесть моя... — началъ нѣжно Коровьевъ.

— Я не прелесть, — перебила его гражданка.

— О, какъ это жалко, — разочарованно сказалъ

Коровьевъ и продолжалъ: — Ну, что жъ, если вамъ не угодно быть прелестью, что было бы весьма пріятно, можете не быть ею. Такъ вотъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что Достоевскій — писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостовѣреніе? Да возьмите вы любыхъ пять страницъ изъ любого его романа, и безъ всякаго удостовѣренія вы убѣдитесь, что имѣете дѣло съ писателемъ. Да я полагаю, что у него и удостовѣренія-то никакого не было! Какъ ты думаешь? — обратился Коровьевъ къ Бегемоту.

— Пари держу, что не было, — отвѣтилъ тотъ, ставя примусъ на столъ рядомъ съ книгой и вытирая потъ рукою на закопченномъ лбу.

— Вы — не Достоевскій, — сказала гражданка, сбиваемая съ толку Коровьевымъ.

— Ну, почему знать, почему знать, — отвѣтилъ тотъ.

— Достоевскій умеръ, — сказала гражданка, но какъ-то не очень увѣренно.

— Протестую, — горячо воскликнулъ Бегемотъ. — Достоевскій безсмертенъ!

— Ваши удостовѣренія, граждане, — сказала гражданка.

— Помилуйте, это, въ концѣ концовъ, смѣшно, — не сдавался Коровьевъ, — вовсе не удостовѣреніемъ опредѣляется писатель, а тѣмъ, что онъ пишетъ! Почему вы знаете, какіе замыслы роятся у меня въ головѣ? Или въ этой головѣ? — и онъ указалъ на голову Бегемота, съ которой тотъ тотчасъ снялъ кепку, какъ бы для того, чтобы гражданка могла получше осмотрѣть ее.

— Пропустите, граждане, — уже нервничая, сказала она.

Коровьевъ и Бегемотъ посторонились и пропустили какого-то писателя въ сѣромъ костюмѣ, въ лѣтней безъ галстука бѣлой рубашкѣ, воротникъ

которой широко лежалъ на воротникѣ пиджака, и съ газетой подъ мышкой. Писатель привѣтливо кивнулъ гражданкѣ, на ходу поставилъ въ подставленной ему книгѣ какую-то закорючку и прослѣдовалъ на веранду.

— Увы, не намъ, не намъ, — грустно заговорилъ Коровьевъ, — а ему достанется эта ледяная кружка пива, о которой мы, бѣдные скитальцы, такъ мечтали съ тобой, положеніе наше печально и затруднительно, и я не знаю, какъ быть.

Бегемотъ только горько развелъ руками и надѣлъ кепку на круглую голову, поросшую густымъ волосомъ, очень похожимъ на кошачью шерсть. И въ этотъ моментъ негромкій, но властный голосъ прозвучалъ надъ головой гражданки:

— Пропустите, Софья Павловна.

Гражданка съ книгой изумилась; въ зелени трельяжа возникла бѣлая фрачная грудь и клинообразная борода флибустьера. Онъ привѣтливо глядѣлъ на двухъ сомнительныхъ оборванцевъ и, даже болѣе того, дѣлалъ имъ пригласительные жесты. Авторитетъ Арчибальда Арчибальдовича былъ вещью, серьезно ощутимой въ ресторанѣ, которымъ онъ завѣдовалъ, и Софья Павловна покорно спросила у Коровьева:

— Какъ ваша фамилія?

— Панаевъ, — вѣжливо отвѣтилъ тотъ. Гражданка записала эту фамилію и подняла вопросительный взоръ на Бегемота.

— Скабичевскій, — пропищалъ тотъ, почему-то указывая на свой примусъ. Софья Павловна записала и это и пододвинула книгу посѣтителемъ, чтобы они расписались въ ней. Коровьевъ противъ Панаева написалъ «Скабичевскій», а Бегемотъ противъ Скабичевского написалъ «Панаевъ». Арчибальдъ Арчибальдовичъ, совершенно поражая Софью Павловну,

обольстительно улыбаясь, повелъ гостей къ лучшему столику въ противоположномъ концѣ веранды, туда, гдѣ лежала самая густая тѣнь, къ столику, возлѣ котораго весело играло солнце въ одномъ изъ прорѣзовъ трельяжной зелени. Софья же Павловна, моргая отъ изумленія, долго изучала странныя записи, сдѣланныя неожиданными посѣтителями въ книгѣ.

Оффиціантовъ Арчибальдъ Арчибальдовичъ удивилъ не менѣе, чѣмъ Софью Павловну. Онъ лично отодвинулъ стулъ отъ столика, приглашая Коровьева сѣсть, мигнулъ одному, что-то шепнулъ другому, и два оффиціанта засуетились возлѣ новыхъ гостей, изъ которыхъ одинъ свой примусъ поставилъ рядомъ со своимъ порыжѣвшимъ ботинкомъ на полъ. Немедленно исчезла со стола старая скатерть въ желтыхъ пятнахъ, въ воздухѣ, хрустя крахмаломъ, взметнулась бѣлѣйшая, какъ бедуинскій бурнусъ, другая, а Арчибальдъ Арчибальдовичъ уже шепталъ тихо, но очень выразительно, склоняясь къ самому уху Коровьева:

— Чѣмъ буду потчевать? Балычокъ имѣю особенный... у архитекторскаго съѣзда оторвалъ...

— Вы... э... дайте намъ вообще закусочку... э...

— благожелательно промычалъ Коровьевъ, раскидываясь на стулѣ.

— Понимаю, — закрывая глаза, многозначительно отвѣтилъ Арчибальдъ Арчибальдовичъ.

Увидѣвъ, какъ обращается съ весьма сомнительными посѣтителями шефъ ресторана, оффиціанты отбросили всякіе сомнѣнія и принялись за дѣло серьезно. Одинъ уже подносилъ спичку Бегемоту, вынувшему изъ кармана окурокъ и всунувшему его въ ротъ, другой подлетѣлъ, звеня зеленымъ стекломъ и выставляя у приборовъ рюмки, лафитники и тонкостѣнные бокалы, изъ которыхъ такъ хорошо пьется

нарзанъ подъ тентомъ... нѣтъ, забѣгая впередъ, скажемъ... пился нарзанъ подъ тентомъ незабвенной Грибоѣдовской веранды.

— Филейчикомъ изъ рябчика могу угостить, — музыкально мурлыкалъ Арчибальдъ Арчибальдовичъ. Гость въ треснувшемъ пенснѣ полностью одобрялъ предложенія командира брига и благосклонно глядѣлъ на него сквозь бесполезное стеклышко.

Обѣдающій за сосѣднимъ столикомъ беллетристъ Петраковъ-Суховѣй съ супругой, доѣдавшей свиной эскалопъ, со свойственной всѣмъ писателямъ наблюдательностью замѣтилъ ухаживанія Арчибальда Арчибальдовича и очень удивился. А супруга его, очень почтенная дама, просто даже приревновала пирата къ Коровьеву и даже ложечкой постучала... — И что жъ это, дескать, насъ задерживаютъ... пора и мороженое подавать! Въ чемъ дѣло?

Однако, пославъ Петраковой обольстительную улыбку, Арчибальдъ Арчибальдовичъ направилъ къ ней официанта, а самъ не покинулъ своихъ дорогихъ гостей. Ахъ, уменъ былъ Арчибальдъ Арчибальдовичъ! А ужъ наблюдателенъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ и сами писатели. Арчибальдъ Арчибальдовичъ зналъ и о сеансѣ въ Варьетѣ, и о многихъ другихъ происшествiяхъ этихъ дней, слышалъ, но, въ противоположность другимъ, мимо ушей не пропустилъ ни слова «клѣтчатый», ни слова «котъ». Арчибальдъ Арчибальдовичъ сразу догадался, кто его посѣтители. А догадавшись, натурально, ссориться съ ними не сталъ. А вотъ Софья Павловна хороша! Вѣдь это надо же выдумать — преграждать этимъ двумъ путь на веранду! А впрочемъ, что съ нее спрашивать.

Надменно тыча ложечкой въ раскисающее сливочное мороженое, Петракова недовольными глазами глядѣла, какъ столикъ передъ двумя одѣтыми какими-то

шутами гороховыми какъ бы по волшебству обрастаетъ яствами. До блеска вымытые салатные листья уже торчали изъ вазы со свѣжей икрой... мигъ, и появилось на специально пододвинутомъ отдѣльномъ столикѣ запотѣвшее серебряное ведерко...

Лишь убѣдившись въ томъ, что все сдѣлано по чести, лишь тогда, когда въ рукахъ официантовъ прилетѣла закрытая сковорода, въ которой что-то ворчало, Арчибальдъ Арчибальдовичъ позволилъ себѣ покинуть двухъ загадочныхъ посѣтителей, да и то предварительно шепнувъ имъ:

— Извините! На минутку! Лично приглашу за филейчиками.

Онъ отлетѣлъ отъ столика и скрылся во внутреннемъ ходѣ ресторана. Если бы какой-нибудь наблюдатель могъ прослѣдить дальнѣйшія дѣйствія Арчибальда Арчибальдовича, онъ, несомнѣнно, показали бы ему нѣсколько загадочными.

Шефъ отправился вовсе не на кухню наблюдать за филейчиками, а въ кладовую ресторана. Онъ открылъ ее своимъ ключомъ, закрылся въ ней, вынулъ изъ ларя со льдомъ осторожно, чтобы не запачкать манжетъ, два увѣсистыхъ балыка, запаковалъ ихъ въ газетную бумагу, аккуратно перевязалъ веревочкой и отложилъ въ сторону. Затѣмъ въ сосѣдней комнатѣ провѣрилъ, на мѣстѣ ли его лѣтнее пальто на шелковой подкладкѣ и шляпа, и лишь послѣ этого прослѣдовалъ въ кухню, гдѣ поваръ старательно раздѣлывалъ обѣщанные гостямъ пиратомъ филейчики.

Нужно сказать, что страннаго и загадочнаго во всѣхъ дѣйствіяхъ Арчибальда Арчибальдовича вовсе не было и странными такіе дѣйствія могъ бы счесть лишь наблюдатель поверхностный. Поступки Арчибальда Арчибальдовича совершенно логически вытекали изъ всего предыдущаго. Знаніе послѣднихъ событій, а

главнымъ образомъ — феноменальное чутье Арчибальда Арчибальдовича подсказывали шефу Грибоѣдовскаго ресторана, что обѣдъ его двухъ посѣтителей будетъ хотя и обилень и роскошень, но крайне непродолжителень. И чутье, никогда не обманывающее бывшаго флибустьера, не подвело его и на сей разъ.

Въ то время какъ Коровьевъ и Бегемотъ чокались второй рюмкой прекрасной холодной московской двойной очистки водки, появился на верандѣ потный и взволнованный хроникеръ Боба Кандалупскій, извѣстный въ Москвѣ своимъ поразительнымъ всевѣдніемъ, и сейчасъ же подсѣлъ къ Петраковымъ. Положивъ свой разбухшій портфель на столикъ, Боба немедленно всунулъ свои губы въ ухо Петракову и зашепталъ въ него какіе-то очень соблазнительныя вещи. Мадамъ Петракова, изнывая отъ любопытства, и свое ухо подставила къ пухлымъ маслянымъ губамъ Бобы, а тотъ, изрѣдка воровски оглядываясь, все шепталъ и шепталъ, и можно было слышать отдѣльныя слова, вродѣ такихъ:

— Клянусь вамъ честью! На Садовой, на Садовой, — Боба еще больше снизилъ голосъ, — не берутъ пули. Пули... пули... бензинъ, пожаръ... пули...

— Вотъ этихъ бы вруновъ, которые распространяютъ гадкіе слухи, — въ негодованіи нѣсколько громче, чѣмъ хотѣлъ бы Боба, загудѣла контральтовымъ голосомъ мадамъ Петракова, — вотъ ихъ бы слѣдовало разъяснить! Ну, ничего, такъ и будетъ, ихъ приведутъ въ порядокъ! Какіе вредныя враки!

— Какія же враки, Антонида Порфирьевна! — воскликнулъ огорченный невѣріемъ супруги писателя Боба и опять засвистѣлъ: — Говорю вамъ, пули не берутъ... А теперь пожаръ... Они по воздуху... по воздуху, — Боба шипѣлъ, не подозрѣвая того, что тѣ, о

комъ онъ рассказываетъ, сидятъ рядомъ съ нимъ, наслаждаясь его свистомъ. Впрочемъ, это наслажденіе скоро прекратилось. Изъ внутренняго хода ресторана на веранду стремительно вышли трое мужчинъ съ туго перетянутыми ремнями таліями, въ крагахъ и съ револьверами въ рукахъ. Передній крикнулъ звонко и страшно:

— Ни съ мѣста! — и тотчасъ всѣ трое открыли стрѣльбу на верандѣ, цѣлясь въ голову Коровьеву и Бегемоту. Оба обстрѣливаемые сейчасъ же растаяли въ воздухѣ, а изъ примуса ударилъ столбъ огня прямо въ тентъ. Какъ бы зіяющая пасть съ черными краями появилась въ тентѣ и стала расплзаться во всѣ стороны. Огонь, проскочивъ сквозь нее, поднялся до самой крыши Грибоѣдовскаго дома. Лежащія на окнѣ второго этажа папки съ бумагами въ комнатѣ редакціи вдругъ вспыхнули, а за ними схватило штору, и тутъ огонь, гудя, какъ будто кто-то его раздувалъ, столбами пошелъ внутрь теткинаго дома.

Черезъ нѣсколько секундъ по асфальтовымъ дорожкамъ, ведущимъ къ чугунной рѣшеткѣ бульвара, откуда въ среду вечеромъ пришелъ не понятый никѣмъ первый вѣстникъ несчастья Иванушка, теперь бѣжали недообѣдавшіе писатели, оффиціанты, Софья Павловна, Боба, Петракова, Петраковъ.

Заблаговременно вышедшій черезъ боковой ходъ, никуда не убѣгая и никуда не спѣша, какъ капитанъ, который обязанъ покинуть горящій бригъ послѣднимъ, стоялъ спокойный Арчибальдъ Арчибальдовичъ въ лѣтнемъ пальто на шелковой подкладкѣ, съ двумя балыковыми бревнами подъ мышкой.

Судьба мастера и Маргариты определена

На закатѣ солнца высоко надъ городомъ на каменной террасѣ одного изъ самыхъ красивыхъ зданій въ Москвѣ, зданія, построеннаго около полтора ста лѣтъ назадъ, находились двое: Воландъ и Азazelло. Они не были видны снизу, съ улицы, такъ какъ ихъ закрывала отъ ненужныхъ взоровъ балюстрада съ гипсовыми вазами и гипсовыми цвѣтами. Но имъ городъ былъ виденъ почти до самыхъ краевъ.

Воландъ сидѣлъ на складномъ табуретѣ, одѣтый въ черную свою сутану. Его длинная широкая шпага была воткнута между двумя расщепившимися плитами террасы вертикально, такъ что получились солнечныя часы. Тѣнь шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая къ чернымъ туфлямъ на ногахъ сатаны. Положивъ острый подбородокъ на кулакъ, скорчившись на табуретѣ и поджавъ одну ногу подъ себя, Воландъ не отрываясь смотрѣлъ на необъятное сборищѣ дворцовъ, гигантскихъ домовъ и маленькихъ, обреченныхъ на сломъ лачугъ. Азazelло, разставшись со своимъ современнымъ нарядомъ, то есть пиджакомъ, котелкомъ, лакированными туфлями, одѣтый, какъ и Воландъ, въ черное, неподвижно стоялъ невдалекѣ отъ своего повелителя, такъ же какъ и онъ не спуская глазъ съ города.

Воландъ заговорилъ:

— Какой интересный городъ, не правда ли?

Азazelло шевельнулся и отвѣтилъ почтительно:

— Мессиръ, мнѣ больше нравится Римъ!

— Да, это дѣло вкуса, — отвѣтилъ Воландъ.

Черезъ нѣкоторое время опять раздался его голосъ:

— А отчего этотъ дымъ тамъ, на бульварѣ?

— Это горитъ Грибоѣдовъ, — отвѣтилъ Азazelло.

— Надо полагать, что это неразлучная парочка, Коровьевъ и Бегемотъ, побывала тамъ?

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, мессиръ.

Опять наступило молчаніе, и оба находящихся на террасѣ глядѣли, какъ въ окнахъ, повернутыхъ на западъ, въ верхнихъ этажахъ громадъ зажигалось изломанное ослѣпительное солнце. Глазъ Воланда горѣлъ такъ же, какъ одно изъ такихъ оконъ, хотя Воландъ былъ спиною къ закату.

Но тутъ что-то заставило Воланда отвернуться отъ города и обратить свое вниманіе на круглую башню, которая была у него за спиною на крышѣ. Изъ стѣны ея вышелъ оборванный, выпачканный въ глинѣ мрачный человѣкъ въ хитонѣ, въ самодѣльныхъ сандаляхъ, чернобородый.

— Ба! — воскликнулъ Воландъ, съ насмѣшкой глядя на вошедшаго, — менѣе всего можно было ожидать тебя здѣсь! Ты съ чѣмъ пожаловалъ, незванный, но предвидѣнный гость?

— Я къ тебѣ, духъ зла и повелитель тѣней, — отвѣтилъ вошедшій, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

— Если ты ко мнѣ, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщикъ податей? — заговорилъ Воландъ сурово.

— Потому что я не хочу, чтобы ты здравствовалъ, — отвѣтилъ дерзко вошедшій.

— Но тебѣ придется примириться съ этимъ, — возразилъ Воландъ, и усмѣшка искривила его ротъ, — не успѣлъ ты появиться на крышѣ, какъ уже сразу

отвѣсилъ нелѣпость, и я тебѣ скажу, въ чемъ она, — въ твоихъ интонаціяхъ. Ты произнесъ свои слова такъ, какъ будто ты не признаешь тѣней, а также и зла. Не будешь ли ты такъ добръ подумать надъ вопросомъ: что бы дѣлало твое добро, если бы не существовало зла, и какъ бы выглядѣла земля, если бы съ нее исчезли тѣни? Вѣдь тѣни получаютъ отъ предметовъ и людей. Вотъ тѣнь отъ моей шпаги. Но бываютъ тѣни отъ деревьевъ и отъ живыхъ существъ. Не хочешь ли ты ободрать вѣсь земной шаръ, снеся съ него прочь всѣ деревья и все живое изъ-за твоей фантазіи наслаждаться голымъ свѣтомъ? Ты глупъ.

— Я не буду съ тобой спорить, старый софистъ, — отвѣтилъ Левій Матвѣй.

— Ты и не можешь со мной спорить, по той причинѣ, о которой я уже упомянулъ, — ты глупъ, — отвѣтилъ Воландъ и спросилъ: — Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачѣмъ появился?

— Онъ прислалъ меня.

— Что же онъ велѣлъ передать тебѣ, рабъ?

— Я не рабъ, — все болѣе озлобляясь, отвѣтилъ Левій Матвѣй, — я его ученикъ.

— Мы говоримъ съ тобой на разныхъ языкахъ, какъ всегда, — отозвался Воландъ, — но вещи, о которыхъ мы говоримъ, отъ этого не мѣняются. Итакъ...

— Онъ прочиталъ сочиненіе мастера, — заговорилъ Левій Матвѣй, — и проситъ тебя, чтобы ты взялъ съ собою мастера и наградилъ его покоемъ. Неужели это трудно тебѣ сдѣлать, духъ зла?

— Мнѣ ничего не трудно сдѣлать, — отвѣтилъ Воландъ, — и тебѣ это хорошо извѣстно. — Онъ помолчалъ и добавилъ: — А что же вы не берете его къ себѣ, въ свѣтъ?

— Онъ не заслужилъ свѣта, онъ заслужилъ покой, — печальнымъ голосомъ проговорилъ Левій.

— Передай, что будетъ сдѣлано, — отвѣтили Воландъ и прибавилъ, причемъ глазъ его вспыхнулъ: — И покинь меня немедленно.

— Онъ просить, чтобы ту, которая любила и страдала изъ-за него, вы взяли бы тоже, — въ первый разъ моляще обратился Левій къ Воланду.

— Безъ тебя бы мы никакъ не догадались объ этомъ. Уходи.

Левій Матвѣй послѣ этого исчезъ, а Воландъ подозвалъ къ себѣ Азазелло и приказалъ ему:

— Лети къ нимъ и все устрой.

Азазелло покинулъ террасу, и Воландъ остался одинъ. Но одиночество его не было продолжительнымъ. Послышался на плитахъ террасы стукъ шаговъ и оживленные голоса, и передъ Воландомъ предстали Коровьевъ и Бегемотъ. Но теперь примуса при толстякѣхъ не было, а нагруженъ онъ былъ другими предметами. Такъ, подъ мышкой у него находился небольшой ландшафтикъ въ золотой рамѣ, черезъ руку былъ перекинутъ поварской, наполовину обгорѣвшій халатъ, а въ другой рукѣ онъ держалъ цѣльную семгу въ шкурѣ и съ хвостомъ. Отъ Коровьева и Бегемота несло гарью, рожа Бегемота была въ сажѣ, а кепка наполовину обгорѣла.

— Салютъ, мессиръ, — прокричала неугомонная парочка, и Бегемотъ замахалъ семгой.

— Очень хороши, — сказалъ Воландъ.

— Мессиръ, вообразите, — закричалъ возбужденно и радостно Бегемотъ, — меня за мародера приняли!

— Судя по принесеннымъ тобою предметамъ, — отвѣтилъ Воландъ, поглядывая на ландшафтикъ, — ты и есть мародеръ.

— Вѣрите ли, мессиръ... — задушевымъ голосомъ началъ Бегемотъ.

— Нѣтъ, не вѣрю, — коротко отвѣтилъ Воландъ.

— Мессиръ, клянусь, я дѣлалъ героическія попытки спасти все, что было можно, и вотъ все, что удалось отстоять.

— Ты лучше скажи, отчего Грибоѣдовъ загорѣлся? — спросилъ Воландъ.

Оба, и Коровьевъ и Бегемотъ, развели руками, подняли глаза къ небу, а Бегемотъ вскричалъ:

— Не постигаю! Сидѣли мирно, совершенно тихо, закусывали...

— И вдругъ — трахъ, трахъ! — подхватилъ Коровьевъ, — выстрѣлы! Обезумѣвъ отъ страха, мы съ Бегемотомъ кинулись бѣжать на бульваръ, преслѣдователи за нами, мы кинулись къ Тимирязеву!

— Но чувство долга, — вступилъ Бегемотъ, — побороло нашъ постыдный страхъ, и мы вернулись!

— Ахъ, вы вернулись? — сказала Воландъ, — ну, конечно, тогда зданіе сгорѣло дотла.

— Дотла! — горестно подтвердилъ Коровьевъ, — то есть буквально, мессиръ, дотла, какъ вы изволили мѣтко выразиться. Однѣ головешки!

— Я устремился, — рассказывалъ Бегемотъ, — въ залъ засѣданій, — это который съ колоннами, мессиръ, — рассчитывая вытащить что-нибудь цѣнное. Ахъ, мессиръ, моя жена, если бъ только она у меня была, двадцать разъ рисковала остаться вдовой! Но, къ счастью, мессиръ, я не женатъ, и скажу вамъ прямо — счастливъ, что не женатъ. Ахъ, мессиръ, можно ли промѣнять холостую свободу на тягостное ярмо!

— Опять началась какая-то чушь, — замѣтилъ Воландъ.

— Слушаю и продолжаю, — отвѣтилъ котъ, — да-съ, вотъ ландшафтикъ. Болѣе ничего невозможно было унести изъ зала, пламя ударило мнѣ въ лицо. Я побѣжалъ въ кладовку, спасъ семгу. Я побѣжалъ въ

кухню, спасъ халатъ. Я считаю, мессиръ, что я сдѣлалъ все, что могъ, и не понимаю, чѣмъ объясняется скептическое выраженіе на вашемъ лицѣ.

— А что дѣлалъ Коровьевъ въ то время, когда ты мародерствовалъ? — спросилъ Воландъ.

— Я помогалъ пожарнымъ, мессиръ, — отвѣтилъ Коровьевъ, указывая на разорванныя брюки.

— Ахъ, если такъ, то, конечно, придется строить новое зданіе.

— Оно будетъ построено, мессиръ, — отозвался Коровьевъ, — смѣю увѣрить васъ въ этомъ.

— Ну, что жъ, остается пожелать, чтобы оно было лучше прежняго, — замѣтилъ Воландъ.

— Такъ и будетъ, мессиръ, — сказалъ Коровьевъ.

— Ужъ вы мнѣ вѣрьте, — добавилъ котъ, — я форменный пророкъ.

— Во всякомъ случаѣ, мы явились, мессиръ, — докладывалъ Коровьевъ, — и ждемъ вашихъ распоряженій.

Воландъ поднялся съ своего табурета, подошелъ къ балюстрадѣ и долго, молча, одинъ, повернувшись спиной къ своей свитѣ, глядѣлъ вдаль. Потомъ онъ отошелъ отъ края, опять опустился на свой табуретъ и сказалъ:

— Распоряженій никакихъ не будетъ — вы исполнили все, что могли, и болѣе въ вашихъ услугахъ я пока не нуждаюсь. Можете отдыхать. Сейчасъ придетъ гроза, послѣдняя гроза, она довершитъ все, что нужно довершить, и мы тронемся въ путь.

— Очень хорошо, мессиръ, — отвѣтили оба гаера и скрылись гдѣ-то за круглой центральной башней, расположенной въ серединѣ террасы.

Гроза, о которой говорилъ Воландъ, уже скоплялась на горизонтѣ. Черная туча поднялась на

западѣ и до половины отрѣзала солнце. Потомъ она накрыла его цѣликомъ. На террасѣ посвѣжѣло. Еще черезъ нѣкоторое время стало темно.

Эта тьма, пришедшая съ запада, накрыла громадный городъ. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, какъ будто этого никогда не было на свѣтѣ. Черезъ все небо пробѣжала одна огненная нитка. Потомъ городъ потрясъ ударъ. Онъ повторился, и началась гроза. Воландъ пересталъ быть видимъ во мглѣ.

Пора! Пора!

— Ты знаешь, — говорила Маргарита, — какъ разъ когда ты заснулъ вчера ночью, я читала про тьму, которая пришла со средиземнаго моря... И эти идолы, ахъ, золотые идолы. Они почему-то мнѣ все время не даютъ покоя. Мнѣ кажется, что сейчасъ будетъ дождь. Ты чувствуешь, какъ свѣжѣетъ?

— Все это хорошо и мило, — отвѣчалъ мастеръ, куря и разбивая рукой дымъ, — и эти идолы, богъ съ ними, но что дальше получится, ужъ рѣшительно непонятно!

Разговоръ этотъ шелъ на закатѣ солнца, какъ разъ тогда, когда къ Воланду явился Левій Матвѣй на террасѣ. Окошко подвала было открыто, и если бы кто-нибудь заглянулъ въ него, онъ удивился бы тому, насколько странно выглядятъ разговаривающіе. На Маргаритѣ прямо на голое тѣло былъ накинутъ черный плащъ, а мастеръ былъ въ своемъ больничномъ бѣлье. Происходило это оттого, что Маргаритѣ рѣшительно нечего было надѣть, такъ какъ всѣ ея вещи остались въ особнякѣ, и хоть этотъ особнякъ былъ очень недалеко, конечно, нечего было и толковать о томъ, чтобы пойти туда и взять тамъ свои вещи. А мастеръ, у котораго всѣ костюмы нашли въ шкафу, какъ будто мастеръ никуда и не уѣзжалъ, просто не желалъ одѣваться, развивая передъ Маргаритой ту мысль, что вотъ-вотъ начнется какая-то совершеннѣйшая чепуха. Правда, онъ былъ выбрить впервые, считая съ той осенней ночи (въ клиникѣ бородку ему подстригали машинкой).

Комната также имѣла очень странный видъ, и что-нибудь понять въ хаосѣ ея было очень трудно. На

коврѣ лежали рукописи, онѣ же были и на диванѣ. Валялась какая-то книжка горбомъ въ креслѣ. А на кругломъ столѣ былъ накрытъ обѣдъ, и среди закусокъ стояло нѣсколько бутылокъ. Откуда взялись всѣ эти яства и напитки, было неизвѣстно и Маргаритѣ и мастеру. Проснувшись, они все это застали уже на столѣ.

Проспавъ до субботняго заката, и мастеръ, и его подруга чувствовали себя совершенно окрѣпшими, и только одно давало знать о вчерашнихъ приключеніяхъ. У обоихъ немного нылъ лѣвый високъ. Со стороны же психики измѣненія въ обоихъ произошли очень большія, какъ убѣдился бы всякій, кто могъ бы подслушать разговоръ въ подвальной квартирѣ. Но подслушать было рѣшительно некому. Дворикъ-то этотъ былъ тѣмъ и хорошъ, что всегда былъ пустъ. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе зеленѣющія липы и вѣтла за окномъ источали весенній запахъ, и начинающійся вѣтерокъ заносилъ его въ подвалъ.

— Фу ты чертъ, — неожиданно воскликнулъ мастеръ, — вѣдь это, подумать только, — онъ затушилъ окурокъ въ пепельницѣ и сжалъ голову руками, — нѣтъ, послушай, ты же умный человѣкъ и сумасшедшей не была. Ты серьезно увѣрена въ томъ, что мы вчера были у сатаны?

— Совершенно серьезно, — отвѣтила Маргарита.

— Конечно, конечно, — иронически замѣтилъ мастеръ, — теперь, стало быть, налицо вмѣсто одного сумасшедшаго двое! И мужъ и жена. — Онъ воздѣлъ руки къ небу и закричалъ: — Нѣтъ, это чертъ знаетъ что такое, чертъ, чертъ, чертъ!

Вмѣсто отвѣта Маргарита обрушилась на диванъ, захохотала, заболтала босыми ногами и потомъ ужъ вскричала:

— Ой, не могу! Ой, не могу! Ты посмотри только, на что ты похож!

Отхохотавшись, пока мастеръ сердито поддергивалъ больничныя кальсоны, Маргарита стала серьезной.

— Ты сейчасъ невольно сказалъ правду, — заговорила она, — чертъ знаетъ, что такое, и чертъ, повѣрь мнѣ, все устроить! — глаза ея вдругъ загорѣлись, она вскочила, затанцевала на мѣстѣ и стала вскрикивать: — Какъ я счастлива, какъ я счастлива, какъ я счастлива, что вступила съ нимъ въ сдѣлку! О, дьяволь, дьяволь! Придется вамъ, мой милый, жить съ вѣдьмой. — Послѣ этого она кинулась къ мастеру, обхватила его шею и стала его цѣловать въ губы, въ носъ, въ щеки. Вихры неприглаженныхъ черныхъ волосъ прыгали на мастерѣ, и щеки и лобъ его разгорались подъ поцѣлуями.

— А ты дѣйствительно стала похожей на вѣдьму.

— А я этого и не отрицаю, — отвѣтила Маргарита, — я вѣдьма и очень этимъ довольна!

— Ну, хорошо, — отвѣтилъ мастеръ, — вѣдьма такъ вѣдьма. Очень славно и роскошно! Меня, стало быть, похитили изъ лѣчебницы! Тоже очень мило. Вернули сюда, допустимъ и это... Предположимъ даже, что насъ не хватятся, но скажи ты мнѣ ради всего святого, чѣмъ и какъ мы будемъ жить? Говоря это, я забочусь о тебѣ, повѣрь мнѣ.

Въ этотъ моментъ въ оконцѣ показались тупоносые ботинки и нижняя часть брюкъ въ жилочку. Затѣмъ эти брюки согнулись въ колѣнѣ, и дневной свѣтъ заслонилъ чей-то увѣсистый задъ.

— Алоизій, ты дома? — спросилъ голосъ гдѣ-то вверху надъ брюками, за окномъ.

— Вотъ, начинается, — сказалъ мастеръ.

— Алоизій? — спросила Маргарита, подходя ближе къ окну, — его арестовали вчера. А кто его спрашиваетъ? Какъ ваша фамилія?

Въ то же мгновеніе колѣни и задъ пропали, и слышно было, какъ стукнула калитка, послѣ чего все пришло въ норму. Маргарита повалилась на диванъ и захохотала такъ, что слезы покатались у нея изъ глазъ. Но когда она утихла, лицо ея сильнѣйшимъ образомъ измѣнилось, она заговорила серьезно и, говоря, сползла съ дивана, подползла къ колѣнямъ мастера и, глядя ему въ глаза, стала гладить голову.

— Какъ ты страдалъ, какъ ты страдалъ, мой бѣдный! Объ этомъ знаю только я одна. Смотри, у тебя сѣдья нитки въ головѣ и вѣчная складка у губъ. Мой единственный, мой милый, не думай ни о чемъ. Тебѣ слишкомъ много пришлось думать, и теперь буду думать я за тебя! И я ручаюсь тебѣ, ручаюсь, что все будетъ ослѣпительно хорошо.

— Я ничего и не боюсь, Марго, — вдругъ отвѣтилъ ей мастеръ и поднялъ голову и показался ей такимъ, какимъ былъ, когда сочинялъ то, чего никогда не видѣлъ, но о чемъ навѣрно зналъ, что оно было. — И не боюсь потому, что я все уже испыталъ. Меня слишкомъ пугали и ничѣмъ болѣе напугать не могутъ. Но мнѣ жалко тебя, Марго, вотъ въ чемъ фокусъ, вотъ почему я твержу объ одномъ и томъ же. Опомнись! Зачѣмъ тебѣ ломать свою жизнь съ больнымъ и нищимъ? Вернись къ себѣ! Жалѣю тебя, потому это и говорю.

— Ахъ, ты, ты, — качая растрепанной головой, шептала Маргарита, — ахъ, ты, маловѣрный, несчастный человѣкъ. Я изъ-за тебя всю ночь вчера тряслась нагая, я потеряла свою природу и замѣнила ея новой, нѣсколько мѣсяцевъ я сидѣла въ темной каморкѣ и думала только про одно — про грозу надъ Ершалаимомъ, я выплакала всѣ глаза, а теперь, когда

обрушилось счастье, ты меня гонишь? Ну что жъ, я уйду, я уйду, но знай, что ты жестокий человекъ! Они опустошили тебѣ душу!

Горькая нѣжность поднялась къ сердцу мастера, и, неизвѣстно почему, онъ заплакалъ, уткнувшись въ волосы Маргариты. Та, плача, шептала ему, и пальцы ея прыгали на вискахъ мастера.

— Да, нити, нити, на моихъ глазахъ покрывается снѣгомъ голова, ахъ, моя, моя много страдавшая голова. Смотри, какіе у тебя глаза! Въ нихъ пустыня... А плечи, плечи съ бременемъ... Искалѣчили, искалѣчили, — рѣчь Маргариты становилась безсвязной, Маргарита содрогалась отъ плача.

Тогда мастеръ вытеръ глаза, поднялъ съ колѣнъ Маргариту, всталъ и самъ и твердо сказалъ:

— Довольно! Ты меня пристыдила. Я никогда больше не допущу малодушія и не вернусь къ этому вопросу, будь покойна. Я знаю, что мы оба жертвы своей душевной болѣзни, которую, быть можетъ, я передалъ тебѣ... Ну что же, вмѣстѣ и понесемъ ее.

Маргарита приблизила губы къ уху мастера и прошептала:

— Клянусь тебѣ своею жизнью, клянусь угаданнымъ тобою сыномъ звѣздочета, все будетъ хорошо.

— Ну, и ладно, ладно, — отозвался мастеръ и, засмѣявшись, добавилъ: — Конечно, когда люди совершенно ограблены, какъ мы съ тобой, они ищутъ спасенія у потусторонней силы! Ну, что жъ, согласенъ искать тамъ.

— Ну вотъ, ну вотъ, теперь ты прежній, ты смѣешься, — отвѣчала Маргарита, — и ну тебя къ черту съ твоими учеными словами. Потустороннее или не потустороннее — не все ли это равно? Я хочу ѣсть.

И она потащила за руку мастера къ столу.

— Я не увѣренъ, что эта ѣда не провалится сейчасъ сквозь землю или не улетитъ въ окно, — отвѣтилъ тотъ, совершенно успокоившись.

— Она не улетитъ!

И въ этотъ самый моментъ въ оконцѣ слышался носовой голосъ:

— Миръ вамъ.

Мастеръ вздрогнулъ, а привыкшая уже къ необыкновенному Маргарита вскричала:

— Да это Азazelло! Ахъ, какъ это мило, какъ это хорошо! — и, шепнувъ мастеру: — Вотъ видишь, видишь, насъ не оставляютъ! — бросилась открывать.

— Ты хоть запахнись, — крикнулъ ей вслѣдъ мастеръ.

— Плевала я на это, — отвѣтила Маргарита уже изъ коридорчика.

И вотъ уже Азazelло раскланивался, здоровался съ мастеромъ, сверкалъ ему своимъ кривымъ глазомъ, а Маргарита восклицала:

— Ахъ, какъ я рада! Я никогда не была такъ рада въ жизни! Но простите, Азazelло, что я голая!

Азazelло просилъ не беспокоиться, увѣрялъ, что онъ видѣлъ не только голыхъ женщинъ, но даже женщинъ съ начисто содранной кожей, охотно подсѣлъ къ столу, предварительно поставивъ въ уголъ у печки какой-то свертокъ въ темной парчѣ.

Маргарита налила Азazelло коньяку, и онъ охотно выпилъ его. Мастеръ, не спуская съ него глазъ, изрѣдка подъ столомъ тихонько щипалъ себѣ кисть лѣвой руки. Но щипки эти не помогали. Азazelло не растворялся въ воздухѣ, да, сказать по правдѣ, въ этомъ не было никакой необходимости. Ничего страшнаго въ рыжеватомъ маленькаго роста человѣкѣ не было, развѣ только вотъ глазъ съ бѣльмомъ, но вѣдь это бываетъ и безъ всякаго колдовства, развѣ что одежда не совсѣмъ

обыкновенная — какая-то ряса или плащъ, — опять-таки, если строго вдуматься, и это попадаетъся. Коньякъ онъ тоже ловко пилъ, какъ и всѣ добрые люди, цѣлыми стопками и не закусывая. Отъ этого самого коньяку у мастера зашумѣло въ головѣ, и онъ сталъ думать:

«Нѣтъ, Маргарита права! Конечно, передо мной сидитъ посланникъ дьявола. Вѣдь я же самъ не далѣе какъ ночью позавчера доказывалъ Ивану о томъ, что тотъ встрѣтилъ на Патріаршихъ именно сатану, а теперь почему-то испугался этой мысли и началъ что-то болтать о гипнотизерахъ и галлюцинаціяхъ. Какіе тутъ къ черту гипнотизеры!»

Онъ сталъ присматриваться къ Азазелло и убѣдился въ томъ, что въ глазахъ у того виднѣется что-то принужденное, какая-то мысль, которую тотъ до поры до времени не выкладываетъ. «Онъ не просто съ визитомъ, а появился онъ съ какимъ-то порученіемъ», — думалъ мастеръ.

Наблюдательность его ему не измѣнила.

Выпивъ третью стопку коньяку, который на Азазелло не производилъ никакого дѣйствія, визитеръ заговорилъ такъ:

— А уютный подвальчикъ, чертъ меня возьми! Одинъ только вопросъ возникаетъ, чего въ немъ дѣлать, въ этомъ подвальчикѣ?

— Про то же самое я и говорю, — засмѣявшись, отвѣтилъ мастеръ.

— Зачѣмъ вы меня тревожите, Азазелло? — спросила Маргарита, — какъ-нибудь!

— Что вы, что вы, — вскричалъ Азазелло, — я и въ мысляхъ не имѣлъ васъ тревожить. Я и самъ говорю — какъ-нибудь. Да! Чуть не забылъ, мессиръ передавалъ вамъ привѣтъ, а также велѣлъ сказать, что приглашаетъ васъ сдѣлать съ нимъ небольшую прогулку,

если, конечно, вы пожелаете. Такъ что же вы на это скажете?

Маргарита подъ столомъ толкнула ногою мастера.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ мастеръ, изучая Азазелло, а тотъ продолжалъ:

— Мы надѣмся, что и Маргарита Николаевна не откажется отъ этого?

— Я-то ужъ навѣрное не откажусь, — сказала Маргарита, и опять ея нога проѣхалась по ногѣ мастера.

— Чудеснѣйшая вещь! — воскликнулъ Азазелло, — вотъ это я люблю. Разъ-два и готово! Не то, что тогда въ Александровскомъ саду.

— Ахъ, не напоминайте мнѣ, Азазелло! Я была глупа тогда. Да, впрочемъ, меня и нельзя строго винить за это — вѣдь не каждый же день встрѣчаешься съ нечистой силой!

— Еще бы, — подтверждалъ Азазелло, — если бы каждый день, это было бы пріятно!

— Мнѣ и самой нравится быстрота, — говорила Маргарита возбужденно, — нравится быстрота и нагота. Какъ изъ маузера — разъ! Ахъ, какъ онъ стрѣляетъ, — вскричала Маргарита, обращаясь къ мастеру, — семерка подъ подушкой, и любое очко... — Маргарита начинала пьянѣть, отчего глаза у нея разгорѣлись.

— И опять-таки забылъ, — прокричалъ Азазелло, хлопнувъ себя по лбу, — совсѣмъ замотался. Вѣдь мессиръ прислалъ вамъ подарокъ, — тутъ онъ отнесся именно къ мастеру, — бутылку вина. Прошу замѣтить, что это то самое вино, которое пилъ прокураторъ Іудеи. Фалернское вино.

Вполнѣ естественно, что такая рѣдкость вызвала большое вниманіе и Маргариты и мастера. Азазелло извлекъ изъ куска темной гробовой парчи совершенно заплѣсневлѣвшій кувшинъ. Вино нюхали, налили въ

стаканы, глядѣли сквозь него на исчезающій передъ грозою свѣтъ въ окнѣ. Видѣли, какъ все окрашивается въ цвѣтъ крови.

— Здоровье Воланда! — воскликнула Маргарита, поднимая свой стаканъ.

Всѣ трое приложились къ стаканамъ и сдѣлали по большому глотку. Тотчасъ предгрозовой свѣтъ началъ гаснуть въ глазахъ у мастера, дыханіе у него перехватило, онъ почувствовалъ, что настаетъ конецъ. Онъ еще видѣлъ, какъ смертельно поблѣднѣвшая Маргарита, беспомощно простирая къ нему руки, роняетъ голову на столъ, а потомъ сползаетъ на полъ.

— Отравитель, — успѣлъ еще крикнуть мастеръ. Онъ хотѣлъ схватить ножъ со стола, чтобы ударить Азazelло имъ, но рука его беспомощно соскользнула со скатерти, все окружавшее мастера въ подвалѣ окрасилось въ черный цвѣтъ, а потомъ и вовсе пропало. Онъ упалъ навзничь и, падая, разсѣкъ себѣ кожу на вискѣ объ уголь доски бюро.

Когда отравленные затихли, Азazelло началъ дѣйствовать. Первымъ дѣломъ онъ бросился въ окно и черезъ нѣсколько мгновений былъ въ особнякѣ, въ которомъ жила Маргарита Николаевна. Всегда точный и аккуратный Азazelло хотѣлъ провѣрить, все ли исполнено, какъ нужно. И все оказалось въ полномъ порядкѣ. Азazelло видѣлъ, какъ мрачная, ожидающая возвращенія мужа женщина вышла изъ своей спальни, внезапно поблѣднѣла, схватилась за сердцѣ и, крикнувъ беспомощно:

— Наташа! Кто-нибудь... ко мнѣ! — упала на полъ въ гостиной, не дойдя до кабинета.

— Все въ порядкѣ, — сказалъ Азazelло. Черезъ мгновение онъ былъ возлѣ поверженныхъ любовниковъ. Маргарита лежала, уткнувшись лицомъ въ коврикъ. Своими желѣзными руками Азazelло повернулъ ее какъ

куклу, лицомъ къ себѣ и вглядѣлся въ нее. На его глазахъ лицо отравленной мѣнялось. Даже въ наступавшихъ грозovýchъ сумеркахъ видно было, какъ исчезало ея временное вѣдьмино косоглазіе и жестокость и буйность чертъ. Лицо покойной освѣтлѣло и, наконецъ, смягчилось, и оскаль ея сталъ не хищнымъ, а просто женственнымъ страдальческимъ оскаломъ. Тогда Азazelло разжалъ ея бѣлыя зубы и влилъ въ ротъ нѣсколько капель того самого вина, которымъ ее и отравилъ. Маргарита вздохнула, стала подниматься безъ помощи Азazelло, сѣла и слабо спросила:

— За что, Азazelло, за что? Что вы сдѣлали со мною?

Она увидѣла лежащаго мастера, содрогнулась и прошептала:

— Этого я не ожидала... Убійца!

— Да нѣтъ же, нѣтъ, — отвѣтилъ Азazelло, — сейчасъ онъ встанетъ. Ахъ, зачѣмъ вы такъ нервны!

Маргарита повѣрила ему сразу, настолько убѣдительно былъ голосъ рыжего демона. Маргарита вскочила, сильная и живая, и помогла напоить лежащаго виномъ. Открывъ глаза, тотъ глянулъ мрачно и съ ненавистью повторилъ свое послѣднее слово:

— Отравитель...

— Ахъ! Оскорбленіе является обычной наградой за хорошую работу, — отвѣтилъ Азazelло, — неужели вы слѣпы? Но прозрѣйте же скорѣй.

Тутъ мастеръ поднялся, оглядѣлся взоромъ живымъ и свѣтлымъ и спросилъ:

— Что же означаетъ это новое?

— Оно означаетъ, — отвѣтилъ Азazelло, — что вамъ пора. Уже гремитъ гроза, вы слышите? Темнѣетъ. Кони роютъ землю, содрогается маленькій садъ. Прощайтесь съ подваломъ, прощайтесь скорѣе.

— А, понимаю, — сказалъ мастеръ, озираясь, —

вы насъ убили, мы мертвы. Ахъ, какъ это умно! Какъ это вовремя! Теперь я понялъ все.

— Ахъ, помилуйте, — отвѣтилъ Азazelло, — васъ ли я слышу? Вѣдь ваша подруга называетъ васъ мастеромъ, вѣдь вы мыслите, какъ же вы можете быть мертвы? Развѣ для того, чтобы считать себя живымъ, нужно непремѣнно сидѣть въ подвалѣ, имѣя на себѣ рубашку и больничныя кальсоны? Это смѣшно!

— Я понялъ все, что вы говорили, — вскричалъ мастеръ, — не продолжайте! Вы тысячу разъ правы.

— Великій Воландъ, — стала вторить ему Маргарита, — великій Воландъ! Онъ выдумалъ гораздо лучше, чѣмъ я. Но только романъ, романъ, — кричала она мастеру, — романъ возьми съ собою, куда бы ты ни летѣлъ.

— Не надо, — отвѣтилъ мастеръ, — я помню его наизусть.

— Но ты ни слова... ни слова изъ него не забудешь? — спрашивала Маргарита, прижимаясь къ любовнику и вытирая кровь на его разсѣченномъ вискѣ.

— Не беспокойся! Я теперь ничего и никогда не забуду, — отвѣтилъ тотъ.

— Тогда огонь! — вскричалъ Азazelло, — огонь, съ котораго все началось и которымъ мы все заканчиваемъ.

— Огонь! — страшно прокричала Маргарита. Оконце въ подвалѣ хлопнуло, вѣтромъ сбило штору въ сторону. Въ небѣ прогремѣло весело и кратко. Азazelло сунулъ руку съ когтями въ печку, вытащилъ дымящуюся головню и поджегъ скатерть на столѣ. Потомъ поджегъ пачку старыхъ газетъ на диванѣ, а за нею рукопись и занавѣску на окнѣ. Мастеръ, уже опьяненный будущей скачкой, выбросилъ съ полки какую-то книгу на столъ, вспушилъ ея листы въ горящей скатерти, и книга вспыхнула веселымъ огнемъ.

— Гори, гори, прежняя жизнь!

— Гори, страданіе! — кричала Маргарита.

Комната уже колыхалась въ багровыхъ столбахъ, и вмѣстѣ съ дымомъ выбѣжали изъ двери трое, поднялись по каменной лѣстницѣ вверхъ и оказались во дворикѣ. Первое, что они увидѣли тамъ, это сидящую на землѣ кухарку застройщика, возлѣ нее валялся разсыпавшійся картофель и нѣсколько пучковъ луку. Состояніе кухарки было понятно. Трое черныхъ коней храпѣли у сарая, вздрагивали, взрывали фонтанами землю. Маргарита вскочила первая, за нею Азazelло, послѣднимъ мастеръ. Кухарка, застонавъ, хотѣла поднять руку для крестнаго знаменія, но Азazelло грозно закричалъ съ сѣдла:

— Отрѣжу руку! — онъ свистнулъ, и кони, ломая вѣтви липъ, взвились и вонзились въ низкую черную тучу. Тотчасъ изъ окошечка подвала повалилъ дымъ. Снизу донесся слабый, жалкій крикъ кухарки:

— Горимъ!..

Кони уже неслись надъ крышами Москвы.

— Я хочу попрощаться съ городомъ, — прокричалъ мастеръ Азazelло, который скакалъ впереди. Громъ съѣлъ окончаніе фразы мастера. Азazelло кивнулъ головою и пустилъ своего коня галопомъ. Навстрѣчу летящимъ стремительно летѣла туча, но еще не брызгала дождемъ.

Они летѣли надъ бульваромъ, видѣли, какъ фигурки людей разбѣгаются, прячась отъ дождя. Падали первыя капли. Они пролетѣли надъ дымомъ — всѣмъ, что осталось отъ Грибоѣдова. Они летѣли надъ городомъ, который уже заливала темнота. Надъ ними вспыхивали молніи. Потомъ крыши смѣнились зеленью. Тогда только хлынулъ дождь и превратилъ летящихъ въ три огромныхъ пузыря въ водѣ.

Маргаритѣ было уже знакомо ощущеніе полета,

а мастеру — нѣтъ, и онъ подивился тому, какъ быстро они оказались у цѣли, у того, съ кѣмъ онъ хотѣлъ попрощаться, потому что больше ему не съ кѣмъ было прощаться. Онъ узналъ сразу въ пеленѣ дождя зданіе клиники Стравинскаго, рѣку и очень хорошо изученный имъ боръ на другомъ берегу. Они снизились въ рощѣ на полянѣ, недалеко отъ клиники.

— Я подожду васъ здѣсь, — прокричалъ Азазелло, сложивъ руки щиткомъ, то освѣщаясь молніями, то пропадая въ сѣрой пеленѣ, — прощайтесь, но скорѣе.

Мастеръ и Маргарита соскочили съ сѣделъ и полетѣли, мелькая, какъ водяныя тѣни, черезъ клинической садъ. Еще черезъ мгновение мастеръ привычной рукой отодвигалъ балконную рѣшетку въ комнатѣ № 117-й, Маргарита слѣдовала за нимъ. Они вошли къ Иванушкѣ, невидимые и незамѣченные, во время грохота и воя грозы. Мастеръ остановился возлѣ кровати.

Иванушка лежалъ неподвижно, какъ и тогда, когда первый разъ наблюдалъ грозу въ домѣ своего отдохновенія. Но онъ не плакалъ, какъ въ тотъ разъ. Когда онъ всмотрѣлся какъ слѣдуетъ въ темный силуэтъ, ворвавшійся къ нему съ балкона, онъ приподнялся, протянулъ руки и сказалъ радостно:

— А, это вы! А я все жду, жду васъ. Вотъ и вы, мой сосѣдъ.

На это мастеръ отвѣтилъ:

— Я здѣсь! Но вашимъ сосѣдомъ я, къ сожалѣнію, больше быть не могу. Я улетаю навсегда и пришелъ къ вамъ лишь съ тѣмъ, чтобы попрощаться.

— Я это зналъ, я догадался, — тихо отвѣтилъ Иванъ и спросилъ: — Вы встрѣтили его?

— Да, — сказалъ мастеръ, — я пришелъ попрощаться съ вами, потому что вы были

единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я говорилъ въ послѣднее время.

Иванушка просвѣтлѣлъ и сказалъ:

— Это хорошо, что вы сюда залетѣли. Я вѣдь слово свое сдержу, стиховъ больше писать не буду. Меня другое теперь интересуеть, — Иванушка улыбнулся и безумными глазами поглядѣлъ куда-то мимо мастера, — я другое хочу написать. Я тутъ пока лежалъ, знаете ли, очень многое понялъ.

Мастеръ взволновался отъ этихъ словъ и заговорилъ, присаживаясь на край Иванушкиной постели:

— А вотъ это хорошо, это хорошо. Вы о немъ продолженіе напишите!

Иванушкины глаза вспыхнули.

— А вы сами не будете развѣ? — тутъ онъ поникъ головой и задумчиво добавилъ: — Ахъ да... Что же это я спрашиваю, — Иванушка покосился въ полъ, посмотрѣлъ испуганно.

— Да, — сказалъ мастеръ, и голосъ его показался Иванушкѣ незнакомымъ и глухимъ, — я уже больше не буду писать о немъ. Я буду занятъ другимъ.

Шумъ грозы прорѣзалъ дальній свистъ.

— Вы слышите? — спросилъ мастеръ.

— Шумить гроза...

— Нѣтъ, это меня зовутъ, мнѣ пора, — пояснилъ мастеръ и поднялся съ постели.

— Постойте! Еще одно слово, — попросилъ Иванъ, — а вы ее нашли? Она вамъ осталась вѣрна?

— Вотъ она, — отвѣтилъ мастеръ и указалъ на стѣну. Отъ бѣлой стѣны отдѣлилась темная Маргарита и подошла къ постели. Она смотрѣла на лежащаго юношу, и въ глазахъ ея читалась скорбь.

— Бѣдный, бѣдный, — беззвучно зашептала Маргарита и наклонилась къ постели.

— Какая красивая, — безъ зависти, но съ грустью и съ какимъ-то тихимъ умилениемъ проговорилъ Иванъ, — вишь ты, какъ у васъ все хорошо вышло. А вотъ у меня не такъ, — тутъ онъ подумалъ и задумчиво прибавилъ: — А впрочемъ, можетъ быть, и такъ...

— Такъ, такъ, — прошептала Маргарита и совсѣмъ склонилась къ лежащему, — вотъ я васъ поцѣлую въ лобъ, и все у васъ будетъ такъ, какъ надо... Въ этомъ вы ужъ мнѣ повѣрьте, я все уже видѣла, все знаю.

Лежащій юноша охватилъ ея шею руками, и она поцѣловала его.

— Прощай, ученикъ, — чуть слышно сказалъ мастеръ и сталъ таять въ воздухѣ. Онъ исчезъ, съ нимъ вмѣстѣ исчезла и Маргарита. Балконная рѣшетка закрылась.

Иванушка впалъ въ безпокойство. Онъ сѣлъ на постели, оглянулся тревожно, даже простоналъ, заговорилъ самъ съ собой, поднялся. Гроза бушевала все сильнѣе и, видимо, растревожила его душу. Волновало его также то, что за дверью онъ своимъ, уже привыкшимъ къ постоянной тишинѣ, слухомъ уловилъ безпокойные шаги, глухіе голоса за дверью. Онъ позвалъ, нервничая уже и вздрагивая:

— Прасковья Ѳедоровна!

Прасковья Ѳедоровна уже входила въ комнату, вопросительно и тревожно глядя на Иванушку.

— Что? Что такое? — спрашивала она, — гроза волнуешь? Ну, ничего, ничего... Сейчасъ вамъ поможемъ. Сейчасъ я доктора позову.

— Нѣтъ, Прасковья Ѳедоровна, не надо доктора звать, — сказалъ Иванушка, безпокойно глядя не на Прасковью Ѳедоровну, а въ стѣну, — со мною ничего особеннаго такого нѣтъ. Я уже разбираюсь теперь, вы не бойтесь. А вы мнѣ лучше скажите, — задушевно

попросилъ Иванъ, — а что тамъ рядомъ, въ сто восемнадцатой комнатѣ сейчасъ случилось?

— Въ восемнадцатой? — переспросила Прасковья Ѳедоровна, и глаза ея забѣгали, — а ничего тамъ не случилось. — Но голосъ ея былъ фальшивъ, Иванушка тотчасъ это замѣтилъ и сказалъ:

— Э, Прасковья Ѳедоровна! Вы такой человѣкъ правдивый... Вы думаете, я бушевать стану? Нѣтъ, Прасковья Ѳедоровна, этого не будетъ. А вы лучше прямо говорите. Я вѣдь черезъ стѣну все чувствую.

— Скончался сосѣдъ вашъ сейчасъ, — прошептала Прасковья Ѳедоровна, не будучи въ силахъ преодолѣть свою правдивость и доброту, и испуганно поглядѣла на Иванушку, вся одѣвшия свѣтомъ молніи. Но съ Иванушкой ничего не произошло страшнаго. Онъ только многозначительно поднялъ палецъ и сказалъ:

— Я такъ и зналъ! Я увѣрю васъ, Прасковья Ѳедоровна, что сейчасъ въ городѣ еще скончался одинъ человѣкъ. Я даже знаю, кто, — тутъ Иванушка таинственно улыбнулся, — это женщина.

На Воробьевых горахъ

Грозу унесло безъ слѣда, и, аркой перекинувшись черезъ всю Москву, стояла въ небѣ разноцвѣтная радуга, пила воду изъ Москвы-рѣки. На высотѣ, на холмѣ, между двумя рощами виднѣлись три темныхъ силуэта. Воландъ, Коровьевъ и Бегемотъ сидѣли на черныхъ коняхъ въ сѣдлахъ, глядя на раскинувшійся за рѣкою городъ съ ломанымъ солнцемъ, сверкающимъ въ тысячахъ оконъ, обращенныхъ на западъ, на прясничныя башни дѣвичьяго монастыря.

Въ воздухѣ зашумѣло, и Азazelло, у котораго въ черномъ хвостѣ его плаща летѣли мастеръ и Маргарита, опустился вмѣстѣ съ ними возлѣ группы ожидающихся.

— Пришлось мнѣ васъ побезпокоить, Маргарита Николаевна и мастеръ, — заговорилъ Воландъ послѣ нѣкотораго молчанія, — но вы не будьте на меня въ претензіи. Не думаю, чтобъ вы объ этомъ пожалѣли. Ну, что же, — обратился онъ къ одному мастеру, — попрощайтесь съ городомъ. Намъ пора, — Воландъ указалъ рукою въ черной перчаткѣ съ раструбомъ туда, гдѣ безчисленныя солнца плавилы стекло за рѣкою, гдѣ надъ этими солнцами стоялъ туманъ, дымъ, паръ раскаленнаго за день города.

Мастеръ выбросился изъ сѣдла, покинулъ сидящихъ и побѣжалъ къ обрыву холма. Черный плащъ тащился за нимъ по землѣ. Мастеръ сталъ смотрѣть на городъ. Въ первыя мгновенія къ сердцу подкралась щемящая грусть, но очень быстро она смѣнилась сладковатой тревогой, бродячимъ цыганскимъ волненіемъ.

— Навсегда! Это надо осмыслить, — прошепталь

мастеръ и лизнулъ сухія, растрескавшіеся губы. Онъ сталъ прислушиваться и точно отмѣчать все, что происходитъ въ его душѣ. Его волненіе перешло, какъ ему показалось, въ чувство горькой обиды. Но та была нестойкой, пропала и почему-то смѣнилась горделивымъ равнодушіемъ, а оно — предчувствіемъ постоянного покоя.

Группа всадниковъ дожидалась мастера молча. Группа всадниковъ смотрѣла, какъ длинная черная фигура на краю обрыва жестикулируетъ, то поднимаетъ голову, какъ бы стараясь перебросить взглядъ черезъ вѣсь городъ, заглянуть за его края, то вѣшаетъ голову, какъ будто изучая истоптанную чахлую траву подъ ногами.

Прервалъ молчаніе соскучившійся Бегемотъ.

— Разрѣшите мнѣ, мэтръ, — заговорилъ онъ, — свистнуть передъ скачкой на прощаніе.

— Ты можешь испугать даму, — отвѣтилъ Воландъ, — и, кромѣ того, не забудь, что всѣ твои сегодняшнія безобразія уже закончились.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, мессиръ, — отозвалась Маргарита, сидящая въ сѣдлѣ, какъ амазонка, подбоченившись и свѣсивъ до земли острый шлейфъ, — разрѣшите ему, пусть онъ свистнетъ. Меня охватила грусть передъ дальней дорогой. Не правда ли, мессиръ, она вполне естественна, даже тогда, когда человѣкъ знаетъ, что въ концѣ этой дороги его ждетъ счастье? Пусть посмѣшитъ онъ насъ, а то я боюсь, что это кончится слезами, и все будетъ испорчено передъ дорогой!

Воландъ кивнулъ Бегемоту, тотъ очень оживился, соскочилъ съ сѣдла наземь, вложилъ пальцы въ ротъ, надулъ щеки и свистнулъ. У Маргариты зазвенѣло въ ушахъ. Конь ея взбросился на дыбы, въ рошѣ посыпались сухіе сучья съ деревьевъ, взлетѣла

цѣлая стая воронъ и воробьевъ, столбъ пыли понесло къ рѣкѣ, и видно было, какъ въ рѣчномъ трамваѣ, проходившемъ мимо пристани, снесло у пассажировъ нѣсколько кепокъ въ воду. Мастеръ вздрогнулъ отъ свиста, но не обернулся, а сталъ жестикулировать еще безпокойнѣе, поднимая руку къ небу, какъ бы грозя городу. Бегемотъ горделиво оглядѣлся.

— Свистнуто, не спору, — снисходительно замѣтилъ Коровьевъ, — дѣйствительно свистнуто, но, если говорить безпристрастно, свистнуто очень средне!

— Я вѣдь не регентъ, — съ достоинствомъ и надувшись, отвѣтилъ Бегемотъ и неожиданно подмигнулъ Маргаритѣ.

— А дай-кося я попробую по старой памяти, — сказалъ Коровьевъ, потеръ руки, подулъ на пальцы.

— Но ты смотри, смотри, — послышался суровый голосъ Воланда съ коня, — безъ членовредительскихъ штукъ!

— Мессиръ, повѣрьте, — отозвался Коровьевъ и приложилъ руку къ сердцу, — пошутить, исключительно пошутить... — Тутъ онъ вдругъ вытянулся вверхъ, какъ будто былъ резиновый, изъ пальцевъ правой руки устроилъ какую-то хитрую фигуру, завился, какъ винтъ, и затѣмъ, внезапно раскрутившись, свистнулъ.

Этого свиста Маргарита не услышала, но она его увидѣла въ то время, какъ ее вмѣстѣ съ горячимъ конемъ бросило саженой на десять въ сторону. Рядомъ съ нею съ корнемъ вырвало дубовое дерево, и земля покрылась трещинами до самой рѣки. Огромный пластъ берега, вмѣстѣ съ пристанью и рестораномъ, высадило въ рѣку. Вода въ ней вскипѣла, взметнулась, и на противоположный берегъ, зеленый и низменный, выплеснуло цѣлый рѣчной трамвай съ совершенно невредимыми пассажирами. Къ ногамъ храпящаго коня Маргариты швырнуло убитую свистомъ Фагота галку.

Мастера испугнулъ этотъ свистъ. Онъ ухватился за голову и побѣжалъ обратно къ группѣ ожидавшихъ его спутниковъ.

— Ну что же, — обратился къ нему Воландъ съ высоты своего коня, — всѣ счета оплачены? Прощаніе совершилось?

— Да, совершилось, — отвѣтилъ мастеръ и, успокоившись, поглядѣлъ въ лицо Воланду прямо и смѣло.

И тогда надъ горами прокатился, какъ трубный голосъ, страшный голосъ Воланда:

— Пора!! — и рѣзкій свистъ и хохотъ Бегемота.

Кони рванулись, и всадники поднялись вверхъ и поскакали. Маргарита чувствовала, какъ ея бѣшеный конь грызетъ и тянетъ мундштукъ. Плащъ Воланда вздуло надъ головами всей кавалькады, этимъ плащомъ начало закрывать вечеряющій небосводъ. Когда на мгновеніе черный покровъ отнесло въ сторону, Маргарита на скаку обернулась и увидѣла, что сзади нѣтъ не только разноцвѣтныхъ башенъ съ разворачивающимся надъ ними аэропланомъ, но нѣтъ уже давно и самого города, который ушелъ въ землю и оставилъ по себѣ только туманъ.

Ефименко В. Прощаніе съ Воландомъ

Прощеніе и вѣчный пріютъ

Боги, боги мои! Какъ грустна вечерняя земля! Какъ таинственны туманы надъ болотами. Кто блуждалъ въ этихъ туманахъ, кто много страдалъ передъ смертью, кто летѣлъ надъ этой землей, неся на себѣ непосильный грузъ, тотъ это знаетъ. Это знаетъ уставшій. И онъ безъ сожалѣнія покидаетъ туманы земли, ея болотца и рѣки, онъ отдается съ легкимъ сердцемъ въ руки смерти, зная, что только она одна <успокоитъ его.>

Волшебные черные кони и тѣ утомились и несли своихъ всадниковъ медленно, и неизбѣжная ночь стала ихъ догонять. Чуя ее за своею спиною, притихъ даже неугомонный Бегемотъ и, вцѣпившись въ сѣдло когтями, летѣлъ молчаливый и серьезный, распушивъ свой хвостъ. Ночь начала закрывать чернымъ платкомъ лѣса и луга, ночь зажигала печальные огонечки гдѣ-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргаритѣ, ни мастеру, чужіе огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сѣялась на нее сверху и выбрасывала то тамъ, то тутъ въ загрустившемъ небѣ бѣлыя пятнышки звѣздъ.

Ночь густѣла, летѣла рядомъ, хватала скачущихъ за плащи и, содравъ ихъ съ плечъ, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладнымъ вѣтромъ, открывала глаза, она видѣла, какъ мѣняется обликъ всѣхъ летящихъ къ своей цѣли. Когда же навстрѣчу имъ изъ-за края лѣса начала выходить багровая и полная луна, всѣ обманы исчезли, свалилась въ болото, утонула въ туманахъ колдовская нестойкая одежда.

Врядъ ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота,

самозваннаго переводчика при таинственномъ и не нуждающемся ни въ какихъ переводахъ консультантѣ, въ томъ, кто теперь летѣлъ непосредственно рядомъ съ Воландомъ по правую руку подруги мастера. На мѣстѣ того, кто въ драной цирковой одеждѣ покинулъ Воробьевы горы подъ именемъ Коровьева-Фагота, теперь скакалъ, тихо звеня золотою цѣпью повода, темно-фіолетовый рыцарь съ мрачнѣйшимъ и никогда не улыбающимся лицомъ. Онъ уперся подбородкомъ въ грудь, онъ не глядѣлъ на луну, онъ не интересовался землею подъ собою, онъ думалъ о чемъ-то своемъ, летя рядомъ съ Воландомъ.

— Почему онъ такъ измѣнился? — спросила тихо Маргарита подъ свистъ вѣтра у Воланда.

— Рыцарь этотъ когда-то неудачно пошутилъ, — отвѣтилъ Воландъ, поворачивая къ Маргаритѣ свое лицо съ тихо горящимъ глазомъ, — его каламбуръ, который онъ сочинилъ, разговаривая о свѣтѣ и тьмѣ, былъ не совсѣмъ хорошъ. И рыцарю пришлось послѣ этого прошутить немного больше и дольше, нежели онъ предполагалъ. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счетъ оплатилъ и закрылъ!

Ночь оторвала и пушистый хвостъ у Бегемота, содрала съ него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотамъ. Тотъ, кто былъ котомъ, потѣшавшимъ князя тьмы, теперь оказался худенькимъ юношей, демономъ-пажомъ, лучшимъ шутомъ, какой существовалъ когда-либо въ мірѣ. Теперь притихъ и онъ и летѣлъ беззвучно, подставивъ свое молодое лицо подъ свѣтъ, льющійся отъ луны.

Сбоку всѣхъ летѣлъ, блистая сталью dospѣховъ, Азazelло. Луна измѣнила и его лицо. Исчезъ безслѣдно нелѣпый безобразный клыкъ, и кривоглазіе оказалось фальшивымъ. Оба глаза Азazelло были одинаковые, пустые и черные, а лицо бѣлое и холодное. Теперь

Азazelло летѣлъ въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ демонъ безводной пустыни, демонъ-убійца.

Себя Маргарита видѣть не могла, но она хорошо видѣла, какъ измѣнился мастеръ. Волосы его бѣлѣли теперь при лунѣ и сзади собирались въ косу, и она летѣла по вѣтру. Когда вѣтеръ отдувалъ плащъ отъ ногъ мастера, Маргарита видѣла на ботфортахъ его то потухающія, то загорающіеся звѣздочки шпоръ. Подобно юношѣ-демону, мастеръ летѣлъ, не сводя глазъ съ луны, но улыбался ей, какъ будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобрѣтенной въ комнатѣ № 118-й привычкѣ, самъ себѣ бормоталъ.

И, наконецъ, Воландъ летѣлъ тоже въ своемъ настоящемъ обличѣ. Маргарита не могла бы сказать, изъ чего сдѣланъ поводъ его коня, и думала, что возможно, что это лунныя цѣпочки и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — бѣлыя пятна звѣздъ.

Такъ летѣли въ молчаніи долго, пока и сама мѣстность внизу не стала мѣняться. Печальные лѣса утонули въ земномъ мракѣ и увлекли за собою и тусклыя лезвія рѣкъ. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернѣли провалы, въ которые не проникалъ свѣтъ луны.

Воландъ осадилъ своего коня на каменистой безрадостной плоской вершинѣ, и тогда всадники двинулись шагомъ, слушая, какъ кони ихъ подковами давятъ кремни и камни. Луна заливала площадку зелено и ярко, и Маргарита скоро разглядѣла въ пустынной мѣстности кресло и въ немъ бѣлую фигуру сидящаго человѣка. Возможно, что этотъ сидящій былъ глухъ или слишкомъ погруженъ въ размышленіе. Онъ не слышалъ, какъ содрогалась каменистая земля подъ тяжестью коней, и всадники, не тревожа его, приблизились къ нему.

Луна хорошо помогала Маргаритѣ, свѣтила лучше, чѣмъ самый лучшій электрическій фонарь, и Маргарита видѣла, что сидящій, глаза котораго казались слѣпыми, коротко потираетъ свои руки и эти самые незрячіе глаза вперяетъ въ дискъ луны. Теперь ужъ Маргарита видѣла, что рядомъ съ тяжелымъ каменнымъ кресломъ, на которомъ блестятъ отъ луны какіе-то искры, лежитъ темная, громадная остроухая собака и такъ же, какъ ея хозяинъ, спокойно глядитъ на луну.

У ногъ сидящаго валяются черепки разбитаго кувшина и простирается невысыхающая черно-красная лужа.

Всадники остановили своихъ коней.

— Вашъ романъ прочитали, — заговорилъ Воландъ, поворачиваясь къ мастеру, — и сказали только одно, что онъ, къ сожалѣнію, не оконченъ. Такъ вотъ, мнѣ хотѣлось показать вамъ вашего героя. Около двухъ тысячъ лѣтъ сидитъ онъ на этой площадкѣ и спитъ, но когда приходитъ полная луна, какъ видите, его терзаетъ бессонница. Она мучаетъ не только его, но и его вѣрнаго сторожа, собаку. Если вѣрно, что трусость — самый тяжкій порокъ, то, пожалуй, собака въ немъ не виновата. Единственно, чего боялся храбрый песь, это грозы. Ну что жъ, тотъ, кто любитъ, долженъ раздѣлять участь того, кого онъ любитъ.

— Что онъ говоритъ? — спросила Маргарита, и совершенно спокойное ея лицо подернулось дымкой состраданія.

— Онъ говоритъ, — раздался голосъ Воланда, — одно и то же, онъ говоритъ, что и при лунѣ ему нѣтъ покоя и что у него плохая должность. Такъ говоритъ онъ всегда, когда не спитъ, а когда спитъ, то видитъ одно и то же — лунную дорогу, и хочетъ пойти по ней и разговаривать съ арестантомъ Га-Ноцри, потому, что, какъ онъ утверждаетъ, онъ чего-то не договорилъ тогда,

давно, четырнадцатаго числа весеняго мѣсяца нисана. Но, увы, на эту дорогу ему выйти почему-то не удастся, и къ нему никто не приходитъ. Тогда, что же подѣлаешь, приходится разговаривать ему съ самимъ собою. Впрочемъ, нужно же какое-нибудь разнообразіе, и къ своей рѣчи о лунѣ онъ нерѣдко прибавляетъ, что болѣе всего въ мірѣ ненавидитъ свое безсмертіе и неслыханную славу. Онъ утверждаетъ, что охотно бы помѣнялся своею участію съ оборваннымъ бродягой Левіемъ Матвѣемъ.

— Двѣнадцать тысячъ лунъ за одну луну когда-то, не слишкомъ ли это много? — спросила Маргарита.

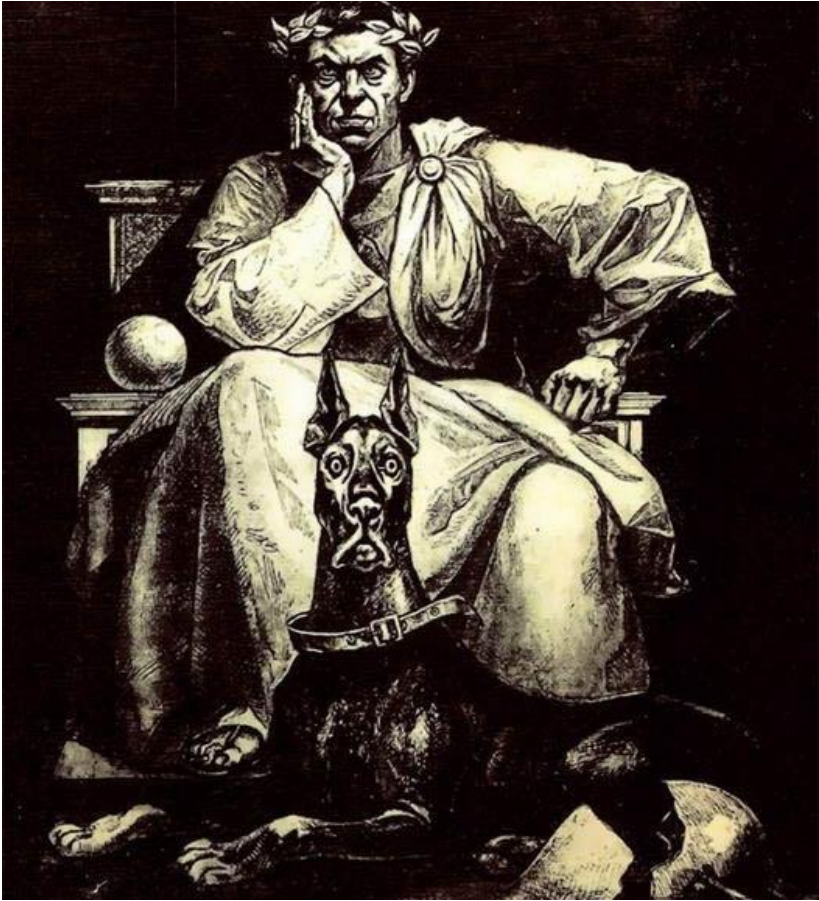
— Повторяется исторія съ Фридой? — сказалъ Воландъ, — но, Маргарита, здѣсь не тревожьте себя. Все будетъ правильно, на этомъ построень міръ.

— Отпустите его, — вдругъ пронзительно крикнула Маргарита такъ, какъ когда-то кричала, когда была вѣдьмой, и отъ этого крика сорвался камень въ горахъ и полетѣлъ по уступамъ въ бездну, оглашая горы грохотомъ. Но Маргарита не могла сказать, былъ ли это грохотъ паденія или грохотъ сатанинскаго смѣха. Какъ бы то ни было, Воландъ смѣялся, поглядывая на Маргариту, и говорилъ:

— Не надо кричать въ горахъ, онъ все равно привыкъ къ обваламъ, и это его не встревожитъ. Вамъ не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросилъ тотъ, съ кѣмъ онъ такъ стремится разговаривать, — тутъ Воландъ опять повернулся къ мастеру и сказалъ: — Ну что же, теперь вашъ романъ вы можете кончить одною фразой!

Мастеръ какъ будто бы этого ждалъ уже, пока стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на сидящаго прокуратора. Онъ сложилъ руки рупоромъ и крикнулъ такъ, что эхо запрыгало по безлюднымъ и безлѣснымъ горамъ:

— Свободень! Свободень! Онъ ждетъ тебя!

Ефименко В. Двѣнадцать тысячъ лунъ

Горы превратили голосъ мастера въ громъ, и этотъ же громъ ихъ разрушилъ. Проклятыя скалистыя стѣны упали. Осталась только площадка съ каменнымъ кресломъ. Надъ черной бездной, въ которую ушли стѣны, загорѣлся необъятный городъ съ царствующими надъ нимъ сверкающими идолами надъ пышно разросшимся за много тысячъ этихъ лунъ садомъ. Прямо къ этому саду протянулась долгожданная прокураторомъ

лунная дорога, и первымъ по ней кинулся бѣжать остроухій пѣсь. Человѣкъ въ бѣломъ плащѣ съ кровавымъ подбоемъ поднялся съ кресла и что-то прокричалъ хриплымъ, сорваннымъ голосомъ. Нельзя было разобрать, плачетъ ли онъ или смѣется, и что онъ кричитъ. Видно было только, что вслѣдъ за своимъ вѣрнымъ стражемъ по лунной дорогѣ стремительно побѣжалъ и онъ.

— Мнѣ туда, за нимъ? — спросилъ безпокойно мастеръ, тронувъ поводья.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Воландъ, — зачѣмъ же гнаться по слѣдамъ того, что уже окончено?

— Такъ, значитъ, туда? — спросилъ мастеръ, повернулся и указалъ назадъ, туда, гдѣ сооткался въ тылу недавно покинутый городъ съ монастырскими пряничными башнями, съ разбитымъ вдребезги солнцемъ въ стеклѣ.

— Тоже нѣтъ, — отвѣтилъ Воландъ, и голосъ его сгустился и потекъ надъ скалами, — романтической мастеръ! Тотъ, кого такъ жаждетъ видѣть выдуманный вами герой, котораго вы сами только что отпустили, прочелъ вашъ романъ. — Тутъ Воландъ повернулся къ Маргаритѣ: — Маргарита Николаевна! Нельзя не повѣрить въ то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вамъ, и то, о чемъ просилъ Иешуа за васъ же, за васъ, — еще лучше. Оставьте ихъ вдвоемъ, — говорилъ Воландъ, склоняясь со своего сѣдла къ сѣдлу мастера и указывая вслѣдъ ушедшему прокуратору, — не будемъ имъ мѣшать. И, можетъ быть, до чего-нибудь они договорятся, — тутъ Воландъ махнулъ рукой въ сторону Ершалаима, и онъ погасъ.

— И тамъ тоже, — Воландъ указалъ въ тылъ, — что дѣлать вамъ въ подвальчикѣ? — тутъ потухло сломанное солнце въ стеклѣ. — Зачѣмъ? — продолжалъ

Воландъ убѣдительно и мягко, — о, трижды романтическій мастеръ, неужто вы не хотите днемъ гулять со своею подругой подъ вишнями, которыя начинаютъ зацвѣтать, а вечеромъ слушать музыку Шуберта? Неужели жъ вамъ не будетъ пріятно писать при свѣчахъ гусинымъ перомъ? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидѣть надъ ретортой въ надеждѣ, что вамъ удастся вылѣпить новаго гомункула? Туда, туда. Тамъ ждетъ уже васъ домъ и старый слуга, свѣчи уже горять, а скоро онѣ потухнутъ, потому что вы немедленно встрѣтите разсвѣтъ. По этой дорогѣ, мастеръ, по этой. Прощайте! Мнѣ пора.

— Прощайте! — однимъ крикомъ отвѣтили Воланду Маргарита и мастеръ. Тогда черный Воландъ, не разбирая никакой дороги, кинулся въ провалъ, и вслѣдъ за нимъ, шумя, обрушилась его свита. Ни скаль, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокругъ. Пропали и черные кони. Мастеръ и Маргарита увидѣли обѣщанный разсвѣтъ. Онъ начинался тутъ же, непосредственно послѣ полуночной луны. Мастеръ шель со своею подругой въ блескѣ первыхъ утреннихъ лучей черезъ каменистый мшистый мостикъ. Онъ пересѣкъ его. Ручей остался позади вѣрныхъ любовниковъ, и они шли по песчаной дорогѣ.

— Слушай беззвучіе, — говорила Маргарита мастеру, и песокъ шуршалъ подъ ея босыми ногами, — слушай и наслаждайся тѣмъ, чего тебѣ не давали въ жизни, — тишиной. Смотри, вонъ впереди твой вѣчный домъ, который тебѣ дали въ награду. Я уже вижу венеціанское окно и вьющійся виноградъ, онъ подымается къ самой крышѣ. Вотъ твой домъ, вотъ твой вѣчный домъ. Я знаю, что вечеромъ къ тебѣ придутъ тѣ, кого ты любишь, къмъ ты интересуешься и кто тебя не встревожитъ. Они будутъ тебѣ играть, они будутъ пѣть тебѣ, ты увидишь, какой свѣтъ въ комнатѣ, когда горять

свѣчи. Ты будешь засыпать, надѣвши свой засаленный и вѣчный колпакъ, ты будешь засыпать съ улыбкой на губахъ. Сонъ укрѣпитъ тебя, ты станешь разсуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумѣешь. Беречь твой сонъ буду я.

Такъ говорила Маргарита, идя съ мастеромъ по направленію къ вѣчному ихъ дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся такъ же, какъ струился и шепталъ оставленный позади ручей, и память мастера, безпокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускалъ на свободу мастера, какъ самъ онъ только что отпустилъ имъ созданнаго героя. Этотъ герой ушелъ въ бездну, ушелъ безвозвратно, прощенный въ ночь на воскресеньѣ сынъ короля-звѣздочета, жестокій пятый прокураторъ Іудеи, всадникъ Понтій Пилатъ.

Эпилогъ

Но все-таки, что же было дальше-то въ Москвѣ послѣ того, какъ въ субботній вечеръ на закатѣ Воландъ покинулъ столицу, исчезнувъ вмѣстѣ со своей свитой съ Воробьевыхъ горъ?

О томъ, что въ теченіе долгаго времени по всей столицѣ шель тяжелый гулъ самыхъ невѣроятныхъ слуховъ, очень быстро перекинувшихся и въ отдаленныя и глухія мѣста провинціи, и говорить не приходится, и слухи эти даже тошно повторять.

Пишущій эти правдивыя строки самъ лично, направляясь въ Феодосію, слышалъ въ поѣздѣ рассказъ о томъ, какъ въ Москвѣ двѣ тысячи человѣкъ вышли изъ театра нагишомъ въ буквальномъ смыслѣ слова и въ такомъ видѣ разъѣхались по домамъ въ таксомоторахъ.

Шепотъ «нечистая сила...» слышался въ очередяхъ, стоявшихъ у молочныхъ, въ трамваяхъ, въ магазинахъ, въ квартирахъ, въ кухняхъ, въ поѣздахъ, и дачныхъ и дальняго слѣдованія, на станціяхъ и полустанкахъ, на дачахъ и на пляжахъ.

Наиболѣе развитые и культурные люди въ этихъ разказахъ о нечистой силѣ, навѣстившей столицу, разумѣется, никакого участія не принимали и даже смѣялись надъ ними и пытались рассказчиковъ образумить. Но фактъ все-таки остается фактомъ, и отмахнуться отъ него безъ объясненій никакъ нельзя: кто-то побывалъ въ столицѣ. Ужъ одни угольки, оставшіеся отъ Грибоѣдова, да и многое другое слишкомъ краснорѣчиво это подтверждали.

Культурные люди стали на точку зрѣнія слѣдствія: работала шайка гипнотизеровъ и чревоушчателей, великолѣпно владѣющая своимъ искусствомъ.

Мѣры къ ее поимкѣ, какъ въ Москвѣ, такъ и за

предѣлами ея далеко, были, конечно, приняты немедленные и энергичные, но, къ великому сожалѣнію, результатовъ не дали. Именующей себя Воландомъ со всѣми своими присными исчезъ и ни въ Москву болѣе не возвращался и нигдѣ вообще не появился и ничѣмъ себя не проявилъ. Совершенно естественно, что возникло предположеніе о томъ, что онъ бѣжалъ за границу, но и тамъ нигдѣ онъ не обозначился.

Слѣдствіе по его дѣлу продолжалось долго. Вѣдь какъ-никакъ, а дѣло это было чудовищно! Не говоря уже о четырехъ сожженныхъ домахъ и о сотняхъ сведенныхъ съ ума людей, были и убитые. О двухъ это можно сказать точно: о Берлиозѣ и объ этомъ несчастномъ служащемъ въ бюро по ознакомленію иностранцевъ съ достопримѣчательностями Москвы, бывшемъ баронѣ Майгелѣ. Вѣдь они-то были убиты. Обгорѣвшія кости второго были обнаружены въ квартирѣ № 50 по Садовой улицѣ, послѣ того какъ потушили пожаръ. Да, были жертвы, и эти жертвы требовали слѣдствія.

Но были и еще жертвы, и уже послѣ того, какъ Воландъ покинулъ столицу, и этими жертвами стали, какъ это ни грустно, черные коты.

Штукъ сто примѣрно этихъ мирныхъ, преданныхъ человѣку и полезныхъ ему животныхъ были застрѣлены или истреблены иными способами въ разныхъ мѣстахъ страны. Десятка полтора котовъ, иногда въ сильно изуродованномъ видѣ, были доставлены въ отдѣленія милиціи въ разныхъ городахъ. Напримѣръ, въ Армавирѣ одинъ изъ ни въ чемъ не повинныхъ котовъ былъ приведенъ какимъ-то гражданиномъ въ милицію со связанными передними лапами.

Подкараулилъ этого кота гражданинъ въ тотъ моментъ, когда животное съ вороватымъ видомъ (что же подѣлаешь, что у котовъ такой видъ? Это не оттого, что

они порочны, а оттого, что они боятся, чтобы кто-либо изъ существъ болѣе сильныхъ, чѣмъ они, — собаки и люди, — не причинили имъ какой-нибудь вредъ или обиду. И то и другое очень нетрудно, но чести въ этомъ, увѣряю, нѣтъ никакой. Да, нѣтъ никакой!), да, такъ съ вороватымъ видомъ котъ собирался устремиться зачѣмъ-то въ лопухи.

Навалившись на кота и срывая съ шеи галстукъ, чтобы вязать его, гражданинъ ядовито и угрожающе бормоталъ:

— Ага! Стало быть, теперь къ намъ, въ Армавиръ, пожаловали, господинъ гипнотизеръ? Ну, здѣсь васъ не испугались. Да вы не притворяйтесь нѣмымъ. Намъ уже понятно, что вы за гусь!

Вель кота въ милицію гражданинъ, таща бѣднаго звѣря за переднія лапы, скрученныя зеленымъ галстукомъ, и добиваясь легкими пинками, чтобы котъ непременно шелъ на заднихъ лапахъ.

— Вы, — кричалъ гражданинъ, сопровождаемый свистящими мальчишками, — бросьте, бросьте дурака валять! Не выйдетъ это! Извольте ходить, какъ всѣ ходятъ!

Черный котъ только заводилъ мученическіе глаза. Лишенный природой дара слова, онъ ни въ чемъ не могъ оправдаться. Спасеніемъ своимъ бѣдный звѣрь обязанъ въ первую очередь милиціи, а кромѣ того, своей хозяйкѣ, почтенной старушкѣ-вдовѣ. Лишь только котъ былъ доставленъ въ отдѣленіе, тамъ убѣдились, что отъ гражданина сильнѣйшимъ образомъ пахнетъ спиртомъ, вслѣдствіе чего въ показаніяхъ его тотчасъ же усомнились. А тѣмъ временемъ старушка, узнавая отъ сосѣдей, что ея кота замели, кинулась бѣжать въ отдѣленіе и поспѣла вовремя. Она дала самыя лестныя рекомендаціи коту, объяснила, что знаетъ его пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ котенкомъ, ручается за

него, какъ за самое себя, доказала, что онъ ни въ чемъ плохомъ не замѣченъ и никогда не ѣздилъ въ Москву. Какъ онъ родился въ Армавирѣ, такъ въ немъ и выросъ и учился ловить мышей.

Котъ былъ развязанъ и возвращенъ владѣлицѣ, хлебнувъ, правда, горя, узнавъ на практикѣ, что такое ошибка и клевета.

Кромѣ котовъ, нѣкоторыя незначительныя непріятности постигли кое-кого изъ людей. Произошло нѣсколько арестовъ. Въ числѣ другихъ задержанными на короткое время оказались: въ Ленинградѣ — граждане Вольманъ и Вольперъ, въ Саратовѣ, Кіевѣ и Харьковѣ — трое Володиныхъ, въ Казани — Волохъ, а въ Пензѣ, и ужъ совершенно неизвѣстно почему, — кандидатъ химическихъ наукъ Ветчинкевичъ... Правда, тотъ былъ огромнаго роста, очень смуглый брюнетъ.

Попались въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ того, девять Коровиныхъ, четыре Коровкина и двое Караваевыхъ.

Нѣкоего гражданина сняли съ севастопольскаго поѣзда связаннымъ на станціи Бѣлгородъ. Гражданинъ этотъ вздумалъ развлечь ѣдущихъ съ нимъ пассажировъ карточными фокусами.

Въ Ярославлѣ, какъ разъ въ обѣденную пору, въ ресторанъ явился гражданинъ съ примусомъ въ рукахъ, который онъ только что взялъ изъ починки. Двое швейцаровъ, лишь только увидѣли его, бросили свои посты въ раздѣвалкѣ и бѣжали, а за ними бѣжали изъ ресторана всѣ посѣтители и служащіе. При этомъ у кассирши непонятнымъ образомъ пропала вся выручка.

Было еще многое, всего не вспомнишь. Было большое броженіе умовъ.

Еще и еще разъ нужно отдать справедливость слѣдствію. Все было сдѣлано не только для того, чтобы поймать преступниковъ, но и для того, чтобы объяснить

все то, что они натворили. И все это было объяснено, и объясненія эти нельзя не признать и толковыми и неопровержимыми.

Представители слѣдствія и опытные психіатры установили, что члены преступной шайки или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ (преимущественно подозрѣніе въ этомъ падало на Коровьева) являлись невиданной силы гипнотизерами, могущими показывать себя не въ томъ мѣстѣ, гдѣ они на самомъ дѣлѣ находились, а на позиціяхъ мнимыхъ, смѣщенныхъ. Помимо этого, они свободно внушали столкнувшимся съ ними, что нѣкіе вещи или люди находятся тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ихъ не было, и наоборотъ, удаляли изъ поля зрѣнія тѣ вещи или людей, которые дѣйствительно въ этомъ полѣ зрѣнія имѣлись.

Въ свѣтѣ такихъ объясненій рѣшительно все понятно, и даже наиболѣе волновавшая гражданъ, ничѣмъ, казалось бы, не объяснимая неуязвимость кота, обстрѣляннаго въ квартирѣ № 50, при попыткахъ взять его подъ стражу.

Никакого кота на люстрѣ, натурально, не было, никто и не думалъ отстрѣливаться, стрѣляли по пустому мѣсту, въ то время какъ Коровьевъ, внушившій, что котъ безобразничаетъ на люстрѣ, могъ свободно находиться за спиной стрѣлявшихъ, кривляясь и наслаждаясь своею громадною, но преступно использованною способностью внушать. Онъ же, конечно, и поджегъ квартиру, разливъ бензинъ.

Ни въ какую Ялту, конечно, Степа Лиходѣевъ не улеталъ (это не подъ силу даже Коровьеву) и телеграммъ оттуда не посылалъ. Послѣ того, какъ онъ упалъ въ обморокъ въ ювелиршиной квартирѣ, испуганный фокусомъ Коровьева, показавшаго ему кота съ маринованнымъ грибомъ на вилкѣ, онъ пролежалъ въ ней до тѣхъ поръ, пока Коровьевъ, издѣваясь надъ нимъ,

не напялил на него войлочную шляпу и не отправилъ его на московскій аэродромъ, внушивъ предварительно встрѣчавшимъ Степу представителямъ угрозыска, что Степа выльзетъ изъ аэроплана, прилетѣвшаго изъ Севастополя.

Правда, угрозыскъ Ялты утверждалъ, что онъ принималъ босого Степу и телеграммы насчетъ Степы въ Москву слалъ, но ни одной копіи этихъ телеграммъ въ дѣлахъ никакъ не обнаружилось, изъ чего былъ сдѣланъ печальный, но совершенно несокрушимый выводъ, что гипнотизерская банда обладаетъ способностью гипнотизировать на громадномъ разстояніи, и притомъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя группы ихъ. При этихъ условіяхъ преступники могли свести съ ума людей съ самой стойкой психической организаціей.

Что тамъ говорить о такихъ пустякахъ, какъ колода картъ въ чужомъ карманѣ въ партерѣ, или исчезнувшія дамскія платья, или мяукающій беретъ и прочее въ этомъ же родѣ! Такіе штуки можетъ отколоть любой профессиональ-гипнотизеръ средней силы, въ томъ числѣ и нехитрый фокусъ съ оторваніемъ головы у конференсье. Говорящій котъ — тоже сущій вздоръ. Для того, чтобы предъявить людямъ такого кота, достаточно владѣть первыми основами чревовѣщанія, а врядъ ли кто-нибудь усомнится въ томъ, что искусство Коровьева шло значительно дальше этихъ основъ.

Да, дѣло тутъ вовсе не въ колодахъ, фальшивыхъ письмахъ въ портфель Никанора Ивановича. Это все пустяки. Это онъ, Коровьевъ, погналъ подъ трамвай Берліоза на вѣрную смерть. Это онъ свелъ съ ума бѣднаго поэта Ивана Бездомнаго, онъ заставлялъ его грезить и видѣть въ мучительныхъ снахъ древній Ершалаимъ и сожженную солнцемъ безводную Лысую Гору съ тремя повѣшенными на столбахъ. Это онъ и его шайка заставили исчезнуть изъ Москвы

Маргариту Николаевну и ея домработницу Наташу. Кстати: этимъ дѣломъ слѣдствіе занималось особенно внимательно. Требовалось выяснить, были ли похищены эти женщины шайкой убійцъ и поджигателей или же бѣжали вмѣстѣ съ преступной компаніей добровольно? Основываясь на нелѣпыхъ и путаныхъ показаніяхъ Николая Ивановича и принявъ во вниманіе странную и безумную записку Маргариты Николаевны, оставленную мужу, записку, въ которой она пишетъ, что уходитъ въ вѣдъмы, учтя то обстоятельство, что Наташа исчезла, оставивъ всѣ свои носильныя вещи на мѣстѣ, — слѣдствіе пришло къ заключенію, что и хозяйка и ея домработница были загипнотизированы, подобно многимъ другимъ, и въ такомъ видѣ похищены бандой. Возникла и, вѣроятно, совершенно правильная мысль, что преступниковъ привлекла красота обѣихъ женщинъ.

Но вотъ что осталось совершенно неяснымъ для слѣдствія — это побужденіе, заставившее шайку похитить душевнобольного, именующаго себя мастеромъ, изъ психіатрической клиники. Этого установить не удалось, какъ не удалось добыть и фамилію похищеннаго больного. Такъ и сгинулъ онъ навсегда подъ мертвой кличкой: «Номеръ сто восемнадцатый изъ перваго корпуса».

Итакъ, почти все объяснилось, и кончилось слѣдствіе, какъ вообще все кончается.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и граждане стали забывать и Воланда, и Коровьева, и прочихъ. Произошли многіе измѣненія въ жизни тѣхъ, кто пострадалъ отъ Воланда и его присныхъ, и какъ бы ни были мелки и незначительны эти измѣненія, все же слѣдуетъ ихъ отмѣтить.

Жоржъ, напримѣръ, Бенгальскій, проведя въ лѣчебницѣ четыре мѣсяца, поправился и вышелъ, но службу въ Варьетѣ вынужденъ былъ покинуть, и въ

самое горячее время, когда публика валомъ шла за билетами, — память о черной магіи и ее разоблаченіяхъ оказалась очень живуча. Бросилъ Бенгальскій Варьете, ибо понималъ, что представлять ежевечерне передъ двумя тысячами человѣкъ, быть неизбѣжно узнаваемымъ и безконечно подвергаться глумливымъ вопросамъ о томъ, какъ ему лучше: съ головой или безъ головы? — слишкомъ мучительно.

Да, кромѣ того, утратилъ конферансье значительную дозу своей веселости, которая столь необходима при его профессіи. Осталась у него непріятная, тягостная привычка каждую весну въ полнолуніе впадать въ тревожное состояніе, внезапно хвататься за шею, испуганно оглядываться и плакать. Припадки эти проходили, но все же при наличности ихъ прежнимъ дѣломъ нельзя было заниматься, и конферансье ушелъ на покой и началъ жить на свои сбереженія, которыхъ, по его скромному подсчету, должно было хватить ему на пятнадцать лѣтъ.

Онъ ушелъ и никогда больше не встрѣчался съ Варенухой, пріобрѣвшимъ всеобщую популярность и любовь за свою невѣроятную, даже среди театральныхъ администраторовъ, отзывчивость и вѣжливость. Контрамарочники, напрімѣръ, его иначе не называли, какъ отецъ-благодѣтель. Въ какое бы время кто бы ни позвонилъ въ Варьетѣ, всегда слышался въ трубкѣ мягкій, но грустный голосъ: «Я васъ слушаю», — а на просьбу позвать къ телефону Варенуху, тотъ же голосъ поспѣшно отвѣчалъ: «Я къ вашимъ услугамъ». Но зато и страдалъ же Иванъ Савельевичъ отъ своей вѣжливости!

Степѣ Лиходѣеву больше не приходится разговаривать по телефону въ Варьетѣ. Немедленно послѣ выхода изъ клиники, въ которой Степа провелъ восемь дней, его перебросили въ Ростовъ, гдѣ онъ получилъ назначеніе на должность завѣдующаго

большимъ гастрономическимъ магазиномъ. Ходятъ слухи, что онъ совершенно пересталъ пить портвейнъ и пьетъ только водку, настоящую на смородиновыхъ почкахъ, отчего очень поздоровѣлъ. Говорятъ, что сталъ молчаливъ и сторонится женщинъ.

Удаленіе Степана Богдановича изъ Варьетѣ не доставило Римскому той радости, о которой онъ такъ жадно мечталъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Послѣ клиники и Кисловодска старенькій-престаренькій, съ трясущейся головой, финдиректоръ подалъ заявленіе объ уходѣ изъ Варьете. Интересно, что это заявленіе привезла въ Варьетѣ супруга Римскаго. Самъ Григорій Даниловичъ не нашелъ въ себѣ силы даже днемъ побывать въ томъ зданіи, гдѣ видѣлъ онъ залитое луной треснувшее стекло въ окнѣ и длинную руку, пробирающуюся къ нижней задвижкѣ.

Уволившись изъ Варьете, финдиректоръ поступилъ въ театръ дѣтскихъ куколъ въ Замоскворѣчѣ. Въ этомъ театрѣ ему уже не пришлось сталкиваться по дѣламъ акустики съ почтеннѣйшимъ Аркадіемъ Аполлоновичемъ Семплеяровымъ. Того въ два счета перебросили въ Брянскъ и назначили завѣдующимъ грибнозаготовочнымъ пунктомъ. Ъдятъ теперь Москвичи соленые рыжики и маринованные бѣлые и не нахвалятся ими и до чрезвычайности радуются этой переброскѣ. Дѣло прошлое, и можно сказать, что не клеились у Аркадія Аполлоновича дѣла съ акустикой, и сколько ни старался онъ улучшить ее, она какая была, такая и осталась.

Къ числу лицъ, порвавшихъ съ театромъ, помимо Аркадія Аполлоновича, надлежитъ отнести и Никанора Ивановича Босого, хоть тотъ и не былъ ничѣмъ связанъ съ театрами, кромѣ любви къ даровымъ билетамъ. Никаноръ Ивановичъ не только не ходитъ ни въ какой театръ ни за деньги, ни даромъ, но даже

мѣняется въ лицѣ при всякомъ театральномъ разговорѣ. Въ не меньшей, а въ большей степени возненавидѣлъ онъ, помимо театра, поэта Пушкина и талантливаго артиста Савву Потаповича Куролесова. Того — до такой степени, что въ прошломъ году, увидѣвъ въ газетѣ окаймленное чернымъ объявленіе въ томъ, что Савву Потаповича въ самый расцвѣтъ его карьеры хватилъ ударъ, — Никаноръ Ивановичъ побагровѣлъ до того, что самъ чуть не отправился вслѣдъ за Саввой Потаповичемъ, и взревѣлъ: «Такъ ему и надо!» Болѣе того, въ тотъ же вечеръ Никаноръ Ивановичъ, на котораго смерть популярнаго артиста навѣяла массу тягостныхъ воспоминаній, одинъ, въ компаніи только съ полной луной, освѣщающей Садовую, напился до ужаса. И съ каждой рюмкой удлинялась передъ нимъ проклятая цѣпь ненавистныхъ фигуръ, и были въ этой цѣпи и Дунчиль Сергѣй Герардовичъ, и красotka Ида Геркуларовна, и тотъ рыжій владѣлецъ бойцовыхъ гусей, и откровенный Канавкинъ Николай.

Ну, а съ тѣми-то что же случилось? Помилуйте! Ровно ничего съ ними не случилось, да и случиться не можетъ, ибо никогда въ дѣйствительности не было ихъ, какъ не было и симпатичнаго артиста-конферансье, и самого театра, и старой сквалыги пороховниковой тетки, гноющей валюту въ погребѣ, и ужъ, конечно, золотыхъ трубъ не было и наглыхъ поваровъ. Все это только снилось Никанору Ивановичу подъ вліяніемъ поганца Коровьева. Единственный живой, влетѣвшій въ этотъ сонъ, именно и былъ Савва Потаповичъ — артистъ, и ввязался онъ въ это только потому, что врѣзался въ память Никанору Ивановичу благодаря своимъ частымъ выступленіямъ по радіо. Онъ былъ, а остальныхъ не было.

Такъ, можетъ быть, не было и Алоизія Могарыча? О, нѣтъ! Этотъ не только былъ, но и сейчасъ

существуетъ, и именно въ той должности, отъ которой отказался Римскій, то есть въ должности финдиректора Варьете.

Опомнившись, примѣрно черезъ сутки послѣ визита къ Воланду, въ поѣздѣ, гдѣ-то подъ Вяткой, Алоизій убѣдился въ томъ, что, уѣхавъ въ помраченіи ума зачѣмъ-то изъ Москвы, онъ забылъ надѣть брюки, но зато непонятно для чего укралъ совсѣмъ ненужную ему домовую книгу застройщика. Уплативъ колоссальныя деньги проводнику, Алоизій приобрѣлъ у него старую и засаленную пару штановъ и изъ Вятки повернулъ обратно. Но домика застройщика онъ, увы, уже не нашелъ. Ветхое барахло начисто слизнуло огнемъ. Но Алоизій былъ человѣкомъ чрезвычайно предпріимчивымъ, черезъ двѣ недѣли онъ уже жилъ въ прекрасной комнатѣ въ Брюсовскомъ переулкѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже сидѣлъ въ кабинетѣ Римскаго. И какъ раньше Римскій страдалъ изъ-за Степы, такъ теперь Варенуха мучился изъ-за Алоизія. Мечтаетъ теперь Иванъ Савельевичъ только объ одномъ, чтобы этого Алоизія убрали изъ Варьете куда-нибудь съ глазъ долой, потому что, какъ шепчетъ иногда Варенуха въ интимной компаніи, «Такой сволочи, какъ этотъ Алоизій, онъ будто бы никогда не встрѣчалъ въ жизни и что будто бы отъ этого Алоизія онъ ждетъ всего, чего угодно».

Впрочемъ, можетъ быть, администраторъ и пристрастенъ. Никакихъ темныхъ дѣлъ за Алоизіемъ не замѣчено, какъ и вообще никакихъ дѣлъ, если не считать, конечно, назначенія на мѣсто буфетчика Сокова какого-то другого. Андрей же Фокичъ умеръ отъ рака печени въ клиникѣ Перваго МГУ мѣсяцевъ черезъ девять послѣ появленія Воланда въ Москвѣ...

Да, прошло нѣсколько лѣтъ, и затянулись правдиво описанныя въ этой книгѣ происшествія и угасли въ памяти. Но не у всѣхъ, но не у всѣхъ.

Каждый годъ, лишь только наступаетъ весеннее праздничное полнолуніе, подъ вечеръ появляется подъ липами на Патріаршихъ прудахъ человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати съ лишнимъ. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одѣтый человѣкъ. Это — сотрудникъ института исторіи и философіи, профессоръ Иванъ Николаевичъ Поныревъ.

Придя подъ липы, онъ всегда садится на ту самую скамейку, на которой сидѣлъ въ тотъ вечеръ, когда давно позабытый всѣми Берліозъ въ послѣдній разъ въ своей жизни видѣлъ разваливающуюся на куски луну.

Теперь она, цѣльная, въ началѣ вечера бѣлая, а затѣмъ золотая, съ темнымъ конькомъ-дракономъ, плыветъ надъ бывшимъ поэтомъ, Иваномъ Николаевичемъ, и въ то же время стоитъ на одномъ мѣстѣ въ своей высотѣ.

Ивану Николаевичу все извѣстно, онъ все знаетъ и понимаетъ. Онъ знаетъ, что въ молодости онъ сталъ жертвой преступныхъ гипнотизеровъ, лѣчился послѣ этого и вылѣчился. Но знаетъ онъ также, что кое съ чѣмъ онъ совладать не можетъ. Не можетъ онъ совладать съ этимъ весеннимъ полнолуніемъ. Лишь только оно начинаетъ приближаться, лишь только начинаетъ разрастаться и наливаться золотомъ свѣтило, которое когда-то висѣло выше двухъ пятисвѣчій, становится Иванъ Николаевичъ безпокоенъ, нервничаетъ, теряетъ аппетитъ и сонъ, дожидается, пока созрѣетъ луна. И когда наступаетъ полнолуніе, ничто не удержитъ Ивана Николаевича дома. Подъ вечеръ онъ выходитъ и идетъ на Патріаршіе пруды.

Сидя на скамейкѣ, Иванъ Николаевичъ уже

откровенно разговариваетъ самъ съ собой, курить, щурится то на луну, то на хорошо памятный ему турникетъ.

Часъ или два проводитъ такъ Иванъ Николаевичъ. Затѣмъ снимается съ мѣста и всегда по одному и тому же маршруту, черезъ Спиридоновку, съ пустыми и незрячими глазами идетъ въ Арбатскіе переулки.

Онъ проходитъ мимо нефтелавки, поворачиваетъ тамъ, гдѣ виситъ покосившійся старый газовый фонарь, и подкрадывается къ рѣшеткѣ, за которой онъ видитъ пышный, но еще не одѣтый садъ, а въ немъ — окрашенный луною съ того боку, гдѣ выступаетъ фонарь съ трехстворчатымъ окномъ, и темный съ другого — готической особнякъ.

Профессоръ не знаетъ, что влечетъ его къ рѣшеткѣ и кто живетъ въ этомъ особнякѣ, но знаетъ, что бороться ему съ собою въ полнолуніе не приходится. Кромѣ того, онъ знаетъ, что въ саду за рѣшеткой онъ неизбежно увидитъ одно и то же.

Онъ увидитъ сидящаго на скамеечкѣ пожилого и солиднаго человѣка съ бородкой, въ пенснѣ и съ чуть-чуть поросячьими чертами лица. Иванъ Николаевичъ всегда застаетъ этого обитателя особняка въ одной и той же мечтательной позѣ, со взоромъ, обращеннымъ къ лунѣ. Ивану Николаевичу извѣстно, что, полюбовавшись луной, сидящій непременно переведетъ глаза на окна фонаря и упрется въ нихъ, какъ бы ожидая, что сейчасъ они распахнутся и появится на подоконникѣ что-то необыкновенное.

Все дальнѣйшее Иванъ Николаевичъ знаетъ наизусть. Тутъ надо непременно поглубже схорониться за рѣшеткой, ибо вотъ сейчасъ сидящій начнетъ безпокойно вертѣть головой, блуждающими глазами ловить что-то въ воздухѣ, непременно восторженно

улыбаться, а затѣмъ онъ вдругъ всплеснетъ руками въ какой-то сладостной тоскѣ, а затѣмъ ужъ и просто и довольно громко будетъ бормотать:

— Венера! Венера!.. Эхъ я, дуракъ!..

— Боги, боги! — начнетъ шептать Иванъ Николаевичъ, прячась за рѣшеткой и не сводя разгорающихся глазъ съ таинственнаго неизвѣстнаго, — вотъ еще одна жертва луны... Да, это еще одна жертва, вродѣ меня.

А сидящій будетъ продолжать свои рѣчи:

— Эхъ я, дуракъ! Зачѣмъ, зачѣмъ я не улетѣлъ съ нею? Чего я испугался, старый осель! Бумажку выправилъ! Эхъ, терпи теперь, старый кретинъ!

Такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не стукнетъ въ темной части особняка окно, не появится въ немъ что-то бѣловатое и не раздастся неприятный женскій голосъ:

— Николай Ивановичъ, гдѣ вы? Что это за фантазія? Малярію хотите подцѣпить? Идите чай пить!

Тутъ, конечно, сидящій очнется и отвѣтитъ голосомъ лживымъ:

— Воздухомъ, воздухомъ хотѣлъ подышать, душенька моя! Воздухъ ужъ очень хорошъ!

И тутъ онъ поднимется со скамейки, украдкой погрозитъ кулакомъ закрывающемуся внизу окну и поплетется въ домъ.

— Лжетъ онъ, лжетъ! О, боги, какъ онъ лжетъ! — бормочетъ, уходя отъ рѣшетки, Иванъ Николаевичъ, — вовсе не воздухъ влечетъ его въ садъ, онъ что-то видитъ въ это весеннее полнолуніе на лунѣ и въ саду, въ высотѣ. Ахъ, дорого бы я далъ, чтобы проникнуть въ его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру онъ утратилъ и теперь бесплодно шарить руками въ воздухъ, ловить ее?

И возвращается домой профессоръ уже совсѣмъ больной. Его жена притворяется, что не замѣчаетъ его

состоянія, и торопитъ его ложиться спать. Но сама она не ложится и сидитъ у лампы съ книгой, смотритъ горькими глазами на спящаго. Она знаетъ, что на разсвѣтѣ Иванъ Николаевичъ проснется съ мучительнымъ крикомъ, начнетъ плакать и метаться. Поэтому и лежитъ передъ нею на скатерти подъ лампой заранѣе приготовленный шприцъ въ спирту и ампула съ жидкостью густого чайнаго цвѣта.

Бѣдная женщина, связанная съ тяжело больнымъ, теперь свободна и безъ опасеній можетъ заснуть. Иванъ Николаевичъ теперь будетъ спать до утра со счастливымъ лицомъ и видѣть неизвѣстные ей, но какіе-то возвышенные и счастливые сны.

Будить ученаго и доводить его до жалкаго крика въ ночь полнолунія одно и то же. Онъ видитъ неестественнаго безносаго палача, который, подпрыгнувъ и какъ-то ухнувъ голосомъ, колетъ копьемъ въ сердцѣ привязаннаго къ столбу и потерявшаго разумъ Гестаса. Но не столько страшенъ палачъ, сколько неестественное освѣщеніе во снѣ, происходящее отъ какой-то тучи, которая кипитъ и наваливается на землю, какъ это бываетъ только во время міровыхъ катастрофъ.

Послѣ укола все мѣняется передъ спящимъ. Отъ постели къ окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человѣкъ въ бѣломъ плащѣ съ кровавымъ подбоемъ и начинаетъ идти къ лунѣ. Рядомъ съ нимъ идетъ какой-то молодой человѣкъ въ разорванномъ хитонѣ и съ обезображеннымъ лицомъ. Идущіе о чемъ-то разговариваютъ съ жаромъ, спорятъ, хотятъ о чемъ-то договориться.

— Боги, боги, — говоритъ, обращая надменное лицо къ своему спутнику, тотъ человѣкъ въ плащѣ, — какая пошлая казнь! Но ты мнѣ, пожалуйста, скажи, —

туть лицо изъ надменнаго превращается въ умоляющее, — вѣдь ее не было! Молю тебя, скажи, не было?

— Ну, конечно не было, — отвѣчаетъ хриплымъ голосомъ спутникъ, — тебѣ это померещилось.

— И ты можешь поклясться въ этомъ? — заискивающе проситъ человѣкъ въ плащѣ.

— Клянусь, — отвѣчаетъ спутникъ, и глаза его почему-то улыбаются.

— Больше мнѣ ничего не нужно! — сорваннымъ голосомъ вскрикиваетъ человѣкъ въ плащѣ и поднимается все выше къ лунѣ, увлекая своего спутника. За ними идетъ спокойный и величественный гигантскій остроухій песъ.

Тогда лунный путь вскипаетъ, изъ него начинаетъ хлестать лунная рѣка и разливается во всѣ стороны. Луна властвуетъ и играетъ, луна танцуетъ и шалить. Тогда въ потокѣ складывается непомѣрной красоты женщина и выводитъ къ Ивану за руку пугливо озирающагося обросшаго бородой человѣка. Иванъ Николаевичъ сразу узнаетъ его. Это — номеръ сто восемнадцатый, его ночной гость. Иванъ Николаевичъ во снѣ протягиваетъ къ нему руки и жадно спрашиваетъ:

— Такъ, стало быть, этимъ и кончилось?

— Этимъ и кончилось, мой ученикъ, — отвѣчаетъ номеръ сто восемнадцатый, а женщина подходитъ къ Ивану и говоритъ:

— Конечно, этимъ. Все кончилось и все кончается... И я васъ поцѣлую въ лобъ, и все у васъ будетъ такъ, какъ надо.

Она наклоняется къ Ивану и цѣлуетъ его въ лобъ, и Иванъ тянется къ ней и всматривается въ ея глаза, но она отступаетъ, отступаетъ и уходитъ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ къ лунѣ.

Тогда луна начинаетъ неистовствовать, она обрушиваетъ потоки свѣта прямо на Ивана, она

разбрызгиваетъ свѣтъ во всѣ стороны, въ комнатѣ начинается лунное наводненіе, свѣтъ качается, поднимается выше, затопляетъ постель. Вотъ тогда и спитъ Иванъ Николаевичъ со счастливымъ лицомъ.

Наутро онъ просыпается молчаливымъ, но совершенно спокойнымъ и здоровымъ. Его исколотая память затихаетъ, и до слѣдующаго полнолунія профессора не потревожитъ никто. Ни безносый убійца Гестаса, ни жестокій пятый прокураторъ Іудеи всадникъ Понтійскій Пилать.

1929 — 1940

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
Никогда не разговаривайте съ неизвѣстными	5
Понтій Пилатъ.....	23
Седьмое доказательство	55
Погоня.....	63
Было дѣло въ Грибоѣдовѣ.....	73
Шизофренія, какъ и было сказано	89
Нехорошая квартирка	100
Поединокъ между профессоромъ и поэтомъ.....	114
Коровьевскія штуки.....	127
Вѣсти изъ Ялты.....	140
Раздвоеніе Ивана	157
Черная магія и ее разоблаченіе	162
Явленіе героя.....	182
Слава пѣтуху!.....	211
Сонъ Никанора Ивановича	225
Казнь.....	241
Безпокойный день.....	257
Неудачливые визитеры	275

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	303
Маргарита	303
Кремъ Азazelло.....	322
Полетъ	329
При свѣчахъ.....	348
Великій балъ у сатаны	366
Извлеченіе мастера	386
Какъ прокураторъ пытался спасти Іуду	418
Погребеніе	433
Конецъ квартиры № 50	463
Послѣднія походы Коровьева и Бегемота	485
Судьба мастера и Маргариты опредѣлена	502
Пора! Пора!.....	509
На Воробьевыхъ горахъ.....	525
Прощеніе и вѣчный пріютъ	530
Эпилогъ.....	539

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgram-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrova@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русского языка.

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу:
<https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на

Человѣка, добродотно дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]